

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской академии наук

Русские поэты XX века:
материалы и исследования

Анна Ахматова
(1889–1966)

Москва
Издательский центр «Азбуковник»
2021

УДК 82.94:929
ББК 84(2Рос=Рус)6
Р89

Рецензенты:

А. В. Лавров, доктор филол. наук
Н. И. Крайнева, доктор филол. наук

Редакционная коллегия:

В. Е. Багно, А. М. Грачева, Н. Ю. Грякалова, Т. В. Игошева,
К. Ю. Лаппо-Данилевский, Г. В. Петрова (отв. ред.), Ю. В. Шевчук

В оформлении обложки использован силуэт А. А. Ахматовой
работы Е. Белухи

**Русские поэты XX века: материалы и исследования. Анна Ахматова
Р89 (1889–1966) / Отв. ред. Г. В. Петрова. – М.: Азбуковник, 2021. – 472 с. : илл. 33.**

ISBN 978-5-91172-216-6
DOI 1031860/978-5-91172-216-6

В настоящий сборник научной серии «Русские поэты XX века: материалы и исследования» вошли статьи и публикации отечественных и зарубежных исследователей, посвященные широкому спектру вопросов, связанных с творческой биографией и с особенностями поэтики А. А. Ахматовой. В издании также представлен большой корпус новых биографических и творческих материалов, связанных с ее жизнью и творчеством.

Книга предназначена как для исследователей русской поэзии, так и для широкого круга читателей, интересующихся литературными судьбами XX века.

**УДК 82.94:929
ББК 84(2Рос=Рус)6**

ISBN 978-5-91172-216-6

© Коллектив авторов, 2021
© Издательский центр «Азбуковник», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7
<i>Т. Пахарева.</i> Киевский контекст поэмы Анны Ахматовой «У самого моря»	9
<i>Г. Петрова.</i> Ахматова и «Весенний салон поэтов»	20
<i>О. Рубинчик.</i> Анна Ахматова и Наталия Крандиевская: история поэтического диалога	31
<i>Т. Игошева.</i> Еще раз об А. Ахматовой и М. Зенкевиче	96
<i>А. Медведев.</i> «Розановский слой» в творчестве Анны Ахматовой. . .	108
<i>А. С. Ивинская.</i> Ахматова в литературном сознании литовской эмиграции.	122
<i>Т. Викторова.</i> Мотив Плясок Смерти в «Поэме без Героя» в свете западноевропейской культурной традиции	131
<i>Л. Кихней.</i> Театрализация как внутренняя форма «Поэмы без Героя» Анны Ахматовой	139
<i>И. Барсэл.</i> Как у Александра Блока не было романа с Ахматовой. . .	152
<i>Г. Михайлова.</i> «The still point» Анны Ахматовой. Еще раз о «Летнем саде»	178
<i>Е. Куликова.</i> Баллада об Азии (Анна Ахматова, «Из цикла “Ташкентские страницы”»)	187
<i>П. Поберезкина.</i> «Откуда музыка у нас?» (Анна Ахматова и Давид Самойлов).	197
<i>О. Рубинчик.</i> «...На память о многом»: Анна Ахматова и семья Рыбаковых	213
<i>О. И. Рыбакова.</i> <I.> Поездка Анны Андреевны Ахматовой в освобожденное Детское Село (Пушкин) с писательской бригадой в июне 1944 года; II. Анна Андреевна Ахматова в Детском Селе в 1920-е годы. <i>Подготовка текста и комментарий О. Е. Рубинчик</i>	298
<i>О. Рубинчик.</i> Телеграммы Анны Ахматовой из архива Рыбаковых .	328
<i>М. Саббатини.</i> Анна Ахматова и Джанкарло Вигорелли. О предыстории итальянской поездки 1964 года	355
<i>Р. Тименчик.</i> Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой	364

Приложение	
<i>Е. Абарова. Царскосельские «дома» Анны Ахматовой.</i>	409
Беседа Ирины Барсэл с Сергеем Дмитриевичем Умниковым, собирателем первого музея Анны Ахматовой в России. <i>Вступ. сообщение Е. В. Абаровой, расшифровка записи и подгот. текста И. П. Барсэл, коммент. Г. В. Петровой.</i>	421
Указатель имен	450

От редакции

Имя Ахматовой – одно из значительнейших и в настоящее время даже культовых поэтических имен русской литературы. Оно вплетено в перипетии культуры и истории XX века настолько плотно, что крайне редко культурно-исторические диалоги и дискуссии, в широком смысле, обходятся без упоминания о нем.

Судьбе было угодно сделать ее свидетелем и участником всех этапов развития русской литературы и истории XX века, а ее емкие художественные образы, афористические высказывания, характеристики, интерпретации – до сих пор предмет не только цитирования, но и переживания, и манящая проблема для интерпретаций.

За последние почти шестьдесят лет, с самого момента смерти Ахматовой, и в научных, и в широких читательских кругах интерес к ее творчеству и биографии неизменно растет. Однако этот процесс нередко получает и весьма сомнительные формы. Вокруг имени Ахматовой и ее судьбы продолжают складываться легенды, ее рукописи и творческие материалы иногда становятся предметом сомнительных коммерческих предприятий и спекуляций. С каждым годом все более остро встает проблема выработки академического подхода к ее творческому наследию и критического пересмотра ее творческой судьбы.

Настоящий сборник носит комплексный характер. Основу его составили статьи отечественных и зарубежных исследователей, участников юбилейной международной научной конференции «Прочтение Анны Ахматовой», организованной Музеем Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, и «Ахматовских чтений–2019» – Российской национальной библиотекой в Санкт-Петербурге 23–25 июня 2019 года. При этом в общий корпус сборника вошли также статьи и публикации, созданные непосредственно для настоящего издания ведущими ахматоведами современности.

Содержание сборника отличает тематическое и жанрово-видовое многообразие: здесь и научные публикации архивных материалов, и

аналитические биографические статьи, и литературоведческие эссе, и текстологические сообщения, и научные обзоры, и краеведческие заметки. Отдельная часть сборника – его Приложение, в состав которого вошел материал, связанный с историей становления ахматоведения в советское время.

Настоящий сборник призван отразить срез современного ахматоведения и, может быть, обозначить перспективы и новые направления его развития. Надеемся, что он послужит и формированию базы для осуществления инициированного ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН проекта подготовки нового собрания сочинений Анны Ахматовой.

Важно также отметить, что этот новый проект ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН откликается на запросы современности. Анна Ахматова – явление не только прошлого русской культуры и истории, но и современного масскультурного пространства. К сожалению, ахматовская медийность, основанная на широко распространенной мифологизации, подчас оказывается силой, формирующей искаженный «образ мира». Частью замысел составителей настоящего сборника определялся стремлением преодолеть сложившуюся ситуацию, противопоставить ей представление об ахматовском «беге времени» как явлению трагедийного порядка, или, как сказал бы «Учитель» Ахматовой, Иннокентий Анненский, «показать человечеству, насколько жизненным и высоким в общественном смысле может быть чистое искусство». ¹

Редакционная коллегия и авторы статей выражают благодарность Р. Д. Тименчику за участие в подготовке сборника, ценные замечания и дополнения.

¹ Театр Еврипида. Полный стихотворный перевод всех пьес и отрывков, дошедших до нас под этим именем. В 3 т. С двумя введениями, статьями об отдельных пьесах, объяснительным указателем и снимком с античного бюста Еврипида *И. Ф. Анненского*. Т. 1. СПб., [1906]. С. VI.

Т. Пахарева

Киев (Украина)

Киевский контекст поэмы Анны Ахматовой «У самого моря»

На первый взгляд кажется, что Киев никак не присутствует в поэме «У самого моря», ставшей, по собственному определению Ахматовой, прощанием с ее «херсонесской юностью». Запечатленные в поэме с фотографической точностью древний Херсонес и окрестности Севастополя, казалось бы, не позволяют соотносить ее художественное пространство ни с чем, кроме Крыма. Однако представляется, что крымский топоним не является в поэме единственным.

Написанию поэмы предшествовала поездка в Киев, оставившая глубокий след в памяти Ахматовой: «Летом 1914 г. я была у мамы в Дарнице, в сосновом лесу, раскаленная жара. Там, кроме меня, жила и сестра Ия Андреевна. Она ходила в другой лес, к подвижнику, и он, увидев ее, назвал Христовой невестой. (“Подошла я к сосновому лесу”). Беседы с Х. о судьбах России. Нерушимая стена св<ятой> Софии и Мих<айловский> монастырь – *ad periculum maris*, т. е. оплот борьбы с Дьяволом – и хромой Ярослав в своем византийском гробу». ¹ И далее: «Призрачный Киев. В Кирил<ловском> <монастыре> Богородица с сумасшедшими глазами. Древность Киева. <...> Мои стихи о Софии. Клятва. Место, где дана клятва, тем самым – священо навсегда». ² В Киеве в эти дни были написаны стихотворения «Древний город словно вымер...», «Моей сестре» («Подошла я к сосновому лесу...»), «Лучше б мне частушки задорно выкликать...», к которым примыкают, образуя условный «Киевский цикл», написанные не в Киеве, но связанные с поездкой 1914 года «И в Киевском храме Премудрости Бога...» и «Справа Днепр, а слева клены...». Резюмирует разрозненные и частично повторяющиеся в разновременных заметках воспоминания Ахматовой об этой поездке запись: «Дни, исполненные такой гармонии, которая, уйдя, ко мне так и не вернулась». ³

В этих поздних записях, в сущности, обозначены мотивы, которые встраивают пространство Киева в поэтический универсум Ахматовой: это мотивы «судеб России» и личной судьбы (в том числе с сюжетным элементом предсказания), «православного храма» и «древнего (вымершего, пустынного) города». Они же связывают киевский топос и поэму «У самого моря», которая множеством интертекстуальных нитей скреплена и с киевскими стихами Ахматовой, и с другими текстами – как выводящими на киевский контекст, так и вновь размыкающими его в бесконечность культурно-исторического пространства. И чаще всего и актуализация киевского смыслового плана в поэме, и его размыкание в макромир ахматовской поэзии и далее в «мировой поэтический текст» осуществляются через механизм цитирования (смыслообразующую работу цитаты в киевских стихах Ахматовой исследовал Р. Д. Тименчик в статьях, посвященных стихотворениям «И в киевском храме Премудрости Бога...» и «Древний город словно вымер...»⁴).

Первой точкой приближения к киевскому контексту в поэме является мотив «древнего пустынного города». Таким городом в стихотворении «Древний город словно вымер...» предстает Киев, а в поэме – «пустынная, мертвая Корсунь». Это единственный раз в тексте, когда Херсонес назван своим древнерусским именем – так, как его фиксируют памятники киево-русской эпохи, и прежде всего «Слово о полку Игореве»: «...велить [Див] послушати земли незнаемѣ, Вльзѣ, и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, тьмутораканьскій блъванъ».⁵ Поэтому не выглядит случайным и то, что именно во фрагменте, где Херсонес обозначен как Корсунь, в поэму вводят-ся аллюзии на «Слово о полку...»:

А тайная боль разлуки
Застонала белою чайкой
Над серой полынной степью,
Над пустынной, мертвой Корсунью.⁶

В «Слове...», с его обилием зооморфных и орнитологических метафор, и крики птиц постоянно сигнализируют обо всех перипетиях Игорева похода, и Ярославна, выплакивая свою «боль разлуки», уподобляет себя пусть не чайке, но «зегзице». Смена же морско-

го пейзажа на «серую полынную степь» в процитированном отрывке становится маркером перехода от моря вглубь, в степные просторы, аналогичные тем, на которых разворачивалась драма киевского князя. С контекстом «Слова о полку...» в таком случае можно связать и мотив «тонкого сна», которым предсказана трагедия и в древнерусском памятнике, и в поэме Ахматовой. А князь Святослав, который видел «въ Киеве на горахъ» свой «мутень сонъ», напомнил Ахматовой о себе во время пребывания в Киеве летом 1914 года, когда она впервые побывала в Кирилловской церкви, где он похоронен.⁷

Со «Словом о полку...» ассоциируется в ахматовской поэме и своеобразная символика солнца. Оба имеющиеся в тексте упоминания солнца изображают светило как померкшее, не светящее ярко, а кроме того, содержат мотив его «низвержения» с неба: «Дымное солнце упало в море» (3, 10); «Солнце лежало на дне колодца» (3, 14). Солнце «гибнет» в поэме так же, как погибает царевич – оно тонет, и вполне можно предположить, что в символике поэмы солнце является символом царевича,⁸ а исчезновение солнца в воде играет роль недоброго знака, предвещающего смерть царевича. Такое прочтение символики солнца в поэме Ахматовой, естественно, вновь выводит на «Слово о полку Игореве», где и князь Игорь прямо уподоблен солнцу в финале («Солнце светится на небесе, – Игорь князь въ Руской земли»⁹), и потемневшее от затмения солнце в начале его похода становится вестником близящейся беды. Эта переключка представляется тем более неслучайной, что летом 1914 года коллизия солнечного затмения в «Слове...» актуализировалась – 8 июля было зафиксировано полное солнечное затмение (его даже успели снять на киноплёнку¹⁰), неявным откликом на которое, возможно, является и строка из стихотворения Ахматовой «Тот август, как желтое пламя...»: «Кто солнце на землю низвел?» (1, 248).

Вместе с тем нужно отметить, что киевский топос в «У самого моря», конечно, намечен лишь косвенно и разомкнут в более широкий контекст, который можно было бы обозначить формулой Л. Н. Гумилева – «Древняя Русь и Великая степь». «Серая полынная степь» в поэме является пространством тревоги, разлуки. И в этом смысле хронотоп поэмы начинает ощутимо резонировать со стихами А. Блока из цикла «На поле Куликовом», где так же, как в «Слове...» и в ахматовской поэме, крики птиц играют роль и добрых, и

зловещих знаков («плеск и трубы лебедей»,¹¹ «орлий клекот над татарским станом»¹² и т. д.), а «путь – степной..., путь – в тоске безбрежной»¹³ осознается как неизбежность. Образ пути через степь возникает и в ахматовской поэме, когда героиня в роковое утро гибели царевича, отправляясь к морю, говорит: «Пусть он меня в степи нагонит» (3,13). А сам сюжет о песне, которую обязательно услышит царевич, резонирует со строками блоковского стихотворения «В ночь, когда Мамай залег с ордою...»:

Перед Доном темным и зловещим,
Средь ночных полей,
Слышал я твой голос сердцем вещим
В криках лебедей.¹⁴

Неточной цитатой из входящего в тот же блоковский цикл стихотворения «Мы, сам-друг, над степью в полночь стали...» подписал свою фотографию на память Ахматовой, уходя на войну, Н. Гумилев:

«Анне Ахматовой
Я не первый воин, не последний,
Долго будет родина больна...
Помяни ж за раннею обедней,
Мила-друга, тихая жена.

А. Блок
8 октября 1914 г. <...>».¹⁵

Поэтому можно констатировать, что киево-русский контекст поэмы Ахматовой, актуализированный аллюзиями на «Слово о полку Игореве», преломляясь сквозь историсофские стихи Блока из цикла «На поле Куликовом», создает сложный лиро-эпический хронотоп, но отметим, что в биографическом плане этот хронотоп вновь возвращает к Киеву – к разговорам «о судьбах России», которые вела Ахматова с Н. Недоброво среди киевских древностей летом 1914 года.

Однако не до конца ясной представляется связь киевского пространства в художественном мире стихов Ахматовой этого периода с Блоком. На наличие такой связи указывают не только выявленные реминисценции, но и контекстное окружение цитированных выше ахматовских воспоминаний о поездке в Киев летом 1914 года – боль-

шая часть этих заметок помечена Ахматовой как нечто, относящееся к Блоку,¹⁶ так же, как и стихотворение «И в киевском храме Премудрости Бога...», цитируемое в ахматовской записи в варианте:

И в киевском храме Премудрости Бога,
Упав на колени, тебе я клялась,
Что будет твоею моя дорога,
Где бы она ни вилась.¹⁷

Комментируя соотношенность киевских впечатлений Ахматовой лета 1914 года с Блоком, В. Мусатов пишет: «Блок был тем, за кого она чувствовала необходимость молиться в Киевской Софии и кто заставил ее столь остро почувствовать символику обрыва, над которым возвышался древний Михайловский монастырь».¹⁸ Разделяя логику исследователя, опирающуюся не только на биографический, но, в первую очередь, на творческий контекст, продолжим поиск ответа на вопрос, почему именно Блок стоит за метафизическими рефлексиями по поводу киевских святынь, и как этот комплекс переживаний отражен в блоковском интертекстуальном слое поэмы «У самого моря».

В целом сам этот комплекс можно ассоциировать с мотивами судьбы, пути, предопределения, связав их с ситуацией драматичного, чтобы не сказать рокового, выбора. Во всех киевских стихотворениях Ахматовой звучат эти мотивы. Клятву, «что будет моею твоя дорога, / Где бы она ни вилась» (1, 190), дает героиня стихотворения «И в киевском храме Премудрости Бога...»; об окончании «жертвенного и славного» (1, 189) пути говорится в «Древний город словно вымер...»; путь «без котомки, без ребенка, даже без клюки» проделывает героиня «Справа Днепр, а слева клены...», причем сопровождает ее «лишь голос звонкий / Ласковой тоски» (1, 191), так что вместе стихи киевского цикла и «У самого моря» создают еще и выразительный ряд персонификаций внутренних состояний тревоги, тоски, боли разлуки (кстати, эти персонификации вновь отзываются «Словом о полку Игореве», с его «девой-обидой»: «Встала Обида въ силахъ Дажь-божа внука, вступила девою на землю Трояню»¹⁹): «голос ласковой тоски»; «тайная боль разлуки / Застонала белою чайкой» (3, 9); «голос тревоги твоей» (1, 190). О том, что тревога в

стихах Ахматовой часто связана с блоковским контекстом, уже много писали, опираясь на ахматовскую надпись на подаренном Блоку экземпляре поэмы «У самого моря»: «От тебя приходила ко мне тревога / И уменье писать стихи», поэтому не только мотив пути, но и тревога дополнительно актуализирует здесь блоковское присутствие.

В цикле А. Блока «На поле Куликовом» эти мотивы воплощены с предельной выразительностью, причем измерения личной и общенациональной, исторической судьбы скоррелированы здесь так, как это свойственно поэзии Блока в целом и как это будет усвоено и ахматовской поэзией уже с лета 1914 года. Именно поэтому контекст данного цикла мы рассмотрели как приоритетный. Но также актуальным блоковским текстом, через диалог с которым углубляется в ахматовской поэме постановка проблем пути, судьбы, экзистенциального выбора, как представляется, может быть и «Песня Судьбы». В сущности, именно «песню судьбы» слагает героиня поэмы, чтобы по ней быть узнанной царевичем (к этому интертексту в его перспективном развертывании можно присоединить еще и редакцию «Пятистопных ямбов» Н. Гумилева 1915 года, где в звуках войны герой «вдруг услышал песнь моей судьбы»²⁰). Да и сюжет ахматовской «сказки» уже намечен блоковской Фаиной: «А хорошая сказка: как весна была, ветер плакал, а молодница на берегу ждала...».²¹ Наконец, контрастная пара героинь – «светлая», религиозно просветленная Елена и «темная», роковая, но воплощающая «песню судьбы» Фаина – отзывается в близнечной паре (где «светлая» героиня носит то же имя, что и Елена у Блока) ахматовской поэмы и открывает парадигму двойников-антиподов ахматовской поэзии вплоть до драмы «Энума элиш», буквально наводненной блоковскими реминисценциями.

О присутствии «Песни судьбы» в активном слое ахматовской памяти в период работы над поэмой косвенно свидетельствует также значимая отсылка к этой драме в стихотворении «Белый дом», написанном в июле 1914 года, где белый дом героини, увитый «вечным плющом», становится, как и у Блока, символом невозвратного счастливого прошлого, так что «никто не знает, / Что белого дома нет» (1, 201) – и эти финальные строки стихотворения перекликаются с репликой блоковского монаха: «Белого дома больше не будет...»²²

(возможно, аллюзией на этот же образ белого дома из «Песни судьбы» является и начальная строка стихотворения 1913 года «Твой белый дом и тихий сад оставлю...»).

Аналогичным свидетельством присутствия «Песни судьбы» в актуальной памяти Ахматовой в 1914 году можно считать и стихотворение «Лучше б мне частушки задорно выкликать...» (написано в июле 1914 года в Дарнице), которое своей фольклорной стилистикой не только отсылает к изначально присутствовавшей в ахматовской поэзии фольклористической составляющей, но и апеллирует к соответствующему пласту «Песни судьбы» и к образу Фаины. Прямыми переключками с блоковской драмой можно считать в этом стихотворении строки: «И уйдя, обнявшись, на ночь за овсы, / Потерять бы ленту из тугой косы» (1, 188). Первая из них звучит как образно-сюжетный парафраз куплета «Коробейников»: «Только знает ночь глубокая, / Как полладили они... / Распрямись ты, рожь высокая, / Тайну свято сохрани», – процитированного в «Песне судьбы»;²³ во второй образ потерянной ленты переключается с алой лентой для «суженого», которую бросает Фаина и находит Герман.

Реминисцентный план, связанный с Фаиной, проявляет и имплицитную «демоническую» составляющую образа «дерзкой, злой и веселой» героини поэмы, со всеми ее колдовскими способностями и губительной ролью ее песни для царевича. Связь «демонической» генеалогии ахматовской героини не только с «Песней судьбы», но и с биографической мифологией Ахматовой, посвященной Блоку, прослеживается через ее поздние заметки (а В. Мусатов в целом связывает двойственность природы лирической героини Ахматовой с ахматовским восприятием и художественным осмыслением образа Блока: «Персонаж ахматовских стихов, которого можно идентифицировать с Блоком, выявлял двойную природу – светлую, “серафическую” и темную, “демоническую”. Но ту же двойственность лирическая героиня Ахматовой ощущала и в себе самой»²⁴).

Однако демоническая ипостась ахматовской героини связана и с Киевом. Общеизвестно, что образом «киевской ведьмы» Ахматова обязана стихотворению Гумилева «Из логова змиева...», однако в ее собственной позднейшей мифологии явно улавливается желание возвести этот образ, как минимум, не только к Гумилеву, но и к Блоку: «Сегодня, через 51 г<од>, открываю “Записную книжку” Бло-

ка... и под 9 июля читаю: “Мы с мамой ездили осматривать санаторию на Подсолнечной. – Меня бес дразнит. – Анна Ахматова в почтовом поезде”...

На этом можно бы и кончить, но так как я, кажется, обещала доказать кому-то, что Блок считал меня по меньшей мере ведьмой, напомню, что в его мадригале мне..., среди черновых набросков находится такая строчка: “Кругом твердят – вы *Демон*, вы красивы...” (СПБ. 1913, дек<абрь>)²⁵ <выделено Ахматовой – Т. П.>.

Киев и Блок, таким образом, «пересекаются» в художественном сознании Ахматовой еще и по линии демонизации героини, и в «У самого моря» намечается общность между много «ведающей» и невольно несущей гибель героиней поэмы, наделенной вещей душой роковой блоковской Фаиной и созданным Гумилевым образом киевской ведьмы «из логова змиева». В каждой из героинь дерзкая веселость и обличье «забавницы, своенравницы, веселой птицы-певуны» – это только внешний слой, за которым кроются «тайная боль» души, знающей о собственной гибельной природе, трагические предчувствия и рожденная ими вещая тревога.

Таким образом, киевские стихи и поэма «У самого моря» связываются в единый смысловой комплекс «судьба – путь – предопределение (предвестие, предсказание, предчувствие)» с помощью сквозных блоковских реминисценций.

Если же обратиться к киевским реалиям в связи с ахматовской первой поэмой, то их эхо можно уловить в сюжетной линии сестры-близнеца. Исследователями давно замечено, что образ Лены в «У самого моря» соотносится с образом сестры Ахматовой Ии, которую летом 1914 года киевский подвижник назвал «Христовой невестой» и которая является прототипом героини стихотворения «Подошла я к сосновому лесу...», написанного в Киеве в эти же дни. Несомненно, что линия «Христовой невесты» по прямой восходит к этому прототипу.²⁶ Но мотив вышивания плащаницы позволяет увидеть за образом сестры, как это и бывает с «прототипами» ахматовской поэзии, еще и другие фигуры.

Более отдаленная – это кузина Ахматовой Мария Змунчилла, о которой Ахматова пишет С. фон Штейну 13 марта 1907 года: «Сестра вышивает ковер, а я читаю ей вслух французские романы или Ал. Блока. У нее к нему какая-то особенная нежность. Она прямо

боготворит его и говорит, что у нее вторая половина его души». ²⁷ Как видно из процитированного фрагмента, здесь уже есть едва уловимые предвестия будущей поэмы – и в «близичной» теме, и в образе вышивающей девушки. Более же явственная, хоть и недоказуемая фактически перекличка с киевскими реалиями и персонажами возникает из сочетания имени «Лена» и плащаницы, которую она вышивает: в киевском Владимирском соборе в те годы, когда Ахматова жила в Киеве, а потом туда наезжала, хранилась знаменитая реликвия – плащаница, вышитая с необыкновенным мастерством по эскизу В. М. Васнецова Еленой Адриановной Праховой, дочерью той самой Эмилии Львовны Праховой, с которой Врубель написал для Кирилловской церкви образ Богородицы «с безумными глазами», так поразивший Ахматову летом 1914 года. На плащанице Елены Праховой можно найти, например, такую деталь, как слезы из жемчуга, о нехватке которого «для слёз» даже во сне переживает сестра Лена в ахматовской поэме. Кроме того, с образностью и ахматовской поэмы, и «Слова о полку Игореве» плащаницу Праховой связывает образ померкшего солнца («Кромѣ фигуры Христа, мирно покоящагося на смертномъ одрѣ, на Плащаницѣ изображены фигуры Богоматери, Маріи Магдалины, Маріи Клеоповой, Іосифа Аримафейскаго, Никодима и евангелистовъ. Надъ всей этой группой – виолеемская звѣзда, померкшее солнце, Голгоѳа»²⁸). Свидетельств знания Ахматовой об этой реликвии Владимирского собора нам пока не встретилось, но косвенно можно допустить такую возможность не только потому, что Ахматова, несомненно, бывала во Владимирском соборе, но и потому, что через М. Змунчиллу и ее подругу А. Экстер (как известно, Экстер даже написала портрет Ахматовой, считающийся утерянным, а та, в свою очередь, посвятила Экстер стихотворение 1911 года «Старый портрет») она знала киевскую художественную среду, соприкасаясь с которой невозможно было не узнать и о семье Праховых.

Наконец, самая общая связь с Владимирским собором Киева пролегает в поэме и через образ церкви: собор в Херсонесе, так же, как и в Киеве, посвящен св. Владимиру, фигура которого априори связывает пространство Корсуни, где он принял крещение, и Киева, который он крестил (заметим, что оба храма строились синхронно в 1860–1880-х годах в одном и том же неовизантийском стиле, так что,

глядя на один из них, невозможно не вспомнить другой). С церквями Киева связана в поэме и звуковая переключка: в своих автобиографических заметках Ахматова пишет, что лето 1914 года в Киеве запомнилось непрерывным звоном колоколов в церквях города («Очертания Мих<айловского> монастыря мне, знающей работу Сычева. И звоны, звоны, звоны!

Я знала, что есть совсем другой Киев, но я не хотела его вспоминать, мне всегда был нужен этот, таким он для меня и остался»²⁹). Поэтому и в стихах о Киеве постоянно возникает эта деталь: «И в голосе грозном софийского звона / Мне слышится голос тревоги твоей» (1, 190), «Гулом полны алтари и склепы, / И за Днепр широкий звон летит» (1, 366), «Здесь всего слышнее от Ионы / Колокольни лаврские вдали» (2, 2, 245) (об «образе киевских звонов, летящих за Днепр», в стихах Ахматовой писал Р. Д. Тименчик³⁰). В поэме такой же звон издали доносится от Херсонесского монастыря: «И приносил к нам соленый ветер / Из Херсонеса звон пасхальный» (3, 13).

Но более специфично киевский контекст раскрывается в связи с образом храма в поэме сквозь призму поздних заметок Ахматовой о Киеве: вспоминая о Михайловском монастыре как «оплоте борьбы с дьяволом», Ахматова говорит, что это храм над обрывом, над бездной, которая всегда – обиталище дьявола. Обозначая это обиталище, она употребляет латинское выражение «ad periculum maris» (см. выше), что буквально означает «опасность моря». Именно она и настигает царевича в поэме, а еще до трагедии, словно предчувствуя и стремясь избежать ее, героиня обещает Богу «строить над морем большие церкви» (3, 12), тем самым интуитивно пытаюсь противостоять «опасности моря» с помощью веры. Этот образ церквей над бездной моря также коррелирует с киевскими церквями над бездной в едином смысловом пространстве ахматовского творчества.

Все это и в прямом, и в ретроспективном, учитывающем позднейшие контексты, прочтении «У самого моря» создает подспудную, глубинно-смысловую общность киевского и крымского пространств в первой поэме Ахматовой, позволяя увидеть в ней прощание не только с «херсонесской юностью», но и с киевским периодом биографии поэта.

¹ Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). М.; Torino: Giulio Einaudi editore, 1996. С. 669.

² Там же. С. 673.

³ Там же. С. 744.

⁴ *Тименчик Р. Д.* Чужое слово у Ахматовой // Русская речь. 1989. № 3. С. 33–36; *Тименчик Р. Д.* Храм премудрости Бога: стихотворение Анны Ахматовой «Широко распахнуты ворота...» // *Slavica Hierosolymitana. The magnes press. The Hebrew University. Jerusalem.* 1981. № 5–6. С. 297–317.

⁵ Слово о полку Игореве // Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980. С. 374.

⁶ *Ахматова Анна.* Собр. соч. В 6 т. Т. 3. М., 1998. С. 9. Далее ссылки на это издание в тексте с указанием тома, книги и страницы в скобках.

⁷ См.: *Ольшанская Е. М.* Анна Ахматова в Киеве // Серебряный век. К., 1994. С. 5–27.

⁸ О символическом уподоблении героя солнцу в поэзии Ахматовой см.: *Смирнов И. П.* К изучению символики Анны Ахматовой (раннее творчество) // Поэтика и стилистика русской литературы. Л., 1971. С. 279–287.

⁹ Слово о полку Игореве. С. 386.

¹⁰ См. об этом: *Граценкова И. Н.* Кино серебряного века. Русский кинематограф 10-х годов и кинематограф Русского послеоктябрьского зарубежья 20-х годов. М., 2005. С. 114.

¹¹ *Блок А.* Полн. собр. соч. и писем. В 20 т. Т. 3. М., 1997. С. 173.

¹² Там же. С. 171.

¹³ Там же. С. 170.

¹⁴ Там же. С. 171.

¹⁵ *Лужницкий П. Н.* Встречи с Анной Ахматовой. Том II. 1926–1927. Париж; М., 1997. С. 324–325.

¹⁶ См.: Записные книжки Анны Ахматовой. С. 669, 671.

¹⁷ Там же. С. 672.

¹⁸ *Мусатов В. В.* «В то время я гостила на земле...». Лирика Анны Ахматовой. М., 2007. С. 165.

¹⁹ Слово о полку Игореве. С. 378.

²⁰ *Гумилев Н.* Полн. собр. соч. В 10 т. Т. 3. М., 1999. С. 85.

²¹ *Блок А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 6. М., 2014. С. 135.

²² Там же. С. 149.

²³ Там же. С. 158.

²⁴ *Мусатов В. В.* «В то время я гостила на земле...». С. 162.

²⁵ Записные книжки Анны Ахматовой. С. 670.

²⁶ В связи с этим стихотворением Р. Д. Тименчиком была отмечена еще одна существенная для нас переключка с Блоком: «Упомянутое стихотворение получило название “Моей сестре”, и одним из толчков к его появлению могло быть напечатанное незадолго перед тем (в четвертом номере “Ежемесячного журнала” за 1914 год, в том же номере, где помещена рецензия М. Л. Моравской на “Четки”) одноименное стихотворение Блока (“Когда мы встретились с тобой...”): “Лишь ты, сестра, твердила мне // Своей волнующей тревогой // О том, что мир – жилище Бога...”». См.: *Тименчик Р. Д.* Из именного указателя к «Записным книжкам» Анны Ахматовой. // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский науч. сб. Вып. 4. Симферополь, 2006. С. 144.

²⁷ *Ахматова Анна.* Соч. В 3 т. / Общая ред. Г. П. Струве, Н. А. Струве, Б. А. Филиппова. Т. 3. Париж, 1983. С. 332.

²⁸ *Александровский И. В.* Собор св. Владимира в Киеве. Киев, 1897. С. 68.

²⁹ Записные книжки Анны Ахматовой. С. 673.

³⁰ *Тименчик Р. Д.* Храм премудрости Бога... С. 301.

Г. Петрова
Санкт-Петербург

Ахматова и «Весенний салон поэтов»

В творческой биографии Анны Ахматовой, которая в настоящее время изучается достаточно интенсивно, остается еще немало белых пятен. Среди остающихся почти незатронутыми выделяется проблема ахматовских публикаций в периодических изданиях, альманахах, сборниках. Такого рода ахматовские публикации пока не только не осмыслены и не изучены, но не собраны и не описаны, а между тем они значимы для понимания творческой судьбы поэта. В данной статье речь пойдет о публикации стихотворений Ахматовой в литературном предприятии, названном его организаторами «Весенний салон поэтов».

Этот эпизод творческой биографии Ахматовой интересен сразу по нескольким причинам. Во-первых, он расширяет наше представление об историко-литературных связях начала XX века, во-вторых – позволяет говорить о специфике творческого метода Ахматовой. Но прежде следует несколько слов сказать о самом «салоне» и появлении в его составе ахматовских стихов.

«Весенний салон поэтов» вышел в 1918 году в Москве в издательстве «Зерна», руководил и финансировал которое поэт, критик, переводчик, меценат Михаил Осипович Цетлин.¹ Само издательство «Зерна» было задумано еще в конце 1915 года в Париже, когда вокруг супругов Цетлиных – Михаила Осиповича и Марии Самойловны складывается нечто вроде литературно-художественного салона. В этот период с Цетлиными активно общаются М. Волошин, К. Бальмонт, Б. Савинков, И. Эренбург, М. Шкапская и др. Первое упоминание об издательских планах Цетлиных обнаруживается в письме И. Г. Эренбурга к Б. В. Савинкову, написанное в 20-х числах декабря (н. ст.) 1915 года, где автор отметил: «Одна дама <...> расскажет Вам о моих визитах к Цетлину. Вчера я допивал там оставшийся после Вас ликер. Результаты следующие – издательство “Иверни” (слово извлечено, конечно, Волошиным) и издание немедленное ряда книг,

в том числе моих стихов и переводов Вийона.² Рукопись отослана, и я молюсь за цензоров и пр.»³

Особой интенсивностью деятельность издательства, которое, в конечном счете, получило название «Зерна», не отличалась. Между тем в 1916 году в издательстве вышли в свет книги И. Г. Эренбурга, о которых речь идет в письме к Б. В. Савинкову, а кроме того, книги Волошина «Anno mundi ardentis. 1915» и самого Цетлина, выступавшего в печати под псевдонимом Амари, «Глухие слова. (Стихи 1912–1913 г.)».

Во второй половине 1916–1917 года планы издательства активно обсуждаются в переписке Волошина с Цетлиными.⁴ В частности, Волошин рекомендовал издать книги М. И. Цветаевой, С. А. Есенина, В. Ф. Ходасевича, О. Э. Мандельштама. По этому поводу 28 декабря (н. ст.) 1916 года Цетлин писал Волошину: «Я еще не получил стихов Цветаевой, очень им рад. Есенин меня немного разочаровал, когда прочел его книжку. Все же он милей других поэтов этого рода <...>. Мандельштама я знаю мало. Охотно издал бы его стихи. Но он пишет мало, и, м<ожет> б<ыть>, связан с другим издательством. Есть ли сборник у Ходасевича?» (*Волошин*, 10, 535). Обсуждалось также издание «книги о художниках», «книги о русской литературе» («не включая туда поэтов»), книги «Облики Парижа» Волошина, его же перевод драмы Вилье де Лиль-Адана «Аксель» и верхарновские переводы.⁵ Планировались к изданию и переводы самого Цетлина из Шарля Пегги. Эти планы так и не были реализованы, да и самому издательству «Зерна» не суждено было выйти на широкую литературную арену. По характеру своей деятельности оно так и осталось издательством «для своих». Между тем преодолеть очевидную кулуарность и камерность издательство стремилось.

Еще в 1916 году среди издательских планов «Зерен» значится подготовка антологического сборника стихотворений молодых авторов. Над его составлением М. С. Цетлина работает в конце 1916 года, о чем свидетельствует ее письмо к Волошину из Парижа от 12 (13) ноября (н. ст.) 1916 года: «Теперь читаю русских поэтов для антологии за 16-й год, которую Миша хочет издать».⁶ Это издание было осуществлено, в библиотеке Волошина в Доме-музее в г. Коктебеле хранится экземпляр этой книги под заглавием «Салон поэтов, весенний, первый».⁷ В сборник, вышедший согласно титульному листу в

1917 году, вошли стихи Георгия Адамовича, Амари (М. О. Цетлина), Клары Арсеновой, Анны Ахматовой, К. Д. Бальмонта, Александра Блока, Валерия Брюсова, Ив. Бунина, Максимилиана Волошина, А. Герцк, Зин. Гиппиус, Н. Гумилева, С. Есенина, Вячеслава Иванова, Георгия Иванова, Е. Кузьминой-Караваевой, М. Кузмина, Константина Липскерова, О. Мандельштама, Вл. Маяковского, М. Моравской, Софии Парнок, Сергея Рафаловича, Федора Сологуба, Игоря Северянина, М. Тумповской, Владислава Ходасевича, Марины Цветаевой, Мариэты Шагинян, Н. Шапира, И. Эренбурга, Владимира Соловьева.

Все стихи, включенные в сборник, были опубликованы ранее в периодике или авторских поэтических книгах. Были представлены в нем и три лирических произведения Ахматовой: цикл «Июль 1914» (I. «Можжевелика запах сладкий...»; II. «Пахнет гарью. Четыре недели...» <именно в такой последовательности. – Г. П.>), «Утешение» («Вестей от него не получишь больше...»), впервые опубликованные в журнале «Аполлон» (1914, № 6–7), и стихотворение «Ведь где-то есть простая жизнь и свет...», впервые – «Северные записки» (1916, № 1).

Следует отметить, что сама Ахматова в описываемый период времени очень далека от круга издательства «Зерна». Появлению ее стихотворений в составе первого сборника-салона способствовало, вероятно, особое отношение к ее творчеству самого издателя Цетлина, который, откликаясь на предложение Волошина опубликовать Цветаеву, Есенина, Ходасевича и Мандельштама, писал 4 февраля (н. ст.) 1917 года: «Я еще не получил стихов М. Цветаевой и С. Есенина. Жду их с трепетом, ибо успел разочароваться в обоих. То, что печатала М. Цветаева, мне мало нравится, длинно, приблизительно внешне, импровизация <...>. И у Есенина чересчур много общего с его сотоварищем Клычковым и прочими “рыбками”. Никак не могу себя заставить полюбить Мандельштама. <...> Из “тяжести недоброй” он еще не создал “прекрасного”, да и тяжести в смысле настоящей вескости в нем мало. Есть ум и еще больше умничанья. <...> Больше чем М. Цветаеву хотелось бы мне издать Ахматову, М. Шагинян – из женщин» (Волошин, 10, 535) <курсив наш. – Г. П.>. Известно, что Цетлин-Амари был и автором приветственного критического отклика на выход в свет первой ахматовской

поэтической книги «Вечер» в 1912 году. В своих «Заметках любителя стихов» он писал об авторе «Вечера»: «...в ней чувствуется молодость. Она передает драму женской души в “Сероглазом короле”. Она в небольшом стихотворении умеет дать почувствовать и прелесть царскосельской природы и сладостное очарование Пушкина и его времени».⁸

Сборник «Весенний салон поэтов», вышедший в 1918 году, был уже вторым «антологическим предприятием» издательства «Зерна», хотя в предисловии к нему и было обозначено: «“Весенний салон поэтов” – *первый выпуск* задуманной серии сборников, цель которых – отражать движение русской поэзии» <курсив наш. – Г. П.>.⁹

В состав «Весеннего салона поэтов», кроме уже перечисленных выше авторов первого сборника-салона, вошли С. А. Абрамов, Ю. К. Балтрушайтис, С. П. Бобров, Д. Д. Бурлюк, Андрей Белый, А. П. Глоба, Рюрик Ивнев, В. Инбер, В. Каменский, Н. Клюев, Н. Крандиевская, В. Меркурьева, Б. Пастернак, Б. Савинков, С. Соловьев, Т. Чурилин, В. Шилейко. Следует отметить, что расширен был не только круг авторов, но в ряде случаев увеличен или изменен и состав стихотворений поэтов, уже представленных в «Салоне поэтов, весеннем, первом». Это касается и подборки стихотворений Ахматовой. По сравнению с предыдущей публикацией три поэтических текста из четырех предыдущего сборника-салона были повторены, один текст исключен (речь идет о стихотворении «Ведь где-то есть простая жизнь и свет...»), зато добавлены два новых стихотворения. В «Весенний салон поэтов» вошли: «Июль 1914» (I. «Можжевельника запах сладкий...»; II. «Пахнет гарью. Четыре недели...» <в такой последовательности. – Г. П.>), стихотворения «Утешение», «Тот голос, с тишиной великой споря...» и «Из памяти твоей я выну этот день...». Сразу бросается в глаза разница в организации публикации ахматовских стихотворений: в первом случае мы имеем дело с тремя лирическими произведениями между собой ни тематически, ни жанрово, ни хронологически не связанными, во втором – подборка стихотворений выглядит принципиально иначе. И этот факт неизбежно ставит вопрос об истории «участия» Ахматовой в издании «Весеннего салона поэтов».

Из переписки Волошина с Цетлиными известно, что второй сборник-салон к осени 1918 года уже издан и составлением его, как

и в первом случае, занималась Мария Самойловна. Так, в письме к ней от 2/15 сентября 1918 года из Коктебеля в Одессу, куда Цетлины прибыли из Москвы в августе 1918 года, Волошин писал: «Я слышал, что выпустила новый “Салон поэтов” и прекрасно составленный, но не видал его» (*Волошин*, 12, 170). Упоминается это издание и в ответном письме Цетлина Волошину: «Я очень жалею, что в страшной спешке отъезда (мы решили ехать меньше чем за 2-ое суток) я не взял с собой ни “Иверней” (прекрасно изданных), ни “Салона”, ни вообще новинок для тебя (напр<имер>, Блока, Эренбурга “Мол<итва> о России” и т. п.) (*Волошин*, 12, 171).

Обращает на себя внимание и еще один факт: если для первого сборника-салона все стихи выбирались М. С. Цетлиной по периодике, то со вторым – ситуация не совсем ясная. Ахматовские стихи, включенные во второй сборник-салон, частью были взяты составительницей из периодических изданий: из журнала «Аполлон» (1914, № 6–7) (цикл «Июль 1914» и стихотворение «Утешение») и из «Альманаха муз» (Пг., 1916) (стихотворение «Из памяти твоей я выну этот день...»). Все вышеназванные стихотворения вошли и в книгу «Белая стая» (Пг., 1917), но собственно из этой книги (как то и обозначено в оглавлении второго сборника-салона) было взято только стихотворение «Тот голос, с тишиной великой споря...», которое здесь и было опубликовано впервые. В этом убеждает и сравнительный анализ текстов стихотворений Ахматовой, и выявленные лексические и пунктуационные разночтения и различия в датировках <см. ниже выделения. – Г. П.>

Из периодики Июль 1914	«Белая стая» (1917) Июль 1914	«Весенний салон поэтов» (1918) Июль 1914
I	I	I
Можжевательника запах сладкий От горящих лесов летит. Над ребятами стонут солдатки, Вдовий плач по деревне звенит.	Пахнет гарью. Четыре недели Торф сухой по болотам горит. Даже птицы сегодня не пели, И осина уже не дрожит.	Можжевательника запах сладкий От горящих лесов летит. Над ребятами стонут солдатки, Вдовий плач по деревне звенит.
Не напрасно молебны служились, О дожде тосковала земля: Красной влагой тепло окропились Затоптанные поля.	Стало солнце немилостью Божьей, Дождик с Пасхи полей не кропил. Приходил одноногий прохожий И один на дворе говорил:	Не напрасно молебны служились, О дожде тосковала земля: Красной влагой тепло окропились Затоптанные поля.
Низко, низко небо пустое, И голос молящего тих... Делят тело твое пресвятое, Мечут жребий о ризах твоих...	«Сроки страшные близятся. Скоро Станет тесно от свежих могил. Ждите глада, и труса, и мора, И затменья небесных светил.	Низко, низко небо пустое, И голос молящего <i>тих...</i> <i>Делят тело</i> твое пресвятое, Мечут жребий о <i>ризах твоих...</i>

II
Пахнет гарью. Четыре недели
Торф сухой по болотам горит.
Даже птицы сегодня не пели,
И осина уже не дрожит.

Стало солнце немилостью Божьей,
Дождик с Пасхи полей не кропил.
Приходил одноногий прохожий
И один на дворе говорил:

«Сроки страшные близятся. Скоро
Станет тесно от свежих могил.
Ждите глада, и труса, и мора,
И затмения небесных светил.

Только нашей земли не разделит
На потеху себе супостат:
Богородица белый расстелет
Над скорбями великими плат».

Утешение
*Там Михаил Архистратиг
Его зачислил в рать свою.
Н. Гумилев*

Вестей от него не получишь больше,
Не услышишь ты про него.
В объятой пожарами, скорбной Польше
Не найдешь могилы его.

Пусть дух твой станет тих и покоен,
Уже не будет потерь:
Он Божьего воинства новый воин,
О нем не грусти теперь.

И плакать грешно, и грешно томиться
В милом, родном дому.
Подумай, ты можешь теперь молиться
Заступнику твоему.

Только нашей земли не разделит
На потеху себе супостат:
Богородица белый расстелет
Над скорбями великими плат».

1914

II
Можжевательника запах сладкий
От горящих лесов летит.
Над ребятами стонут солдаты,
Вдовий плач по деревне звенит.

Не напрасно молебны служились,
О дожде тосковала земля!
Красной влагой тепло окропились
Затоптанные поля.

Низко, низко небо пустое,
И голос молящего *тих*:
«Ранят тело твое пресвятое,
Мечут жребий о ризах *твоих*».

1914

Утешение
*Там Михаил Архистратиг
Его зачислил в рать свою.
Н. Гумилев*

Вестей от него не получишь больше,
Не услышишь ты про него.
В объятой пожарами, скорбной Польше
Не найдешь могилы его.

Пусть дух твой станет тих и покоен,
Уже не будет потерь:
Он Божьего воинства новый воин,
О нем не грусти теперь.

И плакать грешно, и грешно томиться
В милом, родном дому.
Подумай, ты можешь теперь молиться
Заступнику своему.

1914

Тот голос, с тишиной великой споря,
Победу одержал над тишиной.
Во мне еще, как песня или горе,
Последняя зима перед войной.

Белее сводов Смольного собора,
Таинственней, чем пышный *Летний сад*,
Она была. Не знали мы, что скоро
В тоске предельной поглядим назад.

1917

II
Пахнет гарью. Четыре недели
Торф сухой по болотам горит.
Даже птицы сегодня не пели,
И осина уже не дрожит.

Стало солнце немилостью Божьей,
Дождик с Пасхи полей не кропил.
Приходил одноногий прохожий
И один на дворе говорил:

«Сроки страшные близятся. Скоро
Станет тесно от свежих могил.
Ждите глада, и труса, и мора,
И затмения небесных светил.

Только нашей земли не разделит
На потеху себе супостат:
Богородица белый расстелет
Над скорбями великими плат».

Утешение
*Там Михаил Архистратиг
Его зачислил в рать свою.
Н. Гумилев*

Вестей от него не получишь больше,
Не услышишь ты про него.
В объятой пожарами, скорбной Польше
Не найдешь могилы его.

Пусть дух твой станет тих и покоен,
Уже не будет потерь:
Он Божьего воинства новый воин,
О нем не грусти теперь.

И плакать грешно, и грешно томиться
В милом, родном дому.
Подумай, ты можешь теперь молиться
Заступнику твоему.

Тот голос, с тишиной великой споря,
Победу одержал над тишиной.
Во мне еще, как песня или горе,
Последняя зима перед войной.

Белее сводов Смольного собора,
Таинственней, чем пышный *Летний сад*,
Она была. Не знали мы, что скоро
В тоске предельной поглядим назад.

* * *	* * *	* * *
Из памяти твоей я выну этот день, Чтоб спрашивал <i>твой взгляд</i> беспомощно туманный: Где видел я персидскую сирень, И ласточек, и домик деревянный?	Из памяти твоей я выну этот день, Чтоб спрашивал <i>твой взор</i> беспомощно туманный: Где видел я персидскую сирень, И ласточек, и домик деревянный?	Из памяти твоей я выну этот день, Чтоб спрашивал <i>твой взгляд</i> беспомощно туманный: Где видел я персидскую сирень, И ласточек, и домик деревянный?
При имени моем ты будешь вспоминать Внезапную тоску неназванных желаний И в городах задумчивых искать Ту улицу, которой нет на плане.	При имени моем ты будешь вспоминать Внезапную тоску неназванных желаний И в городах задумчивых искать Ту улицу, которой нет на плане.	При имени моем ты будешь вспоминать Внезапную тоску неназванных желаний И в городах задумчивых искать Ту улицу, которой нет на плане.
При виде каждого случайного письма, При звуке голоса за приоткрытой дверью Ты будешь думать: вот она сама Пришла на помощь моему неверью.	При виде каждого случайного письма, При звуке голоса за приоткрытой дверью Ты будешь думать: вот она сама Пришла на помощь моему неверью.	При виде каждого случайного письма, При звуке голоса за приоткрытой дверью Ты будешь думать: вот она сама Пришла на помощь моему неверью.
<i>4 апреля 1915</i>	<i>1915</i>	<i>4 апреля 1915</i>

При этом остается открытым вопрос о включении в подборку стихотворения Ахматовой «Тот голос, с тишиной великой споря...», поскольку при его публикации в составе второго сборника-салона также обнаруживаются разночтения, хотя сравнение других стихотворений с источником показывает, что М. С. Цетлин была очень аккуратным составителем. Этот факт заставляет усомниться в том, что стихотворение было взято из вышедшей в свет в середине августа 1917 года книги «Белая стая»,¹⁰ и предполагать, что составителям сборника-салона мог быть известен или автограф (или список) этого стихотворения, или еще не вышедший в свет набор (корректур) книги «Белая стая». Здесь и возникает вопрос о непосредственном или опосредованном, пока не выявленном, «участии» Ахматовой в подготовке данной публикации, хотя она и не относилась к кругу московских поэтов, о которых идет речь в предисловии к «Весеннему салону поэтов»: «Сборники будут помещать и новые стихи, и уже появившиеся в печати. Этот первый сборник перепечатывает стихотворения (независимо от времени их написания) за сравнительно долгий срок: – от 1914 года (приблизительно с начала войны) до конца 1917 года. <...> Новые стихи, благодаря теперешним трудностям почтовых сообщений, взяты *только у поэтов, живущих в Москве*» <курсив наш. – Г. П.>.¹¹ Гипотетически можно предположить, что посредническую роль в процессе появления стихотворения Ахматовой «Тот голос, с тишиной великой споря...» в составе

«Весеннего салона поэтов» могли сыграть М. Л. Лозинский, который в 1917 году занимался подготовкой книги «Белая стая» к печати, и Н. С. Гумилев, который в этот же период бывал в Европе, в Лондоне и Париже и, как известно, состоял в переписке с Лозинским. Обращает на себя внимание письмо Н. С. Гумилева из Лондона от конца июня (н. ст.) 1917 года, в котором он запрашивал корректуру «Белой стаи»: «Дорогой Михаил Леонидович, я просидел в Лондоне две недели и сегодня еду дальше. В Лондоне я не потерял времени даром. Видел много поэтов, художников, эссеистов; дал интервьюеру одной литературной газеты (еженедельной) общий мой взгляд на современную поэзию, пришел на помощь одному переводчику в составлении антологии совр<еменных> русских поэтов. В этом я очень просил бы и твоей помощи. Переводчику необходимо знакомиться с поэзией последних лет, чтобы написать вступление, и может быть, ты бы мог выслать нужные книги. Подробности относительно переписки и денег тебе напишет Анреп.

Нужно достать: В. Иванов: *Cor Ardens* (оба тома) и Нежная тайна, А. Белый: *Золото в лазури*, И. Анненский: *Кипарисовый ларец*, Ахматовой: *корректуру Белой стаи*, Мандельштама: *Камень* (второй, если еще нет третьего), Лозинского: *Горный ключ*, Ходасевича: *Счастливый домик*, Клюева все три книги, Кузмина: *Осенние озера* и *Глиняные голубки*, Гумилева: *Чужое небо*. Колчан и оттиск Дитяти Аллаха» <курсив наш. – Г. П.>¹²

Однако публикация стихотворений Ахматовой в «Весеннем салоне поэтов» требует и иного разговора. Вольно или невольно, но составительница второго сборника оказалась под влиянием особой ахматовской поэтики, и подборка представленных в нем стихотворений Ахматовой, взятых из разных источников и написанных в разные периоды, воспринимается как семантическое целое. По сути, М. С. Цетлина выстроила своеобразный неавторский лирический цикл, в котором все стихи объединены единым сюжетным замыслом, связанным с распространенной религиозно-мифологической идеей воскрешения из мертвых.

Уже в первом стихотворении этого неавторского цикла, «Можжевельника запах сладкий...», перед читателем разворачивается своеобразная картина совершающегося массового ритуального действия, сопровождающегося характерными для церемонии вос-

крещения ароматическими курениями, процедурой окропления земли и произносимыми заговорами. Далее выстраивается образ «мертвого мира» («Даже птицы сегодня не пели, / И осина уже не дрожит...»), также напоминающего важный элемент обряда воскресения, связанный с окружением его участниками себя аурой смерти («тоски предельной») с целью прикоснуться, приблизиться к миру мертвых. При этом в смысловом ретроспективном поле («поглядим назад»), воспроизводящем ситуацию приближения «страшных сроков» и гибели ратника, переходящего в статус «нового воина» Божьего мира, параллельно возникает и развивается мотив воскресения, заданный образами пожара, горения («Торф сухой по болотам горит...»; «В объятой пожарами скорбной Польше...»), враждебного солнца («Стало солнце немилостью Божьей...»). Фактически в стихах Ахматовой реализуется целый комплекс этимологических значений, связанных с понятием воскресения: и как «оживления» (от церковнославянского *крѣсь*), и как «высечения огня» (от *крѣсити*), и как «солнечного поворота», резкого изменения течения времени (от др.-рус. *крѣсь*).¹³ Завершается же сюжет цикла мотивом «победившего» тишину слова и образом ожившего героя с «беспомощно туманным взглядом».

При этом сама мифопоэтическая основа представленного лирического цикла оказывается очень эклектичной, возможно, как раз по причине неавторского его происхождения. Образная система стихотворений Ахматовой, вошедших в состав сборника, корреспондирует и с древнеегипетским мифом об Исиде, собравшей части разрубленного тела Осириса (ср. у Ахматовой: «Делят тело твое пресвятое...») и воскресившей его. Эта корреляция поддерживается и ахматовским образом «персидской сирени» в стихотворении «Из памяти твоей я выну этот день...». Другая часть этой религиозно-мифологической основы – связь с апокрифическими историями о подвигах и чудесах христианских святых дев, совершавших воскресение юношей: от Евдокии Илиопольской и Ирины Македонской до Агнессы (Агнии, Анны) Римской. Наконец, от ахматовского образа Богородицы, расстилающей «над скорбями великими плат», выстраивается проекция на религиозные предания о чудотворных Богородичных иконах, пред ликом которых неоднократно совершались чудеса воскресения. Здесь уместно вспомнить о Тогл-

ской иконе Божией Матери, пред ликом которой во время отпевания ожил усопший мальчик, о Почаевской иконе Божией Матери, также связанной с воскрешением юноши, об иконе Божией матери Тихвинской Цивильского Троицкого собора и Юровичской иконе Божией матери, чудеса воскрешения которой известны по изданию «Криница ласк духовных Девы Марии с гор Юровичских» (Познань, 1742) и мн. др.

Как мы уже сказали, данный «цикл» не может быть признан авторским, однако важно то, что отдельные стихотворения Ахматовой содержат такие семантические узлы, которые позволяют им свободно вступать во взаимодействие друг с другом и образовывать единое смысловое поле. Лирика Ахматовой отличается оригинальной авторской системностью, специфику которой следует видеть в особом рода гипертекстовом характере, что и определяет способность стихотворений объединяться в циклические образования, не привязанные к тому или иному периоду, событию или герою реальной биографии поэта.

Эти, сложившиеся на основе гипертекстовых смысловых комплексов и связей, циклические образования становятся своеобразной метафорической материализацией особой биографии поэта, разворачивающейся не столько в реальном физическом мире, сколько в виртуальном пространстве смыслов и переживаний. Гипертекстовая основа лирики Ахматовой позволяет не только максимально охватить разнообразие мира, придать ему осмысленность и целостность, но и выразить «общую формулу жизни» (*Волошин*, 10, 415), как бы сказал далекий от нашего поэта и в творческом отношении, и биографически, но связанный с ним историческим временем, другой поэт, Максимилиан Волошин.

¹ О нем см.: *Хазан Владимир*. «От книги глаз не подыму». О личности и творчестве Михаила Цетлина // *Цетлин Михаил (Амари)*. Цельное чувство. Собрание стихотворений. М., 2011. С. 267–270; *Хазан В.И.* «Он был поэтом не только в своих стихах, но и в жизни»: материалы к портрету Михаила Цетлина // *Вокруг редакционного архива «Современных записок»*: (Париж, 1920–1940): Сб. статей и материалов. М., 2010. С. 66–103.

² Речь идет об изданиях: *Вийон (Виллон) Франсуа*. Отрывки из «Большого завещания», баллады и разные стихотворения, в переводе. И. Эренбурга. Обложка И. Лебедева. М., 1916; *Эренбург И.* Стихи о Канунах. Обложка Воробьевой-Стебельской. М., 1916. В издательстве «Зерна» вышла также книга переводов: *Де-Безье Жак*. О трех рыцарях и рубахе. Повесть XII-го

века. Перевел со старо-французского И. Эренбург. Текст обложки, заставки рисовал и резал на досках Иван Лебедев. М., 1916.

³ *Эренбург Илья*. «Дай оглянуться...». Письма 1908–1930. М., 2004. С. 72.

⁴ См.: письмо Цетлина Волошину от 1 августа (н. ст.) 1916: «Я не бросил мысли об издательстве <...> Жаль, что ты не дал о “Зернах” объявления. О нас вообще молчат» (*Волошин Максимилиан*. Собр. соч. Т. 10. Письма 1913–1917. М., 2011. С. 516. Далее ссылки на это издание по тексту: *Волошин*, с указанием тома и страницы.); письмо Волошина Цетлину от 3 сентября 1916: «У меня целый ряд соображений относительно нашего издательства...» (Там же. С. 513).

⁵ См.: письмо Цетлина Волошину от 28 декабря (н. ст.) 1916: «Теперь об *Œuvres Voloshine*. Если ты уже составил “Книгу о художниках”; то пошли рукопись г. Берлинрауту. Напиши ему, какой формат тебе желателен, хотя, верно, это зависит от бумаги, которую он достанет. Позаботься об обложке. Лучше всего мне кажется какой-нибудь шрифт. Наш способ деревянной гравюры кажется мне очень хорошим. Относительно “Акселя” я представляю тебе обратиться к Брянчанинову. Небольшая книжка о прозе мне не кажется очень привлекательной. Подождем книгу о поэтах. И мне вторая книга твоих стихов представляется законченной. Жду твоего решения» (*Волошин*, 10, 536); см. также: *Волошин*, 10, 557–558.

⁶ ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1262, л. 40 об.–41.

⁷ Выражаем благодарность директору Дома-музея М. А. Волошина в Коктебеле Н. М. Мирошниченко и его сотрудникам за возможность познакомиться с данным изданием.

⁸ *Ам-и*. Заметки любителя стихов // *Заветы*. 1912. № 1. С. 88–97.

⁹ <Б. п.> Предисловие // *Весенний салон поэтов*. М.: Книгоиздательство «Зерна», 1918. С. 7.

¹⁰ См.: *Черных В.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966. М., 2016. С. 149.

¹¹ <Б. п.> Предисловие // *Весенний салон поэтов*. С. 7.

¹² *Гумилев Н. С.* Полн. собр. соч. В 10 т. Т. 8. Письма. М., 2007. С. 208, 554.

¹³ Ср.: *Этимологический словарь русского языка* / Под ред. Н. М. Шанского. М., 1968. Т. 1. Вып. 3. С. 171; *Этимологический словарь современного русского языка*. В 2 т. Т. 1. М., 2010. С. 144; *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. 1. Ст. 1355.

О. Рубинчик
Санкт-Петербург

**Анна Ахматова и Наталия Крандиевская:
история поэтического диалога¹**

В первом сборнике стихов Н. В. Крандиевской, вышедшем в конце 1913 года, есть стихотворение:

Не с теми я, кто жизнь встречает,
Как равную своей мечте,
Кто в достижениях замедляет
Разбег к заоблачной черте,

Кто видит в мире только вещи,
Кто не провидит через них
Предчувствий тягостных своих
Смысл и печальный, и зловещий.

Но чужды мне и те, кто в мире
Как стран заоблачных гонцы.
Мне не по силам их венцы
И золото на их порфире.

Иду одна по бездорожью,
Томясь, предчувствуя, грустя.
Иду, бреду в Селенье Божье,
Его заблудшее дитя...

А в 1922 году А. А. Ахматова написала стихотворение:

Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам.

Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключенный, как больной.
Темна твоя дорога, странник,
Полынью пахнет хлеб чужой.

А здесь, в глухом чаду пожара
Остаток юности губя,
Мы ни единого удара
Не отклонили от себя.

И знаем, что в оценке поздней
Оправдан будет каждый час...
Но в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.

Тот же размер, тот же характер рифмовки (у Крандиевской, правда, во второй и третьей строфе перекрестная рифмовка сменяется кольцевой), то же количество строф, наконец, тот же синтаксический ход:

Не с теми я, кто...
<...>
Но...

При этом смысл стихотворений совершенно различен, в этом плане они как будто даже не пересекаются. Может быть, они не связаны друг с другом, а имеют общий претекст?

На один весьма вероятный источник ахматовского текста указал в комментарии к нему М. М. Кралин: «Смысл этого стихотворения расширяется и дополняется, если учесть стихотворение А. С. Хомякова “Мы род избранный, – говорили...”».³ Вот это хомяковское произведение (1851), в свою очередь отсылающее к Библии:

«Мы – род избранный, – говорили
Сиона дети в старину. –
Нам Божьи громы осушили
Морей волнистых глубину.

Для нас Синай оделся в пламя,
Дрожала гор кремнистых грудь,
И дым и огонь, как Божье знамя,
В пустынях нам казали путь.

Нам камень лил воды потоки,
Дождили манной небеса;
Для нас закон, у нас пророки;
В нас Божьей силы чудеса!»

Не терпит Бог людской гордыни;
Не с теми Он, кто говорит:
«Мы – соль земли, мы – столб святыни,
Мы – Божий меч, мы – Божий щит!»

Не с теми Он, кто звуки слова
Лепечет рабским языком
И, мертвенный сосуд живого,
Душою мертв и спит умом.

Но с теми Бог, в ком Божья сила,
Животворящая струя,
Живую душу пробудила
Во всех изгибах бытия.

Он с тем, кто гордости лукавой
В слова смиренья не рядил,
Людскою не хвалился славой,
Себя кумиром не творил.

Он с тем, кто духа и свободы
Ему возносит фимиам;
Он с тем, кто все зовет народы
В духовный мир, в Господень храм!⁴

Что общего у ахматовского стихотворения с хомяковским? Размер, перекрестная рифмовка, начало строки – «Не с теми...», у Хомякова имеющее характер анафоры и потому запоминающееся, несмотря на бурное многословие. Можно усмотреть даже «но»: «Не с теми <...> Но с теми...». Что касается содержания, то Ахматова

скорее ориентируется на ряд других стихов одного из основателей славянофильства – на стихи, посвященные теме России. А в данном случае ее объединяет с давним предшественником не столько смысл, сколько мощь пафоса (у Хомякова – пророческого). Кажется, ее стихотворение написано от противного: не Бог выбирает, с кем быть, а «я», переходящее в «мы»; у Хомякова – «Не с теми Он, кто говорит: / “Мы – соль земли, мы – столб святыни, / Мы – Божий меч, мы – Божий щит!”», у Ахматовой – «Мы ни единого удара / Не отклонили от себя»; у Хомякова – «Не терпит Бог людской гордыни», у Ахматовой – «Но в мире нет людей бесслезней, / Надменнее...» (это надменность не тех, кто облагодетельствован Всевышним, а тех, кто всего лишен). И даже предстоящий суд («в оценке поздней») здесь, видимо, не столько Божий, сколько суд истории. Впору вспомнить другое ахматовское стихотворение того же времени – «Земной отрадой сердце не томи...» (1921), завершающееся строкой: «И не проси у Бога ничего».

В целом по своему рисунку произведения Ахматовой и Хомякова имеют между собой меньше сходства, чем четкие по структуре, лаконичные тексты двух молодых поэтесс начала XX века, так что естественно полагать, что «Не с теми я, кто бросил землю...» восходит и к Хомякову, и к Крандиевской. Причем основной претекст, без которого ахматовское стихотворение не было бы написано или оказалось бы совсем другим, – стихотворение Крандиевской, а Хомяков учтен в связи с тем, что к нему, несомненно, отсылает «Не с теми я, кто жизнь встречает...». У Крандиевской, помимо формального сходства в сочетании с юным своеволием, заменяющим «Не с теми Он» на «Не с теми я», есть переключка с Хомяковым по существу: речь идет о слове, о соприкосновении человеческого с божественным. Наконец, отсылка к Хомякову – в смиренной концовке:

Иду, бреду в Селенье Божье,
Его заблудшее дитя...

Чем же стихотворение Крандиевской так задело Ахматову, что аукнулось через много лет?

Как отметил в своей работе Р. Д. Тименчик, «Наталия Васильевна Крандиевская-Толстая (1888–1963) как поэтесса уже после первого

ее сборника противопоставалась некоторыми критиками акмеистам:

“Это – задушевная интимная *лирика, музыка души*, в которую перелагает молодая поэтесса свои переживания (которых так чураются наши адамо-снобы!)”, и цитировались с этой целью ее стихи:

Кто видит в мире только вещи,
Кто не провидит через них
Предчувствий тягостных своих
Смысл и печальный, и зловещий». ⁵

Приведенная в пример рецензия принадлежит перу писательницы А. Н. Чеботаревской – жены и соратницы Ф. К. Сологуба. Дружа с Крандиевской и симпатизируя ее стихам, Чеботаревская задушевляет то, что лишь первые две строфы цитируемого произведения посвящены акмеистам, третья же (не упомянутая) – символистам, т. е. на самом деле Крандиевская чувствует свою отдельность и от тех, и от других. Она выбирает литературное одиночество, Чеботаревская же осторожно перетягивает ее в свой лагерь:

«И хотя Нат. Крандиевская в стихотворении:

Не с теми я, кто жизнь встречает,
Как равную своей мечте...

и хочет откреститься от всех поэтов-современников <...> мы видим в ней даровитую, самостоятельную наследницу символистов...». ⁶

Так эффект от стихотворения, наверняка с заостренным вниманием прочитанного Ахматовой ⁷ в книге Крандиевской, усиливается благодаря заметке рецензента, вышедшей в период борьбы символизма с акмеизмом. ⁸ Но и это еще не все. Хвалебная рецензия Чеботаревской на книгу Крандиевской идет в журнале непосредственно после развернутой статьи Иванова-Разумника «Жеманницы (“Четки” Анны Ахматовой и “Печальное вино” Веры Инбер)», где Ахматова ставится на одну доску с В. М. Инбер и на разные лады повторяется мысль, что в «Четках» – «вялое равнодушие к миру», «всюду одна и та же жеманная улыбка или жеманная печаль, ограниченный диапазон поэтического чувства, но несомненная поэзия». ⁹ Таким образом, полемическое, но абсолютно не оскорбительное стихотворение,

в котором Крандиевская, стремясь понять себя, отмежевывается от символистов и от появившихся в печати в начале 1913 года манифестов акмеистов¹⁰ и в котором нет ничего собственно антиахматовского, было воспринято Ахматовой с острой обидой.

В 1914 году имена Ахматовой и Крандиевской в рецензиях неоднократно оказывались рядом. Кроме уже упомянутых текстов, можно назвать статью В. Я. Брюсова «Год русской поэзии. Апрель 1913 – апрель 1914».¹¹ В ней, в разделе «Продолжатели», начало которого посвящено молодой женской поэзии, поэтессы расставлены по ранжиру: Ахматова («Среди книг молодых поэтов, ищущих “нового” на “старых” путях, определенно выделяются “Четки” А. Ахматовой. <...> Однако поэтический горизонт “Четок” почти тот же, что и “Вечера”, и теперь уже можно опасаться, что он так и останется довольно ограниченным»); М. Л. Моравская («Художественная ценность книги г-жи Моравской, как по технике стиха, так и по его глубине содержания, нам представляется менее значительной, нежели книги г-жи Ахматовой; но мы должны признать, что в стихах г-жи Моравской есть поэзия подлинная»); Крандиевская («Труднее сказать, с полной определенностью, то же о стихах г-жи Крандиевской. <...> Однако у г-жи Крандиевской есть и стихи и не банальные <...> Важнее того, у нее есть способность передавать стихами чувство...»); Инбер («...г-же Инбер угрожает опасность остаться умелым стихотворцем и только».¹²

У С. М. Городецкого также на первом месте Ахматова, за ней говорится о Крандиевской, Моравской, Инбер, В. И. Рудич, М. В. Шретер. О Крандиевской он пишет: «Насколько умела Ахматова, настолько беспомощна технически Наталия Крандиевская. Отсутствие школы бросается в глаза, прежде всего, при анализе ее милого и честного таланта. Вся ее книжка овеяна глубоким, сосредоточенным страданием. Ее темы – темы любви и материнства. Но каким ненужным грузом лежат на ее стихах такие эпитеты, как “беспеременный”, такие строки, как “То сева древнего взошедший колос”! Зачем это воспоминание чужого витийства? Такие пережитки нередко обременяют стихи Наталии Крандиевской, по существу волнующие и напряженные».¹³ Незаслуженно резкие слова о технической беспомощности, об отсутствии школы, думается, связаны с тем, что Крандиевская не только не пошла в Цех поэтов и школу акмеизма, но и за-

явила о своей независимости в двух первых строфах стихотворения «Не с теми я, кто жизнь встречает...». А в это время акмеистам было важно утвердить свою школу, и, говоря об Ахматовой, Городецкий подчеркивает именно ее «школьные» заслуги: «“Настроению”, которым дорожила символическая лирика, здесь противопоставлен факт. Музыкальная последовательность образов заменена хронологической последовательностью событий. Пышные фразы заменены разговорным языком».¹⁴ Интересно, что все это можно было бы применить и ко многим стихам Крандиевской, в частности – к написанному за 10 лет до рецензии Городецкого стихотворению «В глуши» (о нем – позднее). Другое дело, что стилистика Крандиевской, как, впрочем, и ахматовская, к этому не сводится.

Кроме статей, где имена двух поэтесс оказываются рядом, что вольно или невольно провоцирует на сравнение, их имена в том же году назывались порознь – в других контекстах или в отдельных рецензиях. Ахматова могла, например, читать проникновенную хвалебную рецензию Арсения Альвинга: «Стихотворения Крандиевской прежде всего поражают той мудрой скупостью слов, что являются обыкновенно признаком поэзии углубленной, истинной. Эта нерасточительность, это умение средствами простыми создавать образы сжатые, острые, колющие – радует чрезмерно. Мягкая лирическая печаль, нежно туманящая отчетливость этих образов, похожа порою на тяжелую вуаль слез, сквозь которую хотят и не могут улыбнуться немного усталые глаза, порою же она переходит в горечь тревожной тоски... Мучительные раздумья поэта так, раз навсегда, сгруппировались вкруг полынных, отравных слов: груз, тщета, отречение, бренность, ненасытимость, томление. Эта огорченность, эта тихая мятежность, не заставившая, однако, потерять полупантеистическую связь с миром, и доводит душу поэта до состояния загроможденности:

И тяжким шагом, не спеша,
Как труженик в толпе блаженной,
Проходит с ношею священной
Загроможденная душа.

Любопытно и приятно отметить то, что в данной книге мало специфических черт чисто женского творчества – большинство сти-

хов чисто мужские и по силе изобразительности, и по господству разлитой в них мысли. Самой значительной по содержанию пьесой представляется “Мое начало” с его тревожной интродукцией:

Нет, не грядущее мне дико,
А прошлое небытие!
Ужель с младенческого крика
Возникновение мое?

<...> Если ж можно говорить о влиянии, то следует упомянуть таких поэтов, как Тютчев и Бальмонт. <...>».¹⁵

Некоторые рецензенты отмечали в стихах Крандиевской гармоничное единство мысли и чувства, глубину, мудрость.¹⁶ Софья Парнок (под псевдонимом Андрей Полянин) писала: «...в тютчевской сгущенности слова, в сгущенности, происходящей от насыщенности содержанием, есть своя, особая, волнующая музыка».¹⁷

В номере за декабрь 1918 – январь 1919 года екатеринбургского журнала «Лесное эхо» вышла статья В. Шумского «Женская лирика (эскиз)». Хотя с 1913 года до этого времени Крандиевская не выпустила ни одной книги стихов, а публиковалась лишь в периодике и коллективных сборниках, ее имя здесь названо первым, и вновь – по соседству с ахматовским, казалось бы, уже несколько лет бесспорно первенствующим: «Но среди этого моря “дамской поэзии” есть несколько возвышающихся островков, которые манят к себе. Есть ряд имен, заставляющих отнестись к ним серьезно, со вниманием. Таковы – Н. Крандиевская, Анна Ахматова, покойная Н. Гр. Львова, М. Шагинян, Т. Ефименко, С. Парнок, таинственная Черубина де Габриак, Марина Цветаева и некоторые другие. <...> Вот с мудрым и строгим лицом поэта, испытавшего многое в жизни, выходит к нам Н. Крандиевская. Ее переживания, запечатленные в тонких, простых стихах, все проходят в мудрой, углубленной тишине созерцания мира и пытливых вопрошаний мысли. Она – “мудрая, в пути все улады проходила мимо”. <...> Во всем скрыт “смысл и печальный, и зловещий” – и дух хочет разгадать этот смысл, жаждет проникнуть и в прошлое, и в будущее, познать тайны рождения и смерти. <...> Та же острота и нежная мощь и в стихах о любви...».¹⁸ Об Ахматовой Шумский пишет: «... У Ахма-

товой больше тоски и отчаяния <чем у Т. Ефименко. – О. Р.>. Эта поэтесса чувствует себя “иностранкой” в нашем мире, не может найти себе в нем места. С напряженным вниманием она всматривается в повседневность, видит в ней таинственный смысл – и боится его, странная тоска пугливая охватывает ее душу. Была у нее любовь, но любовь печальная, принесшая смятение и изнеможение. Теперь она одинока, ибо

“Умер вчера сероглазый король”...

Лирика Ахматовой ограничена узким кругом тем об интимных чувствах и переживаниях, но несмотря на это ее простые, целомудренно строгие стихи многим становятся близкими и необходимыми. В этом – тайна символического творчества поэтессы.¹⁹

Ахматову, несомненно, должны были раздражать часто звучавшие даже в положительных отзывах слова об узком круге тем. И хотя рецензий на ее стихи было несравнимо больше, чем на стихи Крандиевской, и слава ее была несравнима со скромной известностью Наталии Васильевны, после текстов, подобных статье Шумского, чувство соперничества получало новую пищу.

Ахматовское стихотворение «Не с теми я, кто бросил землю...», написанное в июле 1922 года, по отношению к Крандиевской можно назвать «поздним ответом»,²⁰ «отсроченным ответом»,²¹ а по отношению к другим адресатам, среди которых нужно назвать, прежде всего, А. Н. Толстого, – ответом «срочным».²²

С лета 1918 года по лето 1923 года Крандиевская с мужем Алексеем Николаевичем Толстым и детьми находилась вне Советской России, сначала в белой Одессе, затем в эмиграции: во Франции, а с октября 1921 года – в Германии. Когда в марте 1922 года в Берлине начала выходить сменовеховская газета «Накануне», активно призывавшая возвращаться в Советскую Россию, Толстой возглавил ее литературный отдел, а затем стал редактором ее воскресного «Литературного приложения». 30 апреля, в первом же приложении на первой же странице были опубликованы два стихотворения Ахматовой.²³ В июле того же года Корней Чуковский записал в дневнике: «Встретил Ахматову. <...> Заговорила о сменовеховцах. Была в “Доме литер<аторов>”. Слушала доклад редакторов “Накануне”. “Отвратительно! Я сказала Волковыскому: представьте мне редактора “Накануне”.²⁴ Мы познакомились. Я и говорю: – Почему

вы напечатали мои стихи? – Мы получили их из Москвы. – Но ведь я в Москве не была семь лет.²⁵ – Не знаю, справлюсь в Берлине и напишу вам. – Нисколько эти люди не теряют равновесия ни в каких случаях”».²⁶

1 августа 1922 года в петроградском журнале «Литературные записки» в рубрике «Письма в редакцию» появился такой текст:

«В литературном приложении к газете “Накануне” от 30 апреля с. г. были напечатаны мои стихотворения: “Как мог ты...” и “Земной отрадой сердца не томи” с следующим примечанием: “Печатаемые здесь два новых стихотворения Анны Ахматовой должны появиться в России в альманахах “Утренники” и “Парфенон”. Оба стихотворения доставлены редакции “Накануне” без моего согласия и ведома.

А. Ахматова.

От редакции. К письму А. Ахматовой приложены заявления издательства “Парфенон” и редактора “Утренников” Д. А. Лутохина о том, что они никому не передавали названных стихотворений для перепечатки.²⁷

«Сначала Ахматова сотрудничала с большевистской зарубежной прессой», – пишет Р. Д. Тименчик, называя газеты: рижскую – «Новый путь», хельсинкскую – «Путь», берлинскую – «Новый мир». «По-видимому, она вступила в издательские отношения с петроградской “конторой советских иностранных газет” <...> К июлю 1922 года провокаторская роль сменовеховцев стала для нее очевидной...».²⁸ Подробно об этой роли и о роли Толстого в событиях этого периода можно прочесть в работе «Русский Берлин»,²⁹ а я отмечу лишь несколько моментов, которые нашли острый отклик у Ахматовой.

В открытом письме Николаю Васильевичу Чайковскому – ответе тем эмигрантам, которые обвиняли его в предательстве за сотрудничество в «Накануне», – Толстой, в частности, писал: «Я представляю из себя натуральный тип русского эмигранта, то есть человека, проделавшего весь скорбный путь хождения по мукам. В эпоху великой борьбы белых и красных я был на стороне белых. <...> Красные одолели, междоусобная война кончилась, но мы, русские эмигранты в Париже, все еще продолжали жить инерцией бывшей борьбы. <...> От этого постоянного столкновения воспаленной фантазии с реальностью, от этих постоянных сотрясений многие не выдерживали. Мы

были просто несчастными существами, оторванными от родины, птицами, спугнутыми с родных гнезд. Быть может, когда мы вернемся в Россию, остававшиеся там начнут считаться с нами в страданиях. наших было не меньше: мы ели горький хлеб на чужбине.

Затем наступили два события, которые – одним подбавили жару в их надеждах на падение большевиков, на других повлияли совсем по-иному. Это были война с Польшей и голод в России.

Я в числе многих, многих других, не мог сочувствовать полякам, завоевавшим русскую землю <...>. Приспело новое испытание: апокалипсические времена русского голода. Россия вымирала. Кто был виноват? Не все ли равно – кто виноват, когда детские трупы сваливаются, как штабели дров у железнодорожных станций, когда едят человежье мясо. Все, все мы, скопом, соборно, извечно виноваты.

<...> За большевиками в прошлом – террор. Война и террор в прошлом. Чтобы их не было в будущем – это уже зависит от нашей общей воли к тому, чтобы с войной и террором покончить навсегда... Я бы очень хотел, чтобы у власти сидели люди, которым нельзя было бы сказать: – вы убили.

Но для того, предположим, чтобы посадить этих незапятнанных людей, нужно опять-таки начать с убийств, с войны, с вымаривания голодом и прочее. Порочный круг. И опять я повторяю: я не могу сказать: – я невинен в лившейся русской крови, я чист, на моей совести нет пятен... Все, мы все, скопом, соборно виноваты во всем совершившемся. И совесть меня зовет не лезть в подвал, а ехать в Россию и хоть гвоздик свой собственный, – но вколотить в истрепанный бурями русский корабль».³⁰

В ответе К. И. Чуковскому от 20 апреля 1922 года, опубликованном адресатом в «Литературных записках», Толстой писал: «...Вы доставили мне большую радость Вашим письмом. Первое и главное это то, что у вас, живущих в России, нет зла на нас, бежавших. Очень важно и радостно, что мы снова становимся одной семьей. <...> Эмиграция, разумеется, уверяла себя и других, что эмиграция – высококультурная вещь, сохранение культуры, неугашение священного огня. Но это так говорилось, а в эмиграции была собачья тоска: – как ни задирались, все же жили из милости, в людях, и думалось, – быть может, вернемся домой, и там примут неласково: – без вас обходились, без вас и обойдемся. Эта тоска и это бездомное чувство вам, очевид-

но, незнакомы. Признаваться в этом тяжело, но нужно. На чужбине мы ели горький хлеб».³¹

«Горький хлеб на чужбине» из обоих писем Толстого отозвался в ахматовском стихотворении строкой «Полынью пахнет хлеб чужой»,³² жалостью, смешанной с презрением: «Но вечно жалок мне изгнанник, / Как заключенный, как больной». Но куда сильнее сочувствия звучит в нем мотив отмежевания от тех, кто, подобно Толстому, считал, что может быть с оставшимися в России «одной семьей», может уравнивать свои страдания с их страданиями и разделить с ними свою вину перед брошенной «на растерзание врагам» страной. Так что строка «Им песен я своих не дам» и ахматовская отповедь газете «Накануне» в «Литературных записках» прямо между собой связаны.

Однако резкость ахматовской реакции, думается, вызвана не столько письмами Толстого, сколько письмом Чуковского к нему. Оно, видимо, не предназначалось автором для печати, тем не менее Толстой его (с некоторыми пропусками) напечатал 4 июня 1922 года в «Литературном приложении» к «Накануне»: «...Я радуюсь тому, что происходит с вами. Ваш ответ Ч<айковско>му прекрасен. <...> Слава Богу, ненависти к своему народу у меня и мимолетной не было. Я сразу пошел читать лекции матросам, красноармейцам, милиционерам – всем *нынешним людям*, которых принято так ненавидеть, и, читая, чувствовал: “это Россия”. <...> Говорить о “гибели” России, если в основе – такой прочный, духовно одаренный, работающий народ, – могут только эмигранты – в Париже, Софии и Праге. Теперь эмигранты каются и “прозревают” <...> но, дорогой Толстой, не думайте, что эмигранты только за границей. <...> В 1919 году я основал “Дом Искусств”, устроил публичные лекции, привлек Горького, Блока, Сологуба, Ахматову, А. Бенуа, Добужинского, устроили общежитие на 56 человек, библиотеку и т. д. И вижу теперь, что создал клоаку. Все сплетничают, ненавидят друг друга, интригуют, бездельничают – эмигранты, эмигранты! Дармоедствовать какому-нибудь Волынскому или Чудовскому очень легко: они получают пайки, заседают, *ничего не пишут* и поругивают Советскую власть. В этом-то я вижу вашу основную ошибку: те, которые живут здесь, еще более за рубежом, чем вы. Вот сейчас вышел сборник молодежи – “Звучащая раковина”. Ни одного стихотворения о

России, ни одного русского слова, все эстетические ужимки и позы. Нет, Толстой, вы должны вернуться сюда гордо и с ясной душой. Вся эта мразь недостойна того, чтобы перед ней *извинялись или чувствовали себя виноватым...*».³³ Письмо вызвало скандал: Толстого осуждали за публикацию, Чуковского – за «доносительство». Ситуация была тем хуже, что «Накануне» была единственной эмигрантской газетой, разрешенной к ввозу в Советскую Россию и, по словам Цветаевой, продавалась «на всех углах Москвы и Петербурга».³⁴ Горький писал Толстому о петроградском общественном мнении: «...весьма настроены против вас литераторы за письмо Чуковского»; 4 июня о прекращении публикации своих произведений в «Накануне» заявил Пильняк.³⁵

На этом фоне и появились заявление и стихотворение Ахматовой. Рассмотренные с такой позиции, «гордые презрительные стихи»³⁶ оказываются жестом самозащиты и защиты тех, кто был назван мразью. Через много лет Ахматова пояснила в частном разговоре: «В этом стихотворении <...> сказано самое главное: какие – мы. И (после паузы, веско): – Это – патриотическое стихотворение».³⁷

Откровенное сходство ахматовского произведения со стихотворением «Не с теми я, кто жизнь встречает...» говорит о том, что острие стрелы было направлено прежде всего против тандема Толстой–Крандиевская, и они не могли это не понять (в 1923 году «Не с теми я, кто бросил землю...» было опубликовано во втором издании ахматовского сборника «Anno Domini», напечатанном в Берлине). Но, конечно, это была лишь ближайшая мишень. Текст имеет много больше адресатов, да и значение его далеко выходит за пределы простого выяснения отношений.³⁸ Это программное произведение, множество раз и по-разному интерпретировавшееся исследователями. Приведу обобщающую цитату: «Это стихотворение являло собой поэтическую декларацию от имени тех, кто решил остаться, не отклоняя от себя ни единого удара, написанную поверх политического треугольника: белая эмиграция – сменовеховцы – большевики».³⁹ Итак, не с теми, не с теми и не с теми. С Россией (ср. «Когда в тоске самоубийства...»), со своим городом и «согражданами» (ср. «Петроград, 1919», другое название – «Согражданам»). Но при всей «несравненной правоте»⁴⁰ автора в стихотворении почти тайно звучит нота самооправдания: «Оправдан будет каждый час...».⁴¹

«Боль поражений и обид» Ахматова помнила крепко. В поздней заметке о клевете она назвала имена «некоторых из соперниц-клеветниц» (определение Р. Д. Тименчика). В их числе: «...Мои современницы 1) поэтессы (Крандиевская, Грушко, Зоя Гуковская, Аренс), кот<орые> считают, что я лишила их следуемой им славы. Их королевой была А. Радлова».⁴² Со стороны Крандиевской (как и ряда других обвиненных) клеветы, по-видимому, не было, а было приведенное стихотворение и отчасти естественное, отчасти спровоцированное литературными критиками соперничество двух молодых поэтесс. Обе к тому же были красавицами.

Грани характера и облик Ахматовой в разные годы представляют себе все, Крандиевскую знают гораздо меньше, так что приведу два лаконичных описания. Внучка Татьяна Никитична Толстая о юной бабушке: «...стройная и маленькая, декадентская Афродита с тяжелым узлом темно-золотых волос, шурша шелками и дыша французскими духами и модными норвежскими туманами, и головы поворачивались ей вслед, и сердца бились...».⁴³ Внучка Елена Дмитриевна Толстая о бабушке в поздние годы: «Н. В. после войны была полная, диабетичка, небольшого роста. Огромные светлые глаза и гало легких серебряно-золотых волос. Мягкая, любезная, с железной волей».⁴⁴

Были периоды, когда пути Ахматовой и Крандиевской пересекались.

Их знакомство должно было произойти еще в 1910–1914 годах, когда – с 1907 года по 1914 год – Крандиевская, уже имеющая за плечами стихотворные публикации, выступления и литературные знакомства и состоящая в браке с известным адвокатом Федором Акимовичем Волькенштейном, жила в основном в Петербурге, а Ахматова, в 1910 году выйдя замуж за Николая Степановича Гумилева, покинула Киев и вышла в петербургский литературный свет. Однако сведений об их общении в это время нет.

Известно, что в 1909 году Ахматова (тогда еще Горенко) познакомилась с Толстым: впервые они увидели друг друга в Киеве, а настоящее знакомство произошло в 1910-м. В ближайшие годы им предстояло довольно тесно общаться в более-менее одном петербургском литературном кругу;⁴⁵ тогда Толстой был женат на Софье Исааковне Дымшиц, и Ахматова была с ней в дружеских отношениях. В 1914 году Толстой и Дымшиц расстались, и в конце этого года Толстой со-

единился с Крандиевской.⁴⁶ Прямой связи между двумя событиями не было, но в представлении Ахматовой она была. Вот пересказ ахматовской точки зрения 1960-х годов: «...он переехал в Москву, где прославился, у него появились большие деньги. Тогда он развелся со своей женой С. И. Дымшиц и женился на художнице Крандиевской, добившись ее развода...».⁴⁷ Если пересказ точен, то Ахматова назвала Крандиевскую художницей. В 1907 году Наталия Васильевна занималась живописью у М. В. Добужинского и Л. С. Бакста в школе Е. Н. Званцевой, иногда и впоследствии рисовала, но художницей была не она, а жена Толстого того времени – Дымшиц, в студии оказавшаяся ее «соседкой по мольберту».⁴⁸

О том, что Крандиевская для Ахматовой была прочно связана с Толстым и, отрицательно говоря о нем, Ахматова в том же тоне говорила и о ней, свидетельствует и А. Г. Каминская – внучка Н. Н. Пунина, с семьей которого Анна Андреевна жила до своих последних дней. По словам А. Г. Каминской, с Крандиевской у Ахматовой «было что-то важное связано, это не была для нее случайная фигура».⁴⁹

Вернувшись из эмиграции в 1923 году, Толстой с семьей поселился в Ленинграде, а с 1928 года – в Детском Селе. В первые годы после возвращения Толстого Ахматова неоднократно встречалась с ним в литературных компаниях. Есть свидетельство, что 10 июля 1927 года она была у Толстых на пышном чествовании актеров МХАТа, затянувшемся до утра.⁵⁰ Так что с Крандиевской ей тоже доводилось видаться.

Примерно с 1923 года и до разрыва с Толстым в 1935 году Наталия Васильевна не писала стихов. Расставание, ставшее для нее катастрофой, возвратило ей творчество: родились стихи, воспоминания. Публикации были редкостью, но все же они были, в конце 1943 года Крандиевскую приняли в Союз писателей,⁵¹ поэтому пересечения ее с Ахматовой были неизбежны.

«Близости у Натальи Васильевны и Анны Андреевны никогда не было, личные отношения не обходились без шпилек», – пишет А. Ю. Чернов. И дает примечание: «Крандиевская, всегда наутюженная и тщательно причесанная, богемных нравов не признавала. Вот диалог, пересказанный мне Никитой Толстым:

– Мама, что ты думаешь об Ахматовой?

– Неряха. Может целый день лежать на канапе, а вечером пойдет читать стихи, даже не одернув юбки». ⁵²

Действительно, шпилька – вполне безобидная и без привкуса клеветы. Ахматовское пренебрежение бытом общеизвестно. Ср. запись одной из самых честных свидетельниц:

«Вчера весь вечер я провела у Анны Андреевны.

Она лежит. Но уверяет, что здорова.

Меня уговорила сестра в кресло, куда до сих пор садиться я остерегалась.

– У него, правда, ножки нет, – сказала Анна Андреевна, – но вы не обращайтесь внимания, это не беда, стоит только подставить вон тот сундучок.

<...> Анна Андреевна вскочила и накинула черный халат. (Он порван по шву, от подмышки до колена, но это ей, видимо, не мешает)». ⁵³

«Я видела ее, – вспоминала Н. Г. Чулкова, общавшаяся с Ахматовой с 1911 года и до поздних лет, – и в старых худых башмаках и поношенном платье, и в роскошном наряде, с драгоценной шалью на плечах...». ⁵⁴

Отзыв Крандиевской об Ахматовой: «неряха» – рифмуется с тем, как называла Наталию Васильевну Анна Андреевна: «Толстиха». «Из разговоров с самой НВК известно, что ААА называла ее “Толстихой” и “барынькой”», – свидетельствует внук Наталии Васильевны Иван Никитич Толстой. ⁵⁵ Что стояло за «барынькой», поясняет ахматовское высказывание 1940 года, зафиксированное Л. К. Чуковской:

«Мы заговорили о воспоминаниях Крандиевской, напечатанных нынче в “Звезде”. Я сказала, что они мне очень нравятся.

– Нет, нет, я не согласна. Барские воспоминания. Она всегда была изнеженной, избалованной барыней – такой и осталась: пяти тысяч ей мало. Помните то место у нее в воспоминаниях, где она пишет о голодном мальчишке, которого они приютили? Он сидел за стол за 20 минут до обеда! Какая гадость так писать о голодном ребенке! Они все смеялись над ним, поэтому она этот эпизод и запомнила. Сразу видно, что ее дети никогда не голодали...». ⁵⁶ Чуковская не соглашается и не возражает – она молчит, но в издании «Записок» в сноске дает цитату из этих воспоминаний Крандиевской о своем детстве,

когда дом был – полная чаша и родные по просьбе Максима Горького пригрели голодающую бывшую сельскую учительницу с трехлетним сыном, а затем пристроили ее на службу; при этом учительница держалась униженно, со «смирением профессионально-несчастливого человека», чем вызывала у всех смущение и неприятие. Цитата же такова: «Сергунька поправился, порозовел. Обычно минут за двадцать до обеда, когда еще накрывали на стол, он уже усаживался на свое место с ложкой в руке и терпеливо ждал еды».⁵⁷ Никакой насмешки в этих словах нет. Острота ахматовской реакции была связана, по-видимому, с неизбежной ассоциацией с болезненными обстоятельствами собственной биографии, а именно с многолетним проживанием в семье Николая Пунина в качестве новой жены при наличии жены прежней, причем без постоянного источника личного дохода; в 1929 году к ней приехал из Бежецка сын, который, с некоторыми перерывами, до своего ареста в 1938 году жил и столовался у того же Пунина. Сохранились свидетельства трудных условий того времени. Так, Эмма Герштейн вспоминает, что, когда она в 1934 году навещала Ахматову в Фонтанном Доме, Анна Андреевна с сыном голодали: «Анна Андреевна сказала: “Николай Николаевич уехал с Ирочкой и Анной Евгеньевной в Сочи. Он оставил нам паек, но у нас нет денег, чтобы выкупить его”. Они оба ослабели от голода, даже курево не на что было купить. Потом они, видимо, заняли у кого-то из знакомых немного денег. Тем не менее Лева сдал последний экзамен на тройку, потому что у него от голода кружилась голова».⁵⁸

Насколько оправданно представление о Наталии Васильевне Крандиевской как об изнеженной, избалованной барыне, которую миновали испытания эпохи?

Московское детство Туси Крандиевской, как она описывает его в той части мемуаров, которая была опубликована в «Звезде», можно назвать счастливым и благополучным, при этом оно проходило в высокоинтеллигентной литературной семье, отнюдь не равнодушной к болезненным точкам своего времени, что и видно из публикации. Кроме того, Тусе с матерью и другими детьми довелось конец 1903 и весь 1904 год провести в Олонецкой губернии, где в это время был в ссылке «неблагонадежный» друг Крандиевских С. А. Скирмунт. В 1907 году умер брат Наталии Васильевны Сева, которого она очень любила. Ему посвящен первый сборник ее стихов.

Несчастливым, но благополучным периодом было первое замужество (1907–1914).⁵⁹ Однако на его последний год пришлось начало Первой мировой войны. В напечатанных в 1959 году в сокращении,⁶⁰ а в 1977 году почти полностью мемуарах⁶¹ Крандиевская вспоминает это время, когда она была сестрой милосердия: «Мясорубка войны работала ровно, без перебоев, с механической жестокостью перемазывая человеческие жизни, отбрасывая в сторону *брак*. Этим *браком* были люди, перемолотые не до конца, не насмерть. Их-то и подбирали лазареты».⁶²

Крандиевская пишет и о Первой мировой войне, и о революциях, и об эмиграции бегло, местами – легко и с юмором. Между тем эскизность и изящество описания не должны заслонить от нас реальной картины происходящего. В революционное время пули не только подстерегали любого «за каждым углом», но и залетали в квартиру. Власть оказалась в руках «неприятеля». Новорожденный сын болел. Семью Толстых подстерегал голод. Впрочем, и для Толстого, и для его жены продолжалась литературная жизнь. Все это закончилось отъездом из Москвы ради «летнего отдыха» (спасения от голода и красного террора) в Одессе. Путешествие в Одессу – не просто из одной части страны в другую, а из одного режима в другой, на территории, занятые где немцами, где союзниками России, где бандитами, – было полно опасностей, унижений, крови, грязи, неразберихи. А затем пришлось под пулями бежать из Одессы за пределы страны.⁶³ Началась эмиграция со всеми ее прелестями. Одна деталь: в Париже Крандиевская подрабатывала шитьем платьев – «Были месяцы, когда заработок мой выручал семью».⁶⁴ Она упоминает об этом как бы между прочим, а ее сын от первого брака Федор Федорович Волькенштейн (писавший под фамилией Крандиевский) вспоминает, что безденежье делало Толстого мрачным, «в припадке отчаяния он даже подумывал о самоубийстве».⁶⁵

Беглость и легкость описания Крандиевской тяжелых испытаний в значительной степени связана с тем, что и она, и Толстой «были молоды и полны надежд на будущее»⁶⁶ и так или иначе преодолевали любые трудности. Но главная причина в ином – в их любви, заслонявшей от Наталии Васильевны ужасы времени. Начало войны пришлось на период их романа, и Крандиевская пишет не столько о войне и о своей службе в госпитале, сколько о встречах с Толстым

на фоне войны. С декабря 1914 года они вместе, и все дальнейшие годы чем дальше, тем более Наталия Васильевна поглощена их совместностью, их семьей, творческой силой Толстого, его литературными делами. Случались в их отношениях и кризисы,⁶⁷ но главное на протяжении 20 лет было цело. И создавая свои воспоминания через годы после ухода мужа, а часть – и после его смерти, она пишет прежде всего о нем. Разрыв с Толстым был для нее трагедией, но сохранившееся до конца чувство помогло сохраниться и внутренней гармонии.

Отчего же Крандиевская вызывала раздражение Ахматовой, почему была в ее представлении «избалованной барыней»?

В 1920–1930-е годы, после возвращения из эмиграции, Толстой с семьей постепенно зажил на широкую ногу – в то время, когда почти вся страна бедствовала. О роскошной жизни на Пролетарской улице, дом 4, в Детском (бывшем Царском) Селе вспоминает сын Крандиевской Федор. В арендованном доме было 10 комнат; у Толстых были 2 служанки и бонна; три машины обслуживали 2 шофера; в доме часто принимали гостей, при этом устраивались пышные застолья. Все это было возможно благодаря тому, что Толстой очень много работал, а также умел ладить с властями. При своей обширности дом был густо населен; Федор перечисляет: «...отчим, мама, четверо детей <...>, две бабушки», бонна, ставшая с годами членом семьи.⁶⁸ «Наша семья была не только многочисленна, – пишет Волькенштейн, – но и трудноуправляема. <...> Мама вела эту семью, как опытный штурман, ведущий большой корабль, лавируя между подводными рифами».⁶⁹ Крандиевская вела также литературные дела мужа. В одном из своих мемуарных рассказов – «Миноги» – она мастерски, в трагикомических тонах рассказывает о чудовищной суете своей жизни на примере одного типичного дня.⁷⁰ Не удивительно, что в эти – благополучные – годы не рождались стихи. «...В суете – нет Бога», – записала Наталия Васильевна в дневнике.⁷¹

Крандиевская не отгородилась от мира. Так, в письмах 1935 года мужу, находившемуся у Горького в Горках, она просит его похлопотать за друзей и знакомых, которых арестовывают или ссылают после убийства Кирова.⁷² Но напрямую это ее как бы не касается. Даже после разрыва с Толстым Крандиевская с детьми внешне живет благополучно, по крайней мере, материально она обеспечена. По срав-

нению с жизнью большинства это можно было считать жизнью «барыни» – и об этом, голодая в блокадном Ленинграде, Крандиевская говорила: «Мы все виноваты в теперешнем положении вещей. Вся страна уже много лет голодает. Помните, как на Витебском вокзале лежали повсюду голодающие украинцы. “Панычу, хлеба”, – протягивали руку. А мы, Алексей Николаевич, я, другие, в хороших шубах, сытые, после попоек проходили, и нам казалось, что это где-то далеко, это нас не трогало. Теперь вся страна за это расплачивается».⁷³

Надо сказать, что способность жить радостно, легко и щедро, как оказалось, была неотъемлемой чертой Наталии Васильевны. Эта черта проявляла себя даже в самых немыслимых условиях, включая блокаду.⁷⁴ Любовь Васильевна Шапорина, также блокадница, записывает в дневнике 1943 года: «В 20-х числах января <...> немцы начали усиленно нас бомбардировать, возобновились налеты, от которых мы отвыкли. С 23-го я ночевала у Натальи Васильевны <...> Первый вечер прошел спокойно. Завели патефон и Н. В., Машенька Филиппова и Верочка (племянница няни Лозинских) пустились в пляс – фокстрот, вальс, даже я провальсировала с М.Н.»⁷⁵ Шапорина не раз пишет о том, что в моменты, когда у Крандиевской была еда («продала <...> какую-то мебель за продукты»⁷⁶ и т. п.), она щедро делилась ею. Это не означало, что у Крандиевской была в блокадном городе привилегированная жизнь. Она помогала медперсоналу в госпитале,⁷⁷ дежурила по ночам на крыше дома – и писала стихи.

В цикле «В кухне»:

В кухне крыса пляшет с голоду,
В темноте гремит кастрюлями.
Не спугнуть ее ни холодом,
Ни холерою, ни пулями.

В другом стихотворении того же цикла («В кухне жить обледенелой...»):

Но с младенческим упорством
И с такой же волей жить
Выхожу в единоборство –
День грядущий заслужить.

У судьбы готова красть я, –
Да простит она меня, –
Граммы жизни, граммы счастья,
Граммы хлеба и огня!

«Такой тяжелый, мучительный год, фантастическая зима ко всем тем ужасам, которые довелось пережить, – пишет Шапорина, – и такой творческий подъем, как у <...> Натальи Васильевны. Меня это потрясает и подымает мой дух. Нет, мы не погибнем».⁷⁸

Наверно, к блокадному периоду жизни Крандиевской Ахматова относилась иначе, чем к предшествующим ему годам (слова о барственности были сказаны в 1940 году). По устному свидетельству Э. Б. Коробовой, знавшей Ахматову в 1960-е годы, Анна Андреевна говорила о Крандиевской «с огромным уважением – как о страсто-терпице», но слов ахматовских она не помнит, помнит ощущение от разговора.⁷⁹ К сожалению, неизвестно, на основании каких откликов Ахматову упоминают в ряду тех писателей, которые ценили стихи Крандиевской.⁸⁰

Но вернемся к истокам творчества обеих поэтесс, чтобы проследить историю поэтического диалога, в котором перекличка двух стихотворений с зачином «Не с теми я...» – лишь наиболее яркий эпизод.

Ахматова начала писать, по ее собственным словам, в одиннадцать лет.⁸¹ Первое ее стихотворение – «На руке его много блестящих колец...» – было опубликовано в 1907 году в журнале «Сириус»,⁸² издававшемся в Париже начинающим поэтом Гумилевым (вышло всего три номера), после чего до 1911 года публикаций не было.

Крандиевская начала писать, по ее словам, «лет с семи».⁸³ Первая ее публикация состоялась в тринадцать лет – в 1901 году во «взрослом» журнале «Муравей», там было напечатано стихотворение того же года, открывающееся строфой:

Помни, о, помни, мой друг дорогой,
Горе иль радость играют тобой,
Счастлив ли ты, или ноет душа, –
Помни, что жизнь как цветок хороша.⁸⁴

А с 1903 года ее стихи стали появляться ежегодно в ряде вполне достойных журналов. В пользовавшемся огромной популярностью

стью петербургском «Журнале для всех» в 1905–1906 годах (т. е. до момента его закрытия) они нередко оказывались рядом со стихами И. А. Бунина, К. Д. Бальмонта, В. Я. Брюсова, Ф. К. Сологуба, Вяч. И. Иванова. Они были замечены. Так, в 1914 году, приветствуя сборник Крандиевской 1913 года, рецензентка пишет: «Она выступила в печати лет десять – двенадцать тому назад в совсем юном возрасте и сразу же обратила на себя внимание свежим, изящным, вдумчивым дарованием. Этот первый сборник ее стихотворений блестяще подтвердил надежды критики».⁸⁵

«Литературный путь Наталии Васильевны интересен и сложен, – вспоминал С. Я. Маршак. – Она начала свою поэтическую работу очень рано и очень счастливо... Я помню, как она выступала на петербургских литературных вечерах. Ее стихи волновали и трогали слушателей, а среди этих слушателей были Блок и Сологуб и другие поэты – замечательные мастера и требовательные критики».⁸⁶ С Блоком, возможно, существовала даже какая-то переписка.⁸⁷

Таким образом, при старшинстве всего в год Крандиевская вошла в литературу значительно раньше Ахматовой. Но слишком радикальным кажется утверждение А. Ю. Чернова: «Ее публикации были первым голосом юного поколения начала XX в. и оказали влияние на раннюю лирику Пастернака, Ахматовой, Цветаевой и, видимо, Ходасевича».⁸⁸

Многие ранние произведения Крандиевской были незрелыми. Многие, но не все. Лучшие из них могли остаться в памяти будущих великих поэтов. Например, стихотворение Крандиевской 1903 или 1904 года «Сумерки», открывающееся строками:

Тает долгий зимний день...
Все слилось во мгле туманной,
Всеобъемлющей и странной...
В доме сумерки и тень.⁸⁹

– по мнению А. Ю. Чернова, «оставило след в сердце» Б. Л. Пастернака, «музыкальное впечатление» от него через годы откликнулось в хрестоматийных стихах «Никого не будет в доме...» (1931) и «Снег идет, снег идет...» (1957).⁹⁰ Это нельзя назвать влиянием, но как частный случай переключки, как аллюзия это вполне возможно.

Стихотворение Крандиевской «Не могу я вспомнить, что мне снилось...», опубликованное в 1906 году, было, по-видимому, до конца жизни памятно Ахматовой.

Не могу я вспомнить, что мне снилось,
Не могу ни вспомнить, ни забыть.
Целый день кому-то я молилась
И так жутко, жутко было жить.
Может быть, тот сон и не случайный,
И мечтой коснулась я на миг
Тех созвучий, что остались тайной,
И куда мой разум не проник.
Только что-то в сердце прояснилось.
Протянулась солнечная нить.
Не могу я вспомнить, что мне снилось,
Не могу ни вспомнить, ни забыть.⁹¹

В этом произведении, повторно опубликованном в сборнике Крандиевской 1913 года, многое было близко Ахматовой времени «Вечера» и «Четок», а две первые, они же последние, строки врезались в память своей афористичностью. В мемуарном очерке последних лет «Амедео Модильяни» Ахматова напишет: «Первый иностранец, увидевший у меня мой портрет работы Модильяни, в ноябре 1945 года в Фонтанном Доме, сказал мне об этом портрете нечто такое, что я не могу “ни вспомнить, ни забыть”, как сказал один неизвестный поэт о чем-то совсем другом».⁹²

В комментарии к этому очерку М. М. Кралин, вслед за Э. Г. Бабаевым,⁹³ дает ссылку на стихотворение Крандиевской.⁹⁴ Однако нужно учесть, что Ахматова могла знать и другие стихи с похожими строками. Таково стихотворение Г. В. Адамовича о покинутом Петербурге – «Что там было? Ширь закатов блеклых...»:

Разговоры, будто бы в могилах,
Тишина, которой не смутить...
Десять лет прошло, и мы не в силах
Этого ни вспомнить, ни забыть.

Скорее всего, Адамович цитирует Крандиевскую. Его же стихотворение, широко известное среди эмигрантов благодаря послед-

ним строкам: «На земле была одна столица, / Все другое – просто города», могло дойти до Ахматовой как в опубликованном виде,⁹⁵ так и в списке. Существует и еще один, ближайший на момент создания очерка, источник: стихотворение 1954 года молодого тогда поэта А. П. Тимофеевского:

Ты – как за тысячу веков,
Ты – страшно далека,
Ты – из приснившихся стихов
Последняя строка.
Строка, которой мне не в труд
Любых певцов забыть,
Строка, которой поутру
Ни вспомнить, ни забыть.⁹⁶

Думается, что концовка стихотворения Тимофеевского послужила толчком, актуализировавшим воспоминание Ахматовой о стихотворении Крандиевской и, возможно, Адамовича,⁹⁷ что и стало причиной появления в очерке предложения о «первом иностранце», где полностью воспроизводится именно строка из стихотворения современницы: «...не могу “ни вспомнить, ни забыть”».⁹⁸

Среди ранних произведений Крандиевской есть и другие, перекличка с которыми в ахматовских текстах очень вероятна. Например, уже упомянутое стихотворение, написанное в 1904 году (т. е. в олонекское время) в Лодейном Поле и опубликованное в 1905 году. Оно полно отсылки к Пушкину, к Чехову (прежде всего – к «Трем сестрам») и «акмеистических» деталей задолго до акмеизма:⁹⁹

В глуши
(С природы)

О, Боже мой, какая скука!
Над городом и сон, и тишь...
В пустынной комнате ни звука,
Лишь за стеной скребется мышь.
Там за окном на снежном фоне
Дома прижатые к земле.
Смешались дали в полумгле
В каком-то грязно-синем тоне.

Над речкой церковь, дальше – поле,
Снега, снега... За ними лес.
Опять снега. Растут все боле
До самых пасмурных небес.
Я подошла и молча стала
У замороженных окон.
Собака с лаем пробежала,
Прошел усталый почтальон.
Худая кляча протащилась,
Звеня уныло бубенцом.
Плелась, плелась... Остановилась
Пред покосившимся крыльцом.
Потом прошел телеграфист,
Спеша и кутаясь в шинели...
Уже темнеет. Вихрь метели
Заводит в поле вой и свист.
Густеет мгла, густеют тени,
Смешались контуры, тона...
Мне надоело у окна,
Я вся полна какой-то лени.
Прошла по комнате, потом
Зевая в кресло повалилась,
Но, встав, опять перед окном,
В тоске немой остановилась.
Вот колокольчик зазвенел.
Ямщик с кибиткою дорожной
Сквозь сумрак ночи пролетел,
И замирает звон тревожный.
Звенит над полем, высоко.
Все тише, тише... Реже, реже...
Есть где-то жизнь, – но далеко!
Есть где-то счастье, – но где же?!¹⁰⁰

В сборник 1913 года стихотворение вошло без заглавия,¹⁰¹ в сокращенном и разгруженном от многих прозаических деталей виде, но с прежней последней строфой.

Ср. ахматовское:

Я пришла сюда, бездельница,
Все равно мне, где скучать!
На пригорке дремлет мельница.
Годы можно здесь молчать...

(1911)

Однако дело не только в подходе к деталям, а в том, что написанное Крандиевской «с натуры» стихотворение было близко еще прежде – даже не Анне Ахматовой, а Ане Горенко – по мироощущению. Ср. «чеховские» строки ее писем С. В. Штейну из Киева. Январь 1907 года: «Я кончила жить, еще не начиная. Это грустно, но это так. Где Ваши сестры? Верно, на курсах, о, как я им завидую. Уж, конечно, мне на курсах никогда не бывать, разве на кулинарных». 13 марта 1907 года: «Мне вдруг захотелось в Петербург, к жизни, к книгам».¹⁰²

Провинциальное существование кончилось для Ахматовой с началом брака с Гумилевым, все изменилось – и последние две строки стихотворения Крандиевской «В глуши» отозвались уже как бы в перевернутом виде в первой строке стихотворения 1915 года:

Ведь где-то есть простая жизнь и свет,
Прозрачный, легкий и веселый...
Там с девушкой через забор сосед
Под вечер говорит, и слышат только пчелы
Нежнейшую из всех бесед...

Интересно, что это произведение – признание в нежности к провинциальной жизни и клятва верности Петрограду («Но ни на что не поменяю пышный, / Гранитный город славы и беды...») – было создано в Слепневе.

В сборнике Крандиевской 1913 года есть стихотворение «Прогулка с сыном»:

Булонский лес осенним утром,
Туман, прохлада и роса,
И солнце, вялым перламутром
Плывущее на небеса.

Красива ранняя прогулка,
Когда сентябрь зажѐг костры.
Шаги в аллеях слышны гулко,
И камни гравия остры.

Мне мил осенний холод зрелый.
Иду я с мальчиком моим
По этим светлым, опустелым
Дорогам влажно-золотым.

Лелея творческую скуку,
Мне хорошо без слов брести
И друга маленькую руку
В своей, уверенной, нести.

Переключка его со знаменитой ахматовской «Прогулкой» очевидна. Сходство и в названии, и в парижской реалии – «Булонский лес», и в подходе к ряду деталей: «И солнце, вялым перламутром / Плывающее на небеса» – «Безветрен вечер и грустью скован / Под сводом облачных небес» и т. д. Но дальше начинаются принципиальные различия. Ахматовское стихотворение много «острее», чем «камни гравия» у Крандиевской. Острее всего «фирменная» ахматовская деталь: «Перо задело о верх экипажа». Остро другое, невидимое перо: то, которым «словно тушью нарисован / В альбоме старом Булонский лес». Остра и пряна картинка любовного свидания: «Он снова тронул мои колени / Почти не дрогнувшей рукой». А у Наталии Васильевны – мирная прогулка матери с маленьким сыном, семейное тепло и преданность, «осенний холод зрелый» отказа от «весенних» любовных потрясений, «творческая скука», в которой созревает стихотворение. Ахматовский дольник, чреватый сердечными перебоями, и спокойный «допотопный»¹⁰³ ямб Крандиевской соответствуют тональности произведений (отмечу, что дольник в стихах Крандиевской тоже встречается).¹⁰⁴

Что здесь теза, что – антитеза? Дата написания стихотворения Крандиевской неизвестна, стихи в первой книге не датированы. Напомню, что вышла она в самом конце 1913 года. Стихотворение Ахматовой впервые напечатано в сборнике «Четки», вышедшем в марте 1914 года¹⁰⁵, а датировано маем 1913 года. Если дата верна, то вряд ли Анна Андреевна до написания своей «Прогулки» могла знать «Прогулку с сыном», разве что Крандиевская читала стихотворение на каком-то вечере или опубликовала в периодике. По поводу этого точно утверждать ничего невозможно, поскольку биография Крандиевской в деталях не изучена и полная ее библиография не собрана. Ясно одно: ахматовский текст опубликован позднее, чем текст Крандиевской. И весьма вероятно, что «механизм воспоминания, заставляющий героиню перенестись из Петербурга в Париж 1910-го или 1911-го»¹⁰⁶ (именно в эти годы Ахматова побывала в Париже) сработал, прежде всего, благодаря встрече со стихотворением Крандиевской.

Исследователи знают, что ахматовским датам под стихами безоговорочно доверять нельзя. Автор «Летописи жизни и творчества Анны Ахматовой» В. А. Черных пишет: «... в мемуарной и исследовательской литературе неоднократно отмечалось, что у Ахматовой дата под стихотворением не всегда соответствует времени его написания. Иногда таким образом фиксировалась дата события, послужившего поводом к написанию стихотворения. <...> Известны и случаи, когда Анна Ахматова сознательно указывала под своими стихотворениями ложные даты. Иногда настойчивыми указаниями на то, что такое-то стихотворение было написано <...> тогда-то и там-то, она по не всегда понятным причинам стремилась не дать возможности читателю догадаться, что в действительности это произошло не там и не тогда».¹⁰⁷ Если так обстоит дело в данном случае, то «Прогулка» написана не в мае, а в конце 1913 года или начале 1914 года,¹⁰⁸ после того, как Ахматова прочла сборник Крандиевской, а помета «май» означает, что стихотворением она отмечает годовщину памятного события.¹⁰⁹ Тогда неточная дата помогла Ахматовой скрыть факт знакомства с произведением-«прототипом», а тем самым – и constitutive импульс при создании одного из самых известных ее стихотворений.

В книге Крандиевской 1913 года опубликовано также стихотворение, которое чрезвычайно близко поэтике Ахматовой:

Идти в полях дорогой дальней,
Где тишина, где пахнет рожь,
Где полдень душный и хрустальный
Так по-знакомому хорош.

Идти и встретить ветер теплый,
Кусты полыни, вольных птиц,
Да странника в рубахе блеклой,
Да спины наклоненных жниц.

И знать, что нет конца дороге,
Что будешь так идти, идти,
Пока не смел погост убогий
В одну дорогу все пути!

Ахматовская лексика, мотивы, тональность. Самая явная параллель у Ахматовой:

Ты знаешь, я томлюсь в неволе,
О смерти Господа моля.
Но все мне памятна до боли
Тверская скудная земля.

Журавль у ветхого колодца,
Над ним, как кипень, облака,
В полях скрипучие воротца,
И запах хлеба, и тоска.

И те неяркие просторы,
Где даже голос ветра слаб,
И осуждающие взоры
Спокойных загорелых баб.

Осень 1913
Слепнево

То же количество стрóf, тот же размер и характер рифмовки. Тематические и лексические переключки, иногда прямые, иногда – «от противного»: «в полях» – «в полях», «дорогой дальней» – «просторы», «пахнет рожь» – «запах хлеба», «ветер теплый» – «голос ветра слаб», «вольных птиц» – «томлюсь в неволе», «Да спины наклоненных жниц» – «И осуждающие взоры / Спокойных загорелых баб», «Пока не смел погост убогий» – «О смерти Господа моля».

Времени создания стихотворения Крандиевской мы вновь не знаем. Но как бы то ни было, оно было опубликовано раньше ахматовского, впервые напечатанного в 1914 году.¹¹⁰ Дата и место написания произведения Ахматовой вызывает вопросы. Действительно ли оно было написано в Слепневе, откуда Ахматова вернулась 8 сентября? Осень она провела в Царском Селе и Петербурге.¹¹¹ В ахматовском стихотворении есть строки, заставляющие предполагать его ретроспективность: «Но все мне памятна до боли / Тверская скудная земля». Возможно, «Слепнево» здесь указывает не на место написания произведения, а на место, с которым оно тематически связано. Стихотворение могло быть написано позднее, после прочтения Ахматовой сборника Крандиевской.

Вглядимся в еще одно ахматовское стихотворение:

Я слышу иволги всегда печальный голос
И лета пышного приветствую ущерб,
А к колосу прижатый тесно колос
С змеиным свистом срезывает серп.

И стройных жниц короткие подолы,
Как флаги в праздник, по ветру летят.
Теперь бы звон бубенчиков веселых,
Сквозь пыльные ресницы долгий взгляд.

Не ласки жду я, не любовной лести
В предчувствии неотвратимой тьмы,
Но приходи взглянуть на рай, где вместе
Блаженны и невинны были мы.

27 июля 1917

Слепнево

Это прощание со Слепневым (лето 1917 года было последним в имении Гумилевых) и, по большому счету, с Николаем Степановичем (хотя общение продолжалось) явно не обошлось без воспоминания о все том же «полевом», «дорожном» стихотворении Крандиевской. Наиболее явные переключки: «где пахнет рожь», «Да спины наклоненных жниц» – «А к колосу прижатый тесно колос / С змеиным свистом срезывает серп», «И стройных жниц короткие подолы». Описывается одна и та же картина – картина жатвы. В последней строфе: «Пока не смел погост убогий» – «В предчувствии неотвратимой тьмы». В обоих произведениях – «рай» и неотвратимость его конца.

Зачем, почему Ахматова обращалась к тексту Крандиевской? Не потому, что старшая поэтесса могла *так* писать о русской деревне, а она – еще нет.¹¹² Ахматова умела это и без Крандиевской. Вот, например, начало стихотворения, написанного в мае 1912 года во Флоренции и опубликованного в начале 1913 года:

Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться Богу,
И долго перед вечером бродить,
Чтоб утомить ненужную тревогу.

Когда шуршат в овраге лопухи
И никнет гроздь рябины желто-красной,
Слагаю я веселые стихи
О жизни тленной, тленной и прекрасной...¹¹³

Думается, кроме основной причины, которая будет названа позднее, Ахматову провоцировало на отклик родство с ней самой, явно проступавшее во многих произведениях Крандиевской. В стихах «Ты знаешь, я томлюсь в неволе...», «Я слышу иволги всегда печальный голос...», «Ведь где-то есть простая жизнь и свет...», в «Прогулке» совсем нет той ярости, которая проявится в стихотворении «Не с теми я, кто бросил землю...». В последнем, кстати, отозвались и строки из все того же памятного Ахматовой текста – «Идти в полях дорогой дальней...». Ср.: «... где пахнет рожь <...> Кусты полыни, вольных птиц, / Да странника в рубахе блеклой...» – «Темна твоя дорога, странник, / Полынью пахнет хлеб чужой».

Родство, от которого Крандиевская – как могло почудиться Ахматовой – отказалась в стихотворении «Не с теми я, кто жизнь встречает...»; соревнование, соперничество, противоборство... Во всех назначенных Ахматовой поэтических состязаниях она Крандиевскую победила: ее стихи оригинальнее, тоньше, воздействуют сильнее.

Однажды Ахматова сказала про Цветаеву, посвящавшую ей стихи и в письмах объяснявшую ей в любви: «Марина Цветаева много обо мне думала. Наверное, я ей очень мешала».¹¹⁴ И. Л. Лиснянская в книге «Шкатулка с тройным дном» показала, что обе поэтессы «мешали» и «помогали» друг другу.¹¹⁵ История взаимоотношений Ахматовой и Крандиевской во многом непохожа на историю взаимоотношений Ахматовой и Цветаевой, но сходство все же есть: в обоих случаях это был не монолог, а интенсивный диалог.

И начат этот диалог был (как видится на сегодняшний день) Наталией Васильевной – по прочтении первого сборника Ахматовой «Вечер» (1912). Так что Ахматова, внимательно прочитавшая сборник Крандиевской «Стихотворения» (1913), едва ли могла не заметить «свое»:

Истома дней опаловых,
Июля тишина.
Вся в ягодах коралловых
Поникла бузина.

За садом речка ленится
Катить свое стекло,
Лишь парится, лишь пенится
И сонно, и светло.

Плывет от лип разморенных
Тяжелый, сладкий дух,
А у окон растворенных
Не счесть звенящих мух.

Ах, только и мечтается –
Под липой в уголке
Весь день, качаясь, маяться
В скрипучем гамаке!

Это стихотворение можно было бы принять за подражание Ахматовой, если бы не снижение пафоса, не едва заметный юмор и легкомысленная интонация. Стихотворение Крандиевской – это, по-видимому, и дань восхищения новой поэтессе, и ощущение родства с ней, и опробование ее приемов, и чуть-чуть – их шаржирование. Не столько состязание, сколько приветствие.

Значит, не только «Не с теми я, кто бросил землю...» – ахматовский ответ Крандиевской, но и другие приведенные реплики Ахматовой – тоже в какой-то степени ответы (на «приветствие»), более ранние и в другой тональности.

Сравним стихотворение Крандиевской с ахматовскими оригиналами:

Жарко веет ветер душный,
Солнце руки обожгло,
Надо мною свод воздушный,
Словно синее стекло.

Сухо пахнут иммортели
В разметавшейся косе,
На стволе корявой ели
Муравьиное шоссе.

Пруд лениво серебрится,
Жизнь по-новому легка,
Кто сегодня мне приснится
В легкой сетке гамака?

(Из цикла «Обман»)

О, такой медлительной истомы
Я не знала до сих пор.
(«Синий вечер. Ветры кротко стихли...»,
из цикла «Обман»)

Дверь полуоткрыта,
Веют липы сладко...
На столе забыты
Хлыстик и перчатка.
(«Дверь полуоткрыта...»)

Ах со мной, печальной узницей...
(«Муж хлестал меня...»)

Ах пусты дорожные котомки...
(«Под навесом...»)

Размер для своего подражания-шаржа Крандиевская тоже выбрала ахматовский: это размер стихотворения «Белой ночью»:

Ах, дверь не запирала я,
Не зажигала свеч,
Не знаешь, как усталая,
Я не решалась лечь...

Текст Крандиевской цитирует этот ахматовский стих на двух разных уровнях: на уровне размера и лексики («Ах»).¹¹⁶

До выхода «Вечера» Крандиевская могла читать почти все эти стихи в периодике – врозь, а вместе их собрала книжка, так что, скорее всего, «Истома дней опаловых...» – отклик именно на книжку.

В январе 1917 года Крандиевская написала и в том же году опубликовала стихотворение,¹¹⁷ в 1919 году вошедшее в ее второй сборник:¹¹⁸

Так суждено преданьем, чтобы
У русской девы первый хмель
Одни лелеяли сугробы,
Румяный холод да метель.

И мне раскрылись колыбелью
Глухой Олонии снега
В краю, где сумрачною елью
Озер синеют берега.

Где невеселые просторы
Лишь ветер мерит да ямщик,
Когда, косясь на волчьи норы,
Прносят кони напрямик.

Не потому ль – всем розам юга
И всем обычаям назло –
В снегах, покуда пела вьюга,
Впервые сердце расцвело!

И чем смиреннее и туже
В бутон был скручен строгий цвет,
Тем горячей румянит стужа
Его негаданный рассвет!

Тут очевидны переключки с пушкинским «Зима. Что делать нам в деревне?..», где «дева в сумерки выходит на крыльцо». Только характерной пушкинской рифмы «розе – на морозе» («роза» – «мороза») Крандиевская избегает, заменяя ее на «розам юга» – «пела вьюга». Поэтическая игра построена на инверсии: произведение не о поэте, а о деве – о юной поэтессе Тусе Крандиевской олонецкого времени (конец 1903–1904 год).

Но, кроме того, тут есть аллюзия на ахматовское стихотворение «Ты знаешь, я томлюсь в неволе...», которое, как мы помним, построено на переключках со стихотворением Крандиевской «Иду в полях дорогой дальней...». В «Так суждено преданьем...» другая тональность, другое содержание, чем в этих стихотворениях-предшественниках, но тот же размер и характер рифмовки, а две первые строки третьей строфы – очевидная отсылка к двум первым строкам третьей же строфы у Ахматовой. Ср.:

И те неяркие просторы,
Где даже голос ветра слаб.

Где невеселые просторы
Лишь ветер мерит да ямщик...

Так Ахматова у Крандиевской оказывается в одной компании с Пушкиным.

В 1918 году Крандиевская написала и напечатала стихотворение, также затем опубликованное в ее втором сборнике:¹¹⁹

Мороз оледенил дорогу.
Ты мне сказал: – не упади,
И шел, заботливый и строгий,
Держа мой локоть у груди.
Собаки лаяли за речкой,
И над деревней стыл дымок,
Растянут в синее колечко.
Со мною в ногу ты не мог
Попасть, и мы смеялись оба.
Остановились, обнялись.
И буду помнить я до гроба,
Как два дыханья поднялись,
Свились, и на морозе ровно
Теплело облачко двух душ.
И я подумала любовно:
– И там мы вместе, милый муж!

Хотя сама тема прогулки многократно встречается у Ахматовой,¹²⁰ однако деревенская прогулка семейной пары, кажется, не должна иметь с ахматовскими стихами ничего общего. Между тем стихотворение «Мороз оледенил дорогу...» содержит отсылки к ахматовскому стихотворению, написанному в марте 1917 года и опубликованному 19 января (1 февраля по новому стилю) 1918 года в газете «Петроградское эхо»¹²¹ – раньше, чем текст Крандиевской:

По твердому гребню сугроба
В твой белый, таинственный дом
Такие притихшие оба
В молчании нежном идем.
И слаще всех песен пропетых
Мне этот исполненный сон,
Качание веток задетых
И шпор твоих легонький звон.

Нет сведений о том, читала ли тогда Крандиевская, живя в Москве, это стихотворение, опубликованное в петроградской «большой общественно-политической и литературной газете». Думается, что читала – и переключка ее стихотворения с ахматовским не только не случайна, но и служит напоминанием о давней переключке ахматовской «Прогулки» с ее «Прогулкой с сыном».

И «Мороз оледенил дорогу...», и «По твердому гребню сугроба...» – это описание зимнего пути, первая строка Крандиевской – отсылка к первой строке у Ахматовой. В обоих произведениях – прогулка с любимым, счастливая, из тех, что остаются в памяти навсегда. Но ахматовское стихотворение «поэтичное», утонченное, и пуантом этой утонченности становится последняя (знаменитая) строка – «И шпор твоих легоньких звон», вместе с предпоследней создающая ощущение хрупкости, почти ирреальности «исполненного сна». Крандиевская же, и сама умевшая быть изящной и утонченной, пишет стихотворение как будто подчеркнуто заземленное: не сновиденный возлюбленный, а «милый муж», причем неромантическое, глухо звучащее слово «муж» в стихотворении последнее, акцентированное, вместо ахматовского «звон».

Текст Крандиевской содержит аллюзии и на другие ахматовские стихи. Строки: «Ты мне сказал: – не упади, / И шел, заботливый и строгий, / Держа мой локоть у груди», – заставляют вспомнить «Он мне сказал: “Я верный друг!” – и моего коснулся платья» («Вечером», 1913) и «Улыбнулся спокойно и жутко / И сказал мне: “Не стой на ветру”» («Сжала руки под темной вуалью...», 1911).

И ахматовская прогулка, и прогулка Крандиевской «изобразительны», но, кроме того, они «звучат». При этом герои Ахматовой «притихшие», а у Крандиевской они разговаривают и смеются, а вместо романтического «легонького звона» у нее отдаленный лай собак.

Произведение Крандиевской как будто еще более акмеистично, чем ахматовское. В нем даже звукопись способствует созданию зримого образа: четыре возвратных глагола, рифмующихся не только на концах, но и внутри строк,¹²² укрепляют образ объятия:

Остановились, обнялись.
И буду помнить я до гроба,
Как два дыханья поднялись,
Свились...

Но не напрасно рецензенты говорили о символичности лиризма Крандиевской.¹²³

...и на морозе ровно
Теплело облачко двух душ.

Незаметно объятие почти утрачивает материальность. Почти – потому что именно в момент упоминания смерти появляется глагол «теплело». Стихотворение мгновенно переносит нас из материального мира за его пределы, туда, где неизбежна утрата, – и в тот же миг рождает надежду на сохранение связи, бесплотной, но согретой прежним земным теплом.

К мартовскому стихотворению «По твердому гребню сугроба...» имеет отношение еще одно «снежное» произведение Крандиевской, тоже написанное в марте, но в 1919 году, и тогда же опубликованное в ее одесском сборнике. Возможно, Ахматова его не знала.

Вторая неделя поста,
А здесь уж забыли о стужах.
В деревьях сквозит чернота,
И голубь полощется в лужах.

А в милой Москве ещё снег,
Звон великопостный и тихий,
И санок раскидистый бег
В сугробах широкой Плющихи.

Теперь бы пойти на Арбат
Дорогою нашей всегдашней!
Над городом галки кричат,
Кружат над кремлёвскою башней.

Ты помнишь наш путь снеговой,
Счастливый и грустный немножко,
Вдоль старенькой церкви смешной, –
Николы на Куриих Ножках?

Любовь и раздумье. Снежок.
И вдруг, неожиданно, шалость,
И шуба твоя, как мешок...
Запомнилась каждая малость:

Медовый дымок табака, –
(Я к кэпстану знаю привычку), –
И то, как застыла рука, –
Лень было надеть рукавичку...

Затоптан другими наш след,
Счастливая наша дорожка,
Но имени сладостней нет, –
Николы на Куриих Ножках!

При всей разнице и даже противоположности этих стихотворений их объединяет снег и сладость прогулки с любимым человеком. У Ахматовой:

И слаще всех песен пропетых
Мне этот исполненный сон...

У Крандиевской:

...Медовый дымок табака...
...Но имени сладостней нет –
Николы на Куриих Ножках!

Как и в предыдущем случае, связь Крандиевской с Ахматовой упрочена отношением к деталям. Ахматова: «Я вижу все. Я все запоминаю, / Любовно-кротко в сердце берегу», («И мальчик, что играет на волынке...», 1911), «Я дрожу над каждой соринкою...» («Дал Ты мне молодость трудную..», 1912) – Крандиевская: «Запомнилась каждая малость...». Упрочена эта связь и тем, что стихотворение отсылает не к одному, а к нескольким ахматовским текстам.

В 1912 году Ахматова написала, а в 1914 году опубликовала в «Четках» стихотворение:

Он длится без конца – янтарный, тяжкий день!
Как невозможна грусть, как тщетно ожиданье!
И снова голосом серебряным олень
В зверинце говорит о северном сиянье.

И я поверила, что есть прохладный снег
И синяя купель для тех, кто нищ и болен,
И санок маленьких такой неверный бег
Под звоны древние далеких колоколен.

Подобно героине Ахматовой, героиня Крандиевской в реальности не там и не в том времени года,¹²⁴ где она пребывает в воспоминании. Обеим видятся старинные русские церкви и сани. Ср. родственные строки: «...И санок маленьких такой неверный бег...»¹²⁵ – «...И санок раскидистый бег...». В обоих стихах рифма «снег – бег».¹²⁶ В обоих звучит ностальгическая нота.

Ср. также «...Медовый дымок табака...» с ахматовскими строками: «Ты куришь черную трубку, / Так странен дымок над ней» («Все мы бражники здесь, блудницы...», 1912). И, наконец, ср. поразившее ахматовских современников новаторством и точным лаконизмом «Я на правую руку надела / Перчатку с левой руки»¹²⁷ с вызывающе прозаическим и трогательным: «...И то, как застыла рука, – / Леня было надеть рукавичку...».

В сборнике 1919 года есть и другие стихи с аллюзиями на ахматовские тексты:

- 1) Крикнули: – монашка,
С тихими-то тяжко.
Проходи, не спрашивай,
Знай себе докашивай
Злую лебеду, –
С нами соберешь ее в аду!
(«Мысли умницы...»)

Ср. с Ахматовой:

...На коленях в огороде
Лебеду полю.
<...>
Страшно мне от звонких воплей
Голоса беды.
Все сильнее запах теплый
Мертвой лебеды...
(«Песенка», 1911)

А та, что сейчас танцует,
Непременно будет в аду.
(«Все мы бражники здесь, блудницы...», 1912)

- 2) Шагается по горенке,
Не сыщет уголка
Сестрица некрещеная,
Бессонная тоска.
<...>
Бормочет мне знакомый стих
И все поет, поет.
<...>
Глядит глазами смутными,
Раскосыми чуть-чуть.

У Ахматовой:

Муза-сестра заглянула в лицо,
Взгляд ее ясен и ярок.

(«Музе», 1911)

...Шагается пьяный огонь
По высохшим серым болотам.

И Муза в дырявом платке
Протяжно поет и уныло.
В жестокой и юной тоске
Ее чудотворная сила.

(«Зачем притворяешься ты...», 1915)

Поэтический диалог Наталии Крандиевской с более знаменитой современницей – это прием, знак мастерства, не мешающий ее стихам быть глубоко личными и своеобразными. Но с упрочением ахматовской славы в рецензиях на женские стихи, в том числе и в нескольких отзывах на стихи Крандиевской, появились настойчивые утверждения о подражании Ахматовой.

Вот некоторые одесские газетные отклики на участие Наталии Васильевны в литературных вечерах (новый сборник еще не вышел). 29 (16) августа 1918 года: «...понравились нежные, написанные в манере Анны Ахматовой стихи, прочитанные поэтессой Крандиевской, на которую из пустующих лож наводила свой взыскательный лорнет целая эскадрилья молодых одесских поэтов, подающих и не подающих надежды».¹²⁸ 12 декабря (29 ноября) 1918 года (в пересказе Е. Д. Толстой): «На четвертой “Среде” читали свои новые стихи В. Инбер и Н. Крандиевская. К. В. Мочульский делал “предвари-

тельное сообщение” о русской женской поэзии. Судя по газетному отчету, он сетовал на традиционно снисходительное отношение к творчеству женщин, выражая надежду, что расцвет женской поэзии, пришедшийся на последнее десятилетие, положит ему конец, и упоминал об Анне Ахматовой, которая становится главой целой школы. После чтения Верой Инбер и Натальей Крандиевской новых, ненапечатанных стихов в прениях Г. О. Гершенкройн говорил о чисто женской эмоциональности стихов Инбер. Лиризм Наталии Крандиевской, напротив, “мужествен”, символичен и по общему строю сходен с лирикой Вяч. Иванова. Последовала дискуссия Гершенкройна с Мочульским о “женском” (в том числе и у поэтов-мужчин) и “мужском” началах в современной русской поэзии». ¹²⁹

В берлинской рецензии Веры Лурье на третью книгу Крандиевской, вышедшую в 1922 году, говорится: «... в стихах ее чувствуется много влияний, то повеет Мандельштамом, то Ходасевичем, главным же образом, Ахматовой! Не будем осуждать за это поэта...». ¹³⁰ В другой берлинской рецензии на ту же книгу: «Чувствуются старые образцы: Вяч. Иванов, А. Блок и др. <...> Стихи Крандиевской приятны. Они цветут живой творческой мыслью. В них много мягкости. От каждой строки веет “Das ewig Weibliche”. * В то же время это не ахматовские мотивы, и поэтесса в этом смысле имеет свое лицо». ¹³¹ Отрицание влияния Ахматовой неизбежно подразумевает ассоциацию с ней, тем более что рецензент тут же называет другие предполагаемые влияния.

Однако есть и иные оценки этой книги. Н. И. Петровская пишет: «Поэзия Н. Крандиевской, вся нежная в своем тихом звездном сиянии, исходит из самых благородных традиций символизма. <...>

“Близится полдень мой с грозами,
Весь в плодоносном цветении”.

Книга “От Лукавого”, действительно, “плодоносное цветение” не огромного, не поражающего, но изысканно-утонченного таланта, безошибочно понявшего свою поэтическую миссию и умело располагающего творческими возможностями. В сборнике нет совершен-

* Вечная Женственность (нем.).

но стремления к новизне внешней, к новизне шумящей, кликушей, ошарашивающей <...>

Стихи ее новы новизной другой, светящей изнутри, раскрывающейся в глубине внутреннего поэтического и жизненного опыта. <...>

Художественная атмосфера “От Лукавого” полна земной чувственной прелести <...> мистерия жизни для ее женственной, в самом глубоком смысле этого слова, души раскрывается лишь через мистирию любви. Но любовь не “поединок роковой”, не извечная ненависть, а благодать и религия, пронизывающая золотыми лучами хмурость земного дня <...>

Трепещущая сокровенная женственность углубляет до бесконечности образы ее чувства, но не замыкает их в глухих стенах современного счастья. Роковая непрочность мира веет над ними черными крыльями, облекает иногда в печально-покорные строфы и отмечает двойной печатью – любви и смерти:

Подумала я о родном человеке,
Целуя его утомленные руки,
И ты ведь их сложишь навеки, навеки
И нам не осилить последней разлуки.

Но даже сознание недолговечности земных наших видений не омрачит звездно-матового сияния ее души:

Благословим светло и просто
Земное горькое вино,
Пока иным в тиши погоста
Нам причаститься не дано.

Земле земное... Смерть же лишь полет к бесконечному. В стихотворении:

Рвануло грудь, и подхватила,
Запела гулкая свирель.
Я видела, как уронила
Былые руки на постель... –

может быть, много оставляющем желать по форме, – звучит мотив совершенно антропософский:

И вот по воздуху по синему
Спираль, развернутая в линию,
Я льюсь, и ширюсь, и звеню
Навстречу гулкому огню.
Меня качают звоны, гуды,
И музыки громовой груды
Встречают радостной игрой
Новорожденный голос мой.

Но космическая музыка, симфония с грандиозными лейтмотивами чужда Н. Крандиевской по самому существу ее дарования. Она чистейший лирик, и лирика должна остаться единственным путем ее лирических устремлений.

...Для каждого есть в мире звук,
Единственный, неповторенный...

В чутком внимании к нему, в тихом слушании его – вся поэтическая миссия Крандиевской. У нее зоркая интуиция...»¹³²

В этом тонком и во многом точном отзыве отсутствует предвидение, которого, впрочем, требовать от рецензента невозможно: Петровская не могла предугадать, что Крандиевской предстоит стать поэтом ленинградской блокады. Но в данный момент нам важно другое: Петровская делает акцент на главном – показывает зрелость, новизну и самостоятельность стихов автора, в ее рецензии Ахматова не упоминается.

Между тем в книге «От лукавого» – последнем прижизненном сборнике Крандиевской – ахматовские мотивы и образы вновь встречаются, диалог продолжается. Сравним некоторые строки Крандиевской со строками Ахматовой:

- 1) ...Но песнь любви, что наизусть
Все пели, – слушаю, как новую.
(«И все ж!.. Приплыв к иному берегу...»)
- ...А песню ту, что прежде надоела,
Как новую, с волнением поешь.
(«Перед весной бывают дни такие...», 1915)

- 2) ...И в тетрадь, между страницами,
Как закладку красного шелка,
Я кладу виноградный лист.
(«Засыпаю рано, как дети...»)
- ...И каждая встреча чудесней, –
А в Библии красный кленовый лист
Заложен на Песне Песней.
(«Под крышей промерзшей пустого жилья...», 1915)

- 3) Уже пушистый хохолок
На кукурузах зацветает,
Уже утрами залетает
За ставни бодрый холодок...
(«Уже пушистый хохолок...»)

Еще струится холодок,
Но с парников снята рогожа.
(«Цветов и неживых вещей...», 1913)

Среди произведений, посвященных родине, в сборнике «От лукавого» есть такое стихотворение:

С севера – болота и леса,
С юга – степи, с запада – Карпаты,
Тусклая над морем полоса –
Балтики зловещие закаты.

А с востока – дали, дали, дали,
Зори, ветер, песни, облака,
Золото и сосны на Урале,
И руды железная река.

Ходят в реках рыбы-исполины,
Рыщут в пущах злые кабаны,
Стонет в поле голос лебединый,
Дикий голос воли и весны.

Зреет в небе, зреет, словно колос,
Узкая, медовая луна...
Помнит, сердце, помнит! Укололось
Памятью на вечны времена.

Видно, не забыть уж мне до гроба
Этого хмельного питья,
Что испили мы с тобою оба,
Родина моя!

Ср. у Ахматовой:

Я сошла с ума, о мальчик странный,
В среду, в три часа!
Уколола палец безымянный
Мне звенящая оса.
<...>

Но конец отравленного жала
Был острее веретена...

(1911)

Полное отсутствие тематической связи, но Крандиевская «рифмует» свое стихотворение с ахматовским: «веретена» – «на вечны времена». «Уколола палец безымянный...» – сердце укололось памятью. Такое впечатление, что поэзия Ахматовой для Крандиевской в эмиграции – такая же часть родины, как дали, зори... и – «голос лебединый».

«Голос лебединый» – возможно, прежде всего ахматовский голос. Во всяком случае, он – еще одна ниточка, связывающая стихотворение Крандиевской с Ахматовой:

Стонет в поле голос лебединый,
Дикий голос воли и весны.

Ср. ахматовское:

Я только голосом лебединым
Говорю с неправедною луной.
(«Ты мне не обещан ни жизнью, ни Богом...», 1915)

Очень вероятно, что Ахматова не держала в руках заграничные сборники Крандиевской: в силу исторических обстоятельств резонанса в Советской России они не имели.¹³³ И, казалось бы, после «Не с теми я, кто бросил землю...» (1922) мериться силами и правотой с Крандиевской она перестала. По двум причинам: из-за бесспорности своей победы и из-за исчезновения противника. Но, возможно, этот вывод требует оговорки.

Стихотворение «С севера – болота и леса...» в 1920 году, до книги «От лукавого», было опубликовано в парижском журнале «Современные записки».¹³⁴ Нет свидетельств, что Ахматова его читала,¹³⁵ но ее стихотворение «Согражданам» («Петроград, 1919»), не менее программное и знаменитое, чем «Не с теми я...», кажется еще одним ответом эмигрировавшей поэтессе. Произведение не датировано, напечатано же оно во втором издании «Anno Domini» (1923), в которое вошел ряд стихов 1922 года.

Согражданам

И мы забыли навсегда,
Заклочены в столице дикой,
Озера, степи, города
И зори родины великой.
В кругу кровавом день и ночь
Долит жестокая истома...
Никто нам не хотел помочь
За то, что мы остались дома,
За то, что, город свой любя,
А не крылатую свободу,
Мы сохранили для себя
Его дворцы, огонь и воду.

Иная близится пора,
Уж ветер смерти сердце студит,
Но нам священный град Петра
Невольным памятником будет.

Очевидно, что смысл произведения никак не сводится к ответу одному адресату, но параллели-возражения (не столь резкие, как в «Не с теми я, кто бросил землю...») весьма выразительны.

У Крандиевской – российские дали, бесконечный простор, «дикий голос воли», у Ахматовой – «...Заключены в столице дикой...», а за рубежом – «крылатая свобода». У Крандиевской – «Помнит сердце, помнит! Уколось / Памятью на вечны времена», у Ахматовой – «И мы забыли навсегда...». Одна потеряла Россию и вспоминает ее всю, другая сохранила, по крайней мере, часть – свой город («...Мы сохранили для себя / Его дворцы, огонь и воду»). Одна: «Видно, не забыть уж мне до гроба...», другая: «Уж ветер смерти сердце студит, / Но нам священный град Петра / Невольным памятником будет». И у обеих – пронзительное перечисление примет родины. «Двух голосов переключка»,¹³⁶ а о победе тут говорить не приходится. Стихотворение Крандиевской столь же мощное, как и ахматовское.

Как уже говорилось, примерно с 1923 года и до середины 1935 года Крандиевская не писала стихов. С 1925 по 1935 год почти не писала стихов и Ахматова. Их поэтический диалог прервался. А впоследствии его поддерживала уже, кажется, только Крандиевская. Но он не превратился в монолог: Наталия Васильевна вела беседу с ахматовскими стихами 1910-х–1920-х годов. Ср., например, «Люби другую, с ней дели...»¹³⁷ с ахматовским «Я не любви твоей прошу...», «Духов день» с «Небо мелкий дождик сеет...» и в особенности «Было все со мной не попросту / Все не так, как у людей...» с целым рядом ахматовских текстов («Мне ни к чему одические рати...», «Высоко в небе облачко серело...», «Муж хлестал меня узорчатым...» и др.).

Блокадная книга стихов Крандиевской «В осаде» (при ее жизни не напечатанная), по словам А. Ю. Чернова, не имеет аналогов, это «великая книга великого города», где поэт говорит «за всех, не напрягая голосовых связок».¹³⁸ Вот тому пример:

На салазках кокон пряменький
 Спеленав, везет
 Мать заплаканная, в валенках,
 А метель метет.

Старушонка лезет в очередь,
 Охает, крестясь:
 «У моей, вот тоже, дочери
 Схоронен вчерась.

Бог прибрал, и, слава Господу,
Легше им и нам.
Я сама-то скоро с ног спаду
С этих со ста грамм».

Труден путь, далек до кладбища,
Как с могилой быть?
Довезти сама смогла б еще, –
Сможет ли зарыть?

А не сможет – сложат в братскую,
Сложат, как дрова,
В трудовую, ленинградскую,
Закопав едва.

И спешат по снегу валенки, –
Стало уж темнеть.
Схоронить трудней, мой маленький,
Легче умереть.

(Из цикла «На улице», 1942)

Однако и в блокадной книге есть стихи, заставляющие вспомнить об Ахматовой,¹³⁹ – прежде всего, те, что принято называть гражданскими. Почему Крандиевской и тут понадобилась Ахматова? Если бы у Наталии Васильевны не было опыта создания гражданской лирики, можно было бы предположить, что она заимствовала опыт. Но еще в 1906 году был опубликован ее поэтический отклик на гибель участников Первой русской революции.¹⁴⁰ А ее стихотворение «Проходят мимо неприязшие, / Не узнают лица в крови...» помечено октябрём 1917 года, это один из первых поэтических откликов на только что свершившиеся события.¹⁴¹ Такого рода стихов у Крандиевской было всего несколько, но они были.

И все же она обращается к гражданским стихам Ахматовой – к тем, что были написаны в годы Первой мировой войны, революций и пореволюционное время. «Блокадный город, из которого она не уехала, потому что не простила себе и не могла повторить крах собственного бегства из прифронтового города (Одесса, 1919), становится не только голодной мукой, но и степенью свободы», – пишет А. Ю. Чернов. Теперь Крандиевская находится в позиции, когда она

вправе писать такие стихи, какие писала Ахматова в послереволюционном Петрограде. Она может ориентироваться на эти образцы и разрешить себе диалог с Ахматовой, которая, между прочим, 29 сентября 1941 года была из Ленинграда эвакуирована.

Крандиевская никого не клеймит. Самое большое, что она позволяет себе, и то, кажется, лишь однажды – легкую насмешку над уехавшими, юмористический выпад (причем не отделяя «вас» от «нас»):

Ну что ж, товарищи, летите!
А град Петра и в этот раз,
Хотите ль вы иль не хотите,
Он обойдется и без нас!

Лишь промотавшиеся тресты
В забитых наглухо домах
Грустят о завах, как невесты
О вероломных женихах.

(«А беженцы на самолетах...», 1941)

И все же то, что она в числе оставшихся, – это принципиально важное для нее решение. Книга «В осаде» открывается «пушкинско-ахматовским» стихотворением:

Недоброй славы не бегу.
Пускай порочит тот, кто хочет,
И смерть на невском берегу
Напрасно карты мне пророчат.

Я не покину город мой,
Венчанный трауром и славой,
Здесь каждый камень мостовой –
Свидетель жизни величавой,

Здесь каждый памятник воспет
Стихом пророческим поэта,
Здесь Пушкина и Фальконета
Вдвойне бессмертен силуэт.

О, память! Верным ты верна.
Твой водоем на дне колышет
Знамена, лица, имена, –
И мрамор жив, и бронза дышит.

И променять за бытие,
За тишину в глуши бесславной,
Тебя, наследие мое,
Мой город великодержавный?

Нет! Это значило б предать
Себя на вечное сиротство,
За чечевицы горсть отдать
Отцовской славы первородство.

1941

Здесь явственны переключки со стихотворением Ахматовой «Согражданам» («Петроград, 1919»), открывшим книгу «Anno Domini» 1923 года. Напомню, что одним из импульсов для его возникновения было стихотворение Крандиевской «С севера – болота и леса...», содержащее, в свою очередь, аллюзии на ахматовские тексты. Стихотворение Крандиевской написано тем же размером, что и ахматовское, и исполнено того же пафоса. Вопрос могут вызвать первые его строки: что за «недобрая слава», кто «порочит» героиню? Тут нужно вспомнить, что государственные службы подозревали оставшихся в Ленинграде в том, что они ждут, хотят прихода немцев. Кроме того, эти слова несут в себе след спора оставшихся и уехавших, как в ахматовском «Не с теми я, кто бросил землю...» («...Оправдан будет каждый час...»).

В 1942 году Крандиевская пишет:

Этот год нас омыл, как седьмая щелочь,
О которой мы, помнишь, когда-то читали?
Оттого нас и радует каждая мелочь,
Оттого и моложе как будто бы стали.

Научились ценить все что буднями было:
Этой лампы рабочей лимит и отраду,
Эту горстку углей, что в печи не остыла,
Этот ломтик нечаянного шоколаду.

Дни «тревог», отвоеванные у смерти,
Телефонный звонок – целы ль стекла? Жива ли?
Из Елабуги твой самодельный конвертик, –
Этих радостей прежде мы не замечали.

Будет время, мы станем опять богаче,
И разборчивей станем, и прихотливей,
И на многое будем смотреть иначе,
Но не будем, наверно, не будем счастливей!

Ведь его не понять, это счастье, не взвесить!
Почему оно бодрствует с нами в тревогах?
Почему ему любо цвести и кудесить
Под ногами у смерти, на взрытых дорогах?

И в этом глубоко своеобразном, неожиданном стихотворении
есть переключки с Ахматовой. Ср.:

Думали: нищие мы, нету у нас ничего,
А как стали одно за другим терять,
Так, что сделался каждый день
Поминальным днем, –
Начали песни слагать
О великой щедрости Божьей
Да о нашем бывшем богатстве.

1915

Всё расхищено, предано, продано,
Черной смерти мелькало крыло,
Все голодной тоскою изглодано,
Отчего же нам стало светло?

Днем дыханьями веет вишневыми
Небывалый под городом лес,
Ночью блещет созвездьями новыми
Глубь прозрачных июльских небес,–

И так близко подходит чудесное
К развалившимся грязным домам...
Никому, никому неизвестное,
Но от века желанное нам.

1921

Подчеркнуто «ахматовским» является стихотворение:

Ты пишешь письма, ты зовешь,
Ты к жизни сытой просишь в гости.
Ты прав по-своему. Ну, что ж!
И я права в своем упорстве.

Мне это время по плечу, –
Не думай, что изнемогаю.
За битвой с песнею лечу
И в ногу с голодом шагаю.

И если надо выбирать
Судьбу – не обольщусь другою.
Утешусь гордою мечтою –
За этот город умирать!

Здесь есть и спор-переключка с Цветаевой, памяти которой Крандиевская в 1941 году посвятила стихи.¹⁴² Он намечен двумя строками с цветаевским анжанбеманом:

И если надо выбирать
Судьбу – не обольщусь другою.

Ср. с Цветаевой:

Не обольщусь и языком
Родным, его призывом млечным.
(«Тоска по родине! Давно...», 1934)

Но прежде всего это стихотворение – переключка с Ахматовой, с ее классическим текстом «Когда в тоске самоубийства / Народ гостей немецких ждал...» (осень 1917),¹⁴³ особенно со строками:

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда...»

Однако если в стихотворении Ахматовой – резкое неприятие голоса, призывающего эмигрировать,¹⁴⁴ его можно принять за голос

дьявола, то у Крандиевской резкость снята, ее стихотворение – разговор, а не отповедь. Оно посвящено сыну Дмитрию. Это ответ на его письма и – шире – на голоса тех, кто эвакуировался из блокадного города.

Дмитрию посвящена и вся книга «В осаде». В начале войны в Ленинграде были все три сына Наталии Васильевны. Вскоре Никита был мобилизован. Он «проходил службу в тылу, на берегах Камы. С ним была жена с детьми, – вспоминает Д. А. Толстой. – <...> В опустевшей квартире остались мама, Юлия Ивановна и я. Вскоре к нам примкнул Фефа,¹⁴⁵ которому трудно было отапливать квартиру на Кировском. Все четверо – <...> Мама, Юля, Федор и я – перебрались жить на кухню. <...> На кухне были написаны стихи самого обширного и, как мне представляется, самого замечательного ее цикла “В осаде”. Казалось, что стихи заменяли ей хлеб. <...> И в стихах, и в жизни она чутко улавливала дух своего народа. Она была душою бойцом <...> Ее блокадные стихи заставляли почувствовать в себе Россию как нечто неразрывное со всем моим существом. <...> К началу 1942 года <...> Фефа улетел в Москву по вызову Академии наук. В январе у меня начались голодные обмороки. <...> В конце февраля в дверь кухни постучали. <...> Это были корреспонденты военной газеты “Красная звезда”. Они передали нам распоряжение – готовиться к эвакуации. Эвакуироваться надо было по “Дороге жизни” <...> Как выяснилось позже, <...> отец попросил их связаться с городскими властями и помочь организовать нашу эвакуацию. Мама отказалась уезжать. Решено было, что поедут Юленька и я. <...> мама везла меня к Финляндскому вокзалу на санках...»¹⁴⁶ (везла на санках девятнадцатилетнего сына). «На прощание мама перекрестила меня, поцеловала и сказала: “Помни, сынок! Есть великая, наша русская добродетель, которая спасает нас всегда. Это терпение. Будь терпелив”». ¹⁴⁷ Наталия Васильевна осталась в Ленинграде одна. Тогда и появилось стихотворение «Ты пишешь письма, ты зовешь...».

В числе блокадных стихов Крандиевской есть такое:

Смерти злой бубенец
Зазвенел у двери.
Неужели конец?
Не хочу, не верю!

Сложат, пятки вперед,
К санкам привяжут.
– Всем придет свой черед, –
Прохожие скажут.

Не легко проволочь
По льду, по ухабам.
Рыть совсем уж невмочь
От голода слабым.

Отдохни, мой сынок,
Сядь на холмик с лопатой,
Съешь мой смертный паек,
За два дня вперед взятый.

Оно датировано февралем 1942 года. Его первая строфа сходна с ахматовским стихотворным наброском:

Стеклянный звонок
Бежит со всех ног.
Неужто сегодня срок?
Постой у порога,
Подожди немного,
Меня не трогай
Ради Бога!

Это стихотворение не 1910-х – начала 1920-х годов, как в остальных случаях, – оно написано в 1944 году, а опубликовано после смерти Ахматовой.¹⁴⁸ Стихотворение Крандиевской также было опубликовано посмертно. Так что «Смерти злой бубенец...» и «Стеклянный звонок...» созданы независимо друг от друга, и их сходство можно объяснить только временем их создания и внутренним родством поэтов.

«В 1946 г., – пишет Д. А. Толстой, – должна была выйти книга маминых стихов. Из-за разгрома культуры, учиненного Ждановым и, к позору всей нашей истории, увековеченного в постановлении о Зощенко и Ахматовой, набор уже готовой маминой книги рассыпали. Маме не суждено было увидеть свой сборник».¹⁴⁹ Такова связь событий.

В послевоенные годы в стихах Крандиевской также встречались аллюзии на ахматовские тексты. В 1953 году она писала:

Виноградный лист в моей тетради,
Очевидец дней былых и той
Осени, что в спелом винограде
Разлилась отравой золотой.

Выпито вино того разлива
Уж давно. И гол, и пуст, и чист
Виноградник, где он так красиво
Пламенел, засохший этот лист.

Те стихи, в которые закладкой
Вложен он, – боюсь перечитать.
Запах осени, сухой и сладкий,
Источает старая тетрадь.

Виноградный лист – тот, что был положен в тетрадь в молодости и воспет в стихотворении «Засыпаю рано, как дети...» (сборник «От лукавого», 1922):

...И в тетрадь, между страницами,
Как закладку красного шелка,
Я кладу виноградный лист.

Значит, сохраняется и отсылка к ахматовскому:

А в Библии красный кленовый лист
Заложен на Песне Песней.
(«Под крышей промерзшей пустого жилья...», 1915)

Но появляется – в последних строках – и новая аллюзия, обрамляющая элегическое звучание произведения, – на последние строки ахматовского стихотворения, помеченного предполагаемой датой гибели Николая Гумилева:

Запах тленья обморочно сладкий
Веет от прохладной простыни.

(«Страх, во тьме перебирая вещи...», 25 августа 1921)

Очевидно, что поэтический диалог с Ахматовой был до конца важен для Крандиевской: спор, выявление различий, признание и, кажется, тайная любовь – любовь к ахматовским стихам 1910–1920-х годов. Было и уважение к «Музе плача». Думается, что не случайно в воспоминаниях Д. А. Толстого имя Ахматовой упоминается часто и с почтением.¹⁵⁰ видимо, таков был дух дома, несмотря на то, что Ахматова была «неряха», а Крандиевская в ее глазах – «Толстиха». Д. А. Толстой написал музыку на стихи не только своей матери, но и на стихи Ахматовой.

К 1960-м годам Наталия Васильевна совершенно ослепла. Ей приходилось диктовать стихи детям и внукам. В 1961 году Шапорина записала в дневнике: «Справляли у Мити Толстого именины Натальи Васильевны. Попросили ее почитать свои стихи. <...> Тонкое, красивое лицо; подняла тонкую руку. Незрячими глазами смотрела вверх, читала прекрасные стихи».¹⁵¹

Крандиевской не стало в 1963 году, Ахматовой – в 1966-м.

Ахматова:

...Почудится в дреме левкоя...
Но верно и тайно ведет
От радости и от покоя.

(«Любовь», 1911)

Крандиевская:

...Отгоняя и сон, и покой
Пахнет счастьем белый левкой.

(«Мне не спится и не рифмуется...», 1961)

¹ Сердечная благодарность за помощь в работе Е. Д. Толстой, И. Н. Толстому и А. Ю. Чернову. За консультации в ходе работы благодарю также Р. Д. Тименчика, А. В. Лаврова, А. Г. Каминскую, Э. Б. Коробову, Н. И. Крайневу, Т. В. Игошеву, Т. С. Позднякову, А. Поморского, П. Е. Поберезкину.

² *Крандиевская Н.* Стихотворения. М.: Книгоиздательство К. Ф. Некрасова, 1913. Обложка работы М. В. Добужинского. Рецензии на книгу относятся к 1914, самые ранние из них – январские. В «Книжной летописи» сборник Крандиевской указан в перечне книг, поступивших

с 12 по 19 февраля 1914, и датирован 1914 (Книжная летопись Главного управления по делам печати. 22 февраля 1914. № 8. С. 9). Но в воспоминаниях Крандиевской говорится, что книга вышла в конце 1913 г.: «Рождественские дни 1913 года в Москве. <...> только что вышла моя книга...» (*Крандиевская-Толстая Н. В.* Воспоминания. Л., 1977. С. 73–74).

³ *Ахматова А. А.* Соч. В 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 393. О связи стихотворения Ахматовой со стихотворением Хомякова позднее писали и другие исследователи: *Кацис Л. Ф., Одесский М. П.* «И если когда-нибудь в этой стране...» // Литературное обозрение. 1996. № 5/6. С. 218.

⁴ Стихотворение приведено (с поправкой, связанной с изменением правил пунктуации) по изд.: *Хомяков А.* Избранные стихотворения. СПб., 1911. С. 33–34.

⁵ *Тименчик Р. Д.* Из «Именного указателя» к «Записным книжкам»: «Завистницы, соперницы, враги» // «Я всем прощение дарую...»: Ахматовский сборник. М.; СПб., 2006. С. 493. Цитируемый текст: *Чеботаревская А.* Наталия Крандиевская. Стихотворения // Заветы. 1914. № 5. 52.

⁶ Там же. С. 52–53.

⁷ Стихотворение Крандиевской было прочитано и Гумилевым. Ср. о нем: «О Крандиевской говорил – милая, но бесцветная поэтесса»; примеч. Р. Д. Тименчика: «Незадолго перед тем Н. В. Крандиевскую противопоставили акмеистам...» (далее – цитата из той же рецензии Чеботаревской) (*Тименчик Р.* Читатели Гумилева. Прилож. Начало воспоминаний Варвары Моининой // Тименчик Р. Подземные классики: Иннокентий Анненский, Николай Гумилев. М.; Иерусалим, 2017. С. 564, 642).

⁸ Ср.: «Четки» «вышли 15 марта 1914, т. е. вскоре после того, как окончилась кампания по уничтожению акмеизма» (*Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966).* М.; Torino, 1996. С. 376).

⁹ *Иванов-Разумник.* Жеманницы («Четки» Анны Ахматовой и «Печальное вино» Веры Инбер) // Заветы. 1914. № 5. С. 48, 47.

¹⁰ *Гумилев Н.* Наследие символизма и акмеизм; *Городецкий С.* Некоторые течения в современной русской поэзии // Аполлон. 1913. № 1. С. 42–45; 46–50.

¹¹ Русская мысль. 1914. № 5–7. Здесь цит. по републ. в сб.: *Брюсов В. Я.* Среди стихов: 1894–1924: Манифесты, статьи, рецензии. М., 1990. С. 444.

¹² Там же. С. 444–447.

¹³ *Городецкий С.* Женские стихи // Речь. 1914. 14 апреля. № 100. С. 3.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Альвинг А.* Наталия Крандиевская – Стихотворения // Новь. 1914. 15 марта. № 52. С. 6.

¹⁶ См.: *Кречетов С.* Одиннадцать (Критические заметки по текущей русской литературе) // Утро России. 1914. 25 января. № 20. С. 6; *Полянин А.* Наталия Крандиевская – Стихотворения // Северные записки. 1914. Февраль. С. 180–182.

¹⁷ Там же. С. 182.

¹⁸ *Шумский В.* Женская лирика (эскиз) // Лесное эхо. 1918–1919. № 3–4. С. 15.

¹⁹ Там же.

²⁰ «Поздний ответ» – название ахматовского стихотворения (1940, 1961), посвященного М. И. Цветаевой.

²¹ «“Отсроченный ответ”, “поздний ответ” можно считать индивидуальным ахматовским жанром программной лирики» (из доклада «Память Ахматовой», сделанного Р. Д. Тименчиком на конференции в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме в 2000).

²² «Срочный ответ» – определение, данное некоторым ахматовским стихам И. Л. Лиснянской. См.: *Лиснянская И.* Шкатулка с тройным дном. Болшево; Калининград, 1995. С. 36–62.

²³ «Литературное приложение» № 1 к выпуску газеты «Накануне» № 29. В том же номере приложения были напечатаны произведения М. Горького, Б. А. Пильняка и др. В последующих приложениях публиковались М. А. Булгаков, О. Э. Мандельштам, М. А. Зенкевич, М. Л. Слонимский, К. А. Федин, М. М. Зощенко, Г. А. Шенгели, М. А. Волошин и мн. др.

²⁴ Редакторами газеты «Накануне» в это время были Ю. В. Ключников и Г. Л. Кирдцов.

²⁵ Не совсем точные сведения. Ахматова не была в Москве четыре года.

²⁶ Чуковский К. И. Дневник. 1901–1929. М., 1991. С. 213.

²⁷ Литературные записки. 1922. № 3. С. 23. Ахматовские стихи в «Парфеноне» и «Утренниках» были опубликованы незадолго до публикации их в «Литературном приложении» к «Накануне», также в апреле 1922 (*Черных В. А.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М., 2016. С. 189; Литературная жизнь России 1920-х годов. Т. 1. Ч. 2. М., 2006. С. 378, 386).

²⁸ Тименчик Р. Последний поэт. Анна Ахматова в 60-е годы. В 2 т. Т. 2. М.; Иерусалим, 2015. С. 321.

²⁹ Русский Берлин. 1921–1923. По материалам архива Б. И. Николаевского в Гуверовском институте / Изд. подгот. Л. Флейшман, Р. Хьюз, О. Раевская-Хьюз. Paris; М., 2003. С. 32–46. См. также: *Варламов А. Н.* Алексей Толстой: Биография. М., 2009. С. 295–368.

³⁰ Накануне. 1922. 14 апреля. № 17. С. 2.

³¹ Литературные записки. 1922. № 1. С. 4.

³² Это не отменяет вывода исследователя о том, что в третьей строфе стихотворения «прямо на поверхность» выходит «дантовский слой»: тема изгнанничества; «чужой хлеб» – цитата из «Божественной комедии» (*Хлодовский Р. И.* Анна Ахматова и Данте // Ахматовские чтения. В 3 вып. Вып. 2. Тайны ремесла. М., 1992. С. 81). Наверняка Ахматова помнила не только дантовские слова, но и пушкинские отсылки к Данте: «Горек чужой хлеб, говорит Данте...»; «...Сколь черств и горек хлеб чужой...» (*Пушкин А. С.* Пиковая дама // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 т. Т. 6. Л., 1977. С. 217; ранняя редакция поэмы «Цыганы» в том же изд.: Т. 4. С. 383). Ср. также у В. К. Кюхельбекера в поэме «Давид»: «Суров и горек черствый хлеб изгнанья...» (*Кюхельбекер В. К.* Лирика и поэмы. Т. 1. Л., 1939. С. 254, 255); у Шекспира: «Есть на чужбине горький хлеб изгнанья...» (*Ричард II.* Пер. Н. А. Холодковского. Действие третье. Сцена I. Цит. по изд.: *Шекспир У.* Полн. собр. соч. В 5 т. Т. 2. СПб., 1902. С. 88).

³³ «Литературное приложение» № 6 к выпуску газеты «Накануне» № 57. С. 2–3.

³⁴ Возмущенное открытое письмо Цветаевой Толстому от 3 (?) июня 1922. Цит. по изд.: *Варламов А. Н.* Алексей Толстой. С. 329.

³⁵ Русский Берлин. С. 43.

³⁶ *Павловский А.* «Это плещет Нева о ступени...» // Нева. 1979. № 6. С. 195.

³⁷ *Ратгауз Г.* Как феникс из пепла. Беседа с Анной Андреевной Ахматовой // Знамя. 2001. № 2. С. 153.

³⁸ Ср.: «Пастернак <...> однажды при мне в очень важном для него разговоре целиком прочитал наизусть “Не с теми я, кто бросил землю...”, сказав, что в этом стихотворении лучше всего сказано то, что он хотел бы сам выразить» (*Иванов Вяч. Вс.* Беседы с Анной Ахматовой // Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991. С. 474).

³⁹ Тименчик Р. Последний поэт. Анна Ахматова в 60-е годы. Т. 2. С. 321. О своем понимании стихотворения «Не с теми я, кто бросил землю...» Р. Д. Тименчик пишет также в статье «После всего: Неакадемические заметки» (Литературное обозрение. 1989. № 5. С. 25).

⁴⁰ «Несравненной моей правоты» – строка из стихотворения Ахматовой 1940. «Не недели, не месяцы – годы...» (цикл «Разрыв»).

⁴¹ Ср. о другом стихотворении: «...прозвучал голос, предлагающий Анне Ахматовой оставить Россию навсегда. В нем было зловещее утешение:

Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд...

– и эти строки <...> слишком прямо отсылают читателя к шекспировской леди Макбет. Разумеется, в действительности такая параллель ни на чем не была основана, кроме чувства сопричастности (если не уедешь, не отделишь себя от России) с тем кровавым, что там происходило» (*Бобышев Д.* Ахматова и эмиграция // Звезда. 1991. № 2. С. 178–179).

⁴² Цит. по: *Тименчик Р. Д.* Из «Именного указателя» к «Записным книжкам». С. 492. Ср. комментарий к этой заметке внучки Н. В. Крандиевской, филолога Е. Д. Толстой (из письма к О. Е. Рубинчик, 1 мая 2019): «Как-то у меня есть сомнение, что можно Н. В. “шить групповуху”. Она все-таки сама по себе. И в том, что она поклонялась Анне Радловой, очень сомневаюсь. Она же довольно консервативная была во вкусах».

⁴³ *Толстая Т. Н.* Йорик // Толстая Т. Н. Ночь. Рассказы. М., 2007. С. 409–410.

⁴⁴ Из письма Е. Д. Толстой к О. Е. Рубинчик, 1 мая 2019.

⁴⁵ Подробно о многолетней истории взаимоотношений Ахматовой и Толстого см. в главе «“Алешка” и “Аннушка”: Литературные отношения Ахматовой и Толстого» (*Толстая Е. Д.* Ключи счастья. Алексей Толстой и литературный Петербург. М., 2013. С. 457–500). См. об этом также: *Варламов А. Н.* Алексей Толстой. С. 101–102 и др.; *Тименчик Р.* «Записные книжки» Анны Ахматовой. Из «Именного указателя». I // Эткиндовские чтения II–III: Сб. статей. СПб., 2006. С. 262–264.

⁴⁶ См. главу «Москва и разрыв с Софьей» (*Толстая Е. Д.* Ключи счастья. Алексей Толстой и литературный Петербург. С. 185–251).

⁴⁷ *Будыко М. И.* Рассказы Ахматовой // Об Анне Ахматовой. Л., 1990. С. 483. Ср. также мнение Ахматовой, зафиксированное в дневниковой записи С. К. Островской 3 августа 1953: «Ахматова впервые читала “Хождение по мукам” летом 1953-го <...> Свое беспутство и связь с адвокатской женой <...> Толстой подсовывает Блоку» (*Островская С. К.* Дневник. М., 2013. С. 601).

⁴⁸ *Крандиевская-Толстая Н. В.* Воспоминания. С. 70. «С детства она отменно музицировала на фортепиано, училась рисованию и живописи у Добужинского и Бакста. Но делом всей жизни были стихи, и только стихи» (*Чернов А.* Шапка-невидимка Наталии Крандиевской // Сайт «Наталия Крандиевская». [Электронный ресурс]. URL:<http://krandievskaya.imwerden.de/krandSTATIYA.htm>).

⁴⁹ Из разговора О. Е. Рубинчик с А. Г. Каминской 23 мая 2019. К сожалению, самих высказываний Ахматовой Анна Генриховна не помнит.

⁵⁰ Описание см. в изд.: *Лукиничий П. Н.* Asumiana. Встречи с Анной Ахматовой. В 2 т. Т. II. Париж; М., 1997. С. 269–271.

⁵¹ О приеме Крандиевской в Союз писателей: *Толстой Д. А.* Для чего все это было: Воспоминания. СПб., 1995. С. 221.

⁵² *Чернов А.* Шапка-невидимка Наталии Крандиевской.

⁵³ *Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой. В 3 т. Т. I. М., 1997. С. 32–33. Запись от 20 июля 1939.

⁵⁴ Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 40.

⁵⁵ Из письма литературоведа и журналиста И. Н. Толстого к О. Е. Рубинчик, 22 мая 2019.

⁵⁶ *Чуковская Л. К.* Указ. соч. Т. I. С. 69. Запись от 17 января 1940.

⁵⁷ Там же. Цитируется мемуарный очерк Н. Крандиевской-Толстой «Гранатный переулок» (Звезда. 1939. № 9. С. 171).

⁵⁸ *Герштейн Э. Г.* Мемуары. СПб., 1998. С. 209–210.

⁵⁹ «Я не была счастлива с первым мужем. На личной жизни был поставлен крест, как пишется в плохих романах» (*Крандиевская-Толстая Н. В.* Воспоминания. С. 77).

⁶⁰ *Толстая-Крандиевская Н. В.* Я вспоминаю // Прибой: Сборник произведений ленинградских писателей. Л., 1959.

⁶¹ В книжном издании мемуаров (*Крандиевская-Толстая Н. В.* Воспоминания. Л., 1977) глава «Наш разрыв» по сравнению с авторским текстом дана с существенными сокращениями. Не опубликован в книге и примыкающий к воспоминаниям «Селигерский дневник». За возможность ознакомиться с машинописью мемуаров и «Селигерского дневника» с авторскими пометами и пометами других лиц благодарю А. Ю. Чернова.

⁶² *Крандиевская-Толстая Н. В.* Воспоминания. С. 90.

⁶³ Подробно об этом: *Крандиевский Ф. Ф.* Рассказ об одном путешествии // Звезда. 1981. № 1.

⁶⁴ *Крандиевская-Толстая Н. В.* Воспоминания. С. 164. Из письма Е. Д. Толстой О. Е. Рубинчик, 16 июня 2019: «Забавная деталь – швейную машину она купила еще в Одессе и тогда же научилась шить, пока на семью. Там у них плохо клеилось, денег не хватало, как ни бились».

⁶⁵ *Крандиевский Ф. Ф.* Рассказ об одном путешествии. С. 163.

⁶⁶ *Крандиевская-Толстая Н. В.* Воспоминания. С. 143.

⁶⁷ Об одном из семейных кризисов, отразившемся в стихах Крандиевской, пишет Е. Д. Толстая: *Толстая Е. Д.* «Деготь или мед». Алексей Н. Толстой как неизвестный писатель (1917–1923). М., 2006. С. 462–466.

⁶⁸ *Крандиевский Ф. Ф.* По дорожкам детскосельских парков. Воспоминания // Звезда. 1984. № 3. С. 66–67.

⁶⁹ Там же. С. 67.

⁷⁰ Начало рассказа: «В этот день я выехала из Детского Села в Ленинград ранним поездом, как всегда, переполненным. Приходилось стоять в проходе. / Нагруженная сумками и бесконечными поручениями, я примостилась у окна и принялась перечитывать свой блокнот. В блокноте стояло:

“1) В Госиздат (аванс у Чагина).

2) В “Советский писатель” к Зое Никитиной.

3) Фининспектор.

4) Вино.

5) Миноги (подчеркнуто два раза).

6) Мите резинки.

7) Юлия – штопка.

8) Сухая горчица (подчеркнуто).

Алеше:

9) Лента для машины.

10) Взять из починки трубку.

11) Табак.

12) Обратный поезд – 5 ч. 30 м.”

Самое неприятное в этом списке было – фининспектор. Самое тяжелое – вино. Самое трудное – миноги. Самое фантастическое – обратный поезд в 5 часов 30 минут.

Как успеть? А успеть надо было, потому что сегодня в 7 часов в Детском Селе – обед, большие гости <...> Алеша просил...» (*Крандиевская-Толстая Н. В.* Воспоминания С. 211–212). Непонятно, почему Крандиевская не могла воспользоваться одной из трех машин, о которых пишет ее сын Федор. По-видимому, в ее рассказе речь идет о «безмашинном» времени.

⁷¹ Запись Крандиевской об отношениях с мужем, 1929: «Пути наши так давно слиты воедино, почему же мне все чаще кажется, что они только параллельны? Каждый шагает сам по себе. Я очень страдаю от этого. Ему чуждо многое, что свойственно мне органически. Ему враждебно всякое погружение в себя. Он этого боится, как черт ладана. Мне же необходимо время от времени остановиться в адовом кружении жизни, оглядеться вокруг, погрузиться в тишину... Я тишину люблю, я в ней расцветаю. Он же говорит: “Тишины боюсь. Тишина – как смерть”. Порой удивляюсь, как же и чем мы так прочно зацепились друг за друга, мы – такие противоположные люди? ...Вчера Алеша прочел эту страничку из моего дневника и ответил мне большим письмом, а в добавление к нему сказал сегодня утром: “Кстати, о тишине. Ты знаешь, какой эпитафия я хочу взять для нового романа? Эпитафия – «Воистину, в буре – Бог». Тебе нравится?» – Замечательный эпитафия, – ответила я и подумала: “Да, Бог в буре, но в суете – нет Бога”» (Письма А. Н. Толстого к Н. В. Крандиевской / Публ. В. Грекова // Минувшее: Исторический альманах. Т. 3. М., 1991. С. 320–321).

⁷² Там же. С. 330–332.

⁷³ *Шапорина Л. В.* Дневник. В 2 т. М., 2011. Т. 1. С. 336. Записано Шапориной 5 июля 1942.

⁷⁴ О смехе Крандиевской, о ее самоиронии и юморе даже в блокадном Ленинграде, даже на смертном одре см.: *Чернов А.* Утаенный подвиг Натальи Крандиевской // Крандиевская Н. В. Грозный венок. СПб., 1992. С. 9–10.

⁷⁵ *Шапорина Л. В.* Дневник. Т. 1. С. 394.

⁷⁶ Там же. С. 357.

⁷⁷ Об этом – в передаче о Крандиевской на телеканале «Россия-Культура», подготовленной И. Н. Толстым: «Исторические путешествия Ивана Толстого», телепередача «Пушки и лиры».

⁷⁸ *Шапорина Л. В.* Дневник. Т. 1. С. 371.

⁷⁹ Из беседы Э. Б. Коробовой с О. Е. Рубинчик 25 июня 2019.

⁸⁰ См. напр., в таком контексте: «...встречи с Буниным и большая дружба с этим строгим художником, который очень ценил зрелое творчество Н. В. Крандиевской. А. А. Блок знал только ранние стихи Натальи Васильевны и, изредка встречаясь с ней, хвалил их, но в этих похвалах, быть может, было не столько признание, сколько поощрение. Позднее поэзию Н. В. Крандиевской высоко ценили такие требовательные критики, как А. Ахматова, О. Форш, Вяч. Шишков, К. Федин» (*Крандиевская-Толстая Н. В.* Вечерний свет: Стихи. Л., 1972. С. 8); «Поэзию Н. В. Крандиевской-Толстой ценили такие писатели, как М. Горький, И. Бунин, А. Ахматова, О. Форш, Вяч. Шишков, К. Федин и другие» (*Крандиевская-Толстая Н. В.* Дорога: Стихотворения / Сост. Ф. Крандиевского, Д. Толстого, Т. Толстой. М., 1985. С. 11). В числе ценителей стихов Крандиевской нужно назвать и ее мужа Алексея Толстого, который говорил о ней: «...Туся – это настоящий поэт и настоящий мастер» (*Толстой Д.* Начало жизни. Воспоминания // Нева. 1971. № 1. С. 126).

⁸¹ *Ахматова А. А.* [Автобиографическая проза] // Хейт А. Анна Ахматова. Поэтическое странствие. М., 1991. С. 222.

⁸² Сириус. 1907. № 2. Стихотворение подписано: *Анна Г.*

⁸³ *Крандиевская-Толстая Н. В.* Воспоминания. С. 10.

⁸⁴ Муравей: Еженедельный художественно-литературный журнал с карикатурами. 1901. № 40. С. 2.

⁸⁵ З. Б. Новые стихи // Приложение «Воскресенье» к ежедневной политической и литературной газете «Россия». 1914. № 18. 30 марта. С. 16. З. Б. – по предположению Е. Б. Коркиной, поэтесса З. Д. Бухарова (*Коркина Е. Б.* Крандиевская-Толстая Наталия Васильевна // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 3. М., 1994. С. 128). Такую атрибуцию подтверждает и Р. Д. Тименчик.

⁸⁶ Из неопубликованной речи на авторском вечере Крандиевской, состоявшемся 12 ноября 1943 в московском клубе писателей. Цит. по: *Чернов А.* Утаенный подвиг Натальи Крандиевской. С. 7.

⁸⁷ В берлинской газете «Руль» была помещена заметка «“Теликон”». Художественное книгоиздательство: «В Москве, в 1918 г. наперекор большевистской действительности возникали еще издательства, выпускавшие прекрасные русские книги. <...> В настоящее время кн-во “Теликон” возобновило свою работу в Берлине. Готовятся: <...> сборник памяти Блока под ред. Левенсона с участием Бакста, Судейкина, Маковского, С. Черного, Эренбурга, Шлецера, Зноско-Боровского и др. В сборнике появится переписка Блока с Бальмонтом, Н. Крандиевской» (Руль. 1921. № 302. 13 ноября (31 октября). С. 9). Сборник не вышел. О переписке Блока с Крандиевской ничего не известно. Вполне вероятно, что анонс содержал непроверенные факты.

⁸⁸ *Чернов А.* Шапка-невидимка Натальи Крандиевской.

⁸⁹ Опул. в изд.: Образование: Журнал литературный, научно-популярный и педагогический. 1904. № 7. С. 164.

⁹⁰ См.: *Чернов А.* Шапка-невидимка Натальи Крандиевской; *Чернов А.* Утаенный подвиг Натальи Крандиевской. С. 6–7.

⁹¹ Журнал для всех. 1906. № 5. Май. С. 258 (в номерах журнала сквозная нумерация).

⁹² Ахматова А. А. Соч. В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 146.

⁹³ Бабаев Э. Пушкинские страницы Анны Ахматовой // Новый мир. 1987. № 1. С. 161.

⁹⁴ Ахматова А. А. Указ. изд. С. 354.

⁹⁵ Современные записки. 1928. № 37. С. 231. Цит. по изд.: Петербург в поэзии русской эмиграции (первая и вторая волна). СПб., 2006. С. 89–90.

⁹⁶ Место хранения стихотворения: ОР РНБ. Ф. 1037 (Фонд А. А. Ахматовой), ед. хр. 2005. Приводится по: Тимофеевский А. Рассказ о Якобсоне // Памяти Анатолия Якобсона. М., 2010. С. 15. Тимофеевский, друживший с поэтом Якобсоном, вспоминает: «История со стихотворением “Ты как за тысячу веков...” имела неожиданное продолжение. Ахматова в очерке о Модильяни написала: “Ни вспомнить, ни забыть, как сказал один неизвестный поэт о чем-то совсем другом...”. Случилось это так. Якобсон отвез Ахматовой небольшую подборку моих стихов. Великая поэтесса сказала несколько добрых слов. Здесь необязательно их приводить. В следующий раз Толя вернулся из Питера с машинописной копией очерка, которому еще только предстояло быть опубликованным.

– Читай, – сказал Якобсон и ткнул пальцем в то место, где цитировалась последняя строка моего сочинения. Но там было написано: “один известный поэт...” и т. д.

– Почему известный? – удивился я.

– Не знаю, – усмехнулся Якобсон. – Может, это тебе аванс.

В различных изданиях много лет писалось “известный”. В некоторых вообще опускался этот абзац. Не так давно литературовед Тименчик поставил все на свои места. В рукописи рукой Анны Андреевны было написано “неизвестный поэт”. Видимо, при печати у машинистки случайно выпало “не”. Ну и слава богу, неизвестный лучше, чем известный» (Воспоминания А. П. Тимофеевского «Двенадцать дней в Матвеевском» в Живом Журнале. [Электронный ресурс] URL: <https://apimofeevsky.livejournal.com/8538.html> См. о той же цитате в публ.: Тименчик Р. Тимофеевский Александр Павлович // Тименчик Р. Д. «Записные книжки» Анны Ахматовой. С. 562).

⁹⁷ Ср. историю с «Чаконной» Иоганна Себастьяна Баха. Адресат ряда ахматовских стихов, композитор Артур Лурье играл «Чакону» в 1910-е на рояле в гостиной дома Гумилевых в Царском Селе. Летом 1956 «Чакону» исполнил для Ахматовой альтист Федор Дружинин. В своих воспоминаниях он рассказал, как Ахматова была потрясена этим произведением. «Оказалось, что Анна Андреевна никогда не слышала этой музыки и ничего не знает о ней» (Дружинин Ф. «Чакона» Баха // Московский журнал. 1994. № 3. С. 55). Ахматова пришла на концерт Дружинина и услышала «Чакону» еще раз, но так и не сказала музыканту о том, как давно знакома ей эта музыка. После этого и появились упоминания «Чаконь» в ее произведениях (Рубинчик О. Е. В поисках потерянного Орфея: Композитор Артур Лурье // Рубинчик О. Е. Анна Ахматова и ее время. М., 2018. С. 403–404).

⁹⁸ Добавление о «неизвестном поэте», в некоторых случаях (в частности, в цитате у Бабаева) – об «известном поэте», возможно, указывает на колебания Ахматовой, к кому давать отсылку: Тимофеевский подходил к разряду «неизвестных», с двумя другими было сложнее. Крандиевская была довольно известна в литературной среде в молодости и безвестна впоследствии, Адамович не был известен в СССР, но пользовался известностью и авторитетом в эмигрантской среде.

⁹⁹ Реплика Е. Д. Толстой: «...то, что нам кажется предвосхищением акмеизма, может быть фетовским ходом. Фет был наизусть. Про Чехова – да, правильно. Мне кажется, что НВ позже, в годы войны и революции, пропиталась еще и Ивановым. И Волошин, конечно, влиял. А места и Кузмин» (из письма Е. Д. Толстой автору статьи, 16 июня 2019).

¹⁰⁰ Образование. 1905. № 4. С. 56.

¹⁰¹ «Кто знает сумерки в глуши?..» (Крандиевская Н. Стихотворения. М., 1913. С. 61).

¹⁰² Ахматова А. А. Соч. В 2 т. Т. 2. С. 180–186. «Слой чеховской стилистики» в письмах Горенко Штейну замечен А. Г. Найманом (Найман А. Г. Рассказы о Анне Ахматовой. М., 1989. С. 41–42).

¹⁰³ «Не ямбом ли четырехстопным, / Заветным ямбом, допотопным?» (В. Ф. Ходасевич).

¹⁰⁴ Примеры дольника из сборника Крандиевской 1913: «Я не заплачу – пусть друг разлюбит. / Ветер, ветер меня приголубит», «О, как согласно еще пылает / Твой свет закатный, мой свет восходный!», «Сижу на траве у погоста. / Как холмики эти смиренню учат!». Дольник можно встретить и в совсем ранних ее стихах.

¹⁰⁵ О точном времени выхода «Четок» см.: *Черных В. А.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. С. 106–107.

¹⁰⁶ *Пахарева Т. А.* О мнемоническом маршруте «Прогулки» Анны Ахматовой // Украинский Ахматовский збірник: Вип. 1 (13). В изд.: Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації: Т. 29 (68). № 2. Київ, 2018. С. 226. Т. А. Пахарева считает основным мнемоническим толчком для появления ахматовского стихотворения-воспоминания петербургские впечатления: запах сирени и бензина (Там же. С. 226–228).

¹⁰⁷ *Черных В. А.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. С. 8–9.

¹⁰⁸ Создание стихотворения «Прогулка» в начале 1914 не является невозможным: в это время сборник «Четки» еще продолжал формироваться. Январем 1914 в нем помечен целый ряд стихов.

¹⁰⁹ В 1910 Ахматова была с Гумилевым в Париже именно в мае, а в 1911 одна – с середины мая по начало июля (Там же. С. 63, 73–74).

¹¹⁰ Ежемесячный журнал. Февраль 1914. № 2. С. 6. Вместо «Журавль у ветхого колодца, / Над ним, как кипень, облака» – «Так больно было уколотся / О ствол речного тростника». В окончательном виде стихотворение было опубликовано в «Четках».

¹¹¹ *Черных В. А.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. С. 98–101.

¹¹² Нужно отметить, что на деревенскую тему и с более-менее схожими образами в это время писало немало поэтов, т. е. многое просто витало в воздухе. Напр., в том же журнале, в котором опубликовано ахматовское «Ты знаешь, я томлюсь в неволе...», напечатаны такие стихи Поликсены Соловьевой (Allegro): «В пыли и зное, солнцем облитой, / Полями путь полевный мой змеился. / И желтых иволг возглас золотой / Из леса доносился...» («Вечернее»). А также стихи Александра Шириявца: «...Словно в золоте червонном / Ходит рожь, / Шелестит, шумит с поклоном: / “Узнаешь?!” / Звонкой песней вместе с жницей / Я зальюсь, / Над судьбою-озорницей / Посмеюсь!...» («Поляма») (Ежемесячный журнал. 1914. № 1. Январь. С. 1; 1914. № 2. Февраль. С. 7).

¹¹³ Русская мысль. 1913. № 2. С. 86.

¹¹⁴ *Бабаев Э.* «На улице Жуковской...» // Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 411.

¹¹⁵ См.: *Лиснянская И. Л.* Шкатулка с тройным дном.

¹¹⁶ Отмечу, что междометие «Ах» несколько раз встречается в сборнике Крандиевской 1913 в стихах, не связанных напрямую с Ахматовой.

¹¹⁷ Ветвь: Сборник клуба московских писателей. М., 1917. С. 21.

¹¹⁸ *Крандиевская Н.* Стихотворения. Одесса: Омфалос, 1919.

¹¹⁹ Стихотворение «Мороз оледенит дорогу...» до сборника 1919 публиковалось дважды – в коллективных сборниках (в обоих публиковались и стихи Ахматовой): Весенний салон поэтов. М., 1918. С. 103–104; Скрижаль. [Пг.], 1918. Сб. 1. (этот сборник вышел в начале октября 1918). Сведения о публикациях, как и в ряде других случаев, взяты из «Библиографического комментария», подготовленного А. Ю. Черновым, на сайте «Наталия Крандиевская». [Электронный ресурс]. URL: http://krandievskaya.imwerden.de/Krandievskaya_komm.htm

¹²⁰ Об этом см., напр., главу «Поэтические прогулки в стихах Анны Ахматовой и Николая Гумилева» в монографии Е. Ю. Куликовой «Пространство и его динамический аспект в лирике акмеистов» (Новосибирск, 2011).

¹²¹ Позднее оно было перепечатано в сб.: *Ахматова А.* Подорожник. Пг., 1921.

¹²² Про редкостное, хотя и не бросающееся в глаза мастерство Крандиевской в обращении

с рифмой (составные рифмы, панторифмы) см.: *Чернов А.* Утаенный подвиг Натальи Крандиевской. С. 17–19.

¹²³ См., напр., отзыв Габриэля Гершенкройна, цитирующийся в публ.: В кружке «Среда» // Одесские новости. 1918. 14 (1) декабря. № 10866. С. 4.

¹²⁴ Не в том времени года – условно: в марте в Одессе уже весна, а в Москве ее воспоминаний март – еще зима.

¹²⁵ Тут есть и общий для обеих поэтесс претекст: стихотворение Фета «Чудная картина...» со строками «...И саней далеких / Одинокий бег» и с той же рифмой «снег – бег». Заимствование Ахматовой фетовского образа было отмечено еще в 1921 (*Никольский Ю.* Фет // Рувль. 1921. 8 сентября), на что указывает Р. Д. Тименчик (*Тименчик Р.* Из Именного указателя к «Разговорам» Ахматовой // *Intermezzo festoso. Liber amicorum in honorem Lea Pild.* Tartu, 2019. С. 227).

¹²⁶ М. М. Кралин считает, что стихотворение «Он длится без конца – янтарный, тяжкий день...» «написано в Берлине после посещения Ахматовой знаменитого берлинского “Зверинца” (“Zoo”)» (*Ахматова А. А.* Соч. В 2 т. Т. 1. С. 376). В Берлине Ахматова была в апреле 1912 – проездом во время путешествия с Гумилевым в Италию.

¹²⁷ «Песня последней встречи» (1911). «Рассказывали и то, как однажды важный и торжественный Вячеслав Иванов, прослушав короткое стихотворение юной, почти еще неизвестной поэтессы, – стихотворение, где выделялись две строчки:

Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки...

встал и в волнении воскликнул:

– Анна Андреевна, знаете ли вы, что в этой вашей “перчатке” начинается новая страница в русской поэзии?» (*Адамович Г.* Анна Ахматова // Анна Ахматова: pro et contra. В 2 т. Т. 1. СПб., 2001. С. 726). Ср. ахматовское возражение: «Помню, при встрече он сказал мне, что, по его мнению, это стихотворение удачно. Но и только» (*Адамович Г.* Мои встречи с Анной Ахматовой // Анна Ахматова: pro et contra. В 2 т. Т. 2. СПб., 2005. С. 382). Однако и бытовавшая легенда говорит о многом.

¹²⁸ Мечтатель. Антракты // Театральный день. Одесса. 1918. № 101. 29 (16) авг. С. 3. Цит. по коммент. С. Лушника в изд.: *Крандиевская-Толстая Н.* Свет уединенный. Одесса, 1999. С. 69.

¹²⁹ *Толстая Е. Д.* «Деготь или мед». С. 256. Этот пересказ опубли.: В кружке «Среда» // Одесские новости. 1918. № 10866. 14 (1) декабря. С. 4.

¹³⁰ *Лурье В.* Крандиевская Н. От лукавого. Берлин, 1922 // Сполохи. Берлин, 1923. № 15–16. С. 44. Цит. по: *Тименчик Р. Д.* Из «Именного указателя» к «Записным книжкам»: «Завистницы, соперницы, враги». С. 514.

¹³¹ *Т. Ц.* Наталия Крандиевская. От лукавого. Стихи. Изд. «Геликон». Берлин. 1922 // Новая русская книга. Берлин, 1923. № 2. С. 22. Т. Ц., согласно атрибуции Р. Д. Тименчика, – Татьяна Цемах (*Тименчик Р. Д.* Из «Именного указателя» к «Записным книжкам»: «Завистницы, соперницы, враги». С. 514).

¹³² *Петровская Н.* Наталия Крандиевская. «От Лукавого». Книга стихов. (87 стр.). Книгоиздательство Геликон. Москва-Берлин. 1922 // «Литературное приложение» № 29 к выпуску газеты «Накануне». 1922. № 201. 3 декабря. С. 10–11.

¹³³ Напомню, что сборник «Стихотворения» вышел в 1919 в оккупированной Одессе, а сборник «От лукавого» – в 1922 в Берлине.

¹³⁴ Современные записки. Париж, 1920. Кн. I. С. 65.

¹³⁵ Однако это было возможно. В это время зарубежная пресса еще проникала в Советскую Россию. Эмигрантский литературный журнал «Современные записки» был в сфере интересов Ахматовой. Так, в «Современных записках» № 10 за 1922 была напечатана рецензия К. В. Мочульского на сборник «Anno Domini».

¹³⁶ Строка из стихотворения Ахматовой «Нас четверо» (1961) – о себе, Мандельштаме, Пастернаке и Цветаевой.

¹³⁷ Это и другие стихи Крандиевской, написанные с 1935 по начало 1960-х, наряду с ранними стихами можно прочесть в сб.: *Крандиевская Н.* Грозный венок. СПб., 1992. Также см. сб.: *Крандиевская-Толстая Н.* Вечерний свет. Л, 1972; *Крандиевская-Толстая Н.* Дорога. М., 1985; *Крандиевская-Толстая Н.* Лирика. М., 1989. См. и представительную подборку «Избранные стихотворения» на сайте «Наталия Крандиевская». [Электронный ресурс] URL: <http://krandievskaya.narod.ru/Krandievskaya.htm>.

¹³⁸ *Чернов А.* Утаенный подвиг Наталии Крандиевской. С. 15–16. На блокадную тему см. также стихотворение А. Ю. Чернова «Памяти Наталии Крандиевской» (*Чернов А. Ю.* Глухая исповедь: Стихи и переводы. Париж, 2014. С. 73) и стихотворение П. Ю. Барсковой «ВВ и НК. Памятник» из цикла «Справочник ленинградских писателей-фронтовиков. 1941–1945» (*Барскова П. Ю.* Солнечное утро на площади. СПб., 2018. С. 247–249).

¹³⁹ Один из случаев переключки отмечен А. Ю. Черновым, речь идет о стихотворении 1943 «Свидание наедине / Назначил и мне командор...»: «Здесь, кроме смутной полемики с Ахматовой (не потому ли, что пушкинскую героиню зовут Донной Анной?), ответ на вопрос о религиозности этого поэта. Глубоко внутреннее, интимное чувство, о котором не знают даже сыновья» (*Чернов А.* Утаенный подвиг Наталии Крандиевской. С. 19).

¹⁴⁰ *Крандиевская Н.* Она, как невеста, среди женихов... // *Маски.* 1906. № 1. С. 1.

¹⁴¹ *Чернов А.* Утаенный подвиг Наталии Крандиевской. С. 7–8. Стихотворение было опубликовано лишь в 1922 – в сб. «От лукавого».

¹⁴² «Писем связка, стихи да сухие цветы...», с посвящением: «Памяти Марины Цветаевой».

¹⁴³ Стихотворение существует в разных редакциях. Крандиевская могла знать и первую редакцию, открывающуюся строфами «Когда в тоске самоубийства...» и «Когда приневская столица...» (Воля народа. 1918. № 11. 2 апреля. С. 20), и последующую, без этих строф, с добавленной в конце строфой: «Но равнодушно и спокойно...» (в таком виде стихотворение было опубликовано в сб. 1921 «Подорожник», в «Anno Domini» и др.).

¹⁴⁴ Стихотворение первоначально было посвящено эмигрировавшему другу Ахматовой «Б. А<нрепу>», адресату многих ее стихов (коммент. В. М. Жирмунского в изд.: *Ахматова А. А.* Стихотворения и поэмы. Л., 1976. С. 470).

¹⁴⁵ Федор Волькенштейн.

¹⁴⁶ *Толстой Д. А.* Для чего все это было. С. 168–185.

¹⁴⁷ *Толстой Д.* Начало жизни. С. 129.

¹⁴⁸ Сб.: Памяти Анны Ахматовой. Париж, 1974. С. 17. Цит. по: *Ахматова А. А.* Соч. В 2 т. Т. 2. С. 46.

¹⁴⁹ *Толстой Д. А.* Для чего все это было. С. 276.

¹⁵⁰ «По героическому пути пошли М. А. Булгаков, А. А. Ахматова, О. Э. Мандельштам, А. П. Платонов...». (Там же. С. 83).

¹⁵¹ *Шапорина Л. В.* Дневник. Т. 2. С. 391. Запись от 8 сентября 1961.

Т. Игошева
Санкт-Петербург

Еще раз об А. Ахматовой и М. Зенкевиче

Человеческие коммуникации, интеллектуально-творческие контакты М. А. Зенкевича и А. А. Ахматовой известны гораздо менее, чем другие «диалоги» соратников по Цеху поэтов, например, Ахматовой и Гумилева, Ахматовой и Мандельштама. Выявлению материалов, документирующих взаимоотношения Ахматовой и Зенкевича, посвящен ряд публикаций Р. Д. Тименчика.¹ Архивные документы из фонда М. А. Зенкевича, находящегося на хранении в ОР ИРЛИ, позволяют детализировать и документально дополнить уже сказанное по поводу некоторых векторов взаимного интереса двух поэтов, знакомство которых состоялось весной 1911 года в редакции «Аполлона» и продолжилось вплоть до середины 1960-х годов.

Интерес Ахматовой и Зенкевича друг к другу был обоюдным, хотя и отмечен разной степенью заинтересованности в различные периоды жизни обоих писателей. Записные книжки Ахматовой свидетельствуют, что, бывая в Москве в 1950–1960-е годы она звонила Зенкевичу, виделась с ним, включала его в списки тех, кому она предполагала подарить свою новую книгу. Ахматова ценила мнение Зенкевича о своем творчестве.²

Но в данной публикации нас будет интересовать, прежде всего, восприятие М. Зенкевичем образа Ахматовой. Облик Ахматовой, ее тип женской красоты, содержание творчества Ахматовой, – эти разные грани личности поэта становились объектом творческого внимания Зенкевича на протяжении многих лет. Сложность восстановления рецепции Ахматовой творческим сознанием Зенкевича заключается в том, что по своему психологическому типу автор «Дикой порфиры» был, по всей видимости, человеком достаточно замкнутым, закрытым. В отличие от Ахматовой у него не было своего Эккермана, он не вел дневников, в его архиве практически отсутствуют записи биографического, личного характера. Тем не менее свидетельства, говорящие о том, что образ Ахматовой оставил свой отпечаток в его культурной памяти, существуют.

Эпизод первый. 30 ноября 1921 года Зенкевич преподнес Ахматовой свою книгу стихов «Пашня танков», вышедшую в Саратове, с надписью: «*Анне Андреевне Ахматовой, когда-то освятившей своим именем мои “Мясные ряды”.* Мих. Зенкевич. 1921. 30. XI. СПб». ³ Это случилось при встрече, произошедшей 30 ноября 1921 года в библиотеке Агрономического института, что описано Зенкевичем в «Мужицком сфинксе» в главе «С Ахматовой у камина». ⁴ При реконструкции эпизода с посвящением «Мясных рядов» Ахматовой Р. Д. Тименчик ссылается на устное свидетельство М. А. Зенкевича, полученное им с Г. Г. Суперфином в беседе с поэтом, состоявшейся в октябре 1971 года. ⁵ Это устное свидетельство, к которому отсылает Р. Д. Тименчик, необходимо дополнить записью, сделанной М. А. Зенкевичем в Записной книжке, ⁶ важной в условиях скудости источников его биографии. В этой записи автор «Дикой порфиры» комментирует собственные слова 1921 года об Ахматовой, «освятившей своим именем стихотворение “Мясные ряды”». Приведем ее целиком:

«Посвящение “Мясных рядов”»

В моей “Дикой порфире” – “Мясные ряды” были посвящены “А. Ахматовой”. Еще до выхода сборника в ту же зиму, как и Анна Андреевна, я впервые выступил с чтением своих стихов в редакции журнала “Аполлон”, помещавшейся тогда на Мойке. Я прочел сначала один сонет (“Валгалла”), а потом “Мясные ряды”, которые прозвучали необычно резко. Наступило молчание, а потом Вяч. Иванов выступил с похвалой им, сравнив стихи с “Падалью” Бодлэра. В действительности мои стихи были внушены т. н. мясными рядами на бывшей Митрофановской площади в Саратове, где напротив церкви виселись похожие на виселицу столбы с большими весами на железной цепи. На одну чашу их валили целиком туши, а на другую пудовые гири, с мелочью фунтов и золотников. Потом туши разрубали мясники топором на больших плахах. В перерыв ко мне подошла Анна Андреевна и сказала – “Посвятите «Мясные ряды» мне”. Я исполнил ее просьбу, хотя мне не пришла бы в голову мысль посвящать такие стихи ей. В сборник моих избранных стихов “под редакцией Эд. Багрицкого” ⁷ вошли “Мясные ряды”, но без посвящения “А. Ахматовой”.

Я включил “Мясные ряды” в сборник “Сквозь грозы лет”⁸ и собирался спросить Анну Андреевну – хочет ли она сохранить посвящение ей, но неожиданно для меня стихи эти сняли, и спрашивать ее мне не пришлось».⁹

Запись Зенкевича позволяет восстановить историю посвящения стихотворения «Мясные ряды»: в «Дикой порфире» (1912) – посвящение присутствует, в «Избранном» (1933, под ред. Э. Багрицкого) – отсутствует, причем Зенкевич обошел молчанием причину снятия посвящения в этом сборнике. И наконец, в книге Зенкевича «Сквозь грозы лет» (1962) – текст стихотворения «Мясные ряды» был снят по цензурным соображениям, в связи с чем вопрос о сохранении посвящения Ахматовой отпал сам собой.

Эпизод второй. Известна уже неоднократно воспроизводившаяся надпись Зенкевича на книге его стихов «Сквозь грозы лет» (1962), обращенная к Ахматовой:

*Анне Ахматовой –
поэту с абсолютным
музыкально-поэтическим
слухом*

Тот день запечатлелся четко
Виденьем юношеских грез –
Как на извозчичьей пролетке
Ваш «Вечер» в книжный склад я вез
С моею «Дикою порфирой»...
Тот день сквозь северный туман
Встает озвучен, осиян
Серебряною Вашей лирой!

8 декабря 1962¹⁰

Стихотворное обращение отсылает к событию начала марта 1912 года,¹¹ когда по просьбе Н. Гумилева Зенкевич вывез тираж своей «Дикой порфирой» и ахматовского «Вечера» из типографии на книжный склад М. О. Вольфа в Петербурге. На обложках обеих книг была изображена лира – рисунок С. Городецкого, который использовался при издании книг «Цеха поэтов». Спустя 50 лет, в приведенной

выше надписи, обращенной к Ахматовой, эта лира превращается в образ серебряной лиры, которой оказался «осиян тот день», т. е. стихотворная надпись свидетельствует о достаточно высокой степени важности для Зенкевича той давнишней встречи в 1912 году и «встречи» первой книги Ахматовой с его собственной первой поэтической книгой.

Этот же мартовский эпизод 1912 года нашел свое отражение и в «Мужицком сфинксе» Зенкевича в главе «У камина с Анной Ахматовой»: «Вот я везу ее “Вечер” вместе со своей “Дикой порфирой” на склад к Вольфу, и на собрании “Цеха поэтов” мы сидим с ней в нелепых лавровых венках, сплетенных Городецким...».¹²

А. Ахматова. Вечер. СПб.: Цех поэтов, 1912.

М. Зенкевич. Дикая порфира. СПб.: Цех поэтов, 1912.

Эпизод третий. В архивном собрании Зенкевича в ИРЛИ находится так называемый «Альбом с серебряным обрезом», где расположен еще один неопубликованный до сих пор инскрипт, обращенный к Ахматовой, который Зенкевич предполагал оставить на томе своих переводов «Поэты XX века» (1965) и преподнести его Ахматовой. Воспроизведем его полностью:

Мой номер третий, Ваш – четвертый,
Нас подравняли, как в строю.
И я таким соседством гордый,
Застыв на вытяжку стою.

Две наших книжки рядом снова,
Суровы и просты на вид,
Но полстолетья – и какого,
В их глубь зеркальную глядит.

24/V 1965.¹³

В устной беседе Р. Д. Тименчик высказал предположение, что в надписи Зенкевича речь идет об издании «Голоса поэтов: Стихи зарубежных поэтов в переводе Анны Ахматовой», предисловие к которому написал А. А. Тарковский. Зенкевич выступил в качестве редактора этого сборника переводов, выполненных Ахматовой. 25 августа 1965 года Ахматова отмечала: «Книга переводов <“Голоса поэтов”> – идут уже листы, деньги будут примерно через месяц».¹⁴ Тираж этой книги вышел в сентябре 1965 года, а инскрипт Зенкевича датирован 24 мая 1965 года. Если речь идет действительно о сборнике переводов Ахматовой, то к этому времени он был только подписан к печати (28 апреля 1965), но еще не вышел в свет. Несмотря на этот факт, в инскрипте Зенкевича о нем говорится как об уже готовой книге («Две наших книжки снова рядом»).

В надписи присутствует подтверждение, что Зенкевич имеет в виду именно сборник переводов Ахматовой «Голоса поэтов. Стихи зарубежных поэтов», а не «Бег времени», вышедший в свет в том же, что и переводы, 1965 году. Об этом свидетельствует строка «Мой номер третий, ваш – четвертый». Эта нумерация – свидетельство не ранжирования поэтов-акмеистов, как возможно было бы предпо-

ложить (по типу «Зенкевич – четвертый акмеист»¹⁵), а факт библиографии: две книги «Голоса поэтов» Ахматовой и «Поэты XX века» Зенкевича вышли в одной и той же книжной серии «Мастера поэтического перевода»,¹⁶ каждому выпуску которой присвоен свой номер. «Поэты XX века» Зенкевича – 3-й выпуск, «Голоса поэтов» Ахматовой – 4-й выпуск. Отсюда – «Мой номер третий, ваш – четвертый». Таким образом, в 1965 году две книги переводов, «Голоса поэтов» Ахматовой и «Поэты XX века» Зенкевича, вновь в едином серийном оформлении («суровы и просты на вид»), более пяти десятилетий спустя («Но полстолетья и какого...»), встретились вновь («снова рядом»), как встретились уже в далеком 1912 году их книги «Вечер» и «Дикая порфира».

Эпизод четвертый. Для Зенкевича Ахматова – не только факт его биографии; ее личность не раз отбрасывала художественные проекции в художественных текстах Зенкевича.

В 1921 году Зенкевич начал работу над беллетристическими мемуарами «Мужицкий сфинкс»¹⁷ (мы уже упоминали этот роман выше в связи с главой «У камина с Анной Ахматовой»¹⁸). Имя Ахматовой и ее художественный образ введены в роман Зенкевичем в качестве знака эпохи, которую он воспроизводил в своем романе (позже Ахматова также будет вводить в «Поэму без Героя» имена и образы своих современников).

Помимо героини Ахматовой, с которой встречается автобиографический герой Зенкевича, в этом произведении присутствует и другой женский образ – Эльга,¹⁹ которая представляет собой художественное обобщение особого типа роковой женщины, воплощающей собой такие экзистенциальные понятия, как любовь, жизнь и смерть. По мнению Александры Николаевны Зенкевич, на формирование этого женского образа определенным образом повлияла Ахматова, которую М. Зенкевич и воспринимал как роковую красавицу – участницу трагических событий начала XX века.²⁰ В своей записке «Слово свидетеля», сопровождающей переплетенный экземпляр машинописи «Мужицкого сфинкса»²¹ (из собрания М. С. Лесмана, ныне хранящийся в отделе фондов музея Ахматовой в Фонтанном Доме),²² она писала: «Кто Эльга? Конечно, Ахматова: точнее, она

стала прообразом этой демонической героини. С ней у Михаила Александровича связана лирическая история предреволюционных лет, едва не закончившаяся трагедией. <...> С А. А. Ахматовой М. А. был в дружеских отношениях всю жизнь, посвятил ей немало прекрасных стихов <...>. Дружбу они сохранили навечно». ²³

На страницах «Альбома с серебряным обрезаем», находящегося на хранении в ИРЛИ, обнаружена запись Зенкевича, подтверждающая факт прочтения Ахматовой неопубликованного романа «Мужицкий сфинкс»: ²⁴ «Анне Ахматовой дал перепечатанный на пишущей машинке экземпляр моей прозы. В Ленинградском издательстве «Советский писатель» ²⁵ Маргулис ²⁶ без моего разрешения <дал> другой экземпляр». Она ее прочла, потом сожгла, как она мне сказала. Читал ее Осип Мандельштам в Москве. Хвалил, особенно ее вторую «мужицкую часть». NB». ²⁷

Отметим, что совершенно иначе отреагировал на «Мужицкого сфинкса» А. Фадеев, который с конца 1920-х годов был одним из лидеров РАППа. Зенкевич вспоминал: «Дал почитать Александру Фадееву – чтоб помог напечатать. Тот удивился, прочитав написанное: “Зачем все эти Ахматовы, Гумилевы, Нарбуты, Сологубы?.. Сейчас нужно не прошлое ворошить, а творчески устремляться в будущее”. Мне ничего не оставалось другого, как прислушаться к этому полезному совету». ²⁸

Эпизод пятый. В ИРЛИ в фонде М. А. Зенкевича (ф. 773) хранится неопубликованное произведение «Торжество авиации» (1935–1937).

«Торжество авиации» ²⁹ – поэма сложная и многоплановая. В ней интересны как художественные поиски Зенкевича, так и определенные достижения, важные не только для понимания его собственного творчества, но также и для понимания историко-литературного процесса этого времени в целом.

Тематически поэма посвящена авиации, что неудивительно для этой эпохи, и в полной мере соотносится с футуристической идеей динамики, скорости, «пожирания пространства», литературная реализация которой приходится на 1920-е годы. При этом важно отметить, что о советской авиации в поэме речь ведется, но вовсе не она

выдвинута на первый план. Главным героем является американский летчик, Вильбур Райт. Вместе с братом Орвиллом Райтом они считаются первыми в мире конструкторами, которые построили летательный аппарат тяжелее воздуха (т. е. не планер, а аппарат с двигателем), совершали на нем первые показательные *управляемые* полеты в Европе и Америке.

Структура и сюжетно-композиционное оформление «Торжества авиации» Зенкевича весьма изощренное, поскольку базируется на сложных переходах от актуальной реальности к виртуальной и обратно. Здесь стоит напомнить, что на подобном способе художественного изображения Зенкевич настаивал и в «Мужицком сфинксе»: «Пользуясь приемом бредового смешения событий в искаженной перспективе времени, автор выплескивает из глубинных тайников души до отчаяния близкие образы, давно канувшие в Лету. И кто осудит горячечного больного, если в неясном для окружающих бреде он скажет заветное, дорогое...».³⁰

Первая и вторая части поэмы посвящены изображению Вильбура Райта, прибывшего из Америки в Европу для показательных полетов. Вильбур работает в ангаре на аэродроме, который расположен на севере Франции, и проводит испытания своего летательного аппарата. К нему приходят различные визитеры: Мультимиллионер, Корреспондент, Член Французского авиаклуба, Титулованная леди. Последний из перечисленных персонажей, Титулованная леди, – образ *роковой женщины*, тот тип, с которым мы уже встречались в «Мужицком сфинксе» в образе Эльги Густавовны. Характеристика, которой наделяет ее автор, составлена из биографических и поэтических черт, заставляющих вспомнить об Ахматовой. Так, например, атрибутика, в окружении которой описывается героиня «Торжества авиации», – подобна той, которая окружает лирическую героиню Ахматовой: вуаль, перчатки, зеркало и пр.

Ее появление перед Райтом сопровождается образами луны, лунного луча, лунного сияния³¹ и т. д. Более того, в автохарактеристике героини, – она – порождение луны, лунной ночи. Она зависит от луны, она – лунатичка, о чем сообщает сама героиня: «О, лунная любовная тоска, / И я – в ее лучах-тисках!» Вильбур Райт в поэме обращается к Титулованной леди именно так: «Вы – лунатичка...».

Этот мотивно-образный комплекс луны и лунного света корре-

Украдкою –
 Дать счастье,
 взять счастье
 Краткое...

Женский образ в «Торжестве авиации» Зенкевич выстраивает с использованием архетипа роковой женщины, обладающей магической притягательностью. Женственность для нее – инструмент соблазнения мужчины, который в свою очередь для нее – жертва, обязанная покориться ее чарам.

В оформлении речи Титулованной Леди активно используется ахматовская лексика: незванный,³⁷ украдкой, терпкий.³⁸

Образу Титулованной Леди в «Торжестве авиации» отведена важная роль: она – символическое воплощение любви, которую Вильбур отвергает. В подобном сюжетном положении также можно увидеть отсылку к лирическим сюжетам Ахматовой, в которых один из двух любит, другой отвергает эту любовь. Роковая женщина, предлагая свою любовь необычного существа, посягает на профессиональную честь Вильбура, поскольку его жизнь посвящена исключительно делу полета. Его миссия – «дать крылья человечеству», «открыть блистательную летательную эру». Однако погруженность в профессию, увлеченность полетом Райта так велики, что становятся для него щитом, надежно отражающим оружие «роковой женщины».

Таким образом, структура образа Титулованной Леди в «Торжестве авиации» включает в себя такие «ахматовские элементы», как лексические единицы, маркированные ахматовской лирикой. Образно-мотивный состав, атрибутика, сопровождающая Титулованную леди, отсылает к лирической героине Ахматовой. Наконец, сюжетное положение отвергнутой любви женского персонажа также обнаруживаем в сюжете любовной лирики Ахматовой.

¹ См.: *Тименчик Р. Д.* Из именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой: левый фланг акмеизма // Блоковский сб. XIX. Александр Блок и русская литература Серебряного века. Тарту, 2015. С. 156.

² Об этом говорит, напр., одна из записей Л. К. Чуковской 1963: «Знаете, что сказал о моем последнем цикле Зенкевич? <По словам Н. И. Крайневой, речь идет о «Полночных стихах». –

Т. И. >. Влюбленность изображена тут в виде некоей третьей силы, вне людей существующей. / Что ж, это верно. То есть и то, что влюбленность в виде посторонней силы изображена в “Красотке” <стихотворение «В зазеркалье» из «Полночных стихов». – *Т. И.* >, да и в жизни оно так и есть. Приходит некая третья сила и начинает распоряжаться двумя неповинными людьми. Они, в сущности, ни при чем» (*Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой. В 3 т. 1963–1966. Т. 3. М., 1997. С. 111–112).

³ Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана. М., 1989. С. 101.

⁴ См.: *Зенкевич М.* Сказочная эра. М., 1994. С. 419–422.

⁵ *Тименчик Р. Д.* Из именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой: левый фланг акмеизма. С. 153.

⁶ ИРЛИ, ф. 773 (М. А. Зенкевич).

⁷ Речь идет о сб.: *Зенкевич М.* Избранное. М., 1933.

⁸ Речь идет о 1962. Действительно, в составе книги М. Зенкевича «Сквозь грозы лет» (М., 1962) стихотворение «Мясные ряды» отсутствует.

⁹ ИРЛИ, ф. 773.

¹⁰ Печаталась по списку с автографа из архива М. Синельникова. Впервые: Синельников М. Два любовных взгляда «Потаенные стихи» Михаила Зенкевича // КО. 1991. № 46. С. 3; то же: *Зенкевич М.* Сказочная эра. М., 1994. С. 335.

¹¹ М. А. Зенкевич писал Вас. В. Гиппиусу 7 марта 1912 о своей книге «Дикая порфира»: «Книга готова – можешь получить ее у меня. Анна Андреевна тоже (т. е. книга)» (Цит. по: *Тименчик Р. Д., Лавров А. В.* Материалы А. А. Ахматовой в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976. С. 53–82.

¹² *Зенкевич М. А.* Сказочная эра. С. 421.

¹³ ИРЛИ, ф. 773.

¹⁴ *Черных В. А.* Летопись жизни и творчества А. А. Ахматовой. М., 2016. С. 838.

¹⁵ Ср.: «Нас было шестеро и никогда не было седьмого...» (Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / Сост. и подготовка текста К. Н. Суворовой. М.; Torino, 1996. С. 226).

¹⁶ См. публикацию, посвященную этой серии: *Егорова Л. В.* О переводах и переводчиках. Серия «Мастера художественного перевода» // Вопросы литературы. 2019. № 2. С. 173–192.

¹⁷ О «Мужицком сфинксе» см.: *Поливанов К.* Роман Михаила Зенкевича «Мужицкий сфинкс» в контексте автобиографической и мемуарной прозы русских модернистов // Russian Literature XLI (1997) North-Holland. P. 533–542; То же: *Поливанов К.* Пастернак и современники. М., 2006. С. 77–86; *Захарьева И. П.* Беллетризация мемуарного «Петербургского текста» в романе Михаила Зенкевича «Мужицкий сфинкс» // Болгарская русистика. 2015. № 3–4. С. 77–93.

¹⁸ Впервые эту главу опубликовал Р. Д. Тименчик в издании: *Ахматова А.* После всего. М., 1989. С. 20–23. Однако имеется свидетельство, что эту главу М. Зенкевич предполагал опубликовать при жизни. Об этом см. письмо Э. Герштейн от 18.01.1967: «Уважаемый Михаил Александрович! Позволяю себе вернуться к нашему разговору о Ваших воспоминаниях о покойной Анне Андреевне. По договоренности с издательством “Советский писатель” я сейчас подаю заявку на сборник. Разрешите мне назвать Вас в числе авторов. Вы хотели мне прислать главу “У камина” из Вашего романа двадцатых годов. Но я ничего не получила. Может быть, виною этому перемена моего адреса? Теперь он таков: Москва А-319. 2-я Аэропортовская, 18, кв. 53. Эмма Григорьевна Герштейн. С нетерпением жду Вашего согласия участвовать в сборнике. Уважающая Вас, Э. Герштейн» (РГБ, ф. 822, карт. 4, № 8, л. 1).

¹⁹ Отсылка к стихотворению Н. С. Гумилева «Ольга» («Эльга, Эльга», – звучало над полями...») из его сборника «Огненный столп» (1921).

²⁰ Вспомним, что в «Поэме без Героя» образ лирической героини тоже будет двойтаться: «Ты – один из моих двойников».

²¹ В примечаниях к роману «Мужицкий сфинкс», опубликованному С. Е. Зенкевичем в сборнике: М. А. Зенкевич «Сказочная эра» (М., 1994), воспроизведена запись «Слово свидетеля» А. Н. Зенкевич, к сожалению, без указания на место ее архивного хранения. Между опубликованной в указанном издании запиской А. Н. Зенкевич и записью под аналогичным названием «Слово свидетеля», хранящейся в музее Ахматовой в Фонтанном Доме, имеются разночтения.

²² Отдел фондов музея Ахматовой в Фонтанном Доме, ф. 5, оп. 1, д. 100.

²³ Зенкевич М. Сказочная эра. С. 658.

²⁴ Отвергнутые названия «Мужицкая ладанка» и «Площадь Урицкого – Путиловский».

²⁵ Документальных свидетельств о попытке опубликовать роман в издательстве «Советский писатель» (организовано в 1934) обнаружить не удалось, зато известно, что в 1930 Зенкевич пытался издать роман в издательстве «Федерация» (см. договор об издании этого романа в «Федерации» от 9 апреля 1930. (ОР РГБ, ф. 882, оп. 2, ед. хр. 24). Издание, однако, не состоялось ни в «Советском писателе», ни в «Федерации», которая была слита с издательством «Советский писатель» в 1934.

²⁶ Соболев А. Л. Тименчик Р. Д. Венеция в русской поэзии. М., 2019. С. 804–807.

²⁷ ИРЛИ, ф. 773.

²⁸ Воспоминания об Ахматовой. М., 1991. С. 91.

²⁹ Ср.: заглавие поэмы Н. А. Заболоцкого «Торжество земледелия» (1930).

³⁰ Зенкевич М. Сказочная эра. С. 412. Ср. с художественным методом «смешения событий в искаженной перспективе времени» у Ахматовой в ее «Поэме без Героя».

³¹ Ср. со стихотворением «Свет Луны» из «Дикой порфиры», которое заканчивается объединением образов лунного луча и влюбленных дев: «Лунный луч сверкнет нежданным чудом / В сумрачных зрачках влюбленных дев: «ролевым» стихотворением М. Зенкевича «О, не сияй так, Луна! Луна!» (1921), написанным от имени Актеона и завершающимся строками: «Я умираю от лучезарной ноши / Моей любви, Луна! Луна!» (Зенкевич М. Сказочная эра. С. 140).

³² См.: «Молюсь оконному лучу...» (1909), «По полу лучи луны...» (1909), «Маскарад в парке» («Луна освещает карнизы...») (1910), «Вижу, вижу лунный лук...» (1915) и др.

³³ Лукницкий П. Н. Acumiana. Т. 1. 1924–1925. Paris, 1991. С. 156.

³⁴ Там же. С. 58.

³⁵ «Лунные» образы и мотивы в лирике Гумилева с лунатизмом Ахматовой связывал в своей заметке Р. Д. Тименчик. См.: Тименчик Р. Д. Вступ. ст. к публикации стихотворений Гумилёва // Родник. 1988. № 10. С. 20.

³⁶ Отсылка к ахматовскому выражению «Лунная жуть» из стихотворения «Если плещется лунная жуть...» (1928). Ахматова А. Соч. В 2 т. Т. 1. М., 1996. С. 180.

³⁷ Ср.: «Заклинание» (1936) Ахматовой: «Незванный, / Несуженый, /– Приди ко мне ужинать» (Там же. С. 186.)

³⁸ «Терпкая гостья любви» Зенкевича – перифраз ахматовского «терпкой печалью напоила его допяна» из стихотворения «Сжала руки под темной вуалью...» (1911) (Там же. С. 28).

А. Медведев

Тюмень

«Розановский слой» в творчестве Анны Ахматовой

В «Записках» Л. Чуковская приводит разговоры с Ахматовой о В. Розанове в 1939–1940 годах: «– А Розанов? – спросила я. – Я так его люблю, кроме... – Кроме антисемитизма и половой проблемы, – закончила Анна Андреевна. <...> Я спросила, знала ли она Розанова. – Нет, к сожалению, нет. Это был человек гениальный. Мне недавно Надя, дочь его, говорила, что они все любили мои стихи и спрашивали у отца, знал ли он меня. Он не знал меня и, кажется, стихов моих не любил, зато очень любил Мариэтту Шагинян: “Девы нет меня благоуханней”. А я у него всё люблю, кроме антисемитизма и половой теории».¹ Сведений о знакомстве Ахматовой с Н. В. Розановой (Верещагиной)² нет. Вероятно, Ахматова имеет в виду здесь другую дочь Розанова – Т. В. Розанову (1985–1975), с которой она познакомилась в конце 1930-х годов в доме Н. Г. Чулковой (они обе дружили с ней и останавливались у нее, приезжая в Москву). На этой встрече Ахматова рассказала Розановой, что видела ее молодого отца, когда он служил в Государственном контроле:³ «Говорила, что хорошо его помнит. Я же сказала, что мои сестры Варя и Надя очень любят ее стихи, и попросила передать Наде фотографию. Она надписала ее. Варя была в восторге.⁴ Портрет всегда стоял у нее на столе, а после смерти Вари я отдала его Наде. После Надиной смерти он перешел в руки Елены Дмитриевны Танненберг, ее близкой подруги».⁵

Розанов действительно не знал поэзии Ахматовой, поскольку русские поэты XIX века были ему роднее современных поэтов-модернистов. С. Н. Дурылин вспоминал, как Розанов восхищался полиграфической роскошью модернистских изданий, но любил и жил русской классикой, глубоко проживая ее: «– Как это... хорошо издано! – и аккуратно ставил на полку. Не читал. Любил держать в руках, “потому что хорошо издано”. Пушкина же, Лермонтова, К. Леонтьева, Достоевского – непрерывно *читал*, – и волны от их пера двигались сплошным, непрекращающимся прибором в его душу».⁶

Упоминание строки М. Шагинян («Девы нет меня благоуханней...») свидетельствует о том, что Ахматова внимательно следила за розановскими рецензиями в «Новом Времени». ⁷ Именно стихотворением «Полнолуние» (1911), финальную строку которого цитирует Ахматова, Розанов завершает свой отзыв на книгу Шагинян «Orientalia» (М.: Альциона, 1913). ⁸ В этом стихотворении Розанова как философа пола не могли не привлечь ориенталистски-эротические мотивы:

Кто б ты ни был – будешь господином.
Жарок рот мой, грудь белее пены,
Пахнут руки чебрецом и тмином.
Днем чебрец на солнце я сушила,
Тмин собирала, в час поднявшись ранний...
В эту ночь – от Каспия до Нила –
Девы нет меня благоуханней!..

Что это за канальственный “чебрец” растет на Кавказе, от которого не только девы, но и стихи их становятся так душисты, что не в марте бы месяце их читать...» ⁹

Чуковская также вспоминает эпизод из «Опавших листьев» (Короб первый), который ее возмущал, – о том, что мать двух дочерей посоветовала кадету, влюбленному в старшую дочь («пышная, большерослая», «спокойного характера»), жениться на младшей дочери («худенькая и небольшая, так и пылала»), что кадет и сделал, а через два года у них уже было двое детей. ¹⁰ Таким образом Розанов в русле своей философии пола обосновывал необходимость раннего брака, когда у юноши и девушки еще «неиспорченное воображение». ¹¹ Ахматова, соглашаясь с возмущением Чуковской («Я опять подивилась совпадению наших нелюбвей»), отмечает мифологичность этой розановской истории: «Анна Андреевна махнула рукой. – Ничего этого не было. Ни дамы, ни дочерей, ни внука. Все это он сам, конечно, выдумал, от слова и до слова...» ¹²

История с сестрами иллюстрировала мысль Розанова о том, что половая энергия может развиваться в двух направлениях: «пыл пола или разворачивается в рост и, потратя силы свои “на произведение своего же тела”, успокаивается; или же он в рост не разворачивается, и тогда весь сосредоточивается в стрелу пола, – и эта стрела сильно

заострена и рвется с тетивы». ¹³ Этой розановской мыслью Ахматова подкрепляла свои жизненные наблюдения, но не в отношении женщин, а мужчин: «Бросить можно только жену, и “хи-мэны” именно на этом проявляли свою мужскую самостоятельность, пока не попадали под каблук к какой-нибудь энергичной дамочке, и это довершало превращение мужчины в “слабый пол”... “У них все ушло в рост”, – говорила о таких Ахматова, цитируя Розанова». ¹⁴

В этой же записи Чуковской Ахматова вспоминает последние годы жизни Розанова в Сергиевом Посаде: «Гениальный был человек и слабый. Мне жаль было его, когда он потом голодал в Сергиеве. Мне рассказывали: ходил по платформе и собирал окурки. Я ничем не могла ему помочь, потому что сама голодала клинически». ¹⁵ Подробности тяжелого материального положения последнего года жизни Розанова, приведшего его к смерти, Ахматова могла знать от Т. В. Розановой, а также от ближайшего круга Розанова. В письме М. О. Гершензону в ноябре 1918 года Розанов признавался: «Голодно. Холодно. Кто-то добрый человек, разговорясь со мною в бане, сказал: “В. В., по портрету Бакста¹⁶ – у Вас остались только глаза”. <...> Собираю перед трактирами окурки: ок. 100 – 1 папироса. Затянусь. И точно утешен». ¹⁷ З. Н. Гиппиус писала в воспоминаниях, опубликованных в парижском альманахе «Окно» за 1924 год (в те годы альманах еще был доступен в Советской России): «Стал, говорят, странный и больной. Такой нищий, что на вокзале собирает окурки. <...> Ничто, прежде ужасное, не удивляло: *теперь* казалось естественным. У всех, кажется, все умерли; все, кажется, подбирают окурки...». ¹⁸ Гиппиус писала и о христианском перевороте Розанова перед смертью (о чем Ахматовой могла рассказать и дочь Розанова¹⁹), хотя эта тема в ахматовских текстах никак не отразилась.

Важнейшим контекстом для ахматовского восприятия Розанова-писателя является прочтение Розанова О. Мандельштамом, который очень ценил его, прежде всего, за «нелитературное», «домашнее» отношение к литературе, проявляющееся в ключевой роли для текста интонации²⁰ и цитатности: «Филология – это семья, потому что всякая семья держится на интонации и на цитате, на кавычках. Самое лениво сказанное слово в семье имеет свой оттенок. <...> Розанов же увязнет с головой в строчке любого русского поэта, как он увяз в строчке Некрасова. “Еду ли ночью по улице темной” – пер-

вое, что пришло в голову ночью на извозчике. Розановское примечание – вряд ли сыщется другой такой русский стих во всей русской поэзии».²¹ Мандельштам отсылает здесь к «опавшему листу» из «Уединенного» (1912), в котором Розанов как раз акцентировал значение интонации в некрасовских стихах: «Его “Власу” никакой безумец не откажет в поэзии. Его “Огородник”, “Ямщик”, “Забытая деревня” прелестны, удивительны, и были новы *по тону* в русской литературе. Вообще Некрасов создал *новый тон* стиха, *новый тон чувства*, новый тон и звук *говора*».²² В розановском духе Мандельштам дает определение цитатности в «Разговоре о Данте» (1933): «Цитата не есть выписка. Цитата есть цикада. Неумолкаемость ей свойственна».²³

Отзвук розановской «нелитературности» звучит и в реплике Мандельштама 1930-х годов, обращенной к молодым поэтам, жаловавшимся ему, что их не печатают: «И почему вы все придаете такое значение станку Гутенберга?».²⁴ Немецкого изобретателя печатного станка Розанов назвал в «Уединенном» «Мефистофелем» за то, что своим изобретением он определил публичный, массовый, обезличенный характер литературы Нового Времени: «Как будто этот проклятый Гуттенберг облизал своим медным языком всех писателей, и они все обездушелись “в печати”, потеряли лицо, характер».²⁵ В «Уединенном» (на титуле было указано, что оно издано *почти на праве рукописи*) Розанов возвращался к догутенберговской – интимной, «рукописной» интонации, преодолевающей «печатность»: «Новое – *тон*, опять – манускриптов, “до Гутенберга”, для себя».²⁶

Это идущее от Розанова (в том числе и через Мандельштама) интонационное и интертекстуальное понимание литературы близко Ахматовой, в поэтике которой интонация и цитатность – ключевые принципы. Вспомним ее ставшие крылатыми строки 1956 года:

Не повторяй – (душа твоя богата) –
Того, что было сказано когда-то,
Но, может быть, поэзия сама –
Одна великолепная цитата.²⁷

А в записной книжке 1960 года и в заметке «Все было подвластно ему» (1964) Ахматова отмечает ключевую роль интонации у Лер-

монтова: «...хочется ему подражать, но совершенно очевидно, что это невозможно, потому что он владеет тем, что актеры называют сотая интонация»; «Трудно писать о нем и не впасть в его тон, трудно думать о нем и не слышать его интонацию» (6, 280, 295). Эта лермонтовская «сотая интонация» становится кульминацией в стихотворении «Rosa moretur» (1963): «А ты поймал одну из сотых интонаций, / И все недолжное случилось в тот же миг...» (2, 2, 177).

В записи от 21 апреля 1963 года под заглавием «М. б., примечание» Ахматова отмечает принципиальное значение голоса и интонации для понимания Пушкина: «Мы почти перестали слышать его человеческий голос в его божественных стихах. <...> во всей многопланности пушкинского слова и с сохранением его человеческой интонации» (6, 173). Именно Розанов первым заговорил о первостепенном значении голоса и интонации в понимании Пушкина: «<...> не всякий “читающий Пушкина” имеет что-нибудь общее с Пушкиным, а лишь кто вслушивается в голос *говорящего* Пушкина, угадывая интонацию, какая была у живого».²⁸

«Рукописным» тоном Розанов снимал «публичный» характер литературы Нового Времени с ее культом славы («самодовольство», тщеславие) и возвращался к смиренной средневековой рукописности, сохранявшей индивидуальность и духовное целомудрие писателя: «Ведь в Средних веках не писали для публики, потому что, прежде всего, не издавали. И средневековая литература, во многих отношениях, была прекрасна, сильна, трогательна и глубоко плодоносна в своей невидности. Новая литература до известной степени погибла в своей излишней видности; и после изобретения книгопечатания вообще никто не умел и не был в силах преодолеть Гутенберга».²⁹ Эта розановская установка соотносится с наблюдением Н. Мандельштам (ссылающейся на мысль Розанова о «писательском целомудрии»³⁰) о том, что Ахматова и Мандельштам не «смотрелись в зеркала»: «Она именно жила в зеркалах, а не смотрелась в них, поэтому это не имеет никакого отношения к замечанию Розанова о том, что писатели делятся на два типа – одни смотрят в зеркало, а другие нет. Розанов здесь имеет в виду оглядку на читателя, заигрывание с ним, актерский элемент в писателях, которого в подлинных поэтах почти никогда не бывает. Предельно этот элемент отсутствовал у О. М.».³¹

Аллюзии на розановские тексты присутствуют и в лирике Ахматовой, так, они проступают в стихотворении «Венеция» (август 1912 года):

Золотая голубятня у воды,
Ласковой и млеюще-зеленой;
Заметает ветерок соленый
Черных лодок узкие следы.

Сколько нежных, странных лиц в толпе.
В каждой лавке яркие игрушки:
С книгой лев на вышитой подушке,
С книгой лев на мраморном столбе.

Как на древнем, выцветшем холсте,
Стынет небо тускло-голубое...
Но не тесно в этой тесноте
И не душно в сырости и зное.

(1, 100)

В мотивах золота, птиц («золотая голубятня»), льва («с книгой лев»), в сочетании золотого и черного («черных лодок») отражено преломляется «райское» описание Венеции в розановском очерке «Золотистая Венеция» (1902) из популярной у современников книги «Итальянские впечатления» (СПб., 1909)³²: «Вся Венеция усеяна изображениями льва <...>. Лев венецианский, поставленный на мачтах, на столбах, колоннах, на каждой безделушке вплоть до спичечной коробки, имеет два полуприподнятые крыла и чуть-чуть опустился на передних лапах, как готовый сейчас прыгнуть. Это лев в оживлении, а не сидящий, не лежащий. <...> “Золотистая Венеция, золотистая Венеция”, – думал я, ожидая на крошечной пристаньке возле дворца дождей пароходик, чтобы ехать на вокзал. <...> “Прощайте, золотистые дворцы, прощайте, золотистые дворцы”. По сторонам смотрели они, эти дворцы, в самом деле в черных позолотах. До чего это красиво, – золото по мрамору, по металлу, по стеклу, в наружных украшениях дома. Вся Венеция точно осыпана золотистой пылью, как некоторые красивейшие южные птицы – колибри или африканская “райская птица”».³³

Розанов был одним из первых, кто в начале XX века открыл красоту библейской поэзии. В статье «О “Песне песней”» (1909), вошедшей в его книгу «Библейская поэзия» (СПб., 1912), он видел секрет поэтичности «Песни песней», в частности, в отсутствии в ней ярких цветовых эпитетов: «Узора нет, краски неразличимы... в каком-то сумраке мысль. Такие слова, как “красный”, “голубой”, “желтый”, даже сам “белый” или “черный”, – не только не встречаются в поэме, но вы сейчас же почувствуете, что они составили бы в ней какофонию. <...> В одном месте поэмы говорится: “Не *будите* любовь”, не мешайте ей, не спугивайте ее. Как только Суламифь сказала бы: “Я уже сняла свой *красный* хитон”, так сейчас она и рассеяла бы грезы Соломона и все пробудилось бы к действительности. Вся поэма движется так, что ни Соломон, ни Суламифь не помнят о цвете своих одежд... Замечательно, что чуть ли не единственный цветовой термин: “я *смугла*”, – в ней, во-первых, не тверд, не определен, и, во-вторых, что это сказано как признание в горячности: “Я смугла, *обожжена* солнцем”». ³⁴ Подмеченная Розановым особенность библейской поэтики проявляется в библейском цикле Ахматовой («Рахиль», 1921; «Лотова жена», 1924; «Мелхола», 1959–1961), где цветовые эпитеты встречаются лишь четырежды («черная голубка», «черная гора», «красные башни», «зеленые глаза»). О героях ахматовского цикла можно сказать словами Розанова – чтобы не вспугнуть любовь, они «не помнят о цвете своих одежд».

Эпическим 4-стопным амфибрахией библейских стихов Ахматова передает «таинственный тон Библии», о котором Розанов писал в статье «О поэзии в Библии» (1909–1911) из той же книги, определяя его как естественный, «“высокий и благородный”, но не придуманный, нежный без приторности, кроткий без унизости, в высшей степени простой, в высшей степени ясный, в высшей степени наглядный». ³⁵ В сравнении с другими книгами тон Библии – это «чистая вода горного ключа после спитого чая, водки и бутербродов; это – как поле и полевые цветы, хижина араба и его песня о звездах после душного ресторана с “малыми”; всегда это для души – освежение и воскресение». ³⁶ Подобный ряд простых, естественных и первозданных природных образов присутствует и в библейских стихах Ахматовой («долина», «стада», «горячая пыль», «камень», «чистый источник», «пустыня», «высокая ночь», «прохладные росы», «солнца лучи», «звезды в ночи»):

И снится Иакову сладостный час:
Прозрачный источник долины,
Веселые взоры Рахилиных глаз
И голос ее голубиный.

(1, 376)

Прямое упоминание Розанова – среди участников «маскарада» эпохи начала XX века в записи к «Поэме без Героя» (6–7 января 1962): «и я не поручусь, что там, в углу, не поблескивают очки Розанова и не клубится борода Распутина» (3, 267). Фигура Розанова возникает здесь в демоническом ореоле Врубеля («от него все демоны XX-го века, первый он сам»), Мейерхольда («демонический Доктор Дапертутто»), Вяч. Иванова («Фауст») и сближается по демонизму с Григорием Распутиным. С последним Розанов познакомился в 1904–1905 годах, неоднократно писал о нем. Розанов воспринимал Распутина в идеализированном народническом ключе («Илья Муромец»): «Разгадка всего. Гриша – гениальный мужик».³⁷ Как философа пола его особенно интересовала в Распутине его сексуальная сущность. В письме к Э. Голлербаху от 6 октября 1918 года Розанов упоминает, что Распутин его боялся, так как он постиг его тайну через древнеегипетский культ «Священного Аписа».³⁸ В своих мемуарах о Распутине³⁹ Н. Тэффи вспоминала, как Розанов, находясь в одной компании с Распутиным,⁴⁰ просил ее разговорить его – непременно затронуть «эротические темы» и «хлыстовские радения».⁴¹ Как и Ахматова («клубится борода Распутина»), Тэффи описывает Распутина через стихийные образы: «Самого его несла куда-то та самая сила, которою он хотел управлять. <...> он словно уже сорвался и несся в вихре, в смерче, сам себя потеряв. <...> путал, сам себя не понимал, мучился, корчился, бросался в пляс с отчаянием и с воплем, как в горящий дом за забытым сокровищем. Я потом видела этот пляс его сатанинский...».⁴²

Именно в этом распутинском контексте Ахматова мифологизирует Розанова как философа пола, закрепляя эту семантику за топосом угла (в 1903–1904 годах Розанов вел в журнале «Новый путь» рубрику «В своем углу») и за ключевой деталью портрета философа – поблескивающими очками, отсылающими к уже упомянутому знаменитому портрету работы Бакста, о котором Перцов писал в книге 1933 года, что он верно передает внешность Розанова: «схвачен и тот зоркий, проницающий взгляд, которым Розанов выучился

смотреть, как мне кажется, тоже лишь позднее – именно к эпохе написания этого портрета: к “египетской” своей эпохе». ⁴³ Из литературных источников «поблескивающих очков» можно назвать мемуары Гиппиус, в которых она вспоминает забежавшего в их квартиру торопливого Розанова, критикующего христианство: «Так, в крылатке, и бегал нервно по комнате, блестя очками. Разговор был, конечно, о религии, и опять о христианстве. Отношение к нему у Розанова показалось мне мало по существу изменившимся. Те же упреки, что христианство не хочет знать мира с его теплотой и любовью, не приемлет семью и т. д.». ⁴⁴ Поблескивающие очки – ключевая деталь образа Розанова и в воспоминаниях А. Белого: «В. В. Розанов, нагло помалкивая и блистая очками, коленкой плясал». ⁴⁵

Диалог с Розановым проступает и в многослойной аллюзии из самой «Поэмы без Героя» (1940–1965) – «плоть, почти что ставшая духом» (3, 182). Как уже указывали исследователи, ⁴⁶ в ней свернута отсылка к ключевой проблеме «нового религиозного сознания», хотя, на наш взгляд, Ахматова здесь не спорит с Розановым и не выбирает сторону Бердяева, а оказывается ближе к Розанову и Мережковскому, считавшим, что в аскетическом христианстве дух, монофизитски оторванный от плоти, становится демоничным: «Дух и Слово может быть Плотью и Кровью. <...> Господь претворил воду в вино и вино в кровь. Не обратно ли претворяется в последующие века аскетического христианства кровь в вино и вино в воду, святое Тело – в бестелесную святость, духовная Плоть – в бесплотную духовность, Воскресение Плоты – в умерщвление плоти? Не совершается ли здесь второе предательство, равное первому?» ⁴⁷

Мысль о плоти, ставшей духом, является частью ахматовского портрета А. Блока:

Гавриил или Мефистофель
Твой, красавица, паладин?
Демон сам с улыбкой Тамары,
Но такие таятся чары
В этом страшном дымном лице:
Плоть, почти что ставшая духом,

<...>

С мертвым сердцем и мертвым взором.

(3, 182)

И в этом демоническом и мортальном восприятии Блока Ахматова также оказывается близка Розанову, который писал о поэте в своих статьях 1909 года: «Боже мой, кого не презирает Блок? И почему он не играет Демона в опере Рубинштейна?.. Было бы так естественно, ибо это был бы Демон не подмалеванный, а настоящий. Но разберемся в мыслях печального Демона»;⁴⁸ «С лицом мертвеца, – соглашаюсь, красивого мертвеца, – и загробным голосом поэт Блок читает о землетрясении в Мессине и связи этого землетрясения... с русскою интеллигенцией».⁴⁹

Еще один план, сближающий Ахматову и Розанова, – литературно-критическая оценка Лермонтова. В статье «Вечно печальная дуэль» (Новое Время. 1898. 24 марта), написанной в период сближения с Мережковскими, Розанов предлагал отказаться от «версии происхождения нашей литературы “от Пушкина”», доказывая, что ее родоначальником был Лермонтов: «В Лермонтове срезана была самая кронка нашей литературы, общее – духовной жизни, а не был сломлен, хотя бы и огромный, но только побочный сук. <...> в поэте таились эмбрионы таких созданий, которые совершенно в иную и теперь не разгадываемую форму вылили бы все наше последующее развитие. Кронка была срезана, и дерево пошло в суки».⁵⁰ Розанов отходит от национального литературного канона с почвенническим культом Пушкина (созданным Ап. Григорьевым, Ф. М. Достоевским, Н. Н. Страховым) и, по сути, создает модернистский канон во главе с мистическим Лермонтовым. «“Мистагогов” русской литературы» (в лице Гоголя, Достоевского, Толстого) Розанов возводит не к Пушкину, а к Лермонтову: «“Есть миры иные”, – тревожно сказал Достоевский, устами старца Зосимы, в “Братьях Карамазовых”; “есть мир иной” – разве не говорит это нам, не предостерегает нас об этом в “Смерти Ивана Ильича” Толстой?»⁵¹ Кроме религиозности, Достоевский и Толстой продолжают героев Лермонтова (а не «простых» героев Пушкина) и в их глубинном психологизме: «Раскольников и Свидригайлов в их двойственности и вместе странной “близости”, кн. Андрей Болконский, Анна Каренина – все эти люди богатой рефлексии и сильных страстей все-таки кое-что имеют себе родственного в Печорине ли, в Арбенине, но более всего – лично в самом Лермонтове».⁵² Неизвестно, была ли Ахматова знакома со статьей Розанова, но концепция происхождения русской литерату-

ры «от Лермонтова» ей была явно близка, о чем свидетельствует ее фраза «Не от Пушкина или Гоголя, а именно от него Толстой и Достоевский...».⁵³

В последнем эссе, посвященном Лермонтову,⁵⁴ в котором «вещий томик» его лирики Розанов называет «золотым нашим Евангелищем», он соотносит поэта с Христом через его евангельский тон: «Ах, и “державный же это был поэт”! Какой *тон...* Как у Лермонтова – *такого тона еще не было ни у кого в русской литературе.* / Вышел – и владеет. / Сказал – и повинуются. / Пушкин “навевал”... Но Лермонтов не “навевал”, а приказывал».⁵⁵ В этой характеристике – прямая отсылка к интонации Христа: «И дивились Его учению, ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники» (Мк. 1, 22; Мф. 7, 28–29). Этот «властный» тон Лермонтова уловила и Ахматова в заметке «Все было подвластно ему» (1964): «...он владеет тем, что актеры называют сотая интонация. Слово слушается его, как змея заклинателя: от почти площадной эпиграммы до молитвы, а его строки не имеют себе равных ни в одной из поэзий мира» (6, 280).

И последний «розановский» аспект, который следует очертить, но который требует дальнейшего анализа, – открытая Розановым модернистская форма «потока сознания» («опавшие листья»), которая имела огромное значение для прозы поэтов-модернистов. Вяч. Вс. Иванов отмечал, что вдохновлявший Мандельштама Розанов был едва ли не значимее всех как для внесюжетной «неразрешенной» прозы самого поэта («Египетская марка», «Четвертая проза»), так и для будущего русской прозы (до Венечки Ерофеева и Синявского).⁵⁶ Ориентируясь на эту восходящую к Розанову «четвертую прозу» с ее феноменологическим «потокосознанием» («Шум времени» Мандельштама и «Охранная грамота» Пастернака), Ахматова в последние годы своей жизни писала книгу «о времени и о себе» (ее название менялось – «Книга жизни», «Листки из Дневника», «Листки из Блокнота», «Мои полвека», «Труды и дни»...), которая не была закончена: «Успеть записать одну сотую того, что думается, было бы счастьем. Однако книжка – двоюродная сестра “Охранной грамоты” и “Шума времени” – должна возникнуть. Боюсь, что по сравнению со своими роскошными кузинами она будет казаться замарашкой, простушкой, золушкой и т. д. Оба они (и Борис, и Осип) писали свои книги, едва достигнув зрелости, когда все, о чем они вспоминают,

было еще не так сказочно далеко. Но видеть без головокружения девяностые годы XIX века с высоты середины XX века почти невозможно» (5, 171).

Таким образом, Ахматова была хорошо знакома с произведениями Розанова и обстоятельствами его биографии. В текстах Ахматовой, подобно «симпатическим чернилам», проступает «розановский слой», отражающий ее прямой или скрытый диалог со знаковой фигурой русского модернизма – как религиозно-философского («новое религиозное сознание»), так и литературного («опавшие листья»). Розанов мифологизируется Ахматовой как философ пола в демоническо-стихийном контексте Григория Распутина. В художественном плане для Ахматовой, как и для Мандельштама, значимо розановское «нелитературное», «догутенберговское» отношение к слову (интонация и интертекстуальность). Розановский дискурс диалогически преломляется в ахматовской «Венеции», в библейском цикле, в «Поэме без Героя», в понимании Лермонтова, Пушкина и Блока, а также является важным для модернистской поэтики ахматовской прозы.

¹ Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. В 3 т. М., 1997. Т. 1. С. 29, 69–70. См. также заметку Р. Д. Тименчика о В. В. Розанове в изд.: Пути искусства: Символизм и европейская культура XX века. М., 2008. С. 453–456.

² Розанова (Верещагина) Надежда Васильевна (1900–1956), художница, иллюстратор. Училась в частной гимназии М. Н. Стоюниной (1908–1918), в Педагогическом техникуме в Сергиевом Посаде (внешкольное отделение) (1920–1922), на словесном отделении Ленинградского института истории искусств (1924–1925). В 1922 году вышла замуж за А. С. Верещагина, переехала в Ленинград. В 1925 году переехала в Москву. В 1930–1950-е работала иллюстратором и художником в Музыкальном театре им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко и на «Мосфильме». В 1936 разводится с мужем и переезжает в Ленинград, где работает художником на «Ленфильме». С 1943 – гражданская жена художника М. К. Соколова (1885–1947). С 1941 по 1951 – художник киностудии «Союзмультфильм», работает над иллюстрациями к произведениям Пушкина, Достоевского.

³ Розанов служил в Государственном контроле с 1893 по 1899.

⁴ Розанова Варвара (Гордина, 1898–1943) – дочь Розанова, поэт. Фотопортрет Ахматовой (1921, фотограф М. С. Наппельбаум) с дарственной надписью Варваре Розановой «Привет от А. Ахматовой» хранится в собрании Библиотеки Стэнфордского университета (воспроизведен в: *Themes and Variations: In Honor of Lazar Fleishman / Темы и вариации: сборник статей и материалов к 50-летию Лазаря Флейшмана* // *Stanford Slavic Studies*. 1994. Vol. 8. P. 460).

⁵ Розанова Т. В. «Будьте светлы духом»: Воспоминания о В. В. Розанове. М., 1999. С. 149.

⁶ Дурьлин С. Н. В своем углу. М., 2006. С. 302.

⁷ Розанов В. В. «Orientalia» Маризтты Шагинян // Новое Время. 1913. 24 марта. № 13302.

⁸ Шагинян подарила Ахматовой 5-е издание этой книги (Пб.; Берлин: З. И. Гржебина, 1921), о чем говорит ее дарственная надпись: «Дорогой Анне Ахматовой от Маруси в память нашей встречи взамен утраченного экземпляра. Петербург 12 июня (?) 1922» (Abelbooks. Ан-

тиктварные книги. [Электронный ресурс] URL: <https://www.abelbooks.ru/tovar/shaginyan-m-savtograf-anne-ahmatovoj-orientalia/>)

⁹ Розанов В. В. Собр. соч. [В 30 т.]. [Т. XXIII]: На фундаменте прошлого (Статьи и очерки 1913–1915 годов). М.; СПб., 2007. С. 51.

¹⁰ Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Указ. соч. С. 70.

¹¹ Розанов В. В. О себе и жизни своей. М., 1990. С. 322–325.

¹² Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Указ. соч. С. 70.

¹³ Розанов В. В. О себе и жизни своей. С. 322.

¹⁴ Мандельштам Н. Люсаных // Мандельштам Н. Собр. соч. В 2 т. Т. 2. Екатеринбург, 2014. С. 905.

¹⁵ Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Указ. соч. С. 70.

¹⁶ Л. С. Бакст. Портрет В. В. Розанова. 1901. Бумага, пастель. 106,5×70,9. Москва, Гос. Третьяковская Галерея. [Электронный ресурс] URL: https://www.tg-m.ru/img/mag/2015/3/art_48_05_06.jpg

¹⁷ Переписка В. В. Розанова и М. О. Гершензона. 1909–1918 // Новый мир. 1991. № 3. С. 241.

¹⁸ Гиппиус З. Н. Задумчивый странник. О Розанове (Из книги «Живые лица») // В. В. Розанов: pro et contra. Личность и творчество В. Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. В 2 кн. Кн. 1. СПб., 1995. С. 37–38.

¹⁹ См.: Розанова Т. В. «Будьте светлы духом»: Воспоминания о В. В. Розанове. С. 91–102.

²⁰ Впервые на близость Мандельштама к Розанову в особом понимании интонации обратила внимание А. Кроун, приводя слова поэта «Я один в России работаю с голоса...» и анализируя посвященное Ахматовой стихотворение «Твое чудесное произношение» (1918) (Crone A. L. Mandelstam's Rozanov // Столетие Мандельштама. Материалы симпозиума / Сост. Р. Айзелвуд и Д. Майерс. New York, 1994. С. 62–63). О значении интонации для Розанова см.: Медведев А. Интонация // Розановская Энциклопедия. М., 2008. С. 1368–1372; Медведев А. Эссенистичность // Розановская Энциклопедия. М., 2008. С. 1513–1516.

²¹ Мандельштам О. Э. Собр. соч. В 4 т. Т. 1. М., 1999. С. 223–224.

²² Розанов В. В. О себе и жизни своей. С. 45.

²³ Мандельштам О. Э. Собр. соч. Т. 3. С. 220.

²⁴ Липкин С. «Угль, пылающий огнем...»: Воспоминания о Мандельштаме. Стихи, статьи, переписка. Материалы о С. Липкине. М., 2008. С. 16.

²⁵ Розанов В. В. О себе и жизни своей. С. 39.

²⁶ Там же. С. 249.

²⁷ Ахматова А. Собр. соч. В 6 т. Т. 2. Кн. 1. М., 1998–2000. С. 182. Далее ссылки на это издание в тексте с указанием тома, книги и страницы в скобках.

²⁸ Розанов В. В. О себе и жизни своей С. 197.

²⁹ Там же. С. 249.

³⁰ «Боже, сохрани во мне это писательское целомудрие: не смотреться в зеркало. Писатели значительные от ничтожных почти только этим отличаются: смотрятся в зеркало – не смотрятся в зеркало» (Там же. С. 229).

³¹ Мандельштам Н. Об Ахматовой // Мандельштам Н. Собр. соч. В 2 т. Т. 1. С. 630.

³² Автор знаменитых «Образов Италии», П. Муратов, отмечая, что Розанов в «Итальянских впечатлениях» «повернут лицом к России», тем не менее видел в них «алмазы мысли чистой воды и черты гениального восприятия» (Муратов П. П. Образы Италии. Т. 1. М., 1911. С. 12). В январе 1964, размышляя о будущей поездке Ахматовой в Италию для получения премии «Этна-Таормина», Чуковская упоминает книгу Розанова в ряду ключевых текстов русских писателей об Италии (итальянские письма Герцена, Тургенева, Толстого, «Итальянские стихи» Блока, образ Венеции в «Былом и думах» Герцена и в «Охранной грамоте» Пастернака) (Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Т. 3. С. 135).

- ³³ *Розанов В. В.* Иная земля, иное небо... Полн. собр. путевых очерков 1899–1913 годов. М., 1994. С. 224, 229.
- ³⁴ *Розанов В. В.* Собр. соч. [Т. XIV]: Возрождающийся Египет. М., 2002. С. 451–452.
- ³⁵ Там же. С. 448–449.
- ³⁶ Там же. С. 450.
- ³⁷ *Розанов В. В.* Собр. соч. [Т. II]: Мимолетное. С. 60.
- ³⁸ *Розанов В. В.* Собр. соч. [Т. XVII]: В нашей смуте. С. 373–374.
- ³⁹ Впервые под заглавием «Колдун: Из воспоминаний о Распутине» (Сегодня. Рига, 1924. 10 августа. № 179; 13–14 августа. № 181–182).
- ⁴⁰ В «Мимолетном» Розанов описал две встречи с Распутиным «в литературной компании» 15 апреля и 17 апреля 1915 (*Розанов В. В.* Мимолетное. 1915 год: Издание полного текста. М., 2011. С. 82–85, 92).
- ⁴¹ *Тэффи Н. А.* Распутин // Тэффи Н. А. Житье-бытье: Рассказы. Воспоминания. М., 1991. С. 426, 431.
- ⁴² Там же. С. 426, 432.
- ⁴³ *Перцов П. П.* Литературные воспоминания. 1890–1902. М., 2002. С. 262.
- ⁴⁴ *Гиппиус З. Н.* Задумчивый странник. О Розанове (Из книги «Живые лица»). С. 32.
- ⁴⁵ *Белый А.* Начало века. Воспоминания. В 3 кн. Кн. 2. М., 1990. С. 494.
- ⁴⁶ С. Коваленко предположила, что Ахматова отсылает к спору Бердяева с Мережковским и Вл. Соловьевым о «духе» и «плоти», принимая при этом сторону Бердяева, возражавшего против антитезы этих начал (*Коваленко С.* Свершившееся и недоовоплощенное. Поэмы и театр Анны Ахматовой // Ахматова А. Собр. соч. Т. 3. С. 432). С. А. Мартынова считает, что в этой фразе Ахматова оспаривает розановские идеи освящения плоти и мистики пола (*Мартынова С. А.* «Поэма без героя» А. А. Ахматовой в контексте русской философской культуры XX века // Постсимволизм как явление культуры: сборник. Вып. 3. М., 2001. [Электронный ресурс] URL: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/martyanova-poema-bez-geroya-ahmatovoj.htm> (дата обращения: 27. 09. 2019)).
- ⁴⁷ *Мережковский Д. С.* Л. Толстой и Достоевский. М., 2000. С. 140–141.
- ⁴⁸ *Розанов В. В.* Попы, жандармы и Блок // Розанов В. В. Собр. соч. [Т. IV]: О писательстве и писателях. М., 1995. С. 330.
- ⁴⁹ *Розанов В. В.* Литературные симулянты // Розанов В. В. Собр. соч. [Т. IV]. С. 324.
- ⁵⁰ *Розанов В. В.* Собр. соч. [Т. VII]: Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. С. 289.
- ⁵¹ Там же. С. 291.
- ⁵² Там же. С. 294.
- ⁵³ *Найман А.* Рассказы об А. Ахматовой. М., 1999. С. 410.
- ⁵⁴ *Розанов В. В.* О Лермонтове // Новое Время. 1916. 18 июля.
- ⁵⁵ *Розанов В. В.* Собр. соч. [Т. IV]. С. 641–642.
- ⁵⁶ *Иванов Вяч. Вс.* Взгляд на русский роман в 1992 году // Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Статьи о русской литературе. М., 2000. Т. 2. С. 760–761.

А. С. Ивинская
Вильнюс (Литва)

Ахматова в литературном сознании литовской эмиграции

В конце XIX–начале XX века на фоне завершения сложного процесса формирования литовского литературного языка начался период модернизации литовской поэзии. К 1930-м годам ее жанровый диапазон как современной и европейской в основном сложился. Одним из факторов оформления новой литературной ситуации стало напряженное внимание литовских поэтов к современной им русской литературе и, в частности, к творчеству Ахматовой. Многие из них вскоре окажутся в эмиграции, наиболее ощутимую волну которой Литва пережила в 1944 году, когда в конце Второй мировой войны на Запад уехало 60 000 человек; значительное место среди них занимала национально ориентированная интеллигенция.¹

С творчеством Ахматовой поэты литовского экзода познакомились еще в Литве, где до Второй мировой войны она была хорошо известна. В 1917 году Балис Сруога, получивший образование в Петербургском университете и имевший представление о русской литературной жизни, выступил в роли первого переводчика Ахматовой. Он перевел три из пяти ее стихотворений, входящих в знаменитый вокальный цикл Сергея Прокофьева.² Затем, в межвоенной Литве, ее переводили Саломея Нерис (1904–1945), Гражина Тулаускайте (1908–1990), Алексис Хургинас (1912–1990).³

В это же время творчество Ахматовой оказалось в поле зрения литовских литературоведов. В 1930 году сотрудник Каунасского университета Миколас Банявичюс (1883–1963) опубликовал статью на литовском языке «Пролетарская литература в советской России», в которой писал, что «оставшиеся в России поэты Сологуб, Ахматова, Волошин должны были молчать, Гумилев погиб от революционной гильотины, другие, как Блок, вымерли от болезней».⁴ Этот мотив вынужденного молчания станет в дальнейшем одним из постоянных «спутников» «литовской» Ахматовой.

В 1931 году была опубликована статья на русском языке «Новейшая русская поэзия», подписанная «М. Кемшис».⁵ Она представляла собой обзор новейшей русской поэзии с характеристиками творчества поэтов, оставшихся в России. По мнению автора, акмеизм – вторая по значимости после символизма поэтическая школа, но считать ее современной нельзя, так как сформировалась она до революции, и ее представители, творчество которых все еще пользуется популярностью, либо мертвы, как Гумилев, либо больше не пишут и не печатаются, как Ахматова. О ней в статье говорится: «Также мало современна стала и Анна Ахматова, которую любят, чтут, признают ее исключительно высокую культуру стиха, но которую постепенно забывают».⁶

Оказавшись в эмиграции, литовские поэты, испытывая ностальгию по культурной жизни довоенной Литвы, в которой уже фигурировало творчество Ахматовой, интересовались ее судьбой и отношением к ее поэзии на родине. В 1962 году поэт Генрикас Радаускас (1910–1970), сравнивая статью об Ахматовой в новой литературной энциклопедии с той, издание которой было прекращено в 1939 году, писал: «Новая, насколько возможно, старается придерживаться приличий. Само собой разумеется, и в ней осуждаются враги народа, но грубые нападки избегаются. Например, уже не пишется о “гнилых позициях” Ахматовой. И если большой любви к ней и не выказывается, все же признается, что она “большой мастер стихотворной формы”».⁷

Радаускас из русских поэтов больше всего ценил Мандельштама, Ахматову, Гумилева.⁸ Его интерес к творчеству Ахматовой мог быть вызван посещением Театральных семинаров Сруоги, который в Каунасском университете читал лекции об Ахматовой.⁹ Жена Радаускаса Вера Сотникова училась в Императорской балетной школе, после травмы оставила балет. В 1930-е годы в Каунасе она познакомилась с русскими эмигрантами, общалась с Львом Платоновичем Карсавиным.¹⁰ В силу собственного балетного прошлого, она не могла не испытывать интереса к его знаменитой сестре – балерине Тамаре Карсавиной. Имена Тамары Карсавиной и Ахматовой были давно связаны друг с другом в культурном кругозоре людей «серебряного века». Еще в 1914 году в литературно-артистическом кафе «Бродячая собака» прошел вечер, на котором был представлен посвящен-

ный Карсавиной сборник, где были стихотворения Анны Ахматовой «Тамаре Платоновне Карсавиной» и Николая Гумилева «Долго молили о танце мы вас, но молили напрасно...». ¹¹ С этой культурной средой Вера Радаускаене познакомила своего мужа Генрикаса.

В 1952 году в Чикаго Радаускас приобрел выпущенную в том же году в Нью-Йорке книгу Ахматовой «Избранные стихотворения». ¹² Радаускас критически отозвался об этом издании, обратил внимание на то, что в нем «очень много корректурных ошибок», однако отметил, что «даже это не может испортить впечатления от поэзии Ахматовой». Он писал: «Сборник не плох уже потому, что Ахматова очень немного написала средних стихов, только жаль, что в книге много примитивных ошибок, из-за которых просто невозможно иногда понять смысла». ¹³ Как пример такой ошибки Радаускас приводит слово «подкапризная» из стихотворения Ахматовой «Одни глядятся в ласковые взоры...». Стихотворение Ахматовой было посвящено Николаю Владимировичу Недоброво, и упоминаемая в нем Подкапризная дорога в Царском Селе была любимым местом их встреч. По мнению Радаускаса, то, что географическое название в этом издании написано со строчной буквы, могло запутать читателя, который не знаком с этим топонимом.

Впечатление на Радаускаса произвел и изданный в 1965 году первый том собрания сочинений Ахматовой под редакцией Глеба Струве и Бориса Филиппова. ¹⁴ В нем он обнаружил много незнакомых ему ранее хороших поздних стихотворений и много портретов Ахматовой, которые он почти забыл за 25 лет эмиграции, и которые он оценил так: «В первом томе много впечатляющих ее портретов, особенно хороши ранние кисти Анненкова и Альтмана и один Тырсы, на котором она изображена в среднем возрасте». Рисунок Модильяни, по мнению Радаускаса, «не отражает настоящей Ахматовой и вообще слабый». ¹⁵ Отметим, что современники замечали удивительное сходство жены Радаускаса Веры с Ахматовой. Близкий друг Радаускаса поэт Альфонсас Ника-Нилюнас (1919–2015) писал в дневнике: «Она была замечательным человеком. Своей грацией, осанкой и чем-то еще она удивительно напоминала Ахматову». ¹⁶ Так констатация внешнего сходства с Ахматовой оказывалась наиболее существенным аргументом в пользу высокой оценки человеческих качеств ее современницы.

О стиле Ахматовой Радаускас пишет: «Ахматова, несмотря на свой классический стиль, абсолютный модернист».¹⁷ Радаускас сравнивает Ахматову с Рильке и Гумилевым. По его мнению, «хотя у Рильке попадаются и плохие стихи, а у Ахматовой таковых почти нет, все же ее талант меньше, чем Рильке». В то же время, по его мнению, Ахматова лучше Гумилева, так как последний часто не «натурален» (в его стихах проступают следы работы над поэтическим текстом), иногда «слишком романтичен».¹⁸

В дневниках Ника-Нилюнаса обнаруживаются многочисленные записи о творчестве, книгах, отдельных стихотворениях Ахматовой. Так, обсуждая «Поэму без героя», он отмечает, что она предназначена не всем читателям, а только немногим знающим, посвященным, обладающим определенной культурной интуицией. Расшифровать и дополнить недосказанное читатель должен сам, а поэзия Ахматовой, таким образом, оказывается средством идентификации носителей элитарной культуры, которые не только способны понимать литературу, но также способны соотнести ее с другими видами искусства. О «Поэме без героя» Ника-Нилюнас пишет: «Это не синтез сердца и слова, как должно быть в поэзии, а некий сценарий, где визуального изложения больше, чем слова».¹⁹

Известный в кругах литовской эмиграции критик Римвидас Шилбайорис (1926–2005) сопоставил ряд произведений Ахматовой и Ника-Нилюнаса, отметив выразительные «параллели». В философских стихотворениях Ника-Нилюнаса образы, означающие отдельные явления и понятия, такие как вода, река, смерть, птица, любовь, язык, тишина, изгнание, камень, память, объединяются в устойчивые мотивные комбинации; при этом они образуют «изотопии – линии, соединяющие различные поэтические образы-символы», напоминающие о соответствующих конструкциях в поэзии Ахматовой.²⁰

Например, в стихотворении Ника-Нилюнаса «Тяжело падал последний» читаем (перевод дословный):

И только сейчас я узнал,
Что такое изгнание: это могильные памятники,
Тихая чужая речь,
И мне теперь

Вечно придется писать *ex ponto*,
Зная, что белый камень во дворе,
Падая в колодец,
Говорит так, как мы.

В этом фрагменте, по мнению Шилбайориса, все элементы созданной Ника-Нилюнасом конструкции перекликаются с «линией», которую провела Ахматова между камнем, жизнью и памятью в стихотворении «Как белый камень в глубине колодца».²¹

Внимание к творчеству Ахматовой сочеталось с интересом к посвященной ей биографической литературе. Это характерно для Ника-Нилюнаса, который, судя по его дневниковым записям, читал книги Анатолия Наймана, Лидии Чуковской, Исаяи Берлина.²² Ника-Нилюнас критически оценивает достоверность информации, изложенную в их воспоминаниях, и готов усомниться в их познавательной ценности: «Что я из них узнал или что я якобы узнал?». Понимая, что все, что так его восхищало в Ахматовой, уже стало легендой, мифом, Ника-Нилюнас заявляет, что ничто не заставит изменить его взгляд на ее творчество.²³ Узнав о смерти Ахматовой, Ника-Нилюнас в своем дневнике записал: «Позавчера умерла Анна Ахматова. Последняя из великой четверки русских поэтов XX века. Вечная память».²⁴

При этом Ника-Нилюнас не рассматривал поэзию Ахматовой как специфически европейскую и не отделял ее от русской традиции. Так, прочитав сборник Томаса Венцловы (1937) «98 стихотворений», Ника-Нилюнас счел нужным отметить, что его поэзия не западная, а по своей сути скорее антизападная, и это не недостаток ее, а своеобразие, поскольку его духовная родина не Лондон, Париж или Рим, но Санкт-Петербург Гумилева, Ахматовой, Пастернака и Мандельштама.²⁵

Личное знакомство Т. Венцловы с Ахматовой, его вклад в популяризацию ее творчества в Литве и в эмиграции – одно из центральных событий в истории литовского «ахматовского текста», отчасти обсужденное самим Венцловым.²⁶ Здесь напомним лишь несколько строк из посвященного Иосифу Бродскому стихотворения Венцловы «В Карфагене через много лет», в котором фигурирует время смерти Ахматовой – начало марта, и перефразируется небольшой фрагмент ее стихотворения «Смеркается и в небе темно-синем»:

И на мосту, сквозь ржавую решетку
 Просовывая руки в рукавичках,
 Кормили дети пестрых жадных уток,
 Что кувыркались в проруби чернильной.²⁷

В упомянутом стихотворении Венцлова перефразирует эти строки (перевод дословный):

Еще отяжеляет чувства начало марта,
 еще темнеет в саду
 хромой Гермес, наполовину прикрывшись жесткой
 дощатой вселенной,
 еще не раз из чужой строфы прилетит, из мглы зазвучит
 пестрых продрогших уток стая,
 на черной замерзшей воде.²⁸

В 1953 году в Бостоне началась реализация крупнейшего культурного проекта на литовском языке – Литовской энциклопедии. Напечатанная здесь статья об Ахматовой долгое время формировала ее восприятие литовским читателем. Бостонская энциклопедия учла «ждановский» контекст: «Поэзия Ахматовой о любви основывается не на сексуальности, а на драматизме чувств. Эта безыдейная, неприемлемая для большевизма поэзия Ахматовой перепечатана русскими эмигрантами. В 1946 году и советы выпустили сборник Ахматовой, но в скором времени она попала в немилость, и только в 1951 году были напечатаны ее стихи из цикла “Слава Миру”».²⁹ В этом смысловом поле особенно выразительно звучат рассуждения Ника-Нилюнаса об общей судьбе оставшихся на родине русских и литовских поэтов: «В одну и ту же униформу общей судьбы должны были облачиться все великие русские поэты постсимволистской эпохи. В этих фатальных рядах шагал Мандельштам, Маяковский, Пастернак, Ахматова – все заглушенные голоса. К ним после трагедии 1940–1945 годов присоединились Миколайтис Путинас, Мишкинис, Матузявичюс и другие, так или иначе терроризируемые оставшиеся на родине наши поэты. Песни и гимны властям, которые они вынуждены были писать, для нас являются документом интеллектуального террора и насилия».³⁰

В 1968 году в эмигрантском журнале «Драугас» были опубликованы переводы стихов Ахматовой, выполненные дипломатом, пе-

реводчиком Повиласом Гаучисом (1901–1991). Он перевел два стихотворения Ахматовой, входящие в стихотворный цикл «Северные элегии» («Так вот он – тот осенний пейзаж» и «Есть три эпохи у воспоминаний»), и одно из цикла «Эпические мотивы» («Смеркается, и в небе темно-синем»).³¹ В сопровождающем переводе биографическом очерке Гаучис писал: «Анна Ахматова, по мнению русских критиков, после смерти Пастернака крупнейшая русская поэтесса, считалась большевиками представительницей декадентского Запада, поэтессой буржуазного мира. С 1925 до 1940 года была вынуждена молчать. <...> Но через некоторое время она все же заняла свое почётное место в русской литературе и уже в 1958 году ее считали одним из крупнейших русских поэтов».³²

Творчество Ахматовой упоминается и в контексте духовных размышлений покинувшего Литву в 1944 году священника из Чикаго Альфонсаса Грауслиса (1902–1988). В статье-проповеди «Одиночество человека», напечатанной в эмигрантском издании «Письма Литовцам», теологические рассуждения иллюстрируются, в частности, цитатой из стихотворения Ахматовой «Есть в близости людей заветная черта». Грауслис писал: «Поэтесса Ахматова глубоко заметила, что в душах людей есть черта, которая каждого из них оставляет в одиночестве. Эту черту не может преодолеть ни страсть, ни любовь. Этим она хочет сказать, что, казалось бы, между близкими по духу людьми в порыве любви и страсти остается какая-то необъяснимая отчужденность и отдаленность».³³ Обращение в проповеди, ориентированной на сознание литовцев, к творчеству Ахматовой – не случайно. Тонкая и, казалось, неожиданная в устах священника аллюзия на ее поэзию позволяет высказать предположение о том, что в данном случае мы имеем дело с «прояснением» особого статуса Ахматовой в литовском культурно-религиозном сознании, в котором на уровне культурных интуиций она находила свое место.

Более того, в довоенной Литве, а затем в литовском зарубежье поэзия Ахматовой воспринималась как бы вне контекста «советской» или «пролетарской» поэзии. В ней видели «абсолютного модерниста», тяготеющего к «классицизму», но этот «классицизм» мыслился как претендующий не столько на уход из современности, сколько на утверждение себя в ней. Например, в 1953 году в журнале «Литературос ланкай» говорилось: «Анна Ахматова – знаменитей-

ший русский поэт XX века, в чьей поэзии удивительно гармонично чувство такта и умственный элемент сочетается с женским мировосприятием, своими сдержанными, и в то же время патетическими стихами она во многом способствовала созданию нового классицизма в русской поэзии».³⁴ О том же говорит Т. Венцлова: «К русским классикам, а не к советским писателям я отношу Блока и Ахматову – здесь, я думаю, никто со мной спорить не станет».³⁵

На протяжении уже более ста лет творчество Ахматовой усваивалось культурой Литвы и в каком-то смысле взаимодействовало с ней, становясь ее значимым подтекстом. Нельзя не согласиться с профессором Вильнюсского университета Викторией Дауэгитей, которая объяснила это явление так: «Большой поэт, прежде всего принадлежит своему народу, принадлежит всем. Но только настолько, насколько другой народ сможет его познать, вживить его в свою культуру. Великий русский поэт Ахматова для литовцев стала значительной не насильственно навязываемой дружбой народов, а значительно раньше, – через свободные творческие интересы и свободное духовное родство».³⁶

¹ *Mockūnas L. Įvadas // Egzodo literatūros atšvaitai: Išeivių literatūros kritika. 1946–1987. Vilnius, 1989. P. 7.*

² *Sruoga B. Raštai. Penktas tomas. Pirmą knygą. Vertimai. Vilnius, 1998. P. 783–784.*

³ С. Нерис переводила Ахматову в 1927–1928, до 1945 все переводы, кроме стихотворения «Хорони, хорони меня, ветер...» печатались как ее оригинальные стихотворения. См. *Nėris S. Raštai. Antras tomas. Vilnius, 1984. P. 295–296.* См. также: *Тименчик П. Нерис / Путеводитель по «Записным книжкам» Ахматовой // Пермьяковский сборник. Ч. 2. М., 2009. С. 588–589.* Выполненный Г. Тулаускайте в 1931 году автограф перевода стихотворения Ахматовой «Гость» хранится в коллекции библиофила Альгимантаса Антанявичюса. Поэт, переводчик Алексис Хургинас в 1936 году под псевдонимом «S. R.» перевел стихотворение Ахматовой «Твой белый дом и тихий сад оставлю...» (*Achmatova A. Paliksiu sodą, slenkstį tavo namo. Vertė S. R. [A. Churginas] // Židinys. Kaunas: V. Mykolaitis, 1936. №. 8–9. P. 160.*)

⁴ *Banevičius M. Proletarų literatūra Tarybų Rusijoje // Darbai ir dienos. Kaunas: „Spindulio“ spaustuvė, 1930. №. 1. P. 178.*

⁵ *Кемшиус М. Новейшая русская поэзия // Darbai ir dienos. Kaunas: „Spindulio“ B-vės spaustuvė, 1931. Nr. 2. P. 219–249.* По мнению исследователей, псевдоним «М. Кемшиус» был коллективный, им подписывались Б. Сруога, М. Банявичюс и Винцас Креве-Мицкявичюс. См. *Žukas V. Dėl pseudonimo M. Kemšis // Apie lietuviškuosius slapyvardžius. Vilnius, 2008. P. 124.*

⁶ Там же. P. 224.

⁷ *Radauskas H. Henriko Radausko laiška Ivarui Ivaskui. Sudarė S. Gaižiūnas. Vilnius, 2009. P. 204.*

⁸ *Churginas A., Geda S. „Jei apdainuoji girias, tebūnie jos konsulo vertos“ // Švyturys. Vilnius, 1987. №. 21. P. 23.*

⁹ *Masionienė B. Balys Sruoga rusų literatūros profesorius // Masionienė B. Literatūrinių ryšių pėdsakais. Vilnius, 1982. P. 154.*

- ¹⁰ *Blekaitis J. Radauskas // Metmenys. Chicago (III), 1977. № 33. P. 45–46.*
- ¹¹ Тамаре Платоновне Карсавиной «Бродячая собака». 26 марта 1914 [Стихотворения, стихи, ноты]. Пг., Подвал «Бродячей собаки» [1914].
- ¹² *Ахматова А. Избранные стихотворения. Нью-Йорк, 1952.*
- ¹³ *Radauskas H. Henriko Radausko laišakai Ivarui Ivaskui. Sudarė S. Gaižiūnas. Vilnius, 2009. P. 40.*
- ¹⁴ *Ахматова А. Собр. соч. В 3 т. / Ред. Г. Струве и Б. Филиппов. Вашингтон, 1965–1983.*
- ¹⁵ *Radauskas H. Henriko Radausko laišakai Ivarui Ivaskui. Sudarė S. Gaižiūnas. Vilnius, 2009. P. 220.*
- ¹⁶ *Nyka-Niliūnas A. Dienoraščio fragmentai 2001–2009 ir Papildymai 1940–2000. Vilnius, 2009. P. 123–124.*
- ¹⁷ *Radauskas H. Henriko Radausko laišakai Ivarui Ivaskui. Sudarė S. Gaižiūnas. Vilnius, 2009. P. 45.*
- ¹⁸ Там же. P. 59–60.
- ¹⁹ *Nyka-Niliūnas A. Dienoraščio fragmentai 1976–2000. Vilnius, 2003. P. 266–267.*
- ²⁰ *Šilbajoris R. Filosofinių dimensijų poezija // Aidai. Brooklyn, 1985. Nr. 5 rugsėjis-spalis. [Электронный ресурс]. URL: http://www.aidai.eu/index.php?option=com_content&task=view&i=7921&Itemid=503*
- ²¹ Там же.
- ²² *Nyka-Niliūnas A. Dienoraščio fragmentai 1976–2000. Vilnius, 2003. P. 143–144, 492; Nyka-Niliūnas A. Dienoraščio fragmentai 2001–2009 ir Papildymai 1940–2000. Vilnius, 2009. P. 117*
- ²³ *Nyka-Niliūnas A. Dienoraščio fragmentai 1976–2000. Vilnius, 2003. P. 492.*
- ²⁴ *Nyka-Niliūnas A. Dienoraščio fragmentai 1938–1975. Vilnius, 2002. P. 423.*
- ²⁵ *Nyka-Niliūnas A. Dienoraščio fragmentai 1976–2000. Vilnius, 2003. P. 51.*
- ²⁶ *Венцлова Т. Воспоминания об Анне Ахматовой // Анна Ахматова: последние годы. Рассказывают Виктор Кривулин, Владимир Муравьев, Томас Венцлова. СПб., 2001. С. 76–91.; Venclova T. Pertrūkis tikrovėje. Vilnius, 2013. P. 507–518.*
- ²⁷ *Ахматова А. Соч. В 2 т. Том I. М., 1990. С. 160.*
- ²⁸ *Venclova T. Reginys iš alėjos. Vilnius, 1998. P. 13.*
- ²⁹ *Lietuvių enciklopedija. Pirmas tomas. Boston, 1953–1985. P. 27.*
- ³⁰ *Nyka-Niliūnas A. Temos ir variacijos. Vilnius, 1996. P. 76.*
- ³¹ *Achmatova A. <Eilėraščiai> // Draugas, Mokslas, menas, literatūra. Vertė P. Gaučys. Antroji dalis. Chicago (III), 1968. Lapkričio mėn. 30 d. № 282(48). P. 3.*
- ³² *Gaučys P. <А. Ахматова. Биографический очерк. Портрет Н. Тырсы> // Draugas, Mokslas, menas, literatūra. Antroji dalis. Chicago (III), 1968. Lapkričio mėn. 30 d. № 282(48). P. 3.*
- ³³ *Grauslys A. Žmogaus vienvėdis // Laiškai lietuviams. Chicago (III), 1956. Liepa – rugpjūtis, № 7. P. 215.*
- ³⁴ *Literatūros lankai. Autoriai. Buenos Aires, 1953. № 3. P. 32.*
- ³⁵ *Venclova T. Pasaulinės literatūros recepcija šių dienų Lietuvoje // Draugas: mokslas, menas, literatūra. Antroji dalis. Chicago (III), 1978. Kovo mėn. 25 d. № 71 (12). P. 2.*
- ³⁶ *Daujotytė V. Dramatiškoji epochos herojė // Achmatova A. Erškėtis žydi. Eilėraščiai ir poema. Vilnius, 1994. P. 17.*

Т. Викторова
Страсбург (Франция)

Мотив Плясок Смерти в «Поэме без Героя» в свете западноевропейской культурной традиции

Тема Плясок Смерти – одна из тех, что «кулаком в окно застучит»¹ и требует автора к ответу – властно врывается в «Поэму без Героя». Топот плясок «Коломбины десятых годов», «танец придворных костей» в первой части «Девятьсот тринадцатый год»; появление, в эпилоге, «Девки Безносой» и полет «одержимой бесом <...> на Брокен ночной» тотчас погружают читателя в атмосферу, образность и ритмы Плясок Смерти. Этот средневековый мотив, согласно которому Смерть втягивает жертву в кружащийся хоровод, был особенно популярен в русской культуре Серебряного века: поэтические циклы Александра Блока и Валерия Брюсова прямо названы «Плясками смерти», Леонид Андреев вводит его сюжетообразующим лейтмотивом в пьесе «Жизнь человека», Наталья Гончарова – в цикле 1915 года «Мистические образы войны». Он появляется, в качестве отдельных эпизодов, как личная встреча человека со Смертью, в живописи Константина Сомова («Арлекин и Смерть», 1907), в декорациях Александра Бенуа к балету «Петрушка» Игоря Стравинского («Комната Петрушки», 1911).

Этот мотив воспринят русскими творцами из сокровищницы европейского искусства, средневекового и современного: так, ахматовская «Девка Безноса» отсылает не только к средневековым фрескам, но и к ее новому образу в «Плясках Смерти» Бодлера; ожидание «биения часов» в новогодний вечер в Фонтанном Доме – к рассказу Эдгара По «Маска Красной смерти» (1842), где приглашенные на бал танцуют с пока еще неразличимой Смертью, которая сбрасывает свою маску в конце. Наконец, сам жанр «Поэмы без Героя», при всей его неуловимости, в 1958 году принимает в замысле автора форму «балетного либретто». «Сегодня ночью я увидела (точнее, услышала) во сне мою поэму как трагический балет. Это уже второй раз,

первый раз так было в 1946 году», – вспоминает Анна Андреевна в предисловии к либретто.² В нем цыганка «пляшет смертный танец» (БЛ, 1291), «дворцовая кадрили» прямо названа в пометах «danse macabre» (БЛ, 1304). «Тут можно всех», добавляет в рукопись Ахматова в связи с «танцем придворных костей» (БЛ, 1275). В этой окончательной версии висящие на стенах портреты людей 1910-х годов также должны были «ожить и вступить в танец».

Отголоски этого замысла слышны и в итоговом тексте «Поэмы без Героя»: врывающиеся звуки «Петрушки» Стравинского, «вкруг костров кучерская пляска», наконец сам дым, что «плясал вприсядку на крыше», с витающим в воздухе образом Смерти, – все приглашает к расшифровке текста в свете этого архетипального мотива.

Какие смысловые глубины приоткрываются в «Поэме без Героя» в свете такого прочтения?

Предстояние перед Смертью, подобно персонажам на средневековой фреске, – сквозная тема «Поэмы без Героя». История поэта Всеволода Князева, послужившая предлогом к написанию; встреча с «теньями» убиенных поэтов; панихида по умершим в блокаду... Смерть, как на средневековых изображениях, неизменно стоит на горизонте и не отпускает лирическую героиню вопросом: «только как же могло случиться / что одна я из них жива?» Это трагическое вопрошание, экзистенциальная сила которого становится главным импульсом ахматовского творчества – необходимостью продолжать жить, чтобы свидетельствовать об ушедших, – сопровождается в «Поэме» неожиданным танцевальным мотивом. Именно парадоксальное сочетание смерти и пляски, трагедии и развлечения, по-видимому, привлекло Ахматову в этом западноевропейском сюжете, где Смерть, в виде глумливого кривляки-скелета, приглашает жертву на танец, который должен стать ее последним танцем. В западном Средневековье этот мотив был прямо связан с эпидемиями Чумы, как отражают грандиозные настенные фрески, сохранившиеся во многих церквях в Пизе, Бретани, Базеле, Риге, а также французские и немецкие рукописи XV столетия.³ На них Смерть косит всех без разбора, вовлекая каждого в нарастающие вихри своего «хоровода», невзирая на возраст, статус, образ жизни, от Папы римского до невинного младенца. (См. например, фрагмент фрески в бывшем аббатстве La Chaise Dieu в Центральном Массиве Франции, 26 метров длиной, на которой видна многоли-

кая Смерть, вовлекающая в танец музыканта, монаха, крестьянина...

О нарастающем безумии и всемогуществе Смерти свидетельствуют и более поздние разработки этого мотива, в частности, у Ганса Гольбейна, вдохновившего Валерия Брюсова на поэтические монологи, которые он вложил в уста Смерти, адресованные своим жертвам. Этот сюжет очень популярен у европейских романтиков (И. В. фон Гете, Жерар де Нерваль), символистов (Анри Казалис, Артур Рембо, Поль Верлен), каждый предложил свой вариант сцены, где в полночь распахиваются гробы; мертвецы, по мановению властительницы Смерти, видимой или невидимой, пускаются в пляс, однако возвращаются в могилы с первым криком петуха. (Эта картина знакома русскому читателю, в частности, по рассказу «Бобок» Достоевского, также почерпнувшего ее истоки в западной традиции).

Ахматовскому окружению она была хорошо известна по балету «Danse Macabre», поставленному в «Бродячей собаке» Ф. К. Шерером, с костюмами по эскизам Н. И. Альтмана.⁴ Именно эта ночная сцена разыгрывается на заднем плане «Поэмы без Героя», порой явно прорываясь наружу. Новогодняя полночь первой части, «ока-янной пляской пьяна», возвращается как «злая полночь» в «Решке». Общим фоном «Поэмы» остается траурный город, плывущий «по Неве иль против течения, – только прочь от своих могил». Особое проклятие этой ночи «Поэмы» – в ее дрящемся, непрерывном характере, по образу кружения Плясок Смерти: мир замер в ожидании петушьего крика, который, однако, «нам только снится», «ночь бездонна и длится, длится...», «а часы всё еще не бьют...». Сравнение с архетипической сценой позволяет почувствовать весь ужас новой Пляски Смерти. Крик петуха приносил мертвецам покой; часы, описанные в «Маске Красной смерти» Эдгара По служили напоминанием, как в средние века *Memento mori*,* после которого человек мог очнуться от безумной игры со Смертью, мир мог начаться заново.

В ахматовской интерпретации, на первый взгляд, мир потерял всякую опору, обратился в сплошную ночь, где лирическая героиня – одна из последних – стоит «на пороге», «стережет последний уют» на фоне «будущего гула» нарастающей Пляски.

* Помни о смерти (*лат.*)

Блок – «тень без лица и названия», появляющийся в связи с упоминаемыми строками, – автор собственных «Плясок Смерти»,⁵ который уже описал их в схожем ключе: подлинная жизнь разворачивается между «мертвецами», тогда как те, кто считают себя живыми, – танцуют со Смертью. Как и у Блока, этот новый образ Смерти у Ахматовой связан с реальным жизненным опытом осознания себя «среди мертвых», и описан с аллюзиями на Стриндберга, Верлена, Рембо, Бодлера. Например, «черно-белый веер» «Путаницы – Психеи», который открывает второе посвящение, прямо отсылает к стихотворению «Пляски Смерти» Бодлера, где он является атрибутом «кокетки тощей, что <...> развязностью своей прельщает свет», несущейся в вихре бала.⁶ В конце бодлеровского стихотворения она названа собственным именем, «безносой»,⁷ не оставляя сомнений в ее статусе и в «Поэме без Героя», где она, как у Бодлера, дает распоряжения своим подчиненным и глумится над «человеческой ничтожной толпою», однако у нее – отчетливо узнаваемый исторический лик.

Абсурдность смерти в этом новом воплощении достигает своего апогея: новая русская Чума XX столетия – не эпидемия, не гибель в освободительной войне. Жертвы вовлечены в пляс новой «Девкой Безносой» тюрем и лагерей, той, что разит невидимой рукой, записывая их имена по своему произволу в нескончаемый список «врагов народа». Это может напомнить строки Бодлера:

Весь мир качается под пляшущей пятою,
То – Пляска Смерти вас несет в безвестный мрак!»⁸

Однако, как и на средневековых фресках, Смерть появляется в «Поэме без Героя» многоликой, цепящей страхом, но и утешительницей, избавляющей от страдания. Последнее ампула становится одной из масок лирической героини «Поэмы» под видом «старой Совести», которая призывает к ответу за разгоревшийся «крово-красный карнавал», за бессмысленные убийства и самоубийства. Но она же «разыскивает» сожженную повесть самоубийцы-поэта как его высшее оправдание, тот «измятый листок», которым «целый мир расколдован», как Ахматова прямо указывает в строфах, не вошедших в «Поэму без Героя». (См.: БЛ, 911).

Такой смерти не знает западноевропейская традиция, где она ко-сит всех без разбору, и пляска которой должна довести жертву до изнеможения и исчезновения, как в последней сцене казни злой мачехи Белоснежки в известной сказке братьев Гримм. Пушкин, переписывая этот сюжет в «Сказке о мертвой царевне и семи богатырях», оставляет злую мачеху спокойно умереть и предается радостному финальному пиру и торжеству справедливости. Ахматовская «Совесть» напоминает об этих высоких традициях русской литературы всепрощения и добра и, главное, указывает на новое отношение к Смерти, вынесенное из опыта друзей. «Я к смерти готов», – эти слова Осипа Мандельштама,⁹ ставшие одним из оснований «Поэмы», обезоруживают Смерть, лишают её жала, как в Евангелии.¹⁰ Эта готовность к смерти и, одновременно, мучительно принятая лирической героиней необходимость жить позволяют ей написать: «ровно десять лет ходила под наганом», более того, разомкнуть нескончаемый хоровод Смерти.

«Это все наплывает не сразу...»: образы «Поэмы» возвращаются, уточняются и, при всей разорванности и трагичности, складываются в новую поэтическую форму Плясок Смерти, с характерным для жанра переворачиванием ролей.¹¹ Главная из них принадлежит «лирическому я» поэта: отныне Пляска ведома им, вопреки всем власть имущим, которые хотели бы присвоить эту роль себе. Поэтическое слово – самое малое и, казалось бы, незначительное – обретает в звуках, красках и танцевальных па «Поэмы без Героя» свой подлинный вес. Характерно в этом смысле превращение традиционных образов Плясок Смерти, каждый из которых в «Поэме» так или иначе указывает на новый способ ведения танца, иначе говоря, на особенность ахматовского письма. Упомянутый веер «Путаницы-Психеи», атрибут Смерти у Бодлера, оказывается в «Поэме без Героя» принципом композиции, где створка за створкой раскрываются новые «картинки», появляются новые тени – каждая со своим воспоминанием, жутким, но и отрадным, которые тем самым образуют «черно-белый» веер. Зеркало, в отражении которого средневековая жертва должна была узнать свой облик, свою жизнь (достойную лишь смерти), также возвращается у Ахматовой:

Словно в зеркале страшной ночи
И беснуется и не хочет
Узнавать себя человек..

Однако функция приговора становится приемом «зеркального» письма – способа творить и жить, когда молчание, пропущенные строфы (и, казалось бы, – смерть письма) говорят больше, чем слова.

Наконец, в пляс пускается сама «Поэма», «столетняя чаровница»:

Кружевной роняет платочек,
Томно жмурится из-под строчек
И брюлловским манит плечом.

Напоминая, что предназначение поэта – «проплясать пред Ковчегом Завета / Или сгинуть!..», «лирическое я» Ахматовой выбирает продолжение танца. Найденный западноевропейский мотив, извлеченный из глубин исторической памяти, быть может, лучше всего отражает парадокс того, как голос поэта, будучи похороненным, продолжает звучать и оживлять голоса мертвых. Более того, указывать абсурдному миру тот горизонт, где Смерть теряет власть, разрывая абсурдное, нарастающее кружение и направляя Пляску на Восток, как мы это видим в финале «Поэмы».

Это движение подготовлено всей ее внутренней динамикой, «победившим смерть словом», найденным после самой неистовой свистопляски.¹²

«И чудо: поэзия оказывается искуплением, звуконепроницаемость могильной действительности нарушена», показывает это превращение на звуковом уровне В. С. Муравьев в своем отзыве на «Поэму»:

«И я слышу даже отсюда –
Неужели это не чудо! –
Звуки голоса своего.

Торжество: могилы открываются на этот звук. Торжество: найден тот уровень сознания и видения, на котором звуки складываются в Реквием».¹³

Ахматова ссылается на эти строки в «Прозе о Поэме» в знак со-

лидарности со сказанным.¹⁴ Пляска Смерти становится Реквиемом, песнью о Воскресении.

Это может напомнить о первых фресках Плясок Смерти XV столетия, появившихся в храмах всей Европы, где процессии мертвецов, изображенных на стенах, идут по направлению к алтарю, на Восток. В древнерусских источниках Плясок Смерти (на которых, в частности, основывает свое «Прение Живота со Смертью» Алексей Ремизов в «Бесовском Действе»¹⁵), Смерть прямо оказывается в роли служанки Божественного промысла.

Укорененность Ахматовой в западноевропейской традиции позволяет ей не просто описать историю своего поколения как продолжающейся Пляски Смерти, стирающей с лица земли миллионы. Это и возможность приостановить, хотя бы на время письма, ее безумный вихрь. Опыт смерти – близких, собственной социальной смерти, отступает перед общечеловеческим опытом, описанным Франсуа Вийоном, «проклятыми» поэтами или Франсиско Гойей, каждый из которых выжил во времена своей чумы, собственного схождения в ад. Можно проиллюстрировать это, в заключение, примером из Гойи, который, по ахматовскому слову, «выражение злобной боли <...> / смел передать».¹⁶ На одном из известных офортов серии «Капричос» (1799) он посмел передать и стояние, а точнее, возможность выстоять перед смертью. «Тебе не убежать!» – гласит надпись, передавая слова Смерти, как на средневековых фресках. Однако точные и легкие жесты танцующей, исходящий от нее внутренней свет говорят об обратном, о непонятно откуда берущейся силе сопротивления, вопреки очевидности всемогущества и вездесущности зла.

Пока танцовщица в силах танцевать, она остается недостижимой для Смерти. Танец, творческий акт – позволяют продлить момент существования; *совместный* же – с Бодлером, Гойей, Блоком – столькими другими! – жест делает ее неуязвимой на века.

¹⁴Ахматова Анна. Победа над судьбой I. Автобиографическая и мемуарная проза. Бег времени. Поэмы / Сост., подгот. текстов, предисл., примеч. Н. И. Крайневой. М., 2005. С. 387. Текст «Поэмы без Героя» цитируется по этому изданию.

¹⁶ «Я не такой тебя когда-то знала...»: Анна Ахматова. Поэма без Героя. Проза о Поэме. Наброски балетного либретто. Материалы к творческой истории / Изд. подг. Н. И. Крайнева; под ред. Н. И. Крайневой, О. Д. Филатовой. СПб., 2009. С. 1275. Далее по тексту ссылки на это издание (БЛ) с указанием страницы.

³ «La Grande danse macabre des hommes et des femmes, historiée et renouvelée de vieux Gaulois, en langage le plus poly de notre temps» (См.: La Fin dernière, texte présenté par Robert Favre. Paris, Arthaud: Montalba, 1984; *Jehan Gerson*. La Danse macabre. Paris, Léon Willem, 1875, (fac-similé de l'édition de 1484); *Rosenfeld H.* Der mittelalterliche Totentanz. Entstehung-Entwicklung-Bedeutung. Köln; Wien, 1974. P. 308–320).

⁴ *Парнис А. Е., Тименчик Р. Д.* Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1983. Л., 1985. С. 238. См. также комментарий Н. И. Крайневой, восстанавливающей картину театральных, вокальных и балетных постановок «Плясок Смерти» в Петербурге 10-х годов прошлого столетия, которые так или иначе могли повлиять на создание «танцевального» плана «Поэмы без Героя» (БЛ, 1298–1299).

⁵ См.: *Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем. В 20 т. Т. 3. М., 1997. С. 22–25.

⁶ *Бодлер Шарль.* Цветы зла. СПб., 2007. С. 317.

⁷ Там же. С. 319.

⁸ Там же. С. 321.

⁹ Этот эпизод рассказан Ахматовой в воспоминаниях о Мандельштаме, где речь идет о феврале 1934: «Мы шли по Пречистенке <...>, о чем говорили – не помню. Свернули на Гоголевский бульвар и Осип сказал: “Я к смерти готов”. Вот уже 28 лет я вспоминаю эту минуту, когда проезжаю мимо этого места» (*Ахматова Анна.* Победа над судьбой I. С. 112).

¹⁰ См.: Первое послание к Коринфянам (15:55–57)

¹¹ Ахматова писала, что «под масками ряженных может, как на карнавале, оказаться едва ли не любое лицо» (*Ахматова Анна.* Победа над судьбой I. С. 467), точно воспроизводя ситуацию из «Маски Красной Смерти» Эдгара По. Одна из них, под именем «Железной», нашла свое место в «Поэме без Героя».

¹² См.: конец третьей главы первой части «Поэмы» (*Ахматова Анна.* Победа над судьбой I. С. 382).

¹³ Отзыв-статья филолога В. С. Муравьева о «Поэме без Героя», находившаяся у Ахматовой. Цит. по: БЛ, 1191.

¹⁴ БЛ, 1153, 1191.

¹⁵ См.: Бесовское действо над неким мужем, а также прение живота со смертью. Представление для публики в 3 действиях с прологом и эпилогом Алексея Ремизова. СПб., 1906. О бытовании сюжета на русской почве см.: Повести о споре жизни и смерти / Исследование и подг. текстов Р. П. Дмитриевой. М., Л., 1964.

¹⁶ О параллелях «Поэмы без Героя» с офортами Гойи см.: *Тименчик Р. Д.* Портрет Владыки мрака в «Поэме без Героя» // НЛО. 2001. № 6/52. С. 200–214. См. также комментарий Н. И. Крайневой к строкам «Поэмы» «Маска это, череп, лицо ли... – Что лишь Гойя смел передать» (*Ахматова Анна.* Победа над судьбой I. С. 906).

Л. Кихней

Москва

Театрализация как внутренняя форма «Поэмы без Героя» Анны Ахматовой

Подходы к проблеме театрализации «Поэмы без Героя» в ахматоведении находим в трудах Н. Крайневой и О. Филатовой,¹ С. Коваленко,² В. Рецептера,³ Б. Каца и Р. Тименчика,⁴ А. Ю. Незнамовой⁵ и др. Указанные авторы (особенной скрупулезностью и полнотой отличаются комментарии в издании, подготовленном Наталией Крайневой и ее соавторами) выделяют ряд важнейших театральных и музыкально-сценических образов и мотивов «Поэмы» и в ряде случаев выявляют генетические истоки скрытых драматургических аллюзий.

Принципиально важными в аспекте обсуждаемой темы представляются суждения Адама Поморского о «театральном хронотопе» «Поэмы без Героя» как гротескном отражении, с одной стороны, коллективного («серебряновекового») сознания культурной элиты начала 1910-х годов; с другой стороны, как об «ироническом театре жизни» накануне Первой Мировой войны и реальном трагическом действе, развертываемом накануне Второй Мировой войны.⁶

Однако в исследовании феномена театрализации «Поэмы без Героя» остались некоторые лакуны, в частности, не прояснен вопрос о совокупной роли театральных отсылок в поэтике «Поэмы», об их видовой специфике, об особенностях их соотносительности между собой и механизме их семантической интерференции.

Одна из общепризнанных трактовок театрализации – приспособление произведения для постановки на сцене. Собственно этот вид театрализации в истории создания «Поэмы без Героя» также присутствует: Ахматова неоднократно предпринимала попытки создания на основе «Поэмы» балетного либретто. На этом аспекте театрализации мы остановимся отдельно в финале статьи.

Однако для «Поэмы без Героя» как таковой характерна не открытая, жанрово выраженная, а скрытая театральность, воплощаемая в

сценическо-драматургическом хронотопе, генетически восходящем к карнавальным обрядам.⁷

В чем эта имплицитная театрализация проявляется? Во-первых, во включении в текст мотивов театральной игры и образов «маски»; в отсылках к знаковым именам театральной жизни Петербурга первой половины 1910-х годов (Шаялину, Анне Павловой), а также к ролям, сыгранным Ольгой Судейкиной (*Козлоногой*, *Путаницы* и др.); в репрезентации перипетий драматургического действия, а также сценической атрибутики, имитирующей декорированное театральное пространство. Ср.:

Крик: «Героя на авансцену!»
А для них расступились стены,
Вспыхнул свет, завыли сирены
И, как купол, вспух потолок.
До смешного близка развязка:
Из-за ширм Петрушкина маска...

<...>

Пятым актом из Летнего Сада
Пахнет...
И летит, улыбаясь мнимо,
Над Маринскою сценой grima
Ты – наш лебедь непостижимый, –
И острит запоздавший сноб.
Звук оркестра, как с того света

<...>

По рядам пробежал озноб.⁸

Во-вторых, театрализация проявляется в отсылках к разным видам и формам театрализованных действ. Жанровые индексы конкретизируются в реминисценциях, отсылающих читателя к античным и ренессансным трагедиям, к комедии дель арте, к драмам, операм и балетам европейского и русского модерна. Конкретизация осуществляется через указания авторов пьес, режиссеров, композиторов; через открытые (цитатные) или латентные (декодируемые нередко в «Записных книжках» Ахматовой) отсылки к названиям пьес, к именам персонажей или к их ролевым функциям, к пространственным (интерьерным, пейзажным) деталям тех или иных театральных постановок.

Так, упоминания имен *Дон Жуана*, *Командора*, *донны Анны* в сочетании с эпиграфом из либретто Л. да Понте (ср. в переводе с итальянского Ахматовой: «Смеяться перестанешь / Раньше, чем наступит заря. / *Дон Жуан*») отсылают к опере «Дон Жуан» Моцарта, а также к «Дон Жуану» Мольера и, разумеется, к «Каменному гостю» А. С. Пушкина и к сценически аранжированным «Шагам командора» А. Блока.

Маска Фауста в шествии ряженных, двоящийся образ Мефистофеля («Гавриил или Мефистофель / Твой, красавица, паладин?») двукратное упоминание «Брокена», причем в 1-м упоминании автор специально подчеркивает литературный источник образа: «И в то же время в глубине залы, сцены, ада или на вершине *гетевского* Брокена» <курсив наш. – Л. К.> появляется Она же (а может быть – ее тень). Таким образом, театрализованное пространство (*зала, сцена*) как место пляски Козлоногой отождествляется автором с гетевским хронотопом – местом сбора нечистой силы, посланцев ада в Вальпургиеву ночь.

Аллюзией на Гете предстает и стих «Шевельнулись в стекле Елены...», отсылающий к сцене «Кухня ведьмы» (в оригинале: «Hexenküche») «Фауста». Ведь именно у ведьмы на кухне Фауст впервые видит в магическом зеркале образ Елены Троянской. Там же Фауст пробует ведьмино зелье, которое для обычных людей является ядом.⁹ Причем у Гете, когда Фауст подносит питье к губам, «вылетает легкое пламя»¹⁰ (пер. Н. А. Холодковского, ср. в оригинале: «... *wie sie Faust an den Mund bringt, entsteht eine leichte Flamme*»¹¹). Те же образы реминисцентно проявляются у Ахматовой в IV строфе *Части Второй* («Решки»): «И над тем *флаконом* надбитым / Языком кривым и сердитым / *Яд неведомый пламенел*» <курсив наш. – Л. К.>, которые вне гетевского контекста представляются темными и загадочными.

Вопрос: «Что мне вихрь Саломеиной пляски?» (в сочетании с упоминанием имени *Иоканаан*) – отсылка к уайльдовской «Саломее» и к одноименной опере Р. Штрауса, поставленной по этой драме. Имя «Клара Газуль», упомянутое в «Решке» – аллюзия на театральную мистификацию Мериме (на сборник его пьес «Théâtre de Clara Gazul»); «Синяя птица» – на символистскую пьесу Мориса Метерлинка.

Из приведенных примеров, с одной стороны, отчетливо видно, что отсылки к одному и тому же театральному тексту часто рассеяны по художественному пространству «Поэмы без Героя». Эти микроцитаты, реминисценции, аллюзии, собранные воедино, в итоге составляют «пунктирный» подтекстово-интертекстуальный слой («гамлетовский», «фаустовский», «комедии дель арте» и пр.).

С другой стороны, интертекстуальные отсылки, репрезентирующие театральный текст, Ахматова выстраивает таким образом, что большинство из них соотносится друг с другом по принципу палимпсеста, когда более ранний сценический претекст как бы проступает сквозь другой, как правило, более поздний. Их смысловая интерференция, в свою очередь, может увести к еще более древнему тексту или ритуально-мифологическому прототексту, который индексируется в разных национальных и культурно-исторических вариантах.

Ахматова, начиная с первого «Посвящения», прием палимпсеста неоднократно манифестирует (ср. в «Посвящении» к «Поэме»: «...Я на твоём пишу черновике...»), называя его в «Решке» «зеркальным письмом», а в «Прозе о Поэме» описывая его в понятиях, близких к леви-стросссовской модели бриколажа (от фр. «bricoler» – *играть отскоком*): «Ничто не сказано в лоб...».¹²

И действительно в «Поэму» как бы встроена система зеркал, взаимно отражающих по крайней мере *два архетипических сюжета*.

Ядром первого оказывается *мотив возмездия*. К этому сюжету возводятся интертекстуальные ситуации «Девятьсот тринадцатого года», героями которых выступают Дон Жуан и Командор, отсылающие к целому комплексу художественных произведений и театральных постановок (от указанных в ремарке «Шагов командора» Блока до оперы Моцарта, репрезентированной эпитафией ко всей *Части первой*).

В ту же интертекстуальную ситуацию вписываются рецепции из трагедий «Гамлет» и «Макбет». Причем, если отсылки к «Гамлету» достаточно прозрачны (ср. «Что мне Гамлетовы подвязки, / Эльсинорских террас парапет?»), то макбетовские реминисценции завуалированы и выявляются через автокомментарии к «Поэме». Ср. примечание Ахматовой в «Записных книжках» к стихам «Значит, хрупки могильные плиты, / Значит, мягче воска гранит...»: «Макбетовские стихи <...> (Явление тени Банко на пиру)».¹³

Важно подчеркнуть, что отсылки к указанным претекстам («донжуановскому», «гамлетовскому», «макбетовскому») реализуются в «Поэме без Героя» не просто в мотиве мести, но *загробного* возмездия. Отсюда выстраиваемая Ахматовой образная гомология: Призрак и «тени из тринадцатого года» в *Частии первой* отражаются в интертекстуальных зеркалах Командора, тени Отца Гамлета, призрак-ке Банко... Таким образом, носителями идеи возмездия в настоящем выступают так же, как и в названных классических трагедиях и операх, *призраки, мертвые, тени из прошлого...*

В свете указанного нарративного архетипа получает объяснение и мотив оперного пения «героя на авансцене» (ср.: «...споет о *священной* мести»), восходящий не только к моцартовскому «Дон Жуану», но и к упомянутой выше штраусовской опере «Саломея» и к ее литературному источнику – одноименной пьесе О. Уайльда. На оба эти текста, как мы писали выше, указывают имена героев, упомянутые в *Частии первой* Поэмы, и сам мотив «Саломеиной пляски». Мотивация подобного смыслового рикошета становится понятной, если вспомнить, что уайльдовско-штраусовская Саломея смертельно мстит Иоканаану, не ответившему на ее любовь, требуя его головы. Однако смерть Иоканаана приносит ей гибель: по сюжету Уайльда, повторенному и в опере Штрауса, Ирод, в ужасе от происшедшего, приказывает убить Саломею, и в финале солдаты раздавливают ее щитами.

В парадигму театральных претекстов, явно или скрытно присутствующих в «Поэме без Героя» (и в сопутствующих ей текстах), включаются и другие отсылки к персонажам или ситуациям трагедий, драм, балетов, в которых разыгрывается та же ситуация загробного мщения.

Это и призрак мертвой Гретхен, привидевшейся на Брокене Фаусту. В фаустовском слое «Поэмы» есть только косвенные аллюзии на этот образ (в сцене встречи Героини с Призраком), однако в «Записных книжках» Ахматовой есть запись, подтверждающая справедливость указанного подтекста: «Я начинаю замечать еще одно странное свойство Поэмы: ее все принимают на свой счет, узнают себя в ней. В этом есть что-то от “Фауста” (см. то место, где Ф<ауст> видит на Брокене издали Марг<ариту>, а Мефистоф<ель> говорит ему, что в этом призраке все узнают любимую девушку). Но Фауст именно тогда бросает все и мчится “спасать” Маргариту».¹⁴

Это и призрак графини из повести А. С. Пушкина «Пиковая дама» и одноименной оперы П. Чайковского. Ср. помету Ахматовой в «Прозе о Поэме»: «...Там же из «Пик<овой> дамы» (То, что вдруг мелькнуло в окне), а дальше “Макбет”». ¹⁵ В тот же ряд вписывается и реминисценция из балета «Петрушка»: «Из-за ширм Петрушкина маска». В финале балета Игоря Стравинского появляется призрак мертвого Петрушки, жаждущий отомстить за свою гибель. Ср.: «Неожиданно в тишине раздается пронзительный крик. Освещенный луной на крыше балагана появляется Петрушка; он грозит кулаками своим мучителям». ¹⁶

Вместе с тем указанный реминисцентно-образный ряд выступает и как нарративный концепт жанра трагедии, образуя тем самым важнейший жанровый подтекст «Поэмы без героя», выходящий на смысловую поверхность во второй части «Поэмы».

Ядром второго архетипического сюжета «Поэмы», сфокусированного в театральном-карнавальном аллюзиях, является мотив демонизма как косвенного следствия театрализации жизни. Театральные пьесы, упомянутые в «Поэме», почти все были поставлены на сценических площадках Петербурга в 1900–1910-е годы.

Образы Коломбины, Пьеро, «адской арлекинады», Арлекина (в том числе и в строфах, не вошедших в «Поэму») – восходят одновременно к балету «Карнавал» Р. Шумана, поставленному М. Фокиным в 1910 году в Петербурге; и к лирической драме А. Блока «Балаганчик» в постановке Всеволода Мейерхольда в 1906 году. «Мейерхольдовы арапчага», имя Дапертутто, атласная баута отсылают к псевдониму и спектаклям того же Вс. Мейерхольда, в частности, к его «Маскараду», поставленному по лермонтовской драме в канун Февральской революции 1917 года (на что специально обращала внимание Ахматова в «Прозе о Поэме»¹⁷). В спектакле Мейерхольда, заметим, Неизвестный был скрыт под венецианской маской – баутой. Не поэтому ли этот образ, ассоциативно связанный с семантикой памяти, появится в *Части второй «Поэмы»?*

Использование палимпсестной технологии позволяет Ахматовой одновременно с отсылками к указанным выше постановкам включить в пространство «Поэмы» и аллюзию на персонажей (тех же Коломбину, Пьеро, Арлекина), и сюжетику (любовный треугольник с трагической или трагикомической развязкой) комедии дель

арте. Но поскольку итальянская комедия масок как вид народного площадного искусства генетически восходит к традиции *карнавала*, Ахматова в «Поэме» индексирует чуть ли не всю парадигму карнавально-маскарадных празднеств.

Это, во-первых, римский карнавал («Карнавальной полночью Римской / И не пахнет...»). Во-вторых, венецианский карнавал («Вы ошиблись: Венеция дождей – / Это рядом... Но маски в прихожей <...> Вам сегодня придется оставить...»). Оба варианта восходят к дохристианским празднествам – римским Сатурналиям (античные карнавальные реценции можно увидеть, например, в таких строках: «...И опять из Фонтанного Грота <...> И мохнатый и рыжий кто-то / Козлоногую приволок...»). В-третьих, в поэме есть отсылки к барочному карнавалу эпохи Людовика XIV (ср.: «Que me veut mon Prince Carnaval?»). В-четвертых, Ахматова воспроизводит в тексте «Триптиха» святочный маскарад, ритуал *ряжения*, сопровождающий празднование Святков в народно-православной традиции. На это указывает неоднократное упоминание празднования Святков в тексте «Поэмы» и описание прихода «теней из тринадцатого года под видом ряженных», открывающего *Часть первую*.

Однако этот ритуально-мифологический карнавальный прототекст неожиданно перекликается с театрализованным «текстом жизни»... Как следует из ахматовских замечаний о прототипах карнавального шествия (в «Записных книжках» и в «Прозе о Поэме»), люди искусства, составляющие элитный слой Серебряного века, всегда играют определенные культурные роли, проецируя свое социальное, бытовое, эстетическое поведение на литературно-игровой или мифологический архетип (Фауста, Калиостро, Дон Жуана, Глана, Дапертутто, Иоанна Крестителя, Гавриила, Мефистофеля и т. д.)¹⁸

Карнавальная атмосфера отражена в начале «Поэмы» – в шествии «теней из тринадцатого года» – и буквально смоделирована в *Интермедии*. Не случайно в *Интермедии* упоминается артистическое кабаре «Бродячая собака» («Мы отсюда еще в “Собаку”...») как эпицентр карнавальной театральности¹⁹ и воспроизведена пляска героини, прототипом которой была Ольга Глебова-Судейкина, яркая представительница кабарежной культуры. Ср.: «Как копытца, топчут сапожки, / Как бубенчик, звенят сережки, / В бледных локонах злые рожки, / Окаянной пляской пьяна...».

Философия и аксиология карнавала в контексте народной культуры глубоко разработана М. М. Бахтиным. Бахтин пишет: «В карнавале сама жизнь играет, разыгрывая – без сценической площадки, без рампы, без актеров, без зрителей, то есть без всякой художественно-театральной специфики – другую свободную (вольную) форму своего осуществления, свое возрождение и обновление на лучших началах».²⁰

Но у Ахматовой карнавальные мотивы обретают, если так можно выразиться, антибахтинскую направленность: для нее карнавал – не праздник жизни, отменяющий условности (см. выше – у Бахтина), а праздник смерти, прельщения и соблазна. И связано это, несомненно, с ее *православной* оценкой карнавала, уходящего корнями в языческую мифологию.

Эта негативная оценка распространяется не только на театральное-карнавальное действо в целом, но и на итальянскую комедию дель арте, генетически связанную с карнавальными традициями. Для автора «Поэмы» карнавальными образами (равно как и персонажами комедии дель арте) – знаки потустороннего, «вывернутого», демонического мира. Обратная сторона карнавала, ряжения как некоего «перевернутого мира», в концепции Ахматовой, чревата смешением игры и действительности, подменой человека – ролью, маскарадной маской.

Не случайно образ Коломбины двойится (и двойником ее оказывается «козлоногая», а приход в дом Автора мертвецов «под видом *ряженных*» в «Решке» именуется «*адской* арлекинадой тринадцатого года» <курсив наш. – Л. К.>. Отсюда стойкие культурные ассоциации карнавальными сценами, описанными в «Поэме», со средневековой традицией «плясок мертвецов».* Правильность подобного истолкования подтверждает видение Автора («Вижу танец придворных костей...»), типологически восходящее к мотиву «плясок смерти» (разрабатываемому А. Блоком, а до него – в русской традиции – В. Ф. Одоевским, а в европейской – Ш. Бодлером и И. В. Гете). Не случайно героиня подчеркивает, что она – единственная живая среди гостей, пришлецов с того света: «Веселиться – так веселиться, / Только как же могло случиться, / Что одна я из них жива?»

* См. статью Татьяны Викторовой в настоящем сборнике, где обстоятельно рассмотрены рецепции этой средневековой традиции в «Поэме без Героя».

По Ахматовой, театральное лицедейство, перенесенное в жизнь, сокрытие своей подлинной сути под маской само по себе родственно демоническим превращениям. Маска пустотна, это некий, если угодно, симулякр, который может обернуться любой личиной, предстать в любом обличье, вплоть до дьявольского (ибо перед кем же еще, если не перед Сатаной, «самый смрадный грешник» может быть «воплощенной благодатью»?) Оборачивание «маски» inferнальной сущностью в *Частии первой* специально подчеркивается:

Хвост заправил под фалды фрака...

Как он хром и изящен...

Однако

Я надеюсь, Владыку Мрака

Вы не смели сюда ввести?

Маска это, череп, лицо ли...

В то же время маска, «лишняя тень <...> без лица и названья» оказывается inferнальным отражением, знаком потери человеком самого себя. Ср.: «Словно в зеркале страшной ночи / И беснуется и не хочет / Узнавать себя человек...». Не случайно персонажам-маскам противопоставлен герой, пришедший на маскарад без маски, то есть, – уточняет Ахматова в «Прозе о Поэме», – «со своим лицом».²¹

Выявленные нами архетипические сюжеты (сюжет *возмездия* и сюжет демонической подмены человека маской), построенные на театральном-карнавальном рецепциях, завершаются в *Частии второй* «Поэмы». Однако то, что в первой части представлялось трагедией, разыгранной на сцене, в «Решке» оборачивается трагедией жизни. Вот почему эхилловские и софокловские героини представляют уже не хор античной трагедии, а голос страдающего, измученного террором народа: «Посинелые стиснув губы, / Обезумевшие Гекубы / И Кассандры из Чухломы / Загремим мы безмолвным хором, Мы – увенчанные позором: / “По ту сторону ада мы”».

В некотором смысле «Решка» оказывается оборотной стороной театральности Серебряного века, хотя она тоже – по отношению к «Девятьсот тринадцатому году» – театральнотравестийна. «Решка» выполняет функцию развязки личных драм, разыгрываемых в *Частии первой*, но в то же время в ней мы видим завязку новой – об-

щенародной – трагедии, ознаменованной действием инфернальных, роковых сил, лежащих вне личности.

Именно поэтому в «Решке» актуализируются те театральные и драматические реминисценции, которые отсылают к античной драме. Ахматова говорит об этом прямо: «Скоро мне нужна будет лира, / но Софокла уже, не Шекспира. На пороге стоит Судьба...».

И наконец, если *маска* в первой части – это символ потери (то есть *не узнавания*) человеком самого себя, то в «Решке» маска, наоборот, связана с поиском собственной аутентичности. Если Автор в *Частии первой* ассоциирует себя с «Коломбиной десятых годов» («Ты – один из моих двойников...»), то в «Решке» – эта маска сброшена. Не случайно Ахматова заявляет от лица своей «Поэмы»: «Я... совсем не Клара Газуль...», как бы отрешиваясь от приема «масочности», мистификации, столь распространенной в литературно-художественной среде Серебряного века. Вспомним, к примеру, знаменитую мистификацию М. Волошина и Е. Дмитриевой, создавших образ поэтессы Черубины де Габриак (к этой мистификации, заметим, Ахматова и в 1910-е годы относилась резко отрицательно).

Итак, театрализация в «Поэме» – это способ авторского постижения разных слоев действительности, моделей личностного поведения и закономерностей Времени. Благодаря театральному паттерну, реализованному в магистральном сюжете «Девятьсот тринадцатого года» и в «капиллярной сети» интертекстуальных отсылок, Ахматова ставит острые этические и экзистенциальные вопросы: как грех связан с возмездием и искуплением, прошлое – с настоящим и будущим, частная судьба со всеобщей... Как театрализация жизни, стирающая грань между реальностью и вымыслом, между добром и злом, приводит к трагическим последствиям... Как маска оборачивается лицом, а лицо – маской... Как опасно превращать реальную жизнь в маскарадное лицедейство...

Проделанный анализ позволяет сделать вывод, что театральный хронотоп «Поэмы без Героя» реализуется не столько на уровне темы, сколько на уровне образно-семиотического кода, который может быть герменевтически интерпретирован в разных интертекстуальных и смысловых регистрах.

По сути дела, Ахматова создает новый тип текста, который является синкретичным не только с точки зрения жанровой структу-

ры, но и с точки зрения той внутренней психологической механики, которая там используется. Возникает вопрос типологического порядка: имеется ли какой-нибудь аналог такого рода в современной Ахматовой литературе? Сама Ахматова дает утвердительный ответ на этот вопрос. «Так, взясь то с балетом, то с киносценарием, – пишет она, – я все не могла понять, что, собственно, я делаю. Следующая цитата разъяснила мне дело: “This book may be read as a poem or verseplay”, – пишет Peter Viereck (1961, “The Three Witch”) и затем технически объясняет, каким образом поэма превращается в пьесу».²²

Каким образом происходят эти превращения и почему Ахматова узнает в поэме-пьесе П. Вирека свои приемы работы с вербальным материалом? Думается, что зона схождения двух поэтов лежит в области использования живых чувственных образов, тяготеющих к *сценическому* регистру, для создания *лирического* впечатления. Ахматова, указывая на генезис своей «Поэмы», акцентирует важность первичных образно-вещных впечатлений, из которых она произрастает.²³ Именно этот чувственный пласт, в сильной степени связанный со сценическим искусством, выделяет и Вирек в предисловии к своему тексту. «Порой чувственные коннотации лирической фантазии, – замечает Вирек, – могут быть ближе к реальности – даже к социальной реальности – чем упорядоченные детали социальной фотографии и социально ориентированной идеологии».²⁴

Сам Вирек абстрактно-вербальные и чувственные элементы в рамках своей поэмы-пьесы распределяет достаточно строго. Так, сценические компоненты пьесы в стихах выносятся в квадратные скобки, для того чтобы «минимизировать их вторжение» в поэму, при этом «пунктирные линии указывают на смену настроения в случае чтения текста в виде *стихотворения* и на изменения голоса в случае разыгрывания текста в качестве *пьесы*»²⁵ <курсив наш. – Л. К.>. Однако у Ахматовой такого строго разделения регистров в «Поэме» не было, в результате чего возникла боковая линия, идущая от «Поэмы», в виде либретто, которая концентрировала в себе сценическую, визуально-аудиальную часть замысла.

Итак, один из ответов на вопрос о причинах сходства «Поэмы» Ахматовой и поэмы-пьесы Вирека лежит в области генезиса этих текстов. Первичный замысел текста, явленный в живых звучащих

образах и диффузных эмоциях, предполагает у Ахматовой совмещение сценического и собственно вербального регистров. Именно об этом пишет и Вирек, указывающий на то, что причина смещения жанрово-родовых канонов (пьесы и поэмы) в его произведении связана с необходимостью выражения неартикулируемой эмоции: «Этот конкретный конфликт <речь идет о главном конфликте пьесы в стихах. – Л. К.> лучше выражается в стихотворной драме, чем в прозе-драме, потому что его универсальные диффузные и невыразимые эмоции могут ощущаться чувственно, через противоречивые ритмы или образы...».²⁶

Любопытно, что схождения между Ахматовой и Виреком обнаруживаются не только на уровне смешения жанрово-родовых регистров, но и на уровне воссоздания самой атмосферы сценической магии. Так, Вирек, выявляя сценические механизмы своей поэмы, указывает на амбивалентность ключевых материальных образов, которые должны находиться «между материальными и магическими объяснениями», которые не могут быть однозначно разрешены. И именно такое зависание между магическим и реальным регистрами мы и обнаруживаем в «Поэме» Ахматовой. Сама Ахматова не раз указывала на «вызывающую головокружение» магию, которая присутствует в «Поэме»²⁷ и связывается с мистическим проникновением в природу реальности.

Театрализация, таким образом, оказывается внутренней формой «Поэмы без Героя», принципом, организующим ее сюжетно-смысловую и образную ткань. Он стягивает воедино сюжеты мировых трагедий и современных театральных постановок, карнавально-ритуальные традиции и кабарежную культуру Серебряного века.

Палимсестное наложение театральных рецепций обуславливает синергетический эффект жанрового восприятия ахматовского *Триптиха* либо как поэмы, либо как пьесы. В первом случае «Поэма без Героя», воссоздавая объемную картину театральной культуры Серебряного века, играет роль «объяснения, отчего произошла революция»,²⁸ заостряя внимание на опасности смешения «текста искусства» и «текста жизни». Во втором случае «Поэма» выступает как мистическая трагедия, магическая драма, открывающая тайны прошлого, настоящего и будущего с помощью театрального кода.

¹ «Я не такой тебя когда-то знала...»: Анна Ахматова. Поэма без Героя. Проза о Поэме. Наброски балетного либретто: материалы к творческой истории / Изд. подг. Н. И. Крайнева; под ред. Н. И. Крайневой, О. Д. Филатовой. СПб., 2009. С. 898–936.

² Ахматова А. Собр. соч. В 6 т. Т. 3. Поэмы. Pro domo mea. Театр / Сост., подг. текста, коммент. С. А. Коваленко. М., 1998. С. 506–732.

³ Рецентов В. «Это для тебя на всю жизнь» (А. Ахматова и «шекспировский вопрос») // Вопросы литературы. 1987. № 3. С. 195–210.

⁴ Кац Б., Тименчик Р. Ахматова и музыка. Исследовательские очерки. Л., 1989. С. 232–248.

⁵ Незнамова А. Ю. Элементы поэтики Комедии дель арте в «Поэме без героя» А. Ахматовой // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 403. С. 10–14.

⁶ Поморский А. Анна вся земля // Звезда. 2018. № 11. С. 188–241.

⁷ Топоров В. Н. «Поэма без героя» в ритуальном аспекте // Анна Ахматова и русская культура начала XX века. Тезисы конференции. М., 1989. С. 15–21.

⁸ Текст «Поэмы без Героя» здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, цитируется по изданию: «Я не такой тебя когда-то знала...»: Анна Ахматова. Поэма без Героя. Проза о Поэме. Наброски балетного либретто: материалы к творческой истории. С. 871–897. (Критически установленный текст).

⁹ Гёте И. В. Фауст: трагедия / Пер. с нем. Н. А. Холодковского. СПб., 2016. С. 108.

¹⁰ Там же. С. 108–109.

¹¹ Goethe J. W. Faust: eine Tragödie. [Электронный ресурс]. URL: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/faust-eine-tragodie-3664/1>

¹² «Я не такой тебя когда-то знала...»: Анна Ахматова. Поэма без Героя. Проза о Поэме. Наброски балетного либретто: материалы к творческой истории. С. 1142.

¹³ Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). М.; Torino, 1996. С. 112.

¹⁴ Там же. С. 154.

¹⁵ «Я не такой тебя когда-то знала...»: Анна Ахматова. Поэма без Героя. Проза о Поэме. Наброски балетного либретто: материалы к творческой истории. С. 1124.

¹⁶ Сто балетных либретто. М.; Л., 1966. С. 224.

¹⁷ «Я не такой тебя когда-то знала...»: Анна Ахматова. Поэма без Героя. Проза о Поэме. Наброски балетного либретто: материалы к творческой истории. С. 1133.

¹⁸ Ср.: Там же. С. 1129–1133.

¹⁹ См.: Коган Д. З. Сергей Судейкин: 1884–1946. М., 1974. С. 78–91; Иванов Вяч. Вс. К семиотической теории карнавала как инверсии двоичных противопоставлений // Иванов Вяч. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 6.: История науки: Недавнее прошлое (XX век). М., 2009. С. 147–149.

²⁰ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990. С. 12.

²¹ «Я не такой тебя когда-то знала...»: Анна Ахматова. Поэма без Героя. Проза о Поэме. Наброски балетного либретто: материалы к творческой истории. С. 1142.

²² Там же. С. 1135–1136.

²³ Там же. С. 1122–1123.

²⁴ Viereck P. The Three Witch. N.-Y., 1961. P. 12.

²⁵ Там же P. 11.

²⁶ Там же. P. 13.

²⁷ «Я не такой тебя когда-то знала...»: Анна Ахматова. Поэма без Героя. Проза о Поэме. Наброски балетного либретто: материалы к творческой истории. С. 1139.

²⁸ Там же. С. 1127.

И. Барсэл

Москва

Как у Александра Блока не было романа с Ахматовой

Как же давно, почти в юности, мне пришла в голову догадка о том, что две ахматовские поэмы, между которыми почти 26 с небольшим лет, каким-то очень важным образом связаны друг с другом. Первая – «У самого моря», полная нежных чувств, волнений, надежд, но вместе с тем начало ахматовской темы роковой непарности, невстречи и закрепившейся уже темы мертвого жениха. Вторая поэма – «Поэма без Героя». Один из самых гениальных, самых загадочных и самых сложных текстов поздней Ахматовой. Известно, что текст этот претерпел семь редакций, а работа над ним шла более двадцати лет.

Все события этой поэмы организованы вокруг «сочельниковской оси»: «Ощущение Канунов, Сочельников – ОСЬ, на которой вращается вся вещь, как волшебная карусель...».¹ В поэме «У самого моря» ОСЬ, на которой все вращается – пасхальные празднества. И если в поэме «У самого моря» в ночных песнопениях звучит: «Христос воскрес из мертвых ...», и тем самым читателю дается возможность подумать о воскресении (любви, в том числе), то в «Поэме без Героя», несмотря на то, что история развивается в крещенский сочельник (вечер гаданий и предсказаний), когда небо открыто, и все едино, – никаких надежд на будущее у героини уже нет. В тексте мы сталкиваемся с констатацией того, что «...он ко мне во дворец Фонтанный опоздает ночью туманной», «и во всех зеркалах отразился человек, что не появился и проникнуть в тот зал не мог».

Вопрос героини скорее не о том, кто явится ей (ибо понятно, что он уже не явится, он опоздал), а *почему* он не явится? Именно поэтому так широка панорама исторического всеохвата.

По причине довольно высокой ноты драматической трагедийности текста «Поэмы без Героя» параллель с таким по-детски милым и трогательно-безысходным текстом 1914 года, как поэма «У самого

моря», кажется совсем не логичной, но почему-то понимается, что ошибки нет и надо искать.

Неожиданно в 2011 году появляется изящное и глубокое исследование Л. Г. Кихней, в котором ученый называет поэму «У самого моря» еще одним зеркалом «Поэмы без Героя». ² Что ж, радуется, что ощущение связанности этих текстов возникает не только у меня. И вот, наконец, в книге В. Мусатова о лирике Ахматовой «В то время я гостила на земле...» есть любопытная и смелая глава – «Сон о Блоке». ³ Мнения литературоведов, прочитавших ее, разделились.

Известно, что сама Ахматова изо всех сил пыталась отрицать правомерность блоковской темы, даже свои «Воспоминания о Блоке» иронически называла «Как у меня не было романа с Блоком».

Понимая, что романа-то, в общем, может, и не было, а вот тема была, мне захотелось в ней разобраться. Более того, В. Мусатов – слишком серьезный ученый, чтобы затевать исследование ради того, чтобы выяснять присутствие-отсутствие отношений двух, пусть даже столь значительных, поэтов эпохи. Этим занимаются биографы, мемуаристы, но не литературоведы. У литературоведов задача исследования – научная.

Итак, где же спрятана загадка притяжения двух поэмов? Для этого попробуем найти точку отсчета текста «Поэмы без Героя».

Он очень запутан, зеркален и бесконечно множится. Возможно, (как писала Ахматова), свидетелям, современникам тех событий текст и был понятен, но нам (это очевидно) нужны комментарии.

В моих размышлениях подсказками послужили три авторских текста. Это, безусловно, текст самой «Поэмы без Героя», «Проза о Поэме» и статьи Ахматовой о «Каменном госте» Пушкина (работа над которыми велась параллельно созданию текста «Поэмы без Героя»).

Итак, Александр Блок, такой ли уж он обыкновенный современник в кругу ахматовских персонажей «Поэмы»?

Уверена, сейчас же в оппоненты мне бросится кто-нибудь, кто будет перечислять, как Ахматова называла Блока величайшим современником, «трагическим тенором эпохи» и т. д. Это правильно и понятно. Так же его воспринимали и Пастернак, и Гумилев, и многие, но я – о другом. Я о лирической составляющей блоковского присутствия в текстах Ахматовой. Нам известно, что волна слухов, на которые спустя время Ахматова сочла нужным ответить

своим эссе о Блоке, касается 1912–1913 годов. Что же происходило в это время?

Обратимся к «Прозе о Поэме», в которой Ахматова играет все в ту же игру с симпатическими чернилами. Она как будто бы и дает некоторые пояснения к своему столь сложному и запутанному произведению, но вместе с тем ничего из сказанного ею «не звучит в лоб», поэтому и не упрощает путь исследования.

Хочу остановить внимание читателя (обращаясь к ахматовской «Прозе о Поэме») на том, как и сколько раз Анна Андреевна упоминает в ней имя Блока. Я не любитель математики в литературе, но обращает на себя внимание тот факт, что ни к Гумилеву, ни к Пунину, ни к Исаяе Берлину (да и вообще почти больше ни к кому, разве что к Маяковскому) обращений нет, а к Блоку мы заметим пять явных и два косвенных. Посмотрим на них.

В первом случае имя Блока Ахматова упоминает, когда рассказывает о том, как шла работа над текстом поэмы:

«...работа над ней (когда она подпускала меня к себе) напоминала провление пластинки. Там уже все были. Демон всегда был Блоком»

(Ахматова, 357).

Пока еще непонятно, но очевидно, что Ахматовой важно подчеркнуть эту свою интерпретацию образа Блока в качестве Демона. И вот здесь я сделаю довольно подробное отступление.

Нам известно, что на протяжении 22 лет, в параллели с работой над текстом «Поэмы без Героя», Ахматова занималась написанием статей о «Каменном госте» Пушкина. Мы знаем, Пастернак говорил Ахматовой: «В отношении пушкинских начал Вы, Анна Андреевна, вообще единственное имя». Отношение к Пушкину у Ахматовой было очень личным. Она часто искала у Пушкина свое, и находила. Статьи о «Каменном госте» не исключение.

Именно она увидела в Гуане Поэта: «Дон Гуан – поэт. Его стихи, положенные на музыку, поет Лаура, а сам Гуан называет себя “импровизатором любовной песни”... “Наши поэты не пользуются покровительством господ; наши поэты сами господа...” – говорит в “Египетских ночах” Чарский, повторяя излюбленную мысль Пушкина. Насколько знаю, никому не приходило в голову делать своего

Дон Жуана поэтом» (Ахматова, 371). Этот вывод Ахматовой сразу сближает Гуана и с Пушкиным, и с Блоком, и с ней самой, да и вообще с Поэтом.

Анна Андреевна выделяет еще и такую особенность пушкинского Гуана – это «испанский гранд, которого при встрече на улице не мог не узнать король» (Ахматова, 371). Но вместе с тем его могла узнать и «каждая “Титана <было: цыганка. – И. Б.> или пьяный музыкант”» (Ахматова, 375).

Пушкинский Гуан – «герой до конца, но эта смесь холодной жестокости с детской беспечностью производит потрясающее впечатление. Поэтому он, несмотря на свое изящество и свои светские манеры, гораздо страшнее своих предшественников» (Ахматова, 372). Еще она подчеркивала, что Дон Гуан «может действовать по легкомыслию, как злодей, но он только великосветский повеса». Как все поэты, он – двоемирец. Кроме поэтического начала он вмещает в себя и демоническое. Об этом говорят обе героини. Донна Анна: «Вы сущий демон»; Лаура: «Повеса, дьявол». (Ср.: Ахматова о Блоке: «Демон всегда Блок».)

Ахматова замечает: «Быть может, ни в одном из созданий мировой поэзии грозные вопросы морали не были поставлены так резко и сложно, как в “маленьких трагедиях” Пушкина... “Каменный гость”... является обработкой мировой темы возмездия... “Каменный гость” – трагедия возмездия...» (Ахматова, 370).

Получается, что поруганная мораль грустным эхом возвращается к герою, лишая его возможности быть счастливым. Может, в этом и есть страшная сила возмездия. Нарушая нравственные законы, ты должен ответить. Причем ответить ты должен в тот момент, когда тебе есть что терять. Это тема пушкинского «Выстрела», когда герой, поплеывая косточки черешни, равнодушен к смерти. Это Дон Гуан, известный дуэлянт, играющий с жизнью.

Но стоит только появиться проблеску счастья, как героя лишают возможности им обладать. Это тот же герой «Выстрела» накануне свадьбы, и это Дон Гуан. «Пушкинский Дон Гуан гибнет не случайно и не бессмысленно. Статуя Командора – символ возмездия... Гуан не смерти и не посмертной кары испугался, а потери счастья», – комментирует Ахматова (Ахматова, 376). И еще. Хочу обратить внимание, что Ахматова между Командором и Дон Гуаном в пушкинском

«Каменном госте» обнаруживает знак равенства, ну, или он подразумевается, так как в своих дополнениях к статье о «Каменном госте» она пишет: «А то, что в “Каменном госте” Пушкин как бы делит себя между Командором и Гуаном, явление совсем другого порядка, что, как я надеюсь, доказано в этой статье» (Ахматова, 382). Таким образом, грешник и тот, кто вершит кару, – одно лицо.

«Итак, в трагедии “Каменный гость” Пушкин карает самого себя – молодого, беспечного и грешного, а тема загробной ревности (боязни ее) звучит так же громко, как и тема возмездия» (Ахматова, 382). Если обобщить то, на что Ахматова, размышляя, обратила наше внимание, получится следующее:

1. Дон Гуан, герой «Каменного гостя» Пушкина – Поэт.

2. Гуан Пушкина – испанский гранд, аристократ, которого не может не узнать король. И в тоже время это тот, кого узнает каждая Гитана и пьяный музыкант.

3. Пушкинский Гуан – это смесь холодной жестокости с детской беспечностью.

4. Несмотря на изящество и светские манеры, он страшней своих предшественников.

5. По легкомыслию он может действовать как злодей, но он только великосветский повеса.

6. Увлеченные им женщины (и Лаура, и Донна Анна) называют его сущим демоном.

Многое в этих ахматовских акцентах ложится штрихом к блоковскому образу.

И наконец, Ахматова говорит о том, что нигде более вопросы морали не поднимались так остро, как в «Каменном госте» Пушкина. При этом она называет трагедию – обработкой мировой темы возмездия, в которой вершится возмездие над поэтом. Но напомним очень важные ее строчки: «Пушкин как бы делит себя между Командором и Дон Гуаном...».

Интересно, что свою поэму «Возмездие», начатую в 1910 году, Блок так и не закончил. Эпиграфом к ней была взята строчка из Ибсена: «Юность – ты возмездие». С одной стороны, на этом можно было бы остановиться. Но кроме этого интересен в поэме и другой акцент. Несмотря на то, что поэма задумывалась как большая панорама для размышлений над темой о «нераздельности и неслиянно-

сти искусства, жизни и политики», им был задан довольно серьезный панорамный план:

Век девятнадцатый, железный,
Воистину жестокий век!
Тобою в мрак ночной, беззвездный
Беспечный брошен человек!

Двадцатый век... еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла
(Еще чернее и огромней
Тень люциферова крыла).⁴

Но движение мысли автора устремилось уже в первых главах к наболевшему, к тому, что занимало Блока всегда, а в 1910-е годы особенно: к своим корням. В первой главе он обращается к родовой, семейной теме. Многие сюжеты автобиографичны, но особенно важен для нас в поэме образ отца, в котором поэт угадывает демоническое начало и, очевидно, размышляя, он пристально к нему присматривается:

И дамы были в восхищеньи:
«Он – Байрон, значит – демон ...» – Что ж?
Он впрямь был с гордым лордом схож
Лица надменным выраженьем
И чем-то, что хочу назвать
Тяжелым пламенем печали.

(Блок, 401)

В нем почивает некий Бог,
Его опустошает Демон,
Над коим Врубель изнемог...
Его прозрения глубоки,
Но их глушит ночная тьма,
И в снах холодных и жестоких
Он видит «Горе от ума».

(Блок, 418)

Но чуждо, пусто, дико стало
Все, прежде милое, кругом –
Под этим странным обаяньем

Сулящих новое речей,
Под этим демонским мерцаньем
Сверлящих пламенем очей...
(Блок, 404)

И ведь нимало не прельщает
Армейский демонизм его...

Он объяснения не торопит,
Как будто сам чего-то ждет...
(Смотри: так хищник силы копит:
Сейчас – больным крылом взмахнет,
На луг опустится бесшумно
И будет пить живую кровь
Уже от ужаса – безумной,
Дрожащей жертвы...) –
Вот – любовь...
(Блок, 405)

Интересно, что, размышляя над темой демонизма, Блок пересекает ее все с тем же сюжетом Дон Гуана.

И Демоном и Дон-Жуаном
В тот век вести себя смешно...
(Блок, 406)

В этой незаконченной автобиографической поэме, похоже, автору многое предстояло сказать, судя по концентрации мысли в каждой строке, но не сложилось. Однако он нашел для себя важное и очевидное в образе отца. Это демонизм. Не уверена, что такие качества передаются по наследству, но это то, на что натолкнулся Блок и над чем он задумался. «Смесь холодной жестокости с детской беспечностью». Не случайно тема Демона у него начинает обретать плоть (стихотворения «Демон», 1910, 1914.)

И последнее, на что хотелось бы обратить внимание. Что так привлекло Ахматову в «Каменном госте» Пушкина? На какие вопросы обратила внимание Анна Андреевна, отмечая, что никто еще не ставил их так остро, как Пушкин в «Каменном госте»? Что это? Вопросы неверности? измены? предательства?

Напомним, что в основу сюжета «Поэмы без Героя» положена история Ольги Глебовой-Судейкиной. Влюбленный в нее поэт, увидев, как она целуется с другим в лестничном пролете, покончил с собой.

В «Каменном госте», который так тщательно изучает Ахматова, сюжет схож. С той лишь разницей, что погибает не счастливый соперник, а несчастный (в «Поэме без Героя»). В «Каменном госте» возмездие настигает счастливого, но легкомысленного и беспечного соперника. В трагедии Пушкина Командору дан шанс вершить правосудие. И мораль, таким образом, торжествует.

В «Прозе о Поэме» у Анны Андреевны есть одно замечание: «Первый росток (первый толчок), который я десятилетиями скрывала от себя самой, – это, конечно, запись Пушкина: “только первый любовник производит впечатление на женщину, как первый убитый на войне!” Всеволод был не первым убитым и никогда моим любовником не был, но его самоубийство было так похоже на другую катастрофу... что они навсегда слились для меня» (*Ахматова, 357*). Речь идет о сюжете 1913 года, который мы только что напомнили, – самоубийство В. Князева.

В этой цитате важны два момента: во-первых, то, что автор десятилетиями скрывала от себя самой, о чем пойдет речь в поэме, и во-вторых, это очень интересное наблюдение В. Мусатова⁵ о том, как зимой 1917–1918 года Ахматова увидела целующихся в кулисах Блока и Дельмас. Почему эта подсказка, какое отношение она имеет к поэме, об этом чуть позже. А сейчас вернемся к «Прозе о Поэме».

Итак, второе упоминание о Блоке звучит у Анны Андреевны следующим образом:

«Вторая картина, выхваченная прожектором памяти из мрака прошлого, это мы с Ольгой после похорон Блока, ищущие на Смоленском кладбище могилу Всеволода (1913). “Это где-то у стены”, – сказала Ольга, но найти не смогла. Я почему-то запомнила эту минуту навсегда»

(Ахматова, 357).

Обратим внимание лишь на смыслы, которые нам кажутся важными. Первое – это то, что память отсылает автора ко дню похорон Блока. Второе – это факт того, что они не нашли могилу Князева.

Ольга забыла, где она... Искали могилу и не нашли... И третье – это год смерти Всеволода Князева – 1913. Хронологически реальное время случившейся трагедии. Это год, в декабре которого Блок надписывал Ахматовой книги в момент ее прихода к нему («Я пришла к Поэту в гости...»), и это тот год, которым открывается время текста «Поэмы без Героя». Ахматова умышленно возвращается туда через много лет. Это важно.

Третий случай упоминаний о Блоке в «Прозе о Поэме» выглядит так:

«...15 лет эта поэма неожиданно, как припадки какой-то неизлечимой болезни, вновь и вновь настигала меня (случалось это всюду – в концерте при музыке, на улице, даже во сне). Всего сильнее она терзала меня в декабре 1959 года в Ленинграде, снова превращаясь в трагический балет, что явствует из дневниковых записей (13 декабря) и строфы о Блоке.

Но была для меня та тема,
Как раздавленная хризантема
На полу, когда гроб несут.
Я пила ее в капле каждой
И, бесовскою черной жаждой
Одержима, не знала, как
мне разделаться с бесноватой»

(Ахматова, 357).

В этом обращении к Блоку стоит обратить внимание на две вещи: во-первых, на то, что всего сильнее «она терзала» автора опять в декабре, во-вторых, на дату дневниковой записи – 13 декабря, указанную автором.

Относительно блоковской строфы, думаю, толкования не нужны, ибо смыслы в тексте вполне читаемы. Опять похоронная тема, связанная с Блоком.

Следующий, четвертый случай связан с таким обращением к Блоку:

«Итак, эта шестая страница неизвестно чего почти неожиданно для меня самой стала вместилищем этих авторских тайн. Но кто обязан верить автору?

И отчего думать, что будущих читателей (если они окажутся) будут интересоваться именно эти мелочи? В таких случаях мне почему-то воспомина-

ется Блок, который с таким воодушевлением в своем дневнике записывает историю “Песни Судьбы”. Мы узнаем имена всех, кто слушал первое чтение в доме автора, кто что сказал и почему.

Видно, Александр Александрович придавал очень большое значение этой пьесе. А я почти за полвека не слышала, чтобы кто-нибудь сказал о ней доброе или вообще какое-нибудь слово (бранить Блока вообще не принято)»

(Ахматова, 362).

Мне бы хотелось остановить внимание на двух моментах. Первое – почему на странице, которая неожиданно для автора становится вместилищем авторских тайн, опять упоминается имя Блока в связи с его пьесой «Песня Судьбы»? И второе – почему Ахматовой вспомнилось отношение Автора к пьесе, которой он, по словам Анны Андреевны, «придавал очень важное значение»? Почему это важно было подчеркнуть? Чей здесь акцент: Блока или Ахматовой?

И последнее, пятое свидетельство упоминания Ахматовой в «Прозе о Поэме» имени Блока:

«Она категорически отказалась идти в предместье. Ни цыганки на заплыванной мостовой, ни паровика, идущего до Скорбящей, ни (неразборчиво), ни Горячего Поля, она не хочет ничего этого. Она не пошла на смертный мост с Маяковским, ни в пропахшие березовым веником пятикопеечные бани, ни в волшебные блоковские портерные, где на стенах корабли, а вокруг тайна и петербургский миф, – она упрямо осталась на углу у дома, который построили в начале девятнадцатого века братья Адамини...»

(Ахматова, 262–263).

Здесь Ахматова довольно подробно описывает, куда поэма точно не хочет отправиться. Описывает, хорошо представляя себе предмет, в том числе и «блоковские портерные». Это важно.

После авторских помет и упоминаний о декабре, которые уже приведены, есть еще пара важных комментариев, на которые хочу обратить внимание:

«...я написала стихотворный отрывок “ты в Россию пришла ниоткуда” в связи со стихотворением “Современница”. Вы даже, может быть, еще помните, как я читала Вам оба эти стихотворения в Фонтанном доме в присутствии старого шереметевского клена (“а свидетель всего на свете...”).

В бессонную ночь 26–27 декабря этот стихотворный отрывок стал неожиданно расти и превращаться в первый набросок «Поэмы без героя»

(Ахматова, 358).

Далее:

«Поэма перерастает в мои воспоминания, которые по крайней мере один раз в год (часто в декабре) требуют, чтобы я с ними что-нибудь сделала»

(Ахматова, 363).

И последнее:

«Опять декабрь, опять она <Поэма. – И. Б.> стучится в мою дверь и клянется, что это в последний раз. Опять я вижу ее в пустом зеркале»

(Ахматова, 363).

Именно в связи с таким обилием авторских ссылок на декабрь и сквозным упоминанием 1913 года я попыталась найти в этом зимнем времени хоть какие-то ответы. Итак, что же это за мятежный декабрь 1913 года, в который приступы натиска «Поэмы» так сильны? Какие события происходят в нем? А события происходят почти судьбоносные. Известным биографическим фактом является то, что 13 декабря 1913 года Ахматова и Блок условились встретиться для того, чтобы Александр Блок надписал Анне Андреевне свои книги. Встреча произошла 15 декабря. За этим она и пришла в гости к Поэту. Нам неизвестно, какое объяснение произошло между ними и произошло ли оно. Никаких свидетельств тому не осталось. Записные книжки этого периода они оба уничтожили. Увы?! Но то, что от этого разговора многое в их дальнейших личных отношениях зависело, похоже, имеет правдоподобное основание. Это была кульминационная пора их романа-неромана.

Известно, что Ахматова и Блок познакомились в «Академии стиха» (Мойка, 24) 22 апреля 1911 года. Похоже, что они оба ждали этого знакомства. Ждали, потому что уже давно жили в одном литературном мире, в одном пространстве и времени, и с этой точки зрения были интересны друг другу. Известно, что еще в гимназические времена Ахматова интересовалась стихами Блока, благодаря С. В. фон

Штейну, который был мужем ее старшей сестры и университетским товарищем Блока. Думаю, что и Блок слышал о молодой поэтессе. Не случайно именно он обратился в «Академии» к Н. С. Гумилеву с просьбой представить ему Анну Андреевну.

Интересно, что уже на следующий день после этого знакомства Ахматова написала стихотворение «Рыбак» (которым, очевидно, очень дорожила, включая почти во все свои сборники), о котором В. А. Черных заметил: «Какое впечатление произвел Блок на Ахматову при первой встрече? неизвестно. Решусь отметить лишь, что в облике героя стихотворения “Рыбак” смутно угадываются черты Блока». ⁶ В. В. Мусатов уточнил: «В. А. Черных не прав только в одном: облик Блока в стихотворении Ахматовой вовсе не выглядит “смутным”. Уже в начальных его строфах нарисован яркий и четкий портрет». ⁷

Руки голы выше локтя,
А глаза синей, чем лед,
Едкий, душный запах дегтя,
Как загар, тебе идет.

И всегда, всегда распахнут
Ворот куртки голубой,
И рыбачки только ахнут,
Закрасневшись пред тобой.

(Ахматова, 45)

Уже в конце 1911 года Блок записал в своем дневнике (7 ноября): «...А. Ахматова (читала стихи, уже волнуя меня; чем дальше, тем лучше)...». ⁸ Потом Ахматова и Блок вместо вечера, на котором чувствовали Верхарна, оказываются на вечере у курсисток Бестужевских курсов. А после его окончания никак не могут отделаться от студента, который во что бы то ни стало пытается их проводить.

Кроме того, исследователям давно известно письмо матери Блока к М. П. Ивановой от 29 марта 1914 года, в котором она пишет: «Я все жду, когда Саша встретит и полюбит женщину тревожную и глубокую, а стало быть, и нежную... И есть такая молодая поэтесса, Анна Ахматова, которая к нему протягивает руки и была бы готова его любить. Он от нее отвертывается, хотя она красивая и талантлив-

вая, но печальная. А он этого не любит».⁹ Известно, что Александр Блок был в очень доверительных отношениях с матерью, вероятно, это слова самого Блока в передаче матери.

Позднее Анна Андреевна на них очень резко отреагировала, что выглядело не очень оправданно, поскольку с конца 1912 года они с Николаем Степановичем, оставаясь в браке, дали друг другу полную свободу. Да, об отношениях Ахматовой и Блока судачил Петербург. Да, об этом писала мать Блока. Но это совсем не значит, что из симпатии чувство обязательно должно перерасти в любовь или просто роман. Иногда не случается...

Итак, декабрь 1913 года. Вернемся к моменту декабрьской встречи Ахматовой и Блока. Это важная встреча. Не случайно в 1965 году в перечне встреч с Блоком последним 10 пунктом, вне всякой хронологии, она указывает именно ее, встречу в одно из последних воскресений декабря 1913 года, которое выпало на 15 декабря.

Встретившись, они, безусловно, беседовали, однако какой между ними произошел разговор, мы не знаем. Книги так и остались ненадписанными. Что их так отвлекло, неизвестно. Но беседа была, скорее всего, приятно-светской, без острых углов. Блок, как вспоминала позже сама Ахматова, был человеком хорошо воспитанным. Александр Александрович передал их только спустя несколько дней, через дворника, не повидавшись с Анной Андреевной.

На одной из переданных книг Блок надписал Анне Андреевне известный мадригал «“Красота страшна” – Вам скажут...», а Ахматова ответила на встречу в доме Блока стихотворением «Я пришла к поэту в гости». Вскоре они разместят этот свой поэтический диалог на страницах журнала «Любовь к трем апельсинам».

Но интересно другое стихотворение, которое подарил Ахматовой Блок в тот же день и которое, на наш взгляд, послужило началу совсем другого диалога. Это стихотворение «О, нет, не расколдуешь сердца ты...».

Предлагаю показавшиеся мне важными строфы из него:

О, нет! не расколдуешь сердца ты
Ни лестию, ни красотой, ни словом.
Я буду для тебя чужим и новым,
Всё призрак, всё мертвец, в лучах мечты.

<...>

И тень моя пройдет перед тобою
В девятый день, и в день сороковой –
Неузнанной, *красивой*, неживою.
Такой ведь ты искала? – да, такой.

Когда же грусть твою погасит время,
Захочешь жить, сначала робко, ты
Другими снами, сказками не теми...
И ты *простой* возжаждешь красоты.

И *он* придет, знакомый, долгожданный,
Тебя будить от неземного сна.
И в мир другой, на миг благоуханный,
Тебя умчит последняя весна.

А я умру, забытый и ненужный,
В тот день, когда придет твой новый друг,
В тот самый миг, когда твой смех жемчужный
Ему расскажет, что прошел *недуг*.

Забудешь ты мою могилу, имя...
И вдруг – очнешься: пусто, нет огня;
И в этот час, под ласками чужими,
Припомнишь ты и призовешь – меня!

<...>

Ты проклянешь, в мученьях невозможных,
Всю жизнь за то, что некого любить!
Но есть ответ в моих стихах тревожных:
Их тайный жар тебе поможет жить.

15 дек<абр> 1913

(Блок, 290). <Курсив наш. – И. Б.>

По поводу адресации этого текста В. Н. Топоров и В. А. Черных нашли убедительные аргументы в пользу Ахматовой. Более того, В. А. Черных выдвинул интересное предположение о том, что это стихотворение было в какой-то степени домашней заготовкой для Анны Андреевны. И, похоже, что так оно и есть. Блоку было важно сказать Ахматовой то, что содержат в себе строки этого текста. Он практически сразу обозначает дистанцию:

О, нет! не расколдуешь сердца ты...
Я буду для тебя чужим...
Всё призрак, всё мертвец...

Заявка была серьезной, и Ахматова это поняла. Дистанция между ними начинает увеличиваться. Предложив Анне Андреевне напечатать их поэтический диалог, Блок предпринял попытку перевести отношения в сугубо профессиональное русло. Ахматова приняла это спокойно.

Но ведь было еще одно стихотворение, подаренное в тот день. Думаю, оно вызвало то состояние, когда ум трезво оценивает, но эмоции – еще не готовы и сопротивляются. Чуть позже мы увидим, какую ответную реакцию даст Ахматова на блоковское «О, нет! не расколдуешь сердца ты...».

Поэма «У самого моря», завершенная осенью 1914 года, полная чувств и переживаний героини, ожидающей царевича, которому не суждено прийти, стала началом нового диалога с Блоком, продлившегося практически до конца жизни Ахматовой.

Судя по хрустальной настроенности автора, похоже, тогда, в 1914 году, она еще не понимает, что ситуация любовной коллизии разрешена. Еще кружатся остатки прежних эмоций, еще на станции Подсолнечной при виде Ахматовой в почтовом вагоне Блок записывает, что его дразнит Бес. Они оба оставляют в записных книжках пометки об этой встрече и т. д., но, появляясь на свет, поэма «У самого моря» подхватывает и продолжает тему «мертвого жениха».

В отличие от блоковской интерпретации, в которой тема «мертвого жениха» – знак усталости, «выгорания» и «мертвенности» сердца, «мертвый жених» Ахматовой – это роковая непарность, роковая не встреча, где точка превращается в многоточие, многоточие жизненных перспектив вообще.

Сопоставляя тексты: «О, нет! не расколдуешь сердца ты...» и поэму «У самого моря» – легко заметить, что это начало нового скрытого диалога поэтов. Уже в первых строках слышится поэтический контрапункт:

А. Блок:

О, нет! не расколдуешь сердца ты
Ни лестию, ни красотой, ни словом.
(Блок, 290)

А. Ахматова:

Ни красотой твоей, ни любовью, –
Песней одною гостя приманишь.
(Ахматова, 122)

А. Блок:

Все будет сном: что ты хоронишь тело,
Что ты стоишь три ночи в головах.

<...>

Ты укорижны будешь слать судьбе.
Украшишь ты нежнейшими цветами
Могильный холм, приснившийся тебе.
(Блок, 290)

А. Ахматова:

Как я легла у воды – не помню,
Как задремала тогда – не знаю...
(Ахматова, 125)

Долго я верить себе не смела,
Пальцы кусала, чтобы очнуться:
Смуглый и ласковый мой царевич
Тихо лежал и глядел на небо.
Эти глаза, зеленее моря
И кипарисов наших темнее, –
Видела я, как они погасли...
(Ахматова, 126)

А. Блок:

Я буду для тебя чужим и новым,
Всё призрак, всё мертвец, в лучах мечты.

<...>

И тень моя пройдет перед тобою
В девятый день, и в день сороковой –
Неузнанной, красивой, неживою.
(Блок, 290)

Блок обыгрывает тему «мертвого жениха», а далее пророчит. Это своего рода P. S. к сюжету ахматовской темы:

Когда же грусть твою погасит время,
Захочешь жить, сначала робко, ты
Другими снами, сказками не теми...

<...>

И он придет, знакомый, долгожданный,
Тебя будить от неземного сна.
И в мир другой, на миг благоуханный,
Тебя умчит последняя весна.

А я умру, забытый и ненужный,
В тот день, когда придет твой новый друг.

<...>

Забудешь ты мою могилу, имя...
И вдруг – очнешься: пусто; нет огня;
И в этот час, под ласками чужими,
Припомнишь ты и призовешь – меня!

<...>

Ты проклянешь, в мученьях невозможных,
Всю жизнь за то, что некого любить!
Но есть ответ в моих стихах тревожных:
Их тайный жар тебе поможет жить.

(Блок, 290–291)

Удивительным образом, получив такой подарок от Блока, Ахматова его не прокомментировала и вообще не заметила. Странно. Потому что любая деталь, связанная с Блоком, тщательно обдумывалась ею. В подходе к размышлениям над этими текстами мы воспользовались одним ахматовским приемом: «Побольше стихов. Потому что из стихов может возникнуть нужная нам проза, которая вернет нам стихи обновленными и как бы увиденными в ряде волшебных зеркал».¹⁰

Как заметил В. Мусатов, «...стихи Ахматовой всегда оказываются более точными, чем факты». ¹¹ В. А. Черных приводит довольно интересный факт: «13 марта: “Сестра вышивает ковер, а я читаю ей вслух... Ал. Блока. У нее к нему какая-то особенная нежность. Она прямо боготворит его и говорит, что у нее вторая половина его души”». ¹² Этот текст почти двойник сюжетного действия ахматовской поэмы. Тайна, связанная с ожиданием Царевича, все сокровенные переживания, связанные с ним, обсуждаются с сестрой, вышивающей плащаницу:

А вечером в Вербную субботу,
Из церкви придя, я сестре сказала:
На тебе свечку мою и четки,
Библию нашу дома оставлю.
Через неделю настанет Пасха,
И мне давно пора собираться,—
Верно, царевич уже в дороге.

(Ахматова, 124)

Для нас важно то, что сюжет, вошедший в поэму, в жизни имел непосредственное отношение к теме Блока.

Вербная суббота 1913 года, выпавшая на 6 апреля, тоже оставила свой след в стихах Ахматовой. ¹³

Ждала его напрасно много лет.
Похоже это время на дремоту.
Но воссиял неугасимый свет
Тому три года в Вербную субботу.
Мой голос оборвался и затих —
С улыбкой предо мной стоял жених.

А за окном со свечками народ
Неспешно шел. О, вечер богомольный!
Слегка хрустел апрельский тонкий лед,
И над толпою голос колокольный,
Как утешенье вешнее, звучал,
И черный ветер огоньки качал.

И белые нарциссы на столе,
И красное вино в бокале плоском
Я видела как бы в рассветной мгле.
Моя рука, закапанная воском,
Дрожала, принимая поцелуй,
И пела кровь: блаженная, ликуй!

(Ахматова, 136–137)

У Блока есть похожие смысловые акценты в стихотворении «Вербочки» (1906):

Мальчики да девочки
Свечечки да вербочки
Понесли домой.
<...>
В Воскресенье Вербное
Завтра встану первая
Для святого дня.
<...>
И на сонной улице
За углом целуются
Невеста и жених.

(Блок, 88)

Похоже, что здесь опять перифраз начатой Блоком темы.

В. В. Мусатов пишет о стихотворении «Ждала его напрасно много лет»: «...есть основания полагать, что речь в этих стихах идет о встрече с Блоком после всенощной накануне Вербного Воскресения, или Входа Господня в Иерусалим. Героиня стихотворения выходит со службы, на которой в этот праздник полагается стоять с зажженными свечками (“моя рука, закапанная воском”) и [после которой] верующие приносят зажженные в храме свечи домой (“А за окном народ неспешно шел”). Была ли эта встреча случайной или условленной, мы не знаем, но что в ней был элемент радостной неожиданности – несомненно». ¹⁴ «Важно, – пишет В. Мусатов, – что в стихотворении... продолжает жить память о встрече с Блоком, который к тому времени (1916) был от Ахматовой уже совершенно далек. И не менее важно, что оно пронизано блоковскими ассоциациями». ¹⁵

Вернемся к поэме «У самого моря». Принцип, по которому она

построена, тот же, что и в «Поэме без Героя». Все события разворачиваются в радостном ожидании Пасхального праздника. И, несмотря на то, что повествование грустное, оно все от начала и до конца пронизано эфиром предчувствия любви, любви абсолютной, такой, которая хранит в себе особую хрупкость и чистоту. Вера в то, что любимый уже в пути и вот-вот придет, сохраняет надежду до конца. Но как это часто у Ахматовой случается, в ситуацию вмешивается сила рока, которая, так же как и в случае с Пушкиным, не оставляет ей шанса испытать счастье.

И еще, возвращаясь к блоковской теме. Ахматова хорошо знала, как Блок относился к своей «Песне Судьбы» и какое важное значение он ей придавал. В блоковской «Песне Судьбы» героиня поет песню, которая своим демоническим действием околдовывает, завораживает, дурманит, лишает воли и ясности сознания. Это роковая Песня Судьбы. Похоже, в поэме «У самого моря» Ахматова использует тот же прием, но с другим знаком. Ахматовская героиня тоже хочет приманить царевича песней.

К самому уху ее склонившись,
Я прошептала: «Знаешь, Лена,
Ведь я сама придумала песню,
Лучше которой нет на свете».
И не поверила мне и долго,
Долго с упреком она молчала.
(Ахматова, 128)

Только Песня Фаины и Песня, которую ахматовская героиня «придумала» сама, имеют разную, если не противоположную природу.

Но, похоже, приготовленная ахматовской героиней песня не растревожила бы Блока. Уже тогда, подсознательно, он искал другого мира внутри себя.

Пророчества, которые звучат в его стихотворении, откликнутся позже, на пути к «Поэме без Героя». Сейчас же важно отметить, что обе поэмы имеют одну точку отсчета, которая является выражением сильнейшего драматического накала, нашедшего преломление в глубине лирического переживания героини-(автора). Именно это и заставляло меня интуитивно искать мостик между двумя лирическими произведениями – ранней и поздней Ахматовой.

Сейчас неожиданное и важное.

Проанализировав тщательным образом поэтические тексты, тексты критических статей Ахматовой и сопутствующие исследовательские работы, мы пришли к выводу, что творческим импульсом для создания двух наиталантливейших поэм Ахматовой, ранней – «У самого моря» и поздней – «Поэмы без Героя», стал образ Александра Блока или, точнее, – блоковская тема, которая в текстах Ахматовой занимает значительно большее пространство, нежели принято считать. Важно, что то же самое заметил и В. А. Черных относительно сборников «Вечер» и «Четки»: «... две первые книги Ахматовой “Вечер” и “Четки” – буквально пронизаны блоковскими аллюзиями, никто из поэтов старшего поколения не оказал такого глубокого влияния на творчество Ахматовой 1910–1913 годов, как Блок».¹⁶

Приблизительно к такому же выводу склонялся и В. Н. Топоров. Совершенно особенную роль в творчестве Ахматовой отводил А. Блоку В. В. Мусатов.

Теперь вернемся назад, к «Поэме без Героя», и опять обратимся к «Прозе о Поэме». Анна Андреевна пишет о самом первом импульсе, способствовавшем возникновению поэмы:

«Первый росток (первый толчок), который я десятилетиями скрывала от себя самой, – это, конечно, запись Пушкина: “только первый любовник производит впечатление на женщину, как первый убитый на войне”. Всеволод был не первым убитым и никогда моим любовником не был, но его самоубийство было так похоже на другую катастрофу... что они навсегда слились для меня».

(Ахматова, 357)

Смеем предположить, что и в этом случае речь опять идет о Блоке. Понятно, что Ахматова говорит об очень сильном потрясении и катастрофе. Но ведь катастрофа совсем не обязательно убийство или самоубийство. Это та ситуация, которая обрушивает все в один миг раз и навсегда, необратимо...

В. В. Мусатов в своей книге обращает наше внимание на тот факт, что «предпочтение, отданное Блоком Л. А. Дельмас, сильно задело Ахматову. В ее “Записных книжках” несколько раз упоминается один и тот же эпизод, связанный с увиденным в “Академии художеств” (в зиму 1917–1918): “как он <Блок. – И. Б.> целовался с

Дельмас”»; “Целовался с Дельмас. Я видела, как они целуются”».¹⁷

Теперь вспомним еще раз роковой эпизод, который взят за основу сюжета «Поэмы без Героя». Это история измены, которую не смог пережить главный герой. Нам известно, что прототипами «Поэмы» были Ольга Глебова-Судейкина, прима 1910 годов и близкая подруга Анны Ахматовой, и Всеволод Князев, страстно влюбленный в нее Поэт, который, увидев, как Глебова-Судейкина целуется с другим, не перенес измены и покончил с собой. Похожий сюжет, правда? Может, это и есть та самая катастрофа, о которой говорит Ахматова (вспоминая целующихся Блока и Дельмас) и которая сильно напомнила о личном?

И еще, как мы уже сказали, Ахматова очень пристально, щепетильно и глубоко изучает «Каменного гостя» Пушкина в период работы над «Поэмой без Героя». Не новость, что Ахматова часто искала в Пушкине свое. Сюжет опять схож. Опять измена, опять персонаж любовного треугольника становится свидетелем любовного свидания, но Пушкин дает ему право карать. Правда, «он карает себя, молодого, беспечного, грешного» (в «Поэме» «не тебя, а себя казню...»). Может, поэтому Ахматова говорит о том, что нигде вопросы морали не решаются так принципиально и остро, как в «маленьких трагедиях» Пушкина, особенно в «Каменном госте». За что же героя ждет возмездие? Все за ту же «мертвенность» сердца. Все за ту же недолюбленность и холодную светскую беспечность.

И еще, о том, что, может быть, эти три сюжета и составляют тройное дно шкатулки (Донна Анна, Глебова-Судейкина и Дельмас). Хотя думаю, что разговоры о тройном дне – это только игра. И наше предположение – свидетельство тому, что игра принимается.

В письме к NN Ахматова пишет: «Осенью 1940 года, разбирая мой старый (впоследствии погибший после осады) архив, я наткнулась на давно бывшие у меня письма и стихи, прежде не читанные мною (“Бес попутал в укладке рыться”). Они относились к трагическому событию 1913 г., о котором повествуется в “Поэме без Героя”» (Ахматова, 358).

В том, что стихи не читанные, позволим себе усомниться. Вряд ли Ахматова стала бы так долго хранить неизвестные безделицы, тем более, будучи человеком пишущим, у которого и так всегда скапливается огромное количество бумаг. Или же наоборот, хранить не-

понятно что, зная, что в этом есть риск подвести не только себя, но и близких (с 1928 по 1953 год).

Я предполагаю, что среди тех бумаг, о которых идет речь, как раз и оказалось стихотворение Блока от 15 декабря 1913 года, которое вернуло ее памятью к трагическим событиям того года. Прочитав его спустя 27 лет, можно было наткнуться в своей памяти на то, что было пророчески угадано Блоком. Роковой 1940 год был для Ахматовой переломным. «Почерк у меня изменился, голос звучит по-другому». С этого расстояния многое виделось и воспринималось уже трезвей. Очевидно, пришла пора освободиться от того, что так долго она прятала от самой себя и что заставляло все эти годы преломлять жизнь в призме недопринятого и непережитого.

Именно поэтому:

Из года сорокового, как с башни, на все смотрю.
Как будто прощаюсь снова
С тем, с чем давно простилась...

(Ахматова, 304)

Первое посвящение поэмы, как и многие ее строчки, может бросить много бликов... и на Блока в том числе. Многие сравнивали его с античным красавцем Антиноем. Многое кажется в нем уместным и понятным: доверительность тона и повторение декабря в декабре, когда «снежинка на руке» тает. И то, что она тает без упрека. И то, как разговор поддерживается глазами, о чем много писал В. А. Черных: «Убедительные примеры нетривиальных соответствий и перекличек многих стихотворений из этой цепочки с поэзией Блока приведены в названных выше трудах В. М. Жирмунского и В. Н. Топорова. Мне также доводилось уже писать о повторяющемся мотиве поднятых и опущенных глаз в стихах Ахматовой и Блока конца 1913–начала 1914 гг.»¹⁸ И совсем понятна уместность траурного марша Шопена, мысль о котором возникает как сама по себе, но и тем более при отсыле Ахматовой к строфе о Блоке: «но была для меня та тема, / Как раздавленная хризантема / на полу, когда гроб несут».

А так как мне бумаги не хватило,
Я на твоём пишу черновике.
И вот чужое слово проступает
И, как снежинка на моей руке,

Доверчиво и без упрёка тает.
И темные ресницы Антиноя
Вдруг поднялись, и там – зеленый дым,
И ветерком повеяло родным...
Не море ли? – Нет, это только хвоя
Могильная, и в накипаьи пен
Все ближе, ближе ... Marche funebre...
Шопен...

(Ахматова, 302)

Но вернемся ко второй картине, «выхваченной прожектором памяти из мрака прошлого, это мы с Ольгой после похорон Блока, ищущие на Смоленском кладбище могилу Всеволода (1913). “Это где-то у стены”, – сказала Ольга, но найти не могла.

Я почему-то запомнила эту минуту навсегда» *(Ахматова, 357)*.

Почему Ахматова запомнила эту минуту навсегда, вполне можно объяснить. Наверняка в ее памяти всплыла строчка «Забудешь ты мою могилу, имя». Они с Ольгой не могли найти могилу прежде любимого.

И эта ситуация, предсказанная Блоком, напомнила о себе еще раз в день его похорон, снова бросив зеркальную тень на Ольгу Судейкину, будущую героиню поэмы, повторением уже второго личного сюжета. (Первый – когда она с другим целуется на лестничной клетке, второй – когда не может найти могилу Князева).

Конечно, наверняка, в памяти Ахматовой сразу же всплыли строчки из рокового блоковского стихотворения, подаренного ей в декабре 1913 года, т. е. 8 лет назад, параллельным смыслом, брошенные автору будущего текста поэмы, которая, вполне возможно, стала ответом на тот «тайный жар». И далее для Ахматовой наступает период, когда:

... есть ответ в моих стихах тревожных:
Их тайный жар тебе поможет жить.

(Блок, 291)

Знаково выглядит в поэме «У самого моря» сцена прощания с царевичем (кстати, общение опять идет посредством глаз, которые имеют все тот же зеленый цвет):

Смуглый и ласковый мой царевич
Тихо лежал и глядел на небо.
Эти глаза, зеленее моря
И кипарисов наших темнее,—
Видела я, как они погасли...
Лучше бы мне родиться слепую.
Он застонал и невнятно крикнул:
«Ласточка, ласточка, как мне больно!»
Верно, я птицей ему показалась.

(Ахматова, 126)

В «Поэме» героиня принимает на себя уже роль вдовы и сестры. В ней сохраняется, как в 1914 году, мотив голубиности, птицы, ласточки, но вместе с ним прорываются новые нотки – мотива завещательности и ответного мотива преемственности :

Он увидел – рухнули зданья,
И в ответ обрывок рыдания:
«Ты – Голубка, солнце, сестра! –
Я оставлю тебя живою,
Но ты будешь моей вдовою,
А теперь...
Прощаться пора!

(Ахматова, 316)

Перечисляя свои встречи с Блоком, Анна Андреевна последней, вне всякой хронологии, назвала встречу 15 декабря 1913 года. Эта встреча была кульминацией и развязкой в отношениях Ахматовой и Блока.

И если «Поэма у самого моря» проговаривает сокровенное, то «Поэма без Героя» освобождает Ахматову от него. Понятно, что к моменту окончания работы над текстом поэмы, уже сорок один год (41 – опять удивительная игра цифр), как Блока не было в живых, но присутствие его темы не оставляло Анну Андреевну, потому что это действительно был величайший Поэт Эпохи, пожалуй, единственный равновеликий Поэту Ахматовой.

И если кого-то все еще интересуется: был ли роман у Ахматовой и Блока, я бы ответила названием главы из книги В. Мусатова, для Ахматовой это был «Сон о Блоке», греза, мечта.

Не было романа, а было то чувство, которое я не назову любовью. Это как Адамович говорил об Ахматовой: «Красавицей ее не назовешь, но она больше, чем красавица». Вот и это чувство, оно было больше, чем любовь, выше и бестелесней. Это был третий слой отношений на уровне эфира двух величайших поэтов, волею случая оказавшихся в одном месте и в одном историческом времени.

¹ Ахматова Анна. «Узнают голос мой...». Стихотворения. Поэмы. Проза. Образ поэта. М., 1989. С. 365. Далее по тексту (Ахматова) с указанием страницы в скобках.

² Кихней Л. «Родословная» «Поэмы без Героя» Анны Ахматовой: к мотивации интертекстов // Некалендарный XX век. М., 2011. С. 297–298. А еще раньше эту мысль высказала Н. И. Крайнева на «Мусатовских чтениях» (Великий Новгород, 2009) в докладе «“Маленькие поэмы” – первые “попутчицы” “Поэмы без Героя” Анны Ахматовой: история замысла и история текстов».

³ См.: Мусатов В. «В то время я гостила на земле...». Лирика Анны Ахматовой. М., 2016. С. 136–223.

⁴ Блок А. А. Возмездие. Избранное. М., 1978. С. 384, 385. Далее по тексту (Блок) с указанием страницы в скобках.

⁵ Мусатов В. Указ. соч. С. 151.

⁶ Черных В. А. Об Анне Ахматовой. Избранные работы. М., 2016. С. 59.

⁷ Мусатов В. Указ. соч. С. 146.

⁸ Цит. по.: Черных В. А. Указ. соч. С. 60.

⁹ Цит. по.: Мусатов В. Указ. соч. С. 138.

¹⁰ Цит. по.: Там же С. 143.

¹¹ Там же. С. 109.

¹² Черных В. А. Указ. соч. С. 52.

¹³ См.: Черных В. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966. С., 2016. С. 95.

¹⁴ Мусатов В. Указ. соч. С. 122.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Черных В. А. Об Анне Ахматовой. С. 74–75.

¹⁷ Цит. по.: Мусатов В. Указ. соч. С. 151.

¹⁸ Черных В. А. Об Анне Ахматовой. С. 74.

Г. Михайлова

Вильнюс (Литва)

**«The still point» Анны Ахматовой.
Еще раз о «Летнем саде»**

Стихотворение «Летний сад» (1959) неоднократно упоминается в трудах о поэзии Ахматовой. К примеру, Т. В. Цивьян, Т. А. Пахарева и Г. М. Темненко посвятили анализу стихотворения специальные статьи.¹ В них, помимо прочего, отмечены равноуровневые переклички стихотворения с Данте, В. А. Жуковским, А. А. Блоком, И. Ф. Анненским, а также с другими произведениями самой Анны Ахматовой. Попробуем расширить и уточнить предложенный исследователями компаративистский модус.

Начнем, казалось бы, издалека. В конце декабря 1962 года в записных книжках Ахматовой появилась запись: «In my beginning is my end. T. S. Eliot, East Coker» (В моем начале мой конец. Т. С. Элиот. Ист Коукер).² Цитата – строка из второго «квартета» цикла «Четыре квартета» («Four Quartets», 1934–1942) Томаса Стернза Элиота (Thomas Stearns Eliot) – становится эпитафией к Части второй «Поэмы без Героя»³. Эпитафия с течением лет варьировалась,⁴ и один из ранних вариантов – «My future is my past» (Мое будущее – это мое прошлое) – опосредованно связан с начальными строками не второго, а первого «квартета» Элиота – «Бёрнт Нортон» («Burnt Norton»):

Time present and time past
Are both perhaps present in time future
And time future contained in time past.

(Настоящее и прошедшее,
Наверно, содержатся в будущем,
А будущее заключалось в прошедшем).⁵

В «категоричной» ахматовской парафразе «My future is my past» отсутствует то, что есть у Элиота – гипотетическая модальность:

«Time present and time past... *perhaps* present in time future». Нет у Ахматовой и элиотовской идеи *вызревания* будущего в прошлом. Во всей полноте смысл элиотовского «And time future *contained in time past*» выражен Ахматовой в Части первой «Поэмы без Героя»:

Как в прошедшем грядущее зреет,
Так в грядущем прошлое тлеет –
Страшный праздник мертвой листвы.⁶

Возможно, «мертвая листва» в эти ахматовские строки пришла из того же источника – из первой части «квартета» «Бёрнт Нортон», в которой, согласно Элиоту, в «первом нашем мире... отраженья иного» («into our first world... other echoes»), «величавые и незримые, воздушно ступали по мертвым листьям в осеннем тепле сквозь звенящий воздух» («dignified, invisible, moving without pressure, over the dead leaves in the autumn heat, through the vibrant air»).⁷ В «Поэме без Героя» мертвая листва прошлого празднует в будущем «страшное» торжество, то есть Ахматова не задействовала важные мотивы этой части «Бёрнт Нортон» – гармонию возвращения в прошлое (как бывшее, так и не сбывшееся) как движения «в условленном ритме» («in a formal pattern») гостей и хозяев некоего таинственного «сада роз» («rose-garden»).

Думается, что эта слаженность вневременной реальности в элиотовском «розовом саду» отозвалась в другом произведении Ахматовой – стихотворении «Летний сад»:

Я к розам хочу, в тот единственный сад,
Где лучшая в мире стоит из оград,

Где статуи помнят меня молодой,
А я их под невскою помню водой.

В душистой тиши между царственных лип
Мне мачт корабельных мерещится скрип.

И лебедь, как прежде, плывет сквозь века,
Любуясь красой своего двойника.

И замятво спят сотни тысяч шагов
Врагов и друзей, друзей и врагов.

А шествию теней не видно конца
От вазы гранитной до двери дворца.

Там шепчутся белые ночи мои
О чьей-то высокой и тайной любви.

И все перламутром и яшмой горит,
Но света источник таинственно скрыт.

(234)

«Панхронная статика»⁸ этого стихотворения воспроизводит как реалии значимого для Ахматовой петербургского локуса (Летнего сада) в качестве «фона моей жизни и моих стихов» (ЗК, 216), так и эдемскую семантику – «вечную розу» Данте.⁹ Но если мы введем «Летний сад» в границы «Четырех квартетов» Элиота, то не будет ли уместно заявить, что на пути ахматовского стиха к «*rosa sempiterna*» дантовского «Рая» лежит вневременная реальность «розового сада» у Элиота?

Обратимся к авторам и текстам, которые сопутствуют «квартетам» Элиота и, предполагаем, стихотворению «Летний сад» – к произведениям Дэвида Лоуренса (D. H. Lawrence) и Джеймса Джойса (J. Joyce).

Еще в 1940 годы Луи Марц обратил внимание на то, что в некоторых текстах Элиота образы получают часть своей силы и смысла из литературных источников, в частности, из рассказов «Тень в розовом саду» («The Shadow in the Rose Garden», 1914) Лоуренса и «Мертвые» («The Dead», 1914) Джойса.¹⁰ Оба произведения стали предметом рассуждений в культурологическом эссе Элиота «Богам неведомым» («After Strange Gods»).

В повествованиях Лоуренса и Джойса героини из настоящего времени перемещаются в прошедшее и приближаются к той важной для Элиота «still point of the turning world» – «незыблемой точке мировращения», где возможно искупление и исход желаний.¹¹ В момент исполнения старинной ирландской песни в памяти героини Джойса воскресают образ умершего юного влюбленного и ситуация встречи с ним в саду. Героиня же Лоуренса находит «still point» в саду роз, где встречает давнего возлюбленного. Сцена в саду (у Лоуренса и Элиота), в свою очередь, обращена к 64–102 строфам Песни XXXI

«Рая» Данте, где встреча с Беатриче, по словам последнего дантовского проводника и наставника Св. Бернарда, необходима герою для завершения желания в спасительной благодати.

Отдельные детали «Летнего сада» – розы за оградой, плывущие в воде отражения, шествие теней, а также интенция стихотворения в целом (желание оказаться во вневременной реальности розового сада) адресуют стихотворение к Элиоту (к «Бёрнт Нортон»), а через него – к названным текстам Лоуренса и Джойса.

В известных нам источниках нет сведений о том, была ли Ахматова знакома с творчеством Лоуренса. Но, учитывая интересы и объемный культурный тезаурус людей, близких Ахматовой в разные годы (к примеру, Б. В. Анрепа, Н. С. Гумилева, М. Л. Лозинского, И. А. Бродского, А. Г. Наймана), а также степень известности автора «Влюбленных женщин» и «Любовника леди Чаттерлей», можно предположить, что таковое знакомство имело место.

Что касается Джойса – одного, по мнению Ахматовой, из «трех китов, на которых ныне покоится XX в.» (ЗК, 442), то многомерные связи между Ахматовой и Джойсом достойны отдельного исследования.¹² Здесь же укажем на некоторые любопытные совпадения.

Л. К. Чуковская в записях конца 1941 года рассказывает о том, как она принесла Ахматовой из библиотеки сборник переведенных на русский язык рассказов раннего Джойса «Дублинцы» («Dubliners», 1914) с просьбой прочитать рассказ «Мертвые». Ахматова прочла всю книгу, охарактеризовала новеллы как «плохие», но рассказ «Мертвые» выделила, назвав «прелестным», правда, «совсем не Джойсовским»: «...тут скорее Пруст...».¹³ Марселя Пруста (Marcel Proust) Ахматова пристально читала еще в 1930-е годы. А в разговоре с Чуковской сравнила панхронизм французского прозаика (а заодно и иррелевантность времени в «Мертвых» Джойса) со своим «методом» в «Поэме без Героя»: «это ни в коей мере не воспоминания. Времена – прошедшее, настоящее и будущее – объединены».¹⁴ Таким образом, необычность «Мертвых» Ахматова увидела в характерной именно для Пруста особенности: высвобождение повествователя (либо персонажа) из временных связей посредством восстановления пережитых слуховых, зрительных, тактильных впечатлений – «оживление прошлого».¹⁵ Именно так изображена Джойсом героиня рассказа, которая становится недоступной для своего

мужа, когда погружается в ожившие впечатления минувшего. Но занята ли сама Ахматова «поиском утраченного времени»? В неизмеримо меньшей степени, чем нарратор в романах Пруста. У русского поэта последовательная горизонталь жизни («бег времени», по Ахматовой) просекается «временным конусом», и в месте утраты времени устанавливается его «дополнительное пространственное измерение». Мы сталкиваемся и в «Поэме без Героя», и в «Летнем саду» с джойсовским «опространствленным временем».¹⁶

И если мы вернемся к вариациям цитаты из Элиота в качестве эпитафии, то «In my beginnig is my end» может прочитываться как реплика в диалоге Джойс – Пруст – Элиот – Ахматова. Суть реплики перемещается в сферу достижения «пересечения с собою», то есть, как писал Джойс, «обретения самих себя» в точке, «совместимой с финальным возвращением».¹⁷ Или, по Прусту, – обретения «идентичности себя некоторому действительному или подлинному “я”».¹⁸ Сложная «игра» различными аспектами своей самости, умение быть более чем одним «я», доверяя в различных текстах одно свое «я» другому, разворачивается в творчестве Ахматовой в рамках устремления к конечному тождеству всех «я». Это драматически проблематизируется во всех семи «Северных элегиях», шестую из которых первоначально предварял эпитафия «My future is my past. Eliote».¹⁹

В рамках умозрительного теоцентризма Элиота подобный поиск себя в финале «Четырех квартетов» завершается возвратом «туда, откуда мы вышли» («And the end of all our exploring / Will be to arrive where we started»), где «всё разрешится, и / Сделается хорошо...» («And shall be well and / All manner of thing shall be well...»)²⁰ Ахматовская религиозность сдержанна и изначально предустановлена.²¹ Акмеистическая предметность в изображении конкретного петербургского места, которая отчасти развеществляется в последнем двустишии («И всё перламутром и яшмой горит, / Но света источник таинственно скрыт»), заслоняет конфессиональную напряженность «Летнего сада». Тем не менее перед читателем, пусть и опосредованная «перламутром» и «яшмой», открывается «интуиция “другого мира” и насущная потребность связи с ним».²² В конечный ориентир «шестивия теней», населяющих Летний сад, – «двери дворца» можно имплицировать смысл метафоры «двери» у Элиота. «Unknown,

remembered gate» у британского поэта открывается в сферы, описанные во второй части квартета «Бёрнт Нортон», где царят:

The inner freedom from the practical desire,
The release from action and suffering, release from the inner
And the outer compulsion, yet surrounded
By a grace of sense, a white light still and moving,
Erhebung without motion, concentration
Without elimination, both a new world
And the old made explicit, understood
In the completion of its partial ecstasy,
The resolution of its partial horror.

(Отказ от мирских вожделений,
Бездействие и отстраненность
Избавляют от воли, своей и чужой; и тогда
Благостью чувства, чистым светом, незыблемым и текучим,
*Erhebung** без движенья, сосредоточенностью
Без отрешенности постигается мир,
И новый, и старый,
В исполненье их недо-экстазов,
В разгадке их недо-кошмаров).²³

Представленные Элиотом сферы, где человек не испытывает ни нехватки, ни желаний, – это сферы Небесной Розы (Розы Эмпирея) Данте, с которым Элиот «беседует». Но можно ли утверждать, что Ахматова столь же безоговорочно артикулирует семантику Сада Божьего, то есть пространство Таинственной Розы (*Rosa Mistica*), в первом двустишии «Летнего сада»²⁴ и «света источник» в последней строфе стихотворения? Мы склонны полагать, что речь в «Летнем саде» идет все-таки о глубине и осмысленности наличной (горизонтальной) реальности, которая, по точному определению О. А. Седаковой, «в отличие от “идей” и “фактов”... таинственна; она реальна именно в том, что не совпадает с собственной данностью и ей не исчерпывается».²⁵ То есть чаемое возвращение в Летний сад есть стремление к той «still point of the turning world», где время линей-

* Возвышение (*нем.*)

ного бытия человека и его индивидуальное сознание растворяются в безвременье и вечном бытии, пройдя путь максимальных удалений от себя для того, чтобы стать собою.

Все вышесказанное не отменяет возможности соотнести размышления Ахматовой о природе времени с активными философскими (и мистическими) поисками в этой сфере Н. С. Гумилева, нашедшими отражение и в его поэзии. На одном из заседаний «Цеха поэтов» (в январе 1914) Гумилев говорил о стремлении новейших поэтов «уйти из времени и обосновать свои переживания вне понятий: настоящее, прошедшее и будущее».²⁶ В плане не написанной Гумилевым книги «Теория интегральной поэтики» в отдельный раздел вынесено: «Время и пространство; история и география. Статичность и углубленность (линии движенья энергии)». В «Программах лекций» (1919) в суждениях об образности и композиции стиха обособлены пункты «время и пространство и борьба с ними» и «движение во времени, в пространстве, в плоскости четвертого измерения и в двух измерениях».²⁷ Сопоставление темпоральной проблематики в творчестве Гумилева (а мотив блуждания «в слепых переходах пространств и времен» – один из самых актуальных в его творчестве) и Ахматовой, разумеется, требует отдельного разговора хотя бы потому, что, как заметил Омри Ронен, «переворачивание и смешение пластов времени служит сюжетом завершительных текстов Гумилева и Ахматовой “Заблудившийся трамвай” и “Поэма без Героя”».²⁸

Замеченные места пересечения «Летнего сада» Ахматовой со схожими фрагментами текстов Элиота, Джойса, Лоуренса и Пруста свидетельствуют о том, насколько перспективным может быть исследование таких «подсказок», свидетельствующих о генетических и контекстных связях творчества русского поэта с сюжетами и образами, представленными в европейском модернизме. В «Летнем саду» Ахматовой, как в текстах Лоуренса и Джойса, ход («бег») времени представлен как поле одновременного сосуществования прошлого с настоящим и будущим. В подобном «still point» границы собственного «я» раздвигаются, и обретаются та полнота существования и, возможно, те трансцендентные ценности, которые недоступны в формах дискретного временного бытия.

¹ Цивьян Т. В. Об одном Ахматовском пейзаже // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский науч. сборник 7. Симферополь, 2009. С. 83–91; Пахарева Т. А. «Летний сад» А. Ахматовой (анализ стихотворения) // Там же. С. 91–100; Темненко Г. М. К вопросу о традициях классицизма в поэзии А. Ахматовой (стихотворение «Летний сад») // Там же. С. 100–112.

² Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / Сост. и подгот. текста К. Н. Суворовой. М.; Torino, 1996. С. 273. Далее по тексту (ЗК) с указанием номера страницы.

³ Это послужило толчком для сопоставлений поэмы Ахматовой и «Четырех квартетов» Элиота. См.: Нива Ж. «Барочная поэма» // Ахматовский сборник / Сост. С. Дедулин и Г. Суверфин. Париж, 1989. С. 99–108; Силади Ж. «Поэма без Героя» Анны Ахматовой в свете «Четырех квартетов» Т. С. Элиота // *Studia Slavica Hungarica*. Budapest, 1995. Vol. 40. P. 237–248; Каратеева Т. «Where past and future are gathered...»: «Поэма без Героя» Ахматовой и «Четыре квартета» Элиота // *Всемирное слово = Lettre Internationale*. СПб., 2001. № 14. С. 91–94; Kurasova A. Sense of Time in A. Akhmatova's and T. S. Eliot's Latter Poetry (Comparative Analysis of Poem Without a Hero and Four Quartets) // *International Journal of Comparative Literature & Translation Studies*. University of Salamanca. Spain, 2018. Vol. 6, № 1. P. 1–9. В той или иной степени все исследователи отталкиваются от объемной работы В. Н. Топорова: Топоров В. Н. К отзвукам западноевропейской поэзии у Ахматовой (Т. С. Элиот) // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics [The Hague]*, 1973. Vol. XVI. P. 15–176.

⁴ Ахматова Анна. Малое собрание сочинений / Текстология, сост., вступл. и примеч. Н. Крайневой. СПб., 2016. С. 552.

⁵ Элиот Т. С. Избранная поэзия. Поэмы, лирика, драматическая поэзия / Пер. с англ., сост., вступ. ст. Л. Аринштейн. СПб., 1994. С. 42–43. Пер. С. Степанова.

⁶ Ахматова Анна. Малое собрание сочинений. С. 363. Далее тексты Ахматовой цитируются по этому изданию с указанием страницы в скобках.

⁷ Элиот Т. С. Полые люди. СПб., 2000. (Пер. А. Сергеева. [Электронный ресурс]. URL: http://www.1lib.ru/POEZIQ/ELIOT/eliot1_10.txt)

⁸ Тименчик Р. Д. Последний поэт. Ахматова в 1960-е годы. Изд. 2-е, исправл. и расшир. Т. 1. М., 2014. С. 170.

⁹ Пахарева Т. А. Указ. соч. С. 93.

¹⁰ Martz L. L. The Wheel and the Point: Aspects of Imagery and Theme in Eliot's Later Poetry // *The Sewanee Review*. 1947. Vol. 55. No. 1. P. 128–134.

¹¹ Элиот Т. С. Избранная поэзия. С. 46, 52. О категории «still point» у Джойса и Лоуренса см.: Cornwell E. F. The «still point»: Theme and variations in the writings of T. S. Eliot, Coleridge, Yeats, Henry James, Virginia Woolf, and D. H. Lawrence. New Jersey, 1962.

¹² В книге Н. Корнуэлл «Джойс и Россия» Ахматовой посвящен короткий абзац с цитатой из записок Л. К. Чуковской 1939, в которой Ахматова дает высокую оценку неоднократно прочитанному ею «Улиссу» (см.: Cornwell N. James Joyce and the Russians. London, 1992. P. 60). Из сравнительно недавно опубликованных работ можно выделить статью Е. В. Киричук о восприятии Ахматовой романа «Улисс» (см.: Киричук Е. В. Ахматова о романе Д. Джойса «Улисс». Метонимия «телесного зеркала» как проблема «невстречи» // *Вестник Омского унта*. 2012. № 2. С. 413–416), а также статьи Р. Д. Тименчика и М. Б. Мейлаха о джойсовском эпиграфе к «Реквиему» и к циклу «Черепки» (см.: Тименчик Р. Д. Записные книжки Анны Ахматовой и генезис ее стихотворений // *Эткиндовские чтения*. I. Сб. статей по материалам Чтений памяти Е. Г. Эткинда. СПб., 2003. С. 233–236; Мейлах М. «You cannot leave your mother an orphan»: О джойсовском эпиграфе у Ахматовой // *Поэзия и миф*. Избранные статьи. 2-е изд. М., 2018. С. 307–322). К слову, Р. Д. Тименчик в одном из примечаний к книге «Ахматова в 1960-е годы» наметил ряд возможных направлений в исследовании взаимодействия текстов Джойса и Ахматовой (см.: Тименчик Р. Последний поэт. Ахматова в 1960-е годы. Т. 2. М., 2015. С. 536).

¹³ Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. В 3 т. Т. III. Изд. 5-е, испр. и доп. М., 1997. С. 347.

¹⁴ Там же. С. 175.

¹⁵ Мамардашвили М. Психологическая топология пути. М. Пруст «В поисках утраченного времени». СПб., 1997. С. 39.

¹⁶ Категория Анри Бергсона, используемая С. С. Хоружим в характеристике модели мира позднего Джойса. См.: Хоружий С. С. «Улисс» в русском зеркале // Джойс Д. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 3. Улисс: роман (часть III) / Пер. с англ. В. Хинкиса и С. Хоружего. М., 1994. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.james-joyce.ru/articles/ulyссе-v-russkom-zerkale.htm>.

¹⁷ Джойс Д. Улисс / Пер. с англ. В. Хинкиса и С. Хоружего. М., 1993. С. 369.

¹⁸ Мамардашвили М. Указ. соч. С. 139.

¹⁹ Крайнева Н. И. Указ. соч. С. 527.

²⁰ Элиот Т. С. Польные люди.

²¹ Ср.: «Кажется, Никита Струве, перефразируя Тертуллиана, сказал, что Ахматова не только *anima naturaliter christiana* (душа по природе христианская), но *naturaliter orthodoxa* (по природе православная). В самом деле, в православности ее письма и взгляда есть как бы врожденная естественность» (Седакова О. А. «Воспоминание о первозданной красоте – один из важнейших даров поэзии» // Судьба и вера. Беседы с учеными, священниками, творческой интеллигенцией, 2004. [Электронный ресурс]. URL: <https://eparhia-saratov.ru/Books/Get/15>).

²² Седакова О. А. Дитрих Бонхёффер для нас // Седакова О. А. Стихи. Переводы. Poetica. Moralia. Т. 4. Moralia. М., 2010. С. 497.

²³ Элиот Т. С. Избранная поэзия. С. 48–49. Пер. С. Степанова.

²⁴ В черновом варианте «Летнего сада» саду придан эпитет «таинственный». См.: Пахарева Т. А. Указ. соч. С. 92.

²⁵ Седакова О. А. Тайна реальности, реальность тайны. Предисловие к книге Адриано Делл'Аста «В борьбе за реальность» // Дух і літера. Киев, 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.olgasedakova.com/Moralia/1112>.

²⁶ Сведения об этом приведены Р. Д. Тименчиком. См.: Гумилев Н. С. Письма о русской поэзии / Сост. Г. М. Фридлиндер (при участии Р. Д. Тименчика). Вступ. ст. Г. М. Фридлиндера. Подгот. текста и коммент. Р. Д. Тименчика. М., 1990. С. 361.

²⁷ Там же. С. 277

²⁸ Ронен О. Чужелюбие. Третья книга из города Эн: Сб. эссе. СПб., 2010. С. 185.

Е. Куликова

Новосибирск

**Баллада об Азии
(Анна Ахматова,
«Из цикла “Ташкентские страницы”»)**

Век модернизма и авангарда делает любой жанр метафорой его самого, метажанром, содержание которого непрерывно изменяется и усложняется, и открывается возможность многоуровневого прочтения текста. Одним из наиболее востребованных и в то же время претерпевших метаморфозы жанров становится баллада. В своем творчестве Ахматова превращает жанры в метажанры («Поэма без Героя», «Новогодняя баллада», «Северные элегии» и т. д.), поэтому баллада приобретает одновременно черты и новеллы, и лирического стихотворения.

Особенно характерно наличие балладности у ранней Ахматовой, когда сюжет каждого стихотворения, тяготея к новеллистичности, становится маленьким драматическим рассказом, обязательно с элементами диалога и трагической развязкой. Наряду с мистическими балладами, у Ахматовой много так называемых «психологических» баллад, конфликт которых основан не на фантастических событиях, а на напряженных взаимоотношениях героев, на неожиданных поворотах и поистине романских перипетиях, которые поэт вводит в свою лирику.

Однако «поздняя» Ахматова почти уходит от подобных остросюжетных линий, лиризм в ее текстах преобладает, но балладный налет с элементами мистики проявляется почти постоянно. Например, на периферии балладного жанра находится «Летний сад», перекликающийся с «Лесным царем» Гете-Жуковского «памятью размера» – четырехстопного усеченного амфибрахия.

XX век вообще оказался богатым на создание баллад и их вариаций, но чаще это была гумилевская, «героическая» линия, по-своему прозвучавшая у Н. Тихонова и, например, поэтов-бардов: В. Высоцкого, Б. Окуджавы, Б. Гребенщикова¹ и др. Ахматовская линия была

обыграна у Е. Рейна,² «соединение чудесного с обыденностью»³ в лирике поэтов конца XX века (О. Седаковой, Е. Шварц) идет от Ахматовой. Между тем именно из этого рождается ахматовская баллада, отчасти ранняя, безусловно, поздняя, – баллада, прочно слившаяся с лирическим стихотворением, но основанная на сюжетике и мотивике романтического канона.

Черты ахматовской балладности можно встретить и в творчестве поэта восточной эмиграции А. Ачаира. Ачаир использовал амфибрахий – пятистопные, четырехстопные и трехстопные с усечением в четных стихах, как в «Воздушном корабле» Лермонтова. Лермонтовские отзвуки, безусловно, есть в его стихах, и балладность, с одной стороны, жестче очерчивает сюжет, а с другой – остается лишь отсылкой к уже преображенному жанру:

Сияющий месяц струился серебряной рыбкой;
ее трепетаньем и звезды мерцали в ответ.
На ваше пожатье я горько ответил улыбкой;
на вашу улыбку во мне рассмеялся поэт.⁴

Ачаир сближает реминисценции и сюжетные коллизии из лермонтовской «Русалки» («Русалка плыла по реке голубой... / И старалась она доплеснуть до луны / Серебристую пену волны... // Там рыбок золотые гуляют стада, / Там хрустальные есть города»⁵), узнаваемую ахматовскую интонацию и частотные мотивы ее лирики: «У меня есть улыбка одна: / Так, движенье чуть видное губ...»,⁶ «Я горько вспоминаю вас...» (МС, 46). Аллеи из поэтического мира Ахматовой («По широким аллеям гулять...» (МС, 142), «Смуглый отрок бродил по аллеям...» (МС, 123), «так похоже на аллею / У Царскосельского пруда...» (МС, 233) и т. д.) переключались в текст Ачаира, но поэт как будто разрушает любимое пространство, созданное Ахматовой: *«исчезла, распалась аллея»* <курсив наш. – Е. К.>.⁷ Так же становятся призрачными и подчеркнуто растворяются классические балладные мотивы: «и месяц распался, и сердце распалось в куски».⁸ Ночной топос, характерный для романтических баллад, когда в небе остаются только луна или месяц, знаменуя собой переход в иной мир, в стихотворении Ачаира намеренно рассеивается: образ зари словно прочерчивает границу между сном и явью.

Стоящая в рифменной позиции «аллея» (первый стих второй

строфы) обретает двойную рифмовку – обычную (перекрестную): «багровея» (финал третьего стиха второй строфы) – и своего рода анафорическую, или же циклическую: четвертый стих строфы начинается со слова «алея». Таким образом, рифма, превратившаяся в вариант омонимической, извивается вдоль строфы, знаменуя собой ее начало и конец.

Алая роза – ахматовский мотив (ср., например, знаменитые строки: «Все возьми, но этой розы алой / Дай мне свежесть снова ощутить...» (МС, 252)). Ачаир разрушает ночное балладное пространство, которое побеждает багряная заря новой поэзии. Сквозь него проступает новый виток реминисценций из Ахматовой: «И только остался – не голос, а звук голубиный».⁹ В «голубином» звуке у Ачаира – и «голос голубиный» ахматовской Рахили, и многочисленные голубки из ее стихотворных новелл: «Я голубку ей дать хотела, / Ту, что всех в голубятне белей, / Но птица сама полетела / За стройной гостьей моей...» (МС, 74), «целые дни голубком / На белом окошке воркует...» (МС, 22), «...лети голубкой мира, / О песня звонкая моя!»¹⁰ и т. д.

Голубь – балладная птица (воплощение ангельского начала), он противоположен темным силам. «Белоснежный голубок с светлыми глазами» из баллады Жуковского «Светлана» спасает героиню от страшного мертвеца. И у Ачаира «звук голубиный» становится вечным воспоминанием о прощании героев:

И только остался – не голос, а звук голубиный,
Прощальный привет уходящего в море ловца,
Плывущего где-то... не в море ль Беринговом льдиной?.. –
За призрачной рыбкой, порезавшей ночью сердца...¹¹

Помимо балладных аллюзий, пятистопный амфибрахий (с усечением на четных стихах) позволяет увидеть в тексте Ачаира балладную ориентированность, превратившую жанр в середине XX века в метафору его самого.

А «Призрак» Ачаира с пушкинским сюжетом из стихотворения «Я помню чудное мгновенье...», с кружащимся чередованием четырехстопного и трехстопного амфибрахия, в финале очевидно тяготеет к жанру баллады: «ваши прозрачные руки / ... призрака мертвенный свет»,¹² и именно баллады ахматовского типа – с вещественностью деталей, одновременно развоплощенных и метафорических.

Ритмические акценты определяют интонацию, которая в последних двух сборниках Ахматовой становится торжественной, тем самым происходит «возрождение, с одной стороны, сатиры, с другой – оды и баллады».¹³

Вариацией на ритмы балладного амфибрахия стало стихотворение Ахматовой «В ту ночь мы сошли друг от друга с ума...» («Из цикла “Ташкентские страницы”»). «Первые две строки каждой строфы написаны четырехстопным амфибрахией с мужской клаузулой; следующие за ними две строки – трехстопным амфибрахией с женской клаузулой. Рифмовка всюду парная».¹⁴ Парность рифмовки создает иной эффект по сравнению с классическими четверостишиями: каждая строфа как будто замыкается и делится пополам, образуя полустрофу. «Летний сад» тоже написан двухстрочными строфами (правда, разделенными пробелами).

Для поздней Ахматовой постоянными становятся мотивы возвращения и воспоминания. Данные мотивы можно назвать одним из метакодов жанра баллады у Ахматовой, они соединяют в семантический пучок другие сюжеты и мотивы: встречи с друзьями, живыми и умершими, поэтами – современниками (Мандельштам, Пастернак, Гумилев, Цветаева и др.) и классиками (Пушкин, Данте), городами и любимыми местами, вещами и образами, забытыми и всплывающими в подвалах памяти.

«В ту ночь мы сошли друг от друга с ума...» вдохновлено польским художником и писателем графом Юзефом Чапским, с которым Ахматова познакомилась в Ташкенте летом 1942 года в доме Алексея Толстого. Об этом Чапский рассказывает в книге «На бесчеловечной земле» («Na nieludzkiej ziemi», 1949), в главе «Встречи с Ахматовой в Ташкенте». «Чапский произвел на Ахматову неизгладимое впечатление... В 1959 году Ахматова вспоминала, как они – два европейца, изгнанных войной из своих мест, – шли сквозь знойную азиатскую ночь».¹⁵ Сам Чапский позднее скажет: «Мы долго гуляли, и во время этой прогулки она совершенно преобразилась. Об этом я, конечно, не мог написать в книге, которая вышла при жизни Ахматовой».¹⁶

«Цикл “Ташкентские страницы” не существует (указание на него – еще один пример игры Ахматовой с читателем). Впрочем, все ташкентские стихотворения Ахматовой при желании можно считать циклом или даже небольшой лирической поэмой».¹⁷ Стоит отметить,

что, возможно, стихотворение имело двойную адресацию, и вторым адресатом мог быть композитор А. Ф. Козловский, высланный в Ташкент за три года до войны (см.: МС, 521–522). Так что игра Ахматовой с читателем явлена на нескольких уровнях: в отсылке читателя и к несуществующему циклу, и к таинственному неопределенному адресату, и, добавим, – в обыгрывании жанра баллады, точнее, создании образа баллады в тексте. Имеется в виду баллада не французская, написанная в строго определенной стихотворной форме, а баллада немецкого или английского типа: остросюжетная, мистическая, с драматическими событиями, с элементами диалога. Впрочем, у Ахматовой есть и элементы французской баллады: традиционной «посылкой» в конце, возможно, является последняя строфа, отстоящая «на много лет» вперед после происходящих событий из первых строк, а в реальности совпадающая со временем написания стихотворения.

Важным моментом является неназванность города, будто скрытого от читателя. Если учесть указание на цикл «Ташкентские страницы», то загадки и нет (кроме существования цикла как такового), но сам текст оказывается свободным от имени города. Ахматова перебирает в памяти восточные города, как бы примеряет их вид, накладывает их образы на образ того единственного, где они идут со спутником:

То мог быть Стамбул или даже Багдад,
Но, увы! Не Варшава, не Ленинград, –
И горькое это несходство
Душило, как воздух сиротства.

(МС, 238)

Стамбул и Багдад – символы Востока, сохранившие свою целостность в годы войны, и им противоположны европейские Варшава и Ленинград, оказавшиеся под обстрелом немецких бомбардировщиков, – города, хрупкость и беззащитность которых подчеркнута этой антитезой. Если вспомнить ранний вариант стихотворения, то там нет Варшавы и Стамбула, но есть Каир. А Ленинграду дается балладное определение «призрачный». Город-тень сопровождает героев в их ночной прогулке. В окончательном варианте перед названием города стоит отрицание: «частица не перед словом Ленинград оказывается на ритмически сильном месте. Ахматова весьма тонким способом дает ощутить “призрачность” Ленинграда».¹⁸

Свойственное вообще Ахматовой чувство сиротства в данном тексте приобретает вселенский масштаб: прогулка поляка и русской, на время лишенных родины, под чужим азиатским небом, «сквозь дымную песнь и полуночный зной», оказывается не одинокой: «... чудилось: рядом шагают века».

Звук шагов умножен: прошлое ведет за собой настоящее и будущее. Лирическая героиня и ее спутник погружаются в таинственный мир чужого города, этот мир фантастичен, как будто бы только что создан («Мы были с тобою в таинственной мгле, / Как будто бы шли по ничейной земле...» (МС, 239)), и впервые по нему ступает нога человека. Прогулка напоминает появление в райском саду Адама и Евы, герои стихотворения исследуют неизвестный им прежде, новый для людей мир.

«Зловещая тьма», в которую погружены герои в начале текста, постепенно преобразуется в «таинственную мглу» под «созвездием Змея». Сначала призрак-Ленинград (если учитывать вариант 1961 года), потом века, также уподобленные призракам-теням, следующие за героями в «таинственной мгле», – все это черты романтической баллады. В «Людмиле» В. А. Жуковского тени сопровождают мертвеца и его возлюбленную в полночь:

Слышат шорох тихих теней:
В час полуночных видений,
В дыме облака, толпой,
Прах оставя гробовой
С поздним месяца восходом,
Легким, светлым хороводом
В цепь воздушную свились;
Вот за ними понеслись;
Вот поют воздушны лики:
Будто в листьях повилики
Вьется легкий ветерок;
Будто плещет ручеек.¹⁹

В «ночном» тексте Ахматовой вместо плещущего ручейка – «бормочущие арыки». И так же, как и у Жуковского, тьма неожиданно проясняется от сияния месяца:

... месяц алмазной фелукой
Вдруг выплыл над встречей-разлукой.
(МС, 239)

«Любимая Гумилевым арабская “вырезная фелука” превращается в призрачный воздушный корабль (“Взоры в розовых туманах / Мысль далеко уведут, / И из стран обетованных / Нам незримые фелуки / За тобою приплывут”»)²⁰ Даже такой ориентальный мотив, казалось бы, введенный в стихотворение ради рифмовки с восточным пространством, в котором находятся герои, имеет балладный подтекст: «незримые фелуки» из гумилевского «Носорога» напоминают знаменитую балладу Цейдлица-Лермонтова «Воздушный корабль».

Прогулка по ночному городу похожа на шествие, но именно «шествие теней», как в «Летнем саде»: мир движется, открывая в каждой строке новый мистический мотив – призраки (Ленинград, века) «шагают рядом», как и в «Людмиле» Жуковского, отовсюду слышатся звуки – «свое бормотали арыки», «в бубен незримая била рука, / И звуки, как тайные знаки... / ...кружились во мраке» (МС, 238). Вместо диалогов, характерных для жанра баллады и часто используемых Ахматовой в ранней лирике, прямая речь в стихотворении превращается в метафору самой себя – мир вокруг героев говорит и поет.

Т. Венцлова указывает на запах гвоздик как символ смерти («ср. отброшенный вариант «И черные пахли гвоздики...») и воплощение иного мира – Азии.²¹ Для Ахматовой гвоздики связаны и с О. Мандельштамом:

О, как пряно дыханье гвоздики,
Мне когда-то приснившейся там, –
Это кружатся Эвридики,
Бык Европу везет по волнам.
(МС, 245)

«Ташкентские страницы», обращенные к Чапскому (или Козловскому), подспудно говорят и о Мандельштаме. Т. Венцлова возводит стихотворение Ахматовой к перевернутому мифу об Орфее и Эвридике, где лирическая героиня воплощает роль Орфея, а ее спутник – Эвридику, спасаемую из тьмы Аида.²²

Аналогия с Мандельштамом подчеркивает балладный подтекст стихотворения: воспоминание о трагически погибшем поэте наделяет Ахматову властью над иным миром, миром смерти. Мандельштамовский Ленинград представляется городом, куда вернулся балладный мертвец, но вместо живых он видит мертвый город: «У меня еще есть адреса, / По которым найду мертвецов голоса. / Я на лестнице черной живу, и в висок / Ударяет мне вырванный с мясом звонок...».²³ Фоном прогулки по Ташкенту, описанной в 1959 году, становится призрачный Ленинград. Традиционная для романтической баллады подмена одного мира другим выступает в стихотворении как специально созданная авторская ловушка.

Героя, «сошедшего с ума», увлеченного внезапной любовью, в мертвый мир ведет призрачная героиня – вглубь «зловещей тьмы», «сквозь город чужой», погружая «в таинственную мглу». Их сопровождают века и города, от имен которых отказываются, которые употреблены в сослагательном наклонении, странный путь напоен странной музыкой – бормотанием арыков и материализованными звуками.

Косвенной отсылкой к «Людмиле» Жуковского может быть и польское происхождение Чапского – чужестранца (в начале баллады Людмила сетует: «С чужеземною красою. / Знать, в далекой стороне / Изменил, неверный, мне...»²⁴), а Литва, где похоронен жених Людмилы, «край чужой», как акцентирует поэт, перекликается одновременно с Польшей и с Ташкентом, названным Ахматовой «городом чужим» (инверсия в стихотворении сохраняется).

Кроме того, именно в Ташкенте весной 1942 года Ахматова сделала свой первый в жизни перевод. Это были стихи польского поэта С. Балинского «Варшавская колыда 1939 года». «Услышала она “Колыду” – по-польски и в подстрочном переводе – из уст... Чапского».²⁵ Обращение Ахматовой к переводческому творчеству как будто повернуло ее и к замечательным переводным балладам Жуковского (в частности, к «Людмиле» как ранней вариации «Леноры» Бюргера), и поэтому, быть может, «В ту ночь мы сошли друг от друга с ума...» несет в себе след его мистических строк.

Балладный мир творится Ахматовой на первозданной земле, далекое созвездие Змея, создающее пространственную вертикаль и бесконечность, открывает поистине новый мир, «ничейную землю».

«Дымная песнь» напоминает «Песнь Песней» Соломона, подчеркивая единственность и невозвратимость этой прогулки вне времени и реальности: анафорические «и» в начале строк подчеркивают Библейскую интонацию.

Как и в любой балладе, встреча героев длится только одну ночь: путь к могиле должен быть завершен до рассвета. Так и у Ахматовой прогулка обозначена как «встреча-разлука». Одно понятие вмещает в себя другое, они неразделимы.

В последней строфе время и пространство отодвинуты от основного действия в будущее, более того, хронотоп переворачивается, и оказывается, что все, описанное в первых пяти строфах, – это далекое прошлое, а сама прогулка – воспоминание о необыкновенной встрече в чужом городе. Балладный топос оказывается литературно осмысленным, реверсируется, отодвигается на много лет назад. Но новый поворот заставляет увидеть текст в духе неожиданного финала Жуковского в «Светлане»: фантастическое приключение оборачивается страшным сном. У Ахматовой нет четко заданной границы: возможно, все описанное приснилось героине, либо же воспоминание об этой прогулке породило новый сон. Причем, как в балладе Лермонтова «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана...»), Ахматова создает рамочный эффект сюжета в сюжете:

И если вернется та ночь и к тебе
 В твоей для меня непонятной судьбе,
 Ты знай, что приснилась кому-то
 Священная эта минута.

(МС, 239)

Внутри сна автора в деталях расцветает сон о прогулке лирической героини, рядом с этим сном упоминается возможный сон героя о той же прогулке («если вернется *та* ночь и к тебе»), а затем полунамеком («приснилась *кому-то*») все возвращается снова к лирической героине и автору. Круг замыкается, и читатель вновь слышит бормотание арыков и запах гвоздик. Прогулка повторяется, как нечто бывшее и нечто приснившееся, невозможное и сложенное из лепестков времени и обрывков воспоминаний. «Претворением мгновенного в вечное»²⁶ назвал Ю. Щеглов свойство Ахматовой так ощущать мир.

Может быть, в этом и состоит секрет неповторимых баллад Ахматовой, в которых привычные черты жанра образуют свою собственную лирическую сюжетность.

¹ См. об этом: *Пахарева Т. А.* Акмеистические тенденции в русской поэзии последних десятилетий XX – начала XXI в.: Дис... д-ра филол. наук. Киев, 2005. С. 81–93.

² Там же. С. 163.

³ Там же. С. 374.

⁴ *Ачаир А.* Мне кто-то бесконечно дорог... Стихотворения. М., 2009. С. 324.

⁵ *Лермонтов М. Ю.* Полн. собр. соч. В 10 т. Т. 2. М., 2000. С. 50.

⁶ *Ахматова А. А.* Малое собр. соч. СПб., 2016. С. 49. Далее ссылки на это издание по тексту (МС) с указанием страницы.

⁷ *Ачаир А.* Указ. соч. С. 324.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ *Ахматова А. А.* Собр. соч. В 6 т. Т. 2. В 2 кн. Кн. 1. М., 1999. С. 157.

¹¹ *Ачаир А.* Указ. соч. С. 324.

¹² Там же. С. 300.

¹³ *Эйхенбаум Б. М.* Анна Ахматова // Эйхенбаум Б. М. О прозе. О поэзии. Л., 1986. С. 413.

¹⁴ *Венцлова Т.* Собеседники на пиру: Литературоведческие работы. М., 2012. С. 582.

¹⁵ *Хейт А.* Анна Ахматова. Поэтическое странствие. Дневники, воспоминания, письма А. Ахматовой. М., 1991. С. 142.

¹⁶ *Чапский Ю.* Встречи с Ахматовой в Ташкенте // Анна Ахматова: pro et contra. Т. 2. СПб., 2005. С. 690.

¹⁷ *Венцлова Т.* Указ. соч. С. 577.

¹⁸ Там же. С. 586.

¹⁹ *Жуковский В. А.* Полное собр. соч. и писем. В 20 т. Т. 3. М., 2008. С. 14.

²⁰ *Тименчик Р. Д.* Последний поэт. Анна Ахматова в 60-е годы. Т. 1. М., 2014. С. 195.

²¹ См.: *Венцлова Т.* Указ. соч. С. 584.

²² Там же. С. 590.

²³ *Мандельштам О. Э.* Собр. соч. В 4 т. Т. 3. М., 1994. С. 43.

²⁴ *Жуковский В. А.* Указ. соч. С. 9.

²⁵ *Рубинчик О. Е.* Анна Ахматова и ее время. М., 2018. С. 68.

²⁶ *Щеглов Ю. К.* Черты поэтического мира Ахматовой // *Жолковский А. К., Щеглов Ю. К.* Работы по поэтике выразительности: Инварианты – Тема – Приемы – Текст. М., 1996. С. 280.

П. Поберезкина

Киев (Украина)

**«Откуда музыка у нас?»
(Анна Ахматова и Давид Самойлов)**

Тема «Ахматова и Самойлов» ждет комплексного исследования, и в год 130-летия одного из участников диалога и в преддверии 100-летия другого уместно обратиться к занятию, сопровождающему литературные юбилеи: научной инвентаризации источников.

Биографически их общение документировано дневниковыми записями обоих собеседников¹ и их знакомых (в первую очередь – Л. К. Чуковской²). Указанные сведения отразились в «Летописи жизни и творчества Анны Ахматовой»,³ однако не все факты были охвачены. Например, встреча 14 марта 1960 года, зафиксированная Г. В. Глекиным: «До меня у Ан<ны> Андр<еевны> был поэт Самойлов и читал свои стихи. Ан<на> Андр<еевна> сказала: “Стихи хорошие, но только современные стихи – все как-то превращаются в какие-то рассказы, а не стихи. Как с этим бороться... Рассказы с завязкой, фабулой и заключением!”».⁴ Точность свидетельства Глекина подтверждается словами Самойлова об Ахматовой: «Анна Андреевна корила меня за пристрастие к сюжету. Я не вполне понимал – в чем дело. Теперь понимаю. Для нее сюжет – лишнее расстояние от дыхания до стиха» (дневниковая запись от 18 марта 1977 года);⁵ «Вообще же несколько раз корила за приверженность к сюжету. Ей сюжет в стихах не был нужен. Да и правда, сюжет в стихах – не самая высокая форма построения. Я много об этом думал. Но, видимо, у меня не столько приверженность к сюжету, сколько стремление к драматургии» (мемуарный очерк «Анна Андреевна»).⁶

Даты встреч также закреплены в надписях на книгах. Инскрипт Ахматовой на подаренном сборнике 1961 года⁷ известен нам в передаче Самойлова: «Д. Самойлову в память московских встреч и бесед. Анна Ахматова. 17 июля. Ордынка».⁸ Сложнее обстоят дела со сборником Самойлова,⁹ подаренным им Ахматовой 29 ноября 1963 года, как свидетельствует дневниковая запись: «Анна Андре-

евна у Западовых. Прихварывает. Отвез ей книгу. Разговаривали часа три».¹⁰ К сожалению, мы не располагаем сведениями ни о наличии инскрипта, ни о местонахождении самого сборника.

За полгода до вручения книги, 4 июня 1963 года, Самойлов подарил Ахматовой стихотворение «Учусь у вас достоинству и трудной...»: «Был у Анны Андреевны на Ордынке. Как всегда приняла меня ласково и обрадовалась стихам, посвященным ей».¹¹ Ранее, в 1961 году, он преподнес ей стихотворение «Я вышел ночью на Ордынку...». 20 октября 1963 года Ахматова прочла Чуковской посвященные ей стихи Самойлова,¹² а в конце января 1964 года включила его в перечень авторов поэтических мадригалов для планировавшегося «Устного альманаха».¹³ Подаренные Ахматовой автографы сохранились в ее личном архивном фонде:

Я вышел ночью на Ордынку,
Играла скрипка под сурдинку.
Откуда скрипка в этот час –
Далеко за полночь, далеко
От Запада и от Востока –
Откуда музыка у нас?

*Д. Самойлов.*¹⁴

Анне Андреевне Ахматовой

Учусь у вас достоинству и трудной
Науке быть всегда самим собой.
Ни гул молвы, ни славы голос трубный
Не правят вашей медленной судьбой.

И где-то там, в подкожных ваших соках
Течет печаль и мудрость разлита.
И трудно вам дышать азотом кратких сроков
И пылью типографского шрифта.

Но все равно, какое это благо –
Когда последний сломан карандаш,
Когда молчит перо, безмолвствует бумага
И слышен только вещий шепот ваш...

Д. Самойлов.

*Май 1963.*¹⁵

Рукописные тексты имеют небольшие разночтения (помимо пунктуационных) с опубликованными. В первом стихотворении – «от Востока», как в сборнике «Дни»,¹⁶ вместо «до востока», как в «Избранных произведениях».¹⁷ Во втором, в последней строфе, – «все равно» вместо «все-таки» и «слышен только» вместо «только слышен». Между тем, в комментированном издании стихов Самойлова ни данные списки, ни ранний авторский вариант «от востока» не учтены.¹⁸

Поэтические мадригалы нуждаются также в библиографической инвентаризации. В разном составе они воспроизводились в подборках стихов, посвященных Ахматовой, из которых в библиографии Самойлова учтена одна,¹⁹ причем в общем, не расписанном по авторам, приложении.²⁰ Не отражены московские прижизненные публикации стихотворения «Я вышел ночью на Ордынку...».²¹ Также в указателе отсутствуют более поздние, посмертные, перепечатки.²²

Стихи Самойлова, посвященные Ахматовой, предсказуемо стали ядром ахматовского цитатного слоя в его творчестве. Отвечая в феврале 1986 года на ахматовскую анкету Е. М. Ольшанской, он выделил следующие: «“Смерть поэта”, “Я вышел ночью на Ордынку”, еще 2–3».²³ Отметим, что даже в названных стихотворениях, начинающихся с личного местоимения «я», оно превращается в «мы»: «Я вышел ночью на Ордынку. <...> Откуда музыка у нас?»; «Я не знал в этот вечер в деревне <...> Те, которыми нас одаряли» (см. также: «Простое величье я видел однажды / В Ахматовой Анне Андревне. <...> В пристанище дружеском, подле нас»). Собеседники Ахматовой неоднократно фиксировали, что она считала Самойлова одним из наиболее ярких представителей поэтического поколения 1960-х годов: «Потом о стихах Тарковского, Корнилова, Самойлова, Липкина:

– Вот это и будет впоследствии именоваться “русская поэзия шестидесятых годов”» (запись Л. К. Чуковской от 28 сентября 1962 года);²⁴ «Спрашиваю, кто из современных поэтов в стране ей нравится.

– Вот московский поэт Давид Самойлов. Жаль, что он передержался в переводчиках» (запись Н. Л. Готхарта от 16 августа 1963 года);²⁵ «Говоря о современной нам поэзии, Анна Андреевна – с небольшими вариантами – нередко повторяла один и тот же набор

имен тех, кого считала самыми одаренными: Петровых, Тарковский, Самойлов, Корнилов»;²⁶ «Лучшие московские поэты, по мнению Анны Ахматовой, это Семен Липкин, известный нам только как переводчик, Арсений Андреевич <так!> Тарковский (отец молодого кинорежиссера), Самойлов и кто-то еще четвертый. Владимир Корнилов, автор поэмы “шоферы” <так!> (“Тарусские страницы”)) (московские литературные новости в записи Р. Г. Назирова от 29 сентября 1964 года);²⁷ «Уже после ее смерти мне передавали, что когда она лежала в больнице в Москве, она говорила моему брату В. И. Ф. и его другу Дмитрию Васильевичу Сеземану, которые пришли навестить ее, что “сейчас у нас два поэта – Гитович и Самойлов”» (воспоминания С. С. Гитович, кузины В. И. Финкельштейна).²⁸

Эта же мысль была высказана Ахматовой в опубликованной в 1965 году беседе с Е. И. Осетровым (также не учтенной в библиографии Самойлова): «Анна Андреевна, в частности, считает, что если мы обратимся к творчеству поэтов военного поколения, поэтов сложной творческой судьбы, то увидим среди них крупных художников. <...> Из тех, чьи стихи заметно выделяются в последние годы, хочется назвать Коржавина, Аллу Ахундову и Самойлова...».²⁹

Самойлов записал в дневнике 1 октября 1962 года: «Ахматова сказала Юле: “Поэзия 60-х годов – это Тарковский и Самойлов”. Слова эти подтвердили Лидия Корнеевна и Петровых».³⁰ 17 декабря того же года: «Попросила меня читать стихи. Сказала задумчиво фразу, которую я слышал от других: “Вот это и есть поэзия 60-х годов двадцатого века. Но пока все это еще закрыто на переучет...”».³¹

В поэтическом диалоге с Ахматовой Самойлов говорит от лица поколения³² – например, в стихотворении «Вот и все. Смежили очи гении...» (1967) и «Стансах» (1977–1978). В «Стансах» («Пойдем за старухой суровой, / Открывшей торжественный путь»), по нашему мнению, слышен отзвук посвященного Ахматовой стихотворения «друга и соперника» Самойлова Б. А. Слуцкого:

Я с той старухой хладновежлив был:
знал недостатки, уважал достоинства,
особенно, спокойное достоинство,
морозный, ледовитый пыл.
<...>

Я путь не принимал, но это был
путь. При почти всеобщем бездорожье
он был оплачен многого дороже.
И я ценил холодный грустный пыл.

Центральная для «Стансов» тема подражания и оригинальности,³³ взаимодействия с предшествующей поэтической традицией звучала у Самойлова и ранее: «Возвратимся вновь к извечной теме / И узнаешь, что тебе дано» («Современность, прущая на рожон...», 1964). Ср.:

Начнем с подражанья. Ведь позже
Придется узнать все равно,
На что мы похожи и гожи
И что нам от Бога дано.

Позднее, в стихотворении «Стояла осень. Воздух чист...» (1981), она решена с позиции не хрестоматийного – и, безусловно, подразумеваемого – текста Е. А. Баратынского «Не подражай: своеобразен гений...», но ахматовского отклика на него 1956 года «Не повторяй – душа твоя богата...» («Но, может быть, поэзия сама – / Одна великолепная цитата»): «Я не боялся подражанья. <...> Мой друг, не бойся повторять. / Поэзия – дитя повтора». От ахматовской «Музы» 1960 года («Жестче, чем лихорадка, оттреплет, / И опять весь год ни гугу»), возможно, идет черед просторечных слов («Зато не с налету, не сдуру, / Не с маху и не на фу-фу») при раскрытии «классической» темы судьбы поэта в «Стансах».

В стихотворении «Вот и все. Смежили очи гении...» и «Стансах» хрестоматийными реминисценциями из пушкинского «Евгения Онегина» («говорим и вяло и темно»)³⁴ и лермонтовской «Смерти Поэта» («Судьба коренного поэта, / Приявшего славный венец. / Терновый, а может, лавровый») введена тема гибели поэта: по словам А. С. Немзера, «явных лермонтовских реминисценций у Самойлова немного, но заглавная формула его реквиема Пушкину и мотив посмертного освобожденного бытия постоянно пульсируют в соймовских рефлексиях о бессмертии поэта и поэзии».³⁵ В более раннем стихотворении, озаглавленном «Смерть поэта» и датированном 27 марта 1966 года, Самойлов напрямую подключается к этому квази-

жанру русской литературы. Отмечая обращение к поэтической традиции от Г. Р. Державина до Ахматовой,³⁶ исследователи игнорируют тот факт, что и Ахматова апеллировала к ней: «Снегирь» был одним из наиболее значимых для Ахматовой державинских произведений;³⁷ Дарьял, прочно связанный с М. Ю. Лермонтовым, упомянут в стихотворении 1936 года «Борис Пастернак», а отклик на его кончину «Умолк вчера неповторимый голос...» (1960) опубликован под названием «Смерть поэта». Текст Самойлова содержит множество ахматовских цитат и реминисценций: строки «Стать туманом, птицей, звездой, / Иль в степи полосатой верстою / Суждено не любому из нас» отсылают не только к отмеченному исследователями образу «полосатой версты», или «Верстового Столпа», в «Поэме без Героя» (метафоре «Поэта вообще, Поэта с большой буквы»),³⁸ но и к стихотворению «Но я предупреждаю вас...» (1940). «Десять раз заплатила сполна» тоже перекликается с «Поэмой без Героя»: «За тебя я заплатила / Чистоганом, / Ровно десять лет ходила / Под наганом». Наконец, «все ступени беззвучного ада» недвусмысленно апеллируют к Данте и многократным ахматовским обращениям к «Божественной комедии».

По предположению Р. Д. Тименчика, в самойловской «Смерти поэта» мог отразиться и «Снегирь» (1946) Александра Коваленкова – с тем же эпитафием из Державина и сходным финалом: «И прищится ширь, / Где сидит на придорожной вехе / Зоревой суворовский снегирь». Насколько можно судить по дневниковой записи 23 мая 1957 года,³⁹ Коваленков не был близок Самойлову, однако «Снегирь» стал самым известным его произведением. Он перепечатан в московском сборнике 1961 года «Мое лучшее стихотворение», где помещено «Его слово» (1950) Самойлова,⁴⁰ и даже на обложке 2-го издания книги Коваленкова «Ясный день» (1958) изображен снегирь.

В творческом диалоге Самойлова и Ахматовой все ее реплики, кроме инскрипта, – устные: некоторые из них были записаны самим Самойловым. Реплики Самойлова – не только устные, но и письменные: поэтические и прозаические. Продолжая диалог после ухода старшей собеседницы, он переплавлял прижизненные разговоры в свои стихи и достраивал ее партию цитатами из ее стихов (подобный способ построения кажется в чем-то сходным с «блоковским» текстом Ахматовой, подробно проанализированным В. Н. Топоровым⁴¹):

Меня Анна Андревна Ахматова
За пристрастье к сюжетам корила.
Избегать бы сюжета проклятого
И писать – как она говорила.

А я целую кучу сюжетов
Наваял. И пристрастен к сюжетам.
О, какое быть счастье поэтом!
Никогда не пробиться в поэты.

1972

Ах, наверное, Анна Андревна,
Вы вовсе не правы.
Не из сора рождаются стихи,
А из горькой отравы,
А из горькой и жгучей,
Которая корчит и травит.
И погубит.

И только травинку
Для строчки оставит.

1985

В первом стихотворении проблема сюжета в лирическом произведении, обсуждавшаяся в личных разговорах, перерастает в «вечную» тему поэта. Вслед за Ахматовой, не признававшей слова «поэтесса», Самойлов и в стихах, и в прозе называет ее «поэтом» – «дивное дело поэта», «кончина поэта», «поэта смежаются веки» в «Смерти поэта»; «коренной поэт» в «Стансах»; «последний великий поэт» в очерке «Анна Андреевна»: «Ее никто не называл поэтессой. Она – Поэт».⁴² Это противопоставление лежит в основе стихотворения «Надоели поэтессы...» (1982), которое А. С. Немзер сближает с дневниковой записью от 14 декабря 1977 года: «Имена целого поколения русских поэтесс – Белла, Новелла, Юнна, – дают представление о среде, из которой они вышли, и о том, почему они более или менее – ломачи».⁴³ И Ахматова, и Самойлов публиковались под псевдонимом; у обоих он появился по внешним причинам, и оба использовали родовые антропонимы. В такой трактовке литературных имен Самойлов был солидарен с Ахматовой, которая свела счеты с квазиоднофамилицей в «Прологе», выведя ее под именем Бэллы Гуталиновой (Гусаковой).⁴⁴

Стихотворение «Ах, наверное, Анна Андревна...» Самойлов включил в лирический цикл «Беатриче». Введение имени Ахматовой в текст позволяет в строках «Мир полон призраков, как Лысая гора. <...> Она томит, как ярость, злость и месть» («Она») предположить отсылку к «Из логова змиева» (1911) Н. С. Гумилева:⁴⁵ «Снеси-ка истому ты / В Днепровские омуты, / На грешную Лысую гору». Упоминание Ахматовой в дантовском контексте, возможно, было подсказано не только ее «Эпиграммой» («Могла ли Биче словно Дант творить...», 1957), но и ее образом в поэзии современников, в частности О. Э. Мандельштама – «Кто скажет, что гитане гибкой / Все муки ада суждены?» («Черты лица искажены...», 1913) – и Н. А. Клюева: «Ахматова – жасминный куст, / Обожженный асфальтом серым, / Тропу утратила ль к пещерам, / Где Данте шел и воздух густ, / И нимфа лен прядет хрустальный?» («Клеветникам искусства», 1932). В первом стихе, построенном как анаграмма («наверное» – «Андревна»), «Ах» означает «Ахматова», тоже с опорой на мадригальную традицию: «Ах, матовый ангел на льду голубом! / Ахматовой Анне пишу я в альбом!» В. В. Гиппиуса и «И мы шарахаемся, и глухое: ох! – / Стотысячное – тебе присягает, – Анна / Ахматова! – Это имя – огромный вздох, / И в глубь он падает, которая безымянна» («О муза плача, прекраснейшая из муз!...», 1916) М. И. Цветаевой. Мотив рождения стихов «не из сора» повторяется в цикле: «Но слово – нет! – не сорная трава» («В меня ты бросишь грешные слова...»); ср. образ «слова, смешанного с сором» в стихотворении 1975 года «Мой милый чтец!.. Ну что за слово!..», где строка «Но тут смолкает вещий голос» перекликалась с ахматовским «Тут мой голос смолкает вещий» («Петербург в 1913 году», 1961).⁴⁶ Нельзя исключить, что, цитируя «Мне ни к чему одические рати...» (1940), Самойлов знал авторский вариант: «И стих уже звучит, задорен, нежен, / На радость вам и на мученье мне». Обрыв жизни графически передан обрывом строки «И погубит»,⁴⁷ как ранее в стихотворении «Примеряться к вечным временам...» (1981): «Легче жить. Труднее умирать / Почему-то». Но так же и в поэзии Ахматовой «оборванный стих часто несет тему удушья», а половинная строка «Ну что ж! попробую» («Памяти В. С. Срезневской», 1964) «иконически, диаграмматически воплощает мысль стихотворения “Души отъяли половину”»⁴⁸ (напомним, что эту усеченную строку Самойлов взял эпиграфом к

третьей части поэмы «Юлий Кломпус», 1979).⁴⁹ Финал стихотворения из цикла «Беатриче» созвучен ахматовскому мотиву жизни после конца – например, в «Мартовской элегии» (1960): «И казалось, что после конца / Никогда ничего не бывает... / Кто же бродит опять у крыльца / И по имени нас окликает?»

В рамках триады «Самойлов–Ахматова–Данте» можно интерпретировать парадоксальное определение поэзии, данное в 1981 году:

Поэзия должна быть странной,
Шальной, бессмысленной, туманной
И вместе ясной, как стекло,
И всем понятной, как тепло.

Мотив странных стихов развивался в творчестве Самойлова с конца 1950-х годов: «Это странное стихотворенье / Посвящается нам с тобою» («Белые стихи (Рембо в Париже)», между 1957 и 1959); «Жил в Ленинграде странный малый <...> Читая странные баллады, / Мы не угадывали в нем / Провидца будущей блокады, / Что приближалась день за днем» («Памяти А. Р.», 1961); «Вдруг странный стих во мне родится...» (1975); «И зачем же тогда в этом городе мы, / Сочинители странных поэм?» («Я люблю ощущение ушедших годов...», 1976);⁵⁰ «Доверься велению сердца, / Внезапной и странной строке» («Назначенье», 1984–1985). «Странным» предстает и само стихотворчество: «Да, я холодею и надо неметь. / Но, Боже, ведь быть не могу бессловесен. / Ведь ты мне вручил колокольную медь, / И пенье, и странную надобность песен» («Хотел бы я жить, как люблю и умею...», 1970); «Престранная наша профессия – / Стихи сочинять на ходу <...> Престранная наша профессия – / Гуляючи мыслить стихи...» («Престранная наша профессия...», 1980). В главе о рифмах А. С. Пушкина Самойлов акцентировал «странность рифмы» и образ «прислужницы странной».⁵¹ Языковой парой странных стихов становится страдание: «Какую страждущую строчку / Он дописать уже не мог?» («Памяти А. Р.»); «Суровое счастье страданий / Вдали от дотошной толпы» («Назначенье»); см. также стихотворение «Что за странная забота...» (1981): «Что за странность все же это / Состраданье!» Понимание поэзии как «странной <...> и вместе ясной» близко ахматовскому:

От странной лирики, где каждый шаг – секрет,
Где пропасти налево и направо,
Где под ногой, как лист увядший, слава,
По-видимому, мне спасенья нет.

1944

(Спустя 15 лет в «Читателе»: «Чтоб быть современнику ясным, / Весь настежь распахнут поэт»). Как указывалось,⁵² этот образ восходит к «Божественной комедии» Данте – «*versi strani*» (*Inferno IX*, v. 63) – и сохранен в переводе М. Л. Лозинского: «О вы, разумные, взгляните сами, / И всякий наставленья да поймет, / Сокрытое под странными стихами!»)

Е. Э. Фетисова отмечает, что «уже в стихотворении “Дневник” (1979) Д. Самойлова Ад и Рай персонажно маркированы: человеческая жизнь предстает в образе дневника, а лирический герой – странствующим Данте, путешествующим по глубинам мироздания: “Листаю жизнь свою, / Где говорю шутейно / И с залетейской тенью, / И с ангелом в раю”». ⁵³ «Залетейская тень» – цитата из «Надписи на книге “Тростник”» (1940) Ахматовой,⁵⁴ а рефрен «Листаю жизнь свою» восходит, по нашему мнению, к пушкинскому «Воспоминанию»: «И с отвращением читая жизнь мою...». Стихотворение Самойлова противоположно пушкинскому по тональности («И в ус себе не дую»; «Счастливый по природе / При всяческой погоде»; «Где говорю шутейно»), однако в финале собеседниками лирического героя оказываются «залетейская тень» и «ангел в раю», подобно пушкинскому «Две тени милые, – два данные судьбой / Мне ангела во дни былые». «Надпись на книге “Тростник”», ориентированная жанром и фразеологией на русскую поэзию первой половины XIX века,⁵⁵ содержит пушкинские и дантовские подтексты.⁵⁶ Самойловский «Дневник», возможно, тоже апеллирует одновременно к пушкинским и дантовским мотивам в сочетании с ахматовской образностью.

И для Ахматовой, и для Самойлова характерно превращение поэтического диалога в полилог: «Чудится мне на воздушных путях / Двух голосов переключка. / Двух? А еще...» (Ахматова, «Нас четверо», 1961). Нередко третьим голосом звучал Пушкин, занимавший особое место в творческом мире обоих собеседников и бывший

темой их разговоров.⁵⁷ В стихотворении «Теперь уже знаю...» (1970) вторая строка «Стихи потекут» является цитатой из хрестоматийной «Осени» («Минута – и стихи свободно потекут»),⁵⁸ а третья «И целую стаю» – паронимической аллюзией на «Белую стаю»: «И стихов моих белая стая» («Я не знаю, ты жив или умер...», 1915). От русской лирики XIX и XX веков поэтический язык ведет к еще более глубоким церковнославянским пластам – «Моей нарекут. / Сего не преложишь, / Как сказано встарь» – и стилистическому контрасту в финале: «Пиши, пока можешь, / Несчастливая тварь!» Тварь противопоставлена творцу, и один из ее постоянных эпитетов – «бессловесная».

Однако представляется важным отделить влияния и сознательные реминисценции от возможных совпадений и общепозитических формул (два примера подобного сходства зафиксированы в записях Чуковской: «О, встреча, что разлуки тяжелее!...» («О, горе мне! Они тебя сожгли...») Ахматовой и «Возвращенье трудней, чем разлуки» («Рубежи», 1954–1959) Самойлова, а также «Царскосельская ода» и «Чайная»).⁵⁹ Нам трудно согласиться с А. Н. Трещачко, что заглавие поэмы «Старый Дон-Жуан» – «прямая цитата»⁶⁰ из ахматовского стихотворения «Гости» (1943), а внутреннюю рифму у Самойлова следует сопоставлять именно с поэзией Ахматовой.⁶¹ В связи с историей рифмы подробнее остановимся на стихотворении «Пестель, поэт и Анна» (1965), которое Ахматова слышала от автора (запись в дневнике Самойлова 10 июля 1965 года: «Читал ей Пестеля. – В этом много сказано. Впрочем, это вам дано»).⁶² В. В. Мусатов полагал, что в данном произведении «“предметы разговора” срифмованы очень беспорядочно, как бы случайно: “Ликург–Петербург”, “Данте–Ипсиланти”. Эта случайность, беспорядочность, беглость противопоставлена выделенности “любви”». ⁶³ Между тем, обе названные рифмы построены по одному принципу: всемирная история и культура и реальность пушкинской эпохи. Разнородные в языковом и культурном отношении члены рифмопары объединены образом Пушкина. При этом рифма «Данте–Ипсиланти», по-видимому, уникальна не только в русской, но и в мировой поэзии, а рифмопара «Ликург–Петербург» (во всех падежах) является редкой и ведет свою историю, возможно, со стихотворения П. А. Вяземского «Я Петербурга не люблю...», сохранившегося в бумагах Пушкина. На наш взгляд, отмечая независимость появления рифмы у Самойлова и Вяземского,

А. С. Немзер чрезмерно абсолютизирует ахматовское присутствие в «Пестеле, поэте и Анне». ⁶⁴ Ликург и Солон упоминаются не исключительно в «Поэме без Героя» («Ты железные пишешь законы, / Хаммураби, ликурги, солоны / У тебя поучиться должны»), но и в литературе о декабристах – например, «Лепарском» М. О. Цетлина (Амари) из цикла «В Сибири»:

Пусть читают их там, в Петербурге,
Бенкендорфы, Солоны, Ликурги,
Все завесят сибирские пурги,
Перед совестью буду я прав»... ⁶⁵

Слушая строки «Говорили о Ликурге, / И о Солоне, и о Петербурге», Ахматова могла вспомнить не только «Поэму», которую знал Самойлов, но и вряд ли ему известный набросок декабря 1959 года «И отнять у них невозможно...»:

...поэта убили
Николай правей, чем Ликург
Через столетие получили
Имя – Пушкинский Петербург

Стихотворение Вяземского было опубликовано уже после смерти Ахматовой, однако ранее упоминалось в сборнике «Рукою Пушкина», ⁶⁶ для которого она перевела английские тексты, так что знакомство Ахматовой с ним кажется вполне возможным.

В посмертном диалоге с Ахматовой о предназначении поэта Самойлов возвращается не только к устным разговорам с ней и ее творчеству, но и к собственным стихам, ей посвященным:

Гул событий и шум
Заглушить могут снова
Шелест медленных дум,
Шепот вещего слова.

Процитированная строфа из стихотворения «Пусть все будет как есть...» (1980) перекликается с мотивами и образами «Учусь у вас достоинству и трудной...»: «гул молвы», «медленная судьба», «вещий шепот».

На вопрос Ольшанской «Оказала ли Ахматова влияние на Ваше творчество?» Самойлов ответил: «Оказывала с 60^х годов». ⁶⁷ Диалог, начатый при жизни старшей собеседницы, длился до самой кончины младшего – в его стихах, прозе и дневниках, где реальные реплики достраивались литературными аллюзиями. Ахматовские цитаты и реминисценции в творчестве Самойлова до сих пор не исследованы комплексно, однако очевидно, что они группируются вокруг темы поэта и поэзии. «Великая Ахматова», «гений» из другого поколения, чье дело «надо продолжать <...>, хотя это почти невозможно», ⁶⁸ воплотила единство и преемственность русской поэзии, начиная от Державина и Пушкина, и шире – мировой (Данте). В данной работе мы лишь обозначили некоторые пути развития творческого диалога, позволяющие, в конечном итоге, реконструировать и принципы построения собственного поэтического «я» Самойлова.

¹ Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / Сост. и подгот. текста К. Н. Суворовой; вступ. ст. Э. Г. Герштейн; науч. консультирование, вводные заметки к записным книжкам, указатели В. А. Черных. М.; Torino, 1996; *Самойлов Д. С.* Поденные записи. В 2 т. / Подгот. к публ. и сост. Г. Медведевой, А. Давыдова, Е. Наливайко; вступ. ст. Г. Ефремова; коммент. В. Тумаркина при участии М. Ефремовой. М., 2002.

² *Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой. В 3 т. Т. 2, 3. М., 1997.

³ *Черных В. А.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 2016.

⁴ *Глекин Г. В.* Что мне дано было... Об Анне Ахматовой / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. Н. Г. Гончаровой. М., 2015. С. 119.

⁵ *Самойлов Д. С.* Поденные записи. Т. 2. С. 284.

⁶ *Самойлов Д. С.* Памятные записки / Сост. Г. И. Медведева, А. С. Немзер; сопроводит. ст. А. С. Немзера. М., 2014. С. 501.

⁷ *Ахматова А.* Стихотворения (1909–1960) / Послесл. Ал. Суркова. М., 1961.

⁸ *Самойлов Д. С.* Памятные записки. С. 495. Год – 1961 вместо 1962 – уточнил В. А. Черных (*Черных В. А.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. С. 683). Невозможно предположить, что впоследствии Ахматова повторно написала Самойлову тот же сборник, поэтому инскрипт, датированный 31 декабря 1963 и проданный на аукционе № 179 «Редкие книги, автографы, фотографии, исторические бумаги, плакаты и открытки» аукционного дома «Литфонд» 25 сентября 2019, лот 313, – вероятно, поддельный. По нашему убеждению, не является подлинным и письмо Ахматовой Самойлову от 17 января 1964, сочиненное по мотивам его дневника (см.: *Самойлов Д. С.* Поденные записи. Т. 1. С. 349–350) и проданное тем же аукционным домом на аукционе «Автографы XX века. Аукцион на Красной площади» 4 июня 2019, лот 7. Помимо графических особенностей (например, начертания строчных букв «д», «з», «у»), Самойлов нигде не упомянул о письме, и подобные послания были совершенно не в стиле Ахматовой – как известно, предпочитавшей эпистолярному жанру телефон и телеграф, а в указанный день занятой переездом от А. В. и Г. Х. Западовых к Н. Л. Манухиной-Шенгели (см.: Записные книжки Анны Ахматовой. С. 424).

⁹ *Самойлов Д. С.* Второй перевал: Стихи. М., 1963. 123 с.

¹⁰ *Самойлов Д. С.* Поденные записи. Т. 1. С. 343.

¹¹ *Самойлов Д. С.* Поденные записи. Т. 1. С. 332. Позднее, в феврале 1979, Самойлов писал

об этом стихотворении Чуковской (*Самойлов Д. С., Чуковская Л. К.* Переписка: 1971–1990 / Вступ. ст. А. С. Немзера; коммент. и подгот. текста Г. И. Медведевой-Самойловой, Е. Ц. Чуковской, Ж. О. Хавкиной. М., 2004. С. 107).

¹² *Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 3. С. 94.

¹³ Записные книжки Анны Ахматовой. С. 426.

¹⁴ ОР РНБ, ф. 1073, ед. хр. 615, л. 1. На листе писчей бумаги черными чернилами. Под текстом стихотворения карандашная помета рукой Ахматовой: «1961 / Москва».

¹⁵ Там же, л. 2. На листе писчей бумаги черными чернилами. Под датой помета рукой Ахматовой: «Москва». Благодарим Н. И. Крайневу за возможность ознакомиться с автографами.

¹⁶ *Самойлов Д.* Дни: Стихи. М., 1970. С. 79.

¹⁷ *Самойлов Д.* Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. Стихотворения / Вступ. ст. И. Шайтанова. М., 1989. С. 150.

¹⁸ См.: *Самойлов Д. С.* Стихотворения / Вступ. ст. А. С. Немзера; сост., подгот. текста В. И. Тумаркина; примеч. А. С. Немзера и В. И. Тумаркина. СПб., 2006. С. 103, 481–482, 585, 665, 738.

¹⁹ *Самойлов Д.* Смерть поэта («Я не знал в этот вечер в деревне...») // Венок Ахматовой: Стихотворения / Сост. и предисл. Е. М. Голубовского, Л. Л. Сауленко. Одесса, 1989. С. 49–51. В предисловии: «Вчитываясь в пронзительные строки Арсения Тарковского, Давида Самойлова, Ярослава Смелякова, каждый из нас, наверное, ощущает непоправимость потери» (*Голубовский Е., Сауленко Л.* Поток стихов // Там же. С. 8).

²⁰ См.: Давид Самуилович Самойлов (1920–1990) / Сост. Т. В. Котова [при участии Н. П. Мирской, В. И. Тумаркина] // Русские писатели. Поэты (советский период). Т. 22. Н. Рыленков – М. Светлов. СПб., 1999. С. 426.

²¹ *Симаков Г.* «У Ардовых, на Ордынке» // Литературная Россия. 1986. № 11. 14 марта. С. 24; *Самойлов Д.* «Я вышел ночью на Ордынку...» // Полиграфия. 1989. № 5. С. 29; *Самойлов Д.* «Я вышел ночью на Ордынку...» // Поэтическое ожерелье: 100-летию со дня рождения А. А. Ахматовой посвящается / Вступ. ст., сост. и примеч. И. Н. и М. Н. Баженовых. (Библиотечка журнала «Полиграфия»). М., 1989. С. 72 (в примечании на с. 89 неверно указано время знакомства двух поэтов: «Самойлов Давид Самуилович (наст. фам. – Кауфман; род. в 1920 г.), поэт, переводчик, литературовед. Познакомился с Анной Ахматовой в начале 60-х годов в Москве»).

²² *Самойлов Д.* Смерть поэта («Я не знал в этот вечер в деревне...») // О, Муза плача...: Стихотворения, посвященные Анне Ахматовой / Сост., подгот. текстов и вступ. ст. И. Н. и М. Н. Баженовых. М., 1991. С. 107–110; *Самойлов Д.* «Простое величие я видел однажды...»; «Вот и все. Смежили очи гении...» // И в скольких жила зеркалах: Стихи, посвященные А. Ахматовой / Сост., подгот. текста, послесл. Г. Н. Смоляковой; предисл. А. В. Стебелева. Винница, 1995. С. 158–159; *Самойлов Д.* Смерть поэта («Я не знал в этот вечер в деревне...»); Стансы («Начнем с подражания. И это...») // *Лосиевский И. Я.* Анна всяя Руси. Жизнеописание Анны Ахматовой. Харьков, 1996. С. 321–323.

²³ Ответ Давида Самойлова на ахматовскую анкету Е. Ольшанской / Публ. и предисл. П. Поберезкиной // Экология родного языка и культуры. Вып. 2 / Отв. ред. И. З. Белобровцева. М., 2017. С. 255. Искренне благодарим И. З. Белобровцеву за помощь в занятиях данной темой.

²⁴ *Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 524. См. также запись от 5 января 1964 (Там же. Т. 3. С. 136).

²⁵ *Готхарт Н.* Двенадцать встреч с Анной Ахматовой // Вопросы литературы. 1997. № 2. С. 279.

²⁶ *Иванов Вяч. Вс.* Беседы с Анной Ахматовой // Воспоминания об Анне Ахматовой / Сост. В. Я. Виленкин, В. А. Черных; коммент. А. В. Курт, К. М. Поливанова. М., 1991. С. 495.

²⁷ *Назирова Р. Г.* Из дневника 1963 года // Назировский архив. 2016. № 3 (13). С. 46. Год исправлен нами по упоминаемым событиям.

²⁸ *Тименчик Р. Д.* Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Across

Borders: 20th Century Russian Literature and Russian–Jewish Cultural Contacts. In Honor of Vladimir Khazan / Ed. by L. Fleishman, F. Poljakov. (Stanford Slavic Studies. Vol. 48). Berlin–Bern–Bruxelles etc., 2018. P. 43.

²⁹ [Осетров Е.] «Грядущее, созревшее в прошедшем»: (Беседа с Анной Ахматовой) // Вопросы литературы. 1965. № 4. С. 187. См.: *Баевский В. С.* Давид Самойлов: Поэт и его поколение. М., 1986. С. 121.

³⁰ *Самойлов Д. С.* Поденные записи. Т. 1. С. 303.

³¹ Там же. С. 315.

³² См.: *Белобровцева И.* Вопрос о подражании // Самойловские чтения в Таллине: Материалы междунар. научно-практического семинара 29–30 мая 2000 года / Сост. И. Белобровцева. Таллинн, 2001. С. 85–86. Тема литературных поколений занимала существенное место и в статье Самойлова: «Ахматова старше моих поэтических ровесников на тридцать лет и на три поэтических поколения»; «Поэтические поколения формируются обычно лет десять. По какой-то опять-таки странности в России этот срок совпадает с хронологическими десятилетиями: поэты девятисотых, десятых, двадцатых годов. Потом поколения распадаются, и растут уже отдельные поэты, сколько кому судьба отпустит жизни и писания стихов» (*Самойлов Д.* *Времена Ахматовой // Ахматова А. Я* – голос ваш... / Вступ. ст. Д. Самойлова; сост. и примеч. В. А. Черных. М., 1989. С. 5, 7).

³³ См.: *Белобровцева И.* Вопрос о подражании. С. 80–86.

³⁴ См.: *Немзер А.* Многоликий «старик» // Шиповник: Историко-филологический сб. к 60-летию Романа Давидовича Тименчика / Сост. Ю. Левинг, А. Осповат, Ю. Цивьян. М., 2005. С. 309; *Немзер А.* Поэт Давид Самойлов // Самойлов Д. *Счастье ремесла: Избранные стихотворения* / Сост. В. Тумаркин; вступ. ст. А. Немзера. М., 2010. С. 12.

³⁵ *Немзер А.* Поэт Давид Самойлов. С. 11.

³⁶ См.: *Немзер А.* Лирика Давида Самойлова // Самойлов Д. С. *Стихотворения*. С. 34–35, 39; *Немзер А.* Поэт после поэзии: самоидентификация Давида Самойлова // Блоковский сборник XVII. Русский модернизм и литература XX века / Ред. Л. Пильд. Humaniora: Litterae Russicae. Tartu, 2006. С. 150–151. К царскосельской традиции, вероятно, восходят и строки «Ветка вздрагивает, как струна / И настраивается, как лира» в стихотворении 1961 «Этой скромной нешумной весне...» (ср. «Все души милых на высоких звездах...» (1921) Ахматовой: «Здесь столько лир повешено на ветки. / Но и моей как будто место есть»).

³⁷ Подробнее см.: *Тименчик Р.* Ахматова и Державин (заметки к теме) // *Jews and Slavs*. 2004. Vol. 14. *Judaeo-Slavica et Russica: Festschrift Professor Ilya Serman* / Ed. by W. Moskovich et al. С. 309–310.

³⁸ «Я не такой тебя когда-то знала...»: Анна Ахматова. Поэма без Героя. Проза о Поэме. Наброски балетного либретто: Материалы к творческой истории / Изд. подгот. Н. И. Крайнева. СПб., 2009. С. 1124.

³⁹ *Самойлов Д. С.* Поденные записи. Т. 1. С. 285.

⁴⁰ *Коваленков А.* Снегирь // Мое лучшее стихотворение: Стихи московских поэтов / Под ред. Е. М. Винокурова, Н. М. Грибачева, В. О. Перцова. М., 1961. С. 107–109; *Самойлов Д.* Его слово // Там же. С. 192–193.

⁴¹ См.: *Топоров В. Н.* Ахматова и Блок (к проблеме построения поэтического диалога: «блоковский» текст Ахматовой). Berkeley, 1981. С. 12.

⁴² *Самойлов Д.* *Времена Ахматовой*. С. 9.

⁴³ *Самойлов Д. С.* Поденные записи. Т. 2. С. 290. См.: *Немзер А.* Лирика Давида Самойлова. С. 44–45.

⁴⁴ Ср. запись Л. К. Чуковской от 29 мая 1962 года: «Дело в том, что Ахмадулина эстрадница; все они “умеют выступать”. Это не стихи, а эстрадные номера. Помните, Лидия Корнеевна, люстры падали от грохота аплодисментов в огромном зале, в Ташкенте, когда выступал Гусев? А потом возьмешь в руки – ничтожно» (*Чуковская Л. К.* *Записки об Анне Ахматовой*. Т. 2. С. 498).

⁴⁵ См.: *Фетисова Е. Э.* Неокамеизм как система программных и латентных течений XX века: Монография. М., 2016. С. 110–111.

⁴⁶ Стихотворение Ахматовой опубликовано в том же журнале, что и «Память» Самойлова (Новый мир. 1965. № 1. С. 89, 126). «Московским» ответом на этот текст (и, возможно, на «Предысторию» из «Северных элегий») нам представляется «Двор моего детства» (1966) Самойлова, с перечислением городских реалий ушедшей эпохи и мотивом невозможности возвращения: «Уж лучше не пойдем!..» (ср. «уйдем» в обоих стихотворениях Ахматовой).

⁴⁷ См.: Утгоф Г. Анатомия «Беатриче» // Экология родного языка и культуры. Вып. 2. С. 187–188.

⁴⁸ Тименчик Р. Д. Автометаописание у Ахматовой // Russian Literature. 1974/1975. № 10–11. С. 214–215.

⁴⁹ См.: Гуменная Г. Л. Эпиграфы в поэме Давида Самойлова «Юлий Кломпус» // Экология родного языка и культуры. Вып. 2. С. 170–171. Стихотворение Ахматовой «Почти не может быть, ведь ты была всегда...» также напечатано в упомянутом номере журнала «Новый мир» (С. 88–89).

⁵⁰ Ср. в письме Самойлова Чуковской в апреле 1978 года: «Начал странную поэму: “Черные поэты”» (Самойлов Д. С., Чуковская Л. К. Переписка. С. 70).

⁵¹ Самойлов Д. С. Книга о русской рифме. Изд. 2-е, доп. М., 1982. С. 121, 122, 137.

⁵² Мейлах М. Б., Топоров В. Н. Ахматова и Данте // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1972. Vol. XV. С. 51.

⁵³ Фетисова Е. Э. Неоакмеизм как система программных и латентных течений XX века. С. 108.

⁵⁴ См.: Баевский В. С. Давид Самойлов: Поэт и его поколение. С. 118.

⁵⁵ См. подробнее: Поберезкина П. Е. Вокруг Ахматовой. М., 2015. С. 11–13.

⁵⁶ См.: Кихней Л. Г. Под знаком акмеизма: Избранные статьи. М., 2017. С. 443–450.

⁵⁷ «Ахматова и Пушкин – целая огромная тема. Лучше всего сказать, что Ахматова – поэт пушкинской школы. <...> Для Ахматовой Пушкин не схема и не норма, а “равный государь”» (Самойлов Д. С. Памятные записки. С. 501). Л. Ю. Клевцова полагает, что «от А. Ахматовой Давид Самойлов унаследовал увлечение пушкинской темой и воспринимал этот образ, с одной стороны, во всей конкретике, а с другой, – как обобщенный образ поэта, чьи судьба и творчество должны являться примером для любого стихотворца» (Клевцова Л. Ю. Поэтическая эволюция Давида Самойлова: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1999. С. 18).

⁵⁸ См.: Самойлов Д. С. Книга о русской рифме. С. 120.

⁵⁹ Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 415, 478.

⁶⁰ Трещачко А. Н. «Чужая речь» в творчестве Давида Самойлова: Дисс. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2004. С. 90.

⁶¹ Там же. С. 169–173.

⁶² Самойлов Д. С. Поденные записи. Т. 2. С. 14.

⁶³ Мусатов В. В. Стихотворение Д. Самойлова «Пестель, поэт и Анна»: (К проблеме «обычного слова» в современной поэзии) // Анализ отдельного художественного произведения: Сб. науч. тр. / Ред. кол.: А. И. Хватов и др. Л., 1976. С. 107.

⁶⁴ См.: Немзер А. Пушкин в стихотворении Давида Самойлова «Ночной гость» // Пушкинские чтения в Тарту. 4. Пушкинская эпоха: Проблемы рефлексии и комментария: Материалы междунар. конференции. Тарту, 2007. С. 175.

⁶⁵ Амати (Цетлин М.). Кровь на снегу (стихи о декабристах). Париж, 1939. С. 52. См.: Тименчик Р. Д., Топоров В. Н., Цивьян Т. В. Ахматова и Кузмин // Russian Literature. 1978. Vol. 6, № 3. С. 294.

⁶⁶ Запись стихотворения кн. П. А. Вяземского // Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / Подгот. и коммент. М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. М.; Л., 1935. С. 512.

⁶⁷ Ответ Давида Самойлова на ахматовскую анкету Е. Ольшанской. С. 255.

⁶⁸ Запись от 17 марта 1977 года (Самойлов Д. С. Поденные записи. Т. 2. С. 284).

О. Рубинчик
Санкт-Петербург

**«...На память о многом»:
Анна Ахматова и семья Рыбаковых¹**

По свидетельству О. И. Рыбаковой, ее отец «познакомился с Анной Андреевной в 1923–1924 годах через сестер Данько. Наталья Данько тогда работала над статуэткой А. А. Ахматовой».² Исходя из совокупности фактов, следует датировать это знакомство второй половиной 1924 года.³

И. И. Рыбакова в связи с Ахматовой обычно упоминают мельком, однако их встреча не была для нее и тем более для него проходным событием.

Иосиф Израилевич Рыбаков (по дореволюционному паспорту Рыбак,⁴ 1880–1938) был настоящий *self made man* с биографией, достойной пера яркого романиста. Он обладал недюжинной энергией, мощным мужским характером и обаянием, а также тем, что сейчас стало модно называть харизматичностью. Эти качества не отразила, пожалуй, ни одна из его фотографий, их отсвет можно увидеть лишь в его портретах, прежде всего – в портрете 1922 года работы А. Я. Головина.

Замечательно вспоминает о нем Ольга Иосифовна:⁵ «Отец мой, он был человеком, который сделал себя сам. Он кончил университет Петербургский, юридический факультет, но кончил его после того, как отслужил “солдатчину”. Он был ранее исключен из Киевского университета за участие в восстании саперов⁶ и отправлен на действительную службу. А дедушка, который был купцом II гильдии, его выкупал (естественно). И говорил: “Когда на моей долони⁷ вырастут волосы, тогда из Осипа будет толк”. Но из него вышел толк. Он уехал в тогдашний Петербург, поступил в Университет, его окончил и стал работать помощником присяжного поверенного. А тут на революционной сходке он встретился с моей мамой, которая была сугубо революционно настроена, – тогда, в пятом году и позже, все были революционно настроены. Они встретились на явочной квар-

тире у некой тети Нади Берхин. Познакомились, она в него страшно влюбилась, и папа тоже увлекся ею. Потому что те женщины, с которыми он встречался раньше, были либо революционерки, застегнутые на все пуговицы, либо, наоборот, легкомысленными. Во всяком случае, такой девушки из петербургской семьи он раньше никогда не видал. И он ее полюбил и уважал всю жизнь. А он был очень интересным».

Жена Иосифа Израилевича, Лидия Яковлевна Рыбакова (1885–1953), в девичестве носила фамилию Гальперн. Ее брат Александр Яковлевич Гальперн был присяжным поверенным. «И вот к нему в помощники, – вспоминает О. И. Рыбакова, – и поступил мой папа. <...> Так как дядя имел хорошую практику, то они сняли две квартиры по обе стороны площадки. В одной у дяди был прием, в другой – у папы. Дядя вел гражданские, а папа в основном уголовные дела. <...> А в 14-м году умер дедушка.⁸ Связано это было с потрясением. Дедушка, такой беспорочный служака, отправился к министру просить, чтобы зятя перевели из помощников присяжного поверенного в присяжные поверенные. Так как он был уже высокопоставленный чиновник, то министр, по тамошним взглядам, не мог ему отказать, а министр ему все же отказал. Это было как пощечина. Старик упал в кабинете, его из кабинета вынесли. Он подал в отставку и больше никогда в министерство не пришел. Это была пощечина, чтобы заставить его уйти. Уволить его было невозможно, а тогда была страшная реакция – он был единственный еврей на все министерство. И он вел большую общественную работу по распространению просвещения между евреями <...>.

Папа не сразу, но все-таки получил присяжного поверенного. Он имел работу и как уголовный адвокат прославился настолько, что, когда горел Окружной суд⁹ и папа бросился туда, чтобы спасти портреты, которые висели в зале заседаний присяжных поверенных, то ему помогли его клиенты-уголовники. Огромные портреты одному было не вынести из горящего здания. А так как там как раз стояли кордоном уголовники, и они его узнали (они жгли свои дела), папа позвал их за собой, и эта “команда” вынесла 5 портретов.¹⁰ Потом папа сдал в Главнауку¹¹ эти портреты. Сейчас эти портреты в Русском музее. Об этом никто не знал. Это мы с искусствоведом Роммом “раскопали” и написали про это...».¹²

До Октябрьской революции Рыбаков не раз подвергался аресту за участие в революционном движении. В начале 1905 года из-за преследований охранки бежал в Швейцарию, где пробыл до конца 1905 года, затем нелегально вернулся.¹³ Был членом РСДРП, с 1908 по 1917 год состоял во фракции меньшевиков. 1917 год охладил его революционный пыл. О. И. Рыбакова: «...из его разговоров мне известно, что после Октябрьской революции месяца три он сидел дома и продумывал, как поступить, и решил отказаться от политической деятельности и пойти на хозяйственную работу, что и сделал...».¹⁴

Рыбаков работал юристом, экономистом, администратором, любыми способами стремился обеспечить семью. Между тем, его вновь ожидали аресты. В протоколах он теперь проходил как беспартийный. «В первый раз папу забрали еще в 21 году, – рассказывает О. И. Рыбакова, – за то, что он поставлял лошадей бандиту Антонову. Антонов был тамбовец,¹⁵ а у папы был приятель из Тамбова, Наум Минаевич, который занимался поставкой гусей. Но никак не лошадей и не Антонову, а нэпмановским магазинам. Но папу должны были отправить по этапу в Тамбов. Но он лег на койку тифозного больного в тюрьме и заразился тифом. Тогда его, больного, вернули домой».¹⁶ Из петроградского «Следственного дела по обвинению Рыбакова Иосифа Израилевича» (№ 2950, 1921 год)¹⁷ описанные Ольгой Иосифовной детали не очевидны, зато очевидно, что в 1921 году ее отца арестовывали дважды: 17 февраля и 13 июля. Во время первого ареста было указано: «...обвиняется в хищении и в агитации против правительствующей РКП – освобожден под подписку о невыезде из Петрограда 19/II-21 г. Дело следствием прекращено за недоказанностью обвинения 26/V-21 г.». Во время второго ареста чекисты зашли дальше: «...конкретных данных о принадлежности Рыбакова к бандитской организации нет, но его прошлое (меньшевик) и настоящее (сидел по обвинению в контрреволюции), связь с Бутриным дают полное право признать его неблагонадежным и подлежащим высылке в Архангельскую губернию сроком на два года. Арестованный находится в Лефортовской тюрьме». Из протокола допроса от 13 июля 1921 года, где показания записаны рукой самого Рыбакова, следует, что он отрицал не только свою вину, но и вину Бутрина (возможно, это тот самый Наум Минаевич из рассказа О. И. Рыбаковой: в показаниях ее отца в связи с Бутриным фигури-

руют куры и гуси). По словам Рыбакова, во время «конского кризиса» в Петрограде Бутрину была поручена «организация закупки лошадей», благодаря чему «Питер получил около 1500 лошадей» и произошло «смягчение транспортн<ого> кризиса». 14 июля 1921 года Рыбаков был этапирован в Москву в распоряжение ВЧК, где 23 августа того же года было принято постановление отослать его обратно, «под надзор Петроградской Губчека под подписку о невыезде».¹⁸

Вот с таким человеком и познакомилась Ахматова. Но для нее, как и для множества других его знакомых и друзей из мира искусства и литературы, он был не столько недавним революционером, юристом и экономистом, сколько страстным коллекционером.¹⁹ Вернемся к воспоминаниям О. И. Рыбаковой: «А дядя <...> собирал картины. Он, кстати, тоже был меньшевиком и даже другом Керенского. И когда было Временное правительство, то он был управляющим делами во Временном правительстве. После краха Временного правительства дядя уехал за границу. Мы все его вещи перенесли к себе, прятали по знакомым, потому что иначе была бы конфискация. Все его картины оказались у нас. А у дяди был роман с княжной Андрониковой, воспетой Мандельштамом, да и Ахматова ей тоже посвящала стихи.²⁰ Это была женщина из их круга. Впоследствии, уже за границей, дядя на ней женился.²¹ <...> Папа еще при дяде посещал аукционы, ему нравилось это дело (собирачество). А после дядиного отъезда папа стал владельцем довольно хорошей коллекции. И так как у него была хорошая практика, то он стал также усиленно собирать».²² Постепенно коллекция Рыбакова обрела редкое разнообразие: тут были редкие книги и рукописи, живопись и графика (прежде всего, современных русских художников), иконы, фарфор и фаянс, мебель, колокольцовские шали²³, бисер и т. д. За длительную историю существования коллекции многие предметы ушли в музеи и в другие частные собрания, но значительная часть, включая то, что наиболее тесно связано с семьей, продолжает жить в доме.

«И. И. Рыбаков являлся активным членом ряда художественных обществ, как то: Общества библиофилов, Общества поощрения художеств, Общества “Старый Петербург” и т. п. Собирая с 1914 года произведения искусства, Иосиф Израилевич являлся непременным участником многочисленных художественных выставок».²⁴

«...Он познакомился с художниками: с Сомовым, с Серебряковой, с Карёвым, с Лебедевым... И все эти люди бывали у нас в доме. Потом со скульптором Натальей Данько, а у Данько была сестра писательница Елена Данько,²⁵ она познакомила папу с Анной Андреевной Ахматовой. Он рассказывал, как впервые пришел к ней в Мраморный дворец. Длинный коридор, дико холодный, входит он в какую-то комнату, в первой комнате лежит, завернувшись в плед, Шилейко, с видом какого-то разбойника, и сидит огромная собака, а в задней комнате уже сидела А. А. Потом А. А. стала у нас бывать со своей подругой Ольгой Афанасьевной Глебовой-Судейкиной. <...> У нас постоянно бывали и художники, и писатели. Потом папа стал снимать на лето и выходные дни квартиру в Пушкине, там (в Царском Селе)²⁶ жила масса людей искусства. Мои родители общались и с Петровым-Водкиным, и с Н. Э. Радловым, Е. И. Замятиным, потом приехал Алексей Толстой. Оказалось, что папа встречался с ним до войны, и они вновь стали встречаться с ним и его женой Крандиевской Натальей Васильевной. Я помню два торжественных обеда, которые устраивал папа. Один был для Сомова. И Сомов пишет, что у Рыбакова был очень вкусный обед.²⁷ А А. А. обедала у нас обычно по четвергам. Уехали мы с улицы Каляева (Захарьевской) и из Царского Села в 30-м году, когда стало невозможным держать большую вторую квартиру в Царском. Часть вещей осталась у нашего большого друга А. Я. Головина. Он писал мамин портрет еще в 22-м году и двойной портрет, мой и мамин, в 23-м году».²⁸

Столь изысканный дружеский круг в значительной степени объяснялся тем, что Иосиф Израилевич и Лидия Яковлевна были настоящими ценителями изобразительных искусств и литературы. Но в революционные и последующие годы, когда этот круг возник, не менее важен был другой фактор: меценатская щедрость (с поправкой на эпоху) и попросту человеческая доброта, коллекционерская одержимость и «нэпмановские» возможности Рыбакова. «Нэпманом» называет Рыбакова, в частности, бывавший у него вместе с Ахматовой Н. Н. Пунин. Он ценит коллекцию Рыбакова, обсуждает с ним политические вопросы, но при этом именуется в своем дневнике нэпманом. Разочаровавшийся в Советской власти недавний комиссар по искусству пишет в 1925 году: «“Нэпманы”, во всяком случае, не оппозиция, их настроение можно определить словами: “еще по-

терпеть” или “плохо, очень плохо, но надо пережить, вытянуть”. Так приблизительно смотрит и Рыбаков – типичный “нэпман”; все из-за страха реставрации». ²⁹

К. А. Сомов описывает в дневнике, как 31 декабря 1919 года (по старому календарю) он с сестрой тащил приготовленные для него Рыбаковым в каком-то доме на улице Жуковского мешки с провизией: «Я тащил на спине, согнувшись вдвое, больше пуда до трамвая, Анюта – громад<ный> мешок. Устали. Вечером <...> вкусный ужин <...> Уютно, зажигали Анют<ину> елочку». ³⁰

М. В. Бокариус, заставшая в живых некоторых друзей и знакомых Рыбаковых, поделилась со мной их устными воспоминаниями. Вера Федоровна Шухаева ³¹ рассказывала Марине Витальевне, что Рыбаков позвал ее к себе работать в банке. ³² Она отказалась: «Я же не умею считать, таблицы умножения не знаю». Он ответил: «Не пойдешь – умрешь с голоду». И она пошла. Шухаева вспоминала, что, выходя из дома Рыбаковых, она всегда обнаруживала у себя в кармане бутерброд в салфетке. ³³ М. В. Бокариус: «Он был высок ростом, красивый и добрый, широкой души человек. Он подкармливал художников, помогал им. Конечно, это способствовало поступлению работ в его коллекцию». ³⁴

Ж. Б. Рыбакова: «Дед, как все коллекционеры, старался купить дешево, а продать дороже. Но он поддерживал художников и вообще людей искусства, помогал им. Он в трудные годы опекал беспомощного в быту Головина. Когда тот умер, дед хоронил его». ³⁵

И для Ахматовой это было существенно: обеды у Рыбаковых, «обычно по четвергам», поездки к ним на блины; предложенные в марте 1925 года, во время обострения у нее туберкулеза, деньги на лечение в детскосельском санатории. Судя по записи П. Н. Лукницкого, Ахматова в тот момент от денег и от санатория отказалась, ³⁶ однако позднее все же взяла у Иосифа Израилевича 300 рублей в долг ³⁷ и с 3 апреля по 10 мая 1925 года находилась на лечении в Детском Селе в пансионе Зайцева на Московской ул., д. 1. ³⁸

Лукницкий: «Рыбаков принес апельсины. АА их нельзя». ³⁹ Ср. дневниковые записи К. И. Чуковского: «Возле кровати столик, на столике масло, черный хлеб. <...> <Ахматова> лежала на кровати в пальто – сунула руку под плед...» (1921); «Дала мне сардинок, хлеба» (1922); «... в трамвае у нее не хватает денег на билет...» (1923); «...она, конфузясь,

сообщила мне, что проф<ессору> Шилейке нужны брюки: “Его брюки порвались, он простудился, лежит”. Я побежал к Кини, порылся в том хламе, который прислан американскими студентами для русских студентов, и выбрал порядочную пару брюк...»; «Нет спичек. Нужно будет затопить плиту – нечем» (1924).⁴⁰

Записи об Ахматовой, которые регулярно вел с конца 1924 по 1927 год Лукницкий, показывают, насколько заметным было участие Рыбаковых, особенно Иосифа Израилевича, в жизни Ахматовой в это время. «АА сегодня говорила о Рыбакове. Говорила, что он к ней относится с большой доброжелательностью и заботливостью. Всегда старается всучить ей деньги, сделать ей всякие одолжения». ⁴¹ Когда Рыбаков строил планы (не реализовавшиеся) открыть свое издательство, то хотел, чтобы в число пайщиков обязательно вошла Ахматова, и собирался печатать монографию о Сезанне, которую она начала (но не закончила) переводить с французского: «Он говорит, что издаст несколько книг, даже если они не оправдают расходов, – сделает это из своих коллекционерских стремлений». ⁴² Было ли за всем этим что-то, кроме восхищения поэтическим даром Ахматовой и желания помочь?

Ахматова надписывает ему второе издание «Четок» (Петроград: Гиперборей, 1915): «Иосифу Израилевичу Рыбакову / в знак моего сердечного расположения / Анна Ахматова. / 18 дек. 1925. / СПб. // “Я пою и лес зеленеет”». Прочитированная строка принадлежит художнику-мозаичисту и поэту Б. В. Анрепу⁴³, к которому, по словам А. Г. Наймана, «обращено больше, чем к кому-либо другому, ее стихов, как до, так и после их разлуки». ⁴⁴ Много лет спустя эта строка станет эпиграфом к циклу стихов Ахматовой «Эпические мотивы». ⁴⁵

11 марта 1925 года в своей «интимной тетради» Лукницкий, меняя имена, записал за Ахматовой (Анной Кирилловной Бахмутовой): «Со смехом: Вчера они пришли вместе: П. П. <Н. Н. Пунин. – О. Р.> и Дельфинов <Рыбаков. – О. Р.>. Он предлагал мне взять меня на содержание... И сказал, что это ему совсем не трудно будет. Конечно, он не так сказал – это я из хулиганства, он сказал иначе, но смысл такой был! П. П. в другой комнате был, я позвала его и сказала: “Что ж это Вы с собой содержателя привели!”». ⁴⁶

Лукницкий, 22 марта 1925 года: «АА говорит, что жена Рыбакова ее ревнует – Наташа Данько ей донесла об этом...

АА: “Рыбаков дома за обедом сказал при жене и при других, что он не видел Н. Н. Пунина в этот день... А через несколько минут сказал, что Алянский и Каплан⁴⁷ не зайдут ко мне. Жена стала истерически смеяться: «Значит, ты не от Пунина узнал?» Он тоже стал смущенно смеяться, а она так истерически смеялась, что должна была встать и выйти из-за стола...”

АА: “А я еще Наташе Данько сказала, что он палку оставил”. (Рыбаков забыл свою трость у АА, когда был в последний раз).

АА: “Но ведь тут я себя чувствую совершенно невинной: не могла я этого предвидеть!” (– что жена Рыбакова ревнует, т. к. в действительности никаких причин к ревности нет; АА даже пугает мысль о такой нелепости)».⁴⁸

В 1926 году Ахматова была в течение нескольких месяцев на Рыбаковых обижена: «Ездила в Царское Село к Рыбакову. Была приглашена обедать. Однако, приехав к Рыбакову, не застала его дома. Считает, что за сим должно последовать прекращение отношений».⁴⁹ В это время она в сердцах говорила о «рыбаковском хамстве» и о «ревнивой – идиотски – жене Рыбакова».⁵⁰

Но так ли необоснованна была ревность? Для Ахматовой продолжались годы мужского обожания, которое нередко принималось ею благосклонно или, по крайней мере, не отвергалось полностью. Калейдоскоп имен: В. К. Шилейко, А. С. Лурье, М. М. Циммерман, Н. Н. Пунин, П. Н. Лукницкий... В том же марте 1925 года, когда Ахматова рассказывала Лукницкому о приступе ревности у жены Рыбакова, он записал с некоторыми умолчаниями:

«О жене...

– Она меня не любит...

– Жена?... Почему?

– Ну как же – я “соперница”. Она его очень ревновала ко мне. Помню (фамилия подруги) звонила ему по телефону. Спросила: “...в Царском?...” Жена, наверно, рядом стояла, потому что он ответил: “Да... там...”».⁵¹

Это о ком? Совсем не обязательно о Рыбаковых.

15 февраля 1926 года неравнодушный наблюдатель Лукницкий отметил в дневнике: «Рыбаков звонил. АА вернулась улыбающаяся (тайно). Острила очень, наверно».⁵² А 14 марта 1926 года он записал со слов Ахматовой: «Под вечер АА с Пуниным были у Рыбаковых

на блинах. АА попросила Пунина за столом показать Рыбакову фотографии, сделанные мной (я их дал вчера АА и вчера же Пунин забрал их у нее – себе). Пунин взъерошился: “Не покажу...” – “Почему?” – “Они неприличны!” Создав неловкость, Пунин потом решил показать. Рыбаков смотрел сластолюбиво и сказал приблизительно так: “Да, Анна Андреевна на все способна”. Еще углубил этим неловкость. Потом Пунин выговаривал АА: “Вы думаете, мне приятно, что Лукницкий видит вас в таком виде!” А история глупая – фотографии абсолютно приличны: АА снята в постели.⁵³

Еще о ревности. Рассказ М. В. Бокариус: когда Марина Витальевна, будучи студенткой, не успевала вовремя напечатать свой диплом, О. И. Рыбакова послала ее к одной красивой старой даме – машинистке «из бюро Рыбакова». Звали даму Анжела Давыдовна Лурье. Она напечатала М. В. Бокариус сто страниц за один день. Из разговоров с Анжелой Давыдовной выяснилось, что «Рыбаков – любовь всей ее жизни, у них был роман. Она показывала подаренные им роскошные аметистовые серьги до плеч, камеи и драгоценную шаль. Он очень любил шали, собрал их целую коллекцию». Ср. слова Ахматовой в записи Лукницкого (март 1925 года): «Меня эти “рыбаки”, которые платки дарят, зовут в четверг к себе. Пойду, наверное».⁵⁴ По утверждению Анжелы Давыдовны, у Рыбакова с Ахматовой тоже был роман, он был сильно Анной Андреевной увлечен. Анжела Давыдовна преклонялась перед Ахматовой, но очень ревновала и считала ее отношение к Рыбакову корыстным. «Мне кажется, – добавила Марина Витальевна, – это во времена Лукницкого было».

Важное примечание. Особенность многих людей описываемого круга – умение подниматься над собой, над «слишком человеческим» в себе. По словам Ж. Б. Рыбаковой, «Анжела Давыдовна Лурье работала с дедом на одном из заводов, была у него секретарем-машинисткой». Она была из тех друзей дома, которые не предали Иосифа Израилевича и его семью после того, как его арестовали в 1938 году. Она продолжала дружить с его родными, поддерживала их. «Поэтому мама ее и опекала в старости, пока у нее самой не случился инсульт».

Что касается оснований для ревности к Ахматовой, то можно утверждать лишь следующее: в ее «донжуанские списки», один из которых был составлен для Лукницкого, а другой – для Пунина,⁵⁵

Рыбаков не вошел.⁵⁶ Хотя если бы вошел, едва ли стоило бы этому удивляться. Ж. Б. Рыбакова о деде: «Женщины вообще млели перед ним».

Еще одно свидетельство тому – отношение к Рыбакову актрисы и художницы Ольги Николаевны Арбениной (Гильдебрандт, 1897–1979/1980), которой в свое время посвящали стихи Н. С. Гумилев и О. Э. Мандельштам. Ничего не зная об арестованном и расстрелянном в 1938 году муже – Ю. И. Юркуне, в 1946 году она писала в письме ему (себе):

«Юрочка мой, пишу вам, потому что думаю, что долго не проживу. Я люблю вас, верила в вас и ждала вас – много лет. Теперь силы мои иссякли. Я больше не жду нашей встречи. Больше всего хочу я узнать, что вы живы, – и умереть.⁵⁷ <...>

Покаюсь в единственном реальном сильном впечатлении за все эти годы. Это был Рыбаков, которого я встретила на Пасху у Анны Радловой в 38 году. Мы остались одни на несколько минут, и он осыпал меня словами восхищения, как цветами. Анна менялась с ним: фарфор на стекло – он ушел, напряженный и сильный, как Самсон; я не решилась на вторую встречу с ним, потому что не смела позволить себе радость, когда вы в таком горе. Летом я узнала, что его забрали. <...>

Я видала сны про вас (или, вернее, про человека с именем Иосиф) и про смерть и про кладбище...».⁵⁸

Рыбаков был из тех, кого не забывают. Ж. Б. Рыбакова: «У Анжели Давыдовны блестели глаза, когда она говорила о деде».

Знакомство Ахматовой с Л. Я. Рыбаковой, по-видимому, произошло довольно скоро после знакомства Анны Андреевны с самим Рыбаковым. Он не мог их не познакомить, поскольку, по словам Жозефины Борисовны, «для него жена была – святое». Несмотря на дополнительные обертоны, общение Анны Андреевны и Лидии Яковлевны изначально было окрашено в тона доброжелательности и не ограничивалось семейным столом. В 1926 году Лукницкий отметил в дневнике: «18 мая был на негрооперетте в цирке. Там были и АА с Пуниным и Рыбаковыми».⁵⁹ В 1927 году: «10 апреля. Была в Филармонии на концерте О. Клемперера

(Стравинский, Дебюсси, Равель) вместе с Н. Данько и Л. Рыбаковой».⁶⁰

Среди многочисленных дарственных надписей Ахматовой членам семьи Рыбаковых есть такая: «Милой Лидии Яковлевне / Рыбаковой на память / о зиме 1924–25 г. / дружески А. Ахматова». Инскрипт сделан под ахматовской фотографией работы М. С. Напельбаума (Петроград, 1921): Ахматова в пальто с меховым воротником и с книгой в руке. На другом экземпляре того же фотопортрета, подаренном, судя по оформлению надписи, тогда же: «Иосифу Израилевичу Рыбакову / с хорошими пожеланиями / А. Ахматова».⁶¹

Дарственные надписи Ахматовой мужу и жене, кажется, вступают друг с другом в шутивное соревнование. На втором издании «Anno Domini» (Берлин: Петрополис, 1923) Ахматова пишет: «Милой и веселой Лидии / Яковлевне Рыбаковой / от сочинительницы / в знак приязни. / 1925. Февраль. / СПб». В сборнике – портрет автора работы Ю. П. Анненкова. Видимо, тогда же сделана надпись на четвертом издании «Белой стаи» (Берлин: Петрополис; Алконост, 1923), где никакого портрета нет: «Иосифу Израилевичу Рыбакову / “Белую Стаю” без портрета, / но от всего сердца / Ахматова. / 1925».

В 1926 году Ахматова надписывает Л. Я. Рыбаковой фотографию, на которой она сидит в кресле в Мраморном дворце; снимок сделан Лукницким 2 марта 1926 года.⁶² «Милой / Лидии Яковлевне / Рыбаковой / на память / от Ахматовой. / 14.III.1926».⁶³

Подробно про Лидию Яковлевну и ее семью рассказывает О. И. Рыбакова: «Ее отец был чиновник, окончивший в свое время (в 70-х годах) университет и дослужившийся до тайного советника, т. е. до штатского генерала. Причем учился он в гимназии и дальше на медные гроши и на добровольные пожертвования общины. Он был мальчишка из Вильно, сын подмастерья пекаря. 25 лет он проработал беспорочно в судебном ведомстве. Так как он был честный служака, женатый на дочери врача из Ковно (бабушка была из достаточной семьи), то дедушка смог дать своим детям, сыну и дочери, блестящее образование...».⁶⁴ «Мама окончила Анненшуле (Кирочная, 8)⁶⁵ и историко-филологический факультет Высших Бестужевских курсов, знала пять языков, машинопись, окончила курсы медсестер военного времени, работала в канцелярии военного госпиталя,⁶⁶ преподавала историю и литературу – недолго, т. к. не

обладала педагогическим даром. Она даже меня в детстве пыталась учить истории и русскому языку и литературе, но быстро нашла себе замену в лице профессиональных преподавателей». ⁶⁷ «Мама немного работала <...> и как переводчица <...> А в основном ей пришлось работать только в первые годы советской власти: она была секретарем Откомхоза ⁶⁸... Вот такие всякие работы. А так вообще она помогала папе, печатала на машинке, ну, как жене полагается помогать, конечно». ⁶⁹

К моменту знакомства Л. Я. Рыбаковой и Ахматовой Лидия Яковлевна уже не служила, а занималась семьей, коллекцией, приемом гостей и т. д. 25 января 1925 года Лукницкий записал: «АА недавно предлагали (Рыбаковы?) ехать с ними за границу. АА отказалась». ⁷⁰ Его запись от 28 февраля проясняет ситуацию: «Рыбаков с женой и детьми ⁷¹ скоро едет за границу. Предлагает АА ехать с ними – совершить турне, – выступить с чтением стихов в Париже, Лондоне, Праге, Вене. Отказалась». ⁷² Однако были колебания, о чем говорит письмо Е. И. Замятина А. Ц. Ярмолинскому от 11 марта 1925 года: «Ахматова <...> Вероятно, поедет за границу весной или в начале лета». ⁷³ Но она не поехала. Запись Лукницкого от 24 мая 1925 года: «...пришли с прощальным визитом Рыбаковы. Они завтра едут в Париж на 3 месяца. АА не дала им никаких поручений». ⁷⁴

О том, какова была заграничная поездка Рыбаковых и что она была не одна, можно узнать главным образом из протоколов допросов Иосифа Израилевича в 1938 году. 25 августа, в ответ на требование подробно рассказать о поездках за границу, он сообщил:

«За границу во Францию я выезжал дважды, в 1925 и 1926 гг.

Первая поездка, так же, как и вторая, проходила вместе с женою и дочерью. Первый раз я ехал через Ревель (Эстония) транзитом, пароходом в Германию, где пробыл для осмотра города <Берлина. – О. Р.> около недели, пароходом в Лондон, находился около недели в гостинице и уже оттуда пароходом во Францию. Пробыв в Париже около 1 или 1½ <месяцев>, вернулся проездом через Германию в СССР.

Вторая поездка происходила транзитом через Германию в Париж. Через неделю я переехал в дер<евню> Гитари, ⁷⁵ где пробыл недели три, снова через Париж – Германию вернулся пароходом в Сов<етский> Союз».

Ранее, на допросе от 7 июля 1938 года, Рыбаков дал такое разъяснение: «Причина моих поездок за границу являлось в основном дать возможность⁷⁶ жене свидеться со своим братом Александром Яковлевичем Гальперном и матерью Софьей Исаковной Гальперн, которую мы хотели привезти обратно на родину и в действительности осуществили это намерение – мать моей жены вернулась вместе с нами».⁷⁷

С родными жены Рыбаковы виделись как в Лондоне, где жил А. Я. Гальперн, так и в Париже, где в то время в основном жила его жена Саломея, работавшая тогда в «Jardin des modes» – парижском модном журнале Люсьена Вожеля,⁷⁸ оригинальном и очень популярном. Париж был местом жительства ее взрослой дочери от первого брака.

По свидетельским показаниям О. И. Рыбаковой от 27 августа 1938 года, хранящимся в деле отца, поездки состоялись не в 1925-м и 1926-м, а в 1924 и 1925 годах.⁷⁹ Верными, скорее всего, являются указанные ею даты, в пользу этого говорит, в частности, отсутствие упоминаний о заграничном путешествии Рыбаковых 1926 года в дневнике Лукницкого.⁸⁰

Иначе обстоит дело с их поездкой в 1926 году в Крым: тут сведений много, причем из разных источников. У Ахматовой очередной период жилищной неопределенности. 22 августа 1926 года Пунин пишет находящейся в отъезде жене А. Е. Арнс: «А. А. с Тапой живут у нас. Она опять больна <...> Был Рыбаков и предлагает А. А. жить в их квартире в Царском; они сами уедут в Крым».⁸¹ А 23 сентября Иосиф Израилевич посылает Ахматовой в Царское Село открытку с видом пустынного алуштинского побережья. В послании нет ничего значительного, кроме, может быть, многоточия и полуфразы после него. И простым глазом виден характер корреспондента: довольно крупным, неаккуратным, не очень разборчивым почерком он заполняет все предназначенное для письма малое пространство; буквы с наклоном влево, и пишет Рыбаков не вдоль открытки, как положено, а поперек.

Алушта
22/IX 26 г.

Милая Анна Андреевна!

Надеюсь, что это письмо дойдет до вас, другими словами, что вы в Дет-

ском, «в полуциркульном зале Екатерининского дворца». Здесь поливает, холодновато и... хочется уже обратно.

Сердечный привет вам и Ник<олаю> Ник<олаевичу> от наших привет.
<sic! – О. Р.>

Ваш И. Рыбаков.

23 сентября Ахматова сообщает Шилейко: «Дорогой Володя, я приехала в Царское на несколько дней, живу в пустой квартире Рыбаковых. <...> Мой адрес: Детское Село. Полуциркуль Большого Дворца, кв. № 1. Рыбаковы». ⁸²

Существует конверт от несохранившегося письма Ахматовой к Шилейко, на штемпеле: Детское Село. 4. 10. 26. Указан адрес Рыбаковых. ⁸³

19 октября 1926 года Шилейко пишет из Ленинграда в Москву своей новой жене В. К. Андреевой-Шилейко: «С Анной Андреевной я обедал в день приезда в маленьком ресторане на Екатерининской и свел с ней денежные счета, затем она отбыла в Царское, – вероятно, совсем». ⁸⁴ В черновиках этого письма: «...и после любезной и ядовитой беседы отбыла...»; «и после вежливой и злой беседы отбыла в Царское – чаемо, совсем». ⁸⁵

4 ноября того же года Ахматова выписалась из квартиры Шилейко в Мраморном дворце. ⁸⁶ Тогда же В. А. Рождественский написал Е. Я. Архипову: «В Царском живет сейчас и Анна Ахматова». ⁸⁷

11 ноября Лукницкий сообщил Л. В. Горнунгу: «АА не удастся найти комнату здесь в Ленинграде, а поэтому она будет, вероятно, жить в Ц<арском> С<еле>». ⁸⁸ К этому времени Рыбаковы уже вернулись, и она больше не живет в их квартире. Ср. письмо Р. Иванова-Разумника Андрею Белому от 10–15 ноября 1926 года: «Сологуб уехал, но в его комнатах теперь живет Ахматова, с декабря будет жить Шишков...». ⁸⁹ Сологуб занимал комнаты в том же доме, где постоянно жил Иванов-Разумник, по адресу: Колпинская ул., д. 20.

16 ноября Пунин прописывает Ахматову в свою с А. Е. Аренс квартиру в Фонтанном Доме, ⁹⁰ но она по-прежнему не находится там постоянно. Ищет жилье.

18 ноября Лукницкий отметил в дневнике: «Рыбаков указал АА комнату на Восьмой Рождественской <...> Далеко, дорого и плохая комната – не подходит». ⁹¹

21 декабря 1926 года Шилейко послал ей записку: «Дорогая Анна Андреевна, / Не откажите во время моего отсутствия (по 20 января приблизительно) занять мою квартиру. Я боюсь за книги и за Тапу. / Сердечно Вам преданный / ВШилейко».⁹² После этого Ахматова еще некоторое время живет на два дома.

Дружба с Рыбаковыми продолжается. 11 ноября 1927 года Лукницкий записал уже цитировавшиеся слова о заботе Рыбакова. Его щедрость по отношению к Ахматовой однажды поневоле распространилась и на О. Э. Мандельштама. Из дневника Лукницкого 1927 года узнаем, что год назад Ахматова и Пунины по просьбе Мандельштама обратились к Рыбакову: Мандельштам хотел с ним познакомиться, чтобы получить возможность занять у него денег. Тот от знакомства отказался, а 250 рублей (немалую по тем временам сумму) через них передал. Поскольку Мандельштам не имел ни привычки, ни возможности возвращать долги, а у Ахматовой и Пуниных денег для отдачи не было, они попали в неприятное положение. Но Рыбаков о долге и не заикался: из «тщеславия» делал «бесстрастную физиономию («вот, мол, как благородно я поступил с большим поэтом...»)...».⁹³

В те годы Ахматова бывала у Рыбаковых не только в царско-сельской, но и в ленинградской квартире, сначала – на ул. Каляева (Захарьевской), 7, а с 1930 года – на набережной Жореса (с 1945 года – Кутузова), 12.⁹⁴ Во второй половине 1920-х годов Рыбаков и его друзья – коллекционеры и писатели – организовали жилищно-строительный кооператив в роскошном, но требовавшем большого ремонта доме на набережной Жореса. Добывая средства для ремонта, они продали мраморную облицовку стен и витражи парадной лестницы.⁹⁵ В небольшом доме на 14 квартир поселилась в основном интеллигенция.⁹⁶ Юридический и административный таланты Рыбакова оченьгодились при создании кооператива и реконструкции дома. Многие годы Иосиф Израилевич был председателем ЖСК, боролся за погашение банковской ссуды, чтобы дом сохранил статус кооперативного,⁹⁷ и, как вспоминает Ольга Иосифовна, «каждому помогал, чем мог».⁹⁸ Квартиры в доме были для того времени невероятно просторными и удобными. Свою квартиру Рыбаков максимально приспособил под размещение коллекций. Долгие годы Ахматова с удовольствием навещала Рыбаковых в их

гостеприимном, красивом, насыщенном культурой жилище на набережной Невы. Навещала и одна, и – какое-то время – с подружившимся с ними Пуниным, у которого с Иосифом Израилевичем были свои отношения и свои дела: их объединяла любовь к живописи, прежде всего – к современному искусству.

Запись Лукницкого от 10 ноября 1928 года: «К Пунину приходил утром Рыбаков, с повинной головой. Рыбаков знал, что Пунин стал бы ругать устроителя выставки Лебедева в Выборгском Доме Культуры (если б выступил с докладом), выступил под именем Пунина сам и сделал доклад. Аудитория не обнаружила самозванства, и все сошло благополучно для Рыбакова. Пунин узнал об этом, но не счел это возмутительным и даже не ругал Рыбакова».⁹⁹ В «Красной газете» 1928 года было объявление: «7 ноября. Открытие мастерской пролетарских писателей и выставки картин художников Лебедева и Серебряковой, докладчик профессор Бунин» <sic! – О. Р.>.¹⁰⁰

Комментарием к истории с выставками и докладом отчасти могут послужить следующие строки Ольги Иосифовны об отце: «В 1929–1930 годах он, по поручению профессиональных союзов, организовывал выставки художественных произведений – рисунков В. В. Лебедева, живописи З. Е. Серебряковой и фарфоровых фигурок скульптора Н. Я. Данько-Олексенко¹⁰¹ в Домах культуры Ленинграда (Выборгском и Московско-Нарвском)».¹⁰²

Однако у Лукницкого речь идет о событиях 1928 года. Тогда, в конце 1928-го – в 1929 году, состоялась первая в России¹⁰³ и единственная до 1965 года персональная выставка Серебряковой, в 1924 году эмигрировавшей из СССР. На ней демонстрировалось сто работ, выполненных в разных техниках.¹⁰⁴ Тогда же прошла и первая персональная выставка Лебедева: более 350 работ в разных техниках и жанрах.¹⁰⁵ Значительная часть произведений была из коллекции самого Рыбакова.

Что касается фарфоровых статуэток Н. Я. Данько (расписанных в основном Е. Я. Данько), то хотя ее работы выставлялись часто, но и для нее это была первая персональная выставка. Она была не только организована, но и финансово поддержана Рыбаковым (как, нужно полагать, и выставки Серебряковой и Лебедева). «В небольшой комнате Дома культуры Выборгского района в январе 1929 года публике было представлено сто пятьдесят работ мастера. Выставка

успешно работала в течение почти девяти месяцев». ¹⁰⁶ Множество вещей было из собрания Рыбакова – самого полного на тот момент собрания работ Н. Я. Данько, если не считать коллекции музея Ленинградского фарфорового завода. ¹⁰⁷ Рыбакова называют «близким другом скульптора», ¹⁰⁸ «лучшим другом, советчиком», оказавшим влияние на большой период ее жизни. ¹⁰⁹ Отмечают роль Рыбакова в сохранении самого художественного производства на Ленинградском фарфоровом заводе: «Несмотря на успех нового фарфора в Париже на Всемирной художественно-промышленной выставке 1925 года, правительством было принято решение о прекращении художественного производства на заводе. В этот критический момент заметную поддержку художникам и скульпторам оказал юрист и экономист И. И. Рыбаков. Он сумел экономически обосновать выгоду возрождения художественного производства, в первую очередь, раскрыв его валютный потенциал. Опытный юрист помогал художникам завода в составлении бесконечных ходатайств, жалоб, писем, целью которых было сохранение художественного фарфора на ЛФЗ. Именно Рыбаков сумел профессионально доказать, что развитие этого направления жизни завода – выгодное капиталовложение. Решение о закрытии живописного и скульптурного цеха завода было отменено». ¹¹⁰

Выставки Лебедева, Серебряковой и Данько прошли в Выборгском доме культуры. Какие события имела в виду О. И. Рыбакова, говоря о Московско-Нарвском доме культуры и о 1930 годе, неясно.

К 1930-м годам, когда с НЭПом было покончено, доходы Рыбакова и его возможности уменьшились пропорционально объему свобод в стране. В 1930 году писатель К. А. Федин сделал в дневнике красноречивую запись: «Вечером у Рыбакова. Русский фарфор. Живопись. Прекрасно. Хозяин отучает себя говорить – “у меня есть”, вместо этого: “Здесь висит”, “там стоит”. Вряд ли провисит и простоит долго». ¹¹¹ «Папу забирали в <19>31 году в “золотую комнату”, чтобы выжимать из него золото. <...> в золотую камеру, – вспоминает Ольга Иосифовна. – Потом отпустили, но забрали маму. Папа вернулся, а мамы нет дома. Тогда он помылся, побрился и пошел назад. И привел оттуда, с Гороховой, ¹¹² маму. Очень смелый был человек». ¹¹³ Мы не знаем, что именно происходило в «золотой комнате» с Рыбаковым и его женой. Возможные же сценарии таковы.

Первый: «В помещении НКВД есть комната, в которой стоит один стол и два стула. <...> В эту комнату каждый день вызывают именными повестками инженеров, докторов, профессоров, вообще людей, относительно которых можно предполагать, что их заработок выше среднего. Такие люди, если они не проживают сразу своего заработка, скоро начинают понимать, что откладывать на черный день бессмысленно. <...>

Он находит субъекта, который занимается нелегальной покупкой и продажей золотых монет или долларов. Купив золотые десятки, профессор или доктор прячет их самым остроумным способом и думает, что он очень умен. Увы, он ошибается. В один прекрасный день он получает повестку из НКВД. Он приходит туда в 9 утра, и его держат в приемной до часу или до полтретьего. Он голоден и нервничает. Тогда его приглашают из приемной в комнату. За столом сидит плотный человек в сером. Посетителю предлагают стул и его начинают исповедовать. Откуда у вас золотые десятки, нас не интересует. Нас интересуют сами десятки. Рабочее государство окружено врагами. Ему надо быть сильным, и оно нуждается в помощи своих граждан. А некоторые граждане в помощи отказывают... Вот два инженера никак не хотели отдать золотые монеты – и что же? Пришлось их отправить. Так они согласились отдать свои монеты, когда уже находились за Уралом. Умно ли это?

– К тому же при упорстве вы подвергаете неприятностям и вашу жену. Ее придется задержать, а предоставить задержанным большой комфорт мы не можем...

Глеб увидел в приемной Добронравова. Как раз вместе с Добронравовым Глеб купил несколько пятерок у Поповой. Ясно, Попову арестовали, она выдала своих клиентов. Отказываться не к чему, только посадят Олю. Глеб не представил особых затруднений для человека в сером. Монеты пошли на укрепление мощи советского государства, если только не прилипли к рукам агентуры по дороге. Потом оказалось, что гипотеза о допросе Поповой была неправильной». ¹¹⁴

Другие сценарии конца 1920-х – начала 1930-х годов: «...были у ОГПУ и откровенно кровавые методы. Например, “долларовая парилка” или “золотые камеры”: “валютчиков” держали в тюрьме, пока они не скажут, где спрятаны ценности, или родственники из-за

границы не пришлют выкуп – “деньги спасения”.¹¹⁵ Показательные расстрелы “укрывателей валюты и золота”, санкционированные Политбюро, также были в арсенале методов ОГПУ». ¹¹⁶

М. В. Бокариус вспомнила историю, которую ей рассказал М. Д. Ромм. Его отца, друга Рыбакова Д. М. Ромма в 1931 году вызвали в ОГПУ и стали требовать золото. «Но золота в семье не было. Дело было зимой, Давид Матвеевич был в шубе. Его вывели в довольно длинный коридор. В концах коридора встали сотрудники органов и начали по очереди кричать ему: “Ромм, быстрее!” А он должен был бесконечно бегать от одного к другому. Думал, что упадет посередине. Через какое-то время его отпустили. Давид Матвеевич вернулся домой, где остались жена и восьмилетний сын, а в доме – гроб: жена не вынесла ареста мужа. Кажется, у нее было больное сердце. Ее звали Галиной Матвеевной, она закончила Бестужевские курсы, была биологом и прекрасной пианисткой. Давид Матвеевич больше никогда не женился».

«...Золота у нас не было», – утверждает О. И. Рыбакова.¹¹⁷ Но, возможно, Рыбаков что-то отдал чекистам.¹¹⁸ Освободиться же и освободить жену ему главным образом помогли – не в первый раз – юридические знания и опыт арестов, твердость и дар убеждения. «Он умел с ними разговаривать», – считает Ж. Б. Рыбакова; то же говорили М. В. Бокариус те, кто с ним дружил.

Чекистам Иосиф Израилевич ничего отдавать не желал. Зато делал драгоценные дары музеям. Так, Русскому музею он подарил «Портрет неизвестной» Ф. С. Рокотова.

Ахматова хорошо знала и ценила собрание Рыбаковых, в котором, между прочим, хранились (и хранятся) ее собственные изображения работы замечательных мастеров.

Во-первых, это изделия из фарфора Натальи Данько. Прежде всего надо назвать знаменитую статуэтку (1924), расписанную Еленой Данько. Известно, что все экземпляры статуэтки были расписаны по-разному; тот экземпляр из первого тиража, который находится в доме Рыбаковых, – утонченный и одновременно нарядный: на Ахматовой платье «в цветочек» (ср. ее фотографию 1924 года, сделанную на наб. Фонтанки, д. 2, фотограф Г. К. Кириллов). Также в коллекции Рыбаковых находится статуэтка-шарж на Ахматову (1926, бисквит¹¹⁹), отсылающая к фарфоровому первообразу 1924

года, две камеи с ахматовским профилем (1924, бисквит) и маленький бронзовый бюст Ахматовой 1925 года.¹²⁰

Во-вторых, рыбаковская коллекция включает в себя ряд графических работ разных художников.¹²¹

Это рисунок Натана Альтмана – иллюстрация 1914 года к стихотворению Ахматовой «Божий ангел, зимним утром...» (тушь, черный карандаш). Женскую фигуру на фоне зимнего Петербурга условно можно считать ахматовской.

Это акварельный эскиз 1922 года к ахматовскому портрету, выполненному Кузьмой Петровым-Водкиным. На обороте картонной подложки – автограф: «Рисовал меня К. С. Петров-Водкин весной 1922. / А. Ахматова».

Нужно сказать о хорошей копии портрета Ахматовой работы Льва Бруни (акварель, 1922). Копия выполнена Гертой Неменовой (акварель, белила).

Также в коллекции есть силуэт Ахматовой работы Нины Коган, наклеенный художницей на черный фон, который сделан на обороте фрагмента карты (1930-е, тушь, аппликация). Характер бумаги объясняется не особой концепцией работы, а тем, что такой материал попался художнице под руку.

И, наконец, у Рыбаковых находится портрет Ахматовой работы Александра Тышлера (карандаш) – один из лучших в ахматовской серии, созданной им в 1943 году в Ташкенте.

К сожалению, неизвестна история поступления этих работ в собрание Рыбаковых: что было куплено, а что подарено художником или самой Ахматовой. С уверенностью можно утверждать лишь, что рисунок Тышлера – подарок Лидии Яковлевне и Ольге Иосифовне от вернувшейся из эвакуации Ахматовой (создателя коллекции уже не было в живых). Жена Тышлера Ф. Я. Сыркина, которая была с ним в Ташкенте, пишет о серии рисунков, созданных за один сеанс: «Почти все, которые посчитал лучшими, тут же после сеанса отдал Ахматовой <...>, а она потом одаривала этими драгоценными листами своих друзей».¹²²

Отголоском не слабеющей, а, напротив, углубляющейся связи с семьей Рыбаковых являются многочисленные ахматовские дарственные надписи 1930-х годов.

На своей статье «Последняя сказка Пушкина» в журнале «Звез-

да» (1933. № 1) Ахматова написала: «Милым Рыбаковым / в знак дружбы». Вместо подписи она поставила стрелку, указывающую на напечатанную фамилию.¹²³

На своем портрете – фрагменте фотографии с Судейкиной (Фонтанка, 2. 1924. Фотограф Г. К. Кириллов) – Ахматова написала: «Милым Рыбаковым / от их друга / Ахматовой. / 18 июня 1933».¹²⁴

На книге «Писем» П. П. Рубенса (М.; Л., 1933): «Милым Рыбаковым / в знак дружбы / от переводчицы. / 19 марта 1934».¹²⁵

В день своего рождения на статье «“Адольф” Бенжамена Констанана в творчестве Пушкина» (Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. Т. 1. М.; Л., 1936): «Милым Рыбаковым / с великим смущением – / Анна. / 23 июня 1936». «Великое смущение» связано, вероятно, с тем, что статья была напечатана в профессиональном издании, а это было время великих пушкинистов, и Ахматова сознавала уязвимость своего положения: «Адольф» был лишь второй ее пушкинской публикацией. Однако, занимаясь Пушкиным, Ахматова консультировалась с крупнейшими специалистами. С некоторыми из них она дружила. И пушкинисты с уважением относились к ее работам, о чем говорит, например, инскрипт Б. В Томашевского на пушкинском издании, вышедшем под его редакцией: «Анне Андреевне Ахматовой – лучшему знатоку Пушкина. 30 ноября 1955 г.».¹²⁶

На странице журнала «Звезда» (1936. № 7) со своим переводом стихотворения армянского поэта Даниела Варужана «Первый грех» Анна Андреевна написала: «Милым Рыбаковым / мой первый грех. / Ахматова. / 16 сент. 1936».¹²⁷ Она не любила переводить стихи, считала это нетворческим для поэта занятием,¹²⁸ говорила, что переводить и писать свое одновременно немислимо,¹²⁹ что переводить – «это все равно что есть собственный мозг».¹³⁰ Долгие годы она отказывалась от заказных поэтических переводов, а когда стала заниматься этой работой, относилась к ней как к поденщине, способу избавления от нищеты, поэтому ее переводы не были шедеврами. Стихотворение Варужана стало едва ли не первой публикацией стихотворного перевода, выполненного ею на заказ,¹³¹ отсюда и каламбур.¹³²

11 февраля 1937 года Ахматову из-за плохого самочувствия положили в Куйбышевскую (до революции и в постсоветское время – Мариинскую) больницу для обследования.¹³³ Выписали ее с заключением: «Базедова болезнь в стадии активации <...> и хронический

туберкулез легких». ¹³⁴ Среди тех, кто заботился о ней в больничный период, были Рыбаковы, о чем говорят ее надписи на фотографиях. На обороте профильного изображения Ахматовой с шалью, в рост, у окна (место и дата неизвестны): «Тем, кто не / забывал меня / в больнице – / милым Рыбаковым / Ахматова. / 12 марта 37 г.». Две другие фотографии сделаны одновременно – в 1930-е годы, в квартире Н. Я. Данько. ¹³⁵ На одной, где Ахматова сидит у стола, на котором стоят цветы в бокале и фарфоровая статуэтка, на обороте написано: «Моему доброму другу / Лидии Яковлевне / Рыбаковой / с лучшими пожеланиями / Анна. 12 марта 1937». На другой Ахматова в той же комнате, снятой в другом ракурсе; надпись на обороте: «Милому Осипу Израилевичу / Рыбакову / в день / возвращения / из / моих больниц / дружески / Ахматова. / 12 марта 1937». ¹³⁶ К чуть более позднему времени относится инскрипт под известной ахматовской фотографией, сделанной в Старках у Шервинских Л. В. Горнунгом 18 июля 1936 года: «Лидии Яковлевне Рыбаковой / в знак / дружбы и уважения от Ахматовой / 3 мая 1937». ¹³⁷

В конце 1930-х годов Рыбаков продолжал заботиться об Ахматовой не менее горячо, чем в середине 1920-х годов. Пунин пишет Ахматовой 24 мая 1937 года из Ленинграда в Москву, куда она поехала навестить вернувшегося из ссылки Мандельштама и уладить некоторые свои дела: «Твои телеграммы получил, но вторая запоздала на полчаса: О<сип> И<зраилевич> с таким неистовством понесся в Собес, что мой звонок опоздал, он с полчаса как ушел. На всякий случай посылаю тебе его записку. <...> Писем тебе нет, кроме открытки из Собеса с просьбой представить удостоверение о болезни и зароботке. Подождут...» ¹³⁸ Телеграммы Ахматовой и хлопоты Рыбакова были связаны с тем, что в конце 1936 года Анне Андреевне отменили персональную пенсию, – нужно было добиться ее возобновления. ¹³⁹ О характере хлопот говорит письмо Рыбакова К. А. Федину от 15 августа 1937 года:

Дорогой Константин Александрович!

С очень большим опозданием сообщая вам сведения о деле Анны Андреевны.

Еще 29/VII я передал в собес акт врачебной экспертизы с признанием А.А. нетрудоспособной и справку ЖАКТа о том, что А.А. находится на

иждивении сына. Эти документы, вернее, требуемые сведения нужны были Московскому собесу (Хрустальный, 1).

Миша мне вчера сказал, что Вы собираетесь в Париж. Имейте в виду, что если до Парижа не устроите А.А., то от Парижа не будет вам никакой утехы, испортите все удовольствие. Совесть замучит.

Сердечный привет.

Ваш И. Рыбаков¹⁴⁰

Пенсия на какое-то время была возвращена: 9 сентября 1937 года Ахматовой выдали книжку персонального пенсионера республиканского значения.¹⁴¹

Ахматова по-прежнему время от времени приходила к Рыбаковым на обед. Благодаря воспоминаниям театроведа В. Я. Виленкина мы располагаем яркой, почти ослепительной картиной одного такого обеда, не рядового – парадного, когда Иосиф Израилевич, в скудное для большинства время, мог поразить своих гостей, особенно новых, приемом и коллекцией. Виленкин пишет о знакомстве с Ахматовой в июне 1938 года, когда он в качестве секретаря В. И. Качалова оказался в Ленинграде вместе с приехавшим на гастроли Художественным театром¹⁴²; артист театра В. А. Вербицкий, приглашенный на воскресный обед к Рыбаковым, попросил пригласить и Виленкина: «Мы были приглашены к известному ленинградскому любителю искусства и коллекционеру И. И. Рыбакову, по профессии юристу, с которым дружили <...> многие <...> крупнейшие художники. Жил он с женой и дочерью в огромной квартире¹⁴³ <...> Картины встретили нас уже на площадке лестницы. В комнатах они занимали все стены, и чего-чего тут только не было, начиная с живописи XVIII века и кончая “Миром искусства”. В одной из комнат находилась целая коллекция старинных икон, только их почему-то было плохо видно, да и некогда было их сейчас разглядывать, хозяева приглашали прийти для этого специально. Но, пожалуй, самое замечательное из того, что я увидел в этом доме-музее, был фарфор, богатейшее, первоклассное, изысканное собрание русских фарфоровых изделий XVIII и XIX века. Одни только статуэтки Императорского завода, Гарднера и Попова занимали сверху донизу целые шкафы; на розыски и собиранье их по разным городам России Рыбаков потратил многие годы.

Мы с Вербицким пришли первыми и рассматривали все эти сокровища, когда в передней раздался звонок...

Ахматова вошла в столовую, и мы встали ей навстречу. Первое, что запомнилось, – это ощущение легкости маленькой узкой руки, протянутой явно не для пожатия, но при этом удивительно просто, совсем не по-дамски. Сначала мне померещилось, что она в чем-то очень нарядном, но то, что я принял было за оригинальное выходное платье, оказалось черным шелковым халатом с какими-то вышитыми белыми драконами, и притом очень стареньким – шелк кое-где уже заметно посекея и пополз.

Анну Андреевну усадили во главе стола, и начался обед, роскошный, с деликатесами и сюрпризами, очевидно, тщательно продуманный во всех деталях. Одна только сервировка чего стоила! Для закусок – тарелки из киевского стариннейшего фаянса, суп разливали не то в “старый севр”, не то в “старый сакс”, водку и вина пили из “императорского” хрусталя. Анна Андреевна попросила налить ей водки, что, помнится, очень меня поразило. Но от водки в ней ничего не менялось к худшему. В этом своем странноватом халате она, по-видимому, чувствовала себя среди нас, парадно-визитных, как в самом элегантном туалете. Больше того, что-то царственное, как бы поверх нас существующее и в то же время лишенное малейшего высокомерия сквозило в каждом ее жесте, в каждом повороте головы.

Разговоров всех уже не помню, но когда речь зашла о поэзии и стали называть разных поэтов, чтобы услышать ее мнение о них, помню, что она очень поддержала что-то хорошее, сказанное о Лужковском, а о Багрицком отозвалась холодно, отчужденно.

После обеда Вербицкого стали просить что-нибудь почитать, и читал он довольно долго: большие куски из “Пиковой дамы”. Анна Андреевна слушала внимательно и терпеливо; хвалила и благодарила артиста вместе со всеми, но сдержанно. Вербицкий, кажется, сам не рад был, что затянул, и смотрел на Анну Андреевну виноватыми глазами. Да и мы все смотрели на нее в ожидании и надежде, не решаясь ее просить читать, но она тут же сказала сама, как-то полупросом: “Ну что же, теперь я почитаю?”

Она не отодвинулась от обеденного стола, не изменила позы – словом, ничем не обозначила начала. Я только увидел, как кровь прилила у нее к щекам с первой же строчкой: “Я пью за разоренный дом...” Это был “Последний тост”, тогда еще нигде не напечатанный. Потом, почти без паузы, она прочитала “От тебя я сердце

скрыла, словно бросила в Неву...». И еще одно стихотворение, 20-х годов, тогда же затерявшееся, как она сказала, в каком-то журнале:¹⁴⁴ «Многим». <...> Больше она ничего не захотела читать, словно исчерпав нечто заранее решенное или сейчас для нее возможное, и было ясно, что просить бесполезно.

Как она читала? Негромко, мерно, но с осязаемым биением крови под внешним покоем ритма. Ничего не подчеркивая – ни стиха, ни строфы, ни одного отдельного слова, ни одной интонации, так что каждое стихотворение выливалось как бы само собой, на едином дыхании, но каждое – на своем дыхании, в своей особой мелодике. Ближе всего из того, что мне приходилось слышать из авторских чтений, это было, пожалуй, к фонографической записи Блока.

Встав из-за стола, все опять занялись рассматриванием коллекций. Раскрывались одна за другой какие-то толстые картонные папки с рисунками; на полированном красном дереве теснились бесчисленные фарфоровые собачки всевозможных пород; пестрели изысканными букетами и миниатюрами богато золоченные чашки. Принесли и «ахматовскую иконографию». Когда Анна Андреевна брала в руки то маленькую камею со своим изображением, то «статуэтку Ахматовой» работы Наталии Данько, то какой-нибудь уникальный графический портрет, с полным равнодушием кладя потом эти вещи обратно в «коллекцию», – все это наше занятие со стороны могло бы, вероятно, показаться каким-то очень странным парадоксом. Тогда мы не знали, что вот такую же «статуэтку Ахматовой», чудом сохранившуюся у нее, она не так давно продала, чтобы на эти деньги съездить в Москву, повидаться с Осипом Мандельштамом, самым близким ей поэтом. Ее купила С. А. Толстая для музея Союза писателей.¹⁴⁵ Не знали мы тогда, вернее, еще не успели узнать, что сын Ахматовой и Гумилева «сидел на Шпалерной уже два месяца», как сказано в ее позднейших воспоминаниях.¹⁴⁶

Анна Андреевна собралась уходить. В передней кто-то из нас снял с вешалки и подал ей старенький макинтош – так тогда называли прорезиненное непромокаемое пальто, – и она подошла к зеркалу, чтобы надеть шляпу. Я вызвался ее проводить и у подъезда попросил ее подождать, пока сбегу за машиной. Она удивленно подняла брови: «А вы уверены, что мне необходима машина? Пойдемте лучше пешком, я вас проведу через Летний сад, хотите?»»

Описанный Виленкиным обед стал последней или одной из последних встреч Ахматовой и Рыбакова: 6 июля 1938 года его арестовали.¹⁴⁷

Он предвидел и заранее обдумал такую возможность. Иначе невозможно объяснить разумную четкость его поведения: «...Лавренев¹⁴⁸, наш тогдашний председатель, – пишет Ольга Иосифовна, – оформил меня по папиному заявлению, написанному в час ареста, членом ЖСК». ¹⁴⁹ Таким образом Рыбаков позаботился о том, чтобы квартира осталась за семьей.

Дочь полагала, что на него был написан донос, причем из их дома: существовали люди, которые не хотели вносить деньги на погашение банковской ссуды за дом, а кто-то «предполагал попользоваться вещами и художественными ценностями в случае высылки семьи Рыбаковых». ¹⁵⁰ Но в деле ни одного доноса нет.

«Рыбаков был на учете НКВД и потому автоматически был арестован во время массовой карательной кампании, – считает А. Я. Разумов. – Для подготовки обвинительных заключений в делах должны были быть перекрестные показания одних несчастных на других (сочиненные и записанные следователями). И лучше всего – показания уже мертвых».

Так, в предписании на арест от 3 июля Рыбакову вменяется «разведывательная работа в пользу французской разведки», поскольку «арестованный в 1931 г. ЗАК ГПУ б. князь АНДРОННИКОВ ЯССА <sic! – О. Р.>¹⁵¹ НИКОЛАЕВИЧ и сознавшийся, что является агентом французской разведки, показал, что:

“он получал деньги, присылаемые ему из Парижа от РЫБАКОВА И. И., работавшего тогда в одной из контор г. Ленинграда, являвшейся резидентурой французской разведки и имел встречи с РЫБАКОВЫМ И. И.”

В 1925 г. РЫБАКОВ И. И. вместе со своей женой официально выезжал в Англию, где продолжительное время гостил у родственника жены, находящегося в эмиграции ГАЛЬПЕРН Александра Яковлевича, управделами б. правительства Керенского, и поддерживает с ним связь до сего времени.

РЫБАКОВ И. И. имел тесную связь с известной французской разведчицей ЖАНЭ Ирмой Альфредовной.

Неоднократно арестовывался органами ВЧК ОГПУ по подозрению в участии в к-р¹⁵² восстании в б. Тамбовской губернии за орг. связь с меньшевиками и проведение к-р меньшевистской работы.

До революции состоял членом Российской соц.-демокр. партии меньшевиков».

Яссе Николаевич Андроников (1893–1937) – родной брат С. Н. Гальперн (Андрониковой), поэт, актер и театральный режиссер. Участвовал в боях за Грузию против Красной армии. Подвергался арестам. По воспоминаниям другой его родной сестры, М. И. Андрониковой, в 1929 году приехал из Москвы в Грузию. Там, по рекомендации Саломеи, с ним встретился путешествовавший по Советскому Союзу издатель Вожель.

Вожель был настроен прокоммунистически и просоветски. По показаниям И. Э. Бабеля, данным им в заключении в 1939 году, Вожель «с штатом сотрудников» был в Советском Союзе «для составления номера журнала “Вю”, посвященного СССР».¹⁵³ О том же говорится в подробной «архивной справке» о Вожеле, составленной 2 марта 1965 года и находящейся в деле Рыбакова среди документов, способствовавших его реабилитации: «Французская контрразведка считала ВОЖЕЛЯ одним из “главных советских агентов во Франции”. <...> В 1931 г. ВОЖЕЛЬ организовал большой репортаж, посвященный Советскому Союзу, о его промышленности и торговой жизни. <...> лица, сопровождавшие ВОЖЕЛЯ в его поездке по СССР».¹⁵⁴

На следующий день после встречи с Вожелем Яссе Андроников был арестован по подозрению в шпионаже. В 1932 году его осудили на 10 лет концлагеря. Отбывал срок в Карлаге и на Соловках. Расстрелян в Медвежьегорске (урочище Сандармох) 27 октября 1937 года по приговору Ленинградской тройки НКВД. Ко времени ареста Рыбакова он давно был учтен в Ленинграде и Москве как расстрелянный.¹⁵⁵

Рыбакова тоже обвиняли по статье о шпионаже (58-6).

В протоколе допроса от 7 июля фигурируют вопросы о поездках за границу.¹⁵⁶ Спрашивали и о Гальперне, в частности, чем занимается Гальперн «в настоящее время».

«Ответ: Этого я не знаю, так <как> в переписке с ним не состою со времени налета на Аркас (торгпредство), кажется, в 1927–28 гг.»¹⁵⁷

Вопрос: С кем из иноподданных вы имели встречи на территории СССР?

Ответ: Не помню, в каком году¹⁵⁸ <...> ко мне позвонил по телефону редактор журналов “Лю” и “Вю” Вожелъ Люсьен, после чего он посетил меня на квартире». Рыбаков рассказал об обмене библиофильскими подарками и о том, что из Франции ему стали регулярно приходить журналы «Лю» и «Вю».

На вопрос, с кем еще из «иноподданных» он общался в Советском Союзе, Рыбаков ответил: «С другими иноподданными я встреч не имел. Уточняя, что из проживающих в Ленинграде иноподданных я имел встречи с француженкой, преподававшей французский язык моей дочери Ольге Иосифовне Рыбаковой Жанэ Ирмой».

На вопрос о знакомстве с Вожелем Рыбаков сказал, что видел его в Париже один раз, в гостях у Гальперна.

«Вопрос: О чем у вас были разговоры с Вожелем во время вашей встречи с ним в Ленинграде?»

Ответ: Вожелъ расспрашивал меня, в чем выражается моя служба и об особенностях нового социалистического строя, интересных для него как для журналиста. С помощью моей жены, лучше меня владеющей французским языком, я ему подробно рассказывал о принципах соцсоревнования и об организации хозрасчетных бригад – этим делом я тогда увлекался и написал об этом книгу. <...>

Вопрос: Бывая за границей, вы получали от кого-либо какие <-нибудь> поручения?

Ответ: Нет, за исключением просьбы жены Гальперн Саломеи передать ее брату Яссе Андроникову носильные вещи: кожаные туфли, еще что-то, не помню. Кроме того, Саломея просила меня оставить себе ее серебряные ложки и чайный сервиз, бывший у меня в Ленинграде, и за это просила посылать в Тифлис деньги ее матери Андрониковой, что я и выполнил. <...> Через несколько месяцев после моего приезда из-за границы у меня была командировка в Москву, где я разыскал Андроникова и передал ему вещи. До тех пор и после этого с Андрониковым я не встречался».

В показаниях Яссе, а также в свидетельских показаниях его матери Лидии Николаевны Андрониковой (1861–1953, урожд. Плещеевой, племянницы поэта А. Н. Плещеева) эти факты искажены. Кроме того, «Андроников Я. Н. и его мать Лидия характеризовали пред-

приятие Рыбакова как фиктивное и шпионское». ¹⁵⁹ Но не эти давние показания (скорее всего, искаженные следователем) сыграли роль в судьбе Рыбакова, а просто логика Большого террора.

Рыбакова спрашивали о давних арестах советского времени, о партийной принадлежности до революции. Он отвечал: «...меня освободили без предъявления обвинения, под стражей я находился недолго»; «До революции я разделял взгляды меньшевиков, после революции я ни к каким партиям не примыкал. О том, что порвал всякую связь с меньшевиками, опубликовано в письме в редакцию “Ленинградская правда”». ¹⁶⁰

Вопрос: Следствие располагает точными данными о том, что вы на протяжении долгого времени вели преступную деятельность против Советской власти. Расскажите об этом.

Ответ: Преступной деятельности против Сов. власти я <не> проводил.

Вопрос: Вы пытаетесь скрыть <...> в распоряжении следствия имеется достаточно материалов о всей вашей преступной работе как агента разведки. Требуем от Вас правдивых показаний по существу.

Ответ: Я это категорически отрицаю. Агентом иностранной разведки я никогда не был».

Ни протокол этого допроса, ни протоколы последующих допросов (от 20 июля, 25 августа и 29 августа) не содержат ни малейшего следа самоговора или оговора кого-либо из тех, о ком идет речь. На требование: «Назовите лиц, с которыми вы были тесно связаны», – Рыбаков называет имена тех, с кем действительно постоянно общался, добавляя: «хирург», «художник», «писатель» – и более ни слова. Имени Ахматовой в этом перечне нет.

В конце каждой строки показаний Рыбакова, если запись не занимает ее до конца, стоит прочерк, чтобы следователь не мог задним числом ничего туда вписать. Это характерно отнюдь не для всех протоколов того времени. Внизу каждой страницы, как положено, стоит подпись Рыбакова, означающая, что текст им прочитан, проверен – и эта подпись нигде не теряет своей твердости и характерности, как бывало в протоколах тех, кого истязали. ¹⁶¹

Рыбаков подробно рассказывает о своей революционной работе до Октября 1917 года. На обвинение в том, что в 1907 году его выпустили из тюрьмы «для освещения политохранке революционной

деятельности большевистской партии», во время допроса 25 августа он отвечает: «Я это категорически отрицаю».

29 августа, если дата верна, Рыбакову предъявили расхождения со свидетельскими показаниями Ольги Иосифовны. Ее допросили 27-го. Ответы ее были достойными, но несовпадений в показаниях отца и дочери оказалось много. Пример:

«Вопрос: В доказательство вашей неискренности вам зачитываются показания вашей дочери Рыбаковой Ольги, в той части, где она говорит, что Вожель посещал квартиру Саломеи очень часто и вы всегда при этом присутствовали. Теперь вы намерены говорить правду?»

Ответ: Я это отрицаю».

Каково было отцу узнать, что дочь допрашивают? Кроме того, Рыбакову зачитывали показания Я. Н. Андроникова и его матери (не сообщая, конечно, что Андроников расстрелян).

Впервые его ловили на противоречиях, и ему приходилось объясняться по этому поводу. И все же он гнул свою линию.

Вывод А. Я. Разумова: Рыбакова готовили к расстрелу.¹⁶²

Протоколов допросов, датированных позднее 29 августа, в деле Рыбакова нет. Хотя был, по крайней мере, еще один допрос – с 7 на 8 сентября 1938 года. О его результатах говорит рапорт:

Начальнику Лентюрьмы
УГБ

Рапорт

8-го сентября <в> 0 ч. 15 мин. 1938 г. была вызвана в кабинет № 6 к л/с <sic! – О. Р.>¹⁶³ Рыбакову (I-244). Последний находился в полусидячем положении на стуле, без всяких признаков жизни. Похолодевший, лицо бледно, глаза и рот полуоткрыты. Пульс не прощупывался, тоны сердца не прослушивались. Зрочки совершенно не реагировали.

Произведенные медицинские мероприятия никакого результата не дали.

Смерть л/с Рыбакова последовала, по-видимому, скоростижно, вследствие паралича сердца.

Деж. врач <нрзб.>

По словам А. Я. Разумова, «многие умерли в тюрьме в 1937–1938 от болезней, побоев, покончили самоубийством и даже при насильственном кормлении при голодовке». ¹⁶⁴ Но случай Рыбакова особый. Легенду о его гибели, подтверждением которой стал рапорт тюремного дежурного врача, рассказала мне М. В. Бокариус, ей – М. Д. Ромм, ему – его отец Д. М. Ромм, друживший с Рыбаковым, а Д. М. Ромму – некий работник органов, свидетель происшедшего. Вот рассказ М. В. Бокариус. Рыбаков как юрист хорошо знал, что после вынесения ему приговора семью вышлют из Ленинграда и произойдет конфискация имущества, в том числе и коллекции. Он был человек гигантской силы, во время допроса схватил со стола следователя пресс-папье и замахнулся или даже ударил по голове того, кто его допрашивал, после чего его сразу убили (не расстреляли, а, видимо, забили) в том же кабинете. Рыбаков пошел на это сознательно: ему не успели вынести приговор, следовательно, семью не сослали. Не было и конфискации имущества, так он обеспечил своей семье средства на дальнейшую жизнь. Дело было замято. ¹⁶⁵ По данным А. Я. Разумова, умерших в тюрьме тайно хоронили на Богословском кладбище.

Рыбаков погиб в Большом Доме, построенном на месте здания Окружного суда, где он когда-то защищал людей как адвокат и откуда вынес из пламени портреты знаменитых юристов. Погиб, спасая свою семью.

Двадцать седьмым октября 1938 года помечено постановление: в связи с тем, что 8 сентября 1938 года, находясь в тюрьме, Рыбаков умер от паралича сердца, «следственное дело № 55 471–1938 года <...> прекратить и сдать в архив...».

Хотя жена и дочь прикладывали все усилия, чтобы узнать судьбу Иосифа Израилевича, о его смерти им сообщили нескоро. О. И. Рыбакова пишет в воспоминаниях: «Умер он под следствием, ничего не подписав, и своей “своевременной” смертью спас семью, т. к. в это время сняли Ежова, а Берия делал вид, что восстанавливает законность, так что нас с мамой чудом не выслали. Может быть, сыграло роль, что мама спустя пять месяцев содержания отца под следствием без права передач писала Вышинскому, тогдашнему генеральному прокурору, думая, что он помнит И. И. Рыбакова, т. е. моего отца, еще по революционной подпольной работе, т. к. отец, кажется, встречался с Вышинским и другими еще в Киеве. Может быть, это не имело

значения, но мама надеялась, что ее обращение к генеральному прокурору поможет облегчить тюремный режим отца. И вот ответ – ей, наконец, 3 февраля 1939 года сообщили, что подследственный, или обвиняемый, как тогда писали, <...> скончался».¹⁶⁶

Из этого рассказа видно, что какие-то смутные сведения о том, что произошло с ее отцом, до Ольги Иосифовны дошли, но не более того. А Лидия Яковлевна до конца жизни считала, что И. И. Рыбаков умер 8 октября 1938 года от воспаления легких. Это было указано в выданном семье 25 февраля 1939 года свидетельстве о его смерти. Видно, «органам» воспаление легких казалось невиннее паралича сердца, который тоже был эвфемизмом. А 8 октября вместо 8 сентября, скорее всего, возникло по небрежности: в бумагах дела множество ошибок и нестыковок. Жозефина Борисовна узнала подлинную дату и причину смерти деда только в 2019 году – из рассказа М. В. Бокариус и документов, предоставленных А. Я. Разумовым. По ее словам, обстоятельства ареста Иосифа Израилевича в семье не обсуждали. «Бабушка мало говорила о дед: рана кровоточила. Мама рассказывала и Анна Яковлевна – жена Головина, совсем простая женщина, она деда боготворила».

В домашнем архиве Рыбаковых хранится справка – «свидетельство» от 26 апреля 1939 года, в котором указывается, что «жена и дочь умершего» являются наследницами имущества гражданина Рыбакова «в равных долях».

К делу 1938 года приложены документы 1965 года, свидетельствующие о хлопотах О. И. Рыбаковой о реабилитации отца. В результате этих хлопот семье была выдана справка о реабилитации, датированная 13 марта 1965 года. В постановлении от 8 марта 1965 года о прекращении дела («РЫБАКОВ был арестован без достаточных к тому оснований») дата смерти указана правильно, а причины смерти нет, сказано лишь: «умер во время допроса».

После того, как 3 февраля 1939 года Лидия Яковлевна и Ольга Иосифовна узнали о смерти И. И. Рыбакова, они сообщили об этом друзьям семьи. В доме сохранилось несколько писем сочувствия – от тех, кто находился в это время не в Ленинграде или был болен и не мог их навестить. Письма были посланы по почте, что, как и посещение семьи репрессированного, было связано с риском. Это письмо от детской писательницы Е. Н. Верейской – первой жены ху-

дожника Г. С. Верейского, с которым Рыбаков был издавна дружен; от художника А. Г. Тышлера; от пианистки Т. С. Салтыковой – аккомпаниатора певицы З. П. Лодий; письма от художника Н. И. Альтмана и его жены И. В. Щеголевой. Альтман писал:

Москва
20 февраля 39 г.

Дорогие Лидия Яковлевна и Олечка,
мне переслали ваше письмо. Известие о смерти Иосифа Израилевича свалилось огромной каменной тяжестью на мои плечи. Я так был уверен, что скоро мы увидим его, мне даже снилось, что он дома. Я ясно вижу его светлые глаза, его благородную восторженность перед образцами человеческого гения; так не укладывается все это с мыслью о смерти. Я очень жалею, что нахожусь далеко и не могу теплым человеческим рукопожатием выразить всю свою боль и пожелать вам бодрости и сил.

Большое вам спасибо за китайские картины – это будет поистине драгоценной памятью об Иосифе Израилевиче и о любви, которой мы оба предавались.¹⁶⁷

Крепко обнимаю вас.

Нат<ан> Альтман.

А Щеголева закончила свое письмо Л. Я. Рыбаковой словами: «В Лен<ингра>д мы вернемся в марте и немедленно навестим Вас».

После известия о смерти мужа Лидия Яковлевна занялась, насколько это было возможно, увековечиванием его памяти: созданием иллюстрированного каталога его собрания. Прежде всего, перевела в машинопись его черновые записи о коллекции. В доме и сейчас хранится папка с надписью «Собрание И. И. Рыбакова», в ней – машинописный перечень икон XV–XVII веков, перечень живописных и графических работ и черно-белые фотографии вещей. Сохранилась также папка с рукописью незаконченной книги о собрании фарфора, которую Рыбаков писал до ареста: обширный аннотированный каталог предметов. По словам Ж. Б. Рыбаковой, Лидия Яковлевна работала над этими материалами с Э. Ф. Голлербахом, которого в свое время объединяли с Рыбаковым коллекционерские интересы. Он и после смерти Иосифа Израилевича часто бывал у Рыбаковых. Эрих

Федорович Голлербах (1895–1942) – искусствовед, художественный и литературный критик, коллекционер и библиофил, прозаик, поэт и художник. В семейном архиве находится газета «Советское искусство» за 9 января 1940 года, на с. 4 которой помещена небольшая статья с подписью «Э. Г.»: «Ленинградские художественные коллекции. Собрание И. И. Рыбакова». Статья содержит характеристику коллекции «товарища Рыбакова», прежде всего, ее мирискуснической части. В семье есть также машинопись и фотокопия короткого текста, опубликованного 10 февраля 1940 года в журнале «Огонек»¹⁶⁸: «Коллекция любителя. Собрание И. И. Рыбакова». В заметке, подписанной «Э. Г.», бегло охарактеризованы главные составляющие коллекции: живопись, графика, фарфор. Удивительно, что удалось протащить в печать имя убитого властями собирателя. О его судьбе в текстах, конечно, не сказано ни слова, но в «Советском искусстве» даны даты жизни: 1880–1938 (вторая дата говорит сама за себя). В «Огоньке» дат жизни нет, но сообщено, что ныне коллекция принадлежит Л. Я. Рыбаковой.

Есть в архиве Рыбаковых и полная версия статьи Голлербаха, выжимки из которой появились в «Огоньке» и «Советском искусстве». Статья называется «Собрание И. И. Рыбакова». Приведу фрагменты из нее:

«Коллекция картин и фарфора, составленная Иосифом Израилевичем РЫБАКОВЫМ (1880–1938), является одним из самых больших и содержательных частных собраний в СССР. Весьма разнообразная по своему составу, отражающая субъективные вкусы собирателя, <...> она все же дает наглядное понятие о целой полосе русской художественной жизни, связанной с группой “Мир искусства”».

<...> В собрании И. И. Рыбакова работы художников “Мира искусства” составляют <...> “правое” крыло коллекции, в которой довольно видное место принадлежит мастерам “левого” направления. <...>

Для того, кто собирает произведения современной живописи, интересна не только продукция художников, но и художественная среда. Знакомство с творческой индивидуальностью художника углубляется при личном общении с ним. В этом плане надо отметить дружеские связи И. И. Рыбакова с художниками, творчество которых хорошо

представлено в его собрании, – например, с *А. Я. Головиным, В. В. Лебедевым, А. Е. Карёвым, Г. С. Верейским, Н. И. Альтманом и др.*

Похоже на то, что коллекционерство было призванием И. И. Рыбакова: об этом говорит определенность его пристрастий <...> и неистощимая способность увлекаться. <...>

Обозревая собрание И. И. Рыбакова, чувствуешь прежде всего, какая огромная энергия была вложена владельцем в составление этой коллекции или, точнее, нескольких коллекций различных типов. <...> Мало того, что собиратель готов приносить материальные жертвы на “алтарь Аполлона”: он должен обладать знаниями, выдержкой, терпением, умением разбираться в вещах, опознавать их значение. <...>

Рыбаков обладал умением видеть и хорошим вкусом. Как у каждого собирателя, у него могли быть отдельные ошибки и промахи, но <...> У него было чутье к талантливости и одаренности. Он иногда интуитивно догадывался о художественной ценности таких вещей, мимо которых другие проходили равнодушно. Отсюда нередкие удачи в его коллекционерской практике, вызывавшие у менее счастливых собирателей “благородную зависть”.

На первом месте в собрании И. И. Рыбакова надо поставить произведения *А. Я. Головина*. <...>

Широко представлено жизнелюбивое творчество *З. Е. Серебряковой*. Перед нами ряд таких произведений ее, как “Спящая” (крестьянка, отдыхающая в поле), <...> автопортрет художницы, <...> портреты *Л. Я. и О. И. Рыбаковых* и др.».

Голлербах перечисляет и описывает работы *В. А. Серова, К. А. Коровина, Б. М. Кустодиева, К. А. Сомова* (по поводу этюда «Купальщицы» пишет: «По мнению *С. П. Яремича, Сомов* “ни разу не подымался выше этой вещи”. В самом деле, миниатюрный эскизный пейзаж, оживленный фигурками купальщиц, подкупает своей живой непосредственностью, элегантно небрежностью мазка...»). Голлербах говорит о *Л. С. Баксте, К. С. Петрове-Водкине, Н. Н. Сапунове, С. Ю. Судейкине*.¹⁶⁹ Из «левых» пишет о *В. В. Лебедеве, А. Е. Карёве, Н. И. Альтмане, А. Г. Тышлере*, об «экстравагантном» *М. З. Шагале*,¹⁷⁰ о *Д. Д. Бурлюке*. Называет много других знаменитых имен.

«Из произведений скульптуры отметим мраморную голову ра-

боты С. Т. Конёнкова, женскую фигуру работы Сарры Лебедевой (бронза), бюст Анны Ахматовой работы Н. Я. Данько (уникальная бронзовая отливка) и две скульптуры А. Т. Матвеева – женщина (мрамор) и мальчики (бронза)»).

Голлербах упоминает «искусство старых мастеров» (Рокотов и др.) и «исключительно богатый подбор французских литографий: особенно полно отражено в этом подборе творчество Домье и Гаварни. Из произведений позднейшей эпохи здесь имеются редкие литографии Тулуз-Лотрека, Ренуара и др. В отделе русской литографии превосходно представлены листы А. Е. Мартынова: обширная коллекция его пейзажей, раскрашенных от руки, превышает по своему количеству существующие музейные собрания.

Особый отдел составляют многочисленные виды старого Петербурга: они отражены не только в эстампах (в русских и иностранных гравюрах и литографиях),¹⁷¹ но и в фарфоре, где так широко применялось в первой половине прошлого века украшение ваз и сервизов видами северной Пальмиры.

Коллекционированию фарфора И. И. Рыбаков уделял большое внимание: ему удалось создать такое собрание русских фарфоровых фигурок (более 1000 экз.), которое может конкурировать с аналогичными музейными собраниями <...> на протяжении 25 лет он продолжал собирать фарфор, создав коллекцию, по которой можно изучать историю фарфорового производства в России, начиная с его зарождения и до советского периода включительно. Кроме фарфора, И. И. Рыбаковым была собрана коллекция русского и английского фаянса».

Упоминает Голлербах и о других разделах коллекции Рыбакова и пишет «о созидательном энтузиазме коллекционера, сумевшего создать “домашний музей”, к изучению которого не раз будет обращаться искусствоведы самых различных специальностей».¹⁷²

Эта уважительная и достойная статья датирована декабрем 1939 года – временем, когда не только не могло быть и речи о публикации альбома-каталога, для которого она предназначалась, но и приходы Голлербаха в дом Рыбаковых были для него некоторым риском.

Однако до Лидии Яковлевны дошли слухи, что за ее спиной Голлербах говорит о Рыбакове совершенно иначе. О характере его уст-

ных высказываний сегодня можно судить по неизвестным в то время высказываниям письменным.

Ср. цитаты из статьи к каталогу и из мемуарного очерка Голлербаха о Н. А. Клюеве, где он прошелся по Рыбакову, не называя его имени. В статье: «С конца 1920 г. в собрании Иосифа Израилевича Рыбакова появился небольшой, но ценный отдел русских икон». В очерке «Елейный Клюев»: Клюев скупал на Севере у старообрядцев «целые мешки древних икон», которыми «бойко поторговывал» в Петрограде, да еще брал подряды на сооружение «красных углов»; «Какой-нибудь полуинтеллигентный нэпман, потомок Авраама, не прочь был позабавиться на досуге приобретением эдакой православной экзотики. Прежде чем сесть за пиршественный стол, можно было показать гостям: “А вот красный угол православного крестьянина. Это я заказал известному поэту Клюеву. Дорого содрал, шельмец, зато посмотрите, какая прелесть!”». ¹⁷³ Впрочем, и Клюеву в очерке не поздоровилось. «М. А. Кузмин говорил <...>, что иконы писал Мансуров, а Клюев их в печке коптил. Может, и так...». ¹⁷⁴ Сказав о том, что поэт умер в ссылке, Голлербах закончил текст объяснением ее причины: «Скоро он был убран. Повод не искали: очищали Ленинград от педерастов». ¹⁷⁵

Более обширное, чем в очерке о Клюеве, высказывание Голлербаха о Рыбакове, – портретный очерк «Вместо некролога», который открывается строками: «Умер один из крупнейших современных коллекционеров – Р. Умер при трагических обстоятельствах. Жизнь этого человека могла бы послужить сюжетом занимательной повести, слегка напоминающей “Золотого тельца” (не столько в силу сходства покойника с Остапом Бендером, сколько в смысле его приверженности золотому тельцу).

С ненасытной энергией умножал он свои финансы и коллекции, действуя холодно, расчетливо, осторожно». ¹⁷⁶ Далее автор передает, что «о нем рассказывают», – в том же духе, в каком написаны предыдущие строки. В очерке сочетаются острый литературный стиль, “благородная зависть” собирателя, обладавшего несравнимо меньшими финансовыми возможностями, и отсутствие человечности. Интересно, что у Голлербаха есть очерки «Клевета» и «Импровизация и ложь», ¹⁷⁷ в которых он клеймит склонность многих «добрых знакомых» к сплетням.

Поскольку очерк об «Р.», как и о Клюеве, в то время опубликован не был, Л. Я. Рыбакова эти тексты не читала, но достаточно было и устных «нелицеприятных отзывов» о погибшем. По семейной легенде, Голлербаху было «отказано от дома».

Работа над каталогом осталась незаконченной.

Но все материалы Иосифа Израилевича семьей сохранены, и не только те, что касаются искусства. В отдельной папке лежат работы по хозрасчету, об увлечении которым он говорил на допросе: брошюры, статьи в журналах и множество газетных публикаций 1931–1937 годов. Основная работа, брошюра И. И. Рыбакова и Б. В. Фарафонтьева «Практика хозрасчета» (Л., 1931), видимо, была весьма востребованной, потому что вышла минимум четырежды: в папке – четыре издания. Рыбаков надписывал брошюры дочери. На титульных листах: «Дорогой Оленьке от автора // май 1931 года» (Фарафонтьев вычеркнут, напечатанная фамилия «Рыбаков» оставлена вместо подписи);¹⁷⁸ «Милой Оленьке / любящий / Рыбаков / 14/XII 31 г.» (подписи от руки нет, выделена напечатанная фамилия «Рыбаков»);¹⁷⁹ «Моей милой девочке / хозрасчетный отец / с авторским при / ветом / 17/IV / 1932 г.».¹⁸⁰

По свидетельству А. Г. Каминской, воспоминания которой о Рыбаковых относятся уже к послевоенному времени, «Анна Андреевна очень переживала гибель Иосифа Израилевича».¹⁸¹ К 1940 году относятся две ее дарственные надписи Л. Я. Рыбаковой,¹⁸² показывающие, что отношения Ахматовой с семьей, потерявшей главу, стали еще ближе.

Когда в печати после пятнадцатилетнего перерыва появилась первая публикация стихов Ахматовой (журнал «Ленинград», 1940, № 2), она написала под стихами:

Моему милому другу
Лидии Яковлевне Рыбаковой
на память
о многом
Ахматова
1940. 10 апр.

Опубликованные стихи и впрямь несли в себе память о многом. «От тебя я сердце скрыла...» – это о Фонтанном Доме, о разрыве с Пуниным. «Одни глядятся в ласковые взоры...» – о муках совести и гибели близких, царскосельские воспоминания, посвященные памяти Н. В. Недоброво и не только Недоброво. «Воронеж» был напечатан без последней строфы, но со строкой отточий, отсылающих понимающего читателя к воронежской ссылке Мандельштама, куда Ахматова ездила к нему в 1936 году. Будто в продолжение темы ссылки – «Здесь Пушкина изгнание началось / И Лермонтова кончилось изгнание...». В подборке было и стихотворение «Художнику» – с таинственным адресатом и экфрасисом неведомой картины, картины вечности, в которую можно войти: «Там стану я блаженною навеки / И, раскаленные смежая веки, / Там снова обрету я слезный дар». Возможно, Л. Я. Рыбакова понимала про это стихотворение 1924 года больше, чем мы сейчас.

Но «на память о многом»¹⁸³ – это, конечно, прежде всего о том, что их объединяло. По словам А. Г. Каминской, «общение Анны Андреевны с Рыбаковыми было очень тесное. Лидия Яковлевна была ее единомышленником, они понимали друг друга с полуслова, у них было общее прошлое».

Сразу же по выходе первого после 1923 года сборника – «Из шести книг» (Л., 1940) – Ахматова подарила его Л. Я. Рыбаковой, написав на шмуцтителе раздела «Ива», в котором были опубликованы стихи, возникшие в годы непечатания:

*Вам, Лидия Яковлевна,
и светлой памяти того,
кто всегда был другом
моих стихов.*

Ахматова.
23 мая 1940

Дом Рыбаковых оставался гостеприимным. Главой его теперь была Ольга Иосифовна («молодой инженер», как она себя обозначила).¹⁸⁴ Ахматова по-прежнему приходила туда, одна или, с 1939 года, с другом – ученым-паталогоанатомом, профессором Владимиром Георгиевичем Гаршиным,¹⁸⁵ который был, кроме того, коллек-

ционером, знатоком литературы и искусства. Гаршин в свою очередь подружился с Рыбаковыми.

Из записей Л. К. Чуковской. 15 февраля 1940 года, слова Ахматовой: «Владимир Георгиевич зашел за мной к Рыбаковым...». 3 марта 1940 года: «Вчера <...> Мне позвонил Владимир Георгиевич, зашедший за ней к Рыбаковым, где она обедала...». 8 июня 1940 года: «Она собиралась идти на обед к Рыбаковым...». 5 июля 1940 года, Ахматова: «У меня ноги опять отекли, на этот раз обе. Вчера я еле доплелась в Дом писателей и там поняла, что до дому дойти не могу. Еле-еле добрела до Рыбаковых. <...> Рыбаковы позвонили Владимиру Георгиевичу, он меня и доставил домой».¹⁸⁶

Начало войны Ахматова провела в Ленинграде. Но 28 сентября 1941 года она была эвакуирована и 9 ноября прибыла в Ташкент. Перед отъездом «часть вещей, ценных для нее, отдала на сохранение Гаршину, – рукописи, письма Пастернака...».¹⁸⁷ Рыбаковы и Гаршин всю войну оставались в городе.

Осенью 1939 года Ольга Иосифовна вышла замуж за инженера Бориса Владимировича Лауэнбурга. В «Воспоминаниях о жизни в блокадном Ленинграде» она рассказывает: «В середине января 1941 года у меня родилась дочь, которая очень болела в первые месяцы жизни <...> 22 июня застало меня с коляской в Летнем саду <...> у репродуктора <...>

У мужа был “литер” на самолет на меня с ребенком, но я отказалась ехать, не могла же я спастись сама ценой жизни двух старух, которые должны были оставаться в осажденном городе <...> Ни свою мать, ни мать мужа я оставить на верную смерть одних не могла <...> Я рассуждала так: “Ведь здесь останутся коллекции И. И. Рыбакова, моего погибшего отца, здесь остается кооперативный дом, на сохранение которого он, можно сказать, жизнь положил (донос в Наркомвнудел, видимо, исходил из нашего дома¹⁸⁸ <...>)” <...> мы <...> вовсе не хотели отдавать свое наследственное имущество мародерам, обирающим пустые квартиры, а уж о Гитлере и вермахте я не говорю, мы безоговорочно верили в то, что в конечном счете Родина, Россия победит так же, как в 1812 году она победила и погубила Наполеона I, а даст Бог, в итоге наш город бу-

дет вольным городом, как Гамбург и Любек, Роттердам и Остенде.

Итак, мы с мужем разделились – каждый стал спасать свою престарелую мать, как умел.¹⁸⁹ <...> он мне прислал письмо, что <...> “мы с тобой расходимся насовсем, мы не сошлись характерами <...> Ребенку буду помогать всегда <...>, а ты и твоя мать справитесь сами”. “Ну, нашел время расходиться!” – сказала, пожимая плечами, моя мама. Впрочем, думаю, что он не был особенно виноват, – я тоже понимала, что ошиблась. <...> Муж мой в эвакуации устроил свою жизнь по-своему, а нам высылал алименты.

Я работала всю войну, вначале в общественном порядке: комендантом бомбоубежища <...> затем заведующей санитарной комнатой, наконец, будучи председателем правления ЖСК, <...> была оформлена управляющим домохозяйством <...> Мы сильно недоедали, попросту голодали. У девочки, конечно, был рахит. <...> Мы варили кашу девочке из белого печенья “Мария”, что давали на детские карточки <...> печенье детям отоваривали вместо хлеба (белого), которого моя семимесячная еще есть не могла; так и к грудному молоку мы добавляли эту кашу (прикорм) <...> сами довольствовались своей (“иждивенческой”) пайкой хлеба – 125 блокадных грамм “с огнем и смертью пополам”, как писала наша бессмертная Ольга Берггольц. <...>

Моя дочка Жозефина, названная в честь дедушки,¹⁹⁰ но которую мы все звали Пуся или Ина <...> все сидела в кровати и сосала палец. Пошла она только в два года без малого перед самым снятием блокады. Нам привез кускового сахара приятель моего покойного отца, журналист, литературовед и искусствовед Илья Самойлович Зильберштейн,¹⁹¹ по прозвищу “старый диабетик”, разумеется, в конечном счете, “не за так”, как говорится. Он этим нас спас, т. к. сахар – это жизнь для дистрофиков, и я это понимала и на всю жизнь сохранила к нему дружбу и благодарность. Дочку мы с мамой и молодой дворничихой Соней Николаевой, жившей с нами в дворницкой во вторую блокадную зиму, манили куском сахара, как собачонку, и, наконец, она сделала первый шаг: протянула ручки к сахару, оторвалась от опоры (стула) и пошла. <...> дети блокады <...> росли в темноте и холоде, когда семьи обогревались печуркой-буржуйкой <...>.

Научились менять вещи на продукты и ходили разбирать деревянные дома на топливо, это к весне ближе. Маму мою устроила

жена д<окто>ра Тобилевича на диэпитание,¹⁹² а потом ей помогли попасть в стационар при I Медицинском институте, где отделением заведовала ее подруга, хирург Сусанна Яковлевна Хлопонина.¹⁹³ Впоследствии мама там осталась работать “канцелярской” сестрой и медстатистиком. <...>

Вторая блокадная зима была уже значительно более легкой. <...> из-за трудностей с дровами мы вновь “уплотнились” <...> в домконторе при дворницкой <...> Моя мама была в больнице Эрисмана на казарменном,¹⁹⁴ а мы с маленькой Инкой помещались в теплом углу кухни за самодельной перегородкой. Приходила мама только изредка, иногда приходили друзья, приезжали с Ленфронта офицеры-товарищи <...>. Офицеры, естественно, привозили нам с детьми сухой паек и щедро делились. <...> Надо сказать, что после первой зимы, когда к нам никто, кроме профессора Гаршина, не приходил, уже началось какое-то общение. Первой весной городская администрация провела оттаивание замерзшей канализации, дали водопроводную воду, зажегся электрический свет. Вскоре пошел первый трамвай и зашевелились троллейбусы. <...>

Всю весну мы убирали город, чинили домовую водопроводную сеть, лазили на крышу и ставили гудронные заплатки на пробитую кровлю. К счастью, наш дом не очень пострадал, прямого попадания не было. Окна заделали, чем могли. <...>

И вот наступило 18 января 1943 года – с утра слышался грохот канонады, а вечером радиотрансляция принесла долгожданную весть – блокада прорвана!!! Мы целовались с соседями и даже с прохожими на набережной. <...>

Мы все уже отмылись и приспособились понемножку. 27 января 1944 года блокада была снята – и наши надежды стали оправдываться. Мы перестали жить одними “обменами” и почувствовали себя немножко людьми. <...> Люди стремились к общению, старались помочь друг другу сменять вещи или продать их, чтобы получить продукты. Завязывались новые связи, но и старые не ослабевали, если можно было друг до друга дойти пешком.

Так, в самое темное время первой блокадной зимы я ходила пешком навестить мою старушку-няню и ее дочь Полину Сергеевну на Александро-Невскую улицу¹⁹⁵ у самой Лавры. Они очень обрадовались и, хотя сами были слабы, все же угостили меня сухарем. Наве-

щала я мою старую учительницу английского языка мисс Трауман на Кирочной, но она была уже совсем плоха и бредила мясом и “дичью”, мышами как пищей <...>

...Весной 1944 года мы уже вернулись к себе домой из дворницкой <...> Множество произведений живописи я меняла на продукты, меняла и продавала даже кое-что из фарфора. Один инженер, Павел Иванович Кутузов, и один военврач, фамилии которого я не помню, приносили и привозили нам с мамой крупу и консервы и даже витаминные сиропы для девочки. Может быть, это и были кабальные сделки, но эти люди спасли нам жизнь, и я им очень благодарна. <...>

Мне кажется, что наш дом и его население сохранилось потому, что, во-первых, слава Богу, бомбы и снаряды миновали его, а во-вторых, наш маленький коллектив был все-таки коллективом, ячейкой, потому что мы помогали друг другу: прикрепляли соседей к Военторгу, отоваривали карточки для более слабых. <...>

Нас поддерживало радио – стихи Ольги Берггольц и Веры Инбер, письма с фронта и Большой земли и товарищеская взаимопомощь. Без этого в темноте и холоде, под обстрелами и бомбежками, перешагивая через трупы на улице, нам было бы не выжить.

Когда весной 1942 года пошли трамваи, когда мы – ленинградские женщины – убрали город, похоронили трупы, лежавшие зимой 1941–42 гг. штабелями в сараях и покойницких, подлечились в стационарах и столовых дополнительного лечебного питания, – стало много легче». ¹⁹⁶

Ольга Иосифовна, которая во время войны по характеру своих должностей была кем-то вроде коменданта дома, подробнейшим образом рассказывает обо всех жильцах – от ученых до домработниц и членов их семей: кто эвакуировался, кто воевал, кто остался, кто где работал, кто и каким образом выжил или погиб. Рассказ ее проникнут глубоким сочувствием к этим людям. Сама она помогала многим и в воспоминаниях стремится назвать каждого, кто помог ее семье, особенно дочке: «вечная им благодарность...». ¹⁹⁷ Позднее по просьбе младших друзей О. И. Рыбакова написала еще несколько страниц о блокаде, назвав их «Дополнением». «Дополнение» посвящено страшным подробностям блокадной жизни, но вся последняя страница – это гимн блокадным врачам, особенно детским: детская поликлиника была «островом спасения». Кажется, главное убеждение

Ольги Иосифовны – «Старое добро не забывается...».¹⁹⁸ Свойства ее натуры: неиссякающая готовность помогать и дружить, способность не теряться в самых тяжелых ситуациях, редкостная энергия, любовь к жизни и умение выстраивать эту жизнь, – достались ей от отца. Судя по отзывам, она не была ни «святым», ни легким человеком, но названных свойств у нее не отнимешь.

В домашнем архиве Рыбаковых сохранились адресованные Лидии Яковлевне пять ташкентских открыток и телеграмма от Ахматовой. Одна открытка была послана в 1944 году, все остальное – в 1943-м (годы установлены по почтовым штемпелям). Открытки публиковались,¹⁹⁹ телеграмма публикуется впервые.

Жизнь Ахматовой в Ташкенте была полуголодной и неустроенной, к тому же Анна Андреевна много и тяжело болела. И все же по сравнению с блокадным Ленинградом Ташкент был «тихой гаванью». Находясь в этой «гавани», трудно было представить себе весь ужас блокадного существования. Судя по открыткам, Ахматова в полной мере и не представляла, особенно в отношении Рыбаковых. Она получала «весточки» от Лидии Яковлевны и Ольги Иосифовны,²⁰⁰ но, по-видимому, обе рассказывали о своей жизни сдержанно и кратко. Возможно, Ахматовой справедливо казалось, как мужу Ольги Иосифовны: «...а ты и твоя мама справитесь сами». Анна Андреевна очень волновалась за Гаршина: в это время он был главным патологоанатомом города, его окружали тысячи смертей, в октябре 1942 года умерла его жена, это было для него тяжелым потрясением. О.И. Рыбакова вспоминала: «Часто бывал у нас Гаршин во время блокады. Перенес он блокаду плохо, выглядел страшно. Мы обязаны ему спасением, без него мы бы не выжили. (Он два раза приносил нам по литру спирта, мы потом меняли его на продукты.) Мы подарили ему несколько старинных монет – ведь он был коллекционером, а он нам дал несколько полудрагоценных камней из своей коллекции».²⁰¹ Подобных историй известно о Гаршине несколько. Вот что рассказала ученица Гаршина, автор книги о нем Т. Б. Журавлева:²⁰² когда лаборантка ВИЭМа²⁰³ потеряла продуктовые карточки, он сказал ей: «Ну что ж, Елизаветушка, приходите ко мне, будем делить все пополам». И в течение десяти дней, сам недавно оправившийся от

дистрофии, делился своим пайком, скрывая это от окружающих.²⁰⁴

Помогал он и Ахматовой, о чем известно из его письма сыну Алексею: «Как только получишь деньги, напиши мне. А я не замедлю прислать еще. Я посылаю немного тете Юле²⁰⁵ (у них очень плохо) и Анне Андреевне – на Большой земле деньги больше нужны, чем здесь».²⁰⁶

Судя по некоторым фактам, Ахматова не представляла до конца не только ситуацию Рыбаковых, но и ситуацию Гаршина. Из ташкентской дневниковой записи Чуковской, 5 ноября 1942 года: «...Раневская сообщила мне текст телеграммы <Ахматовой> в Ленинград, Лидии Гинзбург:

“Больна брюшным тифом подготовьте Гаршина”.

Очень безжалостно все-таки. Ведь Ленинград!»²⁰⁷

Через какое-то время после смерти жены Гаршин сделал Ахматовой заочное предложение, и она дала заочное согласие. Уже 25 декабря 1942 года Н. Я. Мандельштам в одном из своих писем из Ташкента упоминает о Гаршине как об ахматовском муже.²⁰⁸

Вести от Гаршина иногда приходили с большими перерывами, поэтому Ахматова пыталась узнавать о нем через друзей и знакомых. Поскольку общение Гаршина с Рыбаковыми продолжалось, она писала о нем в каждой из открыток к ним. Приведу две, обе 1943 года:²⁰⁹

12 июня.

Дорогая Лидия Яковлевна,

Володя прислал мне свою фотографию. Я нахожу, что у него не только усталый, но и совсем больной вид. Вы знаете все обстоятельства, отяжеляющие его психику. Напишите мне откровенно ваше мнение. Не настало ли, наконец, время для отдыха. Можно ли убедить его отдохнуть? Он очень тепло и доверчиво к вам относится. Поговорите с ним и напишите мне. У вас еще весна, а здесь палящее бесконечное лето – вишни поспели.

Целую Вас, Олю и Жозефину.

Ваша Ахматова.

О невероятно интенсивной работе Гаршина во время войны подробно говорится в книге Журавлевой. В письмах на фронт сыну Гаршин рассказывает, как он видит свою роль: «Нас, людей моей специальности, тут осталось очень мало, поэтому приходится работать очень много, постоянно консультировать, давать сводки ма-

териала и т. д. Я удовлетворен, что остался здесь; здесь я действительно нужен»; «Работаю очень много, а нужно – еще больше. Этого жизнь требует, война требует. Хочется наверстать упущенное за время болезни. Странно изменились стимулы к работе. Прежде как-то не осознавалась связь моей работы, скажем, с общим делом. <...> Сейчас совсем иначе. Приходится отзываться на текущую животрепещущую тему и по возможности скорее делиться своими наблюдениями, мыслями, материалом с другими. Работы сразу “выносишь” в практическую жизнь. <...> Только иногда, когда идешь по улицам нашего удивительного города, вдруг осознаешь ярко и отчетливо, что судьба его переменялась. Я знал дореволюционный Петербург, советский Ленинград довоенной эпохи... Теперь будет новый Ленинград, другая жизнь, вероятно, не похожая на старую...». ²¹⁰

«Обстоятельства, отяжеляющие его психику», о которых пишет Ахматова, – это родословная Гаршина. Он был родным племянником писателя В. М. Гаршина, страдавшего нервным расстройством и покончившего с собой. С собой покончили и два родных брата писателя, один из которых был отцом Владимира Георгиевича.

15 окт<ября>

Дорогая Лидия Яковлевна,

Как-то довольно неудачно перед самой зимой я заболела стрептококковой ангиной и пролежала три недели в постели. От Вл<адимира> Г<аршина> давно нет вестей. Я беспокоюсь – напишите мне о нем.

Как ваше здоровье, что Оля и как ведет себя внучка? Ко мне на днях заходила дама, с которой я познакомилась у вас. Она врач, и вы, наверно, знаете, о ком я говорю. Она рвется в Ленинград, и мы обсуждали с ней планы возвращения. На днях вышлю вам мою книгу.

Целую вас.

Ваша Ахматова.

С середины августа по октябрь Ахматова была больна, по одной версии – стрептококковой ангиной, по другой – скарлатиной. ²¹¹ Дама, с которой она познакомилась еще в Ленинграде у Рыбаковых, – Надежда Наумовна Заманская (1901–1986), их участковый врач, со временем стала другом семьи. Будучи с мужем и дочерью в эвакуации, Заманская работала в ташкентской поликлинике. Приходила к Ахматовой в связи с ее болезнью – либо с официальным ви-

зитом (от поликлиники), либо, что вероятнее, с неофициальным.²¹²

Книга, о которой упоминает Ахматова, – маленький сборник ее «Избранного» (Ташкент, 1943), составленный К. Л. Зелинским с учетом жестких требований цензуры, основной упор в нем сделан на военную лирику. Сборник вышел в конце мая 1943 года.²¹³ В архиве Рыбаковых он есть, но, судя по инскрипту, был подарен им уже после возвращения Ахматовой.

Срочная телеграмма, сохранившаяся у Рыбаковых, как и открытки, связана с волнением Ахматовой о Гаршине. Дата в штемпеле – 23 декабря 1943 года.

= ОЧЕНЬ ПРОШУ СООБЩИТЕ ЗДОРОВЬЕ ВЛАДИМИРА ГЕОРГИЕВИЧА ЦЕЛЮЮ = АХМАТОВА –

Такого рода телеграммы посылались Рыбаковым, другим ахматовским друзьям и самому Гаршину не раз.

Ахматова стремилась покинуть Ташкент с весны 1943 года: «Второе лето в Ташкенте я едва ли вынесу» (письмо Н. И. Харджиеву от 6 апреля 1943 года);²¹⁴ «...начинается жара и, значит, погибель» (письмо И. Н. Томашевской от 2 июня 1943 года).²¹⁵ Первоначально попытки уехать имели своей ближайшей целью Москву. 6 июля 1943 года Н. Я. Мандельштам писала об Ахматовой: «...уезжает в Москву, в надежде, что ее пустят в Ленинград, к мужу».²¹⁶ Без специального вызова ни в Москву, ни в Ленинград выехать было нельзя. Ахматова неоднократно получала московский вызов, однако покинуть Ташкент мешали следовавшие одна за другой болезни, а также то, что Гаршин просил ее пока оставаться на месте. В 1944 году она все еще находилась там, ожидая вызова в Ленинград, который Гаршин многократно обещал оформить.

Но он медлил, – из-за того, что еще не было квартиры от ВИЭМа, в которой они могли бы поселиться. Сам жил, как и в блокаду, в служебном помещении. Впрочем, для медлительности могла быть и дополнительная причина. Гаршин писал сыну: «Ожидаю приезда Анны Андреевны, человека душевно близкого мне. Несколько волнуюсь – ведь прошло более двух лет, как она уехала, многое изменилось, а главное, и я изменился».²¹⁷ Время разлуки было прожито ими совершенно по-разному, это могло отдалить их друг от друга.

Так и не дождавшись вызова из Ленинграда, 13 мая Ахматова улетела в Москву. Там она провела весь май. В это время Гаршин делился с сыном своей тревогой: «Дело с квартирой в ВИЭМе, по-видимому, безнадежно, и это меня угнетает. Сил у меня мало, здоровье очень подорвано, и ежедневная езда будет мне нелегка. Есть небольшие шансы, что в июне все-таки удастся переехать. В самые близкие дни приезжает Анна Андреевна, нужно ее устроить здесь, это тоже далеко не просто. <...> Трудно мне, Алешенька, и физически, и душевно трудно. Не знаю, как наладятся отношения с Анной Андреевной, как ее устроить».²¹⁸ Он понимал, что уже едва ли сможет служить Ахматовой поддержкой, а она привыкла к поддержке и нуждалась в ней.

Получив вызов не от Гаршина, а от Союза писателей,²¹⁹ 1 июня 1944 года Ахматова вернулась в Ленинград.²²⁰ «А.А. писала Гаршину о своем приезде, потом уже из Москвы звонила, – вспоминает О. И. Рыбакова, – но он не сказал ей, что квартира <...> еще не готова, а сам просил мою мать поселить Анну Андреевну пока у нас. Комнаты ее в Фонтанном Доме, где она жила с Пуниным, были заброшены. <...> Перед приездом Анны Андреевны Владимир Георгиевич говорил моей матери, что он видит перед собой умершую Татьяну Владимировну (свою покойную жену), и что она запрещает ему жениться на Ахматовой. На такие же галлюцинации он жаловался и врачу 1-го ЛМИ С. Я. Хлопониной. Выглядел он в эти дни совсем больным».²²¹

Гаршин встретил Ахматову на перроне, они объяснились, после чего Ахматова сказала «совершенно спокойным, ровным голосом» своим спутникам В. Г. Адмони и Т. И. Сильман: «Все изменилось. Я еду к Рыбаковым», – куда они ее и отвезли на «случайной машине». «Рыбаковы <...> радостно встретили Ахматову».²²² Гаршин, отправившийся за вещами, приехал к ним позднее.²²³

О. И. Рыбакова о дальнейших событиях: «Жила Анна Андреевна у нас в небольшой низкой комнате с одним окном во двор-колодец (бывшей детской). В комнате были стекла в окне, в больших окнах других комнат была еще фанера. В комнате стояла просторная железная кровать, стулья. Было кресло, на котором она охотно сидела. Анна Андреевна приехала с одним чемоданчиком, у нее всегда было очень мало вещей. Одетая она была даже по тем временам бедно, но это всегда было так – она на это внимания не обращала.

Ахматова у нас прожила месяца три, то есть июнь, июль и август. По приезде она не сразу получила карточки, ведь надо было оформить прописку. Владимир Георгиевич бывал у нас сначала каждый день, он приносил ей в судках обед из какой-то более-менее привилегированной столовой по своим талонам. Они подолгу разговаривали в ее комнате. <...> Это продолжалось недели две. И вот однажды я услышала громкий крик Анны Андреевны. Разговор оборвался. Гаршин быстро вышел из ее комнаты, стремительно пересек столовую и поспешно ушел. Больше они не встречались, она его <...> вычеркнула из своей жизни. Лидия Яковлевна (моя мать) по ее просьбе ездила к Гаршину, забрала у него все письма А.А., которая их уничтожила, как еще раньше его письма к себе. Потом Лидия Яковлевна по просьбе Анны Андреевны не раз ездила к нему, забирала ее вещи. <...>

Прописка А.А. в Фонтанном Доме была оформлена в начале июля 1944 года с помощью О. Ф. Берггольц по письму Союза писателей <...> После оформления прописки А.А. получила “лимит” (особое писательское снабжение) <...> Она говорила моей матери: “Я сейчас обеспечена продуктами и могу помочь вам и девочкам. Пусть Оля ходит в магазин и все приносит. Ничьи судки с обедами мне не нужны”. <...>

Тяжело переживала разрыв Ахматовой с Гаршиным и Лидия Яковлевна Рыбакова. <...>

Известно, что Гаршин в конце сороковых годов тяжело заболел. Во время болезни Гаршина его навещала моя мать, а после ее смерти ездила я. <...> Не раз <Гаршин> спрашивал об Ахматовой: “Как там Аня?”. Но А.А. о нем ни разу не спросила, хотя встречалась Л. Я. Рыбакова с ней часто». ²²⁴

Точной картины ссоры Ахматовой и Гаршина мы не знаем. Ахматовская версия в трактовке Э. Г. Герштейн: «Он приходил в дом Рыбаковых и объяснялся. Наконец, Анна Андреевна указала ему, в какое глупое положение он ее поставил, не посчитавшись с ее именем. “А я об этом не думал”, – ответил он. Вот это и взорвало Ахматову». ²²⁵ Гаршинская версия в трактовке его коллеги и будущей жены К. Г. Волковой: «Однажды Владимир Георгиевич пришел встревоженный и рассказал, что Анна Андреевна потребовала, чтобы он женился на ней. Он ответил отказом. Анна Андреевна, как он говорил, в истерике

упала на пол. Владимир Георгиевич ушел от нее и больше к ней не возвращался».²²⁶

Мучительность ситуации смягчала атмосфера дома Рыбаковых, где Ахматову приняли с любовью и готовностью помогать: «...вернулась <...> большой друг моей матери и покойного отца – Анна Андреевна Ахматова, великий поэт», – пишет О. И. Рыбакова, рассказывая о знаках приближения мира.²²⁷

Как к себе домой, приглашает Ахматова к Рыбаковым художницу А. В. Любимову: «В небольшую комнату, куда привела меня Анна Андреевна, падал теплый, желтоватый отсвет от солнца <...> Мне там все понравилось – <...> простота, и порядок, и несколько старинных вещей из мебели <...> букет полевых цветов <...> небольшой четырехугольный стол в углу, на котором, должно быть, лежали тетради, – она туда подходила и что-то быстро записывала. Это место мне стало казаться каким-то необычным, и я избегала смотреть, что она там делает. И тогда же показалось мне, что сочиняет она постоянно. <...>

В самый первый день позирования, в перерыв, она спросила: “У кого вы учились?” – “У многих, но последним был Карёв”. После сеанса в тот день она повела меня по всей квартире Рыбаковых, показала их коллекцию, где было огромное количество вещей Алексея Еремеевича Карёва».²²⁸

В первые месяцы пребывания в Ленинграде Ахматова не раз выступала: в Доме писателей, в Пушкине,²²⁹ в Териоках (позднее переименованы в Зеленогорск). «У нее была та же царственная и гибкая походка. Она держалась так же прямо, очень прямо, ровно и горделиво»;²³⁰ «Среди всех, как солнце среди звезд, выделялась Анна Андреевна <...> Она читала свои стихи последнего времени. И в интонациях, в глазах, в звуках ее голоса слышалось что-то такое огромное, выстраданное, чего не смогли вложить в свои стихи все наши ленинградские поэты-фронтовики и блокадники».²³¹ Ахматову печатали. Слава ее была велика.

Но личная драма, помноженная на отсутствие собственного жилья, никуда не делась. Через много лет Ахматова оставила в записной книжке краткую помету: «Неудачная попытка жить у Рыбаковых».²³²

Она надеялась поселиться у Рыбаковых навсегда. Встречая 19

июля 1944 года семью Пунина, возвращавшуюся в Фонтанный Дом из эвакуации, она сказала: «Я в Фонтанном Доме жить больше никогда не буду».²³³ Отметим, однако, что в текстах, где Ольга Иосифовна пишет об Ахматовой, несколько раз говорится о временности ее пребывания в их квартире: Гаршин «просил мою мать поселить Анну Андреевну пока у нас»;²³⁴ «Она временно поселилась у нас, т. к. ей не хотелось возвращаться на Фонтанку, 34, в Шереметевский Дом, поскольку это была квартира ее бывшего мужа <...> Сама квартира их <...> стояла разграбленная соседями и без стекол. <...> там и воды еще не было».²³⁵ И т. д. Попытка закрепиться у Рыбаковых, тем не менее, была предпринята. Однако безуспешная – об этом говорит извещение из милиции от 19 июня 1944 года: «Ахматовой А.А. в прописке наб. Жореса 12 кв. 5 – отказано. Основание: ранее была прописана в гор. Ленинграде Ф<онтан>ка 34. Имела свою площадь».²³⁶ К сентябрю Ахматова вернулась в квартиру Пуниных, отчасти приведенную в жилое состояние.

Насколько трудно было Ахматовой примириться с ленинградской ситуацией, личной и общей, показывают, в частности, следующие факты. Ахматова стала считать Гаршина сумасшедшим. Так, в телеграммах к Н. Я. Мандельштам (5 августа) и Н. А. Ольшевской (6 августа) она сообщила: «ГАРШИН ТЯЖЕЛО БОЛЕН ПСИХИЧЕСКИ РАССТАЛСЯ СО МНОЙ...».²³⁷ 13 января 1945 года она написала о Гаршине стихотворение «А человек, который для меня...», где есть строки: «...Тяжелый, одурманенный безумьем, / С оскалом волчьим...». Более того, в момент гнева «ненормальными» ей виделись все пережившие блокаду ленинградцы. Блокадница Л. В. Шапорина записала в дневнике 22 сентября 1944 года: «Встретила на улице Анну Ахматову. Она стояла на углу Пантелеймон<ов>ской и кого-то ждала. <...> Разговорились: “Впечатление от города ужасное, чудовищное. Эти дома, эти 2 миллиона теней, которые над ними витают, теней умерших с голода. Это нельзя было допустить, надо было эвакуировать всех в августе, в сентябре. Оставить 50 000 – на них бы хватило продуктов. Это чудовищная ошибка властей. Все здесь ужасно. Во всех людях моральное разрушение, падение. (Ахматова говорила страшно озлобленно и все сильнее озлобляясь, буквально с пеной у рта, летели брызги слюны.) Все женщины ненормальные”. – “Не вижу, – вставила я реплику, – Л. Я. Рыбакову”. – “Л. Я. никуда

не выходила, ничего не видала. Все ненормальные. Со мною дверь в дверь жила семья Смирновых, – жена мне рассказала, что как-то муж ее спросил, которого из детей мы зарежем первого. А я этих детей на руках вынянчила. Никаких героев здесь нет, и если женщины более стойко вынесли голод – то все дело здесь в жировых прослойках, клетчатке, а не в героизме. Вы думаете, я хотела уезжать – я не хотела этого, мне два раза предлагали самолет и наконец сказали, что за мной приедет летчик. Все здесь ужасно, ужасно».²³⁸

Лучше б я по самые плечи
Вбила в землю проклятое тело,
Если б знала, чему навстречу,
Обгоня солнце, летела.

– писала Ахматова в июне 1944 года. А в стихотворении с датой 31 мая 1946 года уже совершенно иная интонация:

Вторая годовщина

Нет, я не выплакала их.
Они внутри скипелись сами.
И все проходит пред глазами
Давно без них, всегда без них.

Без них меня томит и душит
Обиды и разлуки боль.
Проникла в кровь – трезвит и сушит
Их всесжигающая соль.

Но мнится мне: в сорок четвертом,
И не в июня ль первый день,
Как на шелку возникла стертом
Твоя «страдальческая тень».

Еще на всем печать лежала
Великих бед, недавних гроз, –
И я свой город увидала
Сквозь радугу последних слез.

Отношения с Рыбаковыми оставались тесными и после переезда Ахматовой на Фонтанку. А. Г. Каминская: «Лидия Яковлевна, пока была здорова, часто бывала у Анны Андреевны». Ахматова также бывала у Рыбаковых.

В их архиве хранится ахматовская книга 1943 года «Избранное» с инскриптом:

Милой
Лидии Яковлевне
Рыбаковой –
свидетельство
ясной, ничем не
омраченной дружбы.
Ахматова
1 февраля
1945.
Ленинград.²³⁹

В семейном архиве лежат листочки с ахматовскими стихами, переписанными Л. Я. Рыбаковой и авторизованными Ахматовой, и многосоставный, не сводимый к какому-то единству экземпляр «Поэмы без Героя». К нему приложен листок с надписью рукой Лидии Яковлевны: «Получено от В. Г. Гаршина. 21 IX 43». Переданная ей Гаршиным машинопись «Поэмы» с многочисленными поправками и вставками, сделанными ахматовской рукой, была доставлена ему сложным путем: в апреле 1943 года текст был послан в Москву Н. И. Харджиеву, с просьбой, если возможно, переправить Гаршину, та же просьба была обращена и к находившейся в Москве И. Н. Медведевой-Томашевской; в Ленинград «Поэму» отвезла М. В. Юдина, дававшая там концерты; 2 сентября Гаршин написал сыну, что ему от Анны Андреевны «доставили совершенно гениальную поэму, правда, очень интимную».²⁴⁰ Как установила Н. И. Крайнева, это был экземпляр, в основе которого лежала вторая редакция «Поэмы» (1940–1942). Там «Решка» была посвящена «В. Г. Гаршину», а эпилог посвящался «Городу и другу», и в нем были строфы, открывавшиеся словами «Ты мой грозный и мой последний / Светлый слушатель темных бредней...». После возвращения в Ленинград Ахматова на обороте титульного листа «Поэмы» написала: «Дорогой / Лидии

Яковлевне / Рыбаковой – / другу моих стихов / и / моему другу – / Ахматова. / 20 ноября 1944. / Фонтанный Дом». В дальнейшем Ахматова и Л. Я. Рыбакова вносили в этот экземпляр разновременные дополнения, в основном на отдельных листах.²⁴¹

В 1946 году Ахматова подарила Л. Я. Рыбаковой белой, тщательно выполненный автограф третьей редакции «Поэмы без Героя» с инскриптом: «Милой / Лидии Яковлевне / Рыбаковой / от старого друга – / А. Ахматова. / 22 марта 1946. / Фонтанный Дом».²⁴² На титульном листе – даты создания: «1940–1942». На следующем листе: «Список сделан / 30–31 / дек. / 1944 / В Ленинграде». Но на самом деле автограф включает в себя текст «Поэмы» на 1945 год, а также некоторые вставки. Этот экземпляр «Поэмы без героя», как и многие другие ахматовские материалы, О.И. Рыбакова впоследствии передала в РГАЛИ.²⁴³

В журнале «Ленинград» № 3–4 за 1946 год в «подвале» страницы 10 был опубликован цикл стихов Ахматовой, озаглавленный «Пять стихотворений из цикла “Любовь”». Ахматова зачеркнула это название и заменила его на «Cinque» (итал. «пять»), под которым цикл и известен, проставила под стихами годы создания и дополнила эпиграф из Иннокентия Анненского («Пять роз, обрученных стеблю») эпиграфами из Шарля Бодлера («...et ta forme immortelle / Veille près de lui quand il dort; Autant que toi sans doute, il te sera fidèle / Et constant jusqu' à la mort») и Джона Китса («And thou art distant in Humanity»).²⁴⁴ Дарственной надписи на публикации этих стихов, посвященных Исае Берлину, нет, как нет и даты, когда была внесена правка. Вероятнее всего, она была сделана в мае 1946 года.²⁴⁵ Номер журнала хранится в домашнем собрании Рыбаковых.

Встречи Лидии Яковлевны с Ахматовой продолжались и после постановления ЦК от 14 августа 1946 года, когда круг общения Ахматовой резко сузился. Ж. Б. Рыбакова: «Помню, как бабушка, держа меня за руку, ходила в Анне Андреевне в 1948–1949 годах. Шли через проходную Арктического института. Я играла с Аней, пока дамы разговаривали».

В ответ на вопрос, что еще она помнит про бабушку, Ж. Б. Рыбакова рассказала: «Бабушка была очень выдержанная, очень спокойная, добрая, с очень четкими нравственными представлениями.

В Эрмитаже находятся подаренные ею в “Фонд Победы” работы импрессионистов, пейзаж французского художника Пьера Боннара и морской пейзаж голландского художника Яна Порцеллиса.²⁴⁶ Бабушка и мама были советскими людьми, патриотками. Но сталинистками они не были». Ж. Б. Рыбакова помнит бабушкину подругу Агриппину Ильиничну Картужанскую, преподавательницу иностранных языков: «С какой ненавистью году в 49-м–50-м она говорила бабушке о Сталине! Когда они меня заметили, выставили из комнаты».

В рассказе о М. А. Сильвине (1874–1955), друге Рыбакова, его «товарище по революционной работе 1905 г.», Ольга Иосифовна вспоминает: «После смерти отца Михаил Александрович время от времени навещал мою мать <...> После снятия блокады Михаил Александрович вернулся в Ленинград <...> Он рассказывал, что пишет свои воспоминания и собирается сдать их в архив Истпарта. Он говорил: “Сейчас они не к месту, но они должны долежать до своего времени. Правда есть правда.” <...> он говорил о действительной роли Сталина в Октябрьском вооруженном восстании, отмечая, что она отнюдь не была такой, как писали в официальных учебниках 30–40-х годов, и около В. И. Ленина в 1917 г. в штабе вооруженного восстания Сталина не было, были другие люди, Сталин не мог быть “правой рукой” Ленина. Впоследствии Михаил Александрович говорил маме, что свои воспоминания закончил и передал их в архив».²⁴⁷ Интерес Л. Я. Рыбаковой к теме революции берет свои истоки в ее юности, когда она сама была революционно настроена.

«Бабушка учила меня читать, – рассказывает Ж. Б. Рыбакова, – занималась со мной, водила в первый класс. Но уже в сорок девятом году она плохо себя чувствовала, а в 1951 году у нее произошел инсульт, с этого времени она в основном лежала. Сиделка усаживала ее в кресло. Речь у бабушки была не очень понятная, а голова была ясная.²⁴⁸ В декабре 1953 года бабушка умерла».

На вопрос, навещала ли Ахматова Лидию Яковлевну во время болезни, Жозефина Борисовна ответила, что не помнит ее приходов в эти и последующие годы, «наша крутая лестница отвела от дома многих старых людей, да и психологически им было тяжело видеть больного человека – как свое будущее».

Традиция дружбы семьи Рыбаковых с Ахматовой теперь поддерживалась Ольгой Иосифовной. По словам А. Г. Каминской, после смерти Лидии Яковлевны Ольга Иосифовна часто бывала у Ахматовой и Пуниных, «с ее стороны была даже некоторая навязчивость, но общение Анны Андреевны с ней было, как с родным человеком. Ольга Иосифовна очень нежно относилась ко мне, таскала меня на уроки английского и на детские праздники к ним домой».

В воспоминаниях о семье О. И. Рыбакова пишет и о себе. И наоборот: воспоминания о себе неотделимы для нее от истории семьи и рода, и более того – от общего потока истории. В блокадном тексте она говорит: «Я родилась в апреле 1915 года, на второй год Войны 1914–1915 годов».²⁴⁹ А «Рассказ Ольги Иосифовны Рыбаковой» начинается так: «Я родилась в семье, как говорила моя немецкая учительница, *höchst intelligent* – чрезвычайно интеллигентной». И дальше разговор идет о семье. Краткую, но наполненную живыми деталями биографию Ольги Иосифовны на фоне времени можно составить из мозаичных фрагментов разных ее текстов.

«...Мое детство протекало в Царском Селе (это уже лет так с восьми). А когда я была маленькой, ни о каких поездках за город не думали <...>

А меня воспитывала няня, которая была очень религиозной. Она меня воспитывала, как хотела, водила в церковь – родители не вмешивались. Они считали <...> когда девочка вырастет, сама разберется. <...>

Я училась в 14 школе на Моховой в 7 и 8 классах, но так как школа в те времена была плохая, до 7 класса ко мне ходила целая процессия учителей. <...> Потом школу расформировали. И в 9 класс меня устроили в школу № 10 на Чайковской...»²⁵⁰

«При таких родителях я, конечно, была ребенком и девушкой достаточно развитой, мечтала о юриспруденции и медицине или физиологии. <...> Мечты мои, однако, не осуществились: папа сказал, что все эти специальности – и литература, и юриспруденция, и медицина – не хлебные, с ними даже не прокормишь себя, а не только семью, в Университет²⁵¹ на математику или астрономию (а я математику любила – спасибо Серафиме Алексеевне Гастевой, бессменно приучавшей меня к математическому мышлению с первых классов

школы и бывшей моим любимым педагогом²⁵²) – поступить просто невозможно, а надо идти по линии наименьшего сопротивления, то есть воспользоваться правом детей ИТР²⁵³ (папа был в это время экономистом по хозрасчету на заводе имени Свердлова) – поступить в вуз по квоте (в 1931 году это было даже без экзаменов, только по данным школьного аттестата). И вот в 1931 году я по окончании девяти классов (школа тогда была девятилеткой) поступила по путевке детей ИТР, выданной завкомом завода Свердлова, в Ленинградский машиностроительный институт на специальность “химическое машиностроение” <...> Впоследствии я перешла с потерей курса на физико-механический факультет ЛПИ – в тот период еще самостоятельный институт Физмех. Потом институты объединились, и окончила я уже единый Индустриальный (Политехнический) институт. Это было в 1937 году. <...>

В школах <...> я была отличницей, в институте тоже, увлекалась общественной работой, в школе была членом учкома (школьное самоуправление учеников), в институте влюбилась, вступила в комсомол, потом поссорилась с отцом, пошла в летние каникулы работать технич<еским> секретарем комитета ВЛКСМ института, затем помирилась с родителями, пожалев маму, продолжала учебу, но ушла из Машиностроительного института на Физмех, чтобы забыть свой трагически неудавшийся роман, и благополучно окончила этот факультет, получив диплом с отличием <...> В институте тоже вела общественную работу <...>. Дополнительно еще занималась в так называемом Университете культуры (студенческом), участвовала в организации экскурсий и поездок – словом, была общественницей и контактной, компанейской девчонкой». ²⁵⁴

«Работать меня направили на Ленинградский металлический завод на Свердловской набережной, рядом заводом, где работал папа, так что на работу мы ходили с отцом вместе – по набережной Невы, через Литейный мост и снова по набережной Выборгской стороны до наших заводов. <...> я <...> пошла работать инженером-расчетчиком в Исследовательскую лабораторию гидротурбин ЛМЗ. <...>

Там меня и застал июль 1938 года, когда 6 числа арестовали отца, и он ушел из дома навсегда. <...>

С этого момента главой семьи стала я <...>. На заводе знали, что мой отец под следствием, но мер по моей изоляции не принимали,

наоборот, меня все очень жалели. <...> За мной даже не боялись ухаживать, но мне было не до того.

Между тем, подружки моей матери стали меня знакомить с приличными молодыми людьми “с положением” <...> В конце концов, я махнула рукой на свое любовное прошлое <...> вышла замуж». ²⁵⁵

Дальше Ольга Иосифовна описывает рождение дочери, расставание с мужем и события блокадного времени.

«В 1945 году перед Победой я вернулась на родной завод и проработала до 1970 года...». «...Я работала в отделе техинформации как переводчик. Потом меня вновь переманили в конструкторское бюро, и <я> работала частично как инженер, частично как переводчица. Я свободно владею английским, французским, немецким. Была референтом главного конструктора и начальников ряда отделов. Я выучила на заводе, наверное, целую плеяду новых переводчиков и референтов...». ²⁵⁶

При том, что для Ахматовой главной всегда оставалась дружба с Иосифом Израилевичем и Лидией Яковлевной, с их дочерью у нее, начиная с первых лет знакомства, были свои отношения. Вот что О. И. Рыбакова пишет о времени детства: «А.А. очень хорошо ко мне относилась. А я все время спрашивала у мамы, почему все так восхищаются А.А., ведь она не такая уж красавица. Для меня тогда был идеал, если голубые глаза и золотистые волосы. Сохранилось мое письмо маме, я пишу, кто звонил: “звонила А.А. и говорила мне «Вы, Оля»”. Она подарила мне томик стихов “Четки” с надписью <...> и автограф стихотворения “Будем вместе, милый, вместе...”». ²⁵⁷

Надпись на «Четках» (изд. 9-е, издательства «Петрополис» и «Алконост», Берлин, 1923), которую упоминает О. И. Рыбакова, звучит так:

Оле Рыбаковой
не в поучение
Анна Ахматова.
1925.

С тех пор Ахматова подписала Ольге Иосифовне множество изданий и публикаций. О. И. Рыбакова бережно их хранила. За ис-

ключением нескольких, переданных ею в архивы, они до сих пор находятся в семье.

В поздние годы Ольга Иосифовна составила подробную машинописную опись на пятнадцати листах, в которую вошли почти все ахматовские инскрипты Рыбаковым, а также поправки и дополнения в опубликованных текстах (включая переводы), к ним добавлены имевшиеся в доме публикации Ахматовой без ее помет.²⁵⁸ Если какое-то произведение печаталось неоднократно, Ольга Иосифовна указывала разночтения. Насколько значимо было для нее все, выходявшее из-под пера Ахматовой, можно увидеть на следующем примере: на четвертой странице перечня скрупулезно зафиксирована публикация ахматовских стихов в «Ленинградском альманахе» за 1945 год, а в скобках отмечено: «У О. И. Рыбаковой экземпляр утрачен, данные взяты по экземпляру, принадлеж<ащему> Ф. В. Плантенер».²⁵⁹

Приведу тексты надписей, адресованных Ольге Иосифовне. Часть их не публиковалась.

Одна из них – на уже упоминавшейся фотографии Ахматовой в постели: «Милой Оле Рыбаковой / в знак сердечной / приязни / Ахматова. // 5 февр<аля> 1935».²⁶⁰

В журнале «Ленинград» за 1940 (№ 2. С. 9): «Оле Рыбаковой / с лучшими чувствами / А. Ахматовой <sic! – О. Р.> / 10 апр<еля> 1940».²⁶¹ Под стихотворением «Здесь Пушкина изгнание началось...» рукой Ахматовой указано: «Кисловодск».

Особняком стоит автограф Ахматовой на книге очерков Федина «Свидание с Ленинградом» (М.; Л., 1945): «Милой / Оле Рыбаковой / привет / от А. Ахматовой. / 10 авг<уста> / 1945». Причина, по которой Анна Андреевна подарила Ольге Иосифовне книгу своего давнего приятеля, становится ясна при пролистывании издания. На с. 17 сбоку отмечен чертой такой фрагмент:

«У домов, стен, вещей – то же разнообразие судеб, что у людей. Я встретил дочь известного среди коллекционеров собирателя русского фарфора.

- Ну, как ваш фарфор?
- Цел и невредим.
- До последней фигурки?
- До последней фигурки. И даже ничего с места не сдвинулось.

– Как? Вы не укладывали коллекции в ящики?

– Зачем? От попадания не спасет никакой ящик. Мы верим в судьбу...

Иногда кажется, что слово “судьба” – не что иное, как псевдоним оптимизма».

И название книги, и название очерка – «Живые стены», и рассуждение Федина о судьбах домов и вещей, несомненно, привлекли внимание Ахматовой, они перекликались с ее собственными переживаниями и размышлениями. Но официальный оптимизм этой маленькой книжки, конечно, не был ей близок.

А судьба как «псевдоним оптимизма» в случае Ольги Рыбаковой – определение неточное. Конечно, оптимизм был ей свойственен – особый, деятельный. Но в ее словах Федину судьба, скорее, синоним веры. «...Наш дом и его население, – пишет она в 1986 году в рассказе о блокаде, – сохранилось потому, что, во-первых, слава Богу, бомбы и снаряды миновали его...». А начинает она этот рассказ рассуждением: «В наше время очень трудно писать правду о блокаде Ленинграда. Совершенно изменились все моральные категории», – во главе угла стоят те человеческие проявления, которые «некогда сдерживались так называемым “страхом Божиим”». Ж. Б. Рыбакова: «Мама была верующей, православной. В церковь ходила, но нечасто. Ее в детстве крестила няня. Бабушка и дед относились к этому спокойно. Сами они формально оставались иудеями, а верили ли, я не знаю. Перед маминой смертью я приводила к ней священника».

Два номера «Огонька» за 1950 год с ненавистными Ахматовой стихами из цикла «Слава миру», с помощью которых она пыталась вызволить из заключения сына, также были подписаны: «Оле – / Ахматова / 22 янв<аря> / 1952» (№ 42. С. 20),²⁶² «Милой Оле Рыбаковой / на память об Ахматовой. / 15 ноября 1954» (№ 36. С. 23).²⁶³ Ж. Б. Рыбакова: «Вряд ли Анна Андреевна подарила маме эти номера журнала. Наверное, мама принесла их сама и попросила написать». Скорее всего, аналогично обстояло дело со стихами из того же цикла в коллективном сборнике «Русская советская поэзия» (М., 1954), где на с. 256 Ахматова написала: «Милой Оле Рыбаковой / от старого друга / А. Ахматовой / 12 окт<ября> 1954».²⁶⁴

Религиозность Ольги Иосифовны как-то уживалась с советско-

стью. Ж. Б. Рыбакова: «Мамаша была человеком очень законопослушным, жила по принятым законам». К этому можно добавить: и умела находить общий язык для разговора с властью. «Складывается впечатление, – говорит Жозефина Борисовна, – что после смерти деда органы как-то нас опекали. Никогда не трогали.²⁶⁵ В конце 1960-х или в 1970-е годы Сергей Беляев, человек из Эрмитажа,²⁶⁶ переснимал у нас с разрешения мамы ахматовские материалы. Мама никуда не вызывали, пришел следователь, вежливо расспросил. Мама сказала: “Да, давала переснимать, не считала это преступлением”. Пленки забрали и не вернули, но больше не беспокоили».

Продолжу перечень ахматовских инскриптов.

Издание поэмы «У самого моря» (Пг: Алконост, 1921): «Оле Рыбаковой / в знак сердечной / приязни / А. Ахматова. / 15 ноября 1954».

В журнале «Ленинград» за 1946 год (№ 1–2. С. 13): «Милой Оле Рыбаковой / к 1 мая 1956 / Ахм<атова>»

На статье «“Каменный гость” Пушкина» (в сб.: Пушкин. Исследования и материалы: Т. II. М.; Л., 1958. С. 185): «Милой Оле Рыбаковой / в Комарове. / Ахматова. / 20 сент<ября> 1958».²⁶⁷

Издание «Корейской классической поэзии» в переводах Ахматовой (М., 1958): «Милой Оле в Москве / Ахматова. / 12 ноября 1958».

Сборник Ахматовой «Стихотворения» (М., 1958): «Милой Оле / от старого друга / ее родителей / А. Ахматова. / 3 янв<аря> 1959 / Ленинград».²⁶⁸

В журнале «Наш современник» за 1960 год (№ 3. С. 178): «Милой Оле / 17 февр<аля> / 1961».²⁶⁹

В альманахе «День поэзии» (Л., 1961) на с. 53: «Оле на память // Из цикла “Тайны ремесла”».²⁷⁰

В журнале «Звезда» за 1961 год (№ 5. С. 146): «Милой Оле Рыбаковой / и это / Ахматова / 14 авг<уста> / 1961 / Комарово».²⁷¹

На обороте фотокопии профильного портрета Ахматовой работы Тышлера: «Милой Оле / дружески / Анна Ахматова / 20 июля / 1963 / Комарово».

В журнале «Знамя» за 1964 год (№ 10. С. 91): «20 ноября 1964 / Оле // 1960. Москва. А<хматова>» Стихотворение «Смерть поэта» Ахматова дополнила эпиграфом: «Как птица мне ответит эхо / Б<орис> П<астернак>».²⁷²

В журнале «Юность» за 1965 год (№ 7. С. 57): «Милой Оле Рыбаковой под / соснами Комарова / Анна Ахматова. / 7 / сент<ября> / 1965».

В записных книжках Ахматовой отмечены некоторые встречи с Ольгой Иосифовной. О том, что инициатива общения не была односторонней, говорит, например, ахматовская запись от 22 августа 1964 года, сделанная в Комарове: «М. б., поездка в город. Там звонить: <...> Рыбаковой <...> (Осталась дома. Дождь.)»; имя Рыбаковой есть и в более позднем, от 26 августа, списке тех, кому Ахматова собиралась звонить на следующий день в городе.²⁷³ Причину звонка, возможно, объясняет запись от 28 августа, сделанная во время трехдневной поездки в Ленинград: «(Статья из “Русской мысли”) (29 авг<уста>) принесет завтра О. Рыбакова».²⁷⁴ Речь идет о статье Н. В. Недоброво²⁷⁵ «Анна Ахматова», напечатанной в журнале «Русская мысль», № 7 за 1915 год. По-видимому, редкое дореволюционное издание имелось в семье Рыбаковых. Перечитав публикацию, Ахматова записала 13 сентября 1964 года: «Прочла (почти не перечла) статью Н. В. Н. <...> Статью я, конечно, совершенно забыла. <...> Я потрясена». 14 сентября: «Он (Н. В. Н.) пишет об авторе Requiem’a, Триптиха²⁷⁶, “Полночных стихов”, а у него в руках только “Четки” и “У самого моря”. Вот что называется настоящей критикой».²⁷⁷

В Отделе рукописей РНБ хранится пять писем и телеграмма Ольги Иосифовны к Ахматовой.²⁷⁸ Корреспонденция относится к 1957–1964 годам и показывает характер их общения в эти годы. Приведу несколько фрагментов.

Письмо, посланное из Ленинграда в Комарово 28 июня 1957 года, через несколько дней после дня рождения Ахматовой:

«Родная моя Анна Андреевна, я просто места не нахожу себе, что, пообещав приехать в воскресенье, а потом в среду, все еще не могу выбраться из Ленинграда. У меня беспокойно на душе за вас и ваше здоровье, и очень хотелось бы поделиться многими впечатлениями, в частности, о юбилее нашего родного города и новостями искусства. К сожалению, каждый день возникают непредвиденные препятствия. У нас в доме уже неделю идет приемка водяного отопления, и мне надо быть на месте, осматривать трубы в квартирах и на чердаках и <в> подвалах. <...> мне нездоровится, мне даже дали третьего дня больничный лист. Я надеялась, что теперь-то уж

смогу выбраться к вам днем, но совсем скисла, температуру, плохо сплю, бром с валерьянкой мало помогает.

Кроме того, у меня массу времени отняла сотрудница Московского института истории искусств при Академии наук, которая производила фотографирование работ Г. С. Верейского для выпускаемой монографии. Снят, конечно, и ваш портрет <...>

Как только смогу обмануть врачей, приеду непременно...».

28 декабря 1964 года Ольга Иосифовна пишет из Ленинграда в Москву, поздравляя только что вернувшуюся из Рима Ахматову с Новым годом: «Вчера в 6 час. вечера Канада на русском языке передавала “Реквием”. Мои друзья, а ваши почитатели – Мария Павловна²⁷⁹ с семьей – слушали и позвонили мне, а я сообщила Ане.²⁸⁰ Передача была восхищенной и удивительно теплой».²⁸¹

Никаких письменных ответов Ахматовой нет. Учитывая ее нелюбовь к написанию писем и даже открыток, можно с уверенностью сказать, что их и не было. Могли бы быть телеграммы, но в архиве Рыбаковых нет и их. По словам Ж. Б. Рыбаковой, «в последние годы общение мамы с Анной Андреевной в основном было телефонным».

Наиболее существенная ахматовская запись об О. И. Рыбаковой сделана в августе–сентябре 1963 года: «Оля Рыбакова сказала сейчас о К. Чуковском: “Он называет исторической живописью то, что мы называем пророческим даром”. (О “Поэме без Героя”))».²⁸² В записных книжках зафиксированы многие значимые для Ахматовой отзывы о «Поэме». Несомненно, отзыв Ольги Иосифовны принадлежит к их числу.

К 1960-м годам в доме Рыбаковых подросла еще одна наследница семейной любви к Ахматовой – Ина, Жозефина.²⁸³ 24 октября 1961 года, лежа в своей квартире с целым букетом болезней, Ольга Иосифовна пишет Ахматовой, лежащей с третьим инфарктом в больнице им. Ленина:

«...Крепко вас целую.

Ина почтительно присоединяется.

Р. С. В ее комнате (прежней комнате Лид<ии> Як<овлевны>) в шкафу устроена настоящая Ахматовская выставка. Бюст, портреты, фотографии и последнее издание ваших стихов, надписанное нам обеим».

Последнее на тот момент издание – сборник «Стихотворения» (М., 1961). Почти весь тираж был выпущен в зеленоватой обложке, за которую Ахматова прозвала книгу «зеленой лягушкой». На титульном листе подаренной Рыбаковым «лягушки» она написала: «Милым / Оле и Инне <sic! – О. Р.> / Рыбаковым / дружески / Ахматова // 14 апреля / 1961».

Ж. Б. Рыбакова: «После того, как бабушка заболела, а потом умерла, я с Анной Андреевной почти перестала видеться. Когда мы с Аней поступали в Академию художеств, то готовились вместе на даче в Комарове, но с Анной Андреевной я мало пересекалась: у нее была своя жизнь, у нас своя. Мы же тогда были молодые, глупые.

В Академии художеств мы учились все на искусствоведческом факультете, на одном курсе: Аня, мой будущий муж Володя²⁸⁴ и я. Общались между собой. С Анной Андреевной почти никакого общения в это время у меня не было. Когда я вышла замуж, Володя был ей представлен, но не более того. Году в 1963-м–1964-м Анна Андреевна захотела на меня посмотреть. Мы с мужем приехали на улицу Ленина и сидели с Аней на кухне. Пришла Анна Андреевна, побыла с нами недолго, задала какие-то вопросы, какие – я уже не помню, и ушла к себе». «У нас с Володией благоговение по отношению к ней было».

По словам Ж. Б. Рыбаковой, весть о смерти Ахматовой (5 марта 1966 года) оказалась для нее и для Ольги Иосифовны очень неожиданной. «В день похорон, 10 марта, мама была всюду: на отпевании в Никольском соборе, на гражданской панихиде в Доме писателей, на кладбище в Комарове. Даже я была на отпевании: няня меня отпустила. А потом я стояла возле Дома писателей на Шпалерной (тогда Воинова) с коляской – с Катей.²⁸⁵ Внутрь не заходила».

Для О. И. Рыбаковой история отношений с Ахматовой продолжалась и после ее смерти. Одно из свидетельств тому – переписка с С. Н. Гальперн, завязавшаяся по инициативе Ольги Иосифовны, видимо, в конце 1966 года (первое письмо С. Н. Гальперн датировано 4 января 1967). Письма Саломеи Николаевны Ольга Иосифовна сохраняла. Оригиналы их Ж. Б. Рыбакова передала в Русский музей, но в семейном архиве есть сделанная в свое время Ольгой Иосифовной машинописная копия. По многим ответам Саломеи Николаевны видно, что племянница не раз писала ей об Ахматовой и судьбе ее

наследия (о судебном процессе между Л. Н. Гумилевым и семьей Пуниных),²⁸⁶ постоянно посылала ахматовские новые публикации и другие материалы.

Письма С. Н. Гальперн показывают, как драгоценна была для нее память о подруге-поэтессе. 4 января 1967 года она пишет: «...на полчке в голове моей кровати <...> стоят книжки любимых мною поэтов: маленький Пушкин (советское издание – очень удобно читать лежа), Блок, Ахматова, Цветаева, Мандельштам, Бодлер и т. д.». 15 сентября 1967 года: «Во время пребывания Ан<ны> Андр<еевны> здесь²⁸⁷ письма Марины²⁸⁸ были еще у меня. Анна попросила прочесть одно или два. Я дала ей весь пакет, она вытащила наугад и попала на письмо, где Мар<ина> описывала сон, что ей приснился.²⁸⁹ Ан<на> Андр<еевна> была взволнована им и сказала мне: “Как удивительно – именно ТАК и бывает со мной”». Из письма С. Н. Гальперн от 21 марта 1972 года о «Поэме без Героя»: «Это шедевр Анны. Не могу читать ее, хоть в сотый раз, без волнения». 18 января 1968 года: «Спасибо, дорогая Ольга, за “Звезду”. Чрезвычайно интересны обе статейки. Анна Андреевна, как всегда, безупречна, а Максимов, видно, умный и толковый критик».²⁹⁰ Из письма от 18 мая 1975 года: «Марк Михайлович²⁹¹ передал мне, дорогая Ольга, посланную вами мне фотографию Ан<ны> Ан<дреевны> в постели. Эта доставила мне особенную радость. Она ТАК хороша, и такую я ее любила и помню. Благодарю вас очень. <...> Присланная вами фотография стоит перед моими глазами на письменном столе». И т. д.

Из писем С. Н. Гальперн отраженным светом видна интенсивность жизни О. И. Рыбаковой: книги, журналы, альбомы, выставки, экскурсии, концерты, командировки, интенсивное общение. Она забрасывает Саломею Николаевну длинными письмами, которые та называет «капустами», литературными подарками, материалами по изобразительному искусству. Жалуется на то, что болеют опекаемые ею пожилые люди, на что С. Н. Гальперн отвечает 29 января 1972 года: «Ваши несчастья с больными стариками и старухами меня очень огорчают. Главное, что это вам собственно здоровья. Будьте, однако, разумной: живая и здоровая вы сможете быть полезной многим». С. Н. Гальперн выговаривает племяннице за чрезмерную активность: «...суетитесь <...> до всех и до всего вам дело. Пора бы успокоиться, больше жить мыслями, любовью к вашей миленькой

внучке и сосредоточенностью. Это удел и, по мне, радость возраста» (16 августа 1974 года).

Но жить спокойно было не в духе Ольги Иосифовны: «...Проработала до 1970 года, когда ушла на заслуженный отдых, – пишет она в 1986 году в рассказе о блокаде. – Иногда прирабатываю переводами с иностранных языков, веду общественную работу в Правлении жилищного кооператива (благоустройство) и в Обществе охраны памятников культуры и искусства. Хожу на лекции, на экскурсии, пишу воспоминания и привожу в порядок архив моих родителей, встречавшихся со многими интересными людьми.

К сожалению, я перенесла спазмы мозговых сосудов – инсульт, и сил стало много меньше. Между тем, дела много и хочется быть полезной людям и оставить добрый след на земле».²⁹²

Ж. Б. Рыбакова: «Мама долго сохраняла активность. До 80 лет, уже пережив инфаркт и инсульт, подымалась к нам на верхотуру – на четвертый этаж, по высоте равный шестому. Лишь под конец ей это стало не под силу». М. В. Бокариус: «Ина очень достойно ухаживала за Ольгой Иосифовной в последние годы».

Хранитель семейной коллекции и семейный летописец Ольга Иосифовна Рыбакова умерла в 1998 году в возрасте 83 лет.

Ныне хранитель коллекции и семейной памяти, в том числе и ахматовской ее доли, – Жозефина Борисовна Рыбакова. Благодаря ее открытости работы из семейного собрания участвуют во множестве выставок, а семейная память является частью общей памяти культуры.

¹ От всего сердца благодарю Жозефину Борисовну Рыбакову за предоставление материалов из семейного архива, многочисленные консультации и бесконечное терпение. Также я глубоко благодарна за помощь Анатолию Яковлевичу Разумову, Марине Витальевне Бокариус, Любови Михайловне Фишелевой, Роману Давыдовичу Тименчику, Анне Генриховне Каминской, Наталье Ивановне Крайневой и Наталье Петровне Пакшиной.

² *Рыбакова О. И. Грустная правда // Об Анне Ахматовой: Стихи, эссе, воспоминания, письма / Сост. В. Я. Виленкин, В. А. Черных; коммент. А. В. Курт, К. М. Поливанов. Л., 1990. С. 224.*

³ Статуетка Данько датируется 1924. По данным Л. К. Чуковской, знакомство Ахматовой и Рыбакова произошло раньше: в конце 1922 – начале 1923 (*Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. В 3 т. / Подгот. текста и примеч. Е. Ц. Чуковской и Ж. О. Хавкиной при участии Е. Б. Ефимова. М., 1997. Т. 1. С. 324*), но эти сведения вызывают сомнения, поскольку Чуковская указывает, что Ахматова жила тогда в Мраморном дворце, и сам Рыбаков рассказывал, что впервые пришел к Ахматовой именно в Мраморный дворец (см. об этом далее в статье). В Мраморном же дворце (в служебном его флигеле) Ахматова поселилась в ноябре 1924. (*Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой 1889–1966. М., 2016. С. 865*). Однако посещение Рыбаковым Ахматовой не было первой их встречей. О. И. Рыбакова вспоминает,

что, когда Ахматова начала бывать в доме ее родителей, она поначалу приходила с О. А. Глебовой-Судейкиной (об этом далее), а Глебова-Судейкина в конце октября 1924 эмигрировала из России (*Черных В. А.* Указ. соч. С. 234).

Определяя дату знакомства Ахматовой и Рыбакова, а также время, когда Анна Андреевна стала бывать в доме Рыбаковых, нужно учитывать, что основным источником сведений в данном случае являются детские воспоминания Ольги Иосифовны, зафиксированные более чем через полвека, отсюда неизбежные неточности и противоречия. Кроме того, нужно учесть, что точная дата отъезда Судейкиной из России и точная дата последовавшего за этим вселения Ахматовой в Мраморный дворец неизвестны.

То, что Ахматова и Рыбаковы познакомились только во второй половине 1924, подтверждается содержанием и датировкой первых ахматовских дарственных надписей, им адресованных (тексты надписей см. далее).

Следует акцентировать: по словам О. И. Рыбаковой, Ахматова познакомилась с ее отцом через сестер Данько, а не сестры Данько с Ахматовой через него. Вторая версия весьма распространена (например, см.: *Овсянников Ю. М.* Скульптор в красном халате. Наталья Яковлевна Данько и ее творчество. М., 1965. С. 53), но верна, по-видимому, все-таки первая. Сестры Данько познакомились с Ахматовой раньше Рыбаковых. Профильный миниатюрный портрет Ахматовой работы Е. Я. Данько (коллекция А. К. Кураевой) датирован художницей 2 ноября 1923 (см.: В ста зеркалах. Анна Ахматова в портретах современников / Предисл. Н. И. Поповой. Вступ. ст. О. Е. Рубинчик. Тексты о создании портретов – Т. С. Поздняковой, текст об автопортретах А. А. Ахматовой – О. Е. Рубинчик, о портретах работы И. А. Бродского – Э. Б. Коробовой. Биографии художников – Г. П. Балог, Е. Л. Курникова. М., 2004. С. 87, 191).

⁴ *Рыбакова О. И.* Семья Рыбаковых и их семейная коллекция. Краткая биография И. И. Рыбакова (основателя коллекции). Машинопись из домашнего собрания Рыбаковых. С. 1. В дальнейшем местонахождение материалов из собрания Рыбаковых не оговаривается.

⁵ Рассказ Ольги Иосифовны Рыбаковой. Машинопись с авторской правкой. С. 1–3. Рассказ опубликован под издательским названием: *Рыбакова О. И.* О семье и коллекции // Коллекционеры. Санкт-Петербург – Петроград – Ленинград – Санкт-Петербург. 1905–2015. В 2 т. / Вступ. ст. В. П. Березовского; сост. В. П. Березовского, Ю. М. Гоголицына. СПб., 2019. Т. 2. Статьи. Воспоминания. Фотодокументы. С. 252–256. Здесь и далее воспоминания цит. по машинописи из собрания Рыбаковых; текст дается в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации. То же, с минимальными исключениями, касается и других публикуемых документов, как цитируемых, так и приводимых целиком.

Судя по названию и стилю рассказа, это запись устной речи. Сделана она была, по-видимому, в начале 1980-х, после того, как О. И. Рыбакова пережила инсульт, чем объясняется дрожащий почерк, которым внесены поправки. Другие мемуарные очерки О. И. Рыбаковой были ею написаны. По свидетельству ее дочери Ж. Б. Рыбаковой, Ольга Иосифовна сама печатала тексты на машинке; «Мама многое написала благодаря Мандрыкиной и Мовшенсону, они убедили ее это сделать». Мандрыкина Людмила Алексеевна (1906–1988) – литературовед, историк, архивист, была первым хранителем фонда А. А. Ахматовой в Отделе рукописей ГПБ (ныне РНБ). Мовшенсон Александр Григорьевич (1895–1965) – театровед, искусствовед, педагог, переводчик; брат поэтессы Е. Г. Полонской, близкий друг О. И. Рыбаковой.

⁶ В тексте «Семья Рыбаковых и их семейная коллекция» (машинопись) О. И. Рыбакова говорит, что ее отец был причастен к восстанию Киевского саперного батальона и сдан в солдаты в 1901. Однако известное Киевское восстание саперов относится к ноябрю 1905. (см., например: *Райхцум А. Л.* Саперов восстания // Советская историческая энциклопедия. В 16 т. Т. 12. М., 1965). Как бы то ни было, очевидно, что Рыбаков участвовал в целом ряде революционных волнений. Подробнее об этом – в названном тексте О. И. Рыбаковой. С. 1–2.

⁷ Одно из значений слова «долонь» (арх.) – ладонь. Ср. длань.

⁸ Дедушка – Яков Маркович (Миронович) Гальперн, юрист, тайный советник, служил в пенсионном департаменте Министерства юстиции (*Рыбакова О. И.* Воспоминания о жизни в

блокадном Ленинграде. Машинопись с рукописной авторской правкой. Текст написан в 1986, пересмотрен и дополнен в 1992. С. 2).

⁹ Пожар в Окружном суде (Литейный пр., д. 4) был устроен в дни Февральской революции. Здание сгорело. В 1931–1932 на месте Окружного суда было построено здание ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-КГБ-ФСБ, получившее неофициальное название Большой Дом. По сообщению А. Я. Разумова, изначально бытовали также названия Серый Дом и Дом Страха (здесь и далее приводятся фрагменты комментария А. Я. Разумова, присланного автору в мае 2020, после прочтения статьи в рукописи).

¹⁰ Ср. конец кн. I романной трилогии М. А. Алданова «Ключ» – «Бегство» – «Пещера»: «Приближался странный шатающийся огонь. Николай Петрович увидел молодых рабочих, бежавших по мостовой с факелом. <...> Суд, по-видимому, был подожжен давно. Здание горело изнутри. К небу валил густой рыжеватый дым. Мостовая была засыпана грудями бумаг, осколками стекол. На противоположном тротуаре Литейного стояла толпа. Но никто и не пытался тушить пожар. <...> На углу Захарьевской Николай Петрович увидел знакомых адвокатов, они озабоченно суетились около больших портретов, прислоненных к стене дома. Яценко, чувствуя слабость и дрожь в ногах, пробрался к углу и поздоровался со знакомыми. <...> Полуovalное окно второго этажа лопнуло, стекло повалилось на улицу. Семен Исидорович схватился за голову. – Все-таки здесь прошла наша жизнь, – сказал он. <...> Огонь вырвался наружу и охватил здание, стены, крышу, отсвечивая заревом в небе, освещая невеселый праздник на развалинах погибающего государства» (Алданов М. А. Ключ. М., 1991. С. 318–319).

¹¹ Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями (Главнаука) существовало в составе Наркомпроса РСФСР с 1922 по 1933 (в 1930 переименовано в Сектор науки).

¹² Ромм М. Спасенные шедевры // Нева. 1972. № 11. С. 219. Ромм М. Судьбы национальных сокровищ // Нева. 1995. № 9. С. 221. Ромм Михаил Давидович (1922–2004) – искусствовед, филолог, библиофил, преподаватель. Его отец Давид Матвеевич Ромм, юрист, учился вместе с Рыбаковым в университете, они дружили. Сведения о М. Д. Ромме и Д. М. Ромме сообщены М. В. Бокариус. См. также: Бокариус М. В. Михаил Давидович Ромм // Коллекционеры. Санкт-Петербург – Петроград – Ленинград – Санкт-Петербург. Т. 2. С. 376–394.

¹³ Сведения о побеге – из дела Рыбакова 1938. («Следственное дело № 55471»), показания обвиняемого от 20 июля 1938.

¹⁴ Из свидетельских показаний О. И. Рыбаковой от 27 августа 1938, находящихся в деле Рыбакова.

¹⁵ Речь идет о Тамбовском восстании 1920–1921 – крестьянском движении, которое было ответом на большевистскую продовольственную диктатуру, продразверстку и массовую мобилизацию в Красную армию. Одним из главных участников повстанческого движения был А. С. Антонов, сформировавший Партизанскую армию Тамбовского края.

¹⁶ Рассказ Ольги Иосифовны Рыбаковой. С. 5–6.

¹⁷ Копии дела Рыбакова за 1921, как и его дела за 1938, предоставлены мне редактором «Ленинградского мартиролога» А. Я. Разумовым (Центр «Возвращенные имена» при РНБ).

¹⁸ Из обзорной справки от 19 февраля 1965, хранящейся в деле Рыбакова 1938.

¹⁹ Подробно о коллекции Рыбаковых см. далее в данной статье, а также в публ.: Рыбакова Ж. Б. Коллекция Рыбаковых // Художник. 2000. № 4. С. 13; Байер В. Портрет коллекционера в Советской России // Русское искусство. 2005. № 2. С. 90–97 и др.

²⁰ О. Мандельштам «Когда, Соломинка, не спишь в огромной спальне...» и др., А. Ахматова «Тень».

²¹ Гальперн Александр Яковлевич (1879–1956) – юрист, политический деятель, коллекционер, масон, по свидетельству И. Берлина, работал в британской разведке. Подробно про него и про «непреодолимо привлекательную» участницу литературной и художественной жизни Петербурга и Парижа Саломею Николаевну (Ивановну) Гальперн (дочь грузинского князя И. З. Андроникова (Андроникашвили), в первом браке Андрееву, 1888–1982) см.: Берлин И.

Александр и Саломея Гальперны / Пер. с англ. и вступ. слово М. Пархомовского // Евреи в культуре русского зарубежья. Вып. 1. Иерусалим, 1992. [Электронный ресурс] URL: http://ju.org.ua/pict_mod/pictures/160_item_file_evreivemigratsii.pdf. О С. Н. Андрониковой см. также: *Васильева Л. Н.* Саломея // *Васильева Л. Н.* Альбион и тайна времени. М., 2014; *Андроников Я.* Я просто шел, не ведая куда... Повествование в письмах и стихах / Сопроводит. текст М. К. Андроникова. СПб., 2009; мн. др.

²² Рассказ Ольги Иосифовны Рыбаковой. С. 3–4.

²³ Кашемировые шали двустороннего ткачества, изготовлявшиеся в России в первой половине XIX века. Получили название по имени владельцев нескольких мастерских – помещиков Колокольцовых. Служили украшением гардеробов русской знати и императорской семьи. Колокольцовские шали хранятся в Эрмитаже, Русском музее и других музеях страны.

²⁴ *Рыбакова О. И.* Семья Рыбаковых и их семейная коллекция. С. 3.

²⁵ Данько Елена Яковлевна (1898–1942) была не только прозаиком и поэтом, но и автором пьес для кукольного театра, актером-кукловодом и художницей. В частности, ею вручную расписаны экземпляры статуэтки Ахматовой 1924, выполненной скульптором Натальей Яковлевной Данько (1892–1942). Знакомство Ахматовой с сестрами Данько произошло не позднее 1923.

²⁶ В 1918–1937 город назывался Детское Село (имени Урицкого).

²⁷ О. И. Рыбакова читала дневники в изд.: *Сомов К. А.* Письма. Дневники. Суждения современников / Вступ. ст., сост., примеч. и летопись жизни и творчества Ю. Н. Подкопаевой и А. Н. Свешниковой. М., 1979. Она имела в виду запись от 11 января 1919: «В 4 ½ пошел пешком на Захарьевскую, так как не шли трамваи. К Рыбакову, который меня усиленно звал не иначе как к обеду. У него довольно большая коллекция картин: Григорьев, Коровин, Лебедев, Шушаев, Альтман, Судейкин. Без шарма. Хороший обед с гусем. <...> Предлагал мне опять продовольствие и при уходе моем вручил мне пакет сушеного картофеля» (Там же. С. 191). Издание 1979 включает в себя избранные дневниковые записи Сомова с рядом купюр (опущена тема нетрадиционного секса и др.). Купюры обусловлены иногда цензурными запретами, иногда – этическими представлениями составителей. В процитированной записи пропущено: «...и в центре меню – некрасивая и несимпатичная молчаливая жена» (цит. по: *Сомов К. А.* Дневник. 1917–1923 / Вступ. ст., подгот. текста, коммент. П. С. Голубева. М., 2017. С. 250). С конца 1918 по 1923, до эмиграции, Сомов часто упоминал Рыбакова в подневных записях, сухо, порой с оттенком антисемитизма. Например: «...пошел в Дом иск-вств». <...> Много знакомых, почти все жиды. И все меня ищут и льнут ко мне: сладкий Замков, Рыбаков, Абельман, Элькан и т. д., и т. д.» (Там же. С. 385). Из дневников следует, что в тяжелое время Рыбаков приглашал Сомова к себе на обеды, доставал для него провизию, однажды избавил его от большого налога. Сомов же продавал ему свои работы, плата за которые частично производилась деньгами, частично гасилась продуктами. Ср. запись от 27 мая 1919: «К часу приехал Рыбаков; я ему показал картину, она ему очень понравилась (спящую д<аму>), он очень благодарно со мной расплатился, считая все, что он мне дал из провианта, в две тысячи, а дал мне 4. Я его угощал какао» (Там же. С. 287).

²⁸ Рассказ Ольги Иосифовны Рыбаковой. С. 4–5.

²⁹ *Пунин Н. Н.* Мир светел любовью. Дневники. Письма / Сост., предисл. и коммент. Л. А. Зыкова. М., 2000. С. 245.

³⁰ *Сомов К. А.* Дневник. 1917–1923. С. 250. (Запись от 31 декабря (13 января) 1919).

³¹ Шушаева Вера Федоровна (урожд. Гвоздѣва, 1895–1979) – художник декоративно-прикладного искусства, жена художника В. И. Шушаева.

³² Во время ареста 1938 Рыбаков, перечисляя места своей работы, называет Народный банк, где в 1918–1920 «работал в качестве консультанта».

³³ Подробнее про общение М. В. Бокариус с В. Ф. Шушаевой см. в публ.: *Бокариус М. В.* «Пиковая дама» и «Борис Годунов» издательства Я. Шифрина «Плеяда»: История поступления во Всесоюзный музей им. А. С. Пушкина // Василий Шушаев: Искусство, судьба, наследие:

Коллективная монография / Сост. Е. Н. Каменская, Е. П. Яковлева. М., 2020.

³⁴ Поступки Рыбакова получали у разных людей разные, даже противоположные оценки. Ср., например, трактовку А. П. Остроумовой-Лебедевой роли Рыбакова в отношении З. Н. Серебряковой (*Шапорина Л. В.* Дневник. В 2 т. / Вступ. ст. В. Н. Сажина; подгот. текста и коммент. В. Ф. Петровой и В. Н. Сажина. Т. 2. М., 2012. С. 246–247); о том же (с юмором) у Сомова (*Сомов К. А.* Дневник. 1917–1923. С. 740, 782). Эти оценки основаны на жалобах самой Серебряковой.

³⁵ О дружбе Рыбаковых с А. Я. Головиным упомянул в очерке «Образ Головина» Э. Ф. Голлербах: «...особенно близки к нему были Л. Я. и И. И. Рыбаковы...» (*Голлербах Э.* Встречи и впечатления / Сост., подгот. текстов и коммент. Е. Голлербаха. СПб., 1998. С. 163). В ОР РНБ хранятся письма Головина к Рыбакову за 1916–1919. (РНБ, ф. 1000 (собрание отдельных поступлений), оп. 2, ч. 1, № 334). О. И. Рыбакова: «Когда именно папа познакомился с Александром Яковлевичем, мне неизвестно. Смутно помню разговоры о том, что мамин портрет он хотел заказать Головину еще до революции, а осуществить это удалось лишь в 1920. Но, сколько помню себя, в квартире Головиных в Детском Селе я чувствовала себя, как дома. Различия между нашим домом и домом Головиных для меня не существовало. Способствовало этому то обстоятельство, что добрых десять лет, если не более, мы по несколько месяцев жили летом в Детском Селе и я, с беззастенчивостью маленькой девочки, а потом подростка, постоянно околачивалась у Головиных. Кроме того, мои родители также и зимой почти еженедельно ездили к Головиным и брали меня с собой. Отец вел всякие юридические дела Александра Яковлевича, который советовался с ним и по разным бытовым и житейским вопросам, так как, судя по рассказам, отличался необычайной, изумительной непрактичностью. В трудные для Головина 20-е годы, когда у него было мало работы для театра, папа просил Александра Яковлевича написать несколько портретов членов нашей семьи, а кроме того, посоветовал кое-кому из наших друзей и знакомых заказать ему свои портреты» (*Рыбакова О. И.* О Головине-портретисте // Встречи и впечатления. Письма. Воспоминания о Головине / Сост. и коммент. А. Г. Мовшнсона; вступ. ст. Ф. Я. Сыркиной. Л.; М., 1960. С. 334).

³⁶ *Лукницкий П. Н.* Асумиана. Встречи с Анной Ахматовой. В 2 т. Т. 1. Paris, 1991. С. 61. Запись от 15 марта 1925.

³⁷ там же. С. 156. Запись от 26 апреля 1925.

³⁸ *Черных В. А.* Указ. соч. С. 244–249, 865.

³⁹ *Лукницкий П. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 81. Запись от 30 марта 1925.

⁴⁰ *Чуковский К.* Из воспоминаний. Из дневника // Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 58–64.

⁴¹ *Лукницкий П. Н.* Указ. соч. Т. 2. Париж; М., 1997. С. 236. Запись от 11 марта 1927.

⁴² Там же. С. 39. Запись от 9 февраля 1926. См. также С. 10.

⁴³ Эта строка из поэмы Анрепа «Физа», рукопись которой в 1915 он дал Ахматовой («на сохранение» на время своего нахождения на фронте (*Анреп Б.* О черном кольце // Фарджен А. Приключения русского художника. СПб., 2003. С. 267). Эти слова в поэме произносит героиня Мая (*Анреп Б.* Физа // Там же. С. 295). Та же строка рефреном повторяется в 6-й и 7-й главах поэмы Анрепа «Человек» (Альманах муз. Пг., 1916. С. 16–17; об этом: *Струве Г.* Ахматова и Борис Анреп // Анна Ахматова: pro et contra. В 2 т. Т. 2. СПб., 2005. С. 614–615).

⁴⁴ *Найман А. Г.* Записки о Анне Ахматовой. М., 1989. С. 86.

⁴⁵ Ахматова: «“Физа” было название поэмы Анрепа <...> Я взяла оттуда эпитафия “Я пою, и лес зеленеет”» (*Найман А. Г.* Указ. соч. С. 83).

⁴⁶ *Лукницкая В. К.* Любовник. Рыцарь. Летописец. СПб., 2005. С. 43.

⁴⁷ Алянский Самуил Миронович (1891–1974) – основатель и руководитель издательства «Алконост». Каплан – вероятнее всего, Яков Максимович Каплан (1878–1941) – библиофил, издательский и библиотечный работник, переводчик. О его смерти в блокадном Ленинграде – первой смерти среди друзей и соседей – рассказывает О. И. Рыбакова (*Рыбакова О. И.* Воспоминания о жизни в блокадном Ленинграде. С. 9).

⁴⁸ Лукницкий П. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 70.

⁴⁹ Там же. Т. 2. С. 187. Запись от 17 июня 1926. См. также: С. 194, 197, 215–217.

⁵⁰ Там же. С. 187.

⁵¹ Там же. Т. 1. С. 58. Запись от 13 марта 1925.

⁵² Там же. Т. 2. С. 46.

⁵³ Там же. С. 67. Речь идет об одной из фотографий, сделанных Лукницким незадолго до описанного разговора. См. запись Лукницкого от 13 марта 1926. (Там же. С. 59–60). На экземпляре этой фотографии, в 1960–1961 поступившей от самой Ахматовой в ГЛМ, указано ее рукой: «Мраморный дворец Анна Ахматова 1926». См.: *Анна Ахматова. Материалы из собрания Государственного литературного музея: Альбом-каталог / Авт.-сост. О. Л. Залиева*. М., 2016. С. 86. На той же странице – вариант этой фотографии, менее известный, поскольку он хуже по качеству (пост. от Н. Н. Ляминой). О контактах Ахматовой с ГЛМ в 1960-х см.: Там же. С. 12–13.

Экземпляр фотографии, сделанной в постели, позднее был подарен Ахматовой и семье Рыбаковых с дарственной надписью, адресованной Ольге Иосифовне (об этом см. далее).

⁵⁴ Лукницкий П. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 47. Запись от 2 и 3 марта 1925.

⁵⁵ Там же. Т. 2. С. 284–285. Запись от 30 июля 1927. *Тименчик Р. Д.* Что вдруг. Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим; М., 2008. С. 321, 326. «Донжуанский список» для Пунина, по-видимому, также относится к 1920-м.

⁵⁶ Окончательных выводов из этого сделать нельзя. Сам Лукницкий, например, в списке тоже не включен.

⁵⁷ Комментарий А. Я. Разумова: «Истекали “десять лет без права переписки”, объявлявшиеся родным расстрелянных во время Большого сталинского террора, их продолжали ждать из “дальних лагерей”».

⁵⁸ Письмо О. Н. Гильдебрандт-Арбениной Ю. И. Юркуну / Публ. и коммент. Г. А. Морева // Михаил Кузмин и русская культура XX века / Сост. и ред. Г. А. Морева. Л., 1990. С. 247, 249. О той же встрече – дневниковая запись Э. Ф. Голлербаха, сделанная в конце мая 1938: «Приходил Рыбаков, увлеченно рассказывал о своих открытиях в области фарфора, о своей мене с А. Д. Радловой (получил ряд фигурок, отдал старинный хрусталь). Была О. Н. Гильдебрандт, рассказывала какую-то сложную историю о кузминском переводе “Дон-Жуана”, который якобы узурпировал Шенгели. Спрашивала совета, как быть. Говорит, что “проплакала все глаза” из-за Ю. и “больше не может”. Недоумевает – что могут ему инкриминировать?» (М. А. Кузмин в дневниках Э. Ф. Голлербаха / Предисл. и публ. Е. А. Голлербаха // Михаил Кузмин и русская культура XX века. С. 229).

⁵⁹ Запись от 18 мая 1926 (*Лукницкий П. Н.* Указ. соч. Т. 1. 165). А 21 мая Лукницкий записал: «Говорили о негрооперетте – обменивались мнениями...» (Там же. С. 169). «Негрооперетта» была для советских людей одним из первых непосредственных соприкосновений с джазом. «Гастролировала в СССР в апреле–мае 1926 года (в Ленинграде с 5-го по 20-е мая) и воспринималась как незаурядное культурное событие и окно в Европу. <...> ветеран советской эстрады В. С. Поляков вспоминает об этих гастролях так: “В 1926 году в Ленинградском цирке на арене, превращенной в сцену, выступал негритянский джаз-банд под управлением Сэма Вудинга совместно с “Негро-опереттой”. Спектакль назывался “Шоколадные ребята”. В проспекте <...> говорилось: “Немало людей мечтательно вздохнуло этой ночью, уносясь душой к милой сердцу ‘культурной’ Европе. Не удивительно. Негритянская оперетта, в которой, к слову сказать, нет никакой оперетты, являет собой не что иное, как сконденсированный европейский шантан...” Это написано не без доли ханжества. Обыватели ахали и восторгались элементами шантана <...>. Но настоящие ценители видели самобытный спектакль. “Шоколадные ребята” прежде всего были блистательными артистами, равных которым в жанре ритмических песен и танцев мы еще никогда до их приезда не видели. Среди них была поразительная актриса Форест <...> изумительной женственности, танцевавшая, казалось бы, в невозможных темпах <...>. Эти “шантанные” артисты исполняли замечательные негритянские “спиричуэлы”,

которые навряд ли могли исполняться в шантанах <...>. <Это> был негритянский свадебный праздник, по ходу которого <...> разыгрывали друг друга, а некоторые “подвыпившие” гости проделывали немислимые для трезвого человека трюки» (*Жолковский А. К.* Михаил Зощенко: Поэтика недоверия. М., 2007. С. 49). См. также: *Евдокимов А.* Чикаго – Москва, Или Новейшая история русского блюза // Логос: Филолоско-литературный журнал. 2016. Т. 26. № 3. С. 218–219 и др. В СССР «негрооперетта» вызвала большой интерес у Всеволода Мейерхольда, Дзиги Вертова, Леонида Утесова и мн. др.

⁶⁰ *Лукницкий П. Н.* Из дневника и писем // Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 166.

⁶¹ Обе фотографии хранятся в РГАЛИ (Ф. 13 (Фонд А. А. Ахматовой), оп. 1, ед. хр. 201).

⁶² Сведения из каталога: Бег времени. Фотолетопись жизни Анны Ахматовой. По материалам Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. В 2 ч. / Вступ. ст. и коммент. Л. Копылова, Т. Поздняковой, Н. Поповой; сост. и указ. И. Ивановой, Н. Громовой. 2011–2012. Ч. 1. С. 59.

⁶³ Опубл.: *Черных В. А.* Указ. соч. С. 271. Здесь дается по оригиналу из собрания Рыбаковых.

⁶⁴ Рассказ Ольги Иосифовны Рыбаковой. С. 1.

⁶⁵ Петербургское учебное заведение Анненшуле – училище святой Анны, первоначально предназначавшееся для немецких мальчиков-лютеран. Постепенно, с развитием программы, его стали посещать дети не только из немецких семей, в училище было образовано два отделения – мужское и женское, а с середины XIX века оно обрело статус гимназии.

⁶⁶ Речь идет о времени Первой мировой войны.

⁶⁷ *Рыбакова О. И.* Воспоминания о жизни в блокадном Ленинграде. С. 2.

⁶⁸ Откомхоз – Отдел коммунального хозяйства Петрогубисполкома (Петроградского губернского исполнительного комитета). Орган, управлявший городским хозяйством в годы НЭПа.

⁶⁹ Рассказ Ольги Иосифовны Рыбаковой. С. 2.

⁷⁰ *Лукницкий П. Н.* *Acumiana*. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. С. 35.

⁷¹ Рукou Ахматовой «детьми» исправлено на «дочкой».

⁷² ОР РНБ, ф. 1073, № 1788, л. 8. Цит. по: *Черных В. А.* Указ. соч. С. 241.

⁷³ *Мальмстад Д., Флейшман Л.* Из биографии Замятина. (Новые материалы) // *Stanford Slavic Studies*. Vol. 1. P. 119.

⁷⁴ *Лукницкий П. Н.* *Acumiana*. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. С. 173.

⁷⁵ Судя по свидетельским показаниям О. И. Рыбаковой, это курорт на юге Франции, на берегу Бискайского залива.

⁷⁶ Так записано следователем.

⁷⁷ Подробнее об этом в воспоминаниях О. И. Рыбаковой «Мои встречи с М. А. Сильвиным» (Машинопись в домашнем архиве Рыбаковых. С. 1): «В 1924 г. <...> выехали за границу, чтобы привезти мою бабушку Софью Исааковну Гальперн, которая застряла за границей, оставаясь на даче в Финляндии. В то время она одиноко жила в пансионате в Берлине на средства своего сына-адвоката, жившего в Лондоне. Бабушка хотела жить с дочерью, моей матерью. Через соответствующие каналы было получено разрешение на въезд семидесятипятилетней старухи на родину».

⁷⁸ Об этом: *Васильева Л. Н.* Саломея. С. 392–393. А также в справке «Андроникова Саломея Николаевна» в энциклопедии «Всемирная история». [Электронный ресурс]. URL: https://w.histrf.ru/articles/article/show/andronikova_salomieia_nikolaieвна Вожель Люсьен (1886–1954) – издатель, журналист, законодатель мод, историк изобразительного искусства.

⁷⁹ Те же годы поездок – 1924-й и 1925-й – указаны в картотеке гестапо, на которую есть ссылка в документах КГБ 1965, связанных с хлопотами О. И. Рыбаковой по поводу реабилитации отца.

⁸⁰ Заграничная поездка Рыбаковых 1924 не могла быть отмечена в его дневнике, т. к. Лукницкий познакомился с Ахматовой и начал вести свои записи о ней только в декабре этого года.

⁸¹ Пунин Н. Н. Мир светел любовью. С. 268.

В издании дневников Лукницкого об Ахматовой есть запись, явно содержащая ошибку: «Живя у Рыбаковых на даче, работая на огороде, босая, растрепанная, она однажды пришла к Горькому и просила устроить ей какую-нибудь работу. Горький посоветовал ей обратиться в Смольный, к Венгеровой, чтобы переводить на итальянский язык прокламации Коминтерна» (*Лукницкий П. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 260–261). Никакого огорода у Рыбаковых не было. Речь идет о семье Рыковых. Главой этой семьи был агроном Виктор Иванович Рыков, директор Агрономического института. Бывшая Императорская царскосельская ферма стала после революции институтской учебной и производственной базой. Семье Рыкова там была выделена квартира. О семье и детскосельской квартире Рыковых: *Попова Н. И., Позднякова Т. С.* «В том доме было...». СПб., 2019. С. 105–106. Гл. «“Ангел мой, Натали...”». Наталья Рыкова (Гуковская)». Ахматова дружила с дочерью Рыкова Натальей Викторовной (в замужестве Гуковской). Ср.: «В голодные годы Ахматова жила у Рыковых в Детском Селе. У них там был огород. В число обязанностей Натальи Викторовны входило заниматься его расчисткой – полоть лебеду. Анна Андреевна как-то вызвалась помогать: “Только вы, Наташенька, покажите мне, какая она, эта лебеда”» (*Гинзбург Л.* Ахматова (Несколько страниц воспоминаний) // Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 133. Запись 1927). Встреча Ахматовой с Горьким в Детском Селе была возможна, когда Горький отдыхал там летом 1920, занимая несколько комнат в бывшем доме купца Скороспехова на Пролетарской улице (*Бунатян Г. Г.* Город муз: Литературные памятные места города Пушкина. Л., 1987. С. 156–161).

⁸² Первая публ.: *Лукницкая В. К.* Перед тобой земля. Л., 1988. С. 317. Цит. по: Переписка А. А. Ахматовой и В. К. Шилейко (1924–1929) / Публ. А. И. Павловского, вступ. заметка, подгот. текста и коммент. Т. М. Двинятиной // Н. Гумилев и А. Ахматова: По материалам историко-литературной коллекции П. Лукницкого. СПб., 2005. С. 228.

⁸³ Там же. С. 229.

⁸⁴ Владимир Шилейко: Последняя любовь. Переписка с Анной Ахматовой и Верой Андреевой и другие материалы / [Предисл., примеч. и указатели А. В. и Т. И. Шилейко]. М., 2003. С. 85.

⁸⁵ Там же. С. 88.

⁸⁶ *Черных В. А.* Указ. соч. С. 281.

⁸⁷ Там же. С. 281.

⁸⁸ Об Анне Ахматовой: Стихи, эссе, воспоминания, письма / Сост. М. М. Кралина. Л., 1990. С. 154.

⁸⁹ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. ст. и коммент. А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада; подгот. текста Т. В. Лавровой, А. В. Лаврова, Дж. Мальмстада. СПб., 1998. С. 410.

⁹⁰ *Черных В. А.* Указ. соч. С. 281.

⁹¹ *Лукницкий П. Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 222–223.

⁹² Переписка А. А. Ахматовой и В. К. Шилейко. С. 229.

⁹³ *Лукницкий П. Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 266–267. Запись от 6 июня 1927.

⁹⁴ Дом № 12 на наб. Кутузова (тогда – Жореса; до революции – Французская наб.) выходит также на ул. Шпалерную (в советское время – ул. Воинова). По Шпалерной это дом № 10. Ср. содержащую ошибку запись Лукницкого от 4 мая 1927: «Сегодня, пройдя со мной короткий путь – от Шереметевского дома до Рыбаковых (Шпалерная, 7), АА так устала...» (*Лукницкий П. Н.* Асумиана. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 2. С. 249). Лукницкий перепутал Шпалерную улицу с находящейся поблизости Захарьевской улицей. По 1929 включительно Рыбаковы жили на Захарьевской (в то время – Каляева), д. 7, о чем свидетельствуют записи в ежегодном справочнике «Весь Петроград».

⁹⁵ Об этом см. в воспоминаниях Я. Бутовского «Рашель», в главе «Дом» (Киноведческие записки. 2009. № 89. С. 184). Воспоминания посвящены режиссеру и сценаристу Р. М. Мильман, жене крупного работника Наркомвнешторга и коллекционера Ф. Э. Криммера. Мильман

и Криммер жили в одном доме с Рыбаковыми, были с ними дружны. Иногда Рыбаковы приходили в гости к соседям вместе с Ахматовой (Там же. С. 192).

⁹⁶ О жильцах дома подробно: *Рыбакова О. И.* Воспоминания о жизни в блокадном Ленинграде.

⁹⁷ Там же. С. 7.

⁹⁸ Там же. С. 11.

⁹⁹ *Лукницкий П. Н.* Дневник 1928 года. Асуміана. 1928–1929 / Публ. и коммент. Т. М. Двигатиной // Лица: Биографический альманах. № 9. СПб., 2002. С. 452.

¹⁰⁰ Текст объявления приведен по комментарию Т. М. Двигатиной (Там же. С. 464). В комментарии указан утренний выпуск «Красной газеты» от 7 ноября 1928, но в этом выпуске такое объявление мною не найдено.

¹⁰¹ Наталья Яковлевна и Елена Яковлевна имели двойную фамилию, вторая часть которой писалась по-разному: Олексенко, Олексенко, Алексеенко; их отца звали Я. А. Данько-Олексенко (Творчество сестер Н. Я. и Е. Я. Данько / Автор-сост. В. В. Левшенков; под науч. ред. В. В. Знаменова. СПб., 2012. С. 13). Зачастую по отношению к сестрам использовалась лишь первая часть фамилии: Данько.

¹⁰² *Рыбакова О. И.* Семья Рыбаковых и их семейная коллекция. С. 3.

¹⁰³ За рубежом персональные выставки Серебряковой проходили.

¹⁰⁴ *Русакова А. А.* Зинаида Серебрякова. М., 2006. С. 341. В связи с этой выставкой см. напр., брошюры: *Радлов Н. Э.* З. Е. Серебрякова: К выставке Ленинградского областного совета профессиональных союзов. Л., 1929; Выставка картин З. Е. Серебряковой / Ст. В. Воинова; каталог. Л., 1929.

¹⁰⁵ В связи с этой выставкой см.: *Пунин Н. Н.* Владимир Васильевич Лебедев. Л., 1928; В. Лебедев / Статьи П. И. Нерадовского, Н. Н. Пунина; каталог произведений за 1920–1928 гг. / Сост. В. Н. Аникиева. Л., 1928; *Воинов В.* Выставка В. В. Лебедева. Л., 1928 и др.

¹⁰⁶ Данько Наталья Яковлевна // Справочник коллекционера. [Электронный ресурс]. URL: http://spravcoll.ru/index.php%D0%94%D0%B0%D0%BD%D1%8C%D0%BA%D0%BE_%D0%9D%D0%B0%D1%82%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D1%8F_%D0%AF%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%BD%D0%B0 См. также: *Овсянников Ю. М.* Скульптор в красном халате. С. 70. О выставке см.: *Голлербах Э.* Скульптура Н. Я. Данько. Выставка в Доме культуры Выборгского района. Л., 1929.

¹⁰⁷ Творчество сестер Н. Я. и Е. Я. Данько. С. 39.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ *Овсянников Ю. М.* Скульптор в красном халате. С. 52. Об особой роли Рыбакова в жизни Н. Я. Данько говорится и на других страницах книги. По словам Ж. Б. Рыбаковой, «возможно, у деда был роман с одной из сестер Данько». Если так, то, думается, это была Н. Я. Данько – красавица, «совершенно исключительный человек, крупный человек» (*Шапорина Л. В.* Дневник. Т. 1. С. 102). «Конечно, совместная жизнь с сестрой сказалась на характере Натальи Яковлевны. <...> Елена Яковлевна была человеком нервным, не всегда сдержанным. Ведь это она была виновницей охлаждения дружбы сестры с Рыбаковым» (*Овсянников Ю. М.* Скульптор в красном халате. С. 73).

¹¹⁰ *Дрон Д.* «Да здравствует художественный труд!» (Форум по искусству и инвестициям в искусство. [Электронный ресурс]. URL: <https://forum.artinvestment.ru/showthread.php?t=62851&page=6>). Об этом также в статье: *Смирнова Н.* Штрихи к портрету коллекционера // Южная правда. 2015. 8 апреля (г. Николаев).

¹¹¹ Письма А. А. Ахматовой К. А. Федину / Вступ. ст., коммент., подгот. текста Л. Ю. Коноваловой // Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века: Кн. 1. М., 2016. С. 46.

¹¹² Гороховая улица, на которой до 1932 находилось здание Полномочного представительства ОГПУ, называлась в 1918–1927 Комиссаровской, затем – улицей Дзержинского.

¹¹³ Рассказ Ольги Иосифовны Рыбаковой. С. 5. Смелость, решительность, надежность

были у Иосифа Израилевича семейными чертами. В архиве Рыбаковых сохранились публикации и фотографии, связанные с судьбой его родного брата. В «Киевской мысли», чрезвычайно популярной политической и литературной газете либерального направления, 12 августа 1915 была помещена фотография брата и статья «И. И. Рыбаков», в которой сообщалось: «В бою 29 июля, у ст. Орехово, тяжело ранен и остался лежать на поле сражения сотрудник “Киевской мысли” Исая Израилевич Рыбаков, ушедший добровольцем на войну. Лишь совсем недавно, 29 июня, И. И. Рыбаков вступил в качестве добровольца, в чине младшего унтер-офицера, в один из боевых киевских полков, где был, по своей воле, зачислен в пулеметную команду. Уже на первых шагах своей службы И. И. Рыбаков приобрел среди своего начальства и товарищей симпатии, выдвинувшись своей неустранимой храбростью: за участие в боях 8, 9 и 21 июля он был произведен в старшие унтер-офицеры и представлен к Георгиевскому кресту 4-й степени». Один из участников боя 29 июля прислал в редакцию письмо с подробным описанием этого события, охарактеризовав его так: «Стоял, буквально, ад». Когда после многочасового сражения рота, в которой находился Исая Рыбаков, вынуждена была начать отступление, он был в группе пулеметчиков, прикрывавших ее отход. «Наконец, работа пулемета была закончена, его стали осторожно выносить... Рыбаков взял тело пулемета и потащил его... Но в этот момент раздался оглушительный удар, – то тяжелый снаряд врезался в место, где стояли пулеметчики. <...> раненый лежал Рыбаков... Когда он упал, то крикнул, выпустив из рук пулемет: “Забирайте скорей пулемет... передайте доктору (старшему врачу полка, с которым он был сыздавна в приятельских отношениях)... я тяжело ранен... Возьмите карточку и кольцо...” Никто этого не взял. Санитар, пытавшийся ему сделать перевязку, был сражен тут же пулеметной пулей...». «Карточка» – скорее всего, фотография невесты или жены: в папке с материалами Исая Израилевича сохранилось несколько фотографий молодой прекрасной женщины. Кольцо, по-видимому, тоже было связано с ней. В «Киевской мысли» от 14 августа 1915 в заметке об Исае Рыбакове было выдвинуто предположение, что его взяли в плен. Более чем через месяц после этого в московской газете «Еврейская неделя» от 20 сентября 1915 (№ 18) была помещена фотография Исая Рыбакова и даны все те же сведения: оставлен на поле боя. Видимо, дальнейшая судьба брата Иосифа Израилевича так и не была выяснена.

¹¹⁴ *Добронравов Л. (?) Золотая комната (НКВД изымает золото у граждан) // Семейные истории. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.famhist.ru/famhist/atlantida/00076072.htm#000698d2.htm>*

¹¹⁵ Более подробно о «парилках»: *Шапорина Л. В. Дневник. Т. 1. С. 129–130. Запись от 21 февраля 1933.*

¹¹⁶ *Осокина Е. Золото Сталина (сайт журнала «Forbes». 03.09.2010). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/forbes/issue/2010-09/57457-zoloto-stalina>*

¹¹⁷ Рассказ Ольги Иосифовны Рыбаковой. С. 5.

¹¹⁸ А. Я. Разумов считает: «Вне сомнения, отдал что-то».

¹¹⁹ Бисквит – изделие из обожженной фарфоровой массы, не покрытое глазурью, белого матового цвета (в подражание мрамору). Чаще всего используется для создания фарфоровой мелкой пластики.

¹²⁰ Названные работы Данько из коллекции Рыбаковых см.: Творчество сестер Н. Я. и Е. Я. Данько. Там же представлены вещи из других коллекций: некоторые варианты росписи статуэтки, рисунки Е. Я. Данько, изображающие Ахматову, и еще один вариант камня. Некоторые изображения Ахматовой работы сестер Данько см. также: В ста зеркалах. Анна Ахматова в портретах современников. С. 84–91.

¹²¹ Часть из них можно увидеть в альбоме: В ста зеркалах. Анна Ахматова в портретах современников.

¹²² *Сыркина Ф. Без котурнов. Ахматова и Тышлер // Литературная учеба. 1989. С. 157. О создании этих рисунков см. также: Тышлер А. Г. Я помню Анну Ахматову // Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 401–403.*

¹²³ Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, КП-1446. Ахматовские публикации с

инскриптами были подарены музеем О. И. Рыбаковой в 1989, в год его открытия.

¹²⁴ Оpubл. (не полностью): *Черных В. А.* Указ. соч. С. 330. Здесь приводится целиком, по оригиналу из архива Рыбаковых. То же касается всех других инскриптов, опубликованных в «Летописи жизни и творчества Анны Ахматовой»: в данной статье они даются по оригиналам или фотокопиям, хранящимся в архиве Рыбаковых.

¹²⁵ Архив Рыбаковых. Оpubл.: *Черных В. А.* Указ. соч. С. 330.

¹²⁶ На первом томе изд.: *Пушкин А. С.* Стихотворения. В 3 т. М.; Л., 1955. Экземпляр хранится в Литературном музее ИРЛИ РАН. Надпись приводится по: *Герштейн Э. Г.* Ахматова-пушкинистка // Ахматова А. А. О Пушкине. М., 1989. С. 321.

¹²⁷ Архив Рыбаковых. Оpubл.: *Черных В. А.* Указ. соч. С. 356.

¹²⁸ *Латманисов М. В.* Беседы с А. А. Ахматовой // Об Анне Ахматовой. С. 508.

¹²⁹ *Роскина Н.* Анна Ахматова // Четыре главы: Из литературных воспоминаний. Paris, 1980. С. 29.

¹³⁰ *Хренков Д. Т.* Анна Ахматова в Петербурге – Петрограде – Ленинграде. Л., 1989. С. 170.

¹³¹ Н. В. Королева считает стихотворение Варужана первым заказным стихотворным переводом Ахматовой (*Королева Н. В.* «И вот чужое слово проступает...»). О переводах Анны Ахматовой // Ахматова А. А. Собр. соч. В 6 т. Т. 7, доп.: Переводы. М., 2004. С. 36–37. Однако Р. Д. Тименчик полагает, что следует учесть выполненный в 1920 перевод стихотворения Антеру де Кентала «Заре (С португальского)», опубликованный Ахматовой среди своих стихов в сборнике «Подорожник» (Пг.: Петрополис, 1921): «Редактор сборника Григорий Лозинский попросил в качестве одолжения ему перевести. Можно считать заказом» (из письма Р. Д. Тименчика автору статьи). Лозинский Григорий Леонидович (1889–1942) – филолог-романист, переводчик, педагог, брат М. Л. Лозинского. Один из создателей издательства «Петрополис». В 1921 эмигрировал во Францию.

¹³² Впрочем, для каламбура могла быть и другая причина: судя по наличию черновика перевода «Первого греха» в архиве Н. И. Харжиева, это стихотворение Ахматова переводила в соавторстве. См.: Фонд Н. И. Харджиева (РГАЛИ, ф. 3145, оп. 2, уд. Хр. 68). Сам Харжиев это стихотворение в числе выполненных для Ахматовой (или совместно с ней) переводов не упоминает и сообщает о более позднем (в конце 1940-х) начале совместной работы с ней. См.: *Харджиев Н. И.* О переводах в литературном наследии Анны Ахматовой // Тайны ремесла. Ахматовские чтения. Вып. 2. / Сост. Н. В. Королева, С. А. Коваленко. М., 1992. С. 229.

¹³³ См. письма Пунина Ахматовой в больницу: *Пунин Н. Н.* Мир светел любовью. С. 336–337. См. также воспоминания И. Н. Пуниной (Петербург Ахматовой: Владимир Георгиевич Гаршин / Сост., ст., коммент. Т. С. Поздняковой; введ. Н. И. Поповой; каталог И. Г. Ивановой и др. СПб., 2002. С. 202).

¹³⁴ *Черных В. А.* Указ. соч. С. 359.

¹³⁵ Место и время съемки указаны по изд.: Творчество сестер Н. Я. и Е. Я. Данько. С. 203.

¹³⁶ Оригиналы фотографий – в ахматовском фонде в РГАЛИ (ф. 13, оп. 1, ед. хр. 206). Фотокопии – в домашнем архиве Рыбаковых. Оpubл.: *Черных В. А.* Указ. соч. С. 359.

¹³⁷ Оpubл.: Там же. С. 360. Здесь дается по фотокопии из архива Рыбаковых.

¹³⁸ *Пунин Н. Н.* Мир светел любовью. С. 337.

¹³⁹ См. об этом: *Соболев А. Л.* «Постояла в золотой пыли»: пенсионное дело Анны Ахматовой // Соболев А. Л. Тургенев и тигры. Из архивных разысканий о русской литературе первой половины XX века. М., 2017.

¹⁴⁰ Место хранения письма: Государственный музей К. А. Федина. Ед. хр. 45558. Цит. по: Письма А. А. Ахматовой К. А. Федину. С. 46. Примеч. публикатора: Миша – «вероятно, Слонимский М. Л.»; «Поездка Федина в Париж не состоялась». Об участии Федина в деле возвращения Ахматовой персональной пенсии см.: Там же. С. 44–45.

¹⁴¹ Об этом: *Черных В. А.* Указ. соч. С. 360–361.

¹⁴² Цит. по: *Виленкин В. Я.* Воспоминания с комментариями. М., 1991. С. 395–399. См.

также: *Виленкин В. Я.* В сто первом зеркале. М., 1990. С. 11–14; основное отличие – в дате приема у Рыбаковых. В кн. «В сто первом зеркале» указан июль 1938, в «Воспоминаниях с комментариями» – июнь. Верна последняя дата. Ср., напр., буклет: Московский художественный театр. Программы ленинградских гастролей. С 26 мая по 30 июня 1938 [Л.], 1938.

¹⁴³ Четырехкомнатная квартира Рыбаковых состояла из двух комнат по 26 метров и двух значительно меньших по размеру. Кухня размещалась в просторном коридоре. Впоследствии детская была переделана в кухню, так что квартира стала трехкомнатной.

¹⁴⁴ Свирель Пана. 1923. № 1 (примеч. В. Я. Виленкина).

¹⁴⁵ Это – о событиях 1934: «13 марта 1934 г. его арестовали. В тот самый день я после града телеграмм и телефонных звонков приехала к Мандельштамам из Ленинграда. <...> Мы все были тогда такими бедными, что для того, чтобы купить билет обратно, я взяла с собой орденский знак Обезьяньей Палаты, последний, данный Ремизовым в России <...>, и статуэтку работы Данько (мой портрет, 1924 г.) для продажи. (Их купила С. Толстая для музея Союза писателей.)» (*Ахматова А. А.* Листки из дневника (О Мандельштаме) // *Ахматова А. А.* Соч. В 2 т. / Сост. и подгот. М. М. Кралина. М., 1996. Т. 2. С. 166.

¹⁴⁶ У Ахматовой: «Второй раз его <Мандельштама. – О. Р.> арестовали 2 мая 1938 года <...> В то время мой сын сидел на Шпалерной уже два месяца (с 10 марта). О пытках говорили все громко» (*Ахматова А. А.* Листки из дневника. С. 173). Таким образом, ко времени июньского приема у Рыбаковых Л. Н. Гумилев сидел в следственной тюрьме на ул. Воинова (Шпалерной), 25, в пяти минутах ходьбы от рыбаковского дома, уже не два месяца, а значительно дольше. В тюрьму Кресты его перевели по окончании «следствия», в конце августа. О следствии и заключении, о попытках Ахматовой спасти сына см.: *Беляков С. С.* Гумилев сын Гумилева. М., 2012. С. 127–134 и далее; *Разумов А. Я.* Дела и допросы. Ч. II. «Вот это действительно правильно»: К делам обвиняемого Льва Гумилева // «Я всем прощение дарю...»: Ахматовский сборник / Сост. Н. И. Крайнева. М.; СПб., 2006. С. 279–317.

¹⁴⁷ 6 июля 1938 – дата, указанная в постановлении от 27 октября 1938 о прекращении дела, в воспоминаниях О. И. Рыбаковой и ряде других документальных источников. В некоторых документах 1965 в деле Рыбакова указана дата 5 июля.

¹⁴⁸ Лавренев Борис Андреевич (наст. фамилия Сергеев, 1891–1959) – прозаик, драматург, поэт, журналист. Лауреат двух Сталинских премий. Жил в одном доме с Рыбаковыми. Сохранились письма Лавренева Рыбакову (ОР РНБ, ф. 1000, оп. 2, ч. I, № 714).

¹⁴⁹ *Рыбакова О. И.* Воспоминания о жизни в блокадном Ленинграде. С. 11.

¹⁵⁰ Там же. С. 7.

¹⁵¹ В дальнейшем все имена и фамилии даны в правильном написании, независимо от того, каким образом они выглядят в деле.

¹⁵² Сокращение «к-р» в деле используется вместо слова «контрреволюционный». Ср. сокращение КР, каэр, на тюремном советском жаргоне означавшее «контрреволюционер».

¹⁵³ *Поварцов С. Н.* Причина смерти – расстрел: Хроника последних дней Исаака Бабеля. М., 1996. С. 136–137.

¹⁵⁴ О Вожеле см. также: *Носик Б. М.* Прогулки по Французской Ривьере. Сокровища и тайны Лазурного берега. СПб., 2004 и др.

¹⁵⁵ *Андроников Я. Я.* Просто шел, не ведая куда... С. 94–163; *Дмитриев Ю. А.* Место расстрела Сандармох. 2-е изд. / Под ред. А. Я. Разумова. Петрозаводск, 2020. С. 34.

¹⁵⁶ Комментарий А. Я. Разумова: «Все протоколы времени Большого сталинского террора были оформлены по присланному из Москвы образцу в рамках следствия, объявленного в приказе НКВД “ускоренным и упрощенным”».

¹⁵⁷ АРКОС (All Russian Cooperative Society Limited) – Всероссийское кооперативное общество с ограниченной ответственностью, созданное в Великобритании в 1920 и игравшее большую роль в торговых отношениях двух стран. В 1924 Великобритания признала Советский Союз, после чего в королевстве смогла появиться полноправная официальная торговая

организация СССР – Торгпредство. В 1927 дипломатические отношения двух стран были разорваны. По советской версии, английская нота о разрыве отношений, 27 мая врученная Чемберленом советскому поверенному в делах, «содержала необоснованные обвинения СССР в антианглийской пропаганде и грязные инсинуации относительно шпионажа, будто бы проводившегося сотрудниками АРКОСа» (История дипломатии. В 5 т. Т. 3. М., 1965. С. 484). В числе предшествовавших ноте событий был «налет на АРКОС»: с 12 по 16 мая 1927 лондонская полиция проводила обыск в помещениях АРКОСа и Торгпредства в поисках компрометирующих документов (*Репин Т.* Налет на АРКОС: Почему Англия разорвала дипломатические отношения с СССР // Русская семерка. [Электронный ресурс]. URL: <https://russian7.ru/post/palet-na-arkos-pochemu-angliya-razorval/> Дипломатические отношения между СССР и Великобританией были восстановлены в 1929.

¹⁵⁸ В показаниях от 25 августа Рыбаков называет предположительно 1933–1934. Те же годы назвала в своих свидетельских показаниях от 27 августа 1938 О. И. Рыбакова.

¹⁵⁹ Из «Обзорной справки на Андроникова Я. Н.» от 17 февраля 1965 в деле Рыбакова 1938. Предприятие Рыбакова названо Андрониковыми «конторой», находившейся по адресу Невский пр., 114.

¹⁶⁰ В др. допросе указана газета «Правда» 1925. По свидетельству О. И. Рыбаковой, письмо ее отца о разрыве с меньшевиками было опубликовано в «Ленинградской правде» в мае 1923 (краткая машинописная биография Рыбакова, составленная дочерью и хранящаяся в семейном архиве: Иосиф Израилевич Рыбаков. С. 1). В 1923 газета называлась «Петроградская правда». В «Петроградской правде» за май 1923 письмо Рыбакова отсутствует.

¹⁶¹ Ср. слова Е. Н. Невской об ее отце, востоковеде Н. А. Невском (1892–1937): если текст первого допроса – «с четкой подписью Невского, то в последующих <...> буквы напользают друг на друга, а порой и вовсе какие-то закорючки» (*Рубинчик О. Е.* Реквием по востоковедам // Рубинчик О. Е. Анна Ахматова и ее время. М., 2018. С. 535).

¹⁶² Комментарий А. Я. Разумова: «Рыбакова готовили к расстрелу – к обвинительному заключению “по первой категории”». Всех обвиняемых по статье о шпионаже вставляли в “альбомы” и передавали на утверждение в Москву верховной “двойкой” – комиссией в составе наркома внутренних дел и прокурора СССР. А в сентябре 1938 года начинался заключительный этап карательной кампании. Все незавершенные дела на “шпионов” подлежали рассмотрению вновь созданных Особых троек. Предыдущая Ленинградская тройка НКВД завершила работу в июне. О деятельности новой Особой тройки осенью 1938 года см. в 11-м томе “Ленинградского мартиролога”. Рыбакова успели бы “оформить” на Особую тройку, если бы дело завершили в августе или начале сентября. Допросы в это время проходили с пристрастием. Допросы носили “конвейерный” характер, допрашивали по несколько суток, а потом оформляли как протокол с определенной датой».

¹⁶³ Возможно, должно быть «п/с» – подследственный.

¹⁶⁴ Письмо А. Я. Разумова автору статьи от 3 февраля 2019.

¹⁶⁵ Позднее М. В. Бокариус написала об этом: *Бокариус М. В.* Михаил Давидович Ромм. С. 392.

¹⁶⁶ *Рыбакова О. И.* Воспоминания о жизни в блокадном Ленинграде. С. 4–5.

¹⁶⁷ «...В 1930-х годах Иосиф Израилевич увлекся китайским искусством. Ему посчастливилось приобрести коллекцию китайских вещей, принадлежавших нотариусу Лебедеву (фарфор, лак, дерево), а затем пополнить ее бронзовыми и нефритовыми изделиями» (*Голлербах Э.* Собрание И. И. Рыбакова. Машинопись из архива семьи Рыбаковых. С. 9).

¹⁶⁸ Огонек. 1940. № 4 (691). С. 20.

¹⁶⁹ Среди работ Судейкина у Рыбакова был портрет О. А. Глебовой-Судейкиной в роли «Путаницы». Ср. у Ахматовой в «Поэме без героя»: «Ты ли, Путаница-Психея...».

¹⁷⁰ В коллекции был, как пишет Голлербах, «ряд натюрмортов» Шагала, были также картины «Розовые любовники» и «Окно» («Вид из окна в Витебске», 1908). Об «Окне» в связи с творчеством Ахматовой см. в гл. «Ахматова и Шагал» в кн.: *Рубинчик О. Е.* «Если бы я

была живописцем...»: Изобразительное искусство в творческой мастерской Анны Ахматовой. СПб., 2010. С. 70–72, 132.

¹⁷¹ О значении для Ахматовой знакомства с литографиями Мартынова и иностранными литографированными видами Петербурга из коллекции Рыбаковых см. в гл. «Изобразительные аллюзии и экфрасис в стихотворении Ахматовой “Предыстория”» (Там же. С. 296–302).

¹⁷² *Голлербах Э.* Собрание И. И. Рыбакова. Машинопись из архива семьи Рыбаковых. С. 1–10. Другие экземпляры той же статьи хранятся в ОР РНБ (ф. 1073, ед. хр. 1991), РО ГРМ и в РГАЛИ.

¹⁷³ *Голлербах Э. Ф.* Встречи и впечатления. С. 298.

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Там же. С. 299. Между тем, Клюев был арестован в Москве в 1934 и осужден на 5 лет лагерей с заменой на высылку; в 1937 расстрелян в Томске.

¹⁷⁶ Там же. С. 278.

¹⁷⁷ Там же. С. 349, 396–397.

¹⁷⁸ *Рыбаков И. И., Фарафонтьев Б. В.* Практика хозрасчета. Л., 1931.

¹⁷⁹ *Рыбаков И. И., Фарафонтьев Б. В.* Хозрасчет в действии: Практика хозрасчета. 3-е перераб. изд. Л., 1931. Первые строки «Вступления» этой вышедшей пятнадцатитысячным тиражом брошюры: «Хозрасчет – основа правильной постановки работы предприятия. Хозрасчет не только не сужает проявления инициативы, а наоборот – дает возможность ее широкого применения как со стороны хозяйственников, так со стороны рабочих масс» (С. 3).

¹⁸⁰ Коллективное изд., где Рыбаков – один из авторов: *Авидон В. А. и др.* Организация внутриводского хозрасчета: Пособие для директоров и заводских работников. Л., 1932.

¹⁸¹ Здесь и далее приводятся устные воспоминания, которыми А. Г. Каминская делилась в телефонных разговорах с автором данной статьи в 2018–2020.

¹⁸² Архив Рыбаковых. Опубл.: *Черных В. А.* Указ. соч. С. 378 и 381. Вторая надпись обнаружена также в газете «Южная правда», в уже упомянутой статье Н. Смирновой «Штрихи к портрету коллекционера».

¹⁸³ Слова «на память о многом», как и некоторые другие обороты из дарственных надписей Рыбаковым, несколько раз встречаются в инскриптах Ахматовой разным адресатам (см., напр., дарственную надпись Н. А. Роскиной: *Роскина Н.* «Как будто прощаюсь снова...» // Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 541). При этом они всегда имеют разное наполнение.

¹⁸⁴ *Рыбакова О. И.* Воспоминания о жизни в блокадном Ленинграде. С. 5.

¹⁸⁵ Общение Ахматовой с Гаршиным началось в 1937, но, по словам О. И. Рыбаковой, в их семье Анна Андреевна стала бывать с ним в 1939; Л. Я. Рыбакова познакомилась с Гаршиным раньше, навещая Ахматову в Фонтанном Доме (*Рыбакова О. И.* Грустная правда. С. 224).

¹⁸⁶ *Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 1. С. 81, 82, 135, 158.

¹⁸⁷ *Рыбакова О. И.* Грустная правда. С. 225. По возвращении в Ленинград Ахматова отдала письма и др. материалы Пастернака на хранение Л. Я. Рыбаковой. См.: Борис Пастернак. Из переписки с писателями / Предисл. к публ. Е. Б. и Е. В. Пастернаков // Литературное наследство. Т. 93. М., 1993. С. 653.

¹⁸⁸ Как я уже писала, в деле Рыбакова не оказалось ни одного доноса.

¹⁸⁹ Б. В. Лауэнбург смог взять свою мать с собой в эвакуацию, использовав тот «литер» (бесплатный билет) на самолет, который не понадобился для жены и дочери.

¹⁹⁰ Родные и друзья иногда называли Рыбакова Жозефом (французская версия имени Иосиф) и Жозей. Ср. дарственную надпись художника Лебедева на книге Пунина «Владимир Васильевич Лебедев» (Л., 1928): «Жозе / Совсем по-хорошему / Володя / 16 / X 28» (собрание Рыбаковых).

¹⁹¹ Зильберштейн Илья Самойлович (1905–1988). К его характеристике, данной О. И. Рыбаковой, нужно добавить, что Зильберштейн был одним из основателей и редакторов серии «Литературное наследство» (за годы его работы издано 98 томов), а также коллекционером и основателем (вместе с И. А. Антоновой) Музея личных коллекций ГМИИ им. А. С. Пушкина.

¹⁹² Тобилевич Владимир Павлович (1900–1981) – основоположник отечественной радиогинекологии, заведующий отделением онкогинекологии в Ленинградском институте онкологии, профессор, сосед Рыбаковых по дому на набережной Жореса (Кутузова). «...Жена доктора Тобилевича» – его первая жена Софья Борисовна Гарбер, медсестра-диетолог (после ее смерти Тобилевич женился на Елизавете Ивановне Грицной, урожд. Ювачевой, сестре Д. И. Хармса).

¹⁹³ Хлопонина (у О. И. Рыбаковой ошибочно – Хлапонина) Сусанна Яковлевна (1899–?) – хирург, награждена орденом Отечественной войны II степени (см. сайт «Память народа». [Электронный ресурс]. URL: <https://pamyat-naroda.ru/awards/25835584>), с 1948 – заслуженный врач РСФСР (см.: *Шануро Б. С. Я. Хлопонина – заслуженный врач республики // Пульс [газета 1-го Ленинградского медицинского института]. 1948. № 22 (462). С. 1.* [Электронный ресурс]. URL: https://www.lspbgnu.ru/images/home/universitet/izdatelstvo/Pulse/1940-1949/Pulse_22_462_3.06.1948.pdf). Из показаний Рыбакова от 7 июля 1938 (в неграмотной записи следователя): «Лица, с которыми я был наиболее связан, являются следующие: 1. Гольдберг Семен Викторович – профессор хирургии. 2. Его жена Хлопонина Сусанна Яковлевна – хирург». В дружеских отношениях с Хлопониной был и Гаршин (см.: *Рыбакова О. И. Грустная правда. С. 225*). Ж. Б. Рыбакова: «Сусанна Яковлевна была очень хорошим хирургом. Помню, что году в 46–м–48–м меня образовался какой-то нарыв на голове – и она меня оперировала в больнице Эрисмана. Умерла она, кажется, уже после смерти бабушки. Наверно, в 60-е годы». Существует инскрипт Ахматовой от 26 мая 1940 на сборнике стихов «Из шести книг» (Л., 1940): «Милой Сусанне Яковлевне Хлопониной с искренним приветом» (Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана / Сост. М. С. Лесман и др.; вступ. ст. Н. Г. Князевой. М., 1989. С. 32). Издание хранится в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме (КП-3445). Вероятно, Ахматова познакомилась с Хлопониной в доме Рыбаковых.

¹⁹⁴ На казарменном положении, т. е. жила там же, где работала.

¹⁹⁵ Александро-Невской улица называлась с 1902 по 1935, затем она была улицей Красной площади, а с 1956 это улица Александра Невского.

¹⁹⁶ *Рыбакова О. И. Воспоминания о жизни в блокадном Ленинграде. С. 5–20.*

¹⁹⁷ Там же. С. 19. Свидетельство Ж. Б. Рыбаковой: «Во время войны было какое-то человеческое братство. Это еще в 1946 чувствовалось. В доме друг другу помогали. То, что в доме выжил маленький ребенок, всех трогало. Со мной возились».

¹⁹⁸ Там же. С. 10.

¹⁹⁹ *Будыко Ю. И. История одного посвящения (О «Поэме без героя» А. Ахматовой) // Русская литература. 1984. № 1. С. 236–237.* А также: Петербург Ахматовой: Владимир Георгиевич Гаршин. С. 55–56. В данной статье тексты открыток цит. по оригиналам из домашнего архива Рыбаковых.

²⁰⁰ «Передайте мою сердечную и горячую благодарность милой Оле за ее весточки» (*Будыко Ю. И. История одного посвящения. С. 237. Открытка от 21 марта 1944*).

²⁰¹ *Рыбакова О. И. Грустная правда. С. 224.*

²⁰² *Журавлева Т. Б. В. Г. Гаршин (1887–1956). СПб., 1994.*

²⁰³ Всесоюзный институт экспериментальной медицины. Гаршин работал там наряду с 1-м Ленинградским медицинским институтом.

²⁰⁴ *Попова Н. И., Рубинчик О. Е. Анна Ахматова и Фонтанный Дом. СПб., 2000. С. 96.*

²⁰⁵ Родная сестра Гаршина Юлия Георгиевна Пифиева.

²⁰⁶ Письмо А. В. Гаршину от 21 июня 1943 (Петербург Ахматовой: Владимир Георгиевич Гаршин. С. 47).

²⁰⁷ *Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 1. С. 501.* Из «Ташкентских тетрадей» Чуковской 1941–1942 можно получить некоторое представление и об ахматовской военной переписке с Гаршиным, которая была уничтожена Ахматовой после их разрыва.

²⁰⁸ *Кузин Б. С. Воспоминания. Произведения. Переписка; Мандельштам Н. Я. 192 письма к Б. С. Кузину / Предисл., подгот. текстов, примеч. и коммент. Н. И. Крайневой и Е. А. Пере-*

жогиной; предисл. к разделу «Переписка» и заметки к биогр. Б. С. Кузина М. А. Давыдова. СПб., 1999. С. 690.

²⁰⁹ Адрес получателя: «Ленинград. Набережная Жореса, 12, кв. 5. Лидии Яковлевне Рыбаковой». Адрес отправителя: «А. Ахматова. Ташкент, ул. Жуковского, 54».

²¹⁰ *Журавлева Т. Б.* Указ. соч. С. 117–119. Письма от 16 августа и 20 сентября 1942.

²¹¹ *Черных В. А.* Указ. соч. С. 439–442.

²¹² В ахматовской открытке Л. Я. Рыбаковой от 17 мая 1943 говорится: «... в одном доме я встретила людей (муж, жена, девочка), с которыми познакомилась у вас». Речь идет о Н. Н. Заманской, ее муже М. Д. Фишелеве и их дочери Любе. Все сведения о семье Фишелевых сообщены автору статьи Любовью Михайловной Фишелевой (род. в 1936, по профессии – инженер-строитель). Фишелев Михаил (Моисей) Давидович (1895–1975) – искусствовед, коллекционер. Собирал произведения западноевропейской графики, русскую и французскую книжную графику, экслибрисы, иллюстрированные книжные издания. Л. М. Фишелева: «У нас было две больших комнаты в коммунальной восьмикомнатной квартире. Мы жили в абсолютно завешанном картинами пространстве. А книги были не только на стеллажах, но везде: лежали исключительно плотно и аккуратно под столами, под кроватями, в ящике тахты и т. д. Но папа себя библиофилом никогда не считал, т. к. собирал не коллекцию книг, а рабочую библиотеку, мог купить рваную книгу, если она его интересовала».

В дом Рыбаковых, по-видимому, Фишелева ввел в начале 1930-х Верейский. По словам Любови Михайловны, «с тех пор Рыбаковы стали ему близкими друзьями. У Иосифа Израилевича и папы были общие интересы». Со своей будущей женой Надеждой Наумовной Фишелев познакомился у Рыбаковых. «Ольга Иосифовна говорила, что, когда арестовали Иосифа Израилевича, единственный человек, который к ним всегда приходил, был мой отец. Знакомство моих родителей с Рыбаковыми никогда не прерывалось. И мы с Иной до сих пор поддерживаем отношения».

Ахматова познакомилась с Фишелевыми в начале 1930-х. В Ташкент Фишелевы прибыли в 1943 и жили неподалеку от нее. В чьем доме они встретились, Л. М. Фишелева не помнит, но помнит другое: «...мы к ней приходили – в узкую комнату. Помню еще узкую железную кровать. Я абсолютно не понимала, к кому мы пришли, мне никто этого не объяснил. Я с мамой и папой приходила один раз. Папа, может быть, еще приходил, но я об этом не знаю». Фишелевы смогли вернуться в Ленинград только 29 сентября 1944, вместе с Консерваторией и существовавшей при ней школой-десятилеткой, в которую Люба поступила учиться в Ташкенте.

Фишелев виделся с Ахматовой в доме Рыбаковых и после войны. Был на ее похоронах. Любовь Михайловна: «Папа собирал все, что можно было собрать об Анне Ахматовой в то время: не только ее издания, но и о ней. Мама тоже так к ней относилась: были интерес и почтение». Ахматовских автографов у Фишелевых не было. Были ее первые прижизненные сборники, купленные Михаилом Давидовичем. Эти книги Л. М. Фишелева передала Музею Ахматовой в Фонтанном Доме в период его создания.

²¹³ *Черных В. А.* Указ. соч. С. 433.

²¹⁴ *Бабаев Э. Г. А. А. Ахматова в письмах Н. И. Харджиёву // Тайны ремесла. С. 208.*

²¹⁵ *Томашевская З. Б.* «Я – как петербургская тумба» // Об Анне Ахматовой. С. 424.

²¹⁶ *Кузин Б. С.* Воспоминания. Произведения. Переписка. С. 711.

²¹⁷ Письмо от 5 апреля 1944 (Петербург Ахматовой: Владимир Георгиевич Гаршин. С. 58).

²¹⁸ Там же. С. 59.

²¹⁹ *Рыбакова О. И.* Грустная правда. С. 226.

²²⁰ Дата по: *Черных В. А.* Указ. соч. С. 449–450.

²²¹ *Рыбакова О. И.* Грустная правда. С. 225.

²²² *Домони В. Г.* Знакомство и дружба // Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 343.

²²³ Петербург Ахматовой: Владимир Георгиевич Гаршин. С. 153.

²²⁴ *Рыбакова О. И.* Грустная правда. С. 225–228.

²²⁵ Герштейн Э. Г. Беседы с Н. А. Ольшевской-Ардовой // Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 262–263.

²²⁶ Петербург Ахматовой: Владимир Георгиевич Гаршин. С. 67. Подробно о Гаршине, а также обо всей истории отношений и разрыва Ахматовой и Гаршина см. в этом издании.

²²⁷ Рыбакова О. И. Воспоминания о жизни в блокадном Ленинграде. С. 20. Тогда, в период возвращения ленинградцев из эвакуации, у Рыбаковых нашла приют не только Ахматова: «Поселились у нас и мои институтские друзья...», – вспоминает Ольга Иосифовна в письме о блокаде (с. 5), написанном в ответ на просьбу ребят из совхозной школы (этот машинописный текст с авторской правкой открывается обращением, выделенным как название: «Милые ребята 6-го класса школы совхоза “Агроном”»).

²²⁸ Любимова А. В. Записи о встречах // Об Анне Ахматовой. С. 232–234. Конец июня 1944.

²²⁹ О выступлении в Пушкине см.: 298–327.

²³⁰ Островская С. К. Дневник / Вступ. ст. Т. С. Поздняковой; послесл. П. Ю. Барсковой; подгот. текста и коммент. П. Ю. Барсковой и Т. С. Поздняковой. М., 2013. С. 518.

²³¹ Колпакова Н. В. Страницы дневника // Об Анне Ахматовой. С. 127.

²³² Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / Сост. и подгот. текста К. Н. Суворовой; вступ. ст. Э. Г. Герштейн; науч. консульт., введ. заметки, указатели В. А. Черных. М; Torino, 1996. С. 587.

²³³ Пунина И. Н. «Под кровлей Фонтанного Дома...»: Запись выступления на вечере в Музее Анны Ахматовой (октябрь 1994). Приложение в изд.: Попова Н. И., Рубинчик О. Е. Анна Ахматова и Фонтанный Дом. С. 150. О том же: Пунина И. Н. В годы войны (1942–1944): Фрагменты неопубликованной книги / Публ. и примеч. А. Г. Каминской // «Я всем прощение дарю...». С. 17–23.

²³⁴ Рыбакова О. И. Грустная правда. С. 225.

²³⁵ Рыбакова О. И. Воспоминания о жизни в блокадном Ленинграде. С. 20.

²³⁶ Пунина И. Н. В годы войны (1942–1944). С. 22.

²³⁷ Мандельштам Н. Об Ахматовой / Сост. и вступ. ст. П. Нерлера; подгот. текста П. Нерлера и С. Василенко при участии Н. Крайневой; коммент. П. Нерлера при участии Н. Крайневой. М., 2007. С. 234. Герштейн Э. Г. Беседы с Н. А. Ольшевской-Ардовой. С. 262.

²³⁸ Шапорина Л. В. Дневник. Т. 1. С. 443–444.

²³⁹ Архив Рыбаковых. Опубл.: Черных В. А. Указ. соч. С. 462.

²⁴⁰ Подробнее об этом: «Я не такой тебя когда-то знала...»: Анна Ахматова. Поэма без Героя. Проза о Поэме. наброски балетного либретто: материалы к творческой истории / Изд. подгот. Н. И. Крайнева при участии А. Я. Лапидус, Ю. В. Тамонцевой, О. Д. Филатовой. СПб., 2009. С. 949–951.

²⁴¹ Об этом: Там же. С. 956–963.

²⁴² См.: Там же. С. 965. Инскрипт приводится по скану (автограф «Поэмы») целиком воспроизведен в сканированном виде на сайте РГАЛИ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.akhmatova-rgali.ru/index.php?view=varchive&l=manuscripts&u=13-1-72>.

²⁴³ РГАЛИ, ф. 13, оп. 1, ед. хр. 72.

²⁴⁴ Строка Анненского из стихотворения «Дальние руки». Китс: «И ты далеко в человечестве» (англ.) – из поэмы «Изабелла». Бодлер: «...но образ вечный / Твой бдит над ним, когда он спит; / Как ты ему теперь, и он тебе, конечно, / До смерти верность сохранит» (фр.) – из стихотворения «Une Martyre» («Мученица») в пер. Н. С. Гумилева.

²⁴⁵ Похожим образом Ахматова оформила эту страницу журнала для Островской. Под дарственной надписью дата: 6 мая 1946 года (см.: РО РНБ, ф. 1448 (фонд С. К. Островской и С. Н. Драницына), ед. хр. 167). Описание см. в статье: Позднякова Т. С. «Экспериментальное поле для наблюдений над человеком и человеческим» // Островская С. К. Дневник. С. 24–25.

²⁴⁶ Об этом: Рыбакова О. И. Семья Рыбаковых и их семейная коллекция. С. 5.

²⁴⁷ Рыбакова О. И. Мои встречи с М. А. Сильвиним. С. 1–2.

²⁴⁸ Ср.: «С 1951 г. моя мать была парализована. Михаил Александрович ее навещал постоянно. Он рассказывал ей об эпизодах своей революционной деятельности. <...> Он также вспоминал об участии моего отца...» (Там же. С. 2–3).

²⁴⁹ Рыбакова О. И. Воспоминания о жизни в блокадном Ленинграде. С. 2.

²⁵⁰ Рассказ Ольги Иосифовны Рыбаковой. С. 1, 5.

²⁵¹ В советское время в Ленинграде университетом назывался только один вуз: Ленинградский государственный университет, ныне – Санкт-Петербургский государственный университет.

²⁵² О. И. Рыбакова в воспоминаниях с благодарностью называет имена многих своих учителей.

²⁵³ ИТР – инженерно-технический работник.

²⁵⁴ Рыбакова О. И. Воспоминания о жизни в блокадном Ленинграде. С. 2–4.

²⁵⁵ Там же. С. 4–5.

²⁵⁶ Рассказ Ольги Иосифовны Рыбаковой. С. 7.

²⁵⁷ Там же. С. 5.

²⁵⁸ Название документа – «Перечень публикаций стихотворений и прозы Анны Андреевны Ахматовой, хранящихся у О. И. Рыбаковой». Ниже от руки написано: «С автографами».

²⁵⁹ Ж. Б. Рыбакова: «Феликс Плантенер был инженером на Металлическом заводе, работал с мамой. Он был намного моложе ее, занимался боксом. Интересовался литературой, бывал в нашем доме».

²⁶⁰ Фото Лукницкого, март 1926. В собрании Рыбаковых – копия, оригинал сдан в РГАЛИ. Текст надписи опубли.: Черных В. А. Указ. соч. С. 341.

²⁶¹ Другой экземпляр того же номера журнала был надписан Л. Я. Рыбаковой (см. об этом ранее). Обе надписи опубли.: Черных В. А. Указ. соч. С. 378.

²⁶² Опубли.: Там же. С. 541.

²⁶³ Опубли.: Там же. С. 569.

²⁶⁴ Опубли.: Там же. С. 569.

²⁶⁵ Комментарий А. Я. Разумова: «Так было с семьями тех, кому не смогли вынести бессудный приговор до окончания карательной кампании 1937–1938. Не трогали также самих “недострелянных”, кого вынуждены были выпустить в 1939–1940, их имена должны были свидетельствовать о торжестве советского правосудия».

²⁶⁶ Беляев Сергей Алексеевич (1936–2019) – историк, археолог. Одно время работал в Эрмитаже, общался там с Л. Н. Гумилевым; участвовал в похоронах Ахматовой (Некролог: Скончался Сергей Беляев, сотрудник РАН, руководивший обретением мощей более 30 святых // Сайт «Religare», 24 октября 2019. [Электронный ресурс]. URL: http://www.religare.ru/2_118421.html).

²⁶⁷ Опубли.: Черных В. А. Указ. соч. С. 633.

²⁶⁸ Опубли.: Там же. С. 640.

²⁶⁹ Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. КП-1447.

²⁷⁰ Там же. КП-1451.

²⁷¹ Там же. КП-1448. Опубли.: Черных В. А. Указ. соч. С. 285.

²⁷² Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, КП-1450.

²⁷³ Записные книжки Анны Ахматовой. С. 482–483.

²⁷⁴ Там же. С. 484.

²⁷⁵ Недоброво Николай Владимирович (1882–1919) – поэт, литературный критик, теоретик стиха. Близкий друг и адресат произведений Ахматовой, о котором она как-то сказала: «А он, может быть, и сделал Ахматову» (Найман А. Г. Рассказы о Анне Ахматовой. М., 1999. С. 47).

²⁷⁶ «Триптих» – «Поэма без героя».

²⁷⁷ Записные книжки Анны Ахматовой. С. 489. Ср. запись Чуковской от 20 мая 1940:

«Сегодня, раздобыв для Анны Андреевны “Русскую мысль” со статьей Недоброво, – о чем она давно просила, – я начала ей звонить...»; запись от 24 мая 1940: «Потрясающая статья, – перебила меня Анна Андреевна, – пророческая... Недоброво понял мой путь, мое будущее...» (Чуковская Л. К. Указ. соч. Т. 1. С. 116, 124–125).

²⁷⁸ ОР РНБ, ф. 1073, ед. хр. 982. Письма от О. И. Рыбаковой; ед. хр. 1579. Телеграмма от О. И. Рыбаковой.

²⁷⁹ К сожалению, выяснить, кто такая упомянутая в письме Мария Павловна, не удалось.

²⁸⁰ Аня – А. Г. Каминская.

²⁸¹ Письмо Ольги Иосифовны про передачу на радиостанции «Голос Канады» упоминается в изд.: *Тименчик Р.* Последний поэт. Анна Ахматова в 1960-е годы. В 2 т. Иерусалим; М., 2015. Т. 2. С. 187.

²⁸² Записные книжки Анны Ахматовой. С. 389. Речь идет о еще не напечатанной тогда статье Чуковского «Читая Ахматову». Впервые опубли. в журнале «Москва» (1964. № 5. С. 200–203). Статья открывается фразой: «Анна Ахматова – мастер исторической живописи». Историю создания и публикации статьи см. в работе: *Тименчик Р.* Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой. Фрагмент № 21: Чуковский К. И. // *Toronto Slavic Quarterly*. 2012. № 40. [Электронный ресурс]. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/40/>

²⁸³ Рыбакова Жозефина Борисовна (род. в 1941) – искусствовед, заслуженный работник культуры. В 1958–1967 работала в Русском музее, в 1967–2004 – в музее Академии художеств, с 1978 была главным хранителем музея.

²⁸⁴ Евсеев Владимир Александрович (род. в 1938) – искусствовед.

²⁸⁵ Катя – дочь Ж. Б. Рыбаковой Екатерина Владимировна Евсеева (род. в 1965), искусствовед.

²⁸⁶ Ж. Б. Рыбакова: «Мама активно участвовала в судебном процессе, она выступала как свидетель на стороне Пуниных».

²⁸⁷ 2 июня 1965 Ахматова с «внучкой» А. Г. Каминской прибыла в Англию для участия в торжествах по случаю присуждения ей почетного звания доктора филологии Оксфордского университета и пробыла там по 18 июня (*Черных В. А.* Указ. соч. С. 826–832). 3 июня С. Н. Гальперн навестила ее в лондонской гостинице: «Одной из самых желанных гостей в этот день была Саломея Николаевна Гальперн-Андроникова» (*Каминская А.* Английская «ахматовка». Из дневника // *Звезда*. 2014. № 6. С. 114). По словам А. Г. Каминской (телефонный разговор от 26 апреля 2020), «Саломея Николаевна была на церемонии. А потом мы были у нее в гостях один или два раза. Она жила в типичном английском доме. Он был разделен на сектора. У каждого сектора свой выход, свой маленький садик. У Саломеи в саду было очень красиво, цвели розы. И в квартире было красиво. Сама Саломея была подвижна, элегантна. В беседе я не участвовала и почти ее не помню. Это были воспоминания двух пожилых дам о юности. Берлина при этом не было. В их разговоре присутствовал Артур <Лурье>, который не смог приехать из Америки»; «У меня есть письма Саломеи ко мне». Свидетельство самой С. Н. Гальперн: «Мы встретились с Ахматовой через много лет, когда она приехала в Оксфорд на торжества в ее честь. Пришла ко мне <...>, и у нас обеих было ощущение, что годы не прошли, мы расстались вчера и встретимся снова. Оставила автограф “Тени”, признавшись, что посвятила стихотворение мне в те дни, когда Гитлер бомбил Англию. Анна беспокоилась обо всех нас, кого знала и любила, и с кем ей нельзя было даже переписываться» (*Васильева Л. Н.* Саломея. С. 340).

²⁸⁸ В эмиграции С. Н. Гальперн подружилась с М. И. Цветаевой, помогала ей материально. Обращенные к ней письма Цветаевой (1926–1934) она подарила РГАЛИ. Почти все они опубликованы в изд.: *Цветаева М.* Собр. соч. В 7 т. Т. 7. Письма / Сост., подгот. текста и коммент. Л. Мнухина. М., 1995.

²⁸⁹ Имеется в виду большое письмо Цветаевой к С. Н. Гальперн от 12 августа 1932: «Дорогая Саломея, видела вас нынче во сне с такой любовью и такой тоской, с таким безумием любви и тоски, что первая мысль была, проснувшись: где же я была все эти годы, раз могла так

ее любить <...>. Это была прогулка, даже променада – некий обряд – вы были окружены (мы были разьединены) какими-то подругами (почти греческий хор) <...>. Вы были в белом, просторном, ниспадавшем, струящемся, в платье, непрерывно создаваемом вашим телом: телом вашей души. <...> Я вас любила до такого иступления (безмолвного), хотела к вам до такого самозабвения, что сейчас совсем опустошена (переполнена). Куда со всем этим? К вам, ибо никогда не поверю, что во сне ошибаются <...>. Мой любимый вид общения – сон. Сон – это я на полной свободе <...>. Только в нем я – я. Остальное – случайность. <...> Милая Саломея, лучше не отвечайте. Что на это можно ответить?..» (Там же. С. 150–153).

²⁹⁰ См.: Максимов Д. Е. Ахматова о Блоке // Звезда. 1967. № 12. С. 187–191.

²⁹¹ Вольф Марк Михайлович (1891–1987) – юрист (см.: Батлер У. Э. Марк Михайлович Вольф: англо-русский юрист // Культурное и научное наследие российской эмиграции в Великобритании (1917–1940-е гг.). М., 2002; Скидальская Е. Марк Михайлович Вольф (1891–1987) // Евреи в культуре русского зарубежья. Т. V / Сост. и изд. М. Пархомовский. Иерусалим, 1996. В домашнем архиве Рыбаковых находятся письма Вольфа О. И. Рыбаковой.

²⁹² Рыбакова О. И. Воспоминания о жизни в блокадном Ленинграде. С. 23.

О. И. Рыбакова

**<I.> Поездка Анны Андреевны Ахматовой
в освобожденное Детское Село (Пушкин) с
писательской бригадой в июне 1944 года**

**II. Анна Андреевна Ахматова
в Детском Селе в 1920-е годы¹**

Подготовка текста и комментариев О. Е. Рубинчик

<I.> Поездка Анны Андреевны Ахматовой в освобожденное Детское Село (Пушкин) с писательской бригадой в июне 1944 года

Это было в 1944 году в самом начале лета: Анна Андреевна Ахматова только что вернулась из эвакуации, из Ташкента, и после короткого пребывания в Москве у друзей приехала в Ленинград. Война еще продолжалась, но враг был отогнан от Ленинграда и наши войска с боями уходили все дальше на запад. С фронта приходили письма, из которых можно было понять, например, что артиллерия войск Ленинградского фронта, всю войну стоявшая совсем близко к городу, теперь уже прошла Псков (писалось – пушкинские места) и вступила в Прибалтику. Все жили сводками и мечтали о будущем разгроме Германии, о Втором фронте, жили верой в приближающуюся Победу. Ничто больше не казалось недостижимым. Ленинград дышал свободно, были освобождены и пригороды: несчастные сожженные, расстрелянные и разрушенные Петергоф, Гатчина, Павловск и Детское Село. Мы говорили друг другу: «Все это невозможно – бедные наши дворцы и парки... Это невозможно простить, что они с ними сделали, проклятые фашисты!..»

Анна Андреевна Ахматова жила тогда в моей семье, в нашей квартире на набережной Кутузова (бывшей Французской), в доме № 12, квартире № 5, в четвертом этаже.² Ее комната в Фонтанном Доме Шереметевых (на Фонтанке) была занята чьими-то чужими вещами, квартира была наспех опечатана, везде, кругом были следы войны, запустение, грязь. Семья Пуниных – практически семья АА – еще не вернулась из эвакуации, и некому было там заботиться

об Анне Андреевне. Я же тогда работала с ненормированным рабочим днем (в домохозяйстве) и могла взять на себя заботы о быте Анны Андреевны.

Впрочем, Анна Андреевна сама тогда еще не хотела возвращаться на Фонтанку. Тому было много причин, о которых говорить сейчас еще преждевременно... Однако планы, с которыми она носилась в ташкентской эвакуации, уже не могли осуществиться. Отремонтированная квартира в доме ВИЭМ, о которой она мечтала как о тихой пристани, становилась призраком и, казалось, уходила в ленинградский туман. Все снова обмануло ее... Приезд в Ленинград оказался ошибкой. Надо было оставаться в Москве и получить там предлагаемую квартиру.³ Но сделанного – вспять не воротишь... Впрочем, довольно об этом. Перехожу к делу.

Итак, Анна Андреевна Ахматова жила уже несколько недель в своем временном пристанище в семье Рыбаковых на набережной Невы, в большой квартире, которую Ольга Берггольц, приходившая к АА, сравнила с рыцарским замком, хотя ничего «готического» там не было. Анна Андреевна жила в маленькой (тринадцатиметровой) комнате с окном в узкий ленинградский двор-колодец и очень много времени проводила в средней, проходной комнате, где было окно в потолке и стояли шведские шкафы с книгами. Еще там висела большая шпалера «Освобождение Греции от турецкого ига» 1830-х годов (ныне в Государственном Русском музее) и стоял большой старинный обеденный стол-сороконожка, окруженный стульями, вокруг которого вечером все собирались, а Анна Андреевна часто сидела и днем.

В квартире в то время, кроме Анны Андреевны, жили еще трое взрослых и один ребенок – моя трехлетняя дочка, посещавшая детский сад и не мешавшая АА. Это были моя мать,⁴ моя приятельница⁵ и я.⁶ Ребенка моей приятельницы в то время еще ожидали из эвакуации.⁷

Мне вспоминаются долгие вечера за круглым столом, разговоры, споры. Мы все почтительно слушали Анну Андреевну, она много рассказывала о Ташкенте, беседовала с нами о литературе. АА часто бывала в находившемся очень близко от нас Доме писателя им. Маяковского, и к ней приходили многие из писателей и людей искусства. Все вокруг было еще очень фронтное, писатели ходили в

военной форме, писательский клуб казался полувоенным учреждением, и статная фигура Анны Андреевны там очень выделялась. Она нас много расспрашивала о нашей жизни и о блокадном Ленинграде. Мы вспоминали бомбежки и обстрелы, которые и она помнила по началу войны. Казалось даже странным, что все это навсегда кончилось; мы невольно болезненно вздрагивали при звуках салютов нашим победам.

Однажды, придя из Дома писателей, Анна Андреевна рассказала нам, что ее просят назавтра выехать с бригадой писателей в недавно освобожденное Детское Село на празднование Пушкинской годовщины. Попозже вечером должны были прийти к ней за ответом.⁸ Анна Андреевна не сразу решила ехать и выступить.

– Что я скажу? Каким должно быть мое выступление? Как я увижу разрушение города моей юности?! – говорила она моей матери.

Мы все стали уговаривать ее ехать:

– Это страшно, но... Увидеть родное Царское, наконец, возвращенное нам, освобожденное!

– Я бы поехала, – сказала я, – нет, побежала бы, пошла бы пешком, не задумываясь, но ведь туда нужен пропуск. А вы поедете с писателями, с военными на машине, и это не будет так уж страшно и тяжело. Вы ведь будете не одна!

Анна Андреевна сравнительно легко дала себя уговорить.

Стали составлять примерный текст будущего выступления.

– Но я же не оратор, я не умею говорить речи... Я поэт и могу читать свои стихи... – смущенно заметила Анна Андреевна, чуть улыбаясь.

– Ничего, ничего, – зашумели мы все за столом, – вступительные фразы общими усилиями придумаем...

Все стали предлагать, как сделать самое трудное – начало. Самая эрудированная из присутствующих – моя мать подсказала Анне Андреевне несколько вариантов начала. Анна Андреевна попросила карандаш, подумала, записала. Потом приостановилась, сделала вставку и записала на обороте. Роза Шейн заточила второй карандаш и приготовилась помогать Анне Андреевне записывать. Вдруг карандаш АА перестал писать. Заточили его снова. Анна Андреевна попробовала его: карандаш был мягкий, жирный. На листках, лежащих передо мной, несколько фраз написаны рукой Анны Андреевны (экспертиза

ЦГАЛИ <ныне РГАЛИ. – О. Р.> это подтверждает). Одна фраза написана рукой Р. Г. Шейн.

Вот текст выступления (по сохранившимся черновикам, которые находятся в ЦГАЛИ <ныне РГАЛИ. – О. Р.>, куда я их передала)⁹:

ТОВАРИЩИ!

СЕГОДНЯ МЫ
ПРАЗДНУЕМ СВЕТЛУЮ
ГОДОВЩИНУ ДНЯ
РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО
ПОЭТА

/и великого/¹⁰

Празднуем мы ее
в том месте,
про которое сам
Пушкин сказал:
«Отечество нам

Царское Село».

Пушкин всегда считал
Ц.С. парк достойным
памятником
русской военной славы
и в целом ряде стих(отворений)¹¹
говорил об этом. Для него
навсегда остались
священными

«Царскосельские

Вставка на обороте
И В ТОМ ГОДУ, КОТОРЫЙ
ПРИНЕС ДОЛГОЖДАННОЕ
ОСВОБОЖДЕНИЕ (Рука Анны
Андреевны Ахматовой)

хранительные сени».

Таковыми они были,
есть и будут для нас.
«Смуглый...»

(проба карандаша)

Судя по черновику, Анна Андреевна предполагала закончить свое краткое выступление чтением своего стихотворения, хорошо нам всем известного и очень любимого всеми царскоселами:

Смуглый отрок бродил по аллеям...

Читала ли она фронтовикам еще что-либо, я не знаю. Об этом надо спросить тех, кто был с ней в поездке.¹² Так встретила Анна Андреевна Ахматова день рождения Пушкина¹³ в городе его и своего детства, /вскоре/ еще до войны¹⁴ получившем имя поэта, в освобожденном Детском Селе (г. Пушкине).¹⁵

Разрушения в городе и парках тяжело подействовали на Анну Андреевну. Она вернулась в Ленинград после выступления сама не своя.¹⁶

В «Листках из дневника», хранящихся в ГПБ им. Салтыкова-Щедрина (рукописный отдел) <с 1992 года РНБ. – О. Р.>, Анна Андреевна пишет, что в тот период она сначала не писала стихов, а написала три прозаических очерка, в том числе «Три сирени» (поездка в Пушкин в июне 1944 года).¹⁷ К сожалению, ни один из этих очерков не сохранился.¹⁸

Позднее, в том же 1944 году Ахматова написала и стихи о разрушенном городе своей юности.¹⁹

Рассказывая нам о своей поездке, она очень скупно говорила о невозвратно погибшем. Особенно жалела она взорванную Белую башню – старый ориентир Царского Села.²⁰

Неизгладимые впечатления от поездки в какой-то мере отражены в ее стихотворении «Городу Пушкина», опубликованном в журнале «Ленинград»²¹ и – в позднейшем, измененном варианте – в сборнике «Стихотворения» (1958, Москва, с. 65), с эпиграфом:

И царкосельские хранительные сени...

Пушкин

Что делать мне?²² Они тебя сожгли,
О, встреча, что разлуки тяжелее...
Здесь был фонтан, высокие аллеи,
Громада парка древнего вдали,
Заря была себя самой алее,
В апреле запах прели и земли,
И первый поцелуй...

1944.²³

В первом варианте этого стихотворения было:

Мой городок игрушечный сожгли...²⁴

Существуют в одном из стихотворений Ахматовой, которое она читала нам, и такие строки:

Как пусто в небе на месте упавшей башни
Как пусто в доме, куда не вернулся сын,

где Анна Андреевна говорит о разрушенной почти до основания Белой башне.²⁵

Анна Андреевна прожила у нас, на набережной Кутузова, несколько месяцев. Ближе к осени вернулась Ирина Пунина с дочкой, комнату Анны Андреевны в Фонтанном Доме привели в порядок,²⁶ кое-как собрали вещи, растасканные по соседям. Друзья, которым были при отъезде Анны Андреевны в эвакуацию оставлены некоторые мелкие вещи (судейкинский фарфор) и книги, вернули их без особых затруднений (хотя в те времена это случалось не всегда). Комната Анны Андреевны приобрела жилой вид, и можно было переезжать. Не хватало только кровати, т. к. диван, на котором спала А.А. до войны, оказался сожженным. Но из этого положения вышли просто: взяли железную кровать, на которой Анна Андреевна спала у Рыбаковых, и перевезли на Фонтанку, вместе с покрывалом, старой парчовой портьерой и прочим необходимым «реквизитом».

И вот Анна Андреевна вернулась к месту своей «довоенной прописки».

На набережной Кутузова наступила тишина, вступила в свои права поздняя осень, мы стали топить печи. О пребывании Анны Андреевны под нашей крышей только вспоминали. Иногда она приходила в гости, одна или с маленькой Анечкой Каминской²⁷, дочкой Ирины Пуниной, весело игравшей с моей дочкой. Анна Андреевна, как и раньше, садилась в свое привычное кресло направо от Л. Я. Рыбаковой и, слегка оборотившись к ней, читала стихи. Это кресло всегда считалось креслом Ахматовой: кроме моего покойного отца и Анны Андреевны на это место никто не садился. А АА всегда сидела в нем, начиная с зимы 1924 года, когда она начала бывать у моих родителей. До войны вокруг стола стояли не кресла, а стулья, проданные и променянные в блокаду.

Кроме чтения стихов, были и длинные, душевные разговоры о литературе, о пушкинских работах Анны Андреевны, о многом.

Вспоминали старых друзей. О поездке в Детское Село (Пушкин) никогда не говорили. Анне Андреевне было больно вспоминать, а она не любила говорить о неприятном.

Все это почти забылось, и я долго припоминала прошедшее, глядя на исписанные карандашом пожелтевшие листочки.

II. Анна Андреевна Ахматова в Детском Селе в 1920-е годы

Передо мной три фотографии из моей «Ахматовской папки».

Первая фотография:

Анна Андреевна стоит, одетая в зимнее пальто с меховым стоячим воротником и шляпку с маленькими полями, у дверей одной из квартир в полуциркуле Екатерининского дворца, держась рукой за ручку двери. На цокольной плите колонн сидит старушка в платке – видимо, местная жительница.

Вторая фотография:

Анна Андреевна, в том же пальто и той же шляпке с черной лентой, задумчиво сидит на железной скамейке, столь характерной для старого Екатерининского парка, под огромным дуплистым и сучковатым деревом. Поздняя осень, у ног Анны Андреевны опавшие листья, позади дерева виден пруд, полуоблетевшие деревья на другом его берегу, серповидный перешеек, разделяющий пруд на две части, и статуя в центре пруда. Это Ахилл с телом Патрокла, бронза. Статуя похищена фашистскими оккупантами, а пруд переделан после по старинным чертежам под XVIII век; старые липы, отжившие свой век, ныне вырублены.

Третья фотография:

Анна Андреевна в том же пальто, но с откинутым воротником, сидит на диване, обитом светлым кретоном с крупными цветами. Рядом овальный стол, покрытый ковровым платком, на нем лежат книги, среди них какой-то том из серии «Иностранная литература» под редакцией М. Горького.

Где и когда были сняты эти фотографии? Установить это нетрудно. Ясно, что это Детское Село, нынешний Пушкин.

Дверь в полуциркуле – это дверь в квартиру № 1 правого полуциркуля Екатерининского дворца (вторая дверь от ворот на площадь – парадный двор дворца). Ныне в этом помещении располага-

ются приемные комнаты дирекции дворцов и парков г. Пушкина. В начале двадцатых годов квартиры в полуциркуле были заняты жильцами, зимогорами²⁸ и местными жителями. Там с 1925 года по 1930 жила летом семья Рыбаковых, сохраняя эту квартиру за собой осенью, зимой и весной, словом, круглый год, для приездов по субботам и воскресеньям. Старушка у дверей – домработница тетя Паша, постоянно жившая там. Анна Андреевна жила в этой квартире осенью 1925 года, когда семья Рыбаковых уезжала в Крым. На фотографии у дверей в полуциркуле имеется пометка ее рукой: «Царское Село. 1925».²⁹ Анна (Аня) Каминская вспоминает, что Анна Андреевна говорила ей, что она жила «у Рыбаковых в Царском» еще и осенью того года, когда произошло крымское землетрясение, а Рыбаковы находились в Крыму, в Гурзуфе,³⁰ и все о них беспокоились.³¹

Фотографировал Анну Андреевну, кажется, Павел Лукницкий.³² Во всяком случае, так она говорила Лидии Яковлевне Рыбаковой. В тот же период была снята фотография в Екатерининском парке, где Анна Андреевна очень мало похожа на себя.³³

В тот же период была снята известная фотография: “У лицейской арки” (Всесоюзный Музей А. С. Пушкина).³⁴

Фотография в комнате квартиры Рыбаковых изображает Анну Андреевну в пальто – наверно, было холодно, печи еще не начали топить, или они плохо нагревали старинное здание, а осень была уже поздняя: конец сентября – начало октября. Мебель в комнатах, которая видна на фотографии, была взята напрокат в дворцовом управлении. Я хорошо помню, хотя была в то время десятилетней девочкой, резные ореховые диван и кресла, покрытые белым кретоном с большими серо-голубыми цветами.

Помню, что в тот период и несколько позже в бывших дворцовых помещениях жило много людей, близких к литературе и искусству.³⁵ Так, Константин Федин жил в Зубовском флигеле дворца.³⁶ Евгений Замятин с женой – в левом полуциркуле.³⁷ Там же жил художник-карикатурист Николай Радлов с женой, тоже художницей.³⁸ Алексей Толстой приехал в Детское Село несколько позже.³⁹ Вячеслава Шишкова я почти не помню. В 1925-м, видимо, его еще не было в Детском.⁴⁰ Знаменитый певец Ершов с женой, певицей Акимовой, и сыном, будущим художником, жили в доме учителя Лицея Теппера (в домике Вырубовой, как мы его тогда называли),⁴¹ где теперь пуш-

кинский ЗАГС. Художник Петров-Водкин с женой и дочкой жили во втором или третьем этаже Лицея⁴², разделенного тогда на квартиры.⁴³ Там же жили журналист Гросс (много писавший о Детском Селе и детскоселах в 30-х годах) с женой Палладой Олимпиаевной Богдановой (малоталантливой поэтессой, которую А. А. Ахматова знавала еще по «Бродячей собаке»).⁴⁴ В верхнем этаже Лицея в маленькой каморке одно лето жила художник и поэт Елена Данько.⁴⁵ На Средней улице (Коммунарков) в конце, ближайшем к прудам, жили Шапорины (композитор и его жена – художница Любовь Васильевна Яковлева-Шапорина,⁴⁶ большой друг Анны Андреевны и Нат. Вас. Крандиевской-Толстой.⁴⁷ В полуциркуль только что переехал с ул. Революции художник А. Я. Головин.⁴⁸ Где-то поблизости жила Ольга Форш.⁴⁹ Так как во время пребывания Анны Андреевны в Детском Селе в 1925 и 1926 годах я оба раза отсутствовала (была с родителями в Крыму),⁵⁰ то у меня лично никаких конкретных воспоминаний об этом периоде не сохранилось, но я знаю, что Анна Андреевна была довольна жизнью в нашей дачной квартире – это я знаю со слов моей матери Лидии Яковлевны Рыбаковой и старушки Паши-домработницы. Зато я хорошо помню, как Анна Андреевна приходила к нам в Ленинграде зимою 1924 года и в последующие годы. Помню, как она зябко куталась в свою шаль (в квартире всегда было недостаточно тепло), как показывала акробатические упражнения, ловко подтянув длинное черное платье. Есть очень похожий полукarikатурный рисунок художника Альтмана, правда, относящийся к более раннему времени, где Анна Андреевна изображена в акробатической позе.⁵¹ Помню, как она читала свои стихи моим родителям, всегда очень немного за один раз. Воспоминания об осени в Царском Селе Анна Андреевна сохранила хорошие и впоследствии подарила мне фотографию с «няней Пашей» со своей пометкой на обороте.

Фотографию «На диване» мой отец получил от Анны Андреевны и всегда бережно носил в своем бумажнике. У Анны Андреевны в альбоме этой фотографии не было – видимо, в те давние времена она отдала ему единственный свой экземпляр. Сохранились ли негативы у Лукницкого, мне неизвестно. Пока что все, кто имеет эти снимки, располагают лишь экземплярами, переснятыми с моих оригиналов.⁵²

Для суперобложки одной из книг А. А. Ахматовой уже после ее

смерти был использован тот самый любимый снимок моего отца, о котором я писала выше («На диване»)⁵³

Гор. Пушкин
5 августа 1974 года
<Подпись>
Ольга Иосифовна Рыбакова
Ленинград, наб. Кутузова, д. 12, кв. 5.
Окончательная редакция 10/IV–1976 года.⁵⁴

¹ Воспоминания О. И. Рыбаковой (машинопись с рукописной авторской правкой) состоят из двух частей, обе из которых связаны с Детским (Царским) Селом. Название первой части, посвященной событиям 1944, оформлено как заголовок ко всему тексту; часть II идет с заголовком более мелким шрифтом: «Анна Андреевна Ахматова в Детском Селе в 1920-е годы». Место хранения воспоминаний: ОР РНБ, ф. 1448 (Фонд С. К. Островской и С. Н. Драницына), ед. хр. 177. Другой экземпляр авторизованной машинописи: РГАЛИ, ф. 13 (Фонд А. А. Ахматовой), оп. 2, ед. хр. 7. За возможность работать с документом благодарю сотрудниц ОР РНБ Наталью Николаевну Невзорову и Наталью Ивановну Крайневу, за помощь в ходе подготовки его к печати моя глубокая благодарность Жозефине Борисовне Рыбаковой, Елене Юрьевне Виленской, Глебу Михайловичу Вержбинскому, Татьяне Васильевне Скраган, Анне Генриховне Каминской, Роману Давидовичу Тименчику, Марине Юрьевне Любимовой, Ирине Геннадьевне Ивановой, Светлане Владимировне Прасоловой, Наталье Петровне Пакшиной.

Большие фрагменты этих воспоминаний опубликованы в изд.: Царское Село Анны Ахматовой: Адреса. События. Люди. Литературно-историческая экскурсия с Сергеем Сениным. СПб., 2009. С. 167–168, 175–176. Однако целиком рассказ О. И. Рыбаковой публикуется впервые. Текст приведен в соответствие с современными нормами орфографии и пунктуации. Стилистические его особенности сохранены, грамматические ошибки исправлены в исключительных случаях.

На первом листе машинописи, хранящейся в ОР РНБ, – автограф мемуаристики: «Софии Казимировне / Островской / от “Оли Рыбаковой” / на день / рождения / (настоящий) / 27–9 апреля / 1976 г.». Имеется в виду 27 марта по старому стилю, 9 апреля по новому стилю. В дневнике Островской несколько раз упоминается день ее рождения, это всегда 27 марта по новому стилю; вот блокадная запись (от 27 марта 1942): «День моего рождения. Мама со вчерашнего дня настроена празднично и хорошо...» (*Островская С. К. Дневник / Вступ. ст. Т. С. Поздняковой; послесл. П. Ю. Барсковой; подгот. текста и коммент. П. Ю. Барсковой и Т. С. Поздняковой. М., 2013. С. 320. См. также: С. 501 и 589*). 9 апреля о дне рождения в дневнике не говорится (см. Там же. С. 504, запись от 9 апреля 1944). Об Островской см.: с. 346–350, 353–354 наст. изд.

² Подробно о Рыбаковых, о дружбе с ними Ахматовой и о жизни в их доме с 1 июня по конец августа 1944, см.: с. 213–297 наст. изд.

³ О том, действительно ли Ахматовой в 1944 предлагали жилье в Москве, сведений у автора комментария нет.

⁴ Примеч. О. И. Рыбаковой: «Моя мать – Лидия Яковлевна Рыбакова (1885–1953), приятельница АА, филолог и историк по образованию, знавшая 5 языков, медицинская сестра военного времени, проводшая в Ленинграде всю блокаду, примерно ровесница АА, лет на 5 ее старше».

⁵ Примеч. О. И. Рыбаковой: «Только что вернувшаяся из эвакуации (В<ерхняя> Салда и

Подольск) инженер Металлического завода Роза Глебовна Шейн, временно жившая с нами». По словам Ж. Б. Рыбаковой, Р. Г. Шейн жила у Рыбаковых долго, возможно, около двух лет («Точно не помню, сколько, я была маленькой»). Впоследствии О. И. Рыбакова и Р. Г. Шейн не общались.

Роза Глебовна (по паспорту Розалия Гилемовна) Шейн (1912–1983), познакомившаяся с Ахматовой в 1944 в доме Рыбаковых, продолжала видаться с ней до конца ее жизни. А. Г. Каминская: «У Анны Андреевны с Розой Глебовной установились дружеские отношения. Роза Глебовна изредка приходила к нам». Р. Г. Шейн более десяти раз упомянута в ахматовских записных книжках (Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / Сост. и подгот. текста К. Н. Суворовой; вступ. ст. Э. Г. Герштейн; науч. консульт., ввод. заметки, указатели В. А. Черных. М.; Torino, 1996): в списке тех, кто был в больнице, кто придет, кому позвонить, кому подарить «Бег времени» (с. 573, 633), кому – рукопись «Поэмы без героя» и «Реквиема» (с. 314); Розе – чулки из Италии (с. 574).

По сообщению сестры Р. Г. Шейн – Беллы Глебовны Виленской, в семейном архиве существовал экземпляр «Бега времени» с дарственной надписью Ахматовой Розе Глебовне (беседа О. Е. Рубинчик с Б. Г. Виленской, 1 октября 2008); к сожалению, местонахождение этого экземпляра на сегодняшний день неизвестно. По свидетельству сына Р. Г. Шейн Г. М. Вержбинского, надпись на «Беге времени» гласила: «Розе, au jour des rois» («в день королей» (фр.), т. е. в день королей-волхвов, поклоняющихся младенцу Христу). Слова «Le jour des rois» стоят перед «Третьим и последним» посвящением в «Поэме без героя» и пояснены в примечании самой Ахматовой («Примечания редактора»): «“Le jour des rois” – канун Крещенья: 5 января». Речь идет о католическом Крещенье. Г. М. Вержбинский сообщил, что в семье существовал также сборник Ахматовой «Стихотворения» (М., 1961) с дарственной надписью Розе Глебовне, но его отобрали сотрудники таможни при попытке вывезти книгу за рубеж.

Дочь Б. Г. Виленской Е. Ю. Виленская предоставила автору данного комментария возможность ознакомиться с хранившимися у Р. Г. Шейн ахматовскими автографами и другими материалами.

На оттиске статьи «“Каменный гость” Пушкина» (Пушкин. Исследования и материалы: Т. II. М.; Л., 1958) – незавершенный инскрипт: «Милому / Корнею Ивановичу / Чуковскому / на стро» (видимо, «на строгий суд»).

На листе бумаги – имитирующая оформление книжной обложки карандашная надпись Ахматовой: «Стихотворения / Арсения Тарковский / <горизонтальная «петля» – характерный ахматовский знак, который она нередко ставила в конце произведения> // <внизу, полукругом:> Москв<a> / 1961 г.>. Под «обложкой» – «титальный лист», на котором Тарковским сделана карандашная надпись: «Арсений Тарковский / Стихотворения 1960. / <росчерк>», далее – страницы с переписанными рукой Тарковского стихами, созданными в марте–сентябре 1960 (черные чернила; в стихотворении «Когда б на роду мне написано было...») Ахматова синими чернилами вписала пропущенное слово «мамка»). Об этой рукописной «книжечке» Тарковского см.: Ардов М. Монография о графомане. М., 2004. С. 188–189. Арсения Александровича Тарковского (1907–1989), первый сборник стихов которого вышел только в 1962, Ахматова считала одним из лучших современных поэтов. Ср. запись Л. К. Чуковской от 23 октября 1960: Ахматова «прочла мне вслух “дивные”, по ее словам, “божественные” стихи Тарковского “Давно мои ранние годы прошли <...>” – Я всегда думала, – сказала Анна Андреевна, – что советская поэзия – великое чудо... Тарковский <...> дивный поэт. Может быть и хорошо, что его не печатают. Он прочно отделен от читателя, и читатель ничего из него не выдразнивает – как выдразнивал, например, из Пастернака в последние годы. Таким образом, и непечатание идет поэту на пользу» (Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. В 3 т. / Подгот. текста и примеч. Е. Ц. Чуковской и Ж. О. Хавкиной при участии Е. Б. Ефимова. М., 1997. Т. 3. С. 430–431). В подборке стихов Тарковского из архива Р. Г. Шейн есть и стихотворение «Давно мои ранние годы прошли...».

Также у Р. Г. Шейн хранилось изд.: Гораций. Оды / Пер. Н. И. Шатерников; коммент.

Ф. А. Петровский. М., 1935 – с дарственной надписью переводчика «высокочитимому поэту Анне Андреевне Ахматовой». По-видимому, книга была передана ему Р. Г. Шейн.

Е. Ю. Виленская подарила Музею Анны Ахматовой в Фонтанном Доме ахматовскую телеграмму, адресованную Р. Г. Шейн (Шайн): «= МИЛУЮ РОЗУ ПОЗДРАВЛЯЮ С ЕЕ СВЕТЛЫМ ПРАЗДНИКОМ = АХМАТОВА =». Телеграмма была послана в июне 1959, но не 12-го, в день рождения Р. Г. Шейн, а 25-го.

По свидетельству Б. Г. Виленской и Моше Гончарока (дальнего родственника сестер), Роза Глебовна была в числе немногих людей из окружения Ахматовой, кого она познакомила с «Реквиемом» и кто заучил наизусть куски текста ради сохранения произведения, рукописи которого хранить было слишком опасно (*Гончарок М. Тетя Уля // Семь искусств. 2015. № 11 (68). [Электронный ресурс]. URL: http://7iskusstv.com/2015/Nomer11/Goncharok1.php* Ср. рассказ Л. К. Чуковской о способе сохранения частей «Реквиема» в конце 1930-х, когда он создавался: опасаясь прослушивающего устройства, Ахматова «исписывала почками быстрым почерком и протягивала мне. Я прочитывала стихи и, запомнив, возвращала их ей. “Нынче такая ранняя осень”, – громко говорила Анна Андреевна и, чиркнув спичкой, сжигала бумагу над пепельницей» (*Чуковская Л. К. Вместо предисловия // Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 1. С. 13*). А в 1962, когда Ахматова позволила «Реквиему» выйти в самиздат, Чуковская записала ее слова: «“Реквием” знали наизусть 11 человек, и никто меня не предал» (*Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 536. Запись от 30 октября 1962*). Одиннадцать – условное число; ср.: «Раньше я от нее слышала: семеро» (Там же). О тех, кто знал или мог знать «Реквием», см. «Часть третья. 11 человек» в книге: *Попова Н. И., Позднякова Т. С. «В том доме было...»*. СПб., 2019. С. 200–267.

М. Гончарок о характере Розы Глебовны (тети Ули): «Помню старуху в черном платье и с клюкой, громко проклинаящую по-французски советскую власть. Именовала она ее с идишским корнем – махтунья. Власть она ненавидела просто безбожно. <...> При всем при этом она неодобрительно отзывалась о моем слушанье “Радио Свобода” и “Свободная Европа”. Надо слушать Би-би-си, американцев или, в крайнем случае, “Немецкую волну”, они куда объективнее, – вполголоса, со значением говорила она, оглушительно стуча палкой по полу <...> Мне было десять лет, или двенадцать, или семнадцать, когда она приходила в наш дом. Я трепетал ее. Она была для меня осколком великой эпохи» (*Гончарок М. Тетя Уля*).

Сестра Р. Г. Шейн также была знакома с Ахматовой. Белла Глебовна (по паспорту Белла Гилевна) Виленская (урожд. Шейн, 1920–2013) – инженер, химик-фототехнолог. Закончила Институт киноинженеров. Знакомство ее с Ахматовой произошло до войны. Она училась в школе вместе с И. Н. Пуниной и бывала у Пуниных на Фонтанке, 34. Тогда Белла Глебовна «не очень представляла себе эту фигуру». Она запомнила, как увидела Ахматову впервые: «Анна Андреевна вошла в комнату и спросила: “Ирочка, есть у нас что-нибудь к чаю?” Ира уже тогда была главой дома. Ее мама, Анна Евгеньевна Аренс, жила там же, но старалась дома поменьше бывать, брала много работы». После окончания школы Белла Глебовна Ахматову не встретила.

⁶ Примеч. О. И. Рыбаковой: «Автор этих воспоминаний Ольга Иосифовна Рыбакова, инженер того же завода, но в эвакуацию не ездившая, а работавшая во время войны в Ленинграде, в жилищной системе. Впоследствии вернулась на Ленинградский металлургический завод».

⁷ Речь идет о сыне Р. Г. Шейн и математика Михаила Львовича Вержбинского (1909–1962), в будущем также математике Глебе Михайловиче Вержбинском (род. в 1937), ныне живущем в США. Из воспоминаний его единокровной сестры Н. М. Вержбинской-Рабинович: «...расстались они с матерью <...> Глеба в 1938 году, когда ребенку было менее года»; «...брак был очень недолгим, и его жена Роза после рождения ребенка ушла из квартиры на улице Чайковского, оставив маленького сына на попечение свекрови и золовок. Через какое-то время она забрала Глеба к себе, но на протяжении всего детства (и после войны тоже) он очень часто бывал <...> на улице Чайковского» (*Вержбинская-Рабинович Н. Мой отец Михаил Львович Вержбинский // Михаил Львович Вержбинский. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mathsoc.spb.ru/pers/*

verzhbinskii/). Ответы Глеба Михайловича Вержбинского на вопросы составителя данного комментария: «Я уехал в эвакуацию с матерью на Урал, в Верхнюю Салду. Мы снимали там угол. В один прекрасный, кстати, очень морозный день мы с Розой Глебовной вернулись домой – она с работы, я из детского сада – и обнаружили все наши вещи выброшенными на улицу. Причина: “Жидов не держим”. Через некоторое время мать отправила меня в Кировскую область в детский дом, которым заведовала ее родственница Берта Раскина. Вернулся я в Ленинград вместе с детским домом летом 1945 года. В сентябре я пошел в первый класс. Я точно пошел в школу, еще живя у Рыбаковых, потому что моя первая школа была на набережной. Потом, когда мы получили комнату на Басковом, меня перевели в школу на Кирочной, но когда это было, я не помню»; «...я помню Анну Ахматову очень хорошо. Тогда меня стихи не интересовали, поэтому я помню только ее царственный облик и ее слова, которые мне мама передала: о том, что Глеб (это я) самый красивый мужчина на ее памяти» (из электронных писем Г. М. Вержбинского к Т. В. Скраган).

⁸ Ср. фрагмент главы «Анна Андреевна Ахматова» в воспоминаниях литературоведа В. А. Мануйлова: «1 июня 1944 года Ахматова вернулась в Ленинград. 5 июня я посетил Анну Андреевну на набережной Кутузова <...> По поручению Ленинградского обкома партии я передал Анне Андреевне приглашение принять участие в радиомитинге, посвященном 145-летней годовщине со дня рождения Пушкина. Ахматова согласилась» (*Мануйлов В. А. Из «Записок счастливого человека» // Русская литература. 1994. № 3. С. 173*). Радиомитинг состоялся 11 июня.

⁹ РГАЛИ, ф. 13, оп. 1, ед. хр. 85. Выступление на митинге в связи с освобождением г. Пушкина. Набросок. 1944 г. 2 л. Впервые текст выступления с небольшими расхождениями по сравнению с черновиком был воспроизведен в составе статьи В. Мануйлова «Мы шли к победе вместе с Пушкиным» в журнале «Нева» (1971. № 6. С. 190).

¹⁰ Примеч. О. И. Рыбаковой: «Зачеркнуто рукой Анны Андреевны Ахматовой тем же жирным карандашом».

¹¹ Примеч. О. И. Рыбаковой: «Написано – «стих.».

¹² Свидетельство Мануйлова: «С кратким словом выступила Ахматова. “Сегодня, – сказала Анна Андреевна, – мы празднуем светлую годовщину дня рождения великого поэта. <...> В заключение Анна Андреевна прочла свои известные стихи о Пушкине в Царском Селе: “Смуглый отрок бродил по аллеям...”» (*Мануйлов В. А. Из «Записок счастливого человека»*. С. 175).

¹³ «В воскресенье, 11 июня, в город Пушкин выехали представители Союза советских писателей, Института литературы Академии наук СССР, Пушкинского общества, Радиокomiteта и других организаций. В городе, разрушенном немецкими захватчиками, мало сохранилось зданий, где можно было бы провести многолюдное собрание. Но пушкинский Дом культуры, очищенный от мусора, был приведен в порядок. К двум часам дня участники митинга собрались в большом зале Дома культуры, убранном цветами. Накапывал теплый летний дождик, в открытые окна доносился запах свежей зелени и цветущей сирени. Вдалеке слышались взрывы – это обезвреживались обнаруженные саперами вражеские мины» (Там же. С. 173). Мануйлов перечисляет выступавших, цитируя или пересказывая их речи, рассказывает о концерте, состоявшемся после выступлений и также транслировавшемся по радио. Принимавшая участие в митинге поэтесса В. М. Инбер на следующий день записала в дневнике: «Вчера был и радиомитинг в Пушкине (145 лет со дня рождения). Митинг происходил в Доме культуры, бывшей ратуше, как сказала мне Ахматова. Подымаясь по лестнице, она добавила: “Сколько раз я танцевала здесь”» (*Инбер В. М. Страницы дней перебирания*. М., 1967. С. 230).

¹⁴ Рукой О. И. Рыбаковой «вскоре» зачеркнуто, вписано: «еще до войны».

¹⁵ Детское Село было переименовано в г. Пушкин в феврале 1937, к столетней годовщине гибели поэта.

¹⁶ Мануйлов: «Из поездки Анна Андреевна вернулась глубоко потрясенная свиданием с разрушенным дорогим ей городом. Горевала о срубленных в Екатерининском парке могу-

чих липах, о взорванной Белой башне» (*Мануйлов В. А.* Из «Записок счастливого человека». С. 176).

¹⁷ «В первый раз я написала несколько страничек прозой в 1944, вернувшись из Ташкента. Страшный призрак, притворяющийся моим городом, так поразил меня, что я не удержалась и описала эту мою с ним встречу...»; «Когда я вернулась (1 июня 1944) в Ленинград, мне хотелось писать только прозу. Три очерка: “Послеблокадный Ленинград”, “Три сирени” (поездка в Пушкин в июне 1944) и “Териоки в июле”» (цит. по: *Мандрыкина Л. А.* Ненаписанная книга. «Листки из дневника» А. А. Ахматовой // Книги. Архивы. Автографы. Обзоры, сообщения, публикации. М., 1973. С. 61, 69; ахматовская запись о прозе 1944 не является частью воспоминаний об О. Э. Мандельштаме, носящих название «Листки из дневника»). Вариант заглавия текста о Териоках – «В гостях у смерти»: «...о чтении стихов на фронте в Териоках» (*Ахматова А. А.* Коротко о себе // Ахматова А. А. Соч. В 2 т. / Вступ. ст. Э. Г. Герштейн; сост., подгот. текста, коммент. Э. Г. Герштейн, В. Я. Виленкина, Л. А. Мандрыкиной, В. А. Черных, Н. Н. Глен. М., 1990. Т. 2. С. 269).

¹⁸ В 1949, «после ареста сына сожгла вместе со всем архивом» (Там же).

¹⁹ Имеется в виду первое стихотворение из цикла «Городу Пушкина». О нем О. И. Рыбакова пишет далее.

²⁰ Белая башня высотой около 38 метров была построена в 1821–1827 архитектором А. Менеласом в виде средневекового рыцарского замка – как доминанта Александровского парка, со смотровой площадкой наверху. Предназначалась для занятий и игр детей Николая I. Во время Великой Отечественной войны нацисты превратили ее в наблюдательный пост. Почти полностью разрушенная в ходе войны, она десятилетия оставалась руиной. Была восстановлена в 2010-е (*Семенова Г. В.* Царское Село: знакомое и незнакомое. М., 2009. С. 111–113 и др. источники). Белая башня упоминается в сохранившейся во фрагментах поэме Ахматовой «Русский Трианон» – в воспоминаниях о Первой мировой войне: «На Белой башне дремлет пулемет...».

²¹ Ошибка памяти. Стихотворение «Городу Пушкина» впервые опубликовано в журнале «Звезда» (1946. № 1. С. 72).

²² У Ахматовой: «О, горе мне! Они тебя сожгли...».

²³ В авторском перечне стихотворений (ОР РНБ) дата: 8 ноября 1945 (*Ахматова А. А.* Соч. / Вступ. ст. М. Дудина; сост., подгот. текста, коммент. В. А. Черных. Т. 1. С. 445). Эпиграф – из стихотворения Пушкина «Чадаеву».

²⁴ Первый вариант (напечатанный в «Звезде»):

Мой городок игрушечный сожгли,
И в прошлое мне больше нет лазейки.
Там был фонтан, зеленые скамейки,
Громада парка царского вдали.
На масленой – блины, ухабы, вейки,
В апреле запах прели и земли,
И первый поцелуй...

²⁵ Строки из стихотворения «Мои молодые руки...» (1940), написанного до разрушения Белой башни:

Кто знает, как пусто небо
На месте упавшей башни,
Кто знает, как тихо в доме,
Куда не вернулся сын.

²⁶ Из воспоминаний И. Н. Пуниной: «...после почти двух лет, проведенных в Самаркан-

де, в начале нашего длинного пути в Ленинград. В середине января 1944 г. <...> на Самаркандский вокзал подали эшелон для эвакуации Академии художеств. Уезжали мы – я, папа, Малайка <А. Г. Каминская. – О. Р.> – уже без Гали <домашнее имя А. Е. Аренс. – О. Р.>. Она скончалась <...> в 1943 году <...> нас привезли в Подмоскowie – в Троице-Сергиеву Лавру, в Загорск <...> и только в июле, наконец, нам дали эшелон. 19 июля вместе с Академией художеств мы прибыли в Ленинград <...> Около нашей ограды маячит фигура. Подходим к воротам – Акума <домашнее имя Ахматовой. – О. Р.>! “Здравствуйте, я здесь случайно, живу у Рыбаковых, в этом доме жить никогда не буду. Это тебе, Аничка”. Дает Малайке маленький букетик цветов. “До свидания”. <...> Поднимаемся к нашим дверям, они опечатаны. <...> Я бегу разыскивать управдома – Татьяну Андреевну Пересветову. <...> Она сняла пломбы с опечатанной квартиры <...> Пересветова объяснила, что комнату Смирновых (бывшую столовую) и комнату, где перед войной жила Акума, во время блокады занял бухгалтер Арктического института и вскоре умер. Там оставались его вещи, а с наших двух комнат она сняла печати в нашем присутствии». Имущество Пуниных сохранилось. «К концу июля нам удалось освоить среднюю комнату. Заделали окна, где остатками стекол, где фанерой. За водой еще долго ходили на парадный двор набережной Фонтанки, там был большой общий кран, электричество подключили. <...> Достать дрова было невозможно <...>. Акума живет у Рыбаковых, там она хорошо устроена. <...> Папа часто заходил к ней. Нашей жизнью она интересовалась, навещала нас, но переезжать не собиралась. Неожиданно в августе она пришла к нам и сказала папе, что возвращается в нашу квартиру: ее не прописали у Рыбаковых, т. к. там будто бы “правительственная трасса”. После переговоров с Т. А. Пересветовой комнаты распечатали, вещи бухгалтера перенесли в бывшую столовую, а освободившуюся комнату, бывшую детскую, заняла Акума. Вскоре прислали маляров, принесли телефонный аппарат и ордер на дрова. Георгий Пантелеймонович <Макогоненко, литературовед, муж О. Ф. Берггольц – О. Р.> руководил всем. Очень трудно было достать стекла, но он их привез. Много позже он рассказывал, что добыл их в Публичной библиотеке. Там оказалось много портретов “классиков”, застекленные, они хранились в подвалах. <...> В конце августа Акума переехала к нам на Фонтанку... <...> Постепенно жизнь налаживалась» (*Пунина И. Н.* В годы войны // «Я всем прощение дарю...»: Ахматовский сборник / Сост. Н. И. Крайнева. М.: СПб., 2006. С. 15–19. См. также: *Макогоненко Г. П.* ...Из третьей эпохи воспоминаний // Об Анне Ахматовой: Стихи, эссе, воспоминания, письма / Сост. М. М. Кралина. Л., 1990. С. 265–266).

²⁷ А. Г. Каминская о себе маленькой (из телефонного разговора с автором комментариев, 10 марта 2020): «Я была целиком брошена на Анну Андреевну. Все работали, она одна была дома. Она меня провожала в школу, особенно в первом классе. Через Невский надо было переходить. А кто встречал, не помню. Я ходила очень часто с Анной Андреевной к Лидии Яковлевне Рыбаковой, к Лидии Яковлевне Гинзбург <...> К Лотте Хай <...> Акума любила бывать у кого-то. Не только из своих интересов, ради бесед: в гостях нас подкармливали, она брала меня, чтобы меня подкармить».

²⁸ Здесь: те, кто зимовал на своих дачах, жил там круглый год.

²⁹ Ошибка памяти Ахматовой: Анна Андреевна считала, что жила у Рыбаковых в 1925. Вслед за ней так же считала и О. И. Рыбакова, воспоминания которой написаны в 1974, почти через пятьдесят лет после событий. Из поздних дневниковых записей Ахматовой: «В полуциркуле Боль<шого> дворца. Осень 1925 (1 месяц). (см. фотогр<афию>). 1925 (в кварт<ире> Рыбаковых)»; «У Рыбаковых в полуциркуле Большого дворца. (См. фотографии.) 25 <год>, 1 мес<яц>» (Записные книжки Анны Ахматовой. С. 132, 586). Однако не всегда она была уверена в этой дате. Ср.: «Царское Село. Полуциркуль Больш<ого> дворца. Есть фото. (20-е годы). В кварт<ире> Рыбаков<ых>» (Там же. С. 663).

Ахматова жила у Рыбаковых не в 1925, а осенью 1926, приблизительно со двадцатых чисел сентября по конец октября – начало ноября, пока Рыбаковы отдыхали в Крыму (в Алуште). Подробно об этом см.: с. 225–226. изд.

В дневнике «Эккермана» Ахматовой этих лет П. Н. Лукницкого нет никаких сведений о

том, что Ахматова фотографировалась или хотя бы бывала осенью 1925 в Детском Селе, нет таких сведений и у Пунина (см.: *Лукницкий П. Н. Аsumiana. Встречи с Анной Ахматовой*. В 2 т. Т. 1. Paris, 1991. С. 208–286; *Пунин Н. Н. Мир светел любовью. Дневники. Письма / Сост., предисл. и коммент. Л. А. Зыкова. М., 2000*). Между тем, в это время ее фотографировали в основном Лукницкий и Пунин. Хронологическая роспись осенних месяцев 1925 показывает, что Ахматова жила тогда в Мраморном и Шереметевском дворцах, данных о ее поездках в этот период в Детское Село нет (*Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой 1889–1966*. М., 2016. С. 259–263, 865). Фотография у дверей квартиры Рыбаковых сделана осенью 1926.

³⁰ Землетрясения в Крыму произошли 26 июня и в ночь с 11 на 12 сентября 1927. Рыбаковы находились на полуострове во время сентябрьского, особенно сильного, землетрясения. Они вернулись домой 6 октября, а 7 октября Ахматова их навестила (*Лукницкий П. Н. Аsumiana. Встречи с Анной Ахматовой*. В 2 т. Т. 2. Париж; М., 1997. С. 290–291). В их детскосельской квартире Ахматова в 1927 либо не жила, либо жила всего несколько дней. Строки из письма Пунина от 1 сентября 1927 Лукницкому на Кавказ: «Собираемся <с Ахматовой. – О. Р.> с 6 сент<ября> жить в Детском, только очень плохо с деньгами; не знаете ли, у кого можно занять рублей 50 – на Детское...» (Переписка П. Н. Лукницкого и Н. Н. Пунина. 1926–1927 / Публ. Т. М. Двинятиной // Н. Гумилев и А. Ахматова: По материалам историко-литературной коллекции П. Лукницкого. СПб., 2005. С. 304). По-видимому, с 6 сентября на месяц освобождалась квартира Рыбаковых, однако воспользоваться этим Анне Андреевне и Николаю Николаевичу практически не удалось, о чем говорят записи Лукницкого: «Август и сентябрь 1927 г. провела в городе, в Шереметевском доме. Вместе с семьей Пуниных. Раз ездила в Царское Село с Пуниным, кажется, к Рыбаковым. <...> У Пунина и АА – безденежье острое, и поэтому экономят на всем, даже на еде» (*Лукницкий П. Н. Аsumiana*. Т. 2. С. 290).

³¹ Если, в соответствии с воспоминаниями Ольги Иосифовны, Рыбаковы жили в Гурзуфе (т. е. на северо-восточном краю «Большой Ялты»), то во время землетрясения они находились поблизости от его эпицентра, где его сила достигала 9 баллов (очаг землетрясения располагался южнее Ялты, под морским дном, и был вытянут вдоль побережья). Описание события: «В ночь с 11 на 12 сентября 1927 года на крымском побережье творилось что-то странное. Еще вечером жители и курортники заметили необычный закат. Гидролог профессор Петр Двойченко описал его так: “Западная часть неба была охвачена ярким буровато-оранжевым светом <...>. Как будто пылал пожар, яркий свет которого проходил через дымовую завесу. Отблеск от водяной поверхности был такой яркости, что лошадь бросалась в сторону и не хотела проехать близко к воде”. Животные сильно беспокоились. Одни отказывались от корма, другие жалась к хозяевам, третьи, напротив, срывались с привязи и убегали. <...> К ночи тревога передалась и людям. Внезапно вернулись назад моряки, ушедшие на ночной лов. Они рассказывали, что с морем творится неладное – оно “кипит”, хотя погода тихая и волнению вздыться не с чего. <...> раздался оглушительный грохот, а потом земля заходила ходуном. <...> Стены домов рушились, обваливались крыши, балконы падали прямо на людей, которые выбегали наружу в поисках спасения. Повсюду слышались крики о помощи и стоны. Но их то и дело заглушали грохот обвалов в горах и рев моря – оно сначала отошло от берега, а потом обрушилось на него огромными волнами. Толпы металась среди руин. Казалось, все сошли с ума – люди выбрасывались из окон или, напротив, впадали в ступор и не могли сдвинуться с места. В Алушке от разрыва сердца умерла женщина. В Ай-Даниле повесился мужчина. Даже люди с крепкими нервами поддались общей истерике. Один из очевидцев, военный врач, прошедший несколько кампаний и награжденный орденом за храбрость, вспоминая ночь на 12 сентября, говорил, что никакие битвы не идут в сравнение с пережитым тогда <...>. Толчки повторялись и повторялись. За 11 часов их произошло 27. Землетрясение продолжалось несколько дней, последние толчки силой 5 баллов ощущались еще 24 сентября. А всего за это время было зарегистрировано более 200 толчков. Панику усугубляли странные огненные вспышки. На мысе Лукулл <в Севастополе. – О. Р.> вспышка была высотой около 500 метров и шириной около

1,8 километра. Ее видели даже из Евпатории. В Феодосии, Севастополе и Судаке также были замечены огненные столбы. Их наблюдали с первого дня землетрясения и до начала октября. Это потом ученые нашли объяснение – возгорание метана, выходящего со дна моря через трещины, образовавшиеся при сейсмических подвижках. А тогда люди не понимали, что происходит, и пугались еще сильнее. Именно этой паникой, а не числом жертв и не количеством разрушений стало знаменито крымское землетрясение 1927.

Урон от землетрясения был таков: трое погибших и 65 раненых. Многие деревни в предгорной и степной части Крыма были превращены в груды развалин. В районе Ялты разрушились 70% построек. Сильно пострадал Симферополь. В Алуште была повреждена Генузская башня, а в Алушке – Воронцовский дворец» (*Молчанов А.* Крымское землетрясение 1927 года // *Летопись: Новости археологии и истории.* 12.09.2014. [Электронный ресурс]. URL: http://oursociety.ru/publ/istorija_rossii/krymskoe_zemletrjajsenie_1927_goda/4-1-0-73 См. также: Землетрясение в Крыму: специальный выпуск газеты «Красный Крым». Симферополь, сентябрь 1927 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://handvorec.ru/wp-content/gallery/fondy/gazetazemlyatresenie.jpg> Свидетельство жившего в Гурзуфе Б. Резникова, записи сделаны прямо в ходе землетрясения: «...обвалившимся домом убито двое детей. Есть много раненых. <...> При первом же гуле все спавшее население выбежало из домов, кто в чем был. Поднялся сплошной вопль и массовые истерики женщин. Разбуженные от сна дети тоже подняли плач. Все это способствовало большой панике. Отмечу, кстати, что местные жители были больше объаты паникой и больше кричали, нежели приезжие отдыхающие. Они объясняют это тем, что уже пережили подобные страхи и им теперь вдвойне страшно. Выбежав из домов, а некоторые повыскакав из окон второго этажа, люди бросились к морскому берегу. Но на берегу кто-то крикнул, что может сползти берег и волны смонут людей. Тогда все бросились назад в парк. К этому времени зажглись электрические фонари. Люди оправились немного от первого страха и здесь только многие заметили, что они в одном нижнем белье или вовсе без белья... Одна дама, одетая только в ночную рубашку, крепко зажала в руке столовую вилку <...> Значительно повреждено много зданий, обвалился купол церкви. <...> свалилось с горы несколько домов и пострадала татарская мечеть. <...> утверждали, что ночью возвышающаяся над Гурзуфом гора Аунда превратится в вулкан и извержением всех уничтожит. И уж во всяком случае нужно ожидать трещины в почве, которая легко поглотит все гурзуфское население. <...> В дома, конечно, никто не заходил, все повысыпали в парки и расположились кто как мог на ночь. Чудесный гурзуфский парк сразу превратился в бивуак, очень напоминающий большой цыганский табор» (*Резников Б.* Во власти стихии. Письмо из Крыма, доставленное ввиду порчи ялтинского телеграфа спешной почтой // *Советская Сибирь. Новосибирск.* № 216. 21 сентября 1927. С. 2. Цит. по: *Земля ходуном. Очевидцы о крымских землетрясениях 1927 года // Крымовед.* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krimoved-library.ru/books/krimskiy-almom-2002-8.html#footnote33> В дни землетрясения многие отдыхающие спешно покинули полуостров. Рыбаковы остались.

³² Очевидно, все три названных О. И. Рыбаковой фотографии сделаны осенью 1926. Пуниным. Авторство Пунина указано при их воспроизведении в ряде изданий. Ахматова и домработница Рыбаковых у полуциркуля Екатерининского дворца, снимок из собрания А. Г. Каминской с датой «1926» (Царское Село Анны Ахматовой. С. 169, 232). Ахматова на скамье в Екатерининском парке, снимок из собрания А. Г. Каминской с датой «1920-е» (Там же. С. 171, 232; а также с датой «1926» – *Пунин Н. Н.* Мир светел любовью, вклейка (собрание И. Н. Пуниной); *Бег времени.* Фотолетопись жизни Анны Ахматовой. По материалам Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. В 2 ч. / Вступ. ст. и коммент. Л. Копылова, Т. Поздняковой, Н. Поповой; сост. и указ. И. Ивановой, Н. Громовой. 2011–2012. Ч. 1. С. 62–63 (негатив на стекле, поступил в музей от З. Б. Томашевской). Ахматова в детскосельской квартире Рыбаковых, снимок из собрания А. Г. Каминской с датой «1926» (Царское Село Анны Ахматовой. С. 172, 232; переснимок из архива Н. Н. Глен, на обороте подпись рукой Ахматовой: «1925 / Царское Село / Большой дворец» (*Бег времени.* Фотолетопись жизни Анны Ахматовой. С. 42–43).

³³ Судя по записи Лукницкого на обороте этой фотографии, она была сделана 29 октября 1926: «29 окт. 1926. Ахматова. На этой скамейке, в Царском Селе Н. С. Гумилев сделал АА первое признание в любви (АА 8 дек. 1933 г.)» (Дарственные надписи А. А. Ахматовой на книгах и фотографиях / Публ. В. А. Шошина // Н. Гумилев и А. Ахматова: По материалам историко-литературной коллекции П. Лукницкого. С. 117). Вторая дата означает, что Ахматова подарила эту фотографию Лукницкому 8 декабря 1933, в девятую годовщину их знакомства.

В письме Пунина Ахматовой от 28 июня 1927 из Японии, где он был с выставкой русского искусства, есть строки: «...выпрашивают твои карточки, которые у меня; две уже отдал – у Рыбаковых в гостинной и под липой на Гумилевской скамеечке, другие не могу отдать, обещаю прислать» (Там же. С. 292).

³⁴ Эта дополнительная фраза вписана от руки.

Фотография Ахматовой, сделанная возле Лицея, относится не к осени 1926, а, скорее всего, к февралю 1925. См.: Бег времени. Фотолетопись жизни Анны Ахматовой. С. 40–41 (фотограф Н. Н. Пунин, негатив на стекле, поступил от З. Б. Томашевской). 18 февраля 1925 Пунин пишет, что этой зимой «снега нет, не было и, наверно, уже не будет», а 21 февраля: «Сегодня был с Ан. в Царском. Третий день, как выпал пушистый, легкий снег, 8° мороза. Солнечно, прозрачно, высоко небо. Царкосельский парк занесен снегом, дорожек почти нет...» (Пунин Н. Н. Мир светел любовью. С. 233–235). На фотографии дорога возле Лицея покрыта тонким слоем снега, на Ахматовой то же пальто и та же шляпка, что на осенних снимках 1926, но другие, более закрытые, туфли. В дневниках Пунина и Лукницкого нет свидетельств того, что они были с Ахматовой в Царском Селе в подобную погоду в другие дни 1925–1926.

К периоду, к которому относятся описанные О. И. Рыбаковой фотографии, т. е. к осени 1926, возможно, принадлежит другой пунинский снимок: Ахматова стоит в Екатерининском парке среди стволов и опавших листьев; пальто, шляпка и туфли на ней те же, что на карточке, сделанной возле полуциркуля Екатерининского дворца и на парковой скамье.

И фотография у Лицея, и фотография среди опавших листьев воспроизведены во всех упоминавшихся изд.: Пунин Н. Н. Мир светел любовью (вклейка); Бег времени. Фотолетопись жизни Анны Ахматовой. С. 40–41, 60–61; Царское Село Анны Ахматовой. С. 158, 166, 231.

³⁵ Многие имена знакомых и друзей семьи Рыбаковых, упоминаемые далее Ольгой Иосифовной, названы и Ахматовой в ее записных книжках в 1961, в списке «Кто жил в Царском»:

- «...1) Головин (полуциркуль) <...>
- 2) Петров-Водкин (Лицей) <...>
- 11) Шапорины (Средняя, 21 (?) <...>
- 13) А. Н. Толстой. Малая
- 14) Шишков
- 15) Форш (? могила) <...>
- 29) Ершов и Акимов в домике Вырубовой»

(Записные книжки Анны Ахматовой. С. 132–133).

³⁶ Федин оказался связан с Детским Селом раньше, чем стал проводить там летние месяцы: «1926–1928 – <...> начало тесной близости с литературно-художественным “кругом” Детского Села А. Н. Толстого – В. Я. Шишкова»; «Хотя в компаниях, собиравшихся у Толстых и Шишковых, были, разумеется, свои отличия (к Шишкову, “дяде Вяче”, например, неизменно заглядывал кто-то из приезжих сибиряков), выделялся в общем устойчивый круг посетителей обоих домов. К ним принадлежали писатели К. А. Федин, И. С. Соколов-Микитов, Н. Н. Никитин, П. Е. Щеголев, Е. Л. Шварц, художники Н. Э. Радлов, К. С. Петров-Водкин, композиторы Ю. А. Шапорин, Г. Н. Попов, ученый М. А. Сергеев и др.» (Оклянский Ю. М. Федин. М., 1986. С. 348, 155). «В том же городке Толстой нашел квартиру своему приятелю писателю Константину Федину, вернувшемуся из-за границы после лечения от туберкулеза» (Толстая Е. Д. Ключи счастья: Алексей Толстой и литературный Петербург. М., 2013. С. 356); «...жить в питерском <...> климате становилось трудно. Временным выходом был переезд в Детское Село, где больного взяла под свое крылышко дружеская “колония” А. Н. Толстого –

В. Я. Шишкова, а затем он получил летнюю квартиру в жилом Зубовском флигеле Екатерининского дворца. Звучало это пышно <...> Но сохранению здоровья, к несчастью, помогало мало» (*Оклянский Ю. М.* Федин. С. 213). В Зубовском флигеле семья Фединых занимала квартиру из двух комнат в 1933–1935. (Переписка К. А. Фебина и Е. И. и Л. Н. Замятинных / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Л. Ю. Коноваловой // Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века. Кн. 1. М., 2016. С. 138, 144). Сам Федин вспоминал в очерке «Рассказ о дворце» (1944): «Лет десять назад я занял летнюю квартиру в жилом Зубовском флигеле с той стороны, которая обращена в парк. Из окон был виден фонтан белого мрамора, чудесные по живописному подбору расцветок деревья, кусты старых подстриженных сиреней, веселые дорожки между газонов» (*Федин К.* Свидание с Ленинградом. Л., 1945. С. 33–34). В конце 1933–начале 1934 Федин повторил курс заграничного лечения, а в 1936 перебрался на постоянное жительство в Москву.

О характере общения И. И. Рыбакова и К. А. Фебина отчасти говорит письмо, посланное Иосифом Израилевичем влиятельному писателю по поводу Ахматовой в 1937. См.: с. 234–235 наст. изд.

Первая встреча Ахматовой и Фебина, по мнению В. В. Перхина и Л. Ю. Коноваловой, произошла в 1921, а знакомство, как сообщила Ахматова Лукницкому, в 1922-м (*Лукницкий П. Н.* Асумиана. Т. II. С. 252). В 1920-е их «объединял общий круг знакомств: Замятины, Щеголевы, Толстые, Белкины» (Письма А. А. Ахматовой К. А. Федину / Вступ. ст., коммент., подгот. текста Л. Ю. Коноваловой // Константин Федин и его современники. Кн. 1. С. 36). Дочь Фебина вспоминала: «В конце 1920-х гг. создалась такая общинная компания, в которую вошли: Н. Э. Радлов с женой Н. К. Радловой (она же Дина), А. Н. Толстой с женой Натальей Васильевной (она же Туся), Е. И. Замятин с женой Людмилой Николаевной, <...> К. А. Федин с женой. <...> кроме перечисленных выше гостей, бывали на этих обедах-ужинах еще Анна Ахматова, Ольга Форш, Ник. Никитин, Евг. Шварц с балериной Маринского театра Люком, Мих. Ал. Сергеев, Мих. Мих. Зошенко, часто бывал Павел Елисеевич Щеголев» (цит. по: Переписка К. А. Фебина и Е. И. и Л. Н. Замятинных. С. 109). С тех пор Ахматова и Федин были в приятельских отношениях, с годами, когда Константин Александрович стал чиновным и маститым писателем, несколько поблекших. Федин неоднократно старался помочь Ахматовой в трудных обстоятельствах. См. об этом: *Перхин В.* «От старого друга...». Дарственные надписи Анны Ахматовой Константину Федину // Нева. 1995. № 9. С. 222–223; Письма А. А. Ахматовой К. А. Федину.

³⁷ В 1920-е Замятин часто бывал в Детском Селе (в гостях у Р.В. Иванова-Разумника, Ф. К. Сологуба и др.). 6 августа 1926 Лукницкий записал со слов Ахматовой: «АА в двенадцать сорок в Царском Селе пошла с Датьками к Рыбаковым. У Рыбаковых были Замятины и Радловы. Замятин (и Радлов?) ходили обедать к Спасским, и АА хотела тоже идти, но И. И. Рыбаков (?) уговорил ее остаться. Обедала у Рыбаковых. В Царском Селе все вместе гуляли – АА, Рыбаковы, Замятины, Радловы, Датько» (*Лукницкий П. Н.* Асумиана. Т. II. С. 216–217). 15 мая 1927 Лукницкий отметил: «Я провожал АА на Царскосельский вокзал. На вокзале нас встретила Н. Датько, с которой АА условилась ехать в Царское Село. <...> в вагон вошли Замятины, которые случайно ехали в том же поезде в Царское Село (Замятин – на две недели в дом отдыха в Царском Селе)» (Там же. С. 251). Л. Ю. Коновалова: «В 1920-е–1930-е гг. в Детском Селе жили или снимали квартиры на лето многие писатели, художники, композиторы: А. Толстой, Вяч. Шишков, Р. Иванов-Разумник, Е. Замятин, К. Петров-Водкин, А. Остроумова-Лебедева, Ю. Шапорин, Г. Попов, Н. Стрельников и др.» (Переписка К. А. Фебина и Е. И. и Л. Н. Замятинных. С. 138). Когда именно Замятины жили в левом полуциркуле Екатерининского дворца, неизвестно.

По предположению Р. Д. Тименчика, Ахматова впервые увидела Замятина 19 мая 1918, когда участвовала в литературном утреннике «Земля у современных поэтов» (*Тименчик Р.* Последний поэт. Анна Ахматова в 1960-е годы. В 2 т. Иерусалим; М., 2015. Т. 2. С. 429). Есть много документальных свидетельств их дружбы на протяжении всех 1920-х, вплоть до отъезда Замятинных из страны (см.: *Черных В. А.* Указ. соч. С. 324; А. А. Ахматова и Е. И. Замятин: Пе-

реписка (1922–1924) / Вступ. ст., публ. и коммент. Е. Ю. Литвин // Евгений Замятин и культура XX века: Исслед. и публ. СПб., 2002; *Попова Н. И., Позднякова Т. С.* «В том доме было...» и др.). Замятин активно помогал Ахматовой с публикацией ее произведений, стремился улучшить ее материальное положение. При этом известна такая ахматовская оценка их отношений: «Замятин вообще никогда – не было такого случая – не замечает за АА никаких литературных заслуг. Он совершенно игнорирует ее как поэта. Ничего в этом нет удивительного: Замятин не знает поэтов, никогда их не читал <...> Несмотря на такое отношение к себе, АА сказала мне, что любит Замятина, – потому что он честный, смелый, не станет вилять хвостом, в нем есть чувство собственного достоинства...» (*Лукницкий П. Н. Acumiana. Т. II. С. 270*). Ср. шуточную записку Замятина Ахматовой от 15 августа 1923: «Дорогая великая современница. <...> Я до отъезда (сегодня в 8–30) еще забегу к вам» (Рукописные памятники. Вып. 3. Ч. 1. Рукописное наследие Е. И. Замятина / Сост. Л. И. Бучина, М. Ю. Любимова. СПб., 1997. С. 215).

Замятина (урожд. Усова) Людмила Николаевна (1883–1965) – фельдшер, жена Е. И. Замятина. Ю. П. Анненков: «Людмила Николаевна, очаровательная и по-русски общительная, была не только верной спутницей Замятина. Она была помощницей и, в некотором смысле, даже сотрудницей своего мужа в его литературных трудах. Замятин всегда давал ей на прочтение первоначальные наброски своих рукописей, и она неизменно делала казавшиеся ей нужными замечания, которые приводили иногда писателя к некоторым формальным изменениям текста. Затем Людмила Николаевна, прекрасная дактилографка, переписывала окончательный текст на пишущей машинке» (*Анненков Ю. П. Евгений Замятин // Анненков Ю. П. Дневник моих встреч. М., 2001. С. 189*). См. письма Е. И. Замятина к Л. Н. Замятиной (Рукописные памятники. Вып. 3. Ч. 1. С. 9–420).

Ахматова дружила с Замятиной с августа 1922, о чем говорит ее дарственная надпись на «Белой стае» (4-е изд. Берлин, 1923): «Авг. 1922 – авг. 1925. В третью годовщину нашей дружбы милой Людмиле Николаевне. Анна» (цит. по: А. А. Ахматова и Е. И. Замятин: Переписка. С. 241). «В августе 1922 г. Замятин вместе с другими деятелями культуры был арестован по обвинению в “контрреволюционной деятельности” и приговорен к высылке за пределы России. Всероссийский Союз писателей хлопотал об освобождении от ареста и об отмене высылки для приговоренных. Ахматова принимала в этих хлопотах непосредственное участие» (Там же. С. 241). К 24 сентября 1922 относится беловой автограф стихотворения Ахматовой «Здравствуй, Питер! Плохо, старый...» с надписью: «Для Л. Н. Замятиной» (Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана / Сост. М. С. Лесман и др.; вступ. ст. Н. Г. Князевой. М., 1989. С. 282). Весной 1925, когда у Ахматовой было обострение туберкулеза, Лукницкий отмечал в дневнике: «Замятина – женщина-врач, небольшого роста, некрасивая, симпатичная, добрая. Немножко, м. б., простоватая... Она очень заботится о здоровье АА, приходит к ней каждый день, кладет компрессы <...> Очень заботится о том, чтобы АА не утомлялась, мешает гостям долго сидеть, не позволяет курить в комнате... Делает это тихо, осторожно <...> АА любит Людмилу Замятину. Отзывается о ней с большой теплотой, рада ее присутствию и благодарна ей за уход и заботу» (*Лукницкий П. Н. Acumiana. Т. I. С. 84*. Запись от 1 апреля 1925). 11 августа 1925 Ахматова написала подруге «Четки» (9-е изд. Берлин, 1922): «В знак любви и дружбы Людмиле Николаевне Замятиной. Анна Ахматова» (*Голубева О. Д. Автографы заговорили. М., 1991. С. 228*). Во второй половине августа и, видимо, частично в сентябре 1925 Ахматова около месяца жила с Замятиной в Сиверской, на даче Щеголевых, уехавших на Кавказ (*Пунин Н. Н. Мир светел любовью. С. 261*. Письмо Ахматовой Пунину из Сиверской, 26 августа 1925; *Записные книжки Анны Ахматовой. С. 604*). См. письма Ахматовой к Замятиной: *Тименчик Р.* Из переписки Анны Ахматовой // *Themes and Variations = Темы и вариации: In honor of Lazar Fleishman / Ed. by K. Polivanov et al. Stanford, 1994. С. 456–457*. Еще одно письмо к Замятиной в изд.: *Ахматова А. А. Соч. В 2 т. / Сост. и подгот. М. М. Кралина. М., 1996. Т. 2. С. 321*.

Осенью 1929, во время травли Е. И. Замятина и Б. А. Пильняка из-за публикации за рубежом романа «Мы» и повести «Красное дерево» (см.: Малмстад Дж., Флейшман Л. Из биографии Замятина (по новым материалам) // *Stanford Slavic Studies. 1987. Vol. 1. P. 117, 130–131*);

Галушкин А. «Дело Пильнея и Замятина». Предварительные итоги расследования // Новое о Замятине: Сб. материалов / Сост. Л. Геллер. М., 1997. С. 89–146), Ахматова в знак солидарности с ними вышла из Всероссийского союза писателей.

«15 ноября 1931 г. Ахматова была в числе немногих близких друзей <...>, кто провожал на Варшавском вокзале Замятиных за границу» (Рукописные памятники. Вып. 3. Ч. 1. С. 248, коммент. М. Ю. Любимовой). Живя во Франции, Замятины передавали Ахматовой послышки. Замятин умер в Париже 10 марта 1937 г. Эту дату Ахматова отмечала в своем дневнике: «10 марта / 1963 / Комарово / День Данта (приговор). / Смерть Замятина (1937) и / Булгакова (1940). Арест Левы (1938)» (Записные книжки Анны Ахматовой. С. 308, см. также с. 445).

³⁸ «Николай Радлов с женой» – с Надеждой Шведе-Радловой.

Радлов Николай Эрнестович (1889–1942) – живописец, иллюстратор детских книг, художник-сатирик, искусствовед, художественный критик, преподаватель; сын философа Э. Л. Радлова, брат режиссера С. Э. Радлова (Подробно о Н. Э. Радлове: *Иоффе М. Л.* Николай Эрнестович Радлов (Творческий путь) // Иоффе М. Л. Избранные статьи. М., 1964; *Иоффе М. Л.* Николай Радлов // Иоффе М. Л. Десять очерков о художниках-сатириках. М., 1971).

Ахматова была знакома с Н. Э. Радловым с начала 1910-х (*Тименчик Р. Д.* Ранние поэтические опыты Анны Ахматовой // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1979. Л., 1980. С. 140), бывала в его доме в период как первого, так и второго его брака. Лукницкий о времени первого брака: «...как-то Эльза Яковлевна Радлова, жена Николая Радлова, заходила к АА, пригласила (с Радловым АА очень давно знакома, но за годы революции почти не встречались), и 1 января 1922 года АА пошла к ним обедать. Говорили о стихах... “Было очень натянуто, скучно, они – веселящиеся, разные люди”. АА заговорила о том, как она не любит, когда из нее вытягивают мнение о чужих стихах. И рассказала об Оцупе. А через десять дней узнала, что Эльза Радлова – любовница Оцупа...» (*Лукницкий П. Н.* Асумиана. Т. II. С. 107–108. Запись от 16 апреля 1926). Радлова Эльза Яковлевна (урожд. Зандер, 1887–1924) – художница. Ср. запись К. И. Чуковского от января 1926: «Вчера был у Николая Эрнестовича Радлова. Когда я с ним познакомился, это был эстет из “Аполлона”, необыкновенно опроборенный и тонкий. Несколько вялый, но изящный писатель. Потом в “незабываемые годы” это был муж стареющей и развратной, пьяной, крикливой и доброй жены, которая никак не подходила к нему – и нарушала все его эстетство. Он казался “бывшим человеком”, очень потертым, долго не умел приклеиться к революции <...> Теперь он к революции приклеился: вдруг оказался одним из самых боевых советских карикатуристов, халтурящих в “Бегемоте”, в “Смехаче” и в “Красной”. <...> Но как непохожа его жизнь на те “Смехачи”, которых он – неотделимая часть. Великолепная гостиная, обставленная с изысканнейшим вкусом, множество картин и ковров, целая “анфилада” богато убранных комнат, – все это страшно подходит к его вялой, небрежной, аристократической, изящной фигуре» (*Чуковский К.* Дневник. 1901–1929 / Подгот. текста и коммент. Е. Ц. Чуковской; вступ. ст. В. А. Каверина. М., 1991. С. 362). У Чуковского речь идет о ленинградской квартире Н. Э. Радлова, на ул. Халтурина (бывшей Миллионной), 13. Бывала там и Ахматова. Из дневника второй жены Николая Эрнестовича, художницы Надежды Константиновны Шведе-Радловой (урожд. Плансон, 1894/1895(?)–1944), запись от 30 декабря 1927: «Сегодня... Будет Анна Ахматова и писат<ельница> Ольга Форш, приехавшая недавно из Парижа, и вся наша “общинная компания”...» (*Оклянский Ю. М.* Федин. С. 157). «Вечером была у Радловых. <...> Среди гостей был Ал. Толстой и др.» (*Лукницкий П. Н.* Дневник 1928 года. Асумиана. 1928–1929 / Дубл. и коммент. Т. М. Двинятиной // Лица: Биографический альманах. № 9. СПб., 2002. С. 473. Запись от 22 апреля 1928).

Н. К. Радлова – автор несохранившегося портрета Н. С. Гумилева. Н. Э. Радлов – автор шаржа «Сумасшедший корабль» (Государственный литературный музей (ГЛИМ), Москва): на корабле сидят А. А. Ахматова, Н. С. Гумилев, О. Э. Мандельштам и др. персонажи, связанные с петроградским Домом искусств (Диском, официально – «объединением деятелей искусства и литературы Петрограда для культурно-просветительской работы»). С Диском сотрудничал и сам Радлов. Дом искусств, существовавший в конце 1919–1923, прославился под названием «сумасшедший корабль» после появления в 1930 одноименного романа О. Д. Форш. О Доме

искуств см. также мемуары современников, книгу С. С. Шульца «Дом искусств» (СПб., 1997), статью Е. Ивановой «Непризнанный капитан “сумасшедшего корабля”» (Наше наследие. 2007. № 83–84. С. 113–119) и др.

В Детском Селе Н. Э. Радлов и Н. К. Шведе-Радлова отдыхали неоднократно. Запись в дневнике Л. В. Шапориной, 30 октября 1931: «Летом в доме Елены Ивановны <Плен> жили Валентина Андреевна <Щеголева> с Анной Ахматовой, Радловы (Николай) и <Валентина> Ходасевич» (*Шапориная Л. В. Дневник*. В 2 т. / Вступ. ст. В. Н. Сажина; подгот. текста и коммент. В. Ф. Петровой и В. Н. Сажина. М., 2012. Т. 1. С. 111). Елена Ивановна Плен (1904–1957), преподаватель английского языка в Ленинградском университете и других учебных заведениях, была другом Шапориной и ее соседкой в Детском Селе.

В 1937 Радловы переехали в Москву.

³⁹ А. Н. Толстой с семьей поселился в Детском Селе в мае 1928 и прожил там десять лет. Его дом был «центром детскоесельской художественной “колонии”». В 1928–1929 А. Н. Толстой снимал верхний этаж в доме № 10 (ныне 8) по ул. Московской, с 1930 по 1937 арендовал дом № 4 на ул. Пролетарской (ныне дом № 6 на ул. Церковной) (*Бунатян Г. Г. Город муз: Литературные памятные места города Пушкина*. Л., 1987. С. 184–196. Гл. про Толстого «Большой, умный и веселый талант»). О Толстом, его семье и друзьях этого периода см.: *Толстая Е. Д. Ключи счастья*. Алексей Толстой и литературный Петербург. М., 2013. С. 356–416.

На вопрос, общались ли Толстые с Рыбаковыми, Ж. Б. Рыбакова ответила: «Общались. Но больше я ничего не могу сказать, не знаю». В ядовитой концовке «некролога» Э. Ф. Голлербах об И. И. Рыбакове говорится: «Случалось и Р<ыбако>ву “налетать” на таких же “ловкачей”, как он сам. Ликвидируя в конце двадцатых годов свою квартиру в Детском Селе, он доверчиво согласился продать прекрасный гарнитур ампириной мебели Т<олстом>-у. С тех пор прошло десять лет, но Р<ыбаков> не получил ничего» (*Голлербах Э. Вместо некролога // Голлербах Э. Встречи и впечатления / Сост., подгот. текстов и коммент. Е. Голлербах*. СПб., 1998. С. 279).

Об отношениях Ахматовой с А. Н. Толстым и его женой того времени, поэтом Н. В. Крандиевской см. с. 31–95 наст. изд.

⁴⁰ Прозаик Вячеслав Яковлевич Шишков (1873–1945) жил в Детском Селе в 1927–1941, неоднократно меняя адреса. Подробно о его жизни в Детском Селе см. в изд.: *Бунатян Г. Г. Город муз*. С. 172–184.

Общение Ахматовой и Шишкова не назовешь близким, но в 1920-е годы они не раз участвовали вместе в литературных вечерах и встречались в дружеских застольях у общих знакомых. О втором свидетельствует, в частности, шуточная запись Ахматовой в «Чукоккале»: «Была зимой у Грековых. Обедали, пили. У меня был билет на балет “Лебединое озеро”. Жаловалась Шишкову, что приехала в валенках. Шишков (пьяный) сказал: “Хорошо в балет ехать в валенках и выпивши”. + (за неграмотностью)» (Чукоккала: Рукописный альманах Корнея Чуковского / Предисл. И. Андроникова. М., 1979. С. 223).

⁴¹ «Домик Вырубовой» – ул. Средняя (Коммунаров), д. 4; на углу ул. Церковной (Пролетарской) и Средней. «...Оперный певец И. В. Ершов и его жена, певица С. В. Акимова, жили в 1927–1934 в доме, который А. Танеева, выйдя замуж за А. В. Вырубову в апреле 1907, наняла: дом <...>, в котором в пушкинское время жил лицейский преподаватель музыки Теппер де Фергюсон...» (*Тименчик Р. Путеводитель по «Записным книжкам» Ахматовой // Пермьяковский сб.* В 2 ч. / Ред.-сост. Н. Мазур. М., 2009. Ч. 2. С. 580). Об упоминаниях Вырубовой в записных книжках Ахматовой и ее поэме «Русский Трианон» («...Попала в вавилонские блудницы, / А тезка мне и лучший друг царицы») см. в справке Р. Д. Тименчика (Там же. С. 580–582), а также в изд.: *Тименчик Р. Последний поэт. Анна Ахматова в 1960-е годы*. В 2 т. Иерусалим; М., 2015. Т. 1. С. 451–452; Т. 2. С. 579–580. О Ершове и Ахматовой см.: *Тименчик Р. Д. Из именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский науч. сб. / Сост. и науч. ред. Г. М. Темненко*. Вып. 12. Симферополь, 2014. С. 131–132.

Акимова о жизни в Детском Селе: «В 1928 году мы перебрались из Ленинграда в Детское

Село (Пушкин). По идее Луначарского, в этом прелестном пригороде образовалась “группа” деятелей искусства, им были отведены дома с большими участками. Особняк, в который мы переехали, был бывшим маленьким дворцом Вырубовой, совсем рядом с Лицеом. Нашим соседом через забор был писатель Алексей Николаевич Толстой» (*Акимова-Ершова С. В. Воспоминания певички* / Предисл. Г. Тигранова. Л., 1978. [Электронный ресурс]. URL: http://lit.lib.ru/k/kriwosheina_ksenija_igorewna/text_0360.shtml).

Иван Васильевич Ершов (1867–1943) и Софья Владимировна Акимова-Ершова (в первом браке Андреевская-Акимова, 1887–1972) упомянуты в ахматовских дневниках не только в связи с общением с ними в Детском Селе, но и в связи со смертью Блока: «Когда мы (Ольга Судейкина и я) пришли на первую панихиду по Блоку на Офицерскую, Ершovy (Ив<ан> Вас<ильевич> и его жена), жившие с Блоком в одном доме, говорили, что он так кричал от боли, что прохожие останавливались под окнами» (Записные книжки Анны Ахматовой. С. 746, 683). Ахматова в передаче Лукницкого: М. Чехов – «это единственный актер, которого вообще в жизни я видела. И Ив. Вас. Ершов, – но это оперный...» (*Лукницкий П. Н. Асуміана*. Т. 1. С. 81). Ахматова встречала Ершова и в санатории в Кисловодске, где отдыхала летом 1927 (Там же. Т. 2. С. 281). О И. В. Ершове см.: *Гозенпуд А. А. Иван Ершов: Оперный певец: Жизнь и сценическая деятельность*. Л., 1986; др.

Сын Ершова и Акимовой – график и живописец Игорь Иванович Ершов (1916–1985).

⁴² Петров-Водкин Кузьма Сергеевич (1878–1939) – художник, теоретик искусства, писатель. Автор символистских композиций, историко-революционных картин, портретов, натюрмортов.

Жена художника Мария Федоровна Петрова-Водкина (Мария-Жозефина Йованович, наполовину сербка, наполовину французка; 1885–1960) – автор мемуаров. См.: *Петрова-Водкина М. Mon grand mari russe... <Мой великий русский муж... – О. Р.>* (Воспоминания жены художника) // Волга. 1971. № 9. С. 155–175; см. также: *Петрова-Водкина М. Ф. Мой великий русский муж...* Саратов, 2008.

Дочь художника Елена Кузьминична Петрова-Водкина (в замуж. Дунаева, 1922–2008), к которой обращена его документальная повесть «История одного рождения», – автор воспоминаний об отце «Прикосновение к душе». См.: Петров-Водкин: В центре Жизни Жизней: Воспоминания, письма, документы / Сост. А. В. Барзилович. СПб., 2018.

«Постоянно бывал у Шишкова художник Кузьма Сергеевич Петров-Водкин, который переехал в Детское Село в конце 1927 года. Художник заболел туберкулезом, и ему была предоставлена квартира во втором этаже здания Лицея, выходящая окнами на Знаменскую церковь. <...> Художник <...> задумал в 1928 году автобиографическую трилогию “Хлыновск”. Очевидно, непосредственным толчком к началу работы над этим большим литературным произведением послужило общение с писателями, жившими в Детском Селе...» (*Бунатян Г. Г. Город муз*. С. 177). Петров-Водкин жил в Детском Селе, в здании Лицея, по 1936 год включительно, но, судя по воспоминаниям жены, проживание не было непрерывным (*Петрова-Водкина М. Mon grand mari russe*. С. 170–171). Несколько лет он почти не мог заниматься живописью из-за угрожающей формы туберкулеза, в эти годы он вернулся к писательству.

Из устных воспоминаний Е. К. Петровой-Водкиной об отце: «Жили в Пушкине – в Пушкинском Лицее папе дали квартиру. Одна комната была столовой и гостиной, мама со мной в спальне жила, и папина – он там рисовал. Когда я еще маленькая была, мы с ним и подрамники делали сами, и натягивали холсты, и грунтовали. Папа мне сначала показывал, как нужно натягивать холсты, чтобы никакой складочки нигде не было. Как-то мне было приятно, что я могу что-то помочь, что-то сделать. Всю жизнь я с папой была в контакте. Потом, после работы, обедали и шли гулять в парк. В Екатерининский он не любил, а шли в Александровский. <...> Просили написать портреты писателей России. Папа начал рисовать портреты Федина, Шишкова, Толстого, Андрея Белого. Многие жили в Пушкине, часто у нас четверги были, так что собирались все. <...> Каждый приносил свои кто пьесы, кто музыку, кто повести или романы.

Шишков тоже приносил “Угрюм-реку” читать, потом мама, ведь она училась в консерватории пению, и с нашим хорошим знакомым они пели в дуэте, маленький концерт устраивали. Мама готовила пирожные, пироги. Гаврила Попов был композитор. Форш была у нас часто. Это пока мы жили в Пушкине. А в Ленинград мы переехали в начале 1937 года. И здесь папе дали квартиру в кооперативном доме, а наверху была мастерская. Его в Ленсовет выбрали. Ведь он же был председателем Союза художников, организовал все это, ездил из Пушкина сюда, ему это было тяжело. Он же болел туберкулезом, в 1928 году он заболел. Но 11 лет он прожил после этого, и врачи говорили, что это только благодаря маминому уходу» (передача на радио «Свобода» «Культурный дневник», 17 июля 2008 года, ведущий Д. Волчек. «Гость программы: Елена Петрова-Водкина – дочь художника». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/456740.html>).

Петров-Водкин и Ахматова были знакомы с начала 1910-х. В 1920-е художник время от времени бывал у Ахматовой в гостях. Лукницкий, 11 июня 1927: «Сегодня в 4-м часу дня к АА пришел К. С. Петров-Водкин. Человек, не знающий, когда надо уходить. <...> И разговоры с ним скучны и невыносимы. Петров-Водкин – “лиса последняя” – сидел и даже не прикрыто шутил на каждом слове...»

Когда АА жила вместе с Судейкиной, Петров-Водкин был их ужасом, их наказанием за какие-то грехи: он приходил и просиживал бесконечное количество часов.

АА разговаривала с ним сегодня с колоссальным напряжением, тем большим, что старалась не показать этого напряжения ему.

Петрова-Водкина АА считает хорошим художником» (*Лукницкий П. Н. Асумиана. Т. II. С. 271–272*). Ср. характеристику художника из мемуарного очерка о нем Голлербаха: «Он любил вещать и поучать, очень любил философствовать и делал это “по-расейски” <...> Священное “не могу молчать”, яростное отвращение к банальности и пошлости <...> очевидная органическая талантливость – все это примиряло с косноязычием и невнятицей водкинских тирад» (*Голлербах Э. Йод и синька // Голлербах Э. Встречи и впечатления. С. 306–307*).

Существует портрет Ахматовой работы Петрова-Водкина (1922) и два этюда к нему, акварельный и карандашный (оба 1922). Один из этюдов находится в коллекции Рыбаковых (подробнее о нем см. с. 232, наст. изд.), другой – в ГЛМ. Портрет маслом хранится в Русском музее. Воспроизведение всех трех изображений с сопровождающим текстом см. в изд.: В ста зеркалах. Анна Ахматова в портретах современников / Предисл. Н. И. Поповой. Вступ. ст. О. Е. Рубинчик. Тексты – Т. С. Поздняковой и др. М., 2004. С. 8, 70–75. См. также: *Шилов К. В. Петров-Водкин и Анна Ахматова: заметки о портрете поэта // К. С. Петров-Водкин и XXI век: Сб. статей. Саратов, 2008. Ахматова о портрете: «Неудачно, по-моему» (Готхарт Н. Двенадцать встреч с Анной Ахматовой // Вопросы литературы. 1997. № 2. С. 282); «Портрет Петрова-Водкина <...> непохож – он робкий» (Венцлова Т. Воспоминания об Анне Ахматовой // Анна Ахматова: последние годы. Рассказывают Виктор Кривулин, Владимир Муравьев, Томас Венцлова / Сост., коммент. О. Е. Рубинчик. СПб., 2001. С. 84). Искусствовед Ю. А. Молок оценивает этот портрет иначе: «...никак не вписывается в иконографию ахматовских портретов. Он сделан без оглядки на своих предшественников, а только на свое, на “Петроградскую мадонну” <...> Не случайно Маригетта Шагинян называла этот портрет “иконописным” <...> “Возникает духовный портрет, «икона». Земная прелесть тут вся сошла на нет, исхудала, обобщилась, но напряжение воли бросает вам из глаз запечатленного человека бессмертное бытие. <...>”. Именно Петров-Водкин перевел лирический литературный портрет поэта в портрет эпический...» (*Молок Ю. Вокруг ранних портретов // Литературное обозрение. 1989. № 5. С. 84–85*).*

⁴³ Еще в XIX веке, после того, как учебное заведение в 1843 было переведено в Петербург и переименовано в Императорский Александровский лицей, здание Царскосельского лицея подверглось перепланировке и в нем стали проживать служащие Царскосельского дворцового правления. После национализации в 1918 здание продолжали использовать под жилье (сайт

«Парки Царского Села и окрестностей. Путеводитель», раздел «Императорский Царскосельский лицей». [Электронный ресурс]. URL: http://a-парк.рф/19-Muzej_licey_Pushkin.html).

В 1920–1930-е в Лицее отдыхали и жили многие представители творческих профессий. Ср. строки письма Р. Иванова-Разумника Андрею Белому от 10–15 ноября 1926: «В эту осень в Царское Село вообще потянулись петербуржцы, и почему-то особенно писатели. <...> в лицее живет (заходил возобновить знакомство) Мандельштам, по-прежнему считающий себя первым поэтом современности; есть и *dii minores* <младшие, второстепенные боги (*лат.*) – О. П.> или, вернее, *dii minimi* <мельчайшие боги (*лат.*) – О. П.>, вроде Лавренева <...> Целая питерская колония; становится немного жутковато...» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. ст. и коммент. А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада; подгот. текста Т. В. Лавровой, А. В. Лаврова, Дж. Мальмстада. СПб., 1998. С. 410). Н. Я. Мандельштам: «Когда-то нам пришлось из-за моей болезни <из-за туберкулеза. – О. П.> прожить два года в Царском Селе, да еще в Лицее, потому что там сравнительно дешево сдавались приличные квартиры, но О. М. этим ужасно тяготился – ведь это почти святотатство! – и под первым же предложением сбежал и обрек нас на очередную бездомность» (*Мандельштам Н.* Воспоминания // Мандельштам Н. Собр. соч. В 2 т. Екатеринбург, 2014. Т. 1. С. 105–106).

«Впервые Лицей был частично воссоздан в 1949 году. В нижних этажах оставались жилы – их еще не представлялось возможным выселить <...> В 1966 году, по предложению Министерства культуры РСФСР, Ленгорисполком принял решение о расселении лиц, проживавших в историческом здании. С этого момента начался новый этап в истории Лицея» (*Алянский Ю.* В комнате № 14 // Звезда. 1974. № 6. С. 150). Последние крупные работы по музеефикации и реставрации помещений Лицея были завершены в 1974.

⁴⁴ Поэтесса и одна из «муз» Серебряного века Паллада (Палладия) Олимповна (Олимпиевна), урожд. Старынкевич, в последнем браке Гросс, псевдоним – Богданова-Бельская (1885–1968). Автор стихотворного сборника «Амулеты» (Пг., 1915). Подробно о ней см.: Барон и Муза: Барон Н. Н. Врангель. Паллада Богданова-Бельская / Сост. А. А. Мурашев и А. Ю. Скаков. СПб., 2001; *Соболев А. Л.* Аметистовая свинка: новые материалы к биографии П. О. Гросс // Соболев А. Л. Турганев и тигры. Из архивных разысканий о русской литературе первой половины XX века. М., 2017 и др. О ней в связи с литературно-артистическим кабаре «Бродячая собака» см.: *Парнис А. Е., Тименчик Р. Д.* Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник 1983. Л., 1985; *Шульц С. С.* «Бродячая собака». СПб., 1997. С. 126–132; *Тименчик Р. Д.* «Бродячая собака»: Воспоминания Б. М. Прилежаевой-Барской // Тименчик Р. Д. Что вдруг: Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим; М., 2008. С. 178, 235–237 и др.

Гросс Виталий Николаевич (1903–1935): «Следующим ее мужем стал Виталий Николаевич Гросс – художественный критик, журналист, библиофил, экслибрисист; впоследствии заведующий отделом искусств «Вечерней Красной газеты», мягко ассимилировавшийся с советской действительности (его персональная библиография включает, в частности, сборники “Город Ленина в социалистическом строительстве. Фото-книга” и “На большевистском пути: Сборник документов”»)» (*Соболев А. Л.* Аметистовая свинка. С. 135). Из дневника Шапориной: «Меня поражает, с какой легкостью теперь все говорят о насилии. <...> Не говорю уже о Гроссе. Тот захлебывается от честолюбия, от боязни что-то упустить, не захватить кусочек власти. Он иначе не говорит, как “мы”: мы закрыли несколько обществ – Куинджистов и Общину художников, они нам не нужны, нечего им собираться. Мы закроем музеи, нам не нужны Фомин и Щуко и т. д.» (*Шапорина Л. В.* Дневник. Т. 1. С. 86–87. Запись от 17 февраля 1930).

В годы брака с Гроссом, длившиеся с 1924-го по 1935-й, Паллада Олимповна с семьей жила в Детском Селе в здании Лицея. См.: «Не забыта и Паллада...»: Из воспоминаний графа Б. Г. Берга / Публ. Р. Д. Тименчика // Русская мысль. Лит. прилож. № 11 к № 3852 от 2 ноября 1990. С. XI. Шапорина, не без симпатии описавшая в дневнике Палладу периода «Бродячей собаки» («...забавна, занята. Куртизанка, гетера, дочь генерала, более или менее обеспеченная, достаточно бескорыстная, остроумная, в ней был экзотический шарм...»), о Палладе дет-

соскользкого времени написала так: «После моего <...> переселения в Детское застала ее уже здесь. За это время она женила на себе двадцатилетнего Гросса, “заимела” (как теперь говорят) от него ребенка и превратилась в домохозяйку. Но какую! Прислуги у нее менялись каждую неделю, уходили со скандалами, драками, убегали в форточки. Грязь дома невероятная. Гросс работал, как вол. Служил, писал, таскал кули из города. Тащил булки, керосин, картошку, все. А Паллада дралась с прислугами, ходила по гостям, волоча за собой измученного четырехлетнего Фитика <правильно «Ритика», Эрнеста Витальевича Гросса. – О. Р.>, и сплетничала, сплетничала»; об умершем В. Н. Гроссе: «Жаль так рано сгоревшей жизни, так обидно заезженной этой старой отвратительной бабой» (*Шапорина Л. В.* Дневник. Т. 1. С. 202–204. Запись от 21 ноября 1935).

Знакомство Ахматовой с Палладой, начавшееся не позднее, чем во времена «Бродячей собаки», открывшейся 31 декабря 1911, пунктиром продолжалось по 1960-е. 20 ноября 1925 Лукницкий записал: «Рассказала, что к ней сегодня с письмом от Паллады Богдановой-Бельской приходил ее муж (он ей не представился, а она его лично не знает, поэтому она с ним не говорила). Паллада в письме просит сообщить адрес Судейкиной... Письмо очень милое... Паллада пишет, что не приглашает АА к себе, потому что они очень бедны (!), и ее единственная радость – ребенок, который недавно родился. АА сказала, что теперь адрес Паллады известен, и я могу пойти к ней, когда она не будет так занята ребенком...» (*Лукницкий П. Н. Acumiana*. Т. 1. С. 259). В конце декабря 1965 Паллада Олимповна поздравила Ахматову с Новым годом в письме, где были строки: «Наверное, я скоро умру, потому что очень хочу вас видеть и слышать, – а я теперь тень безрассудной Паллады. Страшная тень и никому не нужная. А жизнь так интересно шумит и скачет... Слава Богу, что вы по ней мчитесь вперед, я бесконечно радуюсь за вас и горжусь вами как современница ваша» (Об Анне Ахматовой. С. 550, письмо П. О. Гросс). Ахматова вспоминала: Паллада «была знаменита. Браслеты на ногах, гомерический блуд. Один раз при мне она сказала своей приятельнице: “У меня была дивная квартира на Моховой. Ты не помнишь, с кем я тогда жила?”» (*Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 1. С. 33–34. Запись от 20 июля 1939). О Богдановой-Бельской в связи с ахматовскими «Записными книжками» см.: *Тименчик Р.* «Записные книжки Анны Ахматовой. Из «Именного указателя». I // Эткиндовские чтения: II–III. Сб. ст. по материалам Чтений памяти Е. Г. Эткинды / Сост. П. Л. Вахтина, А. А. Долинин, Б. А. Кац. СПб., 2006. С. 225–227.

⁴⁵ О периоде, проведенном Е. Я. Данько с матерью в комнатах на четвертом, верхнем этаже Лицея, Елена Яковлевна упоминает в мемуарах о Ф. К. Сологубе: живя в Детском Селе, он нанес ей скандальный визит (ломился к ней, когда она принимала «солнечную ванну»). Поскольку Сологуб жил в Детском Селе весной и летом 1925–1927, а активное общение Е. Я. Данько с ним началось в конце 1925 (см. вступ. ст. и примеч. к публ.: *Данько Е. Я.* Воспоминания о Федоре Сологубе. Стихотворения / Вступ. ст., публ. и коммент. М. М. Павловой // Лица: Биографический альманах / Ред.-сост. А. В. Лавров. Т. 1. М.; СПб., 1992), то, по-видимому, она жила в Лицее летом 1926 или 1927.

Время проживания Е. Я. Данько в Лицее не было единственным временем пребывания ее в Детском Селе. Записи Лукницкого 1927: 15 декабря Ахматова «получила письмо от Е. Данько из Царского Села (Е. Данько на месяц поместилась там в здравнице)»; 18 декабря Ахматова «собралась ехать в Царское Село к Е. Данько (которая живет в санатории КУБУ на Широкой ул.). <...> В Царском Селе проводил АА до Е. Данько <...> АА вернулась в город одна часом в шесть вечера» (*Лукницкий П. Н. Acumiana*. Т. II. С. 332–334). Запись Л. В. Шапориной от 5 сентября 1939: «Е<лена> Я<ковлевна> летом отдыхала в Доме творчества в Детском, в бывшем доме Толстого» (*Шапорина Л. В.* Дневник. Т. 1. С. 240). Сестры Данько часто бывали в Детском Селе как порознь, так и вместе. Свидетельства этому есть, например, в обоих томах цитируемого здесь дневника Лукницкого.

О дружеских отношениях сестер Данько и Ахматовой, завязавшихся не позднее 1923, и ахматовских портретах работы Натальи Яковлевны (статуэтка, бюст и проч.) и Елены

Яковлевны см. с. 217–232 наст. изд. Там же – о тесной дружбе и творческом взаимодействии И. И. Рыбакова и Н. Я. Данько – на с. 228–229 и др.

О стихах Е. Я. Данько и графических изображениях Ахматовой ее работы см.: *Тименчик Р. Д., Лавров А. В.* Материалы А. А. Ахматовой в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976. С. 65. Стихи Данько, посвященные Ахматовой, см.: Об Анне Ахматовой: Стихи, эссе, воспоминания, письма / Сост. М. М. Кралина. Л., 1990. С. 115–118.

О самой Е. Я. Данько: *Димьяненко А.* Фарфоровая чашечка // Данько Е. Я. Китайский секрет / Послесл., коммент. А. Димьяненко, Е. Казаковой, И. Суслевой. М., 2016. О Н. Я. Данько: *Овсянников Ю. М.* Скульптор в красном халате. Наталья Яковлевна Данько и ее творчество. М., 1965. Об обеих сестрах: Творчество сестер Н. Я. и Е. Я. Данько / Автор-сост. В. В. Левшенков; под науч. ред. В. В. Знаменова. СПб., 2012 и др.

⁴⁶ Шапорин Юрий (Георгий) Александрович (1887–1966) – композитор, дирижер, педагог; народный артист СССР, лауреат трех Сталинских премий.

Шапорина Любовь Васильевна (урожд. Яковлева, 1879–1967) – художница, создательница первого в советской России театра марионеток, переводчица, автор уникального дневника: «Это не имеющий аналогов среди опубликованных на сегодняшний день дневников советского периода путеводитель абсолютно по всем аспектам жизни 1920–1960-х гг. <...> И наконец: это дневники человека, которому чужда власть, правящая страной, и который на всем протяжении дневника (собственно, всей жизни) искренне пишет об этом» (*Сажин В.* Институтка: автопортрет в советском интерьере // Шапорина Л. В. Дневник. Т. 1. С. 6).

О детскосельском житье Шапориных: «Летом 1929 г. Шапорина переехала сюда на постоянное жительство (ул. Коммунаров – ныне Средняя, – д. 21, кв. 7») (Там же. С. 519). Шапорины занимали половину одноэтажного деревянного дома в конце ул. Коммунаров (*Бунатия Г. Г.* Город муз. С. 193). «...Шапорин чаще пребывал в городской квартире или уезжал надолго в Москву, а жену с детьми с лета 1929 г. поселил в Детском Селе, куда эпизодически наезжал. В их жизни возобновилась <...> двусмысленность, сопровождавшаяся пересудами многочисленных знакомых. Хозяйка обеспечивала формальную внешнюю благопристойность детскосельского семейного уклада, благодаря чему впоследствии вспоминали, например, “о чудесном доме Шапориных <...>, овеянном высоким духом незабвенной первой его супруги Любови Васильевны Яковлевой-Шапориной, художницы-портретистки, кукольницы, переводчицы (с пяти языков!), человека редкой образованности и доброты” <...> Наступил 1934 год. Шапорин <...> практически расстался с семьей <...> В Москве у него уже была другая семья...» (*Сажин В.* Институтка: автопортрет в советском интерьере. С. 12–14). В 1935 Шапорина перебралась в Ленинград. Подробнее о ее жизни в Детском Селе, кроме дневника и статьи В. Н. Сажина, рассказывает Е. Д. Толстая в книге «Ключи счастья» в главе «Царскосельские пенаты».

⁴⁷ Прежде всего стоит отметить, что Шапорина, несмотря на ее антисемитизм (известный из дневника, но мало проявлявшийся в жизни), была приятельницей семьи Рыбаковых. Ж. Б. Рыбакова: «Я помню, что в послевоенное время были с Любовью Васильевной добрые отношения. Пока бабушка была здорова, виделись. Бывала ли она у нас, не помню. Но имя ее в доме было на слуху. Тем более, что Соня (Софья Васильевна Шапорина, внучка Любови Васильевны), училась в той же школе, где и я. Она была на класс старше. Это школа у кинотеатра «Спартак», № 189, бывшая Анненшуле. Так что были общие “детские” темы. После 1949 г. бабушка болела, и общение было только по телефону, и то с мамой, а не с бабушкой. А с Соней я всю жизнь продолжала общаться». В дневниках Шапориной есть несколько упоминаний о Рыбаковых. О смерти Рыбакова Шапорина узнала почти сразу, как о ней было сообщено семье: «Умер Рыбаков в тюрьме. Умер Мандельштам в ссылке» (*Шапорина Л. В.* Дневник. Т. 1. С. 231. Запись от 19 февраля 1939). В РНБ хранятся письма Ю. А. Шапорины к И. И. Рыбакову (ОР РНБ, ф. 1000 (Собрание отдельных поступлений), ч. II, ед. хр. 1958).

Ахматова могла быть знакома с Шапориной (тогда Яковлевой) и ее будущим мужем-композитором еще со времен «Бродячей собаки». Однако первое упоминание о ней в дневнике

Шапориной относится к 30 октября 1931, когда, в уже цитировавшейся записи о летнем проживании Ахматовой со Щеголевой по соседству от Шапориных, Любовь Васильевна отметила: «Ахматова, которую я так близко увидала и узнала впервые, – редко обаятельный человек. Я часами могла говорить с ней, любясь ее тонким, нервным лицом» (*Шапорина Л. В.* Дневник. Т. 1. С. 111). К лету 1931 относятся записи японского русиста Кандзо Наруми о его детскосельских встречах. 26 июля он был в гостях у Шапориных, когда к ним пришла Ахматова («живет совсем близко»). 1 августа зашел к Шапориным и узнал, что Ахматова «уехала в город». 2 августа «зашел к Анне Ахматовой. Позвонил, но никто не ответил. У входа встретился с Николаем Эрнестовичем <Радловым> <...>. Он сказал, что Ахматова у Шапорина, потому что туда приехала Юдина» (пианистка М. В. Юдина). 5 августа «решил зайти к Анне Андреевне. На звонок вышла прислуга и сказала, что сегодня Ахматова уехала в Ленинград <...> совсем, но завтра должна приехать за вещами» (*Накамура Ё.* Анна Ахматова в дневниках Наруми / Пер. с яп. А. Хамамо и С. Кадзи; *Кадзи С.* Кандзо Наруми и его жизнь в России // МЪра: Литературный, историко-художественный, религиозно-философский журнал. 1994. № 4 (6). С. 78–79, 91). Со времени детскосельского общения Ахматова и Шапорина стали навещать друг друга. 8 ноября 1933 Любовь Васильевна записала: «Третьего дня у меня была Анна Ахматова. Вот у кого сохранилась и поступь и благородство былых дней. Я ее мало знаю, и ее личная жизнь мне мало понятна – Лурье, Пунин. Но она обаятельна, и она никому не поклонилась и ничем не поступилась» (*Шапорина Л. В.* Дневник. Т. 1. С. 146). И в записи Шапориной от 11 ноября 1952 звучит: «Я знаю ее очень поверхностно...» (Там же. Т. 2. С. 213), хотя к тому времени дружба с Ахматовой насчитывала около двадцати лет. Записи Шапориной свидетельствуют о том, что Ахматова не боялась обсуждать с ней самые опасные темы: репрессии, пытки, аресты своего сына. Особенно интенсивным их общение стало после Ждановского постановления, глубоко возмущившего Шапорины. Их встречи, в последние годы, по-видимому, более редкие, продолжались до конца жизни Ахматовой.

В ахматовских записных книжках Шапорина упоминается около 15 раз, в основном в списках: в числе тех, кто должен прийти, кто был у Ахматовой в больницах, кому предназначаются публикации стихов и недавно вышедшие книги, а также самиздатский текст «Реквиема».

О дружеских отношениях Шапориной и Крандиевской, начавшихся в период их проживания в Детском Селе, упрочившихся в период общих испытаний, в блокаду, и сохранившихся до конца жизни Наталии Васильевны, рассказывает дневник Шапориной. О взаимоотношениях и творческом сотрудничестве семьи Толстых и семьи Шапориных см.: *Толстая Е. Д.* Ключи счастья (глава «Царскосельские пенаты»).

⁴⁸ Головин Александр Яковлевич (1863–1930) – живописец, сценограф, реформатор оформительского искусства; член художественного объединения «Мир искусства», действительный член Академии художеств (1912), народный артист РСФСР (1928).

Головин поселился в Царском Селе в 1913 и оставался там до конца своей жизни, после революции – почти безвыездно; перед тем, как переселиться в полуциркуль Екатерининского дворца, жил на Малой ул. (ул. Революции), по-видимому, в доме 36 (*Голлербах Э.* Жизнь и творчество А. Я. Головина. Л., 1928. С. 46; *Бунатия Г. Г.* Город муз. С. 161). О Головине второй половины 1920-х: «Произведения последних лет разбросаны по частным коллекциям (собрание И. И. Рыбакова, Ф. Э. Криммера, П. С. Радецкого и др.). За годы революции художник <...> ничего не писал “для себя”. <...> Стены его квартиры в полуциркуле Детскосельского Большого дворца пусты. Здесь, в стародавних стенах Растрелли, в городке, где бродят тени прошлого, “где каждый шаг в душе рождает воспоминанья прежних лет”, Головин похож на низложенного короля, сбросившего горностаевую мантию и отдыхающего в своей резиденции от мирской суеты. Время, посеребрившее его голову и пошатнувшее его здоровье, не отняло у него ни таланта, ни мастерства, ни чуткости ко всему прекрасному...» (*Голлербах Э.* Жизнь и творчество А. Я. Головина. С. 89–90).

О близкой дружбе Головина с Рыбаковыми см. с. 218 и 282 наст. изд. См. также: *Рыбакова О. И.* О Головине-портретисте // Встречи и впечатления. Письма. Воспоминания о Голови-

не / Сост. и коммент. А. Г. Мовшенсона; вступ. ст. Ф. Я. Сыркиной. Л.; М., 1960. С. 333–337. В том же изд. – записка Головина Л. Я. Рыбаковой. В ОР РНБ находятся письма Головина к Рыбакову за 1916–1919 (ф. 1000, оп. 2, ч. I, № 334). Многочисленные работы художника, хранившиеся в семейном собрании Рыбаковых, см. в «Списке произведений А. Я. Головина» (*Головин А. Я. Встречи и впечатления: Воспоминания художника / Ред. и коммент. Э. Ф. Голлербаха. Л.; М., 1940*).

Поскольку Головин был связан с кругом журнала «Аполлон», Ахматова, видимо, была знакома с ним с начала 1910-х. Она помнила, что в мастерской Головина в Марининском театре, где 19 ноября 1909 собрались сотрудники «Аполлона», М. А. Волошин дал пощечину Н. С. Гумилеву, следствием чего стала дуэль. Уже сообщалось, что Ахматова назвала художника в перечне памятных ей царсетелов (вспомнила его первым): «...1) Головин (получируль)...». Бывая в полуциркуле Екатерининского дворца у Рыбаковых, она, конечно, встречала и Головина. О безусловности их знакомства говорит запись Лукницкого: «Комический случай: Станиславский <в санатории в Кисловодске летом 1927. – О. Р.> предложил АА дать ей рекомендательное письмо к Головину» (*Лукницкий П. Н. Асумиана. Т. 2. С. 281. Запись от 27 июля 1927*). Не названный в «Поэме без героя», Головин – один из тех авторов, чье творчество вызвало к жизни образы Командора и Дон Жуана и стоит за строками «...Мейерхольдовы арапчага / Затевают опять возню»: именно он был художником спектакля Мейерхольда по пьесе Мольера «Дон Жуан» (Александринский театр, 1910). «...Постановка Головина – “Дон Жуан” была задумана им в тесном содружестве с В. Э. Мейерхольдом. <...> В. Э. Мейерхольд ввел в постановку ливрейных арапчага, которые бегают, кувыркаются, курят амброй, звонят в серебряный колокольчик» (*Голлербах Э. Жизнь и творчество А. Я. Головина. Л., 1928. С. 39–40*). Тема маскарада, во многом определившая сюжет и образность «Поэмы без Героя», тесно связана с «Маскарадом» Лермонтова в постановке Мейерхольда и сценографии Головина: «Определить, когда она <поэма. – О. Р.> начала звучать во мне, невозможно. То ли это случилось, когда я стояла с моим спутником на Невском (после генеральной репетиции “Маскарада” 25 февраля 1917 г.), а конница лавой неслась по мостовой...» (*Ахматова А. А. Соч. В 2 т. Сост., подгот. текста и коммент. Э. Г. Герштейн, В. Я. Виленкина. М., 1990. Т. 2. С. 251*). «Она была на премьере “Маскарада” в день февральской революции. <...> Спектакль был очень пышно оформлен (Головиным), “слишком много мебели на сцене”, что А.А. не понравилось» (*Будыко М. И. Рассказы Ахматовой // Об Анне Ахматовой. С. 464*). Несмотря на недовольство Ахматовой излишней пышностью оформления «Маскарада» и, возможно, мирискусническим стилем Головина в целом, есть основания думать, что в «Поэме без героя», а также в ряде ахматовских стихов нашли отражение и другие работы художника (портреты, образы из оперных и балетных постановок).

⁴⁹ Писательница Ольга Дмитриевна Форш (урожд. Комарова, псевд. А. Терек, Шах-Эдин, 1873–1961), по образованию преподаватель и художник, жила по разным адресам в Царском Селе в 1910–1917, работала учителем рисования и лепки. В 1920–1930-е часто приезжала в Детское Село (Пушкин), навещала литераторов, а также родных своего учителя, художника П. П. Чистякова, которого уже не было в живых (*Бунатян Г. Г. Город муз. С. 166–168*). 7 января 1924 К. И. Чуковский писал Л. Н. Лунцу, что Форш «живет теперь в Царском. Это теперь такая мода: там теперь обитают Сологуб, Ив<анов>-Разумник, Голлербах, Форш и Маршак. Целая колония» (*Тименчик Р. Д. Из Именного указателя к “Записным книжкам” Ахматовой // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский науч. сб. / Сост. и науч. ред. Г. М. Темненко. Вып. 8. Симферополь, 2010. С. 69*). В послевоенные годы Форш подолгу гостила в царскосельском доме Чистякова (Московское шоссе, д. 23) у его родственницы О. Э. Мейер-Чистяковой. В последние годы жизни проводила лето в собственном домике неподалеку от г. Пушкина – в поселке Тярлево на окраине Павловска. Согласно желанию Форш, она была похоронена на царскосельском Казанском кладбище (*Бунатян Г. Г. Город муз. С. 171*).

Время и обстоятельства знакомства Ахматовой и Форш неизвестны. К 1923 они были уже достаточно дружны, чтобы Форш написала Н. А. Павлович в Оптину пустынь: «...

будет ли у вас или где поблизости место <...> чтобы хоть на неделю пристроить меня и Анну Андреевну Ахматову. Хотим ехать вместе к вам» (открытка от 28 февраля 1923, цит. по: *Тименчик Р. Д.* Из Именного указателя к “Записным книжкам” Ахматовой // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. С. 70); Ахматова в Оптиной пустыни не побывала. Справка о дружеском общении Форш и Ахматовой: Там же. С. 69–71.

⁵⁰ Имеются в виду 1926 и 1927.

⁵¹ Видимо, речь идет о карикатуре Н. И. Альтмана 1914, хранящейся в ГЛИМ, хотя назвать этот резко карикатурный рисунок полукарикатурным сложно (воспроизведение см.: Анна Ахматова. Материалы из собрания Государственного литературного музея: Альбом-каталог / Авт.-сост. О. Л. Залиева. М., 2016. С. 31; В ста зеркалах. С. 47).

⁵² Фотографии, связанные со временем проживания Ахматовой в квартире Рыбаковых, по-прежнему хранятся в их семейном архиве. О других экземплярах и их воспроизведении см., например, в данной публикации в примеч. 33.

⁵³ *Ахматова А.* Классическая поэзия Востока. Переводы / Вступ. ст. С. Липкина М., 1969. На мягкой обложке фрагмент фотографии, о которой пишет О. И. Рыбакова.

⁵⁴ Последняя фраза написана от руки.

О. Рубинчик
Санкт-Петербург

Телеграммы Анны Ахматовой из архива Рыбаковых¹

В домашнем архиве Рыбаковых сохранились копии ахматовских телеграмм, адресованных не этой семье, а другим друзьям и знакомым Ахматовой. Это фотокопии шести черновых текстов, а также фотокопия одной телеграммы на бланке. Оригиналы переданы О. И. Рыбаковой в РГАЛИ.² Материалы эти до сих пор не публиковались.

Черновики телеграмм представляют собой автографы Ахматовой, однотипно и тщательно оформленные на небольших листах бумаги. Подобная забота об эстетике автографа была характерна для Ахматовой: она видна во многих ее дарственных надписях, записках, открытках, беловых рукописях произведений. В данном же случае Ахматова понимала, что черновики останутся в коллекции Рыбаковых, бережно хранивших каждый ее автограф.

Как телеграммы оказались в рыбаковском архиве? Что касается черновиков, то стоит согласиться с предположением Ж. Б. Рыбаковой, что Ахматова поручила Ольге Иосифовне послать телеграммы: «У Анны Андреевны всегда были порученцы, бытовые дела она сама не делала. И это очень обсуждалось, например, в доме у Софьи Казимировны.³ Был случай, когда нужно было что-то отвезти. Мама была больна, я не могла – и послали мою подругу.⁴ Если Анне Андреевне было что-то надо, а я пойти не могла, мои подружки с удальством ходили».

Автографы не имеют дат. Оформление и содержание их позволяет думать, что все шесть телеграмм были посланы одновременно, и дает возможность приблизительно их датировать. Приведу тексты.

Ташкент
Хорошинская, 19.
Козловским.

Благодарю письмо. Всегда помню, скучаю.
Ваша Ахматова.

От Ахматовой. Фонтанка 34, кв. 44.

Ташкент.
Пушкинская. Наркомпрос.
Журавской.

Скучаю по Ташкенту. Вижу его во сне. Спасибо за память. Когда выйдет книга – пришлю.

Целую.
Ваша Ахматова.

От Ахматовой. Фонтанка 34, кв. 44.

Ташкент
Гоголевская. Красный.
Анне Ивановне Ломакиной

Благодарю новогоднее поздравление.
Радуюсь, что помните.
Целую Вас.

Ваша Ахматова.

От Ахматовой. Фонтанка 34, кв. 44.

Ташкент.
Правда Востока.
Специальному корреспонденту Известий
Браганцевой.

Благодарю дорогую Ленушку за поздравления, пожелания, письмо.
Напишите еще. Целую.

Ваша Ахматова.

От Ахматовой. Фонтанка 34, кв. 44.

Ташкент.
Ул. Жуковского, 54
Надежде Яковлевне Мандельштам.

Благодарю поздравление, умоляю не сердиться. Всегда помню, люблю.
Обнимаю.

Ваша Анна.

От А. А. Ахматовой. Фонтанка 34, кв. 44.

Москва.
Большая Ордынка 25, кв. 13.
Ольшевской.

Сообщите адрес Рины Зеленой.
Обнимаю Вас, детей.
Поцелуйте Ардова.

Ваша Ахматова.

От Ахматовой. Фонтанка 34, кв. 44.

Почти все телеграммы были отправлены в ответ на поздравления. Из телеграммы к Ломакиной следует, что поздравления – новогодние. Но сама Ахматова никого не поздравляет. Можно предположить, что Ахматова ответила друзьям уже после праздника, в первых числах нового года. Пять телеграмм прямо, а шестая (московская) косвенно связаны с Ташкентом, воспоминания о котором еще свежи. Обещание, данное Софье Журавской: «Когда выйдет книга – пришлю», – говорит о том, что телеграммы посланы до ждановского постановления августа 1946 года. В декабре 1944 / январе 1945 года до выхода новых книг было еще далеко. А вот 30 ноября 1945 года датирована верстка сборника «Стихотворения Анны Ахматовой. 1909–1945». ⁵ Верстка должна была означать выход книги в обозримом будущем. ⁶ Так что черновики телеграмм можно датировать началом января 1946 года.

Об адресатах и содержании черновиков телеграмм.

Козловские, муж и жена, в 1936 году приехали в Ташкент из Москвы в ссылку и прожили здесь всю оставшуюся жизнь. Алексей

Федорович Козловский (1905–1977) – композитор, дирижер, педагог, народный артист Узбекской ССР.⁷ Галина Лонгиновна Козловская (урожд. Герус, 1906–1991) – автор либретто к операм мужа (самая знаменитая – «Улугбек»), мемуаристка; писала стихи и прозу, пела, лепила. Оставила воспоминания о своей жизни, о муже, об Ахматовой и др. Мемуары, наряду с письмами Козловской нескольким адресатам, после ее смерти были объединены в книгу «Шахерезада. Тысяча и одно воспоминание».⁸ Галина Лонгиновна приложила множество усилий для сохранения и исполнения музыки Козловского.⁹ Из ее письма Е. Б. Пастернаку: «...надо мне вырвать музыку Алексея из той удавки, которой и посмертно душит его наша эпоха. Я никогда не говорила с тобой о трагической судьбе Алексея как художника. Он пронес ее через жизнь мужественно и достойно, ничем не поступившись, не изменив себе ни в чем. <...> ему все время вменялось в вину его дворянство, и сама его природная композиторская маэстрия считалась проявлением и доказательством его классовой чуждости. Так и пошло, и тыкали, и заушали, в классических традициях времени. Затем ссылка и существование репрессированного на дальней стороне <...> Но это лишь внешнее, бытийное, преодоленное.

Он был ослепительно одарен в музыке. Его композиторство и дирижирование пришли к нему Божьим даром <...> Вырванный из своей среды и отторгнутый от своего народа, познавший всю горечь и унижения тех лет, он <...> создал свою жизнь и свой мир в музыке, сотворив свой неповторимый Восток <...> Он сделал нечто сродни тому, что Глинка сделал для Испании, открыв Европе и самой Испании музыкальный гений Иберии. Алексеем переброшен мост от Запада к Востоку и от Востока к Западу...».¹⁰

Ахматова познакомилась с Козловскими в 1941 году, вскоре после своего приезда в Ташкент: с Галиной Лонгиновной – в ноябре, с Алексеем Федоровичем – 31 декабря.¹¹ «В первый раз Анна Андреевна переступила порог нашего дома на Хорошинской в новогодний вечер, чтобы вместе с нами встретить свой первый в Ташкенте Новый год. <...> С того дня она стала приходить к нам, то каждый день, то через день или дня через три, и всякий раз приносила написанное накануне».¹²

Увидев фотографию Галины Лонгиновны в саду, в восточном наряде и с кувшином у ног, Ахматова посвятила ей стихотворение «За-

снуть огорченной...» (апрель 1942), где есть строки: «Шахерезада / Идет из сада... / Так вот ты какой, Восток!». Стихотворение вошло в цикл «Луна в зените», в который включены также стихи, посвященные Козловскому («Явление луны», 25 сентября 1944) и связанные с ними обоими («Как в трапезной – скамейки, стол, окно...», 1943). С Козловскими связано также стихотворение «А в книгах я последнюю страницу...» (25 ноября 1943).¹³ Козловскому (и Ю. Чапскому) адресовано «В ту ночь мы сошли друг от друга с ума...» (1 декабря 1959). Алексей Федорович, писавший, но не печатавший стихи, в свою очередь создал сонет «Анне Ахматовой. Посвящение» (1943).¹⁴ «За глаза Анна Андреевна иногда меня называла “моя Шахерезада”, а мужа – “Козликом”, как звали его друзья. Надежда Яковлевна Мандельштам рассказывала: “Она не раз говорила: “Наш Козлик – существо божественного происхождения”». ¹⁵ Все это было в период, для Козловских очень трудный, когда они были близки к дистрофии: Алексей Федорович занимал в то время должность председателя Союза композиторов, принял на себя «две волны эвакуации музыкантов Москвы и Ленинграда», помогал множеству беженцев, но работу ему никак не оплачивали.¹⁶

«С первых же дней знакомства у Анны Андреевны и Алексея Федоровича возникли дружеские отношения, полные особого понимания с полуслова. <...> Большую роль в общении Ахматовой и Козловского играла музыка. Она почти каждый раз просила его играть то или иное произведение <...> Долгие провожания Анны Андреевны домой с Хорошинской улицы на Жуковскую. Это было довольно далеко <...> Разговоры под ночным азиатским небом были наполнены особым очарованием <...> Мой муж водил гулять Ахматову и днем, и чаще всего в Старый город».¹⁷

«Околдованность “Поэмой без героя” вылилась у Алексея Федоровича в музыкальное произведение, названное им “Пролог”.¹⁸ Он просил меня спеть эту музыку Анне Андреевне. Я невероятно волновалась и робела. <...> Но я постепенно впелась, перестала трусить, и Анна Андреевна стала приводить разных своих друзей слушать “Пролог”. Когда же позднее Алексей Федорович написал два романса – “Иву” и “Царскосельскую статую”, я пела и тот и другой упоенно и радовалась, что Анна Андреевна любила слушать их».¹⁹

Когда Козловский получил весть о смерти Ахматовой, он на-

писал (в ночь с 5 на 6 марта 1966 года) музыкальное «Элегическое приношение» ее памяти.²⁰

В домашнем архиве Козловских хранились многие ахматовские реликвии: «Поэма без Героя» 1946 и 1963 годов (оба экземпляра – авторизованная машинопись), ее стихи (автографы и авторизованная машинопись), сборник «Бег времени» с дарственной надписью («Далеким друзьям, храня им вечную верность. Ахматова. 15 октября 1965 г. Москва»)²¹, фотографии с надписями и др. Хранились также две открытки Ахматовой, письмо 1965 года, пять телеграмм и ее записка Козловскому.²²

Традиция взаимных новогодних поздравлений была для них особенно значимой, потому что за военное время Анна Андреевна и Козловские привыкли встречать Новый год вместе. Галина Лонгиновна пишет о периоде после отъезда Ахматовой:

«Долгой была наша осиротелость. Мы особенно тосковали в первый новогодний вечер без нее. Но она все-таки пришла к нам таинственно и чудесно, словно чуя нашу тоску. За четверть часа до Нового года я нашла на полу прихожей белый листок. Это была открытка от Анны Андреевны, и начиналась она стихами:

А.К.

Из перламутра и агата,
Из задымленного стекла,
Так неожиданно покато
И так торжественно плыла, –
Как будто “Лунная соната”
Нам сразу путь пересекла.

Поздравляю с Новым годом и желаю вам много радости. Эти стихи ташкентские, хотя написаны в Ленинграде. Посылаю их на их Родину. Жду вестей.

Не забывайте
вашу Ахматову.
15 декабря 1944 г.»²³

А в следующий Новый год Козловским была послана та телеграмма, черновик которой хранился у Рыбаковых.

Журавская Софья Аркадьевна (1908–1974) – жена Георгия Ивановича Зайко (1904–1979), в 1940–1950-е годы секретаря Ташкентского обкома партии; педагог, инспектор Наркомата просвещения Узбекистана, в годы войны работала в Комиссии помощи эвакуированным детям.²⁴

О деятельности комиссии вспоминает Вяч. Вс. Иванов, находившийся в ташкентской эвакуации с отцом, писателем Вс. Вяч. Ивановым, и матерью Т. В. Кашириной-Ивановой, переводчицей, бывшей актрисой: «Мама старалась хоть чем-то помочь, работала вместе с Лидией Корнеевной Чуковской в Комиссии помощи эвакуированным детям – ее создала при Наркомпросе Екатерина Павловна Пешкова, которая тоже оказалась в Ташкенте. Они ездили по детским домам, следили за столовыми, за складами питания, где просто разрывалось все, что выделялось для детей, в том числе вывезенных из блокадного Ленинграда, и они просто погибали».²⁵

Ахматова познакомилась с Журавской в Ташкенте, скорее всего, еще в 1941 году. Ташкентский литератор К. М. Курносенков пишет: «Анна Ахматова активно участвовала в устройстве и обслуживании эвакуированных детей. И эта совместная работа сблизила Журавскую и Ахматову. Поэтесса бывала у своих друзей на Первомайской, 58».²⁶ Ахматова выступала на вечерах, которые организовывались комиссией. Об одном из них, нетипичном, вспоминает поэтесса С. А. Сомова: «А дамы, вероятно, по выдумке А. Толстого, решили устроить костюмированный вечер, платный, в пользу эвакуированных детей. В этом принимали участие Е. Пешкова, жены А. Толстого, Всеволода Иванова, ташкентских руководителей. Вечер был блестящим. Особенно хороши были Алексей Толстой и великолепный артист Еврейского театра Михозлс, они изображали, очень комично, подвыпивших плотников; Ахматова тоже выступала. Я беспокоилась, в чем она покажется в столь избранном обществе, но ее одели какие-то добрые женщины, – она была в роскошном синем платье, в мехах и в жемчугах, все с чужого плеча, так что и тут была некая театрализованность».²⁷ Среди жен ташкентских руководителей наверняка была и Журавская.

На подаренном Журавской ташкентском сборнике «Избранного» 30 июня 1943 года Ахматова написала: «Милой и доброй С. А. Журавской в знак нежнейшей дружбы».²⁸ В инскрипте названы те ка-

чества, которые Ахматова ценила в своей новой подруге. Известно, например, что Журавская принимала близкое участие в хлопотах Н. Я. Мандельштам о получении ею в Ташкенте диплома о высшем образовании.²⁹ Анна Андреевна не раз обращалась к Журавской с просьбами.³⁰ Так, уже покинув Ташкент, 15 июня 1945 года она отправляет ей следующее письмо:

«Дорогая Софья Аркадьевна, может быть, я забыла ваш адрес и мои телеграммы и открытки до вас не дошли, а может быть, вы не любите писать письма. Во всяком случае, поздравляю вас с нашей общей радостью – Победой.

Поздравляю вас, всю вашу семью, Анну Ивановну³¹ и всех моих ташкентских друзей. Мой сын Лева в Берлине, он даже не был ранен.

Мне стыдно вас затруднять, но я помню, какая вы добрая. Дело вот в чем: мне до сих пор не перевели пенсию из Ташкента. Позвоните в Центральную сберкасса и поторопите высылку дела.

Целую вас. Хочу в Ташкент.

Ваша Ахматова».³²

А 2 августа 1945 года она сообщает Н. Я. Мандельштам: «От Софьи Аркадьевны, которой я иногда пишу, – никогда ни слова».³³

Видимо, из-за того, что письма доходили плохо, новогоднюю телеграмму Ахматова послала на адрес Наркомпроса. Фраза из нее: «Спасибо за память», – говорит о том, что какую-то корреспонденцию от Журавской Ахматова все-таки получала.

Шесть писем и четыре телеграммы Ахматовой к Журавской, а также «Избранное» 1943 года с автографом и авторизованная машинопись «Поэмы без героя» (1943) в 1991 году были переданы в Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме дочерью Софьи Аркадьевны – Н. Г. Зайко.

Наталья Георгиевна Зайко – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института искусствознания имени Хамзы. А. В. Маркевич, директор ташкентского Клуба-музея «Мангалочий дворик Анны Ахматовой», пишет о Наталье Георгиевне: «Ее мать, Софья Аркадьевна Журавская, близко знала Анну Андреевну Ахматову. А маленькую Наташу Анна Андреевна называла “моя куколка” и водила в сквер на прогулки. Наталья Георгиевна сохранила память об этом. Во время одной из таких прогулок Анна Андреевна крепко сжала ручку пятилетней девочки и сказала: “Смотри, как прекрасны

ташкентские тополя! Запомни: таких – нигде в мире нет!” Рассказывая об этом, Наталья Георгиевна протянула мне руку и взволнованно сказала: “Представляете, до сих пор моя левая рука помнит это крепкое пожатие!”».³⁴

В Фонтанный Дом Н. Г. Зайко передала также телеграмму Ахматовой, посланную в 1944 году лично ей; свое письмо (1944), письмо своего брата Виталия Георгиевича Зайко (1944) и письмо матери к Ахматовой (22 декабря 1944 года). Копии ахматовских материалов из домашнего архива семьи Зайко Наталия Георгиевна подарила ташкентскому Клубу-музею.

Анна Ивановна Ломакина – жена Николая Андреевича Ломакина (1913–1975), в 1941–1949 годах второго секретаря ЦК Компартии Узбекистана (впоследствии был понижен: переведен на педагогическую и редакторскую работу),³⁵ как и Журавская, состояла в Комиссии помощи эвакуированным детям.

Что представляли собой Ломакины и та ситуация, в которой они оказались в Ташкенте, выразительно описывает в своих мемуарах Е. Ф. Пуриц: «Первым секретарем был узбек (так полагалось), но второй секретарь, русский, – “око государево” по возможностям и власти, конечно, делил с первым первое и второе места в республике. Ломакин был молодым человеком, лет около тридцати. Еще в институте он, по-видимому, стал заниматься партийными делами, а когда в 37-м году порасстреляли партийное начальство, он сделал головокружительную партийную карьеру. Самого Ломакина я никогда не видела: как лицо, находящееся под особой охраной, он не мог, если бы даже захотел, общаться с такими непроверенными людьми, как я. Но его жену Анну Ивановну я обучала немецкому языку, близко с ней познакомилась, она ходила ко мне в гости, я бывала у нее.

И я решила во время ближайшей встречи с Анной Ивановной попросить ее устроить, чтобы Ломакин принял людей из Наркомпроса, которые хотели сообщить ему, что делается в детских домах.

Однако А. И. предупредила меня, она рассказала, что недавно она и ее приемная дочь Аня, девочка, эвакуированная из Белоруссии, узнали, что младшая сестра Ани приехала с каким-то эшелонном и теперь уже довольно давно находится в одном из детских домов Ташкента. А. И. и Аня разыскали Анину сестру. В холодной комнате эта

девочка сидела босиком на кровати. Вид у нее был страшно изнуренный, истощенный и запуганный. Она не удивилась и не обрадовалась при виде Ани, а только спросила: “Мама умерла?”. “Да”, – ответила Аня. “Я так и думала”, – сказала девочка и больше не произнесла ни слова. Рассказывая об этом, А. И. плакала. Я спросила: “Неужели никто не может ничем помочь этим несчастным детям?”. “Нет, – сказала А. И. – У нас тут нет власти. Против воровства мы ничего не можем поделаться. Нет власти!” И я поняла, что добиваться приема у Николая Андреевича не имеет смысла.

<...> Ломакины жили в небольшом особняке на одной из лучших улиц Ташкента. Дом был в глубине двора, в воротах дежурил милиционер. Делать милиционеру было нечего, и, чтобы как-то занять себя, он часто нянчил маленькую девочку – младшую дочку Ломакиных.

<...> Никакой обслуги, никаких антикварных вещей и картин. Дом был обставлен обычной скучной древтрестовской мебелью <...> на всех вещах, – всех без исключения, были инвентарные номера. У хозяев дома ничего своего не было. При малейшем непослушании, при малейшем недовольстве московского начальства они сразу лишались всего. Продуманная безотказная система, творцом ее был, наверное, сам Организатор всех наших побед». ³⁶

По словам Чуковской, Ломакина познакомилась с Ахматовой в Дурмени и к ней благоволила. ³⁷ Дурмень – дачное место недалеко от Ташкента, где Ахматова с 19 августа по начало сентября 1942 года лечилась в санатории (было подозрение на брюшной тиф).

Ломакин познакомился с Ахматовой раньше. Она была в бедственном положении, между тем слава ее достигла своего апогея: 8 марта 1942 года в газете «Правда» было опубликовано стихотворение «Мужество». А. А. Жданов, в честь которого «в народе» постановление 1946 года назовут ждановским, по утверждению автора книги о нем, «поучаствовал в военной судьбе <...> поэтессы – в 1942 году звонил секретарю ЦК КП(б) Узбекистана Николаю Ломакину с просьбой позаботиться о ней. Это подтверждается и свидетелями, весьма негативно настроенными в отношении нашего героя. В частности, Надежда Мандельштам, соседка Ахматовой по ташкентской эвакуации, пишет в мемуарах: “В Ташкент по правительственному проводу звонил сам Жданов (!) и просил позаботиться об Ахмато-

вой”. 29-летний Николай Ломакин, самый молодой из секретарей ЦК республики, замотанный размещением эвакуированных производств, все же помог устроить быт поэтессы, насколько это было возможно в тех условиях, а в 1943 году – даже издать в Ташкенте сборник ее стихов». ³⁸

Чуковская записала: 13 мая за Ахматовой «прислали машину из ЦК, и там спрашивали о ее здоровье, книге, пайке и пр.»; «Тов. Ломакин спросил, как она чувствует себя в Ташкенте.

– Меня в Ташкенте никто не обидел, – сказала она.

– Этого мало, – заметил Ломакин.

Затем он спросил ее о быте и она, конечно, как ей и надлежит, ответила, что живет отлично и ей ничего не надо. Чудовище! У нее никакого пайка, чердак вместо комнаты». ³⁹ 15 мая К. И. Чуковский по просьбе Лидии Корнеевны написал письмо Ломакину «об истинных нуждах» Ахматовой: «паек, обеды, поликлиники», и Лидия Корнеевна отнесла это письмо в ЦК. 20 мая она отметила: «...я подала папино письмо в ЦК в воскресенье утром, а во вторник <Ахматовой> прислали пропуск в распределитель ЦК и талон на обеды в Дом академиков (откуда ее открепили)». ⁴⁰

А. П. Сухомлинова вспоминает, как Ахматова однажды помогла ей, обратившись к Ломакину. Сухомлинова была в отчаянии, когда в 1943 году не обнаружила себя в списках отъезжающих из Ташкента в Москву: «Не знаю, каким образом о случившемся узнала Анна Андреевна. Через несколько дней она попросила меня проводить ее вечером в гости. Пройдя несколько кварталов, мы подошли к дому с высокой оградой, и Анна Андреевна попрощалась со мной. Только утром я узнала, что она была у второго секретаря ЦК Компартии Узбекистана Ломакина. В ее честь был зажарен барашек. Хозяева дома любили поэзию Анны Андреевны, и она охотно читала им свои стихи. В беседе с ними Анна Андреевна сказала, что институты Академии наук возвращаются в Москву, уже пришел эшелон, но одну девушку по ошибке не включили в списки, и на нее не пришел пропуск. Ломакин отнесся очень сочувственно и обещал помочь. “Он просил вас пойти за пропуском по этому адресу”, – сказала Анна Андреевна и протянула мне записку. На следующий день я получила пропуск в Москву. Меня поразила щедрость души Анны Андреевны, ведь я ее ни о чем не просила!» ⁴¹

Ср. запись от 15 июля 1943 года в ташкентском дневнике Г. С. Эфрона: «Пошел к Ахматовой – “сейчас ничего не вижу, что могла бы для вас сделать” (к Ломакину отказалась обратиться, мол, слишком маленькое дело, чтобы “обращаться к главе государства”). В общем, лед и отказ. А билета <в Москву> “так” не достанешь». ⁴²

Средством воздействия на Ломакина могло быть и обращение к его жене. Когда Ахматовой предложили жить в Академическом доме, с удобствами, но с высокой платой за комнату, она отказалась. 16 сентября 1942 года Чуковская записала: «Но надо, чтобы ей отсюда давали питание первого разряда. <...> я поговорю об этом – через Журавскую – с т-м Ломакиной, женой секретаря...»; 17 сентября: «Доставать <...> первую категорию не надо, так как ей дали “столовую партактива”». ⁴³

Друзья Ахматовой обращались к Ломакиной, когда болевшую тифом Ахматову нужно было перевести из больницы Ташми в стационар на улице Жуковской. ⁴⁴ Перевод состоялся 5 декабря 1942 года. Пуриц пишет в главе «Ахматова и Анна Ивановна»: «В Ташкенте Ахматова заболела тифом, ее нужно было поместить в больницу. Можно представить себе, что такое наша советская больница, да еще во время войны, да еще и при наличии под окнами больницы рынка, на котором ходячие больные меняли на еду больничные простыни, посуду и прочий больничный инвентарь. Больничный персонал, в свою очередь, крал у больных еду. Ухода не было, врачей было очень мало.

И Ахматова могла бы погибнуть, если бы не Анна Ивановна. Специальностью Анны Ивановны была русская литература, и она, конечно, знала, какое место в этой литературе занимает Ахматова. Она бросилась ее спасать. Она и ее муж (в данном случае у них оказалось достаточно власти) устроили так, что Ахматову поместили в какое-то привилегированное учреждение, где были и простыни, и уход, и хорошие врачи.

Анна Андреевна выздоровела <...> вышла в Ташкенте маленькая книжечка ее стихов, и она подарила ее Анне Ивановне с благодарственной надписью.

Анна Ивановна показала мне книжку и сказала, что ее муж тоже захотел такую книжечку с надписью от Ахматовой, но когда она рассказала об этом Ахматовой, та ответила: “Да разве я посмею”.

Я ужаснулась: неужели скромная и совсем неглупая Анна Ивановна не поняла и не поймет, что Ахматова, хорошо знавшая цену и себе, и всем правящим секретарям, съехидничала, посмеялась над ней и ее мужем.

Нет, Анна Ивановна не поняла, она еще раз с гордостью повторила: “Так и сказала: “Разве я посмею!”».⁴⁵

Браганцева Елена Михайловна (1907–1977) – московская журналистка. Во время войны эвакуировалась в Ташкент, хотя газета «Известия», в которой она работала, была эвакуирована в Куйбышев (Самару).⁴⁶ В Москву Браганцева вернулась, по-видимому, в апреле 1943 года.⁴⁷ Однако ее связь с Ташкентом не ограничивалась временем эвакуации. Известно, что в 1928 году в Ташкенте у нее родилась дочь.⁴⁸ А приведенная телеграмма говорит о том, что в конце 1945 – начале 1946 года Браганцева вновь какое-то время находилась в Ташкенте, возможно, в командировке. Газета «Правда Востока», на адрес которой послана телеграмма, – орган ЦК коммунистической партии Узбекистана.

Знакомство Браганцевой и Ахматовой произошло не позднее мая 1942 года: к этому времени относится первое упоминание Елены Михайловны в «Записках об Анне Ахматовой» Чуковской.⁴⁹ О необычном начале общения с Ахматовой Браганцева («пожилая женщина с орлиным носом и со следами былой красоты на гордом лице») в 1968 году рассказала поэту и ахматоведу Е. М. Ольшанской:

«Как мы познакомились? Перед этим я узнала, что в Киеве погиб мой муж. Стала пить – тогда многие пили. Однажды сижу в столовой, заказала два пива и два шашлыка. Входит Ахматова. Все: “Ш-ш-ш...” А мне хоть бы что. Ахматова так Ахматова... А она подошла и села за мой столик. Официантка спрашивает: “Что будем заказывать?” Анна Андреевна кивнула на меня: “То же, что и у нее”. Не приносили ей долго. Я протянула кружку с пивом: “Пейте!” Она взяла. Ко мне подошел Н., спросил: “Леночка, нет оттуда (с фронта то есть) известий?” И хоть спрашивали меня, Анна Андреевна ответила, думая о близком ей человеке, оставшемся в блокадном Ленинграде: “Нам уже не будет известий...”

Потом пригласила меня к себе в гости: “У меня есть табак, и я написала новые стихи, хочу вам их прочитать”. Вот мы и пошли. Она читала “Мне зрительницей быть не удавалось”. Удивительное

дело: казалось, душа моя совсем окаменела, но стихи мне понравились. Анна Андреевна, выслушав мое мнение, сказала, что я о них верно сужу.

Впервые за долгое время я не чувствовала себя ненужной. Анна Андреевна заметила мое состояние (она удивительно все подмечала) и предложила мне пожить у нее. Я согласилась, и это, может быть, спасло меня». ⁵⁰

О совместном проживании в комнате Ахматовой на ул. Карла Маркса Браганцева рассказала: «Жили мы дружно. Мне особенно нравилось в Анне Андреевне чувство такта и то, что она обладала удивительным чувством юмора. Ее ирония иногда была направлена на нее саму. Так, когда ко мне приходили гости, она тотчас уходила, говоря: “Старуха Ахматова идет погулять”. Она следила за военными сводками. Тосковала по Ленинграду, рассказывала о нем прекрасно. Выступала в госпиталях и на платных вечерах, сбор с которых шел в помощь детям-сиротам. Удивляло меня то, что стихи она писала даже под громкий говор радио, наверно, когда к ней приходили стихи, она от всего отключалась. Очень горевала, что сын ее был в лагерях, а потом с гордостью сообщала, что он добровольцем ушел на фронт»; «Доброты была чрезвычайной. Я получала на нее продукты, “золотой фонд”: там и сахар давали, и другие страшно дефицитные продукты. Только получу, а она спрашивает: “Вы не обидитесь, Леночка, если я немного раздам?” – “Пожалуйста”, – говорю. И она тут же выходит во двор и раздает всем»; «Сила воли у нее была потрясающая. И чувство справедливости тоже. Бумаги у нее не было, как и у Владимира Луговского, с которым я дружила, а я работала в “Известиях” и носила им оттуда голубую бумагу. Они писали на ней стихи и дарили мне». ⁵¹

Об участии Браганцевой в ташкентской жизни Ахматовой пунктирно упоминает Чуковская: «...Браганцева уже передала запрос о Владимире Георгиевиче – Инбер, и ответа нет...»; «...она была занята с Браганцевой подбором стихов для передачи по радио...» ⁵² и др.

Среди ахматовских материалов, переданных сыном Браганцевой ⁵³ в Московский Литературный музей, – автограф и авторизованная машинопись ранних версий «Поэмы без героя», ахматовские стихи и фотографии, два наброска портрета Ахматовой работы Александра Тышлера и две ее телеграммы, посланные из Ташкента

в Москву, в редакцию «Известий»: от 15 ноября 1943 года («ДОЛГО ТЯЖЕЛО БОЛЬНА ПОПРАВЛЯЮСЬ НАПИШУ НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ПРИВЕТ АХМАТОВА») и от 23 февраля 1944 года («СКОРО БУДУ МОСКВЕ ДОГОВОРИЮ⁵⁴ С ЖУРНАЛАМИ ПРИВЕТ АХМАТОВА»).⁵⁵ К альбому Браганцевой с автографом «Поэмы» приложен лист, на котором рукой ее сына написано: «Альбом с автографом Анны Андреевны Ахматовой принадлежал (был подарен автором) моей матери, которая была дружна с Анной Андреевной в Ташкенте во время войны и до последних дней жизни Ахматовой. Моя мать была специальным корреспондентом газеты “Известия”». ⁵⁶

Очевидно, что общение Ахматовой с Браганцевой в поздние годы не было частым, поскольку оно не нашло отражения в наиболее развернутых источниках сведений о ней, в частности, в ахматовских «Записных книжках». ⁵⁷

Мандельштам Надежда Яковлевна (1899–1980), в годы войны скитавшаяся по стране с тяжело больной матерью, по словам П. М. Нерлера, из Казахстана списалась с Ахматовой и своим братом Е. Я. Хазиным: «Те тут же начали хлопоты о переводе Н. М. и В. Я. Хазиной в Ташкент. <...> в начале июля они, вместе с приехавшим за ними Е. Я. Хазиным, переехали в Ташкент и временно остановились у него. А в начале сентября 1942 года Н. М. переехала с мамой на окраину Ташкента <...> она устроилась относительно неплохо: в 1942–1943 годах она работала – вместе с Л. К. Чуковской – в Центральном доме художественного воспитания детей, заведовала его литературным сектором и преподавала детям, на выбор, английский, немецкий и французский языки». ⁵⁸

В конце апреля или начале мая 1943 года Ахматова переселилась с ул. Карла Маркса, 7, на ул. Жуковского, 54, в дом, где жили многие писатели. Жил там и Е. Я. Хазин с женой. Надежда Яковлевна с матерью переехала к нему, став соседкой Ахматовой, и даже на какое-то время, после отъезда Браганцевой, поселилась у нее. ⁵⁹ 10 июня 1943 года она сообщила Б. С. Кузину: «Над нами живет Анна Андреевна. По утрам я швыряю ей камушки в окно, и она, проснувшись, идет ко мне завтракать. Хозяйство у нас почти общее, и мы живем хорошо». ⁶⁰ В сентябре 1943 года мать Надежды Яковлевны умерла.

13 мая 1944 года Ахматова улетела из Ташкента в Москву, уехали и брат с женой. А Надежда Мандельштам, фактически ссыльная, до

начала 1949 года продолжала жить в Ташкенте. Экстерном сдавая экзамены в Среднеазиатском университете, получила диплом о высшем образовании, поступила в аспирантуру, преподавала в том же университете английский язык.⁶¹

Хотя знакомство и зарождение дружбы Надежды Яковлевны с Ахматовой относятся к 1923–1924 годам,⁶² их переписка, по-видимому, началась только после тесного ташкентского общения, в 1944 году.⁶³ Но с полной уверенностью утверждать это нельзя, т. к. она сохранилась не полностью. При этом причина ее прерывистости не столько в очевидной неполноте, сколько в том, что Ахматова не любила писать письма (называла эту нелюбовь «аграфией»), не доверяла почте из-за перлюстрации и, кроме того, далеко не все о себе хотела сообщать потомкам. «Телеграмма, казалось, была для нее более органичным эпистолярным “жанром”, – справедливо полагает П. М. Нерлер. – На десяток ее телеграмм к Н. Я., считая и коллективные, приходится всего четыре письма, каждое из которых по объему не сильно превышало телеграмму. А вот Н. Я., состоявшая в переписке сразу со множеством корреспондентов, письма писала помногу и щедро, – ее скитания по провинции просто не оставляли ей другого выбора. В переписке с А. А., охватившей два десятилетия – с 1944 по 1964 год, – письма Н. Я. явно преобладают».⁶⁴ Поэтому один из постоянных мотивов ахматовской корреспонденции, адресованной Надежде Яковлевне, – просьба простить за долгое молчание. Слова «умоляю не сердиться» в новогодней телеграмме от начала января 1946 года – это о том же. Ср. жалобу Надежды Яковлевны Кузину: «Трудно без А. А. Грустно. И – стерва – не пишет».⁶⁵

Отношения Анны Ахматовой и Надежды Мандельштам неоднократно описаны, в том числе – ими самими. В этих отношениях были свои подводные камни. Тем не менее, даря в конце жизни подруге сборник «Бег времени» (М., 1965), Ахматова написала: «Наде, то есть почти самой себе».⁶⁶

Ольшевская Нина Антоновна (1908–1991) – актриса, жена писателя-сатирика Виктора Ефимовича Ардова (наст. фам. Зигберман, 1900–1976), мать актера А. В. Баталова (1928–2017), писателя и священника М. В. Ардова (р. 1937), актера и мультипликатора Б. В. Ардова (1940–2004), близкая подруга Ахматовой.⁶⁷

Поздравительную телеграмму Ахматова вместе с Л. Н. Гумиле-

вым послала семье Ардовых еще 26 декабря 1945 года.⁶⁸ А телеграмма Ольшевской от начала января 1946 года, в сущности, посвящена не ей.

Семья Ардовых не была в годы войны в Ташкенте. В «ташкентский цикл» январская телеграмма попала потому, что в ней Ахматова спрашивает адрес **Рины Зеленой**, общение с которой началось и в основном происходило в Ташкенте. Возможно, Анна Андреевна получила от нее телеграфное поздравление и хотела ей ответить, а в телеграммах обратный адрес не указывается.

Ардовы были близко знакомы с Риной Зеленой, поскольку она и Виктор Ардов принадлежали к одному кругу – кругу блестящих шутников, тех, для кого юмор, сатира, ирония были натурой и профессией. Вот как Рина Зеленая писала о чувстве юмора в своей книге «Разрозненные страницы»: «У меня это чувство есть. И моя работа всю жизнь посвящена юмору. Часто и в жизни приходилось прибегать к нему, чтобы не заплакать. <...> Прельщало и удивляло тонкое понимание смешного, блеск неожиданных поворотов мысли. Это была атмосфера нашей жизни. Мы работали, дружили, ценили острое слово, смеялись друг над другом и зло и добродушно, не забывая высмеять себя в первую очередь, ну – во вторую. Чувство юмора было дано нам как зрение, слух, осязание. <...>

Так все годы нашей жизни мы, те, кого я упомянула, и многие-многие другие шли рядом. Мы – совсем разные, но были все интересны друг другу. И юмор у каждого был какой-то особый, свой. У Виктора Ардова всегда были готовы целые серии острот. Вы не успевали сказать ни слова, а на вас сыпался град ударов, как у отличного боксера: удар, удар, хук справа – и вы в нокауте. При этом В. Ардов изучал природу смешного, коллекционировал юмор, знал наизусть страницы Ф. Горбунова, Н. Тэффи, А. Аверченко и всегда мог рассказать что-то, чего не знал никто».⁶⁹

Рина (Екатерина Васильевна) Зеленая (1901–1991) – артистка театра, кино и эстрады, сценаристка, ее голосом говорят персонажи многих советских мультфильмов. Родилась и провела детство в Ташкенте, впоследствии жила в Одессе, потом в Москве. Во время Великой Отечественной войны выступала на фронте и в тылу, периодически бывала в Ташкенте: «Ташкент – город моего детства – стал тогда прибежищем для всех потерявших свой край и кров. Ехали отовсюду

матери с детьми на руках и дети без матерей целыми эшелонами. Для города это становилось угрожающим. Люди селились где могли и где не могли. Те, кто приехал раньше (их называли «эвакуированными») и были как-то устроены, старались приютить у себя хоть кого-нибудь и как-нибудь. Уже огромная площадь перед вокзалом стала громадным лагерем беженцев. Как горсовет справлялся с этим, трудно себе представить. В любую минуту могли вспыхнуть эпидемии. А люди все ехали и ехали. Хозяева города – узбеки, узбекские семьи – брали к себе в дом по несколько детей и растили их вместе со своими. А жизнь шла: люди работали, дети учились.

Наш театр, так и не попав в Москву, подписал договоры, и мы пересекали необъятные просторы Средней Азии, ведя кочевой образ жизни. Для этого нам выделили вагон, который возил нас вместе с декорациями, костюмами и реквизитом. Мы не были эвакуированными. Мы просто продолжали гастроли. С нами ехали многие семьи и дети нашего театра. Оставить их было негде и не с кем.

Ташкент все-таки стал нашей базой. Сюда мы возвращались после гастролей из Фрунзе, Мары, Алма-Аты, Чимкента, Сталинабада, Самарканда, Бухары. А Ташкент не так еще изменился, был для меня в чем-то узнаваем и по-прежнему своеобразно красив: цвели цветы, звенели арыки, а ночью сияли звезды и не затемненные здесь окна домов». ⁷⁰

Общение Ахматовой и Рины Зеленой началось вскоре после прибытия Анны Андреевны в Ташкент. 30 декабря 1941 года Чуковская записала, что Ахматова пригласила к себе Рину Зеленую с литератором, издателем А. Н. Тихоновым (Серебровым) слушать «Поэму без героя», а до того, по словам Чуковской, актриса «изливалась мне в любви к ней». ⁷¹ Ташкентский дневник Чуковской показывает, что Рина Зеленая бывала у Ахматовой нередко, обычно не одна, а с кем-нибудь. Запись от 12 мая 1942 года: к Ахматовой пришли «Раневская, Рина <...>. Раневская и Рина “представляли” встречу двух эвакуированных дам, а мы с АА плакали от смеха и обе валились в подушку». ⁷² Отзыв Ахматовой о Рине Зеленой: «Какая остроумная, умная женщина, прямо бесенок. Она мне очень нравится, но у нее есть один непоправимый недостаток: она страшно льстит мне». На возражение Чуковской: «Почему же льстит? <...> она, наверное, и в самом деле любит вас и ваши стихи», – Ахматова ответила: Послед-

нему я никогда не верю». ⁷³ А вот слова Рины Зеленой: «Было непередаваемым счастьем слушать В. Маяковского и А. Ахматову...»; «Случалось и так, что в Ташкенте, во время страшной войны, я вдруг могла войти в каморку на втором этаже, где жила Анна Андреевна Ахматова, и говорить с ней, и сидеть рядом. И в моем альбоме есть стихи, написанные ее рукой:

Но я предупреждаю вас
<...>». ⁷⁴

Рине Зеленой Ахматова подарила также один из своих карандашных портретов, сделанных в Ташкенте Александром Тышлером. ⁷⁵

Р. Д. Тименчик: 7 ноября 1965 года Рина Зеленая навестила Ахматову на квартире Ардовых «и, видимо, что-то вспомнила из ташкентского 1942 года как пример ахматовской самоиронии – качества, центрального как для поэтики ахматовских стихов, так и для поэтики ее поведения»; «В тот день был надписан “Бег времени”: “Рине Зеленой после всего – Ахматова 7 ноября 1965 Москва” (собрание Турчинского)»; ⁷⁶ «Спустя месяц, в больнице, записывая пункты для статьи М. В. Ардова о ней, после перечня зарубежных восхвалений Ахматова наметила фразу: “Мы, соотечественники Ахматовой, видим ее гораздо проще, <...> знаем ее *самоиронию* (Рина Зеленая)” ⁷⁷». ⁷⁸

Седьмая из хранившихся в архиве Рыбаковых ахматовских телеграмм не принадлежит к «ташкентской серии» и вообще стоит особняком. Она послана **Софье Казимировне Островской** (1902–1983). Это не автограф-черновик, а текст на телеграфном бланке:

ТЕЛЕГРАММА

= ЛЕНИНГРАД УЛИЦА РАДИЩЕВА
ДОМ 19 КВАРТИРА 43
ОСТРОВСКОЙ –

МСК / 6 79 МОСКВЫ 109 72 14 20 2103 =

=ПРИЕДУ ВТОРНИК ДИЗЕЛЕМ ВАГОН ЧЕТЫРЕ
= АХМАТОВА –

Телеграмма датируется по штемпелю на обороте: она была послана 20 июля 1953 года, в понедельник, в день отъезда Ахматовой из Москвы.⁷⁹

Едва ли Ахматова рассчитывала на то, что ее встретит немолодая и уже весьма нездоровая Островская.⁸⁰ Скорее всего, Островская в данном случае должна была выступить диспетчером – и выступила, передав телеграмму О. И. Рыбаковой. И. Н. Пунина не могла встретить Ахматову, т. к. находилась в это время с семьей в деревне Страшницы под Псковом, но о скором приезде Анны Андреевны знала. 16 июля 1953 года она сообщала Ахматовой: «...вчера получила письмо от <...> Анны Миновны, она специально спит в столовой, ждет, что ты позвонишь, но видимо, твои планы изменились и ты еще не едешь».⁸¹ Анна Миновна Григорьева (ум. в 1963) помогала семье Пуниных и Ахматовой по хозяйству. Поскольку телеграмма была послана не ей и не ей передана, естественно предположить, что встречала Ахматову не она, а Ольга Иосифовна. Ж. Б. Рыбакова не помнит такого факта, однако в это время ей было всего 12 лет, так что, по ее словам, она «могла это и пропустить», «но вообще мама вечно все организовывала, могла не сама встречать, а кого-то попросить».

За несколькими сухими словами телеграммы стоит давняя и на редкость неоднозначная история отношений, на сегодняшний день известная во многих подробностях.

Островская, по происхождению дворянка, знала несколько языков, занималась научным, техническим и синхронным переводом, подрабатывала тем, что печатала на машинке. Познакомилась с Ахматовой 19 июня 1944 года в ленинградском Доме писателей, где Анна Андреевна участвовала в «устном альманахе».⁸² Островская описала в дневнике эту встречу: «Я давно не знала такого трепета и боли, как в тот вечер. <...> я вдруг решила, что подойду к Ахматовой и что-то ей скажу. Мне казалось необходимым *поздороваться* с нею, приветствовать ее в моем городе, сказать ей, что *выжили* здесь те, кто ее любит, что не все умерло, что стены сохраняют память.

Сойдя с эстрады, она в какой-то миг осталась одна, черная, высокая, царственная женщина, за которой волочилась незримая мантия славы, горя, больших утрат, больших обид. Я подошла к ней, сказала:

– Мы не знакомы с вами, но я решила поблагодарить вас за то,

что вы вернулись, за то, что вы существуете, пишете, живете.

Она улыбнулась и протянула руку.

– Ну, так будем знакомы, – ответила она.⁸³

Их общение быстро стало очень тесным. 26 декабря 1944 года Островская записала: «Я не знаю, как она ко мне относится, что она обо мне думает, почему она зовет меня к себе и приходит ко мне. Я ничего не знаю. Во мне встревоженная влюбленность с этой женщиной, беспокойство, ожидание, горечь, неуверенность, благодарность <...> И одновременно во мне четкая и осторожная наблюдательность мемуариста, игра на словах, на неведении, на вызове на слова и на воспоминания. Думаю, что Ахматова это чувствует, не отдавая себе, однако, полного отчета, – чувствует и первое, и второе».⁸⁴ 15 сентября 1945 года: «Одинокая она. Очень. И настороженная. Вот почему у нее бывает временами такой взгляд: быстрый, скошенный, недружелюбный. Это – от недоверия, от страха уколоться еще раз».⁸⁵ Возможно, под «наблюдательностью мемуариста» и «игрой на неведении» Островская зашифровала то, о чем ни разу не проговорила в дневнике прямо: свою роль осведомительницы. Неясно, изначально ли она выполняла эту роль при поэте или с момента, когда – 15 ноября 1945 года – Ахматову впервые посетил философ и филолог, на тот момент первый секретарь Британского посольства Исая Берлин,⁸⁶ но известно, что новичком в этом деле Островская не была. Ее восхищение Ахматовой постепенно сменилось завистью и разочарованием, сопровождавшимся желанием отомстить за свое многолетнее читательское обожание. Заодно она мстила миру за свою несостоявшуюся женскую и литературную судьбу (ее художественные переводы и собственные стихи не печатали). Дневник и доносы⁸⁷ давали такую возможность. Дневник, июль–август 1946 года: «В ней, конечно, двуполость андрогина. Дерзка, себялюбива, игра в добрую королеву, развращена, перестала жить собственной жизнью, ибо живет только биографически, с учетом жеста и слова “на будущее”».

Странная слава. Всегда думаю о странности этой славы в наши дни. <...> И фимиам, и миро, и ладан, и обожествления – и все плывет в каком-то тумане («туманце»), от которого действительно пахнет великолепной усыпальницей».⁸⁸

«О второй ее профессии, – пишет об Островской Р. Д. Тименчик, – Ахматова догадалась,⁸⁹ но продолжала встречаться, следуя

своему правилу: “Анна Андреевна говаривала, что зачастую имеет смысл иметь дело с явными негодьями, профессиональными доносчиками, в частности. Особенно, если тебе нужно сообщить что-нибудь “наверх”, властям. Ибо профессиональный доносчик донесет все ему сообщенное в точности, ничего не исказит – на что нельзя рассчитывать в случае с человеком просто пугливым или неврастеником”⁹⁰»,⁹¹

Однако на протяжении 1940-х годов, включая время после ждановского постановления, общение было слишком интенсивным, чтобы для него хватало этого рационального объяснения. Впоследствии Островская говорила, не без преувеличения, М. М. Кралину: «Как поссорится с Иркой (Ириной Пуниной. – М. К.), так и перебирается ко мне, бывало, на неделю, а бывало, и на месяц».⁹² Ахматова дарила Софье Казимировне свои рукописи и книги с инскриптами, привлекла ее к своей работе – переводу писем А. Н. Радищева с французского языка.⁹³ Она не произносила при Островской политически неосторожных слов, но в личном плане осторожности не проявляла, чем давала повод для компрометирующих дневниковых записей и донесений, одинаково рассчитанных мстительным автором на будущего читателя.

Видимо, подозрения Ахматовой окончательно окрепли к 1950-м годам, да и взаимный интерес Ахматовой и Островской уменьшился, потому что с этого времени их общение становится эпизодическим. В 1956 или 1957 году Ахматова спросила литературоведа Т. Ю. Хмельницкую, вспомнив 1944 год: «А вы знаете, что хозяйка дома, в котором мы познакомились, посадила целый куст людей?»⁹⁴ Но кого именно посадила Островская, неизвестно, как неизвестно, велико ли ее участие в том, что Ахматова была подвергнута гражданской казни в постановлении ЦК ВКП(б) 1946 года.

Как бы то ни было, они, пусть изредка, но встречались до конца жизни Ахматовой, Островская порой писала Анне Андреевне письма, Ахматова посылала ей телеграммы.⁹⁵

В эти и последующие годы Островская виделась окружающим весьма по-разному. В «ахматовском кругу», по свидетельству М. Б. Мейлаха, ее считали «“помойной ямой Ахматовой” (видимо, Софья Казимировна слишком любила сплетни)».⁹⁶ А кому-то, в том числе молодым, она казалась воплощенной интеллигентностью и

благородством. М. В. Бокариус «боготворила» ее: «благообразно красивая, утонченная, христианка, сама доброта, отношение к брату удивительное», «я была потрясена, узнав из публикации Кралина и последующих, что Островская доносчица».⁹⁷

М. М. Кралин: «О. И. Рыбакова была в давних дружеских отношениях с Софьей Казимировной. <...> Ольга Иосифовна всячески подчеркивала разностороннюю образованность Островской и ее былую близость к Ахматовой».⁹⁸ По словам М. В. Бокариус, О. И. Рыбакова опекала Островскую в старости: приносила ей продукты, водила к врачам, всячески помогала до последних ее дней. На вопрос, знали ли в семье, что Островская – осведомительница, Ж. Б. Рыбакова ответила: «Это никому и в голову не приходило. Мама была знакома с ней, вероятно, с довоенных лет, я помню ее с послевоенного времени. Островская неплохо относилась к маме и очень хорошо – ко мне. Она любила молодых. Мы, тогда молодые, кроме хорошего, ничего о ней сказать не можем. Но она видела, кто чего стоил. И, я думаю, хорошо, что приставлена была она – умный, образованный человек. И ничего плохого она, похоже, никому не сделала». На вопрос, могла ли Островская доносить и на Рыбаковых, Жозефина Борисовна ответила: «По каким-то косвенным признакам это можно предположить, но ничего плохого про нашу семью она сказать не могла».

¹ Сердечно благодарю Жозефину Борисовну Рыбакову за предоставленные материалы и консультации. Благодарю Романа Давыдовича Тименчика за прочтение статьи в рукописи.

² РГАЛИ, ф. 13 (фонд А. А. Ахматовой), оп. 1, ед. хр. 118–122, 124–125.

³ Имеется в виду Софья Казимировна Островская. О ней см. далее.

⁴ Подруга Ж. Б. Рыбаковой – Татьяна Викторовна Зеленко, тогда студентка. Свидетельство Ж. Б. Рыбаковой: «Анна Андреевна подарила и надписала ей книжку, но эту книжку забрал Танин знакомый – и она канула».

⁵ Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой 1889–1966. М., 2016. С. 474.

⁶ Книга не вышла. После ждановского постановления готовый тираж пошел под нож, как и тираж сборника «Избранные стихи. 1909–1946». Подробнее об этом см., напр.: Рубинчик О. Е. Анна Ахматова и советская цензура. В 2 ч. // Печать и слово Санкт-Петербурга: Сб. науч. трудов / Сост. и науч. ред. Е. М. Табориской. СПб., 2005. Ч. 2. С. 184–186.

⁷ О Козловском и его дружбе с Ахматовой: Кац Б. А., Тименчик Р. Д. Анна Ахматова и музыка: Исследовательские очерки. Л., 1989. С. 68–69, 287. А также: Тименчик Р. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Venok: Studia Stefano Garzonio sexagenario oblata. In Honor of Stefano Garzonio / Ed. G. Capri, L. Fleishman, B. Sulpasso. Vol. 2. Iss. 41. Stanford, 2012. (Berkeley Slavic Specialties). P. 332–335.

⁸ Козловская Г. Л. Шахерезада. Тысяча и одно воспоминание / Сост. Т. Кузнецова, Н. Чудова; предисл. Н. Громовой. М., 2015. До этого воспоминания Козловской об Ахматовой не раз публиковались с разной степенью полноты. Наиболее известная публ.: Козловская Г. Л. «Ман-

галочий дворик...» // Воспоминания об Анне Ахматовой / Сост. В. Я. Виленкин, В. А. Черных; коммент. А. В. Курт и К. М. Поливанова. М., 1991. Начиная с конца 1980-х воспоминания Козловской об Ахматовой не раз записывали на киноленту для передач и документальных фильмов (см. об этом: *Козловская Г. Л.* Шахерзада).

⁹ См. Там же. С. 551–552 и мн. др.

¹⁰ Из письма Козловской Е. Б. Пастернаку и Е. В. Пастернак, 24 января 1980 (Там же. С. 378–379).

¹¹ Даты знакомства – по публ.: Алексей Федорович и Галина Лонгиновна Козловские. Беседа с В. Д. Дувакиным. В беседе принимает участие Людмила Григорьевна Чудова-Дельсон // Анна Ахматова в записях Дувакина / Вступ. статья, сост. и коммент. О. С. Фигурной; подгот. текстов В. Ф. Тейдер, В. Б. Кузнецовой, М. В. Радзишевской. М., 1999. С. 200–202.

¹² *Козловская Г. Л.* Шахерзада. С. 103, 105.

¹³ О стихах, обращенных к Козловским, см.: Там же. С. 108–109, 114–116, 222–223.

¹⁴ Опул.: *Тименчик Р.* Из Именного указателя. С. 334.

¹⁵ *Козловская Г. Л.* Шахерзада. С. 115.

¹⁶ Там же. С. 117–119.

¹⁷ Там же. С. 110–111, 113. К этому можно добавить: «У них общие интересы – музыка, поэзия, воспоминания, самое дорогое из которых – Киев. Алексей Федорович в этом городе родился» (*Курносенков К.* «Час мужества пробил...» // *Звезда Востока.* 1989. № 6. С. 169).

¹⁸ Нотографию см. в изд.: *Кац Б. А., Тименчик Р. Д.* Анна Ахматова и музыка. С. 310–330.

¹⁹ *Козловская Г. Л.* Шахерзада. С. 109–110.

²⁰ Об этом: Там же. С. 155.

²¹ Инскрипт приведен: Там же. С. 153.

²² Перечень ахматовских материалов, хранившихся у Козловских см.: *Козловская Г. Л.* Шахерзада. С. 443–444, текст письма от 15 октября 1965 – С. 154. За возможность ознакомиться с некоторыми из неопубликованных материалов моя глубокая признательность Н. Г. Чудовой, за справки благодарю Т. С. Позднякову и Н. А. Громову.

²³ Там же. С. 115–116.

²⁴ Сайт «ЦентрАзия» [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/person2.php?st=1114181223> и др. источники.

²⁵ И Бог ночует между строк. Вячеслав Всеволодович Иванов в фильме Елены Якович. М., 2019. С. 96.

²⁶ *Курносенков К.* «Час мужества пробил...». С. 170.

²⁷ *Сомова С.* «Мне дали имя – Анна». Анна Ахматова в Ташкенте // Москва. 1984. № 3. С. 192.

²⁸ Цит. по: *Черных В. А.* Указ. соч. С. 436.

²⁹ *Мандельштам Н.* Об Ахматовой / Сост. и вступ. статья П. Нерлера; подгот. текста П. Нерлера и С. Василенко при участии Н. Крайневой; коммент. П. Нерлера при участии Н. Крайневой. М., 2007. С. 430–431. Об учебе Н. Я. Мандельштам в Ташкенте, в Среднеазиатском университете, и о работе там же см.: *Нерлер П.* Свидетельница поэзии: Очерк жизни и творчества Надежды Яковлевны Мандельштам // Мандельштам Н. Собр. соч. В 2 т. / Подгот. С. В. Василенко, П. М. Нерлера, Ю. Л. Фрейдина. Т. 1. Екатеринбург, 2014. С. 26.

³⁰ Об одной из просьб говорят, например, строки из письма Ахматовой к И. Н. Пуниной, после блокадной зимы оказавшейся с родителями и маленькой дочкой в Самарканде: «5 авг. 43. / Дорогая Ирочка, / твою открытку с меркой ножки Анички я получила. Вероятно, завтра передам ее Софии Аркадьевне Журавской (которую Н. Н. <Пунин> видел у меня) и с первой же оказией пошлю тебе все, что дадут для девочки» (Из семейной переписки А. А. Ахматовой / Публ., вступ. заметка и примеч. Л. А. Зыкова // *Звезда.* 1996. № 6. С. 133).

³¹ Анна Ивановна – Ломакина, о ней далее.

³² Цит по: *Курносенков К.* «Час мужества пробил...». С. 171. В публикации Курносенкова воспроизведен также текст записки и телеграммы Ахматовой к Журавской.

³³ *Мандельштам Н.* Об Ахматовой. С. 235.

³⁴ *Маркевич А.* Клуб-музей «Мангалочий дворик Анны Ахматовой»: История от рождения и доныне // Блог Альбины Маркевич. [Электронный ресурс. URL:] http://albina-markevich.blogspot.com/2015/03/blog-post_3.html См. также: *Данилов С.* «Мангалочий дворик» Ахматовой // Независимая газета. 2000. 23 июня. Сайт газеты. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/culture/2000-06-23/7_ahmatova.html

³⁵ Сайт «ЦентрАзия» [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/person2.php?stf=1114181223>

³⁶ *Пуриц Е.* Воспоминания // Семь искусств. 2017. № 10 (91). [Электронный ресурс]. URL: <http://7i.7iskusstv.com/2017-nomer10-puriz/> О ташкентском знакомстве специалиста по немецкой литературе и немецкому языку Елены Феликсовны Пуриц (1910–1997) с Ахматовой: *Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой. В 3 т. / Подгот. Е. Ц. Чуковской, Ж. О. Хавкиной, Е. Б. Ефимова. М., 1997. Т. 1. С. 482–483.

³⁷ Там же. С. 481.

³⁸ *Волынец А. Н.* Жданов. М., 2013. С. 139.

³⁹ *Чуковская Л. К.* Указ. соч. С. 446–448.

⁴⁰ Там же. С. 451, 454.

⁴¹ *Сухомлинова А.* Анна Андреевна Ахматова // Сухомлинова А. Дорогие сердцу имена / Предисл. Н. Крайневой, заключит. ст. М. В. Бокариус. СПб., 2011. С. 9.

⁴² *Эфрон Г. С.* Дневники. В 2 т. Т. 2. / Подг. Е. Б. Коркиной, В. К. Лосской. М., 2004. С. 292.

⁴³ *Чуковская Л. К.* Указ. соч. С. 481–482.

⁴⁴ Там же. С. 510–513, 515. См. также: *Черных В. А.* Указ. соч. С. 426–427.

⁴⁵ *Пуриц Е.* Воспоминания.

⁴⁶ Статья «Известия» в энциклопедии «Всемирная история». Сайт энциклопедии. [Электронный ресурс]. URL: <https://w.histrf.ru/articles/article/show/izvestiia>

⁴⁷ *Черных В. А.* Указ. соч. С. 432.

⁴⁸ Дочь Браганцевой – пианистка и педагог Ия Сергеевна Царевич (1928–2010).

⁴⁹ *Чуковская Л. К.* Указ. соч. С. 444.

⁵⁰ *Ольшанская Е. М.* Пристало ей простое имя – Анна // Ольшанская Е. М. Поэзии родные имена. Киев, 1995. Гл. «По следам “Ташкентского альбома”». Цит. по электронной версии: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/vospominaniya/olshanskaya-pristalo-ej-prostoe-imyana-anna.htm>

⁵¹ Там же.

⁵² *Чуковская Л. К.* Указ. соч. С. 446, 467.

⁵³ Браганцев Борис Михайлович – возможно, театральный и цирковой режиссер и педагог.

⁵⁴ Так! Возможно, в телеграмме опечатка: «договорю» вместо «договоры» или «договоруюсь».

⁵⁵ Ряд ахматовских материалов из архива Браганцевой, включая указанные телеграммы, воспроизведен в изд.: Анна Ахматова. Материалы из собрания Гос. лит. музея: Альбом-каталог / Авт.-сост. О. Л. Залиева. М., 2016. Телеграммы – на с. 181 альбома-каталога, а также в изд.: *Ахматова А. А.* Собр. соч. В 6 т. Т. 3 / Сост., подгот. текста, коммент., статья С. А. Коваленко. М., 1998. С. 567. Благодарю Ольгу Львовну Залиеву за ответ на мои вопросы.

⁵⁶ Анна Ахматова. Материалы из собрания Гос. лит. музея. С. 167.

⁵⁷ Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / Сост. и подгот. текста К. Н. Суворовой; вступ. статья Э. Г. Герштейн; науч. консульт., введ. заметки, указатели В. А. Черных. М; Torino, 1996.

⁵⁸ *Нерлер П.* Очерк жизни и творчества Надежды Яковлевны Мандельштам. С. 25–26.

⁵⁹ *Черных В. А.* Указ. соч. С. 432–434.

⁶⁰ *Кузин Б. С.* Воспоминания. Произведения. Переписка; *Мандельштам Н. Я.* 192 письма к Б. С. Кузину / Предисл., подгот. текстов, примеч. и коммент. Н. И. Крайневой и Е. А. Пере-

жогиной; предисл. к разделу «Переписка» и заметки к биогр. Б. С. Кузина, М. А. Давыдова. СПб., 1999. С. 710.

⁶¹ *Нерлер П.* Очерк жизни и творчества Надежды Яковлевны Мандельштам. С. 26.

⁶² О. А. Лекманов относит знакомство Надежды Яковлевны с Ахматовой к концу мая 1923. (*Лекманов О.* Жизнь Осипа Мандельштама. Документальное повествование. СПб., 2003. С. 107), В. А. Черных – предположительно к ноябрю 1923-го (*Черных В. А.* Указ. соч. С. 218); А. Г. Мец – к лету 1924, ориентируясь на ахматовские «Листки из дневника»: «Летом 1924 года О. М. привел ко мне (Фонтанка, 2) свою молодую жену» (*Мандельштам О. Э.* Полн. собр. соч. и писем. В 3 т. Доп. том: Летопись жизни и творчества / Сост. А. Г. Мец при участии С. В. Василенко и др. М., 2014. С. 265); П. М. Нерлер дает два варианта: лето 1924, Фонтанка, 2 (*Мандельштам Н.* Об Ахматовой. С. 24) и 1924, Царское Село (*Нерлер П.* Очерк жизни и творчества Надежды Яковлевны Мандельштам. С. 20).

⁶³ См.: «В этой жизни меня удержала только вера в вас и в Осю...». Письма Н. Я. Мандельштам А. А. Ахматовой / Публ., вступ. заметка, подгот. текстов и коммент. Н. И. Крайневой // Литературное обозрение. 1991. № 1. С. 97–105. Письма Ахматовой к Мандельштам: *Ахматова А.* Соч. В 3 т. Т. 3 / Общ. ред. Г. П. Струве, Н. А. Струве, Б. А. Филиппова. Paris, 1983. С. 339–341; *Ахматова А. А.* Соч. В 2 т. Т. 2. С. 226–228; Ануш (Переписка с А. А. Ахматовой) / *Мандельштам Н.* Об Ахматовой. С. 215–253. В публикации писем Ахматовой телеграмма от начала января 1946 не вошла.

⁶⁴ *Мандельштам Н.* Об Ахматовой. С. 25.

⁶⁵ Из письма от 28 мая 1944 (*Кузин Б. С.* Воспоминания. Произведения. Переписка; *Мандельштам Н. Я.* 192 письма к Б. С. Кузину. С. 731).

⁶⁶ Цит. по: *Мандельштам Н.* Вторая книга. М., 1999. С. 697.

⁶⁷ См.: письма Ахматовой к Ольшевской (*Ахматова А. А.* Соч. В 2 т. / Сост. и подгот. М. М. Кралина. Т. 2. М., 1996. С. 221–226); *Герштейн Э. Г.* Беседы с Н. А. Ольшевской-Ардовой // Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 258–276; *Ардов М., Ардов Б., Баталов А.* Легендарная Ордынка. Сб. воспоминаний. СПб., 1995 и др.

⁶⁸ Сведения даны: *Черных В. А.* Указ. соч. С. 474.

⁶⁹ *Зеленая Р.* Разрозненные страницы. М., 1987. Цит. по интернет-версии: [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.ru/books?id=KF0mDAAAQBAJ&pg=PT98&lpg=PT98&dq#v=onepage&q&f=false>

⁷⁰ Там же.

⁷¹ *Чуковская Л. К.* Указ. соч. С. 362–363.

⁷² Там же. С. 444–445.

⁷³ Там же. С. 405. Запись от 28 февраля 1942.

⁷⁴ *Зеленая Р.* Разрозненные страницы. Ср.: 7 марта 1942 Рине Зеленой «в альбом вписано стихотворение “Но я предупреждаю вас...” с разочтением противу окончательного: “Ни гиацинтом, ни звездой...”» (*Тименчик Р.* Последний поэт. Анна Ахматова в 1960-е годы. В 2 т. Т. 2. М., Иерусалим; 2015. С. 602).

⁷⁵ Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 702.

⁷⁶ *Тименчик Р.* Последний поэт. Анна Ахматова в 1960-е годы. Т. 1. С. 476–477; Т. 2. С. 602.

⁷⁷ Записные книжки Анны Ахматовой. С. 695.

⁷⁸ *Тименчик Р.* Последний поэт. Анна Ахматова в 1960-е годы. Т. 2. С. 602.

⁷⁹ РГАЛИ, ф. 13, оп. 1, ед. хр. 125. Фрагмент телеграммы цит. в: *Черных В. А.* Указ. соч. С. 556.

⁸⁰ 19 декабря 1950 Островская записала в дневнике: «Приближается гибель, материальная гибель – но разве это что-нибудь значит?! / Погибала я не раз – и от холода, и от голода, – погибала я многократно. Но какая живучесть!.. / Работает только правый глаз. Наплевать! / Сердце работает плохо! Наплевать! / Легкие работают плохо. Наплевать! / Память сдает. Наплевать. / Но мозг и сердце работают хорошо» (*Островская С. К.* Дневник / Вступ. статья

Т. С. Поздняковой; послесл. П. Ю. Барсковой; подгот. текста и коммент. П. Ю. Барсковой и Т. С. Поздняковой. М., 2013. С. 599).

⁸¹ Из семейной переписки А. А. Ахматовой. С. 139.

⁸² Черных В. А. Указ. соч. С. 453.

⁸³ Островская С. К. Дневник. С. 519–520. Запись от 28 сентября 1944.

⁸⁴ Там же. С. 534–535.

⁸⁵ Там же. С. 569.

⁸⁶ Ср.: «...дело возобновляется в Ленинграде, в 1945 году (она вернулась в город в 1944-м). Но на этот раз – по совершенно абсурдному подозрению: Ахматова – английский шпион» (Калугин О. Дело КГБ на Анну Ахматову // Госбезопасность и литература на опыте России и Германии (СССР и ГДР). М., 1994. С. 75).

⁸⁷ Фрагменты доносов отличавшейся «особой активностью» польки-переводчицы см. в публ.: Калугин О. Дело КГБ на Анну Ахматову. К сожалению, само ахматовское «дело» исследователям недоступно, оно считается уничтоженным. Познакомиться с ним можно лишь по указанному краткому докладу бывшего генерал-майора КГБ О. Д. Калугина.

⁸⁸ Островская С. К. Дневник. С. 573.

⁸⁹ Об этом: Тименчик Р. Последний поэт. Анна Ахматова в 1960-е годы. Т. 2. С. 265.

⁹⁰ Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М., 1998. С. 251.

⁹¹ Тименчик Р. Последний поэт. Анна Ахматова в 1960-е годы. Т. 1. С. 173.

⁹² Кралин М. М. Софья Казимировна Островская – друг или оборотень? // Кралин М. М. Победившее смерть слово: Статьи об А. Ахматовой и воспоминания о ее современниках. Томск, 2000. С. 231.

⁹³ Запись Островской от 1 марта 1950: «В прошлом году – февраль: перевод писем Радищева с Анной Андреевной» (Островская С. К. Дневник. С. 597). Ахматова работала над переводом для изд.: Радищев А. Н. Избр. соч. / Под ред. Г. П. Макогоненко. М.; Л., 1949. Письма были опубл. без указания имени переводчика.

⁹⁴ Любегин А. Пальма Северной Пальмиры // Нева. 1997. № 8. С. 200.

⁹⁵ См. письмо Островской к Ахматовой от 6 декабря 1960 в изд.: Об Анне Ахматовой: стихи, эссе, воспоминания, письма / Сост. М. М. Кралин. Л., 1990. С. 544–545. См. также телеграмму Ахматовой к Островской и Е. М. Берковской от 25 числа (месяц в штампе нрзб.) 1955: благодарность за поздравление (РО РНБ, ф. 1448 (фонд С. К. Островской и С. Н. Драницына), ед. хр. 84, л. 2. Под тем же номером (л. 1) хранится письмо, ошибочно атрибутированное в архиве как письмо Ахматовой к Островской, написанное, по-видимому, А. М. Оранжиревой.

⁹⁶ Ахматова: дневник сексота. Глеб Морев и Михаил Мейлах // Colta.ru [Электронный ресурс]. URL: https://www.nlobooks.ru/books/rossiya_v_memuarakh/19742/review/9472/

⁹⁷ Из устной беседы с М. В. Бокарнус.

⁹⁸ Кралин М. М. Софья Казимировна Островская – друг или оборотень? С. 230.

М. Саббатини

Пиза (Италия)

**Анна Ахматова и Джанкарло Вигорелли.
О предыстории итальянской поездки
1964 года**

В начале 1960-х годов Ахматова была последним символом русского модернизма и переживала свой новый творческий взлет. В 1961 году в серии «Библиотека советской поэзии» вышел сборник ее стихотворений, готовился к публикации сборник «Бег времени», а в самиздате и тамиздате распространялись «Реквием» и «Поэма без Героя». Именно в этот период Ахматова получает европейское признание и возможность выехать за границу (что было до этого привилегией только близких к советской идеологии писателей) для вручения (получения) литературной премии в Италии (декабрь 1964 года) и почетного диплома в Оксфорде (июнь 1965 года). За этими событиями стоит деятельность Джанкарло Вигорелли (Giancarlo Vigorelli, 1913–2005), литературного критика и эссеиста, генерального секретаря Европейского Сообщества Писателей (1958–1990), сумевшего выстроить отношения с советской властью, что и способствовало путешествию (выезду) Ахматовой на Запад.

Европейское Сообщество Писателей (Comunità Europea degli Scrittori, COMES, далее – КОМЕС) было основано в Неаполе 18–19 октября 1958 года и просуществовало до конца 1960-х годов. Среди его основателей прежде всего следует назвать Джованни Баттиста Анджелиетти (Giovanni Battista Angioletti, 1896–1961), который привлек к этой инициативе выдающегося итальянского поэта Джузеппе Унгаретти (Giuseppe Ungaretti, 1888–1970). В момент, когда европейская цивилизация была подвержена мировым войнам и идеологическим противостояниям, Анджелиетти стремился создать условия для развития и продвижения ценностей гуманизма в европейской культуре. Особое внимание организаторы уделяли отношениям с представителями советского литературного мира, среди которых следует выделить Алексея Суркова,

Первого секретаря Союза советских писателей (далее – ССП) в 1953–1959 годах, и Константина Федина, сменившего его в 1959–1971 годах.

Для развития отношений с советской культурной элитой, КОМЕС предпринял значительные усилия по популяризации русской литературы на Западе. Основным печатным органом Сообщества был двухмесячный журнал «L'Europa letteraria» («Литературная Европа»), основанный Вигорелли в Риме в январе 1960 года (за шесть лет вышло 35 номеров). Журнал стремился отразить на своих страницах современные культурные тенденции двух европейских миров (западного и восточного) в области литературы, искусства и кинематографа. В редакции «L'Europa letteraria» с Вигорелли сотрудничали Доменико Явароне (до номеров 20/21, апрель–май 1963), а в последние два года существования журнала – поэт Давиде Лайоло. Сначала журнал отвечал панъевропейской программе КОМЕС, и Джанкарло Вигорелли публиковал новые произведения как западноевропейских, так и восточноевропейских авторов, но после смерти Анджелини в 1961 году редакция стала обращать внимание на советских писателей.¹ Иными словами, журнал, словно отвечая на возведение Берлинской стены, стремился через культурный диалог преодолеть идеологическое противостояние. Журнал обращался ко многим русским писателям: XIX век и начало XX века были представлены Антоном Чеховым, Велимиром Хлебниковым, Владимиром Маяковским, Ильей Ильфом, Мариной Цветаевой, Борисом Пастернаком и Анной Ахматовой. Из современных советских писателей публиковались Илья Эренбург, Николай Заболоцкий, Константин Паустовский, Михаил Шолохов, Константин Симонов, Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко, Борис Слуцкий, Белла Ахмадулина, Василий Аксенов, Александр Твардовский, Константин Федин, Алексей Сурков и др. Этот широкий список советских авторов свидетельствует о редакционной политике «L'Europa letteraria», которая стремилась представить всю многогранность русско-советской культуры, не проводя границ между официальной и более независимой литературой. На страницах журнала можно встретить *итальянские стихи* Суркова рядом с посвященными Борису Пастернаку стихами Беллы Ахмадулиной; или же прочитать лекции об антиконформизме Ильи Эренбурга, опубликованные вместе с эссе Константина Федина о чеховской модели реализма. После того как в ноябре 1962 года в жур-

нале «Новый мир» был опубликован «Один день Ивана Денисовича», на страницах «L'Europa letteraria» возникла острая полемика, и в защиту Солженицына выступили Александр Твардовский и Витторио Страда. Начиная с 1962 года тенденции журнала КОМЕС уже во многом повторяют «новомирскую» политику Твардовского.

Именно в этом литературном контексте возникает интерес Вигорелли к Ахматовой, что подтверждается ее многочисленными публикациями на страницах «L'Europa letteraria». В № 2, вышедшем в марте 1960 года (С. 112–114), можно прочесть стихи Ахматовой в переводе А. М. Рипеллино²: «Ты выдумал меня. Такой на свете нет...» (*Una così non esiste*), «Подумаешь, тоже работа...» (*Tutto dal silenzio notturno*), «Не стражай меня грозной судьбой...» (*Festa e congedo*). В 1961 году по-итальянски была опубликована статья Суркова «Анна Ахматова» (№ 12. С. 114–119), в которой он оправдывал поэзию Ахматовой в духе социалистического реализма. Несмотря на то, что в сборнике по цензурным причинам были опубликованы далеко не все произведения Ахматовой, статья Суркова (от которой Ахматова была совсем не в восторге) представляла собой необходимое с политической точки зрения послесловие к сборнику, вышедшему в феврале 1961 года в серии «Библиотека советской поэзии». Благодаря Вигорелли значимые и ранее неизданные произведения Ахматовой были опубликованы в «L'Europa letteraria» в течение двух последних лет жизни журнала: в № 19 (апрель 1963) – стихотворение «Последняя роза» (*L'ultima rosa*); в № 27 (март 1964), «впервые в мире», – воспоминания «Мои встречи с Модильяни» (*I miei incontri con Modigliani*) в переводе А. М. Рипеллино; в № 33 (февраль 1965) – «Полночные стихи» (*Versi di mezzanotte*) в переводе Карло Риччо. В том же № 33 выходят стихи Ингеборг Бахман и Пьера Паоло Пазолини, приуроченные к вручению Ахматовой на Сицилии премии «Этна-Таормина» («Приветствие поэту» (*Saluto ad Anna Achmatova, Premio Taormina*), 1964).

Именно эта международная литературная премия стала кульминацией в отношениях между КОМЕС и советским литературным миром. Как известно, Ахматова, десятилетиями существовавшая под бременем лишений, гонений и запретов, была «невъездной». Чтобы понять, каким образом Вигорелли удалось организовать поездку Ахматовой в Италию, необходимо рассмотреть взаимоотно-

шения КОМЕС и советского литературного истеблишмента в начале 1960-х годов.

В марте 1962 года флорентийский международный конгресс КОМЕС насчитывал около 400 участников-писателей, которых объединяла тема взаимосвязи литературы и средств массовой информации (радиовещание, кинематограф, телевидение). Именно во Флоренции (после смерти первого президента Анджолетти) совет директоров КОМЕС назначил новым почетным президентом Джузеппе Унгаретти, а его заместителями – Мыколу Бажана (1904–1983) и исландца Хальдоура Кильяна Лакснесс (1902–1998). Как бы там ни было, но фактически во главе Сообщества оказался генеральный секретарь Вигорелли.

После успешного конгресса во Флоренции Вигорелли планировал совместно с ССП провести первые мероприятия Сообщества за «железным занавесом» – празднование 75-летия Унгаретти и конференцию на тему романа (излюбленного жанра Унгаретти), которые должны были состояться в Советском Союзе. Итак, весной 1963 года в Ленинграде отмечался 75-летний юбилей Унгаретти, который был отражен в № 20/21 (апрель 1963) «L'Europa letteraria», где появилась статья М. Бажана и Г. Брейтбурда «Celebrati in Urss i 75 anni di Ungaretti» (С. 199–200). С 5 по 8 августа 1963 года в Ленинграде также состоялся круглый стол, посвященный жанру романа, в котором приняли участие 42 советских и западноевропейских писателя. Несмотря на незначительное количество участников по сравнению с флорентийском конгрессом, подобная инициатива в первый раз проводилась по ту сторону «железного занавеса» и имела немалый резонанс.³

Сразу после ленинградского круглого стола, 13 августа 1963 года делегация ССП (в составе Твардовского, Федина, Суркова и Шолохова) и делегация КОМЕС (во главе с Вигорелли и Унгаретти) были приняты Никитой Хрущевым на его госдаче в Пицунде, на побережье Черного моря. Несмотря на дружественный характер встречи и желание сгладить определенные полемические нотки в вопросах литературы, Первый секретарь ЦК КПСС начал свою вступительную речь с упоминания о переданной ему информации о том, что на круглом столе в Ленинграде присутствовали якобы не европейские писатели-коммунисты, а представители «буржуазных» литературных

кругов. В ответ Вигорелли поспешил процитировать пункт из устава КОМЕС, в котором утверждалось, что организация принимает в свои ряды коммунистов и отказывается принимать писателей антикоммунистических взглядов, которые приравнялись к последователям фашизма. После этих разъяснений атмосфера разрядилась и присутствующие сосредоточились на «деле Твардовского», что было выгодно и самому Хрущеву, который хотел заручиться поддержкой КОМЕС в этом вопросе. Именно на этой встрече Хрущев официально дал свое добро на публикацию «крамольной» поэмы Твардовского «Теркин на том свете», которая выйдет в свет спустя несколько дней в «Известиях» (17–18 августа). Похоже, что именно в этот момент Унгаретти и Вигорелли окончательно осознали всю сложность взаимоотношений между ССП и КПСС и поняли, что эти взаимоотношения могут негативно повлиять на дальнейшую судьбу КОМЕС.

Находясь в поисках дипломатического компромисса, Вигорелли увидел в фигуре Ахматовой такого представителя русского литературного мира – известного, но далекого от вопросов идеологического плана и игнорирующего подводные течения ССП, – который мог бы выступить в роли культурного моста между западноевропейскими и советскими коллегами. Очевидно, что для Вигорелли эта идея не была новой. О присуждении Ахматовой премии «Этна-Таормина» в кругах КОМЕС шла речь еще в июне и в начале августа 1963 года (то есть до вышеописанной встречи с Хрущевым), когда Вигорелли в сопровождении Суркова и Брейтбурда посетил Ахматову в Комарово, чтобы лично пригласить ее в Италию.⁴ Ахматову в тот момент беспокоила негативная рецензия Книпович на сборник «Бег времени», который должен был выйти в издательстве «Советский писатель» (книга выйдет только в 1965 году⁵); во время встречи она не переставала жаловаться на это Суркову. Ирина Пунина в своих воспоминаниях отмечает: «С тех пор, как Вигорелли сам встретился с Ахматовой, властям было уже труднее утверждать, что она больна или отказывается от поездки».⁶

В последний раз Ахматова была в Европе и в Италии в далеком 1912 году. В советское время ей не выдавали загранпаспорт, из-за чего она вынуждена была отказаться от поездок за границу. Часто она слишком поздно узнавала – или не узнавала совсем – о приглашениях со стороны престижных международных организаций. Не-

смотря на то, что «реабилитированная» Ахматова официально больше не представляла собой эстетической и идеологической угрозы, Вигорелли хорошо знал об обструкционизме со стороны советской власти в ее отношении, и ему пришлось использовать всю свою предприимчивость и дипломатичность, чтобы поездка в Италию состоялась.

Здесь стоит напомнить о том, что в ноябре 1962 года Хрущев уже позволил Твардовскому не считаться с известным «Постановлением о журналах “Звезда” и “Ленинград”». ⁷ Международная известность Ахматовой уже не позволяла верхушке литературной номенклатуры принимать ограничивающие ее меры. Советская власть поняла, что может извлечь пользу из визита Ахматовой на Запад, поскольку это положительно влияло на международные отношения. Кроме того, у секретаря ССП Федина не было причин препятствовать растущей популярности Ахматовой – ведь он сам был ее давним знакомым и поклонником ее творчества. Сурков также считал, что уже пожилая Ахматова вполне заслуживает международного признания.

Учитывая эту предрасположенность к Ахматовой руководства ССП в лице Суркова и Федина, Вигорелли целенаправленно готовился к ее торжественному приему в Италии, что подняло бы престиж КОМЕС в глазах всего мира. Переговоры продолжались до конца следующей зимы. 10 марта 1964 года Ахматова получила от Вигорелли приглашение в Италию, куда должна была прибыть к 30-му мая. Однако даты поездки все еще оставались туманными, и Вигорелли вновь обратился к Суркову с просьбой посодействовать Ахматовой в получении загранпаспорта и в организации ее отъезда в Италию в декабре, чтобы она имела возможность присутствовать на вручении премии «Этна-Таормина». 24 мая 1964 года Вигорелли встретился с Ахматовой в Москве: во время встречи она в знак благодарности за усилия и за приглашение в Италию подарила ему пишущую (печатную) машинку. ⁸ На следующий день, 25 мая, Сурков направил в ЦК КПСС просьбу одобрить выезд Ахматовой для получения премии размером в один миллион итальянских лир. Он заверил членов комитета, что в составе жюри КОМЕС будут литераторы прогрессивных взглядов, как это уже было в прошлом с Умберто Саба и Сальваторе Квазимодо (точнее, он говорил о присутствии в жюри одного коммуниста). Сурков подчёркивал несомненные заслуги Ахматовой

в области литературы, а также её «правильное» поведение в присутствии иностранных журналистов – ведь во время пресс-конференций она никогда не упоминала о пережитых при советской власти невзгодах. Против визита Ахматовой в Италию выступил посол СССР в Италии Семен Козырев, который считал тенденциозным вручение премии автору, в прошлом часто критиковавшемуся в СССР, однако это не повлияло на решение ЦК КПСС от 11 июня 1964 года: Леонид Ильичев, Михаил Суслов и Леонид Брежнев дали согласие на поездку Ахматовой в Италию.⁹ Поэту было разрешено присутствовать в Таормине в составе делегации советских писателей в рамках предусмотренных инициатив КОМЕС (на тот момент уже более 150 советских писателей были членами Сообщества).

После того, как Ахматова получила официальное уведомление о присуждении ей международной премии «Этна–Таормина», которую она должна была получить вместе с итальянским поэтом Марио Луци, Ахматова отправила Вигорелли письмо на итальянском языке (датировано 1964), в котором выразила благодарность за его хлопоты и подчеркнула свое желание посетить Италию, в частности, дом Дж. Леопарди – поэта, чьи произведения она переводила вместе с Анатолием Найманом.

Дорогой Джанкарло, Ваше письмо, уведомляющее меня о том, что мне присуждена премия Таормины, доставило мне живейшую радость. Я не хочу ни блистать остроумием по этому случаю, ни прикрываться ложной скромностью, но это известие, пришедшее ко мне из страны, которую я нежно любила всю жизнь, пролило луч света на мою работу. Прошу Вас, дорогой Джанкарло, передать мою благодарность друзьям, остановившим свой выбор на мне, и помнить, что мне было особенно приятно получить это известие именно от Вас. В последнее время мои мысли обращались к Италии, поскольку я задумала перевести на русский язык в полном объеме стихи Леопарди, и у меня большое желание побывать снова у Вас на родине, чтобы погрузиться в стихию итальянского языка и увидеть дом, в котором жил и творил великий поэт.

Анна Ахматова.¹⁰

После получения загранпаспорта Ахматова признала, что, несмотря на все противоречия, политика Хрущева дала писателям значительно больше возможностей для самовыражения. Так совпа-

ло, что когда делегация ССП готовила документы и визы в Италию, Хрущев вынужден был сложить свои полномочия (14–15 октября 1964). Но смена власти в пользу Брежнева не повлияла на поездку Ахматовой (так как Брежнев сам подписал в июне ее разрешение на выезд). Именно в этот период Ахматова выразила Хрущеву свою поддержку и воспринимала негативные последствия «переворота» в мистическом ключе, ссылаясь на отмечаемый 15 октября 1964 года 150-летний юбилей Лермонтова.¹¹

В первых числах ноября Анну Андреевну посетила Надежда Мандельштам. В письме к Наталье Штемпель от 7 ноября 1964 года она сообщала последние новости о международном признании Ахматовой: о поезде в Италию и о телеграмме из Оксфорда.¹² Новость о приглашении в Великобританию, как и следовало ожидать, еще более воодушевила отъезжающую в Италию Ахматову.

17 ноября 1964 года Вигорелли направил Ахматовой телеграмму на французском языке: «Je vous attends Rome 4 Decembre pour vous accompagner Taormina pour reception grand prix. Affectueusement. G.Vigorelli Secretaire general COMES».¹³ 1 декабря Ахматова выехала на поезде в Италию. Когда 4 декабря поезд прибыл в Рим, поэта встречала целая делегация журналистов и литераторов, во главе которой был Вигорелли.¹⁴ Миссия генерального секретаря была выполнена.

¹ В первых номерах издания заключительная часть журнала была посвящена Бюллетеню КОМЕС (Bollettino della Comes).

² Анна Ахматова послала Вигорелли статью о Модильяни в феврале 1964; в те же дни в Ленинграде находился издатель Эйнауди, который 22 февраля встретился с Ахматовой и попросил ее написать автобиографию. См.: Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / Под ред. К. Суворовой, В. Черных. М.; Турин, 1996. С. 438. Как известно, Ахматова не написала автобиографию и предпочла опубликовать у Эйнауди «Поэму без Героя» и «Реквием». См.: Там же. С. 455.

³ Информация о состоявшемся в Ленинграде Круглом столе получила широкий резонанс на страницах советской прессы: *Сурков А.* Ответственность художника // *Правда*. 1963. 18 августа. С. 23; *Форум писателей Европы* // *Литературная газета*. 1963. 6 и 8 августа; *Роман, человек, общество. На встрече писателей Европы в Ленинграде* // *Иностранная литература*. 1963. № 11. С. 204–246. В номерах 22/24 (июль-декабрь 1963) «L'Europa letteraria» были опубликованы репортаж «Tavola rotonda di Leningrado sul romanzo contemporaneo» и некоторые из докладов.

⁴ *Пунина И.* Анна Ахматова в Италии // *La Pietroburgo di Anna Achmatova*, a cura di E. Ballardini, A. Campagna, D. Colombo, O. Obuchova. Bologna, 1996. С. 55. См. того же автора: *На Сицилии* // *Звезда*. 1989. № 6. С. 115–118. См. также: *Воспоминания об Анне Ахматовой*. М., 1991. С. 662–669.

⁵ Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. В 3 т. Т. 3. 1963–1966. М., 2007. С. 65–66.

⁶ Пунина И. Ахматова в Италии. С. 56.

⁷ См.: Черных В. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966. М., 2016. С. 716 («1962. 16 ноября»).

⁸ О подробностях встреч и о беседах между Вигорелли и Ахматовой в присутствии Суркова см.: Найман А. Рассказы о Анне Ахматовой. М., 1989. С. 174–182.

⁹ Тименчик Р. Рим Анны Ахматовой: Horror Mortis (1964) // Toronto Slavic Quarterly. 2007. № 21. [Электронный ресурс]. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/21/timenchik21.shtml>

¹⁰ Ахматова А. Соч. В 2 т. Т. 2. München, 1968. С. 307–308.

¹¹ Найман А. Рассказы о Анне Ахматовой. М., 1989. С. 174.

¹² Мандельштам Н. Об Ахматовой. М., 2008. С. 331.

¹³ РГАЛИ, ф. 631, оп. 26, ед. хр. 6293, л. 63. «Я Вас жду 4 декабря в Риме, чтобы провожать Вас в Таормину на вручение Премии» (Вигорелли) (Цит по: Черных В. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. С. 797 («1964. 17 ноября»)).

¹⁴ Пунина И. Ахматова в Италии. С. 56. См.: Тименчик Р. Анна Ахматова в 1960-е годы. М.; Торонто, 2005. С. 231. О пребывании в Италии можно узнать из Записных книжек Анны Ахматовой (1996). Из воспоминаний и мемуаров стоит упомянуть: Симонов К. Собр. соч. В 10 т. Т. 12. М., 1987. С. 437; Бажан М. Этна-Таормина. Страницы воспоминаний // Дружба народов. 1979. № 8. С. 261–268; Брейтбурд Г. А. Т. Твардовский в Италии // Воспоминания об А. Твардовском / Сост. М. И. Твардовская. М., 1982. С. 434–440; Риччо К. Мемуарные заметки о встречах с Анной Ахматовой // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Крымский ахматовский научный сборник. Вып. 9. Симферополь, 2011. С. 21–25; Riccio C. ААА e PPP // Slavia. 1998. № 1. С. 20–32.

Р. Ти́менчик
Иерусалим (Израиль)

Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой

Предложенная ниже выборка (сорок седьмая по счету¹) извлечена из обширного проекта пространного комментария к «Записным книжкам» Ахматовой в форме поименных обстоятельных справок (часть его совпадает с предполагаемым экстенсивным комментарием к ахматовской эпистолярной). Это – путеводитель по именам реальных лиц, а также литературных и мифологических персонажей. Из-за стремления к фронтальному охвату материала такой проект можно было бы назвать своего рода вольной ахматовской энциклопедией. Однако об энциклопедичности приходится говорить весьма условно, чему есть несколько причин.

Во-первых, исходно комментируемый текст состоит из записей 1958–1966 годов, всего лишь последних девяти лет жизни, отражающих ономастикон злободневных забот и некоторого числа выборочных воспоминаний. Многие имена, ожидаемые в настоящей ахматовской энциклопедии, на страницы ее рабочих тетрадей не проникли. Сейчас не будем обсуждать вопросы первостепенной, пожалуй, важности для ахматовской текстологии – вопрос об ее амнезии и вопрос об ее аграфии. Такое обсуждение должно состояться именно после демонстрации полного развернутого комментария к ее рабочим тетрадям (которые, заметим, иногда служат как раз полигоном для упражнений в преодолении забывчивости и описью безвозвратно утраченных сочинений).

Во-вторых, в персональных писательских энциклопедиях представлены не только словник знакомых и родни писателя или перечень авторов, входивших в его индивидуальный пантеон и вообще в круг его чтения, но и аннотированные справки обо всех его сочинениях, основной литературе о нем, его адресах, отражениях в словесном и других искусствах и т. д.

В-третьих, в такого рода энциклопедиях принятая манера изло-

жения традиционно не предполагает детализированных экскурсов в малоизученные эпизоды биографии титульного персонажа, вообще делая акцент на реферировании уже прошедшей профессиональную апробацию фактографии. Мы же видим как одну из задач тотального комментария – обозначить направления, в которых могут пойти дальнейшие исследования взаимоотношений поэтессы с ее современниками.

В данном случае – при отсутствии полагавшейся бы предварительной системы отсчета в виде научной биографии нашего автора – мы заранее не можем регулировать иерархию значимости каждого факта и подобающую ему степень подробности пояснения. Предварительные, читательские и житейские представления о присущей Ахматовой шкале ценностей и приоритетов внимания опрокидываются при углубленном погружении в череду ее поденных записей, как свидетельствует исследовательница: «Так устроен ахматовский мир, что в нем нет важного и неважного, значительного и проходного: все исполнено тайного смысла, пусть даже скрытого, увидеть который помогает нам Ахматова; в этом мире все имеет непосредственное отношение к поэту...».²

И тем не менее подготовительную стадию к персональной энциклопедии наши заметки до значительной степени представляют.

Из разных вариантов построения комментария к документам повышенной сложности, вольной разносоставности и автокоммуникативной герметичности, к каковому типу относятся записные книжки Ахматовой, здесь предлагается интенсивный именной указатель, где названная интенсивность состоит во введении в словник не только начертанных рукой владелицы книжек имен, но и имен забытых или недовспомненных, извлекаемых из почтовых адресов, неполных библиографических позиций, из описок (см. ниже заметку «Браз О.») или ослышек (см. ниже заметку «Доулэнд Д.»), из имен нарицательных (см. ниже об «аввакумовцах»), из бесхозной цитаты, из местоимения, из сокращения, вплоть до «и др.».

В московско-туринском издании ахматовских рабочих тетрадей³ полная постраничная транскрипция вперемежку совмещала записи «творческие» и «бытовые». Порой эта смежность расписания визитов, записок для памяти, адресов и телефонов с набросками и планами стихов и прозы вводила в генезис ахматовского замысла.

Решение о публикации блокнотов «в подбор» нельзя было не приветствовать, хотя невозможно было не высказать сожаление о том, что издание обошлось без комментариев.⁴ Именной указатель их не мог заменить, ибо он фундируется комментарийными идентификациями. Опасения по поводу возможностей кривотолкования, предоставляемых неоткомментированным текстом, на протяжении прошедшей четверти века подтверждались все больше.⁵ Неверная конъектура имени могла впоследствии быть развернута в исследовательский нарратив, как, например, «Бр<одский> сказал, что Поэма (1-ая главка) напомнила ему “Гробовщика” Пушкина» (ЗК, 245) – вытекающие отсюда рассуждения вошли в специальную монографию,⁶ в то время как правильная конъектура: «Бр<ажнин> сказал, что Поэма (1-ая главка) напомнила ему “Гробовщика” Пушкина» – Илья Яковлевич Бражнин (Пейсин; 1898–1982) – прозаик, поэт, сосед Ахматовой по комаровской даче.

Счастливым решением печатать все блокноты подряд целиком (но, увы, без разметок записей по времени внесения) имеет и обратную сторону – неизбежную читательскую контекстуализацию,⁷ установление семантической связи отдельной записи, которая порой есть просто «записи на первом попавшемся листке»,⁸ т. е. на первом попавшемся свободном месте в блокноте. Ошибочная презумпция связности графического массива может привести читателя к недоумению, например: «В последней больнице, в 1965 году, дописывая и дополняя свои воспоминания о М. Л. Лозинском, она почему-то, как будто даже не к месту, припоминает стихи, ничего общего не имеющие с предыдущим текстом».⁹

При составлении справки о каждом единожды появившемся на страницах блокнотов имени сам факт этого появления часто ставит перед комментатором вопрос – «почему здесь» или «что вдруг».

Возьмем, например, имя В. Д. Елагина (см. ниже). Можно высказать предположение о причине появления этого имени в связи с тоже скорее неожиданным названием журнала «Юный натуралист». По разысканиям архивиста Г. Г. Суперфина, помянутая в этой записи Людмила Михайловна Терехова служила в этом журнале с 1956 года по конец 1970-х заведующей отдела писем и массовой работы, а редактором одно время был В. Д. Елагин. Интерес к отделу писем журнала мог быть связан с заботой о юном знакомце Ахматовой, внуча-

том племяннике Х. В. Горенко (см. ниже) Анатолии Владимировиче Баннике (р. 1957), кому была надписана фотография: «Милому Толе, чтобы он вспомнил свою жизнь под соснами в Комарове» (ЗК, 164), и передан привет в телеграмме к Х. В. Горенко: «Поцелуйте от меня Толю» (ЗК, 423), и подарена 15 июля 1961 года книга Н. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»: «Милому Толе на добрую память» (частное собрание).

См. записи о нем Н. Л. Готхарта от 24 июля 1963 года: «Кроме детского обаяния и смышленности, у Толи и художественные данные. Из пластилина он лепит различных животных – слонов, змей, птиц, львов (анималистский уклон не случаен: Толя любит животных, у него есть аквариум и он упоенно читает о животных книги). Поражает, как много и быстро он лепит. Если, например, возникает стадо слонов, то каждый слон по-своему необычен. Мне кажется, что А.А. привязалась к Толе. Она называет его “чудо-мальчик”.

– Толя, – смеется А. А., – мне говорит, как ему повезло! Я плохо слышу, а он не любит тихо говорить».¹⁰

С натуралистическими интересами Толи Банника был связан эпизод, изложенный мемуаристом: «Когда мужа Пуниной укусила оса, и он возмущенно и многословно обрушился на соседского мальчика, интересовавшегося насекомыми, за то, что тот “свил осам гнездо в жилом доме”, она невозмутимо возразила: “Им никто ничего не вил, они сами вьют, где хотят”».¹¹

Итак, по нашему предположению, с возможным обращением Толи Банника к экспертам по зоологии, рыбоводству и энтомологии связана эта запись, сделанная посетителем.

Кстати, списки посетителей, и даже телефонный реестр, являются индексами возможных раздражителей, в диалог с которыми вступают ахматовские записи. Справка о посетителе, о его возможной партии в этом диалоге может помочь в реконструкции вопросов к Ахматовой, ответами на которые становились ее заметки (так, насколько могу судить, заданный мною в июле 1965 года вопрос о Василии Комаровском вызвал сравнительно пространственный письменный рассказ об этом поэте). Ведь каждый ее собеседник привносил с собой свое облачко имен – как вспоминал А. Найман, например, о Л. Д. Большинцовой и М. С. Петровых: «На Короленко в разговоре между гостьей и хозяйкой был определенный уклон к упоминанию

имен Кеннеди, Мендес-Франса, сэра Исаяи Берлина, баронессы Будберг, “акулы капитализма” Гринберга... На Беговой – Суркова, Маршака, Гудзия, Фурцевой, убийцы из “Мосгаза” Ионисяна...». ¹² Семь имен из этого списка фигурируют в записных книжках, но одно, как оговорено выше, не занесено – одинокая запись «буря в мире» (ЗК, 405) относится к сообщенной заграничными радиостанциями реакции на убийство президента Д. Ф. Кеннеди. И в этой связи хочется напомнить, что вообще задача публикатора – отправляя тексты ушедших писателей в будущее, снабжать их семантическими припасами для их существования в последующих читательских аудиториях, помня, что «дух времени» есть субстанция улетающая, аллюзии и намеки падут в пустоту. Записи, сделанные в 1960-е годы, подразумевали дух этих времен, потому и надо будущим читателям помочь в восстановлении естественных для современника умолчаний.

Аввакум Петрович протопоп (1620/1621–1681/1682) – мученик за веру и писатель. «[П]уть [его<Данте>] тень с орлиным профилем указывает путь нашим юным поэтам (аввакумовцам)» (ЗК, 679) – см. объяснение прозвища и персональный состав (Д. Бобышев, И. Бродский, А. Найман, Е. Рейн): «Ахматова однажды назвала нас “аввакумовцами” – за нежелание идти ни на какие уступки ради возможности опубликовать стихи и получить признание Союза писателей. Напечататься мы в самом деле хотели, но, во-первых, не во что бы то ни стало, а во-вторых, кроме чуть не ежедневного чтения стихов друг другу, мы получали частые приглашения «почитать стихи» в чей-то дом, во Дворец культуры, в разнообразные лито (литературные объединения), на вечера поэзии» (Найман А. Указ. соч. С. 73).

Авдеенко Александр Александрович (1937–2011) – журналист, балетный критик, сын писателя Александра Остаповича Авдеенко (1908–1996), который обозначен вместо него в именном указателе цитируемого издания, откуда перекочевал в именной указатель собрания сочинений (См.: *Ахматова А.* Собр. соч. В 6 т. Т. 6. М., 2002. С. 601). Запись 13 марта 1962 года: «Переслали интервью, которое брал у меня Саша Авдеенко (А<гентство> [П<ечати> Н<овости>]). Не имею мужества перечитать, наверно, очень плохо, но разве в

этом дело» (ЗК, 151) – интервью агентству печати «Новости», учрежденному в феврале 1961 года, опубликовано в бюллетене «Вестник АПН. Культура и искусство» (1962. № 8. 28 февраля; «Мир поэзии. В гостях у Анны Ахматовой») (ЗК, 215, 238), в «Вечерней Москве» (1962. 2 марта) (ЗК, 215), в ряде периферийных газет и в некоторых странах народной демократии (ЗК, 224); воспроизведено частично: *Ахматова А.* Собр. соч. в 6 т. Т. 5. М., 2001. С. 269–271. Из не вошедших фрагментов:

«Я сидел у низкого круглого столика в одной из комнат Дома творчества ленинградских писателей “Комарово” и все не мог никак начать свое интервью с поэтессой Анной Ахматовой. Вопросы были, конечно, заранее записаны в блокноте, но, поверьте, трудно не испытывать чувство некоторой робости, разговаривая с таким тонким знатоком поэзии и литературы, музыки и живописи, архитектуры и истории.

– Ну, что же вы ждете? – улыбнулась Анна Андреевна. – Читайте, не стесняйтесь.

– Что читать? – спросил я, не совсем поняв смысла фразы.

– Разве вы не будете читать стихи? – удивилась поэтесса. – Я так привыкла, что молодые люди пишут стихи. Ко мне часто приходит молодежь со своими первыми опытами.

Я сказал о цели своего прихода и тут же задал вопрос, которым совсем не собирался открывать интервью.

– Кто вам нравится из молодых поэтов? <...>

Мне хотелось задать еще несколько вопросов, но я и так отнял у Анны Ахматовой довольно много времени. Пока я в прихожей надевал пальто, поэтесса с рукописью подошла к письменному столу. И уходя, я видел, как Анна Ахматова делала на ней какие-то пометки».

Об этом интервью Ахматова сказала: «[О]чень почтительное (“на коленях”）」 (*Будыко М. И.* Загадки истории: Сборник эссе. СПб., 1995. С. 364).

Текст был разослан по многим газетам, и в некоторых из них были воспроизведены фрагменты, опущенные в московском издании, например:

«– Вначале самым любимым искусством была архитектура. Последние двадцать лет я все больше и больше люблю музыку. Она мне очень нужна. Просто необходима. Моцарт, Бах – все это хлеб насущ-

ный. Люблю Стравинского – “Петрушку”, “Жар-птицу”... Шостаковича – ну он – чудо мира, – улыбнулась Ахматова. – Говорят, нельзя одновременно любить Стравинского и Шостаковича. Что ж, те, кто так говорят, пускай терпят. Огромный талант – Сергей Прокофьев. Между прочим, он писал когда-то музыку и на мои стихи...» (*Авдеевко А. Мир поэзии // Кокчетавская правда. 1962. 5 марта*).

Ср. воспоминания интервьюера, написанные, как видно, без перечитывания интервью: «В 62-м году, зимой, по протекции семейства Ардовых меня приняла в Комарове Анна Андреевна Ахматова. Я тогда работал в Агентстве печати Новости, отличавшемся своей либеральностью, поскольку материалы его были предназначены в первую очередь для зарубежных стран, на которые надо было произвести впечатление. Невероятно, но это было первое интервью Ахматовой за долгие годы. В пору неотмененных ждановских постановлений по литературе никто не рисковал обращаться к ней с вопросами. (Впрочем, и сам жанр интервью АПН тогда только входил в моду). <...> Сказать честно, знал я тогда поэзию Ахматовой мало, и потому вопросы мои не выходили за круг привычной журналистской традиционности. Но она отвечала очень серьезно, и даже потом, спустя годы, прочитал ее дневниковую запись, где она отметила факт нашей встречи и объясняла, почему “так темно” ответила на один вопрос – не хотела, чтобы ее план написать об Александре и о пушкинском окружении стал как-то известен “литературной общественности”, а та, по обыкновению, не начала бы чинить препятствия.

Тогда только что прошел по экранам фильм о знаменитом итальянском художнике Амедео Модильяни, которого сыграл кумир нашей юности Жерар Филип. В гослитовской же “лягушке” был напечатан набросок портрета Ахматовой, принадлежавший руке Модильяни.

– Анна Андреевна, – сказал я, – вы ведь были знакомы с Модильяни. Интересно, о чем вы с ним говорили?

– Саша, – ответила она своим чудным, грудным повелительным голосом. Я длю паузу, определяя этот голос, потому что пауза действительно была долгой после произнесения моего имени. – Саша, – ответила она, – ну о чем могут говорить молодые люди, которые сидят на ступеньках каменной лестницы, идет сильный дождь, а они под одним зонтом?

Так ответила мне Ахматова и засмеялась. Надо мной, над собой, над счастливым дождем юности» (*Авдеенко Ал.* Летний дождь на солнечном лугу // Первое сентября. 1994. 2 июля; неточность: в издании 1961 года не было рисунка Модильяни, он появился в сборнике «Бег времени» в 1965 году).

Об А. А. Авдеенко см., например: «Постоянно находившийся в среде людей успеха, Авдеенко никогда не тяготился ревниво ничьей известностью, считал себя (и вел себя) с любой знаменитостью на равных – и отношения со знаменитостью не составляли для него труда, осложненного завистью» (*Нилин А. П.* Станция Переделкино: поверх заборов: роман частной жизни. М., 2015. С. 408).

Азбелева (ур. Арцимович) Вера Викторовна (1856–1929) – начальница царскосельской Мариинской гимназии, впоследствии начальница Александровского института. В заметках к мемуарам Срезневской: «7) Эпизод с Верой Викторовной Азбелевой (Ю. Е. Нольде). 8) Характеристика женской гимназии. Учителя. Кл<ассные> дамы. (Бурса.) 9) Одной из... Шура <А. С. Сверчкова> – ее роль» (ЗК, 14). Ср.: «АА рассказывала о себе – о гимназии, о Викторе Азбелеве <sic!> (сыне начальницы гимназии)» (*Лукницкий П. Н.* Асуміана. Встречи с Анной Ахматовой. Т. I. 1924–1925 гг. Париж, 1991. С. 174). Видимо, это тот же рассказ, который услышала Л. К. Чуковская в 1939 году: «В гимназии, в Царском, был со мной случай, который я запомнила на всю жизнь. Тамошняя начальница меня терпеть не могла – кажется, за то, что я однажды на катке интриговала ее сына. Если она заходила к нам в класс, я уж знала – мне будет выговор: не так сижу или платье не так застегнуто. Мне это было неприятно, а впрочем, я не думала об этом много, “мы ленивы и нелюбопытны“. И вот настало расставание: начальница покидала гимназию, ее куда-то переводили. Прощальный вечер, цветы, речи, слезы. И я была. Вечер кончился, и я уже бежала вниз по лестнице. Вдруг меня окликнули. Я поднялась, вижу – это начальница меня зовет. Я не сомневалась, что опять получу выговор. И вдруг она говорит:

– Прости меня, Горенко, я всегда была к тебе несправедлива» (*Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 1. 1938–1941. М., 1997. С. 37). Виктор Николаевич Азбелев (1881–1963) – бактериолог,

доктор медицины, профессор. Упомянутая рядом (и не отраженная в именном указателе) преподавательница французского языка в той же гимназии Юлия Евгеньевна Нольде предстает перед нами в записанном Е. М. Головчинером рассказе царскоселки 1909 года рождения П. Т. Ершовой: «Носила очень элегантное платье, плотно облегавшее ее красивую фигуру. Обязательно был высокий стоячий воротничок (как у Марии Стюарт) и жабо. На шее была брошь скарабея. Это названный жук, который в древнем Египте считался священным. <...> У Юлии Евгеньевны эта “скарабея” в золотой оправе была особенной. По преданию она была чуть ли не из египетских пирамид. Юлия Евгеньевна производила впечатление воспитательницы института благородных девиц, любила рассказывать, что танцевала с самим царем-освободителем (Александром II). По свидетельству Александры Семеновны <Волгиной.–Р. Т.>, она была содержательным и интересным человеком, много путешествовала, много видела» (Евгений Маркович Головчинер. Истоки Пушкинского краеведения / Сост. А. Г. Груздева, А. В. Косарева. СПб., 2005. С. 134–135). Жила она на Малой улице угол Леонтьевской в доме Костина, человека из местной торговой династии, упоминаемой Ахматовой: «Купцы (Малышевы, Баракovy, Костины, Митрофановы)» (ЗК, 134).

Акимова Софья Владимировна (1887–1972), певица, жена И. В. Ершова (ЗК, 746; см. о нем: Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский науч. сб. Вып. 12. Симферополь, 2014. С. 131; «Кто жил в Царском», ЗК, 133, ср.: ЗК, 134).

Исполняла песни из «Четок» Артура Лурье (например, в петроградском Зале Хоровой академии 19 мая 1920 года. Участвовала в вечере поэзии Ахматовой и М. Кузмина в Белом Зале Дома Ученых (Миллионная, 27) 26 июля 1922 года (наряду с А. С. Лурье, Н. М. Стрельниковым и др. (Жизнь искусства. 1922. 25 июля). Ср. отзыв В. П. Белкина о ней: «13 июля [1922] был концерт в Доме искусств из произведений композитора Артура Сергеевича Лурье. Характер музыки изобличает в авторе импрессиониста. Очень понравились аудитории романсы и песни на античные темы в исполнении Акимовой». (Русский Берлин 1921–1923: По материалам архива Б. Н. Николаевского в Гуверовском архиве / Под ред. Л. Флейшмана, Р. Хьюза, О. Раевской-Хьюз. Paris, 1983. С. 273).

Андреев Николай Ефремович (1908–1982) – историк, литературный критик, профессор Кембриджского университета. В 1920–1930-е годы жил в Эстонии, в Праге. Упомянуты его доклады об Ахматовой (ЗК, 69, 116). Предположительный список иностранных адресатов отсылки «Бега времени» в октябре 1965 года. (ЗК, 96).

Эпизод из его биографии – заключение в советской тюрьме в 1946 году Ахматова рассказывала 16 августа 1963 года: «Не помню, в связи с чем, Анна Андреевна рассказывает о некоем профессоре-слависте Андрееве, который после революции оказался за границей и был по окончании войны задержан в Берлине советской комендатурой. Был 1945 год, май месяц. И была Пасха. В помещение к арестованным зашел солдат, карауливший их, и громко спросил: “Кто здесь православный?”

“Я”, – сказал профессор. Солдат подошел к нему: “Давай похристосуемся”» (*Готхарт Н.* Указ. соч. С. 279); ср. этот эпизод в его собственном изложении: *Андреев Н. Е.* То, что вспоминается. Т. 2. Таллинн, 1996. С. 256).

Как дошел этот рассказ (и сведения о его лекциях) до Ахматовой, остается гадать; отметим, что в мае 1963 года Ахматову посетил кембриджский аспирант-филолог Джон Элсворт (ЗК, 321), а в конце июня – молодой английский историк Антони Глен Кросс, выпускник Кембриджа 1960 года, который перед тем писал Ахматовой из Москвы: «Один из моих учителей в Кембридже доктор Андреев хотел, чтобы я Вам передал поклон и выразил его благодарность за посланный Ваш сборник стихов, который он получил от Вас» (РНБ, ф. 1073, № 1716, л. 1). Также нуждается в прояснении еще один факт, зафиксированный в его письме Игорю Чиннову от 24 апреля 1975 года: «...я всегда писал “по совести и по существу” (как сказала обо мне, вернее, о моих писаниях “сама” А. А. Ахматова!) и “не взирая на лица”...». (Письма запрещенных людей. Литература и жизнь эмиграции. 1950–1980-е годы. По материалам архива И. В. Чиннова / Сост. О. Ф. Кузнецова. М., 2003. С. 684).

В 1956 году он полемизировал с В. Ф. Марковым, писавшим с сожалением о победе акмеизма в текущей русской поэтической традиции и созданной этим «бездуховной атмосферой» (см.: *Тименчик Р.* Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // *Across Borders: 20th Century Russian Literature and Russian-Jewish Cultural*

Contacts. In Honor of Vladimir Khazan. Ed. by Lazar Fleishman and Fedor Poljakov. Frankfurt am Main, 2018. P. 37–40): «Акмеизм <...> также кончился в России, как и прочие поэтические течения, основанные на свободном мироощущении авторов. Роковая – ибо была смертоносной – речь Жданова в 1946 году, в которой заушалась, в частности, Анна Ахматова, оказалась надгробной и над этим течением русской поэзии» (*Андреев Н.* Заметки о журналах. Новый журнал. Кн. 37–42 // Русская мысль. 1956. 24 января).

Анненская (ур. Сливицкая, в первом браке – Борщевская; затем – Хмара-Барщевская) Надежда (Дина) Валентиновна (1841–1917) – жена И. Ф. Анненского (см. о ней: *Анненский И. Ф.* Письма. В 2 т. Т. 1: 1879–1905 / Сост. и коммент. А. И. Червякова. СПб., 2007. С. 6–14). В перечислении ошибок Г. П. Струве в первом томе изданного им собрания сочинений Гумилева: «...считать женой Анненского жену его сына (Кривича) Наталию Владимировну, рожд<енную> фон Штейн» (ЗК, 363). По свидетельству покойной Л. Д. Большинцовой, Ахматова сказала ей, что прекращает читать монографию В. Сечкарева об Анненском (экземпляр которой ей и переподарила), прочтя с раздражением следующее место в начале книги:

«Маковский говорит, что семейная жизнь Анненского оставалась для него “загадкой”. Он описывает жену Анненского как “совсем странную фигуру”. Она казалась гораздо старше его: “набеленная, жуткая, призрачная, в парике с наклеенными бровями”. Он пишет про ее горбатый нос и “вялый опущенный рот” и упоминает нервный припадок, случившийся за столом в его присутствии: “Причужих она всегда молчала; Анненский никогда не говорил с ней. Какую роль она играла в его жизни? Почему именно ей суждено было сделаться матерью его сына Валентина?”».

Этот странный портрет представляется немного сомнительным: Маковский пытается в своей статье обратить внимание на тайную, всепоглощающую любовную историю, которая повлияла на жизнь Анненского и окрасила его поэзию. Это весьма неопределенное предположение, несмотря на цитаты, приводимые Маковским, не подтверждается, на мой взгляд, ни одним из стихотворений Анненского. Эта мнимая любовь – причина, по которой Маковскому хочется, чтобы Анненский был несчастлив в семейной жизни. Но сви-

детельств недостаточно, и описание Кривича было более точным» (*Setchkarev V. Studies in the Life and Work of Innokentij Annenskij. The Hague, 1963. P. 13*; цит. по: *Маковский С. Портреты современников. Нью-Йорк, 1955. С. 235*; упоминается приводимый В. Кривичем отрывок из письма Анненского перед венчанием о силе его любви к невесте. (См.: Литературная мысль. Альманах. Кн. 3. Л., 1925. С. 224–225).

Ср. запись В. С. Срезневской на экземпляре книги И. Ф. Анненского «Тихие песни» (Пг., 1923): «Дину Валентиновну я помню уже седой, с очень набеленным тонким продолговатым лицом, накрашенными губами и в бледно-зеленом (“фисташковом”) весеннем костюме с белыми перчатками выше локтя. Руки у нее были очень худые, почти старческие, походка подпрыгивающая на каждом шаге, волосы гладко зачесаны под бледно-изумрудный с белым кружевом “ток”. <...> В руках лорнет и сумочка, шитая стеклярусом. От нее пахло не похожими на мамины духами (мама душилась *Violetta Regia*), более острыми и пряными, мне очень понравившимися. Говорила тихо, медленно, чуть-чуть в нос, голову часто держала грациозно набок. Вообще, несмотря на то, что тогда считалось “ужасно гримируется”, она очень мне понравилась. Была ласково-нежна со мной и сидела довольно долго с мамой вдвоем. Была еще раз вечером в синем шелковом платье и черной с полями плоской шляпке под черной “с мушками” вуалью, опять сидела с мамой, и вызывали меня. Я не хотела читать стихи, меня отпустили. Пила чай с мамой в гостиной, доставали чай и варенье. Звали к подъезду извозчика, и мама, проводив ее в прихожую, вернувшись, сказала <...>: “у нас одна судьба” – и вздохнула. Больше я Д. В. не видела <...>». (Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, КП–966, инв. ОФ–706.). Ср. сводку других свидетельств о Д. В. Анненской: *Федоров А. Иннокентий Анненский. Личность и творчество. Л., 1984. С. 64–66*; ср. также о ней: «[Б]ыла почти враждебна музам и не понимала мужа, не обретшего еще настоящей славы» (*Оцуп Н. Николай Гумилев. Жизнь и творчество. СПб., 1995. С. 34*; свидетельство это, по-видимому, приведено со слов знакомой Н. Оцупу О. П. Хмара-Барщевской, жены пасынка И. Ф. Аненского, влюбленной в поэта).

Упомянутая книга историка русской литературы Всеволода Михайловича Сечкарева (1914–1998) внесена в автобиблиографию (ЗК,

628) из-за следующих упоминаний: «Развитие современной русской поэзии показывает со все возрастающей ясностью, что поэтом, чье творчество было наиболее влиятельным, был Иннокентий Анненский. <...> Под русской поэзией я понимаю “индивидуалистическую” поэзию вне России, а не довольно сомнительную “коллективистскую” продукцию советских поэтов. За весьма небольшими исключениями, – например, Анна Ахматова или Осип Мандельштам, которые определенно не являются советскими поэтами, стихи поэтов внутри России не могут по очевидным причинам измеряться и оцениваться обычным манером как продукты эстетического людского чувства. Но неподконтрольная поэзия наиболее одаренных из эмигрантов, таких как Георгий Иванов, Борис Поплавский, Анатолий Штейгер, Игорь Чиннов – если назвать только некоторых – многим обязана творчеству Анненского» (*Setchkarev V. Op. cit. P. 5*);

«Адамович упоминает присутствие Анны Ахматовой, которая позднее стала женой Гумилева. В то время девятнадцатилетняя девочка, она посещала курсы Раева, где преподавал Анненский. Влияние Анненского на ее поэзию огромно. Она, вероятно, была частым гостем в доме Анненского» (*Setchkarev V. Op. cit. P.41*). Речь идет о беллетристическом очерке Г. Адамовича «Вечер у Анненского» (Числа. Париж, 1931. Кн. 4. С. 214–216). В доме И. Ф. Анненского Анна Горенко, как и Г. А. Адамович, не бывала. Ср. запись Ю. Г. Оксмана от 27 июня 1965 года: «Разговор о книге Сечкарева об Иннокентии Анненском, которую А. А. прочла с исключительным вниманием». (*Зайцев А. Д. «Человек жизнерадостный и жизнедеятельный...»* (Набросок портрета Ю. Г. Оксмана по материалам его архива) // Встречи с прошлым. Вып. 7. М., 1990. С. 565).

Апухтин Алексей Николаевич (1840–1893) – поэт. В воспоминаниях о девическом чтении: «Апухтин и рядовые французские романы» (ЗК, 14); ср.: «Конечно, никто, вероятно, и не ждет, что у нас был тогда “абсолютный вкус”. До Надсона и Вербицкой мы, правда, не докатились, но весьма модного среди молодежи Апухтина почтивали <...> (Я имею в виду 900-е годы, в 10-х все уже было иначе)» (*Ахматова А. Десятые годы. М., 1989. С. 34*); о С. Я. Надсоне см. запись Д. Самойлова от 4 июня 1963 года: «Я родилась в 89 году и 90-е годы помню. Надсона я не читала» (*Самойлов Д. Из дневни-*

ка / Публ. Г. И. Медведевой // Литературное обозрение. 1990. № 11. С. 97); ср.: «[Д]о 21-летнего возраста не читала Надсона, и когда Н. Гумилев дал ей прочесть, АА прочла его в один день – и ничего не запомнила» (*Лукницкий П. Н. Asimiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т. II. 1926–1927. М., 1997. С. 174*). Вероятно, помимо общепокленческого отталкивания от кумира эпохи поэтического безвременья, Ахматова парировала давние упреки, вроде северянинского стихотворения «Стихи Ахматовой считают...» (1918):

Ведь это ж Надсона повадка,
И не ему ль она близка?
Что за скрипучая «кроватька»!
Что за ползучая тоска!

(*Северянин И. Соловей: Поэзы. М.; Берлин, 1923. С. 131–132*) и рецензии Н. Оцуца на «Подорожник»:

«Ведь право даже

“И на груди ее дрожат
Цветы из моего букета”

лучше чем

“И на груди моей дрожат
Цветы небывшего свиданья.”

А первые две строчки принадлежат перу Надсона...»

(Альманах Цеха Поэтов. Кн. вторая. Пг, 1921. С. 68).

Ср. отзыв Б. М. Эйхенбаума о Надсоне: «Надсон – самый легкий из русских поэтов. Легкий в том смысле, что он говорит языком прозаическим, для всех доступным, не представляющий никаких – ни психологических, ни эстетических – загадок» (*Эйхенбаум Б. М. [Рец. на кн.] Ю. А. Веселовский. Этюды по русской и иностранной литературе // Русская мысль. 1913. № 10. С. 367. 4-я паг.*).

Об Апухтине ср. в отзыве Н. Гумилева о С. М. Соловьеве: «Как истинный земляной человек, он чувственен. <...> Но зато там, где надо проявить более серьезное отношение к любви, он едва ли не ученик Апухтина» (*Гумилев Н. Письма о русской поэзии. М., 1990. С. 106*). Ср. также у представителя следующего поэтического поко-

ления о «вялости и расплывчатости стиля» и «ритмическом безличии» у Апухтина (*Адамович Г.* Литературные беседы // Звено. 1924. 1 декабря).

Отголосок стихов Апухтина можно видеть в ахматовских стихах 1911 года:

Словно тяжким огромным молотом
Раздробили слабую грудь

Ср. у Апухтина:

Твои слова, как тяжкий молот
Стучат по сердцу моему...

Арапова (ур. Ланская) Александра Петровна (1845–1919) – дочь Натальи Николаевны Пушкиной-Ланской. «[Б]ыла выпущена пресловутая версия <...> о близких отношениях П<ушки>на с Алекс<андриной>, чтобы произвести впечатление на Н<аталью> Н<иколавну> (?!). Мы знаем, как враги Пушкина цеплялись за эту версию. Даже много лет спустя [А. В.] Трубецкой и Арапова делали попытку оперировать этой гнусной выдумкой» (ЗК, 414–415; – далее текст написан другой рукой); ср. ссылку на воспоминания А. П. Араповой (ЗК, 660).

«Сплетни <...> М. Г. Соломина говорила мне (в 1924), что встречала в свете Арапову, и та охотно говорила, что ее мать была счастливее во втором браке (с Ланским), чем в перв<ом>». (ЗК, 308).

См. о ней в петроградском голоде 1919 года: «...обратилась в вешалку, обтянутую кожей» (*Врангель М. Д.* Моя жизнь в коммунистическом раю // Архив русской революции. Т. 4. Берлин, 1922, С. 203).

Артамонов Михаил Илларионович (1898–1972) – археолог, директор Эрмитажа (1951–1964), учитель Л. Н. Гумилева. Инскрипт: «Михаилу Илларионовичу Артамонову в знак уважения и благодарности. А. Ахматова» (ЗК, 16). Письмо адресата с благодарностью (1958): РНБ, ф. 1073, № 719.

См. в письме Ахматовой к Сталину от 6 апреля 1939 года: «Мой сын даровитый историк. Акад. Струве и проф. Артамонов могут засвидетельствовать, что его научная работа, принятая к печати, заслу-

живаает внимания» (*Головникова О. В., Тархова Н. С.* «Иосиф Виссарионович! Спасите советского историка...»: (О неизвестном письме Анны Ахматовой Сталину) // *Отечественная история.* 2001. № 3. С. 149). В письме 1954 года к К. Е. Ворошилову в хлопотах за сына Ахматова в качестве возможного эксперта по его научной деятельности называла Артамонова (*Герштейн Э.* Мемуары. СПб., 1998. С. 348), а в 1955 году тот по просьбе Ахматовой «написал вдумчивую и пространную характеристику Льва Николаевича, ходатайствовал о пересмотре его дела и оформил эту бумагу официально, беря на себя ответственность за каждое слово» (*Герштейн Э.* Мемуары и факты. Об освобождении Льва Гумилева // *Горизонт.* 1989. № 6. С. 61).

После освобождения из лагеря принял Л. Н. Гумилева на работу. Ср. «Работал я в Эрмитаже. Шефом у меня был мой учитель Михаил Илларионович Артамонов. Он меня зачислял на ставки беременных и больных. Академик Пиотровский, который его сменил, когда разобрался с этим, сказал мне: “Постарайтесь, чтобы они больше беременели, – и обеспечите себе фронт работ на будущее”» (*Гумилев Л.* Нам всем завещана Россия. М., 2012. С. 193).

Бабель Исаак Эммануилович (1894–1940) – писатель. «Опять об О. М<андельштаме> <...> Признавал Зоценку и Бабеля» (ЗК, 286); ср. в «Египетской марке» О. Мандельштама: «Так на полях черновики возникают арабески и живут своей самостоятельной, прелестной и коварной жизнью. <...> Вот Бабель: лисий подбородок и лапки очков»; ср. впрочем, сообщение С. Б. Рудакова 1935 года: «[В]зяли <...> “Гамбургский счет” <...> У Шкловского о Бабеле – Мандельштам почитал-почитал и говорит (еще раньше Мандельштам хвалил Бабеля, говорил: он из лучших) – “что Зозуля, что Бабель – одно и то же, только один получше, другой похуже, а оба не очень хороши – не по-русски(?)!”». (О. Э. Мандельштам в письмах С. Б. Рудакова к жене (1935–1936) / Вступ. ст. Е. А. Тоддеса и А. Г. Меца, публ. и подгот. текста Л. Н. Ивановой и А. Г. Меца, коммент. А. Г. Меца, Е. А. Тоддеса, О. А. Лекманова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год. СПб., 1997. С. 58; Зозуля Ефим Давидович (1891–1941) – прозаик); в очерке Шкловского о Бабеле цитировалась среди прочего фраза из рассказа «Как это делалось в Одессе»: «...переночевать с русской женщиной, и русская женщина

останется вами довольна». Об этой цитате в биографии Ахматовой см. ее рассказ о визите в ресторан с Абрамом Эфросом в 1930 году и реплике случившегося там Виктора Шкловского: «Абрам может пригласить русскую женщину в ресторан, и она останется им довольна» (*Найман А.* Указ. соч. С. 206).

См. также: *Лоцилов И. Е., Фрейдин Ю. Л.* Бабель Исаак Эммануилович // *Мандельштамовская энциклопедия.* В 2 т. Т. 1. М., 2017. С. 98–99.

Ср. также запись Ф. Г. Раневской об Ахматовой: «всегда просила меня читать ей “Закат”» (*Щеглов А.* Раневская. Фрагменты жизни. М., 1998. С. 202).

Бальмонт Константин Дмитриевич (1867–1942) – поэт, эмигрант (ЗК, 278). «Бальмонт и Брюсов сами завершили ими же начатое (хотя еще долго смущали провинциальных графоманов)» (ЗК, 282); «Кажется, даже от Бальмонта М. Л. [Лозинский] не хотел отречься, что на мой взгляд уже чрезмерно» (ЗК, 704); ср.: «Бальмонта читала в юности, с тех пор не читала почти, потому что терпеть не может его» (*Лукницкий П. Н.* *Asumiana.* Встречи с Анной Ахматовой. Т. II. С. 195); «Между прочим, как это ни странно, он и в самом деле поэт» (*Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 1. С. 96); «Брюсов не был поэтом, все его стихи плохи. У Бальмонта были отдельные хорошие стихи» (*Будыко М. И.* Указ. соч. С. 353); в воспоминаниях И. Берлина ее слова – «Что же касается Бальмонта, то его презирали совершенно напрасно. В нем, конечно, было много комической помпезности, и он был о себе преувеличенно высокого мнения, но его одаренность была несомненной» (*Берлин И.* Встречи с русскими писателями: 1945 и 1956 / Пер. с английского Д. Сегал, Е. Толстая-Сегал, О. Ронен в сотрудничестве с автором // *Slavica Hierosolymitana.* Vol. V–VI. Jerusalem, 1981. С. 630); отзыв о Вяч. Иванове – «потомки <...> недоумевают и говорят: “Плохой Бальмонт”» (ЗК, 616); по поводу статьи Е. С. Добина о «Поэме без героя»: «Заменить <...> “Я на башню всходил...”» (ЗК, 651) – ср.: «Ритмы, звучания, построения строки, строфика – все теснейшим образом связано со смысловой структурой. Музыкальность далека от напевности, так мне кажется. Под напевностью я понимаю некую избыточную власть ритма, увлекающего за собой слова, даже подчиняющего их себе. Мы встреча-

емя с этим у Бальмонта, Андрея Белого, Валерия Брюсова.

Я мечтою ловил уходящие тени,
Уходящие тени погасавшего дня,
Я на башню всходил, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

К. Бальмонт.

Ритм убаюкивает, в какой-то мере “растворяет” в себе слово. У слова отобрано старшинство. Оно стало меньшим братом ритма. <...> Подобной тяги к монотонным заклинаниям у Ахматовой никогда не было. Лаконизм, уплотненность стиха она ценила превыше всего» (*Добин Е.* Поэзия Анны Ахматовой. Л., 1968. С. 229–320).

В ноябре 1913 года Бальмонт и Ахматова увидели друг друга; ср. мемуаристики:

«– Приехал! Приехал! – ликовала Анна Ахматова – Я видела его, я ему читала свои стихи, и он сказал, что до сих пор признавал только двух поэтесс – Сафо и Мирру Лохвицкую. Теперь он узнал третью – меня, Ахматову» (*Тэффи.* Встречи. О Бальмонте // Новое русское слово. 1948. 5 сентября; Возрождение. 1955. № 47. С. 63). Ахматова была очевидицей скандала с Бальмонтом в «Бродячей собаке» (*Соболев А. Л.* Летейская библиотека. Т. II. Страннолюбский перебарщивает: Сконапель истоар. М., 2013. С. 217–240).

Об эпизоде 13 ноября 1913 года на вечеринке у Е. С. Кругликовой, где Бальмонт произнес запомнившуюся Ахматовой фразу: «Почему я, такой нежный, должен все это видеть?», см.: *Найман А.* Указ. соч. С. 92–93; *Герштейн Э.* Мемуары. СПб., 1998. С. 499; *Винокуров Е.* Собр. соч. В 3 т. Т. 3. М., 1984. С. 250; *Тименчик Р.* Что вдруг. Статьи о русской литературе прошлого века. М., 2008. С. 617. По устному свидетельству З. Г. Минц, услышанная ею в 1964 году от Ахматовой версия этого рассказа завершалась фразой: «А он был просто добрый и несчастный человек».

В Париже в 1920-е годы он вспоминал: «– Я знал ее еще в Петербурге. Она была тогда прекрасной женщиной: тонкое лицо, полное одухотворенности, гибкое, змеиное тело, и вся она походила на египетскую плясунью» (*Седых А.* Бальмонт // Новый журнал. 1958. № 55. С. 159; *Седых А.* Далекое, близкое. Нью-Йорк, 1962. С. 74).

Вскоре после ноябрьского визита он резюмировал впечатления о столице: «Жизнь там – бледная, скучная. Кинематографическая!

Люди мечутся, бегут, и чувствуется, что эти люди большею частью бездушны. Нет в них настоящей, истинной жизни. Все содержание облеклось в форму. К тому же петербуржцы читают удивительно мало. Мечутся от концерта к лекции, от лекции к *jour-fixe*'у, от *jour-fixe*'а к кинематографу... и так без конца» (*Ал-ч Вл.* [Моисеенко В. А.?] У Бальмонта // Утро. Харьков. 1914. 27 марта).

Еще в 1917 году он говорил: «Ахматова – комнатна, Марина Цветаева – некрупна, Блок – истеричен. Значителен Брюсов» (*Мочалова О.* Голоса серебряного века. Поэт о поэтах / Сост., предисл. и коммент. А. Л. Евстигнеевой. М., 2004. С. 23), но уже спустя четыре года фиксировал: «Наряду с Анной Ахматовой, Марина Цветаева занимает в данное время первенствующее место среди русских поэтесс» (*Бальмонт К.* [Вступительная заметка к подборке стихов М. Цветаевой] // Современные записки. 1921. № 7. С. 92).

Впоследствии он писал об Ахматовой: «...хорошие стихи писала Зинаида Гиппиус, в них была прелесть геометрии и тригонометрии, с правильными линиями и чуть-чутьюшной женственностью: “Окно мое высоко над землею, высоко над землею... Хочу я того, чего нет на свете, чего нет на свете”. Жеманно, но в устах красивой девушки-женщины, с длинными русыми косами и с лицом Скандинавки, брошенной викингами, за ненадобностью, на неведомом берегу, несколько действовало. Гораздо сильнее и прекраснее, как женский поэтический лик, – Мирра Лохвицкая. Она вся – женственность и страсть. Ее влюбленность в знойную пустыню, с ее страстными чарованиями, заставляет вспомнить лучшие страницы любовной лирики Библии и Арабских народных песен. “– Я жажду губ твоих! –”. И вся она, с ее страстью к страсти, с ее Восточной ленивостью и чувственностью пленительной, думаю я, лучшая Русская поэтесса женской любви. Близки к народной песне напряженные строки Марины Цветаевой о любимом, кого никому не отдаст. После, Анна Ахматова немножко напоминает З. Гиппиус, немножко Мирру Лохвицкую. Это уже розыгрыш слов о женской любви в поэзии» (*Бальмонт К.* Песни женской любви // Сегодня (Рига). 1930. 28 июня).

Одно из противопоставлений их в критике см.: «Та реакция против символизма, которая отметила собой русскую поэзию второго десятилетия нашего века, найдя свое внешнее и не вполне адекватное выражение в т. н. акмеизме и свое наиболее заостренное воплоще-

ние в поэзии Анны Ахматовой (ту же реакцию, но совершенно особняком и в несколько ином направлении продолжал Ходасевич, поэт, сейчас всего более, быть может, влияющий на поэтическую молодежь), прошла мимо Бальмонта, не задев его. Эта реакция, выражаясь лапидарно, знаменовала возвращение к русскому классицизму и тем самым – возврат к простоте, к жизни – от словесных, образных и иных туманностей и возвышенностей символизма. Пожалуй, больше, чем в чем-либо другом, эта реакция сказалась в произведенной Ахматовой ломке поэтического синтаксиса, в приближении стихотворной речи к обыкновенной человеческой, в упрощении и уточнении слов как материала поэзии» (*Струве Г.* Бальмонт – певец России. К. Д. Бальмонт. В раздвинутой дали: Поэма о России. Белград, 1930 // Россия и славянство. Париж. 1930. 29 марта). См. также: *Тименчик Р.* Последний поэт: Анна Ахматова в 1960-е годы. М., 2014. Т. 2. С. 498–499.

Браз Осип (Иосиф) Эммануилович (1873–1936) – художник из объединения «Мир искусства», с 1928 года – в эмиграции (*Лейкинд О. Л., Махров К. В., Северюхин Д. Я.* Художники русского зарубежья. 1917–1939: биографический словарь. СПб., 1999. С. 169–170).

«На премьере марионеток. Дом Браз. 1916» (ЗК, 661). Описка – вместо: Гауша Александра Федоровича (1873–1947), художника «мирискусника», в двухсветном зале особняка которого (Английская наб., д. 74) проходили спектакли кукольного театра П. П. Сазонова и Ю. Л. Слонимской. На генеральной репетиции спектакля «Силы любви и волшебства» были В. Э. Мейерхольд, К. М. Миклашевский, А. Н. Бенуа, Н. С. Гумилев, А. А. Блок, С. А. Адрианов, К. К. Кузьмин-Караваев, Н. Н. Евреинов и др.

Осипу Бразу принадлежит набросок портрета Л. А. Недоброво (Самарский художественный музей; уголь, 76x57); из персонажей ахматовских записных книжек он был дружен с В. А. Юнгером.

В июне 1924 года он арестован по обвинению «в скупке картин и художественных ценностей, неофициальной экспертизе по закупке картин для вывоза их за границу и в передаче секретных сведений об экономическом и политическом положении СССР английскому представителю», приговорен к трехлетнему заключению в Соловецком лагере, в 1926 году досрочно освобожден, направлен в ссылку в Новгород, затем получил разрешение вернуться в Ленинград и воз-

обновил работу в Эрмитаже. В мае 1928 выехал в Германию к своей семье и вскоре переехал в Париж. Судьба его в 1924 с тревогой обсуждалась интеллигенцией (*Волошин М.* Собрание сочинений. Т. 12. Письма 1918–1924 / Сост. А. В. Лаврова, коммент. А. В. Лаврова, Г. В. Петровой. М., 2013. С. 845, 850, 868, 869, 898, 899).

Ваншенкин Константин Яковлевич (1925–2012) – поэт. В библиографии – его статья «Чувство меры. Некоторые наблюдения» (Литературная Россия. 1964. 27 ноября): «Ваншенкин пишет о Лермонтове», Тютчеве и об Ахматовой “Сжала руки” (Разбирает это стихотворение...)» (ЗК, 502); ср.:

«А вот стихотворение Анны Ахматовой – одно из самых блистательных:

Сжала руки под темной вуалью...
“Отчего ты сегодня бледна?”
– Оттого, что я терпкой печалью
Напоила его допьяна.

Как забуду? Он вышел, шатаясь,
Искривился мучительно рот...
Я сбежала, перил не касаясь,
Я бежала за ним до ворот.

Задыхаясь, я крикнула: “Шутка
Все, что было. Уйдешь, я умру”.
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: “Не стой на ветру”.

Стихи написаны очень давно, они очень известны, люди знающие привыкли к ним, к такой их редакции. Я очень люблю это стихотворение и берусь утверждать, что оно начинается со второй строфы. Отсюда оно начинается – драматичное, напряженное, сперва стремительное, потом вдруг страшно остановившееся. В восьми строчках – все, во всяком случае, очень многое, жизнь двух людей, которых мы видим, знаем и понимаем, на которых мы смотрим сейчас, боясь пошевелиться, задержав дыхание. Здесь ни одного лишнего слова, и все – чувство, боль.

А первая строфа? Здесь нет этого, здесь поза, любованье собой и своей же бедой. “Терпкой печалью напоила его допьяна” – очень

красивые слова. Не веришь, что это та же самая женщина, бегущая за ним, пытающаяся еще удержать, вернуть что-то. И этот вопрос, тоже такой же, почти жеманный: “Отчего ты сегодня бледна?”. Первая строфа – как будто совсем из чего-то другого.

Можно, конечно, фантазировать, домысливать, сказать, что вот такая, не очень естественная, театрально выражающаяся женщина, какой она “показана” в первой строфе, при воспоминании о случившемся преобразается, а потом опять становится прежней и говорит красиво; что первая нужна для контраста и т. д. Мне кажется, это будут вымученные домыслы. А было бы лучше, если бы стихи эти начинались сразу, с крика, с вопля: “Как забуду?..”

“Терпкая печаль” – нечто красивое и непонятное, это дань тогдашней моде (1911), которую Ахматова преодолела силой своего огромного дарования, но которая нет-нет да и давала себя знать. Конечно, я далек от вульгарной мысли предлагать что-то “менять” в этих стихах, это можно было делать только раньше, сразу» (перепеч.: *Ваншенкин К.* Непонятливая Лика. О поэзии и поэтическом вкусе. М., 1966. С. 79–80; *Ваншенкин К.* Наброски к роману. М., 1973. С. 207–208).

Ср. письмо библиотекарши Э. Г. Шахнович из Мурманской области от 9 апреля 1965 года: «Я очень люблю стихи. Особенно поэтов XIX века: Фета, Майкова, Полонского, Апухтина, Тютчева. Недавно К. Ваншенкин разобрал Ваше стихотворение “Сжала руки под темной вуалью” в “Литературной России”. Мне очень понравилось» (РНБ, ф. 1073, № 1315, л. 1).

Ср. рассказ о сходной читательской интерпретации:

«Я хотел бы рассказать об одном эпизоде, остро врезавшемся мне в память и чуть не ставшем причиной нашей ссоры. Зашел разговор о пристрастие некоторых поэтов придумывать к своим уже написанным стихам эффектные концовки или вступления. И я осмелился заметить, что и у самой Анны Андреевны можно найти тому примеры. Быстрый и иронический взгляд в мою сторону: “Что вы имеете в виду?” Я смиренно покаялся, что, как мне кажется, в стихотворении, начинающемся всем известной строкой “Сжала руки под темной вуалью...”, первые четыре строки и служат примером такого квази-поэтического вступления, а самое стихотворение – господи, да еще какое стихотворение-то! – это восемь строк:

Как забуду? Он вышел, шатаясь,
Искривился мучительно рот...
Я сбежала, перил не касаясь,
Я бежала за ним до ворот.
Задыхаясь, я крикнула: «Шутка
Все, что было. Уйдешь, я умру».
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: «Не стой на ветру».

Такие знакомые, такие добрые обычно глаза смотрели на меня в упор с неприязнью и чуть ли не с отвращением. “Пойдите и прогуляйтесь по Большой Ордынке, подумайте и возвращайтесь не раньше чем через сорок минут”. А когда я вернулся, глаза были вновь веселые и добрые, а их хозяйка призналась, что написала их, эти первые четыре строки, чуть ли не полгода после того, как было написано стихотворение, начинающееся с вопроса: “Как забуду?..” (Глэкин Г. Из записок о встречах с Анной Ахматовой (А. Ахматова о литературе, живописи...) // День поэзии. Л., 1989. С. 250).

Ср. эпизод в его мемуарах: «Один наш стихотворец, человек тогда еще относительно молодой, с горячностью крикнул при мне своему собеседнику: – Да как вы смеете так со мной разговаривать! Я – пятый поэт России!.. На другой день я попросил его, остывшего, разъяснить, что сие означает. Он очень удивился моей неосведомленности и наивности. “Первый, – сказал он, – Пастернак, второй – Твардовский, третий – Смеляков, четвертый – Заболоцкий, пятый – я...” – А Ахматова? “Ахматова – шестая”, – ответил он не задумываясь, и, перекинув через плечо полотенце, прошествовал на пляж. Все они были тогда еще живы, но не подозревали, как он расположил их на своем плацу» (Ванишенкин К. Писательский клуб. М., 1998. С. 92; речь шла о Григории Михайловиче Поженяне (1922–2005)).

Вахтин Борис Борисович (1930–1981) – прозаик, синолог. Вписал свое имя в адресную книжку (ЗК, 324). Визиты его в Москве (ЗК, 415, 454), Комарове (ЗК, 532) и Ленинграде (ЗК, 588, 595). В списке адресатов дарения «Реквиема» в декабре 1962 – январе 1963 года (ЗК, 271) и в 1963 году (ЗК, 160), «Полночных стихов» (ЗК, 543),

«Бега времени» (ЗК, 574), «Модильяни» (ЗК, 456, 457). Передатчик слов Эрика Местертонга о Нобелевской премии (ЗК, 235).

Ср. в письме к нам его сына Н. Б. Вахтина от 21 апреля 1998 года: «Есть только мои полудетские воспоминания о его рассказах о том, как он ездил “представляться” к А.А. в Комарово, как она ему устроила, по его словам, целый экзамен и после нескольких часов разговора величественно велела “приезжать”, чем отец очень гордился. Он и меня маленького, году в 60-м, водил к ней в городскую квартиру, велел тихо сидеть в углу и смотреть – мол, потом поймешь почему». Ср. также в справке Н. Б. Вахтина: «Если его литературоведческие работы еще как-то выходили в свет (хотя и по сей день две его большие книги о китайской поэзии и поэтах лежат в рукописи), то с прозой дело обстояло совсем плохо. При жизни Б. Б. из всего написанного им были опубликованы три рассказа, очерк о В. Г. Короленко да очерк об Александре Грине, не считая нескольких мелких вещей в газетах. При этом среди ленинградской читающей публики его ходившая в самиздате проза была довольно широко известна». (*Вахтин Н.* [Предисловие к повести Б. Вахтина «Дубленка»] // Искусство Ленинграда. 1990. № 2. С. 93).

«В середине пятидесятых годов, в пору послесталинской эйфории, начало появляться то отдельно, а чаще в журналах, такое, о чем незадолго до этого мы и помыслить не могли. И все мы звонили друг другу: “Ты уже видел последний номер «Нового мира»?” “Ненастье” Тендрякова, “Не хлебом единым”, “Собственное мнение”... Мы захлеб читали, мы научились понимать между строк, мы в секунду реагировали на намеки. Это было удивительное время – и неплохая школа для нашего поколения. Борис Вахтин чуть ли не первый среди нас вспомнил о литературе. А где же слово? Где поразительная, божественная красота русской речи? Я не хочу сказать, что писатели, которых мы тогда читали, были равнодушны к слову. Это было бы несправедливо. Читатели были глухие. Как будто и не было в нашем сознании Пушкина, Гоголя, Лескова. Мы восхищались автором, который умел обойти цензуру. Я помню, как меня поразил вопрос Бориса Вахтина: “А что будет с этими книгами, когда не будет цензуры? А если не понадобятся намеки? А если все можно будет сказать?”» (*Ульман М.* Его личное дело (О прозе Бориса Вахтина)// Континент. 1982. № 33. С. 381–322); «Главной его мыслью, страстью, постоян-

ной головной болью – была Россия. О ней думал всегда, даже когда думал совсем не о ней. <...> И вся его проза – о ней, о России, и все его знакомства – о ней, и публицистика с китаистикой – тоже. Хотя диссидентом он не был. Это дело было ему не по натуре». (*Ким Ю. Сударь дорогой // Звезда. 1998. № 8. С. 105*).

Гашкель (Гершкович) Виктор Семенович (Gachkel; 1911–1982) – парижский врач-психиатр, первый жених Н. И. Стояровой. Запись «Гашкель Виктор Семенович» (ЗК, 302). См. о нем: Стойте в свободе... Памяти Н. И. Стояровой / Ред.-сост. М. Алхазова. М., 2018. С. 32, 221. Об отношениях Ахматовой с Натальей Ивановной Стояровой (1912–1984) см.: *Фрезинский Б.* Об Илье Эренбурге. Книги. Люди. Страны. М., 2013. С. 560–565.

Гибсон (Gibson) Уильям (1914–2008) – американский драматург. «Это было, когда голос, сообщающий по телефону который час, у нас назывался: “Последний собеседник Ахматовой”... (после 1949 г.). Сейчас (январь 1963 г.) нахожу в пьесе Гибсона такие слова: “...единственный женский голос, который я [могу] слышу в телефоне – это голос, сообщающий точное время, и я в конце концов могу спятить от одиночества” (стр.12)» (ЗК, 289).

См. в пьесе «Двое на качелях» («Two for the Seesaw»): «Джерри: Я позвонил потому, что единственный женский голос, который я слышу в телефоне, – это голос, сообщающий точное время, и я в конце концов могу спятить от одиночества. Я позвонил, чтобы, так сказать, завязать знакомство...

Гитель: О!..

Джерри: ...с каким-нибудь слабым существом слабого пола.

Гитель (помолчав): Я и есть слабое существо».

(*Гибсон У.* Двое на качелях. Пер. с англ. Н. Трениной. М., 1962. С. 12).

Премьера пьесы в театре «Современник» (в котором тогда служил Борис Ардов) состоялась в 1962 году (роли исполняли Татьяна Лаврова и Михаил Казаков). В Ленинграде у пьесы сложилась скандальная репутация: «С января 1962-го [Д. Т. Хренков] был назначен директором Ленинградского Академического театра им. Пушкина. <...> При отце репертуар театра попробовали обновить за счет по-

становки пьесы американского драматурга У. Гибсона “Двое на качелях”, рассказывавшей об одиночестве людей в большом городе. Однако партийные власти сочли ее не подходящей для советской действительности». (Михайлова Ю. Хренков Дмитрий Терентьевич (1918–2002). Воспоминания дочери // Нева. 2018. № 8. С. 181–182).

Дар (Рывкин-Дар) Давид Яковлевич (1910–1980) – писатель, муж В. Ф. Пановой и отчим Б. Б. Вахтина. В списке возможных адресатов дарения «Полночных стихов» в сентябре 1963 года (ЗК, 161). Ср. дарственную надпись на его книге «Богиня Дуня и другие невероятные истории» (М.; Л. 1961): «Анна Андреевна Ахматова! Примите, пожалуйста, эту маленькую книжечку в качестве одной из многих сотен свечек, зажженных перед алтарем Вашего божественного величия. Ваше Бытие для меня и людей моего поколения это – огонь в ночи; костер в стужу. Бог принимает обличье Поэта и сходит на землю, чтобы выволить людей из унижения и рабства. И за это его побивают камнями. Спасибо Вам за то, что Вы явили нам еще одно Пришествие и сделали нас участниками той единственной вечной трагической и прекрасной Мистерии, для которой вся история человечества лишь подмостки и холст декораций. Д. Дар. 8 февраля 1965 г. Комарово» (Пакшина Н., Позднякова Т. Библиотека Анны Ахматовой // Библиофилы России. Т. 1. М., 2004. С. 103); ср. также запись Л. К. Чуковской от 14 марта 1966 года: «Письмо от Дара: о том, что со смертью Ахматовой кончилась эпоха». (Чуковская Лидия. «После конца». Из «ахматовского» дневника / Публикация Е. Ц. Чуковской и Ж. О. Хавкиной // Знамя. 2003. №1. С. 156). Эмигрировал в Израиль в 1977 году. См. в его письмах эмигрантского периода: «[Г]лавное произведение художника, имеющее наибольшее нравственное значение для человечества – это легенда его собственной жизни. <...> Наиболее яркими примерами, иллюстрирующими мою идею, могут служить Ахматова, Сократ, Солженицын» (Кузьминский К. К. и Ковалев Г. Л. Антология новейшей русской поэзии у голубой лагуны. В 5 т. Newtonville, Mass. Т. 2а. 1983. С. 439); «Я имел “счастье” есть и пить за одним столом с восьмидесятилетним Робертом Фростом (он был у нас в гостях в Ленинграде). Он был смешон и жалок. Так иногда бывала смешна и жалка и А. А. Ахматова». (Там же. Т. 4б. 1983. С. 26).

См. о нем как об опекуне молодых писателей: «Дар читал вслух ходившую в списках Цветаеву, цитировал Гумилева, Ходасевича («Камень» О. Мандельштама из остатков семейной библиотеки я принес на занятие лито и подарил его Дару), он обращал наши взоры к здравствующей, но полуопальной Ахматовой, знакомил с Зошенко, драматургом Володиным, с «Лукоморьем» Леонида Мартынова, часами читал в упоении смешливо-аляповатые опыты стихотворцев «обэриутовцев», «Столбцы» Заболоцкого... Весело было, ярко – с Даром!» (*Горбовский Г.* Остывшие следы. Записки литератора. Л., 1991. С. 213); «На третьем этаже Д/К, рядом с прекрасно подобранной библиотекой, в старинном зале пишущие мальчики и девочки собирались по вечерам в литературное объединение к Дару. Давид Яковлевич, не торопясь, раскуривал трубку, с которой не расставался, весело перекидывался фразами и замечаниями с начинающими авторами. Дружеская обстановка царил в «лито». Литкружковцы с явной неприязнью относились ко всякой фальши, ко всяким попыткам неискренности поведения и творчества. <...> Давид Дар восседал библейским патриархом, окутанный клубами табачного дыма, слушал, наблюдал, оценивал» (*Юпп (Таранов) М.* Вспоминая «лито» // Новое русское слово. 1983. 14 апреля; «лито» – литературное объединение при Доме культуры (Д/К) «Трудовые резервы»).

См. о нем: *Stevanovic B., Wertsman V.* Free Voices in Russian Literature, 1950s–1980s. A Bio-Bibliographical Guide. Ed. by A. Sumerkin. NY, 1987. P. 87; История ленинградской неподцензурной литературы: 1950–1980-годы. СПб., 2000. С. 73–75; *Тименчик Р.* Последний поэт. Анна Ахматова в 1960-е годы. М., 2014. Т. 2. С. 272; Литературный Санкт-Петербург. XX век. Энциклопедический словарь. В 3 т. СПб., 2015. Т. 1. А-Д. Дар Д. Я. С. 686–687 (статья В. Лапенкова).

Доуленд (Дауленд; Dowland) Джон (1563–1626) – английский композитор и лютнист елизаветинской эпохи; записано как «Доллан»: «Слушаю раннюю англ<ийскую> музыку. Доллан, 16 век. Церковная музыка. Хор. То, что пели при дворе Ген<риха> VIII.

Настоящее чудо! 12 сент<ября> <19>63 г.» (ЗК, 531).

Доуленд был лютнистом при Якове I Стюарте Английском, а не при Генрихе VIII Тюдоре. Вероятно, так Ахматова поняла название

его сочинения для хора Вестминстерского аббатства «Lamentatio Henrici Noel» (похоронные псалмы для Мистера Генри Ноэлла).

Хотя по орфографическим свидетельствам его времени фамилия тогда произносилась /'doulənd/, в настоящее время рекомендуется говорить /'du:lənd/.

Дружинина (ур. Вульфийус) Наталья Львовна (1901–1973) – теще и режиссер художественного слова. Номер телефона (ЗК, 325), «Звонить: <...> Н. Л. Дружининой» (ЗК, 544). Оставила воспоминания «Три встречи с Анной Ахматовой». Первая – в Старках у Шервинских летом 1952 года. «Насколько я помню, она говорила, что установила: один случай из служебной жизни Дельвига использован Гоголем в его “Шинели”». Ее сын, альтист Федор Серафимович Дружинин играл тогда для Ахматовой “Чакону” Баха.

Об одной не вспомненной встрече рассказала бывшая участница кружка тещецов при Доме пионеров: «Когда в 1954 году в Москве гостила у друзей Анна Ахматова, Наталья Львовна пошла ее навестить и взяла с собой меня, Зину Игнаткову и Юру Дмитриева. Великая поэтесса, величавая, грузная, седая, в махровом восточного рисунка халате, сидела у окна в большом кресле. Мы читали ей Пушкина “Осень”, “Румяный критик мой...”, “Сказку о попе”. Потом пили чай. На прощанье она каждого из нас поцеловала в лоб. От волнения я больше ничего не запомнила». (*Бриль Л.* Наставникам, хранившим юность нашу... // Новое русское слово. 1987. 10 февраля).

Вторая, запомнившаяся мемуаристке встреча – у Шервинских в 1961 году, когда Н. Л. Дружинина рассказала об устроенном ею в Литературном музее вечере Цветаевой. «Анна Андреевна сказала: “А у меня есть два письма ее. Надо будет их вам отдать”».

Ставшая участницей дружининской студии при Литературном музее та же Людмила Бриль вспоминала: «В 1960 году, когда Марину Цветаеву в СССР еще не печатали, Наталья Львовна решила устроить ее вечер. Для него мы переписывали от руки гранки, их нам давала “на одну ночь” корректорша из издательства “Советский писатель”, где готовился к печати цветаевский сборник (он вышел в 1961 году); кое-что дала нам Анастасия Цветаева, с которой Наталья Львовна была дружна» (*Бриль Л.* Указ. соч.).

Третья встреча – в мае 1964 года в связи с подготовкой вече-

ра Ахматовой в Музее Маяковского. Ахматова сказала: «Я люблю, когда стихи читают ритмично, мелодично и без выражения. А где найдешь такую исполнительницу? Каждой хочется себя показать». Н. Л. Дружинина рекомендовала свою ученицу Галину Грибакину, с которой и пришла на квартиру Ардовых. После чтения Г. Грибакиной Ахматова сказала: «Вы читаете так, как бы я сама читала, вы точно угадываете мои интонации». Н. Л. Дружининой была подарена машинопись «Полночных стихов» с надписью «Милой Наталье Львовне Дружининой на память о вечере 30 мая 1964 года. Анна Ахматова» (См.: Дом Остроухова в Трубниках. Альманах. М., 1995. С. 331–336; в этих воспоминаниях приводится фрагмент «одного из последних стихотворений» Ахматовой, который не подтверждается материалами ахматовских архивов). По-видимому, в проекте очередного, не состоявшегося вечера в Литературном музее (октябрь 1964 года?) – «Галя – лирика» (ЗК, 471) – относится к Г. Грибакиной.

См. о вечере в Библиотеке-Музее В. В. Маяковского: *Ти́менчик Р.* Последний поэт: Анна Ахматова в 1960-е годы. М., 2014. Т. 1. С. 37–373.

Дубельт Леонтий Михайлович (1855–1894) – морской офицер. В царскосельских адресах Ахматовой: «Малая д. Сергеева. (Там сумасшедший Дубельт – внук Пушкина)» (ЗК, 661; ср. ЗК, 132) – ср. «У младшей дочери Пушкина – Наталии – был сын от брака с Дубельтом (сыном современника Пушкина, жандармского генерала), который потом сошел с ума (это наследственное у Гончаровых). Он жил рядом с А.А. в годы ее детства в Царском Селе и иногда приставал к ее матери (которая была еще молода и красива), обращаясь к ней по-французски» (*Будыко М. И.* Указ. соч. С. 378). Страдавший эпилепсией и приступами бешенства, внешне походивший на деда-поэта, Л. М. Дубельт был женат на княжне Агриппине Оболенской, «детей не имел» (см.: *Сидоров М. В.* Л. В. Дубельт и его родственники // *Из глубины времен.* 1994. № 3. С. 174).

Елагин Владимир Дмитриевич (1915–1964) – детский писатель. «Журнал “Юный натуралист” Тереховой; сослаться на Елагина Владимира Дмитриевича» (ЗК, 338; со слова «Тереховой» – запись другой рукой). См. воспоминания Е. Таратуты о 1930-х годах: «Редак-

тором “Дружных ребят” был очень смелый, мужественный человек Володя Елагин, которому, несмотря ни на что, удавалось печатать Платонова» (*Таратута Е.* Писатель нелегкого чтения // Москва. 1999. № 9. С. 194).

Дочь его художница Е. В. Елагина (р. 1949) вспоминала: «Все свое детство я была свидетелем горячих споров между моими родителями, в которых мама стояла на позициях либерально-оппозиционных, а папа отстаивал твердые советские убеждения» (Электронный ресурс. URL <https://zen.yandex.ru/media/artfragment/porozn-i-vmestegigor-makarevich-i-elena-elagina-5faa7d0989ace40d9aadded4>).

Лопатин Герман Александрович (1845–1918) – народоволец, в 1887 году приговоренный к смертной казни, замененной пожизненной каторгой, и освобожденный по амнистии из Шлиссельбургской крепости в 1905 году, после чего жил в Вильне, перебрался в 1913 году в Петербург. Запись воспоминания о весне 1914 года: «В дни выхода “Четок” нас пригласила к себе издательница “Северных записок” эсерка Чацкина. <...> ...мы оказались на банкете в честь только что выпущенных из Шлиссельбурга народовольцев. Я сидела с Л. Каннегисером против Германа Лопатина. Потом часто с ужасом вспоминала, как Л. Каннегисер сказал мне: “Если бы мне дали «Четки», я бы согласился провести столько времени в тюрьме, как наш визави”» (ЗК, 377).

О роли бывшего народовольца в биографии убийцы Урицкого см. воспоминания М. А. Алданова: «Он преклонялся перед личностью Г. А. Лопатина, и, думается мне, ставил его себе примером, – пример далеко не плохой. Герман Александрович, конечно, не принимал никакого участия в их заговорщическом кружке, он в тот последний год своей жизни уже был неспособен ни к какой работе, да и чувствовал бы он себя среди этих конспираторов приблизительно так, как себя чувствовал Ахилл, переодетый девочкой, среди дочерей царя Ликомеда. Но Лопатин, сохранивший до конца дней свой бурный темперамент, не стеснялся в выражениях, когда говорил о большевиках и о способах борьбы с ними. Помню это и по своим разговорам с покойным Германом Александровичем. Знаю еще следующее:

В тот самый день, когда мать Леонида Каннегисера была выпущена из тюрьмы, ей по телефону сообщили из больницы, что Герман

Лопатин умирает. Р. Л. Каннегисер немедленно отправилась в Петропавловскую больницу. Герман Александрович, бывший в полном сознании, сказал Р. Л., что счастлив увидеть ее перед смертью.

– Я думал, вы на меня сердитесь...

– За что?

– За гибель вашего сына.

– Чем же вы в ней виноваты?

Он промолчал – не сказал больше ничего. Лопатин скончался через несколько часов». (Из посмертных стихов Леонида Каннегисера / Статьи Г. Адамовича, М. А. Алданова, Георгия Иванова. Париж, 1928. С. 22–23).

О записях «Л. К.» в блокнотах Ахматовой см.: *Тименчик Р.* Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Venok. In Honor of Stefano Garzonio. Stanford, 2012. P. 328–332.

Внучка Г. Лопатина географ Елена Бруновна Лопатина-Барт (1912–1993) прислала Ахматовой 26 ноября 1963 года книгу о деде: «Автор очень тенденциозно говорит о бабушке. Зинаида Степановна действительно в чем-то очень ранила дедушку...» (РНБ, ф. 1073, № 880, л. 1). Врач-психиатр Зинаида Степановна Корали (1854–1919) рассталась с Г. А. Лопатиным в 1883 году, родив в 1877 году сына Бруно. Вероятно, книга, о которой шла речь: *Антонов В. Ф.* Герман Лопатин. Липецк, 1960. С. 88–89, 100, 109–110.

Поддубный Иван Максимович (1871–1949) – первый шестикратный чемпион мира по классической борьбе (1905–1909). О 1914 годе: «В вагоне, когда подъезжаешь к Москве, неизбежный “московский” разговор <...> о лошадях, бегах, скачках, и, конечно, о Поддубном» (ЗК, 670); ср.: «был ли уже Поддубный?» (ЗК, 742); ср.: «Наш герой, чемпион мира Иван Поддубный тоже приезжал на мызу Лентула. За обедом, съев три бифштекса, он решил пофилософствовать: – В России, – сказал он, – есть три знаменитости: я, Горький и Вяльцева.

Горький отозвался с полной серьезностью: – Я положительно смущен: гости начинают льстить хозяйину». (*Анненков Ю.* Дневник моих встреч. Цикл трагедий. Нью-Йорк, 1966. Т. 1. С. 31).

Скороденко Владимир Андреевич (1937–2021) – литературовед, переводчик, редактор.

Запись октября 1965 года (?): «<В> пятницу Володя приведет Х. – для статьи в словаре» (ЗК, 682), «+Володя М<уравьев> и его друг (в пятницу) 5 ноября» (ЗК, 683).

Выпускник филфака МГУ, аспирант по английской литературе. В ноябре 1962 года передал Ахматовой письмо о любви к ее поздней поэзии (в фонде Ахматовой в РНБ не сохранилось) и сборник ее стихов для надписи. Был приглашен на квартиру Н. Н. Глен, видел машинопись «Реквиема». Он показал Ахматовой переплетенную машинопись ее стихов, собранных им по публикациям в периодике. Второй раз был вместе с В. С. Муравьевым у Ардовых, неловко спросил про события 1946 года, – и визит прервался (Аудиозапись беседы О. Е. Рубинчик с В. А. Скороденко, 17 апреля 2002 года. Сообщено О. Е. Рубинчик).

Цветковская Елена Константиновна (1880–1943) – третья жена Бальмонта. Воспоминание о рассказе Марины Цветаевой в 1941 году о Париже: «Про Бальмонта – он получил деньги, и жена Б<альмонта> в ресторане жалостно прижимала сумочку к груди» (ЗК, 278); ср.: «Маленькая, щуплая, худенькая, с одним уже съеденным туберкулезом легким, с вечным покашливанием, сухим и терпким, и с вечной папиросой, она не только жила, но была полна таких сил, такой энергии, такой выносливости – что оставалось только недоумевать, как все это вмещалось в этом хрупком, почти невидимом теле! Она своего Поэта – мало сказать – любила, она его боготворила. Только этим словом можно правильно определить ее отношение к Бальмонту. Мыслила она только о нем и только в связи с ним. Весь остальной мир для нее не существовал. Себя она поддерживала только папиросой и крепким, как чернило, чаем. Но Поэт должен был жить “в довольстве”... Это звучало несколько парадоксально при той нужде, в которой протекали последние их годы, но к этому всегда она стремилась: “Поэта должны достойно поддерживать. Поэту нужна жизнь нормальная”. Правда, иногда одной коробочкой шпрот Поэт обедал и питался вообще два дня. Но и эту коробочку нужно было раздобыть. И доставала ее Елена Константиновна. Вся жизнь ее протекала только в поисках всего того, “что необходимо было Поэту”». (Зеелер В. К. Д. Бальмонт (к восьмилетию со дня кончины) // Русская мысль. 1951. 5 января).

Чайковская Ольга Георгиевна (1917–2012) – историк, журналистка, правозащитница; 14 марта 1964 года: «В 9 ½ — Чайковская» (ЗК, 598); ср. ее воспоминания о единственной встрече: «Мне тогда пришло в голову, что есть возможность освободить [И. А. Бродского]: в то время председателем Президиума Верховного Совета СССР был Анастас Иванович Микоян; то было время, когда возвращались из лагерей, как мертвецы из могил, те, кому удалось выжить; иные из них попадали на прием к Микояну. Мне рассказывали, будто бы Анастас Иванович, уже старенький, все это тяжело переживает, что после подобного визита ложится в кабинете на диван лицом к стене и долго не встает. И подумалось мне, что тут единственная возможность обратиться к верховной власти (коли она действительно переживает и лежит лицом к стене). Если Ахматова с ее славой и обаянием придет к Микояну, может быть, из этого что-нибудь да получится? Мои соображения казались разумными. Лидия Корнеевна Чуковская договорилась с Ахматовой о встрече со мной – и вот я иду на свидание с той, кого люблю более всех других поэтов XX века.

Мои представления о ее внешности были основаны на многочисленных портретах, и прежде всего на самом, наверное, лучшем из них, том, что написан Натаном Альтманом. Анне Андреевне тут двадцать пять; она, мало сказать, худошава, костиста (торчат ключицы) и необыкновенно хороша. Сегодня она уже старая женщина, но все, знающие ее, в один голос говорят: королева! Королева в кругу придворных. Я застала ее с друзьями за обеденным столом (она гостила у них, это было где-то в Сокольниках), она встала и куда-то повела меня разговаривать. Она шла впереди, и я видела, как тяжело переваливается она на опухших ногах. Никакой королевы тут заметно не было.

Пришли мы в комнатку очень маленькую, едва ли не в чулан и едва ли не целиком занятую огромным зеркальным шкафом. Мы сидели напротив него, и зеркало отражало нас почти в натуральную величину, отчего казалось, что нас четверо – слишком много для этой комнаты. Я изложила суть дела, она ответила, что хорошо знает молодых ленинградских поэтов, все они у нее бывают, и Бродский среди них, безусловно, самый первый; и если это нужно, она пойдет к Микояну. Говоря все это, она чуть закинула голову, искоса взглянула на себя в зеркало, и рука ее бессознательно потянулась к янтарям на шее – крупным янтарям, не раз помянутым в различных воспо-

минаниях. Тут словно бы разом мелькнули в моем воображении ее портреты, включая альтмановский, на мгновение возник ее былой облик. И пропал. И была она прекрасней всех королев. Так судьба вознаградила меня за мой бесполезный труд.

А через некоторое время встретила я Сергея Наровчатова, поэта, он был в ту пору секретарем Союза писателей СССР.

– Какой-то идиот, – сказал он мне, – уговорил Анну Андреевну идти к Микояну просить за Бродского, я ее еле отговорил. И кто это придумал? Неужели люди не понимают, что весь Бродский не стоит одной минуты волнения Ахматовой, вредного для ее здоровья? (Того идиота, который все это придумал, я, разумеется, не выдала.)» (*Чайковская О.* Неточные, неверные Зеркала // Литературная Газета. 2001. 7–13 февраля).

Ср. записи Лидии Чуковской от 11 января 1964 года и последующие: «Единственная хорошая весть на “Бродском фронте”, какую я могла сообщить: Фридошка [Вигдорова] предложила своей приятельнице, Ольге Георгиевне Чайковской, часто выступающей в “Известиях”, взять командировку в Ленинград и попытаться там, на месте, выяснить, – что за темная история с дневником? Ведь это, наверное, тоже фальшивка... <...> Там Ольга Георгиевна добилась приема у секретаря Горкома т. Лаврикова. Анна Андреевна слушала и расспрашивала Фриду с большим вниманием. Повторяла вслух каждый вопрос Чайковской и каждый ответ Лаврикова. Взвешивала на точных весах. <...> По Фридиному совету Алена, то бишь Ольга Георгиевна Чайковская, побывала на приеме у Шубина, заместителя Льва Николаевича [Смирнова]. Надо использовать оставшееся до решающей минуты время, чтобы вооружить суд. Доклад Алены не весел, ее рассказ о встрече с Шубиным совсем выбил Анну Андреевну из колеи. (Раздраженная, слабая.) Алена советует Анне Андреевне срочно обратиться с письмом к Анастасу Ивановичу Микояну, чтобы в руках у него оказался высокий отзыв Ахматовой о поэте Иосифе Бродском. Он, со своей стороны, может повлиять на Смирнова. Ильичев и Толстиков распоряжаются Верховным Судом по своему усмотрению – надо создать противовес. (Нравится мне этот независимый Суд!) Анна Андреевна предложила нам такой план: она письмо Микояну напишет, но пусть присоединят свои подписи еще два поэта: Сурков и Твардовский. <...> Я сказала, что мысль обратиться

к Микояну дельная, но уж если Анна Ахматова свидетельствует, что Иосиф Бродский – поэт, какие и кому и чьи и какого черта требуются еще заверения? Какие еще Сурков и Твардовский, эксперты и эксперты? “Говорит Анна Ахматова”.

– Не наивничайте, пожалуйста, я этого терпеть не могу! – оборвала меня Анна Андреевна. – Вам не десять лет! Голоса Суркова и Твардовского для Микояна и для Смирнова гораздо более весомы, чем голос какой-то Ахметкиной. Наверху своя шкала ценностей. Ольга Георгиевна мне пересказала собственные слова Шубина: “Больше всех меня возмущают эти Маршак и Чуковский. О деле Бродского они представления не имеют, а пишут и пишут, что он, видите ли, поэт. А какой он поэт? Заумник и даже не член Группкома!”». (*Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 3. 1963–1966. М., 1997. С. 141, 155, 272–273); упомянуты Юрий Александрович Лавриков (1927–1991), доктор экономических наук, профессор, с 1959 года – секретарь Ленинградского горкома партии, Валентин Васильевич Шубин, зам. Председателя Верховного Суда РСФСР; см. публикаторские комментарии Л. Чуковской: «Гораздо позднее, в начале июля 1965 года, поступлено было так: телеграмма А. Микояну – тогда председателю Президиума Верховного Совета СССР – послана за тремя подписями: Анна Ахматова, Константин Паустовский, Корней Чуковский. Кончалась она словами: “Мы хорошо знаем творчество Бродского и считаем его одним из самых талантливых поэтов молодого поколения. Наши неоднократные обращения в разные инстанции остались безуспешными, и поэтому мы просим Вас вмешаться и восстановить нарушенную справедливость”». (*Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 3. С. 447). Ср. ахматовскую запись после освобождения И. Бродского: «Я рада, что осталась ему верна до конца (тел<еграмма> Микояну), хотя гордиться этим решительно не стоит» (ЗК, 669; с неверной конъектурой).

Чехов Михаил Александрович (1891–1955) – актер. В числе представителей ахматовского поколения, ушедших в эмиграцию (ЗК, 208). «Это единственный актер, которого вообще в жизни я видела» (*Лукницкий П. Н.* Асумиана. Встречи с Анной Ахматовой. Т. I. С. 81; в спектакле по пьесе Н. С. Лескова «Расточитель» в постановке А. Дикого); ср. о спектаклях ГОСЕТа: «[О]на гордилась, что пони-

мает текст, и хвалила Михоэлса, но все же упорно козыряла против него Чеховым». (*Мандельштам Н.* Вторая книга. М., 1990. С. 262); «А.А. видела двух выдающихся актеров – Шалапина и Чехова. Чехов был гениален» (*Будыко М. И.* Указ. соч. С. 351).

Представляется уместным привести байку, которую Ахматовой, несомненно, приходилось слышать в доме Виктора Ардова (анахронизмы и несообразности, присущие этому жанру фольклора, не оговариваем):

«— Михаил Чехов неоднократно обращался к председателю ОГПУ Ягоде с просьбой разрешить ему временную поездку за границу. Ягода постоянно отказывал и тогда Михаил Чехов пожаловался своему хорошему товарищу Председателю Совнаркома Рыкову. А тот, хороший выдумщик, предложил разыграть с Ягодой следующий известный исторический анекдот.

Итак: сын покойного боевого генерала Белобородова, поручик Белобородов, пожаловался приятелю своего покойного отца князю Потемкину, что генерал Снегов по службе буквально издевается над ним, молодым офицером. Князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический придумал великолепное решение этого дела: “Сегодня вечером у себя во дворце я буду играть в карты. Среди играющих будет и Снегов. Я подзову Вас, поручик, и спрошу совет, с какой карты мне пойти. А вы ответите мне как-нибудь совсем непочтительно”.

Вечером шла игра, Потемкин подозвал молодого офицера Белобородова и, показав карты, спросил, как, по его мнению, лучше пойти? Поручик нехотя и не совсем почтительно ответил князю и свободно отошел к группе офицеров. Когда генерал Снегов увидел, как Потемкин позволяет молодому офицеру вести себя с одним из первых лиц России, он понял, что у поручика какие-то личные отношения либо с самим Потемкиным, либо с Екатериной II. Больше поручик Белобородов никогда не испытывал на себе жесткий нрав генерала Снегова.

Такую же игру предложил Рыков Михаилу Чехову. Вечером в доме Рыкова были гости. Был и председатель ОГПУ Ягода. Ужинали. Потом Рыков и Ягода сели за шахматы, а Михаил Чехов сидел рядом и следил за игрой. Наконец Рыков спросил Чехова, как он считает – будет лучше сделать ничью или продолжить игру. На что артист МХАТа ответил: “Вы громадной страной управляете, а такой

ерунды сами решить не можете...”.

Услышав ответ артиста Председателю Совнаркома, Ягода на другой же день дал разрешение Михаилу Чехову выехать за границу. Оттуда, как известно, великий актер не вернулся».

Эту историю Ардову рассказала его жена Нина Антоновна Ольшевская, артистка МХАТа, впоследствии артистка и режиссер театра Советской Армии» (*Усач Л.* Великие смеются (смешные воспоминания). М., 1992. С. 8–9).

Швецова Людмила Климентьевна (1916–2008) – литературовед, сотрудница Института мировой литературы им. А. М. Горького. В библиографии – ее рецензия (ЗК, 576) на книгу А. Кулинича «Русская советская поэзия. Очерк истории» (М., 1963): «Он останавливается на творчестве поэтов и самых старших, таких, как А. Ахматова, И. Сельвинский, В. Инбер, и среднего поколения <...>, и самых младших...» (*Швецова Л.* Обобщение или упрощение? // Новый мир. 1964. № 9. С. 256).

Шишков Вячеслав Яковлевич (1873–1945) – прозаик, живший в Царском селе (ЗК, 132) на углу Московской и Церковной (Пролетарской). «Был салон и у писателя Шишкова, но там собиралась “своя братия” – писатели, мыслившие по-советски». (*Голлербах Л.* Еще о Царском Селе – “городе муз” // Новое русское слово. 1966. 19 июля).

См. например, письмо Иванова-Разумника 1926 года: «В эту осень в Царское Село вообще потянулись петербуржцы, и почему-то особенно писатели. Сологуб уехал, но в его комнатах теперь живет Ахматова, с декабря будет жить Шишков, в Лицее живет (заходил возобновить знакомство) Мандельштам, по-прежнему считающий себя первым поэтом современности» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. статья и коммент. А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада. Подгот. текста Т. В. Лавровой, А. В. Лаврова, Дж. Мальмстада. СПб., 1998. С. 410); письмо Андрея Белого 1931 года: «В Ленинграде почти не бываем; видим главным образом детскоселов, соседей (Шишковых, Петрова-Водкина и нек<оторых> других)» (Андрей Белый – Григорий Санников. Переписка 1928–1933 / Сост., предисл. и коммент. Д. Г. Санникова. М., 2009. С. 51), письмо К. А. Федина Е. И. Замятину из Детского Села от 23 дека-

бря 1933 года: «Ходит Шишков в белых штанах, в желтых башмачках с задранными кверху носиками, в пикейной жилеточке. Душа человек!» (Письма К. Федина к Е. Замятину / Публ. Г. Ермолаева и А. Шейна // Новый журнал. 1968. № 92. С. 198).

Ахматова и Шишков вместе входили в Правление петроградского отделения Союза писателей в начале 1920-х годов. Сохранился инскрипт на оттиске листка с фотографией М. Наппельбаума – фронтисписа из книги Б. Эйхенбаума «Анна Ахматова»: «Вячеславу Яковлевичу/Шишкову/в долготу дней/Ахматова. 20 февраля 1923» (хранилось в собрании А. М. Луценко). Встретаться в последние разы им довелось в бомбоубежище в сентябре 1941 года: «Многотрудные дни ленинградской блокадной зимы 1941–1942 года мне пришлось переживать вместе с Шишковыми в одном доме № 9 на канале Грибоедова. Перед занятием Пушкина фашистами Шишковы переехали в Ленинград и поселились в квартире № 87, во втором этаже нашего дома. И нам, как и всем жильцам дома № 9, приходилось отсиживать тягуче-скупные часы воздушных тревог в постылом тесном бомбоубежище. Вячеслав Яковлевич, в пальто, с книгой-рукописью “Пугачева” под мышкой (он писал на листах большого формата, по-видимому, какой-то конторской книги), сосредоточенно хмурый, молчаливый, сидел с Клавдией Михайловной и тещей Раисой Яковлевной. Рядом с Шишковым частенько можно было видеть и Анну Андреевну Ахматову. Глядя на ее мужественный профиль, мне невольно вспоминались строки из письма ленинградских женщин, под которыми в числе первых стояла подпись Анны Ахматовой: “Не сломить фашизму нашей твердости! Не испугать бомбами, не ослабить лишениями!”» (Раковский Л. Вячеслав Шишков // Белые ночи: О тех, кто прославил город на Неве. Л., 1971. С. 256; Воспоминания о В. Шишкове. М., 1979. С. 227). «Коридор под давящими сводами полон. Ни на кого не глядя, сидит с книгой профессор Б. Томашевский. В одном конце профессор Эйхенбаум, окруженный многочисленной семьей; в другом – закутанная в шерстяной платок Анна Ахматова, при близких разрывах бомб она вскрикивает. На полу мирно играет моя дочь и дочь поэта С. Спасского. Никаких признаков тревоги нельзя заметить у Вячеслава Яковлевича. Большею частью он с кем-нибудь беседовал, иногда шутил. И от этого окружающим становилось легче» (Завалишина Н. В Детском Селе // Воспоминания о

В. Шишкове. М., 1979. С. 168).

Справку о знакомстве Ахматовой с В. Я. Шишковым см. в примечаниях О. Е. Рубинчик к очерку О. И. Рыбаковой (с. 319 наст. изд.).

«Ш. хороший рассказчик-реалист, многообразно отразивший в своей прозе глубокое знание различных областей Сибири и интерес к народному языку. В романе “Ватага” (1924) он показывает жестокую разнузданность революции, выливающуюся в разбой, убийство и хаос. Роман был раскритикован и с 1927 не переиздавался» (*Казак В.* Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года. Пер. с нем. Е. Варгафтик, И. Бурихина. Лондон, 1988. С. 858). «Весь роман кумачовый от крови; в нем уничтожают людей всеми способами: режут, рубят, пилят, колют, бьют» (*Тынянов Ю.* Литературное сегодня // *Русский современник.* 1924. № 1. С. 293); «Тематика “Ватаги” автором выбрана удачно: не фальшивая, Мейерхольдовская, а настоящая “земля дыбом” – стихийное восстание сибирских мужиков против Колчака – тот самый земляной большевизм, в котором Блок видел всю суть истории последних наших лет» (*Замятин Е.* О сегодняшнем и о современном // *Русский современник.* 1924. № 2. С. 266). «У него не было “лицейских” лет, не было экспериментаторства и резких кризисов. Его творчество развивалось спокойно, вровень с судьбой народа, которому он всецело принадлежал. В этих произведениях живет большой мир его героев с их страстями, в них вложено все богатство его красочного, узорчатого русского языка, в них зорко подмечены образы русской природы. Произведения Шишкова – плод не только большого таланта, но и большого, правильно организованного труда» (*Томашевский Б.* Живой Шишков // *Воспоминания о В. Шишкове.* М., 1979. С. 281). О самостоянии Шишкова как советского писателя можно судить по характерной реплике, по рассказу Н. Б. Томашевского: «он в конце войны молоденьким лейтенантом оказался в Москве, и его часто приглашали обедать Шишковы, недавно вернувшиеся из эвакуации. Клавдия Михайловна пекла очень вкусные пироги. Бывал там и Константин Федин (все они помнили Колю еще мальчиком, тесно общаясь в Ленинграде с его отцом, профессором Борисом Томашевским). И вот Федин сказал однажды, что, если бы ему дали *carte blanche*, он бы написал замечательную книгу о нынешнем времени, на что Вячеслав Яковлевич заметил в том смысле, что ничего бы у тебя, Костенька, не вышло, настоящие-то пи-

сатели карт-бланшу не просят» (*Ванишенкин К.* Писательский клуб. М., 1998. С. 445).

¹ Список соответствующих публикаций см. в приложении, с. 403–408 наст. изд.

² *Гончарова Н.* О так называемых «дневниковых записях» Анны Ахматовой // Вопросы литературы. 2011. № 3. С. 334.

³ Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / Сост. и подгот. текста К. Н. Суворовой; вступ. ст. Э. Г. Герштейн; науч. консультирование, вводные заметки к записным книжкам, указатели В. А. Черных. М.; Torino: Einaudi, 1996. Далее ссылки на это издание по тексту (ЗК) с указанием страницы. Электронная копия данного издания размещена на сайте Некоммерческой электронной библиотеки «ImWerden». [Электронный ресурс]. URL: <http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=showbook&pid=2259>

⁴ См.: *Тименчик Р.* Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). М.; Torino, 1996. [Рец.] // Новое литературное обозрение. 1997. № 28. С. 417–420.

⁵ Некоторые примеры интерпретационных недоразумений см. в публикациях: *Тименчик Р.* Путеводитель по «Записным книжкам» Ахматовой // Пермский сборник. М., 2009. С. 561–617; *Тименчик Р.* Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой (к вопросу о технических проблемах комментирования) // Лесная школа. СПб., 2010. С. 143–172.

⁶ *Лебедева М. Н.* Ахматова и Бродский. Йошкар-Ола, 2004. С. 12.

⁷ См.: *Тименчик Р.* Записные книжки Анны Ахматовой и генезис ее стихотворений // Этническое чтение I. Сб. ст. по материалам Чтений памяти Е. Г. Эткинда (27–29 июня 2000). СПб. 2003. С. 228–236.

⁸ *Коншина Е.* От редактора // Записные тетради Ф. М. Достоевского / Подгот. к печати Е. Н. Коншиной, коммент. Н. И. Игнатовой и Е. Н. Коншиной. М., 1935. С. 30.

⁹ *Виленкин В.* Образ «ветра» в поэтике Анны Ахматовой // Вопросы литературы. 1995. № 3. С. 152; см. наше предположение о том, к какому «месту» в той же записной книжке относится припоминание о цитируемом В. Вилениным стихотворении: *Тименчик Р.* Последний поэт: Анна Ахматова в 1960-е годы. М., 2014. Т. 1. С. 481–482.

¹⁰ *Готхарт Н.* Двенадцать встреч с Анной Ахматовой // Вопросы литературы. 1997. № 2. С. 269–270.

¹¹ *Найман А.* Рассказы о Анне Ахматовой. М., 1989. С. 151.

¹² Там же. С. 71.

Приложение

К библиографии авторского проекта Именного комментария к «Записным книжкам» Ахматовой

1. К 65-летию С. Ю. Дудакова. История, культура, литература. Иерусалим, 2004. С. 221–234 (Баумволь Р. Л.; Вейнберг С.; Бен Ф.).

2. Quadrivium. К 70-летию проф. В. А. Московича. Иерусалим, 2006. С. 205–224 (Ависага; Галкин С.; Лотова жена).

3. Стих, язык, поэзия. Памяти Михаила Леоновича Гаспарова. М., 2006. С. 614–639 (Бобров С. П.; Черубина де Габриак; Шенгели Г. А.).

4. «Я всем прощение дарую...». Ахматовский сб. СПб., 2006. С. 492–517 (Адалис А.; Арбенина О. Н.; Аренс В. Е.; Гринвальд М. К.; Ефименко Т. П.; Колесова Е. В.; Лившиц Б. К.; Лозинская Т. Б.; Моравская М. Л.; Персиц Т. М.; Тальников Д. Л.).

5. Эткиндовские чтения. II–III. СПб., 2006. С. 214–276 (Апт С. К.; Артемов А. Н.; Базилевский Н. Г.; Барнс К.; Бланков Ж.; Блок Л. Д.; Бобович Г. А.; Богданова-Бельская П. О.; Большухин Ю. Я.; Ботвинник Н. Б.; Боффа Л.; Буланже А.; Вернадский Г. В.; Глезер А. Д.; Горбатов А. Н.; Гудзий Н. К.; Дерингер А. А.; Ефрон С. А.; Кнорринг И. Н.; Костелянец Б. О.; Лилиева Л. А.; Ляховицкий А. Б.; Миклашевский К. М.; Морозова О. Г.; «Нелли»; Никитина Е. Ф.; Офросимов Ю. В.; Перфильев А. М.; Плоткин Л. А.; Попов Л. А.; Рабинович А. Я.; Рафалович С. Л.; Тимофеевский А. П.; Толстой А. Н.; Фоогд-Стойнова Т. Ф.; Человек из угрозыска; Чулков Г. И.; Штейгер А. С.; Эткинд Е. Г.).

6. Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский науч. сб. Вып. 4. Симферополь, 2006. С. 142–180 (Бажанов Б. В.; Вулф В.; Горенко И. А.; Гумилева А. И.; Евтушенко Е. А.; Журавлев В. А.; Иванова-Романова Н. М.; Ивашкевич Я.; Ивич А. (Берштейн И. И.); Йонекава М.; Кузьмин А. В.; Линецкая Э. Л.; Недгар-Виленский Ю. М.; Нейман С. К.; Оттен Н. Д.; Посвянский П. Б.; Пресс Т. Н.; Рабинович (Раич) Е. И.; Рахел (Блувштейн Р.); Селиверстов И. В.; Тименчик Р. Д.; Томек В.; Тур Н. И.; Турганов Б. А.; Тырса Н. А.; Цюй Юань; Шумаков Ю. Д.; Шуплецов Б. В.).

7. На меже меж Голосом и Эхом: Сб. ст. в честь Татьяны Владимировны Цивьян. М., 2007. С. 331–346 (Дидона; Лафорг Ж.; Нерваль Ж. де).

8. Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский науч. сб. Вып. 5. Симферополь, 2007. С. 156–189 (Головчинер Е. М.; Гольдштейн М. Э.; Квливидзе М. Г.; Клычков С. А.; Ландман М. Х.; Лансере Е. Е.; Лёвберг М. Е.; Левин Г. М.; Левин Ю. Д.; Левина Ю. И.; Левитин Е. С.; Либединская Л. Б.; Ли-Хунчанг; Майков А. Н.; Маршалл Г.; Садецкий А. А.; Сапаров М. А.; Стеллецкая К. К.; Чагин П. И.; Эвин Э. Э.; Юткевич С. И.; Якобсон Е. И.; Яровая В. (Кудрявцева В. Н.); Яхонтов В. Н.).

9. Пути искусства: Символизм и европейская культура XX века. М., 2008. С. 391–471 (Антоновский Ю. М.; Бородаевский В. В.; Вертинский А. Н.; Гофман М. Л.; Гржебин З. И.; Измайлов А. А.; Кривич В.; Кругликова Е. С.; Лодий З. П.; Мар С. Г.; Мочульский К. В.; Павлович Н. А.; Прокофьев С. С.; Редько А. М.; Розанов В. В.; Рубинштейн И. Л.; Тиме-Качалова Е. И.; Шелли Дж.; Ясинский И. И.).

10. Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский науч. сб. Вып. 7. К 120-летию со дня рождения поэта. Симферополь, 2009. С. 37–82 (Айхенвальд Ю. И.; Аксенов И. А.; Баблер О.; Беляев Ю. Д.; Беньяш Р. М.; Браун Н. Л.; Герцык Е. К.; Дойл А.; Дони А.; Евсеева С. Г.; Заболоцкий Н. А.; Костин К. И.; Крейн А. З.; Марков К. К.;

Рубенс П. П.; Рывина Е. И.; Рыкова Н. Я.; Скукалек Р.; Софинский В. Н.; Фелипе Л.; Фиш Г. С.; Форд Д.; Харин И. Н.; Целков О. Н.; Чен Дж.; Чудакова В. В.; Шадрин А. М.; Шамурин Е. И.; Шошин В. А.; Штаммлер Х.; Эрик Л. Н.; Юнгер В. А.).

11. *Memento vivere*: Сб. памяти Л. Н. Ивановой. СПб., 2009. С. 529–548 (Гитович С. С.; Кудрейко А. А.; Мегаев Г. Г.; Нейман Ю. М.; Одоевцева И.; Старокадомский К. Г.).

12. Пермьяковский сборник. Ч. 2. М., 2009. С. 561–617 (Багрицкий Э. Г.; Бану-Лахути Ц. Б.; Барашкова А. Ф.; Башинджагян Г. Х.; Башинджагян З. Г.; Беляков М. М.; Богданов-Березовский В. М.; Бурже П.; Вертинский А. Н.; Вишневская Н. А.; Вырубцова А. А.; Мегаев Г. Г.; Миклашевский К. М.; Миндлин Э. Л.; Мурин Б. Ю.; Нерис С.; Николай II; Нолле Н. А.; Пятин С. Г.; Ремизов А. М.; Руманов А. В.; Самарин Р. М.; Слётов П. В.; Сорин С. А.; Судейкин С. Ю.; Троцкий Л. Д.; Эльснер В. Ю.; Юткевич С. И.; Ярмуш М. Ю.).

13. Лесная школа: Труды VI Международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе. Поселок Поляны (Уусикирко) Ленинградской области, 2010. С. 143–172 (Апулей; Бордые Ж.-М.; Дорошинская Е. М.; Павлова К. К.; Познер В. С.; Полетаев Е. И.; Попов Г. Н.; Рогов В. В.; Сартр Ж.-П.; Слуцкий Б. А.; Чижевский Д. И.; Юркун Ю. И.; Яковлева Т. А.; Яшвили П.; Яшен К. Н.).

14. Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский науч. сб. Вып. 8. Симферополь, 2010. С. 34–71 (Бердслей О.; Бруни Н. А.; Гофман Э.-Т.-А.; Долинин-Искоз А. С.; Дончин Ж.; Казанова Дж.; Кондрашев Г. Ф.; Нейгауз Г. Г.; Никулин Л. В.; Парни Э.; Саломея; Форш О. Д.).

15. Блоковский сборник XVIII. Россия и Эстония в XX веке: диалог культур. Тарту, 2010. С. 26–51 (Городецкая А. А.; Городецкий С. М.).

16. *Russica Romana*. 2010. Vol. XVII. P. 203–222. (Вишневский В. В.; Илия; Козырев С. П.; Метро А.; Мурузи А. Д.; Павлова (Палей) М. Э.; Соловьев С. Ф.; Эйфель Ж.).

17. От Кибирова до Пушкина: Сб. в честь 60-летия Н. А. Богомолова. М., 2011. С. 599–621 (Амусин И. Д.; Антиной; Брюно Г.; Д’Аннунцио Г.; Исая; Лавренев Б. А.; Орлов В. Н.; Павленко П. А.; Словеснов Н. А.; Эредиа Ж.).

18. Некалендарный XX век. М., 2011. С. 408–445 (Бобров С. П.; Брандыс К.; Гофман В. В.; Гоцци К.; Калиостро; Лансере Е. Е.; Огинская Л. Ю.; Фаммуз; Энценсбергер Г. М.).

19. Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский науч. сб. Вып. 9. Симферополь, 2011. С. 109–145 (Ахмадулина Б. А.; Цирель-Спрингсон С. Д.; Якубович Д. П.).

20. *Toronto Slavic Quarterly*. Toronto, 2012. № 40. С. 366–387 (Чуковский К.).

21. *Venok: In Honor of Stefano Garzonio*. Stanford, 2012. P. 324–352 (Великий Немой; Каннегисер Л. А.; Козловский А. К.; Медный Всадник; Солсбери Г.; Чаплин Ч.).

22. Стих. Проза. Поэтика. Сборник к юбилею доктора филологических наук, профессора Ю. Б. Орлицкого. 1-е изд. New York, Айлурос (Айлурос), 2012. (Бицилли П. М.; Квятковский А. П.; Малахов С. А.).

23. История литературы. Поэтика. Кино. Сборник в честь Мариэтты Омаровны Чудаковой. М., 2012. С. 430–452 (Зелинский К. Л.).

24. *From Medieval Russian Culture to Modernism: Studies in Honor of Ronald Vroon*. Frankfurt; M, 2012. С. 265–313. (Буренин В. П.; Вечный жид; Голенищева-Кутузова О. В.; Добин Е. С.; Костелянец Б. О.; Летучий Голландец; Наполеон; Неведомский В. К.; Пастернак Е. Б.; Поливанова А. А.; Селиверстов И. В.; Старостин А. П.; Степанов Н. Л.; Шварсалон В. К.).

25. «...Как в прошедшем грядущее зреет...». Полувековая парадигма поэтики серебряного века. М., 2012. С. 289–330 (Авраменко И. К.; Аллилуева С. И.; Анненкова Е. Б.; Долматовский Е. А.; Дымшиц А. Л.; Лоретти Р.; Никитина З. А.; Чеботаревская-Сологуб А. Н.; Шенгели Г. А.).

26. Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский науч. сб. Вып. 10. Симферополь, 2012. С. 141–167 (Качанова-Лифшиц И. Н., Лифшиц В. А., Малышкин А. Г., Чулков Г. И., Юнгер Е. В.).

27. Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский науч. сб. Вып. 11. Симферополь, 2013. С. 143–161 (Катаев В. П., Качалов В. И., Козин С. А., Рагозина С. И., Сарьян М. С., Сахар (Лидарцева) Н. Я., Топорнин А. Н.).

28. Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский науч. сб. Вып. 12. Симферополь, 2014. С. 118–149 (А-това А.; Арцыбашев М. П.; Бенуа А. Н.; Домогацкий Б. С.; Евгеньев-Максимов В. Е.; Ершов И. В.; Иваск Ю. П.; Корнфорд Ф. К.; Ратгауз Г. И.; Фор П.; Яковлева Т. А.).

29. *Acta Slavica Latina Estonica VII*. Блоковский сборник XIX. Александр Блок и русская литература Серебряного века. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2015. С. 152–174 (Зенкевич М. А., Нарбут В. И.).

30. Литературная жизнь. Статьи. Публикации. Мемуары. Памяти

А. Ю. Галушкина / Отв. ред. В. В. Полонский; сост. М. П. Одесский, М. Л. Спивак. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 271–284 (Шкловский В. Б.).

31. Wiener Slawistisches Jahrbuch. 2018. Vol. 6. S. 207–235 (Воложенинов И. К.; Гатов А. Г.; Гербер А. Е.; Кощей Бессмертный; Малиа М.; Наринская Р. Л.; Овчаренко (Бондаренко) О. Т.; Отеро Сильва М.; Рахманов Ю. В.; Слонимский М. Л.; Струве Г. П.; Тюханова Л. А.).

32. Across Borders: 20th Century Russian Literature and Russian-Jewish Cultural Contacts. In Honor of Vladimir Khazan. Ed. by Lazar Fleishman and Fedor Poljakov (Stanford Slavic Studies. Vol. 48). Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag, 2018. P. 29–44 (Аничков Е. В.; Гуль Р. Б.; Гумилева-Фрейганг А. А.; Марков В. Ф.; Оболенская О. А.; Сеземан Д. В.).

33. Slavica Revalensia. 2018. Vol. 5. С. 256–312 (Бунин И. А.; Геденова Н.; Горенко А. А.; Крученых А. Е.; Кутасова О. Д.; Незвал В.; Радимов П. А.; Черняк Я. З.).

34. Wiener Slawistisches Jahrbuch. 2019. Vol. 7. P.270-287 (Риттенберг С. А.; Рубенс П. П.; Филиппов Б. А.).

35. Slavica Revalensia. 2019. Vol. 6. P. 179–247 (Альтман Н. И.; Ариман; Бруни Л. А.; Григорьев Б. Д.; Ду Фу; Железнов П. Ф.; Кепов А. Г.; Малковати.; Ф. Нобори Сёму; Митурич П. В.; Морозов А. А.; Олоферн; Саянов В. М.; Сергеев Г. А.; Танеева Т. И.; Тищенко Б. И.; Шагинян М. С.).

36. Wiener Slavistisches Jahrbuch. 2020. Vol. 8. P. 276–299 (Воронцов-Вельяминов Г. М., Галчинская Н.; Трифонова Т. К.; Унбегаун Б.; Юдина М. В.).

37. Slavica Revalensia. 2020. Vol. 7. С. 240–286 (Гнедич Т. Г.; Головин А. Я.; Драйвер С. Н.; Змай Й.; Хемингуэй Э.).

38. Unacknowledged Legislators. Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel. Edited by Lazar Fleishman, David M. Bethea and Плуя Vinitzky. Berlin: Peter Lang, 2020. P. 421–435 (Круг Вячеслава Иванова – Владимир Пяст).

39. Литературный факт. 2020. № 3 (17). С. 292–303 (Эфрос А.).

40. Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 355–364 (Ягода Г.).

41. Вяч. Иванов в контексте эпохи модернизма / Под ред. Д. М. Сегала, Н. М. Сегал-Рудник, О. М. Левитан и др. М., 2021 (Вяч. Иванов).

42. Русский модернизм и его наследие. Коллективная монография в честь 70-летия Н. А. Богомолова. М. 2021. С. 281–303 (Валерий Брюсов).

43. Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 362–381 (Верховский Ю. Н., Тиняков А. И.).

44. Пространство безграничной словесности: Сборник статей к 70-летию В. Е. Багно. СПб., 2021. С.437–447 (Эмиль Верхарн).

45. Летняя школа по русской литературе. 2021. № 1. С.107–128. (Астапов В. П., Гончарова Н. С., Дягилев С. П., Пугачева К. В., Хлоя).

46. Wiener Slavistisches Jahrbuch. 2021. Vol. 9 (в печати) (Белкин В. П., Белкина-Попова В. А.).

ПРИЛОЖЕНИЕ

DOI: 1031860/978-5-91172-216-6-409-420

Е. Абарова

Пушкин – Санкт-Петербург

Царскосельские «дома» Анны Ахматовой

*«Главная черта моей биографии – все дома,
где я жила, стертые с лица земли. Севастополь, Царское...»*

(А. А. Ахматова)¹

Дом Сергеева

В начале 1925 года у Анны Ахматовой обострилась болезнь, и Николай Николаевич Пунин стал подыскивать для ее лечения пансион. Выбор пал на пансион Зайцева в Детском Селе, который находился в самом начале Московской улицы, дом 1. «В 1925 году я жила с Мандельштамами в одном коридоре в пансионе Зайцева в Царском Селе», – вспоминала Ахматова.²

Первый биограф Анны Ахматовой – Павел Николаевич Лукницкий, 23-летний студент, увлеченный летописец и начинающий стихотворец, встречался с ней почти ежедневно во второй половине 1920-х годов. Он тщательно записал обстоятельства и разговоры своих встреч с ней.

5 апреля 1925 года он забрал письмо и пакет для Ахматовой у Н. Н. Пунина и отправился в Детское Село. Вот что он записал в этот день в своем дневнике. «В 3 часа, за час до положенного по расписанию обеда, Анна Андреевна предложила мне пойти со мной на Малую улицу – показать мне дом Гумилевых. В ответ на мое беспокойство – не слишком ли она утомлена для такой прогулки, не будет ли ей такая прогулка вредна, – АА уверила меня, что ей даже следует немного гулять и что это будет только полезно.

АА: “Не знаю только, успеем ли мы вернуться к обеду... Хотя это недалеко... Пойдемте...”

Надели шубы, вышли. Солнце ясное, милое... Воздух чистый... Но снег еще не весь растаял, и грязи и грязных луж местами не обойти. Идем – неторопливо. АА лучистым взором показывает мне

на дома, с которыми связаны какие-нибудь ее воспоминания, и рассказывает их. Идем по Московской... АА указывает на белый собор: “Вот в этом соборе Николай Степанович говел последний раз, в ... году. А вот это – Гостиный двор”, – и АА перевела глаза направо: – “А там, дальше – гимназия, в которой я училась, только тогда она была совсем другая – теперь ее перестроили... Увеличили ее – пристроили сбоку и надстроили вверх”...

С Московской мы свернули направо – пошли мимо гимназии...

АА: “Из этой двери мы выходили на улицу, а вот здесь, в Гостином дворе, поджидали нас гимназисты – они выбирали это место, чтоб их не очень видно было...”

АА с грустью смотрит на грязные, испорченные тротуары, на сломанные заборы, на пустыри, где когда-то, она помнит, стояли хорошенькие, чистые дома.

АА: “Подумайте – этот город был самым чистым во всей России, его так берегли, так заботились о нем! Никогда ни одного сломанного забора нельзя было увидеть... Это был какой-то полу-Версаль... Теперь нет Царского Села...”

Я понял, что в Царском настроение АА не может быть хорошим; я думаю, каждый камень, каждый столбик – такой знакомый и такой чужой теперь – попадая в поле ее зрения, причиняет ей физическую, острую боль. Я сам испытывал ее в продолжении всей прогулки, и я боялся думать о том, во сколько раз нужно ее умножить, чтоб почувствовать то, что чувствовала Анна Андреевна.

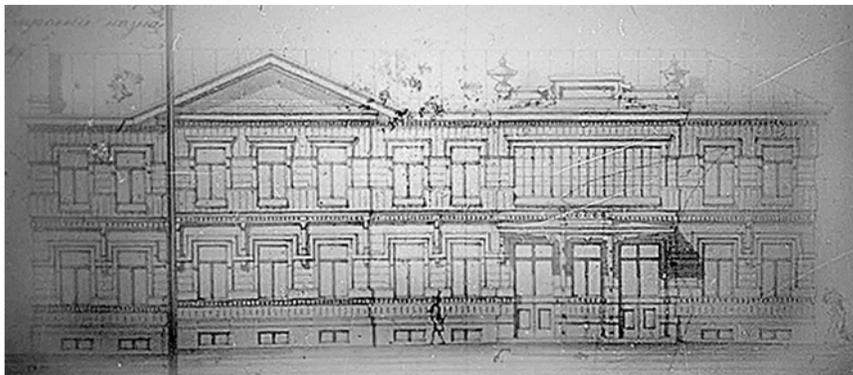
Когда мы, свернув на Малую улицу, шли по ней, АА обратила мое внимание на серый 3-этажный деревянный дом на левой стороне улицы.

АА: “Это дом Сергеева...³ Я здесь жила, когда мне было 3 года...”

В своих Записных книжках Ахматова написала свои Царскосельские адреса, среди которых значится «Малая <ул.>, д<ом> купца Сергеева (в раннем детстве)».⁴

Фамилия Сергеев достаточно распространенная, но можно предположить, что дом № 46 на Малой улице и есть тот самый, где жила семья Анны Горенко.

Обратимся к архивным документам. В первой части первого квартала Царского Села по Малой улице до 1858 года находились двоянный большой участок под № 74 и 75 с садом, принадлежащие

Царское Село. Малая улица, фасад дома Сергеева. 1881.

одно время жене купца Марье Афанасьевне Гауер. По красной линии стоял одноэтажный деревянный дом с мезонином № 39. В 1859 году этим участком с домом стала владеть вдова вице-адмирала Маргарита Карловна Маркиза де-Траверсе.⁵

Маркиз Александр Иванович де Траверсе⁶ был русским вице-адмиралом, сыном морского министра маркиза Жана-Франсуа (Ивана Ивановича) де Траверсе.

С 1846 года ее племянница – Мария Александровна Паткуль (1822–1900), урожденная маркиза де Траверсе, была фрейлиной императорского двора и владела в Царском Селе большим участком земли между Малой и Средней улицами. После смерти мужа в 1850 году Маргарита Карловна решает переехать в Царское Село, поближе к родственникам.

Было решено по проекту архитектора А. Ф. Видова к существующему дому на Малой улице пристроить с правой стороны новый подъезд и расширить хозяйственные постройки на участке. 17 марта 1859 года главный управляющий Царским Селом Я. В. Захаржевский дал разрешение на эти переделки. Как естественное ограждение северной стороны участка, по проекту А. Ф. Видова 15 июня 1861 года было разрешено построить каменные сараи, закрывающие собой от посторонних глаз площадь Гостиного двора.

В 1876 году мастер Санкт-Петербургского перчаточного цеха Федор Федоров становится владельцем данного участка. 10 марта того же года было получено разрешение сделать пристройку к дому

и надстроить второй этаж по проекту арх. Н. С. Никитина.

А с 1881 года владельцем данного участка становится царско-сельский купец Сергеев вплоть до 1917 года. 3 марта 1881 года было согласовано строительство двухэтажного деревянного флигеля во дворе дома по проекту Н. С. Никитина.

Получается, что в этом доме Сергеева в 1892 году предположительно и жила семья Горенко, когда Ане было три года.⁷

Дом Дауделя в Царском Селе

Ахматова вспоминала: «В Царском Селе я жила, в общем с двух до шестнадцати лет. Из них одну зиму (когда родилась сестра Ия) семья провела в Киеве (Институтская ул.) и другую в Севастополе (Соборная; дом Семенова). Основным местом в Царском Селе был дом купчихи Елизаветы Ивановны Шухардиной (Широкая, второй дом от вокзала, угол Безымянного переулка). Но первый год века, 1900, семья жила (зиму) в доме Дауделя (угол Средней и Леонтьевской. Там корь и даже, может быть, оспа)».⁸

Дом находился в первой части первого квартала Царского Села, на углу Средней и Леонтьевской улиц на участке земли под номером 28 и принадлежал мещанину по фамилии Воронов. Деревянный дом был построен по проекту архитектора А. П. Гильдебранта в 1834 году. Совсем скоро этот большой участок был продан Царско-сельскому купцу Григорию Петровичу Соловьеву и его жене Вар-

Царское Село, угол Средней и Леонтьевской улицы, дом Дауделя, фасад дома.

варе Михайловне. По проекту тогда главного архитектора Царского Села – Ипполита Монигетти на данном участке (на пересечении улиц) на углу по красной линии появился деревянный двухэтажный дом на каменном фундаменте, главным фасадом выходящий на Среднюю улицу. Дом имел два входа, парадный с Леонтьевской улицы, и черный с торца дома по Средней улице. На участке располагался большой сад и двор, и к тому времени появились флигель и холодные службы.

В 1850 году владельцем этого участка становится жена почетного гражданина Вильгельмина Августиновна Устинова. Дом на углу перестраивает царскосельский архитектор Н. Никитин. К 1858 году угловой дом становится каменным двухэтажным, на участке появляются деревянные флигели, сарай и конюшни на каменных фундаментах.

В 1884 году владельцами дома с участком становятся – Мухановы, а затем дочери титулярного советника, чиновника особых поручений Николая Ивановича Даудель – Ольга и Лидия, вплоть до 1917 года. Об Ольге Николаевне сохранилось воспоминание жительницы города Пушкина, В. С. Волгиной: «...Даудель была примечательным человеком. Она получила хорошее образование, имела свой домик (или два) и обладала средствами. Отец ее был швед...».⁹

Вот один-то «домик» она и сдавала семье Горенко, когда они подыскивали жилье поближе к Царскосельской Мариинской женской гимназии, куда осенью 1899 года поступила их дочь Анна, будущая поэтесса – Ахматова. Через несколько месяцев после поступления в гимназию Аня тяжело заболела. Аманда Хейт, английский литературовед, пишет: «Неделю пролежала она в беспомощности, и думали, что она не выживет. Когда она все же поправилась, ее вдруг на какое-то время поразила глухота. Врачи не понимали причины. Позднее один специалист предположил, что она, вероятно, перенесла оспу, не оставившую, однако, никаких видимых следов. Именно тогда она стала писать стихи, и ее никогда не покидало чувство, что начало ее поэтического пути тесно связано с этим таинственным недугом».

Зима в доме Дауделя запомнилась десятилетней Ане Горенко еще тем, что на улицах Царского Села появилось новое невиданное средство передвижения: «Живущий где-то поблизости гусарский офицер выезжал на своем красном и дикого вида автомобиле, проезжал

квартал или два – затем машина портилась, и извозчик вез ее с позором домой. Тогда никто не верил в возможность автомобильного и тем более воздушного сообщения».¹⁰

Дом Е. И. Шухардиной в Царском Селе

Дом вдовы мещанина Евдокии Ивановны Шухардиной находился в Царском Селе на углу Широкой улицы и Безымянного переулка. В XIX веке в городе появилась Широкая улица, она начиналась прямо от здания вокзала, ее пересекал Безымянный переулок, который шел параллельно железной дороге. Между вокзалом и Безымянным переулком в то время были луга.

Как раз на этот, первый, царскосельский вокзал приехала в 1892 году семья Горенко из Петербурга. Отец Анны, Андрей Антонович (1848–1915), был надворным советником, служил помощником генерал-контролера Департамента гражданской отчетности Государственного контроля в Санкт-Петербурге,¹¹ поэтому семья поселилась рядом с железной дорогой.

Сначала семья Горенко жила в первом от вокзала доме по Широкой улице – «очень холодном», по воспоминаниям Анны Ахматовой. Наверное, по этой причине семья вскоре переселилась в соседний дом Евдокии Шухардиной. В этом доме семья жила с перерывами до весны 1905 года.

Среди автобиографической прозы Анны Ахматовой есть отдельный рассказ, посвященный этому дому и этому периоду времени в Царском Селе, который так и называется «Дом Шухардиной»:

...Этому дому было сто лет в 90-х годах XIX века, и он принадлежал купеческой вдове Евдокии Ивановне Шухардиной. Он стоял на углу Широкой улицы и Безымянного переулка. Старики говорили, что в этом доме «до чугунок», то есть до <18>38 года, находился заезжий двор или трактир. Расположение комнат подтверждает это. Дом деревянный, темно-зеленый, с неполным вторым этажом (вроде мезонина). В полуподвале мелочная лавочка с резким звонком в двери и незабываемым запахом этого рода заведений. С другой стороны (на Безымянном), тоже в полуподвале, мастерская сапожника, на вывеске – сапог и надпись: «Сапожник Б. Неволин». Летом в низком открытом окне был виден сам сапожник Б. Неволин за работой. Он в зеленом переднике, с мертвенно-бледным, отекившим лицом пьяницы. Из окна несется зловонная вонь. Все это могло быть превосходным кадром современной кинокартины. Перед домом по Широкой растут прямые складные дубы средних лет; вероятно, они и сейчас живы; изгороди из кустов кротегуса.

Мимо дома примерно каждые полчаса проносится к вокзалу и от вокзала целая процессия экипажей. Там всё: придворные кареты, рысаки богачей, полицмейстер барон Врангель – стоя в санях или пролетке и держащийся за пояс кучера, флигель-адъютантская тройка, просто тройка (почтовая), царскосельские извозчики на «браковках». Автомобилей еще не было.

По Безымянному переулку ездили только гвардейские солдаты (кирасиры и гусары) за мукой в свои провиантские магазины, которые находились тут же, поблизости, но уже за городом. Переулочек этот бывал занесен зимой глубоким, чистым, не городским снегом, а летом пышно зарастал сорняками – репейниками, из которых я в раннем детстве лепила корзиночки, роскошной крапивой и великолепными лопухами (об этом я сказала в 40-м году, вспоминая пушкинский «ветхий пук дерев» в стихотворении «Царское Село» 1820 года – «Я лопухи любила и крапиву...»).

По одной стороне этого переулочка домов не было, а тянулся, начиная от шухардинского дома, очень ветхий, некрашенный дощатый глухой забор. Вернувшийся осенью того <1905. – Е. А.> года из Березок и уже не заставший семьи Г<оренко> в Царском Н. С. <Гумилев> был очень огорчен, что этот дом перестраивают. Он после говорил мне, что от этого в первый раз в жизни почувствовал, что не всякая перемена к лучшему. Не туда ли он заехал в своем страшном «Заблудившемся трамвае»:

А в переулке забор дощатый,
Дом в три окна и серый газон...

Ни Безымянного переулочка, ни Широкой улицы давным-давно нет на свете. На этом месте разведен привокзальный парк или сквер.

Весной 1905 года шухардинский дом был продан наследникам Шухардиной, и наша семья переехала...

...А иногда по этой самой Широкой от вокзала или к вокзалу проходила похоронная процессия невероятной пышности: хор (мальчики) пел ангельскими голосами, гроба не было видно из-под живой зелени и умирающих на морозе цветов». ¹²

В Российском Государственном историческом архиве находится план земельного участка, принадлежавшего вдове царскосельского мещанина Евдокии Ивановне Шухардиной. 28 декабря 1896 года был составлен план раздела участка на две части – между вдовой потомственного почётного гражданина Александрой Ивановной Богомоловой (под лит. «Б») и вдовой Е. И. Шухардиной (под лит. «А»). На плане по линии «абвг» виден раздел этой территории (31 пог. саж.×43 пог. саж.) на две части «А» (641,75 кв. саж.) и «Б» (691,25 кв. саж.). На плане указаны: «В» – лицевой дом, «Г» – лицевой флигель, «Д» – служебный флигель и ледник, «Е» – надворный флигель, «F» – сорная яма. Лицевой дом (8,75 саж.×7 саж., что соответствует 16×13 м) оказался на территории Е. И. Шухардиной и стоял по крас-

ной линии на пересечении Широкой улицы и Безымянного переулка. Площадь дома составляла примерно 208 кв. м, что характерно для типичной царскосельской застройки того времени. Дом был прямоугольный, с небольшим выступом со стороны двора, имел пять входов, по два с каждой улицы, а один со двора. Можно предположить, что у каждой семьи был отдельный вход. В середине XIX века этот деревянный дом с садом принадлежал наследникам купца Ефима Яковлевича Яковлева.

Царскосельская ода
Девятисотые года

А в переулке забор дощатый...
Н. Гумилев

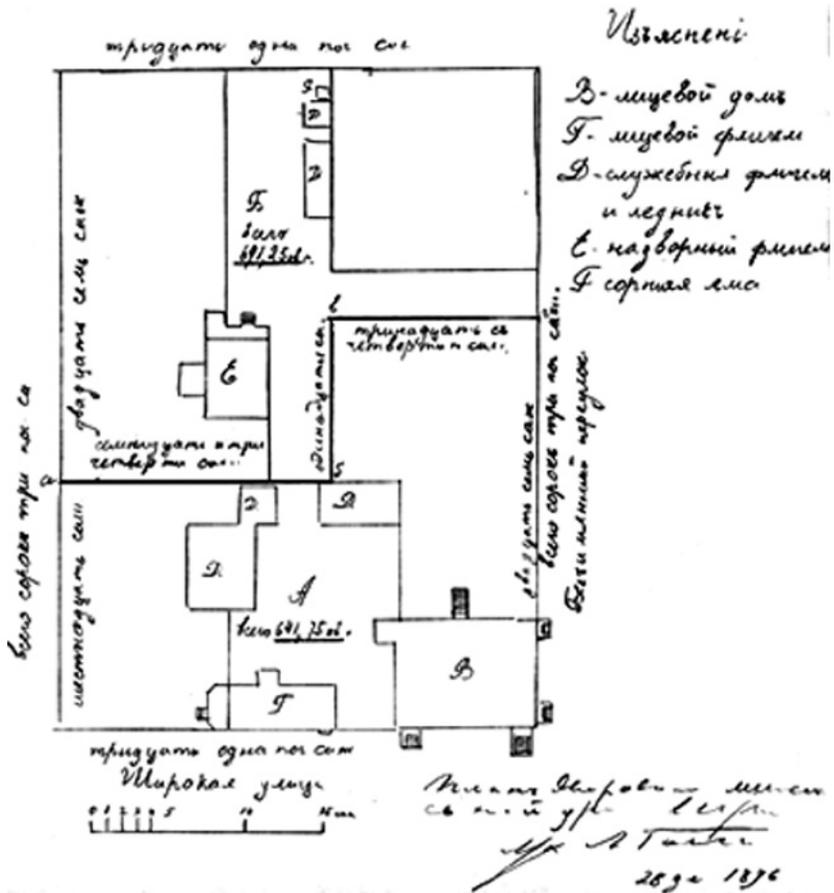
Настоящую оду
Нашептало... Постой,
Царскосельскую одурь
Прячу в ящик пустой,
В роковую шкатулку,
В кипарисный ларец,
А тому переулку
Наступает конец.
Здесь не Темник, не Шуя –
Город парков и зал,
Но тебя опишу я,
Как свой Витебск — Шагал.
Тут ходили по струнке,
Мчался рыжий рысак,
Тут еще до чугулки
Был знатнейший кабак.
Фонари на предметы
Лили матовый свет,
И придворной кареты
Промелькнул силуэт.
Так мне хочется, чтобы
Появиться могли
Голубые сугробы
С Петербургом вдали.
Здесь не древние клады,
А дощатый забор,
Интендантские склады,

И извозчиный двор.
Шепелявя неловко
И с грехом пополам,
Молодая чертовка
Там гадает гостям.
Там солдатская шутка
Льется, желчь не тая...
Полосатая будка
И махорки струя.
Драли песнями глотку
И клялись попадьею,
Пили допоздна водку,
Заедали кутьей.
Ворон криком прославил
Этот призрачный мир...
А на розвальнях правил
Великан-кирасир.

3 августа 1961. Утро. Комарово

Валерия Сергеевна Тюльпанова, в замужестве Срезневская (1888–1964), была подругой юной Анны Ахматовой в Царском Селе, их отношения сохранились на всю жизнь. В конце жизни Ахматова уговорила ее написать воспоминания, которые сама тщательно редактировала. В воспоминаниях Валерии Сергеевны зафиксирована картина царскосельской жизни двух семей в доме на Безымянном переулке.

«Настоящая, большая, на всю жизнь тесно связавшая нас дружба, пришла позже, когда мы жили в одном и том же доме в Царском Селе, близ вокзала, на углу Широкой улицы и Безымянного переулка, – в доме Шухардиной, где у нас была квартира внизу, а у Горенко наверху. В этот дом мы переехали после пожара, когда потеряли всю обстановку, все имущество, и наши семьи были очень рады найти квартиру, где можно было разместиться уютно, к тому около вокзала (наши отцы были связаны с поездками в Петербург на службу, а перед старшими детьми уже маячило в будущем продолжение образования). При доме был большой хороший сад, куда обе семьи могли на целый день выпускать своих детей, не затрудняя ни себя, ни своих гувернанток прогулками.

План дворового места, состоящего в городе Царском Селе на углу Широкой и Безымянного переулков под № 15, принадлежавшего вдове Царскосельского мещанина Евдокии Ивановне Шухардиной и вдове потомственного почётного гражданина Александре Ивановне Богомоловой, с показанием разделения места на 2 участка А и Б.

План участка, принадлежащего Е. И. Шухардиной. 1896. Выкопировка автора.

Вот когда мы по-настоящему подружились с Анечкой Горенко. Аня писала стихи, очень много читала дозволенных и недозволенных книг и очень изменилась внутренне и внешне».¹³

В сохранившихся черновых записях Анны Ахматовой, датированных 1957 годом, также остались некоторые подробности об этом

памятном доме: «Говорили, что когда-то, до железной дороги, в этом доме было нечто вроде трактира или заезжего двора при въезде в город. Я обрывала в моей желтой комнате обои (слой за слоем), и самый последний был диковинный – ярко-красный. Вот эти обои были в том трактире сто лет назад, – думала я. В подвале жил сапожник Б. Неволин – теперь бы это был кадр исторического фильма.

Этот дом памятнее мне всех домов на свете. В нем прошло мое детство (нижний этаж) и ранняя юность (верхний). Примерно половина моих снов происходит там. Мы уехали из него весной 1905 года. Тогда же он был перестроен и потерял свой старинный вид. Теперь его уже давно нет и на этом месте разведен привокзальный парк или что-то в этом роде. (Я последний раз была в Царском Селе в июне 1944 года.)»¹⁴

28 января 1956 года Л. К. Чуковская записала со слов Анны Андреевны: «Один мой усердный почитатель – заика – поехал в Царское поглядеть на мой дом. Я ему объяснила: второй от вокзала. Вернулся, спрашиваю – как? “Ттам работает ттрактор”...»¹⁵

А в 1964 году Ахматова еще вспоминала: «Анина комната: окно на Безымянный переулок... который зимой был занесен глубоким снегом, а летом пышно зарастал сорняками – репейниками, роскошной крапивой и великанами-лопухами... Кровать, столик для приготовления уроков, этажерка для книг. Свеча в медном подсвечнике (электричества еще не было). В углу – икона. Никакой попытки скрасить суровость обстановки – безделушками, открытками».¹⁶

Дом Шухардиной, где прошли детство и юность Ахматовой, был ей очень дорог. Она вспоминала его до конца жизни: «В Царском Селе я жила в общем с двух до шестнадцати лет. <...> Основным местом в Ц<арском> С<еле> был дом купчихи Евдо<кии> Ив<ановны> Шухардиной (Широкая, второй дом от вокзала, угол Безымянного переулка)».¹⁷ Здесь же, по свидетельству самой Анны Андреевны, прошла и ее первая бессонная ночь – за чтением романа Достоевского «Братья Карамазовы».

Как известно, после войны было построено новое, третье, здание железнодорожного вокзала в Пушкине. На том месте, где переулок пересекался с Широкой улицей, раскинулась просторная Привокзальная площадь, а вокруг нее уже давно отстроены новые жилые кварталы.

- ¹ Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. В 2 т. Т. 2. 1952–1962. СПб., 1996. С. 143.
- ² Мандельштам Н. Я. Вторая книга. М., 1990. С. 183.
- ³ Лукницкий П. Н. *Acumiana*. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. 1924–1925 гг. Paris, 1991. С. 104–112.
- ⁴ Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). М., Torino. 1996. С. 132.
- ⁵ Траверсе (Prévost de Sausac, marquis de Traversay) – дворянский род, восходящий ко второй половине XIV в. и происходящий из Прованса. Жан-Франсуа (Иван Иванович), маркиз де Т. (1754–1830) выехал в Россию во время революции; был морским министром (1811–1828) и членом государственного совета. Один из его сыновей, маркиз Александр Иванович старший (1792–1850), был военным губернатором и главным командиром порта в Архангельске. Род маркизов Т. внесен в V ч. род. кн. Казанской губ. (Гербовник, IX, 136). Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907. Т. XXXIIIa (1901). С. 679.
- ⁶ Маркиз А. И. де Траверсе (10 марта 1791–18 февраля (2 марта) 1850, Архангельск) – русский вице-адмирал. Сын морского министра маркиза И. И. де Траверсе и Мари-Мадлен де Риуф.
- ⁷ В конце мая 2020 разобрали единственный сохранившийся до наших дней дом в Царском Селе, где жила семья Горенко.
- ⁸ Ахматова Анна. Собр. соч. В 6 т. Т. 5. М., 2001. С. 217.
- ⁹ Евгений Маркович Головчинер: истоки пушкинского краеведения / Сост., коммент., А. Г. Груздева, А. В. Косарева. СПб., 2005. С. 133.
- ¹⁰ Ахматова Анна. Собр. соч. Т. 5. С. 165.
- ¹¹ Адрес-календарь на 1898 год. СПб., 1898.
- ¹² Ахматова Анна. Указ. соч. С. 167–170.
- ¹³ Об Анне Ахматовой: Стихи, эссе, воспоминания, письма / Сост. М. М. Кралин. Л. 1990. С. 15–17.
- ¹⁴ Ахматова Анна. Указ. соч. С. 692–693.
- ¹⁵ Чуковская Л. К. Указ. соч. С. 143.
- ¹⁶ Ахматова Анна. Указ. соч. С. 216.
- ¹⁷ Там же. С. 217.

**Беседа Ирины Барсэл
с Сергеем Дмитриевичем Умниковым,
собирателем первого музея Анны Ахматовой в России
(Запись 1984 года)**

*Вступ. сообщение Е. В. Абаровой, расшифровка записи
и подгот. текста И. П. Барсэл, коммент. Г. В. Петровой.*

Сергей Дмитриевич Умников (20. 10. 1902 (ст. ст.), с. Сабаново, Симбирская губ. – 30 сентября 1999 (н. ст.), г. Пушкин, С.-Петербург), агроном, педагог, коллекционер, создатель музея, даритель; канд. с.-х. наук (1933?) почет. гражданин г. Пушкин (1997).

Родители С. Д. Умникова – из крестьян: отец плотник, мать – домохозяйка. Умников окончил 6 классов среднего учебного заведения. До 1919 года учился и жил на иждивении отца. Участник Гражданской войны. С марта 1919 года по 24 января 1921 года добровольцем служил в Красной Армии. Окончил Ленинградский сельскохозяйственный институт (ЛСХИ, 1925). Аспирант (1925–1929). Доцент кафедры общего земледелия ЛСХИ. С 1932 года – преподаватель, а с 1934 года – старший преподаватель. Доцент с 1 сентября 1934 года до 15 декабря 1963 года с перерывами. Участник советско-финской (1939–1940) и Великой Отечественной (1941–1945) войн; награжден орденом Отечественной войны II степени (1985); медалями: «За оборону Ленинграда» (1943), «За Победу над Германией» (1946).

Осенью 1926 года произошла встреча С. Умникова с А. Ахматовой на квартире Рыбаковых (полуциркуль Екатерининского дворца). «Приняла она нас <Умникова и его друга. – Е. А.> довольно любезно. Поздоровалась, подав руку. <...> Любезность Ахматовой была, однако, какой-то сдержанной. Перед нами была “королева”! А когда мы сказали о своей просьбе – она категорически отказала: “Не просите”. Было ясно, что дальнейшие уговоры недопустимы.

Несмотря на отказ выступать в студенческом клубе, все же у нас с ней состоялся небольшой разговор. Полностью его я, конечно, не помню. Но запомнилось, что Анна Андреевна говорила: “Детское Село – мой самый любимый город. Душой отдыхаю здесь”.

Обстановка в квартире, где нас принимала Анна Андреевна, оказалась нам богатой. Но позднее я узнал, что это была квартира не Ахматовой, а ее друзей Рыбаковых. <...> мебель им была выдана на временное пользование из дворцового управления, в комнате мое внимание сразу приковал нарядный попугай, сидевший в клетке. Не о нем ли она когда-то писала:

А теперь я игрушечной стала,
Как мой розовый друг какаду».¹

С 1924 года Умников собирал материалы, связанные с ее творчеством и биографией, систематизировал и изучал их; первый предмет коллекции – сборник «Четки» (Берлин, 1920). В составе коллекции (1996) – несколько тысяч единиц хранения.

Пояс от платья А. А. Ахматовой передан коллекционером из Тамбова Н. А. Никифоровым, получен им от семьи Ардовых.

Книжное собрание: издания произведений Ахматовой, включая первые (дореволюционные) экземпляры поэтических сборников; сборники более позднего периода творчества на русском и иностранных языках (нем., англ., болг.); сборники ее переводов с китайского, корейского, греческого, норвежского языков; воспоминания об Ахматовой; труды, посвященные ее жизни и творчеству (некоторые книги – с дарственными надписями авторов); подборка газетных и журнальных публикаций произведений Ахматовой (в т. ч. из журнала «Аполлон» (1911), с первой публикацией стихов поэта; «Ленинград» (№ 1–2 за 1946), «Октябрь» (№ 3 за 1987) с первой публикацией поэмы «Реквием»); газетные и журнальные статьи, посвященные творчеству Ахматовой.

Ее иконография: «Портрет А. Ахматовой в мантии Оксфордского университета» (дар художника М. Г. Тиме, 1979?), фотопортрет с картины Н. И. Альтмана (дар вдовы художника), палехская шкатулка с портретом поэта, ее фотографии; гипсовый слепок руки Ахматовой (дар Ф. Г. Раневской), ее гипсовая посмертная маска (работы Г. Д. Распопова), бюст (художницы Н. Я. Данько), юбилейная кофейная чашка с ее изображением (подарок ЛФЗ) и др.; фотографии ее родных, друзей, современников.

¹ *Ахматова Анна*. Собр. соч. В 6 т. Т. 5. М., 2001. С. 8.

Собрание звукозаписей голоса Ахматовой и исполнителей ее стихов; копии автографов Ахматовой; коллекция нагрудных значков с изображением Ахматовой; коллекция экслибрисов (сформирована Умниковым в альбом «Ахматова в тысяче экслибрисов»).

Письма деятелей культуры, общественных деятелей, коллекционеров, почитателей творчества Ахматовой, среди которых – Ф. Г. Раневская, Т. М. Вечеслова, С. С. Гейченко – директор Всероссийского музея-заповедника «Пушкинские горы»; Ю. В. Никулин, патриарх Алексей, Д. С. Лихачев, М. Баженов – коллекционер из Москвы, И. В. Смирнова – старший научный сотрудник музея И. А. Гончарова, В. Е. Зелинская – заведующая Музеем-квартирой А. С. Пушкина, Р. М. Минкина – научный сотрудник Смоленского музея-заповедника, сотрудники института Гете, Н. И. Попова, Л. Рудакова-Шушенская, В. А. Захаров – старший научный сотрудник Дома-Музея М. Ю. Лермонтова в Тамани, Н. М. Тимофеева – сотрудник Музея М. Е. Салтыкова-Щедрина в Калининне <ныне Тверь. – *Е. А.*>, И. П. Саутов – директор Дворцово-паркового Музея-заповедника г. Пушкина и др.

20 февраля 1985 года Умникову выдано Охранное свидетельство: «Собрание материалов об А. А. Ахматовой взято на учет и под охрану Главного управления культуры»; в документе отмечена «большая историко-мемориальная ценность собрания».

20 апреля 1996 года был подписан договор о передаче коллекции С. Д. Умникова «Первый музей А. А. Ахматовой» в дар г. Пушкину. Умников – его директор и единственный сотрудник на общественных началах. Умников размещал коллекцию (музей) в своей 1-комнатной квартире в г. Пушкин. В 1982 году к С. Д. Умникову приезжал Л. Н. Гумилев. «Был у меня в гостях и сын Анны Андреевны, Лев Николаевич Гумилев, – на моем 80-летию. Тогда же был и известный исследователь творчества Ахматовой, доктор филологических наук А. И. Павловский. Приезжали и многие другие интересные люди – поэты и писатели. Они очень поддерживали меня в собирании музея».²

С. Д. Умников проводил на базе своего музея просветительские мероприятия, экскурсии для всех желающих и др. Им было организовано для этих целей объединение любителей поэзии – «Бродячая Муза». Он предоставлял предметы из коллекции для выставочных

² Из устных воспоминаний С. Д. Умникова.

проектов краеведческого литературно-исторического музея (г. Пушкин).

В 1996 году Умников передал коллекцию в дар г. Пушкин с условием размещения ее в Царскосельской гимназии искусств, располагающейся в здании бывшей Мариинской женской гимназии (с 2000 года – им. А. А. Ахматовой), где училась Ахматова. 25 октября 1996 года в гимназии открыта первая экспозиция, где были представлены предметы из коллекции Умникова. Коллекция положена в основу постоянной экспозиции «Анна Ахматова. Царское Село», открытой в гимназии в 1999 году.

Умников составил, в том числе с использованием материалов своей коллекции, «Краткую Ахматовскую энциклопедию (от А до Я, тысяча кратких справок)», и издал ее на свои средства (Л., 1991).

Благодаря Умникову, по инициативе «Бродячей Музы» в 1989 году в г. Пушкин появилась Ахматовская ул. (быв. Вокзальная).

С. Д. Умников награжден медалью «За доблестный труд к 100-летию Ленина» (1970), памятными медалями. Лауреат Царскосельской премии (1997).

Похоронен на Казанском кладбище.³

* * *

– Сергей Дмитриевич, к Вам со всех концов земли приезжают люди, потому что Вам удалось собрать первый в Советском Союзе музей Анны Ахматовой. И не только собрать, но и открыть его. Расскажите, пожалуйста, о нем. Как возник этот музей? С чего все начиналось?

– Мое собрание часто называют музеем, хотя музей это домашний, скромный. Материалов собрано много и им здесь, в этой однокомнатной квартире, уже тесно.

С чего началось собирание материалов?

Я агроном по образованию. Последнее время работал доцентом сельскохозяйственного института. И пока занимался своей специальностью, у меня на руках была только одна книжечка Ахматовой: «Четки» 1920 года.¹

³ См: Абарова Е. В. Поэта неведомый друг: К столетию со дня рождения Сергея Дмитриевича Умникова. СПб., Пушкин, 2002; «Мои первые воспоминания – Царскосельские...». Анна Ахматова в Царском Селе / Сост. Е. В. Абарова. СПб., 2008.

Выйдя же на пенсию, я задумался, чем же заниматься в свободное время, и через некоторое время, в результате поисков, нашел тему об Анне Андреевне Ахматовой. Ею теперь занимаюсь всецело и часто говорю, что Анна Андреевна скрасила мою старость.

Ко мне приходит много людей познакомиться с материалами об Ахматовой, узнать что-то новое о ней, потому что публикаций о ней, на сегодняшний день, очень мало. Многие впервые знакомятся с Ахматовой, потому что обстоятельства сложились так, что многие о ней (в силу того, что ее то запрещали, то не печатали) просто ничего не знают.

Сейчас у нашего музея очень много друзей. В книжечке, в которой я записываю дарителей музея, на сегодняшний день записано 467 человек. Скоро будет полтысячи человек, которые что-то подарили нашему музею. Кто-то дарит маслом написанную картину, кто-то экслибрис с изображением Ахматовой, кто-то присылает книги, кто-то вырезку из газеты, а кто-то свое пусть даже и слабенькое стихотворение, посвященное Ахматовой.² Я принимаю все. Я считаю, что пустяков и неважных вещей у нас здесь нет. Пусть это даже какой-то ученический рисунок на ахматовскую тему, но и в него вложены мысли о ней, личные переживания, какие-то чувства владели автором, это все и составляет содержание работы. Пусть потом без меня специалисты разбираются, что важно и что не важно. Я собираю решительно все. Посетители бывают у меня сейчас ежедневно, и даже приходится записываться за неделю, а то и за две, потому что время посещений расписано. Выступаю я и вне своей квартиры, когда приглашают. В этом году три раза я выступал в Сестрорецком курорте, и вот скоро опять поеду туда рассказывать об Ахматовой, т. к. публика там сменная. Люди все время новые. Одни приезжают, другие уезжают.

Чем мне дорога Ахматова? Меня часто спрашивают, почему я занялся именно Ахматовой. Я впервые познакомился со стихами Ахматовой в 1924 году. Случилось так, что я в парке сел на скамейку, на которой сидела какая-то девушка и читала книгу. На какой-то странице она ахнула. Я не утерпел и спросил, что она читает? Она посмотрела на меня и сказала, что Ахматову.

Я об Ахматовой тогда ничего не знал и спросил:

– Кто такая Ахматова?

Девушка возмутилась:

– А каких же Вы тогда поэтов знаете?

Дело кончилось тем, что она мне эту книгу, которую читала, дала. Со словами:

– Даю Вам эту книгу, чтобы Вы больше не говорили, что не знаете Ахматову.

Потом у нас была переписка. Письма были заполнены стихами Есенина, которого я раньше любил очень, и стихами Ахматовой.

Так получилось, что эта книжечка сохранилась у меня до сих пор. С нее, собственно, и начался этот музей. Это самый старый экспонат моего музея. С девушкой я потом потерял связь, хотя мы дружили долго. Сейчас я не знаю, жива ли она, и если жива, где находится.

Вот с тех пор я люблю стихи Ахматовой и почитаю в ней великого поэта.

Выйдя на пенсию, я занялся Ахматовой потому, что она заслуживает, чтобы был в нашей стране (и не только в нашей) музей Ахматовой, заслуживает, чтобы все ее знали, чтобы были ей поставлены памятники.

Но всего этого пока нет. Нет ни одной мемориальной доски нигде. Ни в Ленинграде, ни в Пушкине, ни в Одессе, где она родилась. Не говорю уже о памятниках. Многие ее слабо знают в силу сложившихся обстоятельств.

Это все и поставило передо мной вопрос: а не попробовать ли мне положить начало созданию Ахматовского музея, пусть даже в своей маленькой квартире? И я нисколько не жалею об этой своей затее, потому что работа над созданием музея доставила мне много радости и принесла большое удовлетворение.

– *Сергей Дмитриевич, в Вашей квартире совсем нет свободного места, всюду экспонаты, отовсюду смотрит Анна Андреевна. Есть даже слепок руки. Он поступил от Фаины Георгиевны Раневской, да?*

– Да, это подарок Фаины Георгиевны.³

– *Есть ли у вас предпочтения? Может быть, есть то, от чего перехватывает дыхание?*

– Я уже сказал, что для меня дорого все. Поэтому у меня нет, пожалуй, особых предпочтений. Мне правда дорого все. Любой пустяк, казалось бы. Хотя есть такие экспонаты, которые особенно радуют посетителей, да и меня в их числе. Вот один из первых подарков –

гербарий с Дальнего Востока. Гербарий с засушенными растениями, а женщина, которая прислала мне его с Дальнего Востока, находящегося на другом конце Советского Союза, из порта «Ванино», назвала этот гербарий «АХМАТОВИАНА».

Почему он так называется? Потому что на каждом листе этого гербария кроме засушенных растений есть стихи об этих растениях, написанные Ахматовой, в них она упоминает эти растения. Этот гербарий вызывает большой интерес у моих посетителей. Его часто просят показать, полистать, просят дать подержать в руках.

А вот здесь Вы можете видеть фотографию Фаины Георгиевны Раневской с очень дорогой для меня надписью: «*Дорогому Сергею Дмитриевичу*». А я никогда живую Фаину Георгиевну не видел. И она меня живого тоже не видела. И дорог ей я, конечно, только потому, что занимаюсь ахматовской коллекцией. Фаина Георгиевна стала почетным председателем совета нашего музея. Она от этого не отказалась, хотя писала мне, что она старая, живет в Москве и работать у меня не сможет. Я ответил Фаине Георгиевне, что, конечно же, не «вербую» ее работать у нас, и что нам очень лестно будет, если она будет почетным председателем. Надо сказать, что она не осталась безучастной и присылала нам много интересных и редких фотографий. И вот совсем недавно я получил от нее этот гипсовый слепок руки Ахматовой. Он долгое время хранился у Фаины Георгиевны, и совсем недавно она передала его нашему музею. Раневская говорит, что она более 30 лет дружила с Ахматовой и что она гордится, что Ахматова подарила ей свою дружбу.

Еще я упомянул Вам книжечку «Четки», которая у меня с 1924 года. Для меня это тоже любимый и особенный экспонат. У меня собраны все прижизненные издания ахматовских книг, за исключением «Вечера». «Вечер» вышел тиражом 300 экземпляров, как говорила сама Ахматова. Его достать теперь очень трудно.

Один человек, мне сказали, будто бы готов уступить его за 1000 рублей (при средней зарплате граждан СССР – 110 руб. в месяц), но даже не пришел, чтобы показать, и я его так и не увидел. Но, однако, «Вечер» есть у моего друга Румянцева Александра Михайловича⁴ в Ленинграде. Он является состроителем нашего музея. Я от него многое получил и получаю. Мы продолжаем дружить. Есть «Вечер» и в Публичной библиотеке, и в ряде других мест.

– Сергей Дмитриевич, скажите, есть ли на сегодняшний день у нас в стране еще хоть один музей Ахматовой?

– Другого музея Ахматовой – нет. Мои друзья убедили меня, чтобы я не возражал, когда наше собрание называют музеем. Музей, так музей. *(Улыбается)*. Нет. Другого музея не существует. И пусть будет такой, чем совсем никакого. Поэтому люди так и тянутся сюда, потому что другого ничего нет.

Узнав о нашем собрании, люди спешат сюда, чтобы что-то посмотреть и узнать, услышать новое об Ахматовой.

– Вы говорите, узнать. Узнать, конечно, очень хочется, потому что на сегодняшний день нет ни одной биографии Ахматовой. Существуют разрозненные исследования Романа Тименчика, Татьяны Цивьян, Анны Хан, Леонида Долгополова *(внутри блоковской темы)*, но ничего цельного. Хороших, полных биографических книг об Ахматовой нет.

– Да, биографических книг об Ахматовой нет. Мы не теряем надежды, и почти уверены, что в свое время выйдет книга об Ахматовой в серии «Жизнь замечательных людей».⁵ Но пока что она там не выходила, да и другой биографии Ахматовой не издавалось.

Я написал свою работу коротко. Назвал ее «Об Ахматовой». Но она перепечатана только в нескольких экземплярах. *(Смеется)*. В машинописном виде у нас это есть. И некоторыми используется.

– Сергей Дмитриевич, а Вы не могли бы сейчас немного рассказать об этой своей книге. Что в ней?

– Я держусь в этой книге хронологической последовательности. Начинаю с того, что она родилась в Одессе, в местечке, которое называется Большой фонтан. (Отчего у меня и появилась мысль, чтобы Ахматову изобразили в платье с матросским воротником).

–...т. е. на ваших стенах ваш заказ?⁶

– Да, так у меня появилось несколько работ, выполненных художниками по моему желанию, точнее по моей просьбе.

Ее отец был морской офицер. Ее первая поэма называется «У самого моря» и стихотворений на морскую тему много, отсюда такое желание.

Но Ахматова, как известно, в Одессе почти не жила. Ей не было еще и года, когда ее родители поселились в нашем Павловске, рядом с Пушкиным (Царским Селом). В Павловске они тоже жили недолго, перебрались оттуда в Царское Село. Здесь, как сама Анна Андре-

евна пишет, прошли ее детство и ранняя юность, здесь она у нас ходила в гимназию. Кстати сказать, здание гимназии сохранилось, его можно посмотреть. Здесь она, когда ей было 14 лет, около Гостиного нашего двора познакомилась с гимназистом Николаем Гумилевым.⁷ С тех пор он ухаживал за ней и, наконец, в 1910 году добился, чтобы она стала его женой. Они обвенчались в церкви под Киевом (теперь уже в черте города, где сейчас расположен район Дарница). После венчания они поехали в свадебное путешествие, в Париж, и в 1911 году они снова были с мужем в Париже. Во время первого приезда Ахматовой в Париж Гумилев познакомил ее с художником Модильяни.⁸ И мне представляется, что по Парижу Ахматова больше гуляла с Модильяни, нежели со своим мужем. Гумилев был очень занят, занимался своими делами, часто оставлял ее одну. Не только на несколько дней, но иногда на много месяцев. Он только три раза ездил в Африку охотиться на диких зверей.⁹

Третий раз оказавшись в Париже в 1965 году, за год до своей смерти, это когда она ездила в Лондон за получением свидетельства о присвоении ей почетного звания доктора Оксфордского университета. Она тогда попросила разрешения остановиться на три дня в Париже. И в эти три дня к ней приходили многие ее знакомые, которым она говорила: «Пройдемте со мной по тем местам, где я гуляла с Модильяни».

После того как Ахматова и Гумилев вернулись из Парижа, они поселились у нас в городе Царском Селе. Это второй период жизни Ахматовой в Царском Селе с 1910 по 1916 год. В 1916 году, когда шла война с Германией, Гумилев был в армии, но Ахматова в 1916 году уехала из дома свекрови, который был вместе с тем и домом ее мужа. Она уехала в Ленинград¹⁰ <sic! – И. Б.>, уже решив, по-видимому, тогда с Гумилевым не жить. Трещина в их отношениях появилась довольно рано. Недаром она писала, «в этом доме очень страшно жить».¹¹ Это дом (теперь улица Революции¹²), где Ахматова писала и где стояла и колыбелька ее ребенка.

– *Сергей Дмитриевич, а когда наметилась трещина в отношениях, о которой Вы говорите?*

– Да вот в 1912 году, когда Ахматова родила сына, Льва Николаевича Гумилева, своего единственного ребенка, других детей у нее не было. В ту же пору или вскоре (Орест родился в 1913 году¹³) она

узнает, что у Николая Степановича появился еще один сын от помещицы Высотской,¹⁴ имение которой находилось в Тверской губернии. Он рано начал ей изменять. И эта трещина, я думаю, дала повод написать, что «в этом доме очень страшно жить».

– *Сергей Дмитриевич, а Вы не знаете, кому адресовано стихотворение «Высокие своды костела»? Что за намеки в нем на трагедию в личной судьбе, о чем она?*

– Во многих стихах Ахматовой отражается ее собственная судьба, но я не думаю, что всякое лыко надо пускать в строку. Все в точности не может быть автобиографично. Вот она в одном из стихотворений говорит, что они венчались в Софийском соборе в Киеве. Но нам известно, что венчание было не в Софии, а на другом берегу Днепра, там, где сейчас находится район Дарницы. Или в постановлении 1946 года ее клеймили за многое и в том числе за блудницу, каковой она себя нарекла в одном из стихотворений. Но такой прямолинейный подход выглядит глупо.

Очень хорошо сказано о ней в некрологе Союза Советских писателей¹⁵ о том, что она была высоконравственным поэтом, и стихи ее отличаются тем же. Она облагораживала человеческие чувства, была человеком достойным подражания.

– *Сергей Дмитриевич, я спросила Вас о стихотворении «Высокие своды костела» в связи с тем, что в «Поэме без Героя» звучит та же тема самоубийства. Только в «Поэме» эта тема имеет прямое отношение к судьбе Ольги Афанасьевны Глебовой-Судейкиной, примы-балерины 1910-х годов, ее близкой подруги, а в комментариях к «Поэме» Ахматова пишет о личном мотиве... Поэтому хочется и подсказку в тексте. Что Вы скажете? «Высокие своды костела» – тема темы «Поэмы без Героя» и тоже 1913 год.*

– В «Поэме без Героя» несомненно говорится о случае, связанном с Ольгой Глебовой-Судейкиной.¹⁶ И Князевым.¹⁷ Но есть, может быть, легенда, а может быть, нечто имеющее под собой основание, будто бы Ахматова говорила, что и из-за нее покончил один человек жизнь самоубийством,¹⁸ но это требует для меня дальнейших подтверждений. В связи с этим я вспоминаю, что и сама Анна Андреевна пыталась покончить жизнь самоубийством, но это в ранней юности. Она говорила, что после этого ей было стыдно. Это была ее первая и последняя попытка. Тема самоубийства в начале XX века

была в моде. Несмотря на то, что жизнь Анны Андреевны была очень непростой и подкидывала много недобрых сюрпризов, к теме самоубийства она больше не возвращалась.

Будучи же девочкой, она в какую-то трагическую для себя минуту решила повеситься на гвозде, который оказался плохо вбитым в стену, штукатурка обсыпалась, гвоздь вылетел, самоубийство не состоялось, и тема закрылась сама собой.

– ...а мы обрели гениального поэта.

– До того, как я начал заниматься музеем, я собирал коллекцию или список известных людей-самоубийц. Туда вошла и попытка Ахматовой.

Среди замечательных, выдающихся людей очень много таких случаев.

Тема эта очень и очень интересная...

– Тогда, может быть, Вы мне расскажете подробнее о самоубийстве Всеволода Князева? Его самоубийство – это факт?

– Да, это факт. Только что вышел журнал «Даугава» (№ 2), там есть статья Тименчика.¹⁹ Он на основании документов доказывает, что самоубийство Князева произошло не в Ленинграде <sic! – И. Б.>, а в Риге через какое-то время после того события, которое описывает Ахматова в «Поэме без Героя». Так что здесь надо внести кое-какие коррективы. Сама же Анна Андреевна интерпретировала это по-другому. Она была уверена, что Князев застрелился из-за измены Глебовой. И она ставила это ей в упрек.

– Сергей Дмитриевич, я Вас прервала. Можно Вас попросить опять вернуться в 1910-е годы и остановиться на них подробнее.

– Итак, Николай Степанович и Анна Андреевна после Парижа поселились у нас в Царском Селе. В 1911 году, проживая в Царском, Ахматова стала печататься в русских журналах. Это был первый опыт. Кажется, первые ее публикации были в журнале «Аполлон».²⁰ Но в 1911 году она печатается в целом ряде журналов. Я воспринимаю это как то, что к ней сразу пришла слава. Ее хотели печатать все. И приняли ее все: и читатели, и критики, и собратья по Цеху. Но надо сказать, что одновременно у нее появились и недруги. Так, в том же самом 1911 году, в апреле, некто Буренин опубликовал в газете (в журнале не успеть, дело долгое) пародии на некоторые ее стихи.²¹ Причем пародии были грубые, злые, обижающие ее, безусловно. Я думаю, что

она обиделась, потому что те стихи, на которые Бурениным были написаны пародии, она в свои сборники – не включала. В журналах они прошли, но в книги она их не включает. Надо сказать, что ее критиковали, нападали на нее и в газетах, и в журналах и в дореволюционное время. У нас ошибаются многие, уверяя, что нападки на Ахматову были только в советское время. В 1913 году ее критиковали, в 1914 году вышла блестящая статья Недоброво,²² но в этом же 1914 году ей здорово попало и от злобных критиков.²³ Апогеем критики стал 1925 год, когда было дано негласное распоряжение Ахматову не печататься, когда ее обвинили во многих вещах, противоречащих классовому сознанию нового времени. Тогда же кончилась ее первая слава. И ее не печатали 15 лет с 1925 по 1940-е годы.

В сороковом году ее опять начинают печатать в журналах. Печатают книги. Начинается вторая волна славы Ахматовой. Она начинается за год до начала войны и сопутствует ей до самой победы. В этом почете она прожила всю Великую Отечественную войну. «Час мужества пробил на наших часах...», помните, «Мужество»? Это стихотворение напечатал даже центральный орган партии газета «Правда».²⁴ В Ташкенте, куда Ахматова была эвакуирована в 1943 году,²⁵ в тяжелые военные годы, была напечатана ее книжка, сборник стихов «Избранное».²⁶

Ахматова во время войны проявила себя истинным патриотом. Ее поэтический голос звучал громко. Она некоторое время жила в блокадном Ленинграде. И когда немцы бомбили аэродром нашего города Пушкина, в июле 1941 года, Ахматова дала свою великую «Клятву»: «Мы детям клянемся, клянемся могилам, что нас покориться никто не заставит...».²⁷ Сейчас я все время говорю о том, что надо как можно чаще вспоминать ее слова:

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

Надо вспоминать эти строки чаще, чем во время войны с фашистами. Потому что сейчас мы сидим не на пороховой, а на ядерной бочке. И этой катастрофы мы допустить не должны.

Дело в том, что после войны в 1946 году ее снова запретили печатать, изгнали из Союза писателей.²⁸ Это связано со знаменитым постановлением Жданова во времена культа личности Сталина.²⁹ Беда не обошла Ахматову. Беда вообще прилипчива к Ахматовой. Она всегда говорила: «У меня только так и бывает...». 10 лет ей не подавали руки, переходили на другую сторону улицы, чтобы не здороваться, не «узнавали» при встрече. А в 1956 году, после разоблачения культа Сталина, к Ахматовой пришла третья волна славы. Всюду ее встречали стоя, с аплодисментами. А Союз писателей, который 10 лет тому назад с позором изгнал ее, теперь предоставил ей в пожизненное пользование дачу на Карельском перешейке (в Комарово).

Эту дачку, отдельный домик она нарекла «Будкой». Ею она пользовалась до конца жизни, последние 10 лет.

– *Сергей Дмитриевич, скажите, пожалуйста, чем занималась Ахматова в первый период молчания с 1925 по 1940-й год?*

– Когда ее перестали печатать, чтобы иметь хлеб насущный, она должна была чем-то заниматься. Поэтому она стала тогда научным сотрудником Пушкинского Дома.³⁰ Она была членом редколлегии по изданию трудов Пушкина, которые готовил к печати Пушкинский Дом.

Кроме того, она занималась переводами. Переводов в творчестве Ахматовой даже больше, чем своих собственных стихов. У нас почему-то в ее книги переводы не включены. Думаю, ее переводы когда-нибудь будут изданы.³¹ Кто-нибудь восполнит этот пробел. У нас в Ленинграде некий Песоцкий³² усиленно занимается собиранием переводов Ахматовой. Он говорит, что у него уже больше 500 ее переводческих работ.

А еще она увлеченно занималась в этот период изучением творчества Пушкина. Со временем она была признана отменным пушкиноведом. Недаром говорят, что Томашевский,³³ один из самых признанных пушкинистов, подарил ей свою книгу с надписью: «Лучшему знатоку Пушкина – Ахматовой».

– *Сергей Дмитриевич, а как складывалась ее личная жизнь? Боялась ли она счастья (как и Пушкин), как иные боятся горя?*

– В целом-то жизнь Ахматовой складывалась так, что и не позавидуешь. Как-то Ахматова сама сказала, что, оглядываясь назад, она узнала зависть, наконец. Думаю, она говорит о начале своего пути, о людях, с которыми ей довелось встречаться и дружить. Ведь среди

них были и Блок, и Мандельштам, и Пастернак, и Марина Цветаева. Мужем ее был Николай Гумилев... Возлюбленными Недоброво, Анреп, Шилейко, Пунин – все это цвет эпохи начала века. Знала она, конечно, и Есенина, и Маяковского, просто они не были ей близки по духу. Что говорить. Она жила внутри классики, частью которой была сама. И очень важно, что она получила признание при жизни и славу узнала тоже при жизни.

А вот личная жизнь у нее получилась нескладной. О Николае Степановиче Гумилеве я уже говорил. Она потребовала у него развод в 18-м? (16-м?) году.³⁴ Как только он появился в Ленинграде <sic. – И. Б.>. Во время революции он был за границей. Их развели, и она вскоре вышла за Шилейко. Он стал ее вторым мужем. Шилейко был профессором ленинградского университета, востоковедом.³⁵ Но с ним жизнь тоже не заладилась. Вскоре Ахматова убедилась, что замужество – это ошибка, и жить с ним невозможно. Он писала, что если бы прожила с ним больше, а прожили они три года, то сама бы разучилась писать стихи. Похоже, что Шилейко пытался командовать, но Анна Андреевна не та женщина, которой можно было командовать. Она написала:

Тебе покорной? Ты сошел с ума!
 Покорна я одной лишь божьей воле.
 Я не хочу ни трепета, ни боли,
 Мне муж палач, а дом его тюрьма.³⁶

После того, как она ушла от Шилейко, она жила у подруг, не имея своего дома.

Где-то около 1924 года она стала женой Николая Николаевича Пунина, искусствоведа.

С ним она прожила дольше, чем со всеми остальными, 15 лет. Но через 15 лет не она, а Пунин ушел от нее. А Анна Андреевна осталась в той же комнате флигеля Шереметевского дворца, которая к тому времени стала коммунальной квартирой, с дочкой Николая Николаевича – Ириной Николаевной Пуниной и с внучкой его, дочкой Ирины Николаевны, Анечкой Каминской. И с ними она уже в разных домах, квартирах так и жила до конца своей жизни. Они ее и хоронили. Сын принимал в этом участие, но основные хлопоты по похоронам лежали на Пуниных. Пунина Ирина Николаевна по-

ставила на могиле Ахматовой памятник в виде стенки с барельефом Ахматовой и со скамеечкой. Про этот памятник здесь ходят всякие легенды. А сын на могиле матери поставил сначала большой деревянный, а потом чугунный черный крест.

– *Говорят, что черная шаль на плечах Анны Андреевны (которую она так любила) послужила прообразом для этого креста, т. е. своего рода символом веры.*

– Не знаю, вокруг Ахматовой всегда много легенд складывалось. И про мемориал, который установила Ирина Николаевна, и про личную жизнь. Ей приписывали романы со многими мужчинами и даже с Николаем II. Ну, это, конечно, уже шутка. Много романов ей приписывали безосновательно. Однолюбкой она не была, и мужей у нее было, ну хотя бы три. Недавно Герой Социалистического Труда Юткевич напечатал в газете статью «Маяковский редактирует»,³⁷ но в ней есть две строчки, в которых говорится о том, что в таком-то году мужем Ахматовой стал Лурье (Артур Лурье).³⁸ Не знаю, может роман и был. Я написал Юткевичу письмо с вопросом, на основании чего эта строчка появилась? Он мне ответил, что документов он не видел и на регистрации не был, но ни для кого не было секретом, что Ахматова с Лурье жили вместе, в одной квартире, поэтому все считали их мужем и женой, а зарегистрированы они или нет – с этим никто тогда не считался. Он говорит, что сам был у них в доме, что он заходил к Лурье, но его дома не оказалось. Он спросил Ахматову, сможет ли она передать его просьбу Лурье, и она ответила, что да. И передала все, как просил, потому что на следующий день Лурье пришел...

Сама она говорила еще о муже Гаршине Владимире Георгиевиче, когда она жила в эвакуации в Ташкенте. С Гаршиным Ахматова познакомилась перед войной и подружилась. Гаршин, потеряв жену в блокадном Ленинграде, сделал Ахматовой предложение, прислав его в письменном виде в Ташкент, и Ахматова, дав согласие, считала, что у нее есть муж. Приехав в Москву, она спешила в Ленинград и говорила всем, что там ее будет встречать муж. И когда она ехала в поезде, то говорила об этом со своим спутником. И Гаршин действительно встречал ее на перроне Московского вокзала в Ленинграде. Подойдя, поцеловал ей руку, извинился перед сопровождавшими, отвел в сторону, о чем-то поговорил с ней, опять поцеловал руку и ушел. Он не пригласил ее в свою квартиру, а сказал, что она может поселиться и

пожить некоторое время у Рыбаковых. Где она и жила, но там вскоре произошел окончательный разрыв с Гаршиным, и он вскоре женился на Капитолине Владимировне Волковой,⁴⁰ ставшей потом Гаршиной. После этого Ахматова вычеркнула из своей жизни Гаршина навсегда. Она посвящала ему «Решку» в «Поэме без Героя». Он упоминался, как друг, и в другой части поэмы. Все это она сняла и никогда больше слышать о Гаршине не хотела, и он больше не приходил.

Это была трагедия, после которой Ахматова уже больше замуж ни за кого не собиралась.

– *Сергей Дмитриевич, а какая связь у Ахматовой с именем Исайи Берлина?*

– Я здесь знаю мало, только по слухам. Говорят, что Исайя Берлин навестил ее в Фонтанном Доме.⁴¹ После чего на Ахматову сильно рассердился Сталин. Якобы он сказал: «Ах, она еще заграничных шпионов у себя принимает!..», и с этого времени пошли ее нелады со Сталиным.

– *А как складывались ее отношения со Львом Николаевичем?*

– Поскольку жизнь Ахматовой часто была неудобной, часто она жила в безденежье, бедствуя. Недаром знакомый ей с детства (его детства) Алексей Баталов, актер и режиссер (он только что опубликовал свое эссе «Около Ахматовой» в журнале «Нева» (1984, № 3)⁴²) пишет, что Ахматова часто испытывала нужду, безденежье, голод и холод, и все это переносила не по-царски, как принято думать, а как человек, знающий цену этому состоянию. Поэтому, точнее, по причине неустроенности ее жизни, сына ее большей частью воспитывала бабушка, мать Николая Степановича Александра (Анна) Ивановна Гумилева, а не Анна Андреевна. Поэтому Лева рос с бабушкой. Среднюю школу он проходил, живя в Бежецке вместе с бабушкой. Потом он жил небольшой отрезок времени вместе с Ахматовой в Фонтанном Доме. Но у него не сложились отношения с дочкой Пунина, с Ириной Николаевной. И позже он тоже не жил с Ахматовой. И его судьба складывалась плохо. Он был в двух длительных ссылках.⁴³ И когда он вернулся в 1956 году с документом, подтверждающим его невиновность, он поселился отдельно от Ахматовой, не хотел жить вместе с Пуниными, с которыми жила Ахматова. Но, как Наталья Ильина писала,⁴⁴ он ухаживал за Ахматовой (или Маргарита Алигер⁴⁵). Вместе он жить с матерью не привык. Но он приходил

к ней, навещал ее. <...> Отношения между ними были нормальные. В большинстве случаев были нормальными. Можно сказать, понятные. Но в какой-то момент между ними пробежала черная кошка. О чем писала Лидия Чуковская.⁴⁶ Между сыном и матерью вышла какая-то размолвка. По какому поводу, мы можем только гадать. Едва ли Лев Николаевич будет об этом говорить.

Вот он тогда перестал ходить к матери. Она его имени не упоминала. Но когда она заболела, Лев Николаевич пошел в больницу, кажется, это больница Ленина на Васильевском острове.⁴⁷ Но тут тоже ходят разговоры, что его не пустили Пунины. Я думаю, что Лев Николаевич не тот человек, которого можно не пустить. Он уже наточил зубы, борясь за свою судьбу. Не пустить его было невозможно, просто его, я думаю, убедили, что данный момент неудачный. Она сердечница, расстроится после бывшего между ними конфликта, распереживается, т. е. действительно было не время, чтобы плакать, расстраиваться, из-за этого он и не зашел.

Я говорю, что он поставил крест на могиле Ахматовой. Тоже не побоялся, что кто-то покосится, вот мол, крест, кто-то осудит, время-то у нас советское, религия не в чести. А он считал, что должен это сделать, потому что этого хотела мать. И он выполнил ее просьбу.

На мой взгляд, отношение к матери у него было нормальным и осталось сейчас. Но только вот был какой-то временный конфликт.

– *Сергей Дмитриевич, Вы были на 90-летнем юбилее Анны Ахматовой в Пушкинском Доме, выступали там. Вы были в президиуме вместе со Львом Николаевичем. А он тогда выступал?*

– Да, он выступал. Лев Николаевич не очень часто бывает на мероприятиях, связанных с творчеством Анны Андреевны, но с Пушкинским Домом он дружит. Ему хотелось, чтобы после смерти Ахматовой весь архив и личные вещи матери были сосредоточены в Пушкинском Доме, были бы ему переданы. Поэтому, получив приглашение от Пушкинского Дома, он пришел на это торжество, на это заседание, посвященное 90-летию со дня рождения Ахматовой. Публика попросила тогда, чтобы Лев Николаевич был в президиуме, и он по приглашению людей и членов президиума сел рядом со мной. И как раз после моего выступления выступал он. По просьбе публики тоже. Он в таких немножко шутливых тонах рассказал, как Ахматова работала над своими стихами. Как она ночей не спала. Как

они будили ее. Сказал, что и с ним это тоже бывает. Его выступление было довольно коротеньким. Он был у меня дома. На мое 80-летие. В день моего 80-летия мы отмечали 5-летие музея Ахматовой.

– *Как жаль, что я пришла рано и не могла остаться...*

– Да, да. *(Смеется)*. Я тогда так же, как и Вам, послал ему приглашение.⁴⁸ Считал своим долгом. Ну, думаю, придет, не придет! Как будет, так и будет. Но не пригласить его не мог. Но он, получив мою открытку, позвонил мне и сказал, что будет. Я засмутился, говорю: «Стоит ли?». А он сказал: «Нет-нет. Если ничего не случится, обязательно буду». И он пришел, был с нами за столом. Тоже выступал, но говорил немного. И в перерыве мы разговоры вели. Мои гости его о некоторых вещах расспрашивали. Вот жаль, что Вы тогда не присутствовали. Но от первого слова, которое мы хотели ему дать, отказался. Сказал мне: «Нет, этим делом Вы занимаетесь, Вам и карты в руки. А я просто сын». Но после Павловского,⁴⁹ который тоже был у меня в гостях, выступил и Лев Николаевич.

– *А что он сказал?*

– Я сам волновался и не так запомнил, как мои некоторые гости. Нина Михайловна Романова⁵⁰ говорит, что ей было приятно, что Лев Николаевич все время называл Ахматову мамой или мамочкой. Не Анной Андреевной, не Ахматовой, а мамочкой. Рассказывал о том, что она часто по ночам писала стихи, но об этом она и сама часто говорила.

Особенного чего-то я, честно скажу, не запомнил.

– *Жаль, жаль, что я тогда рано убежала. Исторические события пропускать нельзя. (Смеюсь)*.

– Да. Я думал, что Вы вернетесь. *(Смеется)*. Мы ведь тогда не попрощались на всякий случай.

– *Сергей Дмитриевич, а об истории Фонтанного Дома Вы знаете что-нибудь интересное? Или про жизнь Анны Андреевны там?*

– Как-то так получилось, что Пунин, который был в свое время комиссаром Эрмитажа и Русского музея,⁵¹ так вот он получил отдельную квартиру, трех- как не четырехкомнатную, в бывшем Шереметевском особняке, правда, не в центральной части, а в служебном флигеле. Потом, когда он пригласил к себе Ахматову, поселилась она там с ним. Дальнейшие события сложились так, что квартира из отдельной, пунинской, превратилась в коммунальную. И в ней

оказались лица разных сословий и рангов, фамилий не очень-то связанных друг с другом. Квартира стала коммунальной, но Ахматова любила это место. Она не хотела переходить в другие дома. Но так как в этом здании разместили учреждение, в которое посторонних не пускали, все жильцы имели свои пропуски.

Был такой и у Анны Андреевны, с фотографией. И там, где у сотрудников была указана должность, у Ахматовой было написано – жилец.

Всех жильцов на какое-то время выселили, предоставив другую квартиру, но Ахматова настояла на возвращении в этот дом. После возвращения из Ташкента, от Рыбаковых она опять вернулась в Фонтанный Дом. Но позже она все-таки вынуждена была оставить Фонтанный Дом и перебраться вместе с Ириной Николаевной и Анной Генриховной Каминской на улицу Красной конницы. Потом с улицы Красной конницы они переселились на улицу Ленина на Петроградской стороне. После этого возвращения в Фонтанный Дом были только в стихах. В них она с ним так и не рассталась.

– *Место жительства «Поэмы без Героя» – Фонтанный Дом?*

– Говорят, есть такая легенда Ломана о том, что ее в этом доме навестил Есенин⁵² и будто бы он спросил у нее: «Верно ли, что в этом доме Кипренскому позировал Пушкин?». И тут же заметил, что нет такого художника, который бы так же хорошо, как это сделал Кипренский, изобразил бы его.⁵³ Ахматова нигде об этом не писала. Ломан же утверждает, что все это записал со слов Ахматовой.⁵⁴ И с ее согласия. Единственное, что мы не успели при его жизни, это опубликовать.

– *А Вы не знаете, почему этот Шереметевский дворец называется Фонтанным Домом?*

– Это Ахматова. У нее была такая привычка разным вещам давать имена и клички. Вот, например, свою дачку она назвала Будкой, а дом на Фонтанке – Фонтанным Домом. Это пошло от нее.

– *Говорят, что раньше на территории парка Шереметевского дворца был большой сквер с Фонтанами.*

– Возможно. Это тоже могло дать ей повод назвать его Фонтанным Домом. А может, это и люди выдумывают, потому что вполне достаточно для такого названия того, что дом стоял на Фонтанке.

– *Сергей Дмитриевич, а что Вы скажете о «Поэме без Героя»? Вам понятен текст?*

– Нет, что Вы! Я же не филолог! Я ни в коем случае не рискну

анализировать или даже давать оценочные суждения ее текстам (тем более не рискну публично говорить о «Поэме без Героя»). Я занимаюсь, большей частью, ее биографией, да и то не как, повторю, филолог, а как почитатель и коллекционер. Мои замечания на этот счет будут малоинтересными.

Этим глубоко занимались многие специалисты, Вы занимаетесь этим делом, вам и карты в руки. Вы еще очень молоды и дай бог у Вас будет много разгадок. А для меня, как и для очень многих, эта вещь за семью замками. Сама Ахматова предупреждает читателя, что шкатулка эта с тройным дном, что она писала симпатическими чернилами, т. е. многое засекречивая и пряча. Много здесь непонятного и много неразгаданного, и думаю, никогда не будет разгадано. Я не очень люблю вещи такого порядка. Я предпочитаю, чтобы по порядку все было, складно рассказано, чтобы не надо было ломать голову. Но талант есть талант, гений есть гений. Поэма, ясно, написана гениально и гениальным человеком. Поэтому очень многие и говорят о ее гениальности, тем более, что она была написана зрелым поэтом, в конце жизни. Поэтому не мне судить и толковать.

– *Сергей Дмитриевич, ну скажите о Ваших ощущениях читателя.*

– Вы знаете, в поэме меня поражают отдельные куски, отдельные части. Я их не понимаю, но они завораживают, и их хочется перечитывать. И что удивительно, из этих фрагментов, кусков соткано историческое полотно, Выстраивается панорама времени, в которой угадываются многие события нашей Родины. В тексте поэмы очень многое отражено Ахматовой. Конечно, это большое, крупное историческое полотно.

– *Сергей Дмитриевич и последний вопрос об Ольге Афанасьевне Глебовой-Судейкиной. Что Вы можете о ней рассказать? Простите, я уже перешла на вопросы для себя... Насколько они с Анной Андреевной были дружны, чем они были связаны?*

– Глебова-Судейкина была одной из красавиц 1913 года. Одной из... Их было несколько. Одной из тех, с кем Ахматова была связана, дружила. С Ольгой Афанасьевной Ахматова была очень дружна. Нам известно, что после своего очередного расставания Ахматова жила у Глебовой в ее квартире. В частности, говорят, что и с Артуром Лурье она жила у Глебовой-Судейкиной. Так что в жизни Ахматовой эта личность сыграла немаловажную роль. Недаром Ахматова

вспоминает ее во многих стихах и делает героиней своей поэмы.

– *А что Вы скажете о ее ролях? Известна ли она Вам, как танцовщица.*

– Очевидно, Ахматова высоко оценивала Глебову-Судейкину, считала ее талантливой.

– *А насколько Князев был знаком Ахматовой?*

– Есть разговор, легенда, может быть, о том, что Князев и в Ахматову был влюблен, но не получил взаимности с ее стороны, и потом стал небезуспешно ухаживать за Ольгой. И это кончилось для него трагедией. Во всяком случае, Ахматова была лично знакома с Князевым. И знала его стихи, но стихи эти были опубликованы уже после смерти Князева.⁵⁵

– *И последнее: скажите свое мнение о роли Башни Вяч. Иванова в судьбе Ахматовой.*

– Выйдя замуж за Гумилева, Ахматова сразу же была введена им в среду поэтов. Очень быстро она познакомилась со многими поэтами и так же, как они, стала бывать на башне Вячеслава Иванова. Известно, что она читала там стихи и произвела впечатление на тех, кто ее там слушал. Правда, ее и там критиковали. Это известно из ее писем. Но многие ее стихи были приняты поэтами.

– *А о каких-то личных пересечениях или перемолвках с Вяч. Ивановым Вы ничего не знаете?*

– Нет, ничего. Что-то это я не засек.

– *Ну что ж, спасибо Вам большое, Сергей Дмитриевич! Спасибо огромное-преогромное, какое только бывает, и теплое.*

– Не за что. Приезжайте, пишите, буду рад.

¹ Речь идет об издании: *Ахматова А.* Четки. Стихи. Берлин: Книгоиздательство С. Эфрон, [1921].

² См.: РГАЛИ, ф. 13, оп. 4, ед. хр. 75, 153 л. Первый музей А.А. Ахматовой. (г. Пушкин). Альбом с фотографиями экспонатов и фрагментов экспозиции музея, вырезками из газет со статьями об Ахматовой Анне Андреевне, о музее, об Умникове Сергее Дмитриевиче (основателе музея) (1983–1992). В рукописном отделе ИРЛИ хранится альбом, созданный С. Д. Умниковым и посвященный работе первого музея А. А. Ахматовой. (Р. I, оп. I, 457, 113 л.).

³ Раневская Фаина Георгиевна (Фельдман Фанни Гиршевна, 1896–1984), актриса. Об отношениях Ахматовой и Раневской см.: *Гейзер Матвей.* Фаина Раневская. М., 2010.; *Щеглов Д. А.* Фаина Раневская: «Судьба-шлюха». Дневник. М., 2012.; *Брем Вера.* Раневская и Ахматова. Загадочная дружба. М., 2017.

⁴ Румянцев Александр Михайлович (1945–2004) – переводчик, коллекционер, собиратель материалов об А.А. Ахматовой.

⁵ В настоящее время в серии ЖЗЛ биография Ахматовой представлена в кн.: *Коваленко Светлана*. Анна Ахматова. М., 2009.

⁶ Местонахождение данного портрета в настоящее время не установлено.

⁷ Знакомство Ахматовой с Гумилевым произошло, по свидетельству В. Срезневской, «в сочельник» 1903. Об этом см.: Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991. С. 6–7. В. А. Черных датирует эту встречу 24 декабря. (См. *Черных В.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966. М., 2016. С. 41. Далее ссылки на это издание – Летопись, с указанием страницы).

⁸ О дружбе Ахматовой с А. Модильяни см.: *Ахматова Анна*. Соч. В 2 т. Т. 2. Проза. Переводы. 2-е изд., испр. и доп. М., 1990. С. 225–232. См. также: *Барийе Элизабет*. Ахматова и Модильяни. Предчувствие любви / Пер. Аси Петровой. М., 2019.

⁹ Н. С. Гумилев несколько раз посещал Африку. Об этом см.: Степанов Е. Е. Летопись жизни Николая Гумилева на фоне его полного эпистолярного наследия. 1886–1921. Т. I. 1886–1913. М., 2019. С. 12, 524–528, 594–616, 800–833.

См. также: *Понов Игорь*. Африканская миссия Николая Гумилева. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/publizist/post396802525/>

¹⁰ О местах пребывания Ахматовой в 1916 см.: Летопись, 134–141.

¹¹ Неточная цитата первой строки стихотворения Ахматовой из цикла «Северные элегии», с авторским указанием даты <1921. Царское Село>. Ср.:

В том доме было очень страшно жить,
И ни камина жар патриархальный,
Ни колыбелька нашего ребенка,
Ни то, что оба молоды мы были
И замыслов исполнены.....
.....и удача
От нашего порога ни на шаг
За все семь лет не смела отойти, —
Не уменьшали это чувство страха.
И я над ним смеяться научилась
И оставляла капельку вина
И крошки хлеба для того, кто ночью
Собакою царапался у двери
Иль в низкое заглядывал окошко,
В то время как мы за полночь старались
Не видеть, что творится в зеркальце,
Под чьими тяжеленными шагами
Стонали темной лестницы ступени,
Как о пощаде жалостно моля.
И говорил ты, странно улыбаясь:
«Кого они по лестнице несут?»
Теперь ты там, где знают всё, — скажи:
Что в этом доме жило кроме нас?

Цит. по: *Ахматова Анна*. Победа над Судьбой. I. Автобиографическая и мемуарная проза. Бег времени. Поэмы / Сост., подгот. текстов, придисл., примеч. Н. Крайневой. М., 2005. С. 237–238.

¹² Название Малой ул. в г. Пушкине до 1993.

¹³ О. Н. Высотский, поэт, экономист, родился 26 октября 1913 (умер 1 сентября 1992), автор кн.: *Высотский Орест*. Николай Гумилев глазами сына. М., 2003.

¹⁴ Высотская Ольга Николаевна (1885–1966), актриса театра Вс. Мейерхольда, мать младшего сына Н. С. Гумилева.

¹⁵ Официальный некролог Союза писателей СССР, РСФСР и Ленинграда был опублик.: Литературная газета. 1966. № 29. 8 марта. Здесь же: статья-некролог Н. Рыленкова «Поэт», статьи К. Паустовского «Великий дар», Иоганнеса Семпера «Ее стихи остаются людям». См. также: *Копылов Л., Позднякова Т.* Послесловие. Мартовские дни 1966 года. (СПб., Невский диалект, 2006).

¹⁶ Глебова-Судейкина Ольга Афанасьевна (1885–1945), актриса, танцовщица, близкая подруга Ахматовой. О ней см.: *Мок-Бикер Элиан.* «Коломбина десятых годов...». Книга об Ольге Глебовой-Судейкиной. СПб.; Париж, 1993.

¹⁷ Князев Всеволод Гаврилович (1891–1913), гусарский корнет, поэт. О нем см.: *Тименчик Р. Д.* Князев Всеволод Гаврилович// Русские писатели. 1800–1917: Биограф. Словарь Т. 2. Г–Л. М., 1992. С. 572; *Богомолов Н. А., Мальмстад Д. Э.* Михаил Кузмин: искусство, жизнь, эпоха. М., 1996. С. 166.

¹⁸ Речь идет о самоубийстве М. А. Линдберга (1891–1911), которое произошло 23 декабря 1911 во Владикавказе. (См., напр.: Крайнева Н. И., Тамонцева Ю. В., Филатова О. Д. К истории издания «Поэмы без Героя»: Поэма в Собрании сочинений А. Ахматовой // «Я всем прощение дарую...». Ахматовский сборник. СПб., 2006. С. 537.

¹⁹ Речь идет о статье: *Тименчик Р.* Рижский эпизод в «Поэме без героя» Анны Ахматовой // Даугава. 1984. № 2. С. 113–121.

²⁰ Установлено, что литературный дебют Ахматовой состоялся в 1907, когда в русском еженедельнике «Сириус» было опубликовано стихотворение «На руке его много блестящих колец...». (№ 2. С. 8). Первая публикация Ахматовой в журнале «Аполлон» состоялась в 1911, см.: *Ахматова Анна.* Четыре стихотворения <«Сероглазый король», «В лесу», «Над водой», «Мне больше ног моих не надо...»> // Аполлон. 1911. № 4. С. 20–22.

²¹ Речь идет о пародиях В. П. Буренина (см.: *Буренин В. П.* Критические очерки // Новое время. 1911. 29 апреля) на стихи Ахматовой, опубликованные в журнале «Аполлон». См. сн. 15. Ср. у Буренина:

ДУДА

Ах, Маковский-пастушок,
Я пишу, пишу в бреду:
В «Аполлоне» мой стишок
Поместишь ты на виду?

От восторга заведу
На дуде мотив: ду-ду.

Мне Маковский – милый он –
Молвит: «Пусть сгорю в аду,
Но тебя я в „Аполлон“
Рядом с Брюсовым введу,

Заиграй скорей – я жду –
Заиграй в дуду ду-ду».

И Маковский-пастушок
И себе, и мне к стыду
В «Аполлоне» мой стишок
Напечатал на виду.

От восторга я пойду –
Утоплюсь с дудой в пруду.

В ЛУЖЕ

Имею я четыре носа –
Четыре «пяточка» свиных,
Тремя глазами смотрю я косо –
Один свиный и два своих.

Лежу я в луже зловонно-липкой,
Носами чую в квадрате смрад,
А на меня с немой улыбкой
Четыре борова глядят.

Сова дивится, что глаз свиный
В затылке у меня блестит,
И смотрит сверху с важной миной,
А мой жених убит, убит.

Соплю я четырьмя носами,
Тарашу я свиный глаз.
Но что мне делать – судите сами –
Когда я в луже улеглась.

ТА ЖЕ ГЛУБОКО ПОЭТИЧЕСКАЯ ТЕМА

Мне ног не надо – ноги к черту!
Пусть превратятся в рачий хвост:
Предавшись раковому спорту,
Нырну под Полицейский мост.

Коль в голове все мысли пусты –
На что она, скажите? Ах,
Пусть вырастет кочан капусты
На беломраморных плечах.

А ты, игрушечный, что станешь
Тогда со мною делать – ну?
За рачий хвост меня потянешь,
Как в волны Мойки я нырну?

Сняв с плеч моих кочан, разрубишь
Его, чтоб борщ сварить аль щи?
Ты побледнела. Не так любишь?
Другую для себя ищи!

См.: заметку Р. Д. Тименчика в изд.: From Mecheva | Russian Culture to Modernism: Studies in Honord Ronald Vroon. Frankfurt/M., 2012. С. 266–268, а также *Чабан Александра*. Пародии на Ахматову. Курс № 34. Мир Ахматовой. [Электронный ресурс]. URL: <https://arzamas.academy/materials/990>

²² См.: *Недоброво Н.* Анна Ахматова // Русская мысль. 1915. № 7. С. 50–68. Ахматова очень высоко оценивала статью Н. Недоброво, называя ее пророческой. Об этом см.: Записные книжки Анны Ахматовой. 1958–1956 / Сост. и подгот. текста К. Н. Суворовой; вступ. ст.

Э. Г. Герштейн. М.; Torino, 1996. С. 489; *Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой. В 3 т. / Подгот. текста и примеч. Е. Ц. Чуковской и Ж. О. Хавкиной при участии Е. Б. Ефимова. М., 1997. Т. 1. С. 116, 124–125).

²³ Перечень рец. на книгу Ахматовой «Четки» (СПб., 1914) см.: *Летопись литературных событий*. Вып. 3. М., 2005. С. 309–311.

²⁴ См.: *Правда*. 1942. 8 марта.

²⁵ Ахматова была эвакуирована из Ленинграда 28 сентября 1941 в Москву, в Ташкент прибыла 9 ноября 1941. См.: *Летопись*, 401–403.

²⁶ Речь идет об издании: *Ахматова Анна*. Избранное. Стихи / Сост. К. Зелинский. Ташкент, 1943.

²⁷ Цитата из стихотворения «Клятва», датированного июлем 1941:

И та, что сегодня прощается с милым, –
Пусть боль свою в силу она переплавит.
Мы детям клянемся, клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит!

²⁸ О нем см.: *Бахтин В.* Анна Ахматова и Союз Писателей // *Звезда*. 1996. № 8. С. 228–238.

²⁹ См.: *Летопись*, 496–506.

³⁰ Официальным сотрудником ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР Ахматова не являлась. О сотрудничестве Ахматовой с Пушкинским Домом см.: *Тименчик Р. Д.* Анна Ахматова и Пушкинский Дом // *Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография*. Л., 1982. С. 106–118.

³¹ В наст. время собраны в издании: *Ахматова Анна*. Собр. соч. В 6 т. Т. 8 (дополнительный). Переводы. 1950–1960-е годы / Сост., коммент., ст. Н. В. Королевой. Подгот. текста Э. В. Песоцкого, Н. В. Королевой. М., 2005. Переводы Ахматовой см.: *Голоса поэтов: Стихи зарубежных поэтов в переводе Анны Ахматовой*. [Предисл. А. Тарковского.] М.: Прогресс, 1965. (Мастера поэтического перевода. Вып. 4). О переводческой деятельности Ахматовой см.: *Крайнева Н. И., Песоцкий Э. В.* Поэтические переводы Анны Ахматовой // *Звезда*. 1989. № 6. С. 38–42; *Харджиев Н. И.* О переводах в литературном наследии Анны Ахматовой // *Тайны ремесла. Ахматовские чтения*. Вып. 2. М., 1992. С. 230–232; *Мкртчян Левон*. Анна Ахматова. Жизнь и переводы. Егвард, 1992. См. также: *Саакянц Каринэ*. Из архива Левона Мкртчяна. О работе Л. Мкртчяна над книжкой «Анна Ахматова. Жизнь и переводы». [Электронный ресурс]. URL: http://www.yso.am/files/01K_Sahakyanc_r.pdf

³² Песоцкий Эрнест Викторович (1932–1998), коллекционер. О нем см.: Эрнест Викторович Песоцкий. <Некролог> // *Известия Русского генеалогического общества*. 1999. № 10. С. 114.

³³ Томашевский Борис Викторович (1890–1957), писатель, переводчик, литературовед, исследователь творчества А. С. Пушкина, автор кн. «Пушкин. Кн. 1. (1813–1824)» (М.; Л., 1956). Об отношениях см. интервью с З. Ю. Томашевской. [Электронный ресурс]. URL: <https://nvspb.ru/2009/06/23/dlyamenuaahmatovabilavsegda-40463>

³⁴ Официальный развод Н. С. Гумилева и Ахматовой состоялся 23 июля/5 августа 1918. См.: *Летопись*, 157.

³⁵ Шилейко Владимир Казимирович (1891–1930), востоковед, поэт, переводчик.

³⁶ Строфа из стихотворения Ахматовой 1921. Ср.:

Тебе покорной? Ты сошел с ума!
Покорна я одной Господней воле.
Я не хочу ни трепета, ни боли,
Мне муж – палач, а дом его – тюрьма.

Но видишь ли! Ведь я пришла сама...
Декабрь рождался, ветры выли в поле,
И было так светло в твоей неволе,
А за окошком сторожила тьма.

Так птица о прозрачное стекло
Всем телом бьется в зимнее ненастье,
И кровь пятнает белое крыло.
Теперь во мне спокойствие и счастье.
Прощай, мой тихий, ты мне вечно мил
За то, что в дом свой странницу пустил.

³⁷ Юткевич Сергей Иосифович (1904–1985), режиссер, театральный деятель. О нем см.: *Молдавский Д.* С Маяковским в театре и кино. Книга о Сергее Юткевиче. М., 1975; а также заметки Р. Д. Тименчик в изд.: Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский науч. сб. Вып. 5. Симферополь, 2007. С. 185; Путеводитель по «Записным книжкам» Ахматовой // Пермьяковский сборник. Ч. 2. М., 2009. С. 607. Работа, о которой упоминается в интервью, вошла в кн.: Юткевич С. И. Поэтика режиссуры: Театр и кино. М., 1986. Ср.: «...у москвичей не ладилась отношения с “леваками” города на Неве. Ни один из них не сотрудничал в “ЛЕФе”, хотя многие считались его союзниками – художники Татлин, Филонов, режиссер и поэт Игорь Терентьев; но композитор Артур Лурье, сочинивший музыку к “Левому маршу” Маяковского, женился на Анне Ахматовой и “переметнулся” к бывшим акмеистам, а всеми командовал теоретик Николай Пунин, демонстративно порвавший с социальными установками Маяковского и “ЛЕФа”» (Там же. С. 437).

³⁸ Лурье Артур Сергеевич (1892–1966), композитор, литератор. О нем см.: *Кралин М. М.* Артур и Анна: Роман. Л., 1990; *Рубинчик Ольга.* В поисках потерянного Орфея: композитор Артур Лурье // Звезда. 1997. № 10. С. 198–207.

³⁹ Гаршин Владимир Георгиевич (1887–1956), врач, патологоанатом, о нем см.: *Аничков Н. М.* В. Г. Гаршин – яркий представитель научной школы Н. Н. Аничкова // Архив патологии. 2011. Вып. 5. С. 47–55. Об отношениях Ахматовой и В. Г. Гаршина см.: *Рыбакова О. И.* Горькая правда // Об Анне Ахматовой. Стихи, эссе, воспоминания. Л., 1990. С. 224–230; *Позднякова Т. С.* Петербург Ахматовой: Владимир Георгиевич Гаршин. СПб., 2002; *Позднякова Т. С.* Виновных нет... (Ахматова и Гаршин). [Электронный ресурс]. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9F/pozdnyakova-t-s/vinovnih-net-ahmatova-i-garshin>

⁴⁰ Настоящее имя: Волкова Капитолина Григорьевна (1889–1984), врач, вторая жена В. Г. Гаршина.

⁴¹ Берлин Исайя (1909–1997), философ, переводчик. См.: *Далож Дьердь.* Гость из будущего. Анна Ахматова и сэр Исайя Берлин. История одной любви / Пер. А. Гусев. М., 2010; *Позднякова Т. С.* «Я незаслуженно получил бессмертие в ее поэзии» (Из переписки Исайи Берлина) // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский научный сборник. Вып. 7. Симферополь, 2009. С. 3–30.

⁴² Баталов Алексей Владимирович (1928–1917), актер, режиссер. См. также: *Баталов Алексей.* Рядом с Ахматовой // Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991. С. 556–568.

⁴³ Сына Ахматовой, Гумилева Льва Николаевича (1912–1992) арестовывали четыре раза: в декабре 1933, без предъявления обвинения; 23 ноября 1935 вместе с Н. Н. Луниным и др. студентами – (после письма Ахматовой к Сталину 3 декабря освобожден вместе с другими); в 1938 вместе с Т. А. Шумовским и Н. П. Ереховичем, 28 сентября суд военного трибунала приговорил Гумилева к 10 годам заключения с конфискацией имущества; отправлен сначала в Медвежьегорск, затем на строительство Беломорканала, в 1939 дело пересмотрено, приговор изменен на 5 лет лагерей (с зачетом тюремного заключения и работы на строительстве Беломорканала); с октября 1939 по март 1943 Гумилев отбывает наказание в исправительно-трудно-

вом лагере в Норильске, 10 марта 1943 освобожден из заключения и оставлен на вольном поселении; 6 ноября 1949 арестован и приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей, с 1949 по 1956 отбывает срок в лагерях в пос. Чурбай-Нура под Карагандой (Песчлаг, Степлаг), в пос. Ольжерас (Междуречье), с 1955 в г. Междуреченске Кемеровской обл. и под Омском (Камышлаг), 11 мая 1956 освобожден.

⁴⁴ Ильина Наталья Иосифовна (1914–1994), писательница, журналист, критик. См. ее воспоминания: *Ильина Наталья*. Анна Ахматова, какой я ее видела // Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991. С. 569–594 (впервые: *Ильина Н. Дороги*. Автобиографическая проза. М., 1983).

⁴⁵ Алигер Маргарита Иосифовна (1915–1992), поэт, переводчик, автор воспоминаний: *Алигер М. И.* В последний раз // Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991. С. 349–367 (впервые: Москва. 1974. № 12. С. 149–179; позже: *Алигер Маргарита*. Тропинка во ржи. М., 1980. С. 331–398). Из воспоминаний М. Алигер: «И я никогда не видела ее такой радостной, как в третью нашу встречу, когда весенним московским вечером я пришла к Ардовым повидать Ахматову, только что приехавшую из Ташкента. Она была оживленная, преображенная, молодая и прекрасная. Подняла свою знаменитую челку, открыв высокий, чистый, удивительный лоб, и все лицо ее стало открытое, доступнее, покойнее. Все было замечательно – она прямо говорила об этом, – ее сын был жив и здоров, ее город был свободен, и ее там ждали... Война шла к концу, к победе, и жизнь словно начиналась снова и по-новому. Больше я никогда не видела ее такой откровенно счастливой.

В Москве она не задержалась, через несколько дней уехала в Ленинград. Уехала, как улета, полная добрых надежд. И близкие люди радовались за нее. Недолго, однако.

... Весной 1946 года я некоторое время прожила в Ленинграде – репетировалась моя пьеса. Жила я в “Астории”, где неизменно встречались знакомые москвичи, ежевечерне приходили друзья-ленинградцы, и было интересно и весело. У Ахматовой я бывала часто и чувствовала себя с ней все свободнее и проще. Она охотно читала новые стихи – они у нее в ту весну писались и печатались, – готовила большую книгу, была деятельна и бодря. Лев Николаевич вернулся с войны целым и невредимым, жил с матерью. Казалось, жизнь наконец потекла нормально. <...> Осенью шестьдесят пятого года она заболела и надолго слегла в Боткинскую больницу. Ее друзья составили жесткий график посещений, и каждому желающему повидать Анну Андреевну следовало заранее подать заявку. Иначе едва ли удалось бы справиться с “ахматовкой” – так она сама называла коловращение людей вокруг себя. Но мне, по правде говоря, на таких жестких условиях не захотелось включаться в поток посетителей, который и без меня был нескончаем. Но я-то что! – случилась неизмеримо более горькая накладка. Лев Николаевич Гумилев после долгой разлуки приехал в Москву повидать мать, но, придя в Боткинскую больницу, не смог получить разрешения на свидание, не был предусмотрен, не подал заранее заявки. Ему удалось только передать записку. Соседка по палате рассказывала, как взволнована была Анна Андреевна этой запиской и тем, что сын не был к ней допущен. Настолько взволнована, что, вопреки своей обычной сдержанности, целый вечер в слух возбужденным голосом говорила о том, как ужасно все получилось.

– Как же не понимают мои друзья, – сетовала она, – что это сын мой единственный, самый близкий мне человек, наконец, единственный мой наследник...» (С. 346, 350, 394).

⁴⁶ Ссора между Ахматовой и Л. Н. Гумилевым произошла, по свидетельству современников, в конце сентября – начале октября 1961. Возможно, С. Д. Умников мог знать издание: *Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. 1952–1962. Париж: Умса-Press, 1980. Однако характер описания событий этого периода у Чуковской иной. Ср.: упоминания о Л. Н. Гумилеве в записках Чуковской, относящихся к 1962: «Мы сели на отдельный диванчик, и я вынула из сумки пастилу, мандарины и заранее наколотые орехи. <...> Я поздравила Анну Андреевну с Лёвиной диссертацией, передала ей – со слов Оксмана, – что Конрад считает его великим ученым.

– Этот великий ученый не был у меня в больнице за три месяца ни разу, – сказала Анна Андреевна, потемнев. – Бог с ним, с Лёвой. Он больной человек. Ему там повредили душу.

Ему там внушали: твоя мать такая знаменитая, ей стоит слово сказать, и ты будешь дома.

Я онемела.

– А мою болезнь он не признает. “Ты всегда была больна, и в молодости. Всё одна симуляция.”

<...>

Я, конечно, давно уже чувствовала, что между Лёвой и Анной Андреевной неладно – однако чувствовать или услышать, – большая разница... Лёва и в самом деле верит, будто он пробыл в лагере так долго из-за равнодушия и бездействия Анны Андреевны. Я – многолетняя свидетельница ее упорных, неотступных хлопот, ее борьбы за него. Больше, чем хлопот, то есть писем, заявлений, ходатайств через посредство влиятельных лиц. Всю свою жизнь она подчинила Лёвиной каторге; все; даже на такое унижение пошла, как стихи в честь Сталина, как ответ английским студентам. И от драгоценнейшей для себя встречи отказалась, боясь повредить ему. И сотни строк перевела, чтобы заработать на посылки ему, сотни строк переводов, истребляющих собственные стихи. А Лёва, воротившись, ее же и винит!.. Но, подумала я, искалечен он не только лагерем: и юностью, и детством. Между родителями – разлад» (С. 401–402).

⁴⁷ В первых числах октября 1961 Ахматова с третьим инфарктом была помещена в больницу им. Ленина, располагавшуюся на Большом пр. Васильевского острова, «в Гавани». См.: Летопись, 686.

⁴⁸ См.: РГАЛИ, ф. 13, оп. 2, ед. хр. 6. Приглашенный билет первого музея А. А. Ахматовой в г. Пушкине на празднование 80-летия основателя и хранителя музея С. Д. Умникова (октябрь 1982).

⁴⁹ Павловский Алексей Ильич (1926–2004), литературовед, критик, научн. сотрудник Пушкинского Дома, автор книги: *Павловский Алексей*. Анна Ахматова. Очерк творчества. Л., 1966 (2-е изд. – 1982, 3-е – 1991).

⁵⁰ Иванова-Романова Нина Михайловна (1909–1995), поэт. О ней см.: *Яцкевич Л. Г.* «...Вся жизнь моя отмечена тобою...» (О жизни и поэзии Н. М. Ивановой-Романовой) // Череповец. Краеведческий альманах. Вологда, 1999. № 2. С. 502–512; *Минина Р. С.* «Словно услышали мою печать...» // Там же. С. 524–526, а также заметку Р. Д. Тименчика в изд.: Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский научн. сб. Вып. 4. Симферополь, 2006. С. 148–149.

⁵¹ Пунин Николай Николаевич (1888–1953), искусствовед, в 1918–1919 комиссар Русского Музея и Эрмитажа. См.: *Мюррей Наталья*. Невоспетый герой русского авангарда. Жизнь и судьба Николая Пунина. М., 2018. С. 96–140.

⁵² О встрече Ахматовой с Есениным см. запись П. Н. Лукницкого от 28.12.1927: «1924. Июль. Прочла в “Красной вечерней газете” рецензию на “Роман без вранья” Мариенгофа. По этому поводу заговорили об Есенине и о том, как Есенин с Клюевым, И. Приблудным и еще одним имажинистом пьяные пришли к ней в 1924 году (в июле 1924 г.) на Фонтанку, 2. Подробно АА мне уже все рассказывала. А сегодня говорила, что Приблудный и другой имажинист ушли раньше, Клюев с Есениным остались, но Клюев был так пьян, что заснул, разлегшись поперек кровати. Есенин же, оставшись наедине с АА (ибо Клюев спал), стал вести себя гораздо тише, перестал хулиганить, а заговорил просто, по-человечески. В разговоре ругал власть, ругал всех и вся... Потом разбудил Клюева и ушел. Это – единственная встреча АА с Есениным. АА отнеслась к ней как к обычному хулиганству и московскому хамству... Характерно не это. Характерно, что дня через два АА, идя по Моховой (или в Летнем саду), встретила Есенина, шедшего с несколькими имажинистами. Есенин, увидев АА, нарочито громко сказал своим спутникам что-то нелестное по адресу АА и прошел мимо, поклонившись с вызывающим видом и приложив к цилиндру два пальца. Из того, что, оставшись прошлый раз наедине с нею, Есенин не хулиганил, а говорил просто и достаточно (для Есенина) вежливо, а здесь (совершенно явно для того, чтобы показать свое хулиганство по отношению к Анне Ахматовой товарищам) схулиганил, АА поняла, что хулиганство Есенина нарочитое, выдуман-

ное, напускное и делается для публики. И вот это утвердило окончательно ее отрицательное отношение к Есенину. С Есениным АА больше не встречалась». (*Лукницкий П. Н. Асуміана. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 2. 1926–1927. М., 1997. С. 339–340*).

⁵³ Речь идет о портрете А. С. Пушкина работы О. А. Кипренского, выполненном в 1827 по заказу А. Дельвига. 25 мая 1827 Пушкин действительно позировал Кипренскому в Петербурге, в доме Д. Н. Шереметева на Фонтанке, где располагалась мастерская художника.

⁵⁴ Ломан Александр Петрович (1909–1975), учитель, исследователь, мемуарист. О записях А. П. Ломана см.: *Кралин М. Победившее смерть слово. Статьи об Анне Ахматовой и воспоминания о ее современниках. Томск, 2000. С. 129–153*. В публикации воспоминаний А. П. Ломана М. М. Кралин воспроизводит неавторизованную машинопись «Встречи и расставания. Анна Ахматова о Сергее Есенине», датированную 23 февр<аля> 1966, из Архива С. А. Есенина (ИРЛИ, ф. 817, ед. хр. 47, 12 лл.).

⁵⁵ Речь идет о посмертном издании его стихов: *Князев Всеволод. Стихи. Посмертное издание. СПб., 1914*.

Указатель имен

- А. Р. – см. Ривин А. И.
Абарова Е. В. – 6, 409, 421, 424.
Абельман Н. С. – 281.
Абрамов С. А. – 23.
Аввакум Петрович, протопоп – 365, 368.
Авдеенко А. А. – 368, 370, 371.
Авдеенко А. О. – 368.
Аверченко А. – 344.
Авидон В. А. – 291.
Авраменко И. К. – 406.
Агнесса (Агния, Анна) Римская – 28.
Адалис А. – см. Ефрон А. Е.
Адамини, братья – 161.
Адамович Г. В. – 22, 53, 54, 92, 94, 177, 376, 378, 393.
Адмони В. Г. – 260, 293.
Адрианов С. А. – 383.
Азбелев В. Н. – 371.
Азбелева В. В. (урожд. Арцимович) – 371.
Айзелвуд Р. – 120.
Акимова-Ершова С. В. – 305, 315, 319, 320, 372.
Аксенов В. П. – 356.
Аксенов И. А. – 404.
Алданов М. А. – 280, 393, 394.
Александр II, император (Романов А. Н.) – 372.
Александровский И. В. – 19.
Алексий, патриарх – 423.
Алигер М. И. – 436, 447.
Аллилуева С. И. – 406.
Алхазова М. – 388.
Ал-ч Вл. (Моисеенко В. А. ?) – 382.
Альвинг Арсений (А. А. Смирнов) – 37, 88.
Альтман Н. И. – 125, 133, 232, 245, 247, 281, 306, 327, 396, 397, 407, 422.
Алянский С. М. – 220, 282.
Алянский Ю. Л. – 322.
Амари – см. Цетлин М. О.
Амусин И. Д. – 405.
Анджолетти Д. Б. – 355, 356, 358.
Андреев Л. Н. – 131.
Андреев Н. Е. – 373, 374.
Андреева-Шилейко В. К. – 227.
Андроников И. – 319.
Андроников Я. Н. – 239, 240, 242, 289, 290.
Андроникова (Андроникашвили) И. З. – 280.
Андроникова Л. Н. (урожд. Плещеева) – 240.
Андроникова М. И. – 239.
Андроникова М. К. – 281.
Андроникова С. Н. – см. Гальперн С. Н.
Аникиев В. Н. – 286.
Аничков Е. В. – 407.
Аничков Н. М. – 446.
Аничков Н. Н. – 446.
Анненков Ю. П. – 124, 223, 317, 394.
Анненкова Е. Б. – 406.
Анненская Н. В. (урожд. Сливицкая) – 374, 375
Анненский В. И. – 374, 375, 404.
Анненский И. Ф. – 8, 27, 87, 178, 266, 294, 374–376.
Анреп Б. В. – 27, 181, 219, 282, 433.
Антиной – 174, 175, 405.
Антонов А. С. – 215, 280.
Антонов В. Ф. – 394.
Антонова И. А. – 291.
Антоновский Ю. М. – 404.
Антанявичюс А. – 129.
Апт С. К. – 404.
Апулей – 405.
Апухтин А. Н. – 376–378, 385.
Арапова А. П. (урожд. Ланская) – 378.
Арбенина (Гильдебрандт) О. Н. – 222, 283, 403.
Ардов Б. В. – 343, 353, 388.
Ардов В. Е. (Зигберман) – 343, 344, 399, 400.
Ардов М. В. – 308, 330, 343, 346, 353.
Ардовы – 210, 343, 346, 370, 392, 395, 422, 447.
Аренс А. Е. – 47, 225, 226, 309, 312.
Аренс В. Е. – 44, 403.

- Арсенева К. С. – 22.
 Артамонов М. И. – 378, 379.
 Артемов А. Н. – 404.
 Архипов Е. Я. – 226.
 Арцыбашев М. П. – 406.
 Астапов В. П. – 408.
 А-това А. – 406.
 Ахмадулина Б. А. – 211, 356, 405.
 Ачаир А. – 188, 189, 196.
 Бабаев Э. Г. – 53, 92, 93, 293.
 Бабель И. Э. – 239, 289, 379, 380.
 Баблер О. – 404.
 Багно В. Е. – 408.
 Багрицкий Э. Г. – 97, 98, 236, 405.
 Баевский В. С. – 211, 212.
 Бажан М. – 358, 363.
 Бажанов Б. В. – 404.
 Баженов М. (коллекционер) – 423.
 Баженовы И. Н. и М. Н. – 210.
 Базилевский Н. Г. – 404.
 Байер В. – 280.
 Бакст Л. С. – 45, 89, 91, 110, 115,
 120, 247.
 Балинский С. – 194.
 Балог Г. П. – 279.
 Балтрушайтис Ю. К. – 23.
 Бальмонт К. Д. – 20, 22, 38, 52, 91, 380–
 383, 395.
 Банник А. В. – 367.
 Бану-Лахуги Ц. Б. – 405.
 Баявичюс Миколас – 122, 129.
 Бараковы – 372.
 Баратынский Е. А. – 201.
 Барашкова А. Ф. – 405.
 Барзилович А. В. – 320.
 Барийе Э. – 442.
 Барнс К. – 404.
 Барскова П. Ю. – 95, 294, 307, 354.
 Барсэл И. П. – 5, 6, 152, 421.
 Багалов А. В. – 343, 353, 436, 446.
 Батлер У. Э. – 297.
 Баумволь Р. Л. – 403.
 Бах Иоганн Себастиан – 92, 369, 391.
 Бахман И. – 357.
 Бахтин М. М. – 146, 151.
 Башинджагян Г. Х. – 405.
 Башинджагян З. Г. – 405.
 Белкин В. П. – 372, 408.
 Белкина-Попова В. А. – 408.
 Белкины – 316.
 Белобородов (отец) – 399.
 Белобородов (сын) – 399.
 Белобровцева И. З. – 210, 211.
 Белый Андрей – см. Бугаев Б. Н.
 Беляев С. А. – 273, 295.
 Беляев Ю. Д. – 404.
 Беляков М. М. – 405.
 Беляков С. С. – 289.
 Бен Ф. – 403.
 Бенжамен К. – 233.
 Бенкендорф А. Х. – 208.
 Бенуа А. Н. – 42, 131, 383, 406.
 Беньяш Р. М. – 404.
 Берг Б. Г. – 322.
 Берггольц О. Ф. – 253, 255, 261, 299, 312.
 Бергсон А. – 186.
 Бердслей О. – 405.
 Бердяев Н. А. – 116, 121.
 Березовский В. П. – 279.
 Беринг В. И. – 189.
 Берия Л. П. – 243.
 Берковская Е. М. – 354.
 Берлин И. – 126, 154, 266, 280, 348, 368,
 380, 436, 446.
 Берлираут Л. Я. – 30.
 Берхин Н. Л.? – 214.
 Берштейн И. И. – 404.
 Бицилли П. М. – 406.
 Бланков Ж. – 404.
 Блок А. А. – 11–16, 19, 22, 24, 42, 52,
 71, 89, 91, 105, 116–122, 129,
 131–134, 137, 138, 141, 142, 144,
 146, 152–178, 202, 211, 237, 277, 297,
 320, 382, 383, 402, 405, 406, 428, 433.
 Блок А. Л. – 158.
 Блок Л. Д. (урожд. Менделеева) – 404.
 Блувштейн Р. – 404.
 Бобович Г. А. – 404.
 Бобров С. П. – 23, 403, 405.
 Бобышев Д. В. – 88, 368.

- Богданова-Бельская П. О. (урожд. Старынкевич, в замуж. Гросс) – 306, 322, 323, 404.
- Богданов-Березовский В. М. – 405.
- Богомолов Н. А. – 405, 408, 443.
- Богомолова А. И. – 415, 418.
- Бодлер Ш. – 97, 131, 134, 135, 137, 138, 146, 266, 277, 294.
- Бокариус М. В. – 218, 221, 231, 243, 244, 278, 280, 280, 290, 350, 352, 354.
- Большинцова Л. Д. – 367, 374.
- Большухин Ю. Я. – 404.
- Боннар П. – 267.
- Бонхеффер Д. – 186.
- Бордые Ж.-М. – 405.
- Бородаевский В. В. – 404.
- Ботвинник Н. Б. – 404.
- Боффа Л. – 404.
- Браганцев Б. М. – 352.
- Браганцева Е. М. – 329, 340–342, 352.
- Бражнин И. Я. (Пейсин) – 366.
- Браз О. Э. – 365, 383.
- Брандыс К. – 405.
- Браун Н. Л. – 404.
- Брежнев Л. И. – 361, 362.
- Брейтбурд Г. – 358, 359, 363.
- Брем Вера – 441.
- Бриль Л. – 391.
- Бродский И. А. – 126, 181, 279, 354, 368, 395–398, 403.
- Брокгауз Ф. А. – 420.
- Бруни Л. А. – 232, 407.
- Бруни Н. А. – 405.
- Брюллов К. П. – 136.
- Брюно Г. – 405.
- Брюсов В. Я. – 22, 36, 52, 87, 131, 133, 380–382, 408, 443.
- Брянчанинов – 30.
- Бугаев Б. Н. – 23, 27, 121, 285, 322, 400.
- Будберг М. И. – 368.
- Будько М. И. – 89, 326, 369, 380, 392, 399.
- Будько Ю. И. – 292.
- Буланже А. – 404.
- Булгаков М. А. – 87, 95, 318.
- Бунатян Г. Г. – 285, 319, 320, 324–326.
- Бунин, проф. – 228.
- Бунин И. А. – 22, 52, 91, 407.
- Буренин В. П. – 406, 431, 432, 443.
- Бурже П. – 405.
- Бурихин И. – 402.
- Бурлюк Д. Д. – 23, 247.
- Бутовский Я. – 285.
- (Бутрин?) Наум Минаевич – 215, 216.
- Бухарова З. Д. – 91.
- Бучина Л. И. – 317.
- Бюргер Г. – 194.
- Ваншенкин К. Я. – 384–386, 403.
- Варгафтик Е. – 402.
- Варламов А. Н. – 88, 89.
- Варужан Д. – 233, 288.
- Василенко С. В. – 294, 351, 353.
- Васильева Л. Н. – 281, 284, 296.
- Васнецов В. М. – 17.
- Вахтин Б. Б. – 386, 387, 389.
- Вахтин Н. Б. – 387.
- Вахтин П. Л. – 323.
- Вейнберг С. – 403.
- Венгерова – 285.
- Веншлова Томас – 126, 127, 129, 130, 196, 321.
- Вербицкая А. А. – 376.
- Вербицкий В. А. – 235, 236.
- Верейская Е. Н. – 244.
- Верейский Г. С. – 245, 247, 275, 293.
- Верещагина Н. В. – 109, 119.
- Вержбинская Н. М. (в замуж. Рабинович) – 309.
- Вержбинский Г. М. – 307–310.
- Вержбинский М. Л. – 309.
- Верлен П. – 133, 134.
- Вернадский Г. В. – 404.
- Вернадский В. И. – 93.
- Верочка (племянница няни Лозинских) – 50.
- Вертинский А. Н. – 404, 405.
- Вергов Д. – 284.
- Верхарн Э. – 21, 163, 408.
- Верховский Ю. Н. – 408.
- Веселовский Ю. А. – 377.
- Вечеслова Т. М. – 423.

- Вигдорова Ф. А. – 397.
 Вигорелли Дж. – 5, 355–363.
 Видов А. Ф. – 411.
 Вийон Франсуа – 21, 29, 137.
 Виленкин В. Я. – 210, 235, 238, 278, 288, 311, 326, 351, 403.
 Виленская Б. Г. (урожд. Шейн) – 308, 309.
 Виленская Е. Ю. – 307–309.
 Винокуров Е. М. – 211, 381.
 Вирек П. – см. Viereck P.
 Вишневская Н. А. – 405.
 Вишневский В. В. – 405.
 Вожель Люсьен – 239, 240, 242, 284.
 Вознесенский А. А. – 356.
 Воинов В. – 286.
 Воинов И. А. – 276, 285, 289.
 Волгина А. С. – 372.
 Волгина В. С. – 413.
 Волков С. – 354.
 Волкова К. Г. (в замуж. Гаршина) – 261, 435, 446.
 Володин А. М. – 390.
 Воложенинов И. К. – 407.
 Волошин М. А. – 20–24, 29, 30, 87, 92, 122, 148, 326, 384.
 Волчек Д. – 321.
 Вольнец А. Н. – 352.
 Вольнский А. Л. (Флексер Хаим Лейбович) – 42.
 Волькенштейн Ф. А. – 44.
 Волькенштейн Ф. Ф. – 48, 49, 83, 89, 90, 95.
 Вольф М. М. – 297.
 Вольф М. О. – 98, 99.
 Воробьева-Стебельская М. Б. – 29.
 Воронов – 412.
 Воронцов-Вельяминов Г. М. – 407.
 Ворошилов К. Е. – 379.
 Врангель А. А. – 415.
 Врангель М. Д. – 378.
 Врангель Н. Н. – 322.
 Врубель М. А. – 17, 115, 157.
 Вулф В. – 404.
 Вырубов А. В. – 319.
 Вырубова А. А. (урожд. Танеева) – 305, 315, 319, 320, 405.
 Высотская О. Н. – 429, 442.
 Высотский О. Н. – 429, 442
 Высоцкий В. С. – 187.
 Вышинский А. Я. – 243.
 Вяземский П. А. – 207, 208, 212.
 Вяльцева А. Д. – 394.
 Габриак Черубина, де – см. Дмитриева Е. И.
 Гаварни П. – 248.
 Галушкин А. Ю. – 318, 407.
 Галчинская Н. – 407.
 Гальперн А. Я. – 214, 225, 238–240, 280.
 Гальперн С. И. – 265, 284.
 Гальперн С. Н. (Ивановна)? (в девич. Андронникова) – 216, 239, 240, 276, 277, 280, 281, 284, 296.
 Гальперн Я. М. (Миронович) – 279.
 Гарбер С. Б. – 292.
 Гарднер Ф. – 235.
 Гаршин А. В. – 257, 259, 260, 265, 292.
 Гаршин В. Г. – 251, 252, 254, 256–262, 264, 266, 288, 291–294, 435, 446.
 Гаршин В. М. – 258.
 Гаршина Т. В. – 257.
 Гастева С. А. – 268,
 Гатов А. Г. – 407.
 Гауер М. А. – 411.
 Гаучис Павилас – 128, 130.
 Гауш А. Ф. – 383.
 Гашкель В. С. (Гершкович) – 388.
 Гедеонова Н. – 407.
 Гейзер М. – 441.
 Гейченко С. С. – 423.
 Геллер Л. – 318.
 Генрих VIII Тюдор – 390.
 Гербер А. Е. – 407.
 Герцен А. И. – 120.
 Герцык А. К. – 22.
 Герцык Е. К. – 404.
 Гершензон М. О. – 110, 120.
 Гершенкройн Г. О. – 71, 94.
 Герштейн Э. Г. – 47, 89, 106, 209, 261, 288, 294, 295, 308, 311, 326, 352, 353, 379, 381, 403, 445.

- Гете И. В., фон – 133, 141, 146, 151, 187, 423.
 Гибсон У. – 389
 Гильдебрант А. П. – 412.
 Гинзбург Л. Я. – 257, 285, 312.
 Гиппиус В. В. – 204.
 Гиппиус Вас. В. – 105.
 Гиппиус З. Н. – 22, 110, 116, 120, 121, 382.
 Гитлер А. – 252, 296.
 Гитович А. И. – 200.
 Гитович С. С. – 200, 405.
 Глеб – 230.
 Глебова-Судейкина О. А. – 140, 145, 159, 173, 175, 217, 233, 279, 290, 303, 320, 321, 323, 430, 431, 440, 442.
 Глезер А. Д. – 404.
 Глекин Г. В. – 197, 209, 386.
 Глен Н. Н. – 311, 314, 395.
 Глинка М. И. – 331.
 Глоба А. П. – 23.
 Гнедич Т. Г. – 407.
 Гоголицын Ю. М. – 279.
 Гоголь Н. В. – 117, 118, 138, 329, 387, 391.
 Гозенпуд А. А. – 320.
 Гойя Ф. – 138.
 Голенищева-Кутузова О. В. – 406.
 Голлербах Е. А. – 282, 283, 319.
 Голлербах Л. – 400.
 Голлербах Э. Ф. – 115, 245–250, 282, 283, 290, 291, 319, 321, 325, 326.
 Головин А. Я. – 213, 217, 218, 245, 247, 282, 306, 315, 325, 326, 407.
 Головина А. Я. – 244.
 Головникова О. В. – 379.
 Головчинер Е. М. – 372, 404, 420.
 Голубев П. С. – 281.
 Голубева О. Д. – 317.
 Голубовский Е. М. – 210.
 Гольбейн Г. – 133.
 Гольдберг С. В. – 292.
 Гольдштейн М. Э. – 404.
 Гончарова И. А. – 423.
 Гончарова Н. Г. – 209, 403.
 Гончарова Н. С. – 131, 408.
 Гончаровы – 392.
 Гончарок Моша – 309.
 Горбатов А. Н. – 404.
 Горбовский Г. Я. – 390.
 Горбунов Ф. – 344.
 Горенко А. А. (отец) – 103, 407.
 Горенко И. А. – 9, 16, 404.
 Горенко Х. В. – 367.
 Горнунг Л. В. – 226, 234.
 Городецкая А. А. – 405.
 Городецкий С. М. – 36, 37, 87, 98, 99, 405.
 Горький А. М. (Пешков) – 42, 43, 47, 49, 87, 91, 285, 304, 394, 400.
 Готхарт Н. Л. – 199, 210, 321, 367, 373, 403.
 Гофман В. В. – 405.
 Гофман М. Л. – 404.
 Гофман Э.-Т.-А. – 405.
 Гоцци К. – 405.
 Грауслис А. – 128, 130.
 Гращенкова И. Н. – 19.
 Гребенщиков Б. Б. – 187.
 Греков В. И. – 90.
 Грековы – 319.
 Гржебин З. И. – 119, 404.
 Грибакина Г. – 392.
 Грибачев Н. М. – 211.
 Грибоедов А. С. – 401.
 Григорьев Ап. А. – 117.
 Григорьев Б. Д. – 281, 407.
 Григорьева А. М. – 347.
 Гримм, братья – 135.
 Грин А. С. – 387.
 Гринберг – 368.
 Гринвальд М. К. – 403.
 Грицына Е. И. (урожд. Ювачева) – 292.
 Громова Н. А. – 284, 314, 351.
 Гросс В. Н. – 306, 322, 232.
 Гросс П. О. – см. Богданова-Бельская П. О.
 Гросс Э. В. – 323.
 Груздева А. Г. – 372, 420.
 Грушко Н. В. – 44.
 Гудзий Н. К. – 368, 403.
 Гуковская З. В. – 44.
 Гуковская Н. – см. Рыкова Н. В.
 Гуль Р. Б. – 407.

- Гуменная Г.–Л. – 212.
 Гумилев Л. Н. – 11, 237, 272, 278, 289, 295, 378, 379, 423, 436, 446, 447.
 Гумилев Н. С. – 12, 14–16, 19, 22, 27, 30, 44, 51, 56, 85, 87, 93, 94, 96, 98, 101, 103, 106, 122–124, 126, 153, 154, 163, 181, 184, 186, 187, 190, 193, 204, 222, 237, 285, 289, 294, 313, 315, 318, 326, 374–377, 383, 389, 415, 416, 428, 429, 433, 434, 441, 442, 445.
 Гумилева А. А. (урожд. Фрейганг) – 407.
 Гумилева А. И. – 404, 436.
 Гумилевы – 60, 92, 409, 441.
 Гусев А. – 446.
 Гусев В. М. – 211.
 Гутенберг И. – 111, 112, 119.
 Д’Аннунцио Г. – 405.
 Да-Понте Лоренцо (Конельяно Эммануэль) – 141.
 Давыдов М. А. – 293, 353.
 Давыдова А. – 209.
 Далаш Д. – 446.
 Данте Алигьери – 88, 111, 178, 180, 181, 183, 190, 202, 204–207, 209, 212, 318, 368.
 Данько Е. Я. – 217, 228, 231, 279, 281, 287, 306, 323, 324, 421.
 Данько Н. Я. – 217, 219, 220, 223, 228, 229, 231, 234, 237, 248, 278, 281, 286–289, 316, 323, 324, 422.
 Данько Н. Я. и Е. Я., сестры – 214, 279, 281, 286–289, 316, 323, 324.
 Данько-Олексенко Я. А. – 286.
 Дар Д. Я. (Рывкин-Дар) – 389.
 Дауэтите В. – 129.
 Даудель Л. Н. – 412.
 Даудель Н. И. – 413.
 Даудель О. Н. – 412, 413.
 Двинятина Т. М. – 285, 286, 313, 318.
 Двойченко П. А. – 313.
 Де-Безье Жак – 29.
 Дебюсси А.–К. – 223.
 Дедюлин С. – 185.
 Делл’Аста А. – 186.
 Дельвиг А. – 391, 449.
 Дельмас (Андреева) Л. А. – 159, 172, 173.
 Державин Г. Р. – 202, 209, 211.
 Дерингер А. А. – 404.
 Джойс Д. – 180–182, 184–186.
 Дикой А. Д. – 398.
 Димьяненко А. – 324.
 Дмитриев Ю. А. – 289, 391.
 Дмитриева Е. И. – 38, 148, 403.
 Дмитриева Р. П. – 138.
 Добин Е. С. – 380, 381, 406.
 Добронравов Л. – 230, 287.
 Добужинский М. В. – 42, 45, 86, 89.
 Дойл А. – 404.
 Долгополов Л. К. – 428.
 Долинин А. А. – 323.
 Долинин-Искоз А. С. – 405.
 Долматовский Е. А. – 406.
 Домогацкий Б. С. – 406.
 Домье О. – 248.
 Дони А. – 404.
 Дончин Ж. – 405.
 Дорошинская Е. М. – 405.
 Достоевский Ф. М. – 108, 117–119, 121, 133, 403, 419.
 Доулэнд Д. (Даулэнд) – 365, 390.
 Драйвер С. Н. – 407.
 Драницын С. Н. – 294, 307, 354.
 Дрон Д. – 286.
 Дружинин Ф. С. – 92, 391.
 Дружинина Н. Л. (урожд. Вульфийс) – 390, 391.
 Ду Фу – 407.
 Дубельт Л. В. – 392.
 Дубельт Л. М. – 392.
 Дувакин В. Д. – 351.
 Дудаков С. Ю. – 403.
 Дудин М. А. – 311.
 Дурьлин С. Н. – 108, 119.
 Дымшиц А. Л. – 406.
 Дымшиц С. И. – 44, 45.
 Дягилев С. П. – 408.
 Евгеньев-Максимов В. Е. – 406.
 Евдокимов А. – 284.
 Евдокия Илиопольская – 28.
 Евреинов Н. Н. – 383.

- Еврипид – 8.
 Евсеев В. А. – 296.
 Евсеева Е. В. – 296.
 Евсеева С. Г. – 404.
 Евстигнеева А. Л. – 382.
 Евтушенко Е. С. – 356, 404.
 Егорова Л. В. – 105.
 Ежов Н. И. – 243.
 Екатерина II, императрица – 304, 305,
 311, 314, 315, 320, 325, 326, 399, 421.
 Елагин В. Д. – 366, 392, 393.
 Елагина Е. В. – 393.
 Ерехович Н. П. – 446.
 Ермолаев Г. – 401.
 Ерофеев В. В. – 118.
 Ершов И. В. – 305, 315, 319, 320, 372,
 406.
 Ершов И. И. – 320.
 Ершова П. Т. – 372.
 Ершovy И. В. и С. В. – 320.
 Есенин С. А. – 21, 22, 426, 434, 439, 448, 449.
 Ефименко Т. П. – 38, 39, 403.
 Ефимова Е. Б. – 278, 308, 352, 445.
 Ефремов Г. – 209.
 Ефремова М. – 209.
 Ефрон А. Е. – 403.
 Ефрон И. А. – 420.
 Ефрон С. А. – 403.
 Жанэ И. А. – 238, 240
 Жданов А. А. – 84, 127, 325, 330, 337,
 349, 350, 351, 370, 374, 432.
 Железнов П. Ф. – 407.
 Жирмунский В. М. – 95, 174.
 Жолковский А. К. – 196, 284.
 Жорес Ж. – 228, 263, 285, 292, 293.
 Жуковский В. А. – 93, 178, 187, 189, 192–
 196, 218, 293, 330, 332, 339, 342.
 Журавлев В. А. – 404.
 Журавлева Т. Б. – 256, 257, 292, 293.
 Журавская С. А. – 329, 330, 334–336,
 339, 351.
 Заболоцкий Н. А. – 107, 356, 386, 389,
 390, 404.
 Завалишина Н. – 401.
 Зайко В. Г. – 336.
 Зайко Г. И. – 334.
 Зайко Н. Г. – 335.
 Зайцев ? – 218, 409.
 Зайцев А. Д. – 376.
 Залиева О. Л. – 283, 327, 352.
 Заманская Н. Н. – 258, 293.
 Замков – 281.
 Замятин Е. И. – 217, 224, 284, 305, 316–318,
 400–402.
 Замятина Л. Н. (урожд. Усова) – 305, 316,
 317.
 Замятины Е. И. и Л. Н. – 316, 318.
 Западovy А. В. и Г. Х. – 198, 209.
 Захаржевский Я. В. – 411.
 Захариева И. П. – 105.
 Захаров В. А. – 423.
 Званцева Е. Н. – 45.
 Зеелер В. – 395.
 Зеленая Е. (Рина) – 330, 344–346, 353.
 Зеленко Т. В. – 328, 350.
 Зелинская В. Е. – 423.
 Зелинский К. Л. – 259, 406, 445.
 Зенгер Т. Г. – 212.
 Зенкевич А. Н. – 101, 106.
 Зенкевич М. А. – 5, 87, 96–107, 407.
 Зенкевич С. Е. – 106.
 Зильберштейн И. С. – 253, 291.
 Змай Й. – 407.
 Змунчила М. А. – 16, 17.
 Знаменова В. В. – 286, 324.
 Зноско-Боровский Е. А. – 91.
 Зозуля Е. Б. – 379.
 Зоценко М. М. – 84, 87, 284, 316, 379, 390.
 Зыков Л. А. – 281, 313, 351.
 Ибсен Г. – 156,
 Иванов Вс. Вяч. – 334.
 Иванов Вяч. Вс. – 88, 118, 121, 151, 210,
 334, 351.
 Иванов Вяч. И. – 22, 27, 52, 71, 92, 94,
 97, 115, 380, 407, 441.
 Иванов Г. В. – 22, 376, 394.
 Иванова Е. В. – 319.
 Иванова И. Г. – 284, 288, 307, 314.

- Иванова Л. Н. – 379, 405.
 Иванова М. П. – 163.
 Иванова-Романова Н. М. – 404, 448.
 Иванов-Разумник Р. В. – 35, 87, 226, 285, 316, 322, 400.
 Иваск Ю. П. – 406.
 Ивашкевич Я. – 404.
 Ивинская А. С. – 5, 122.
 Ивич А. – см. Берштейн И. И.
 Ивнев Рюрик – см. Ковалев М. А.
 Игнаткова Зина – 391.
 Игнатова Н. И. – 403.
 Игорь Святославич, князь – 11.
 Игорь Северянин – см. Логарев И. В.
 Игошева Т. В. – 5, 86, 96.
 Измайлов А. А. – 404.
 Ильина Н. И. – 436, 446.
 Ильичев Л. Ф. – 361, 397.
 Ильф И. А. (Файнзильберг Иехиел-Лейб Арьевич) – 356.
 Инбер В. М. – 23, 35, 36, 70, 71, 87, 255, 310, 341, 400.
 Иоканаан (Иоанн Креститель) – 141, 143, 145.
 Ионисян – 368.
 Иоффе М. Л. – 318.
 Ипсиланти А. К. – 207.
 Ирина Македонская – 28.
 Йованович Мария Жозефина – см. Петрова-Водкина М. Ф.
 Йонекава М. – 404.
 Каверин В. А. – 318.
 Кадзи С. – 325.
 Казак В. – 402.
 Казаков М. М. – 388.
 Казакова Е. – 324.
 Казалис Анри – 133.
 Казанова Дж. – 405.
 Калиостро – 145, 405.
 Калугин О. Д. – 354.
 Каменская Е. Н. – 282.
 Каменский В. В. – 23.
 Каминская А. Г. – 45, 86, 89, 250, 251, 265, 268, 278, 291, 294, 296, 303, 305, 307, 308, 312, 314, 434, 439.
 Каннегисер Л. А. – 393, 394, 406.
 Каннегисер Р. Л. – 394.
 Каплан Я. М. – 220, 282.
 Каратеева Т. – 185.
 Карев А. Е. – 217, 247, 262.
 Карсавин Л. П. – 123.
 Карсавина Т. П. – 123, 124, 130.
 Картужанская А. И. – 267.
 Катаев В. П. – 406.
 Кац Б. А. – 139, 151, 323, 350, 351.
 Кацис Л. Ф. – 87.
 Качалов В. И. – 235, 406.
 Качанова-Лифшиц И. Н. – 406.
 Каширина-Иванова Т. В. – 334.
 Квазимодо С. – 360.
 Квливидзе М. Г. – 404.
 Квятковский А. П. – 406.
 Кемшис М. – 123, 129.
 Кеннеди Д. Ф. – 368.
 Кентала Антеру, де – 288.
 Кепов А. Г. – 407.
 Керенский А. Ф. – 216, 238.
 Кибиров Т. Ю. – 405.
 Ким Ю. – 387.
 Кипренский О. А. – 439, 448.
 Кирдецов Г. Л. – 88.
 Кириллов Г. К. – 231, 233.
 Киричук Е. В. – 185.
 Киров С. М. – 49.
 Китс Джон – 266, 294.
 Кихней Л. Г. – 5, 139, 153, 177, 212.
 Клара Газуль – см. Мериме П.
 Клевцова Л. Ю. – 212.
 Клемперер Отто – 222.
 Клычков С. А. – 22, 404.
 Клюев Н. А. – 23, 27, 204, 249, 250, 291, 448.
 Ключников Ю. В. – 88.
 Книпович Е. Ф. – 359.
 Кнорринг И. Н. – 404.
 Князев В. Г. – 132, 159, 160, 173, 175, 430, 431, 440, 441, 443, 449.
 Князева Н. Г. – 292, 317.
 Ковалев Г. Л. – 389.

- Ковалев М. А. – 23.
 Коваленко С. А. – 121, 139, 151, 288, 352, 441.
 Коваленков А. А. – 202, 211.
 Коган Д. З. – 151.
 Коган Нина – 232.
 Козин С. А. – 406.
 Козловская Г. Л. (урожд. Герус) – 331, 350, 351.
 Козловские А. Ф. и Г. Л. – 329, 331–333, 351.
 Козловский А. Ф. – 191, 193, 331–333, 350, 406.
 Козырев С. П. – 361, 405.
 Колесова Е. В. – 403.
 Колокольцевы – 281.
 Колчак А. В. – 402.
 Комаровский В. А. – 367.
 Кондрашев Г. Ф. – 405.
 Коненков С. Т. – 248.
 Коновалова Л. Ю. – 286, 316.
 Конрад Н. И. – 447.
 Коншина Е. Н. – 403.
 Копылова Л. – 284, 314, 442.
 Корали З. С. – 394.
 Коркина Е. Б. – 91, 352.
 Корнилов В. Н. – 199, 200.
 Корнуэлл Н. – 185.
 Корнфорд Ф. К. – 406.
 Коробова Э. Б. – 51, 86, 91, 279.
 Коровин К. А. – 247, 281.
 Королева Н. В. – 288, 445.
 Короленко В. Г. – 367, 387.
 Косарев А. В. – 372.
 Костелянец Б. О. – 404, 406.
 Костин К. И. – 372, 404.
 Котов Т. И. – 210.
 Коукер И. – 178.
 Крайнева Н. И. – 86, 105, 137–139, 151, 177, 185, 186, 210, 211, 265, 278, 289, 292, 294, 307, 312, 351–353, 442, 443, 445.
 Кралин М. М. – 32, 53, 94, 285, 289, 312, 317, 324, 349, 350, 353, 354, 420, 446, 448, 449.
 Крандиевская Н. В. – 23, 31–95, 217, 306, 319, 325.
 Крандиевский В. В. – 47.
 Крандиевский Ф. Ф. – см. Волькенштейн Ф. Ф.
 Креве-Мицкявичюс В. – 129.
 Крейн А. З. – 404.
 Кречетов С. (Касаткин С. А.) – 87.
 Кривич В. И. – см. Анненский В. И.
 Кривулин В. Б. – 130, 321.
 Криммер Ф. Э. – 285, 286, 325.
 Кросс А. Г. – 373.
 Кроун А. – 120.
 Кругликова Е. С. – 381, 404.
 Крученных А. Е. – 407.
 Кудрейко А. А. – 405.
 Кудрявцева В. Н. – 404.
 Кузин Б. С. – 292, 293, 342, 343, 352.
 Кузмин М. А. – 22, 27, 92, 212, 249, 283, 372, 443.
 Кузнецова В. Б. – 351.
 Кузнецова О. Ф. – 373.
 Кузнецова Т. – 350.
 Кузьмин А. В. – 404.
 Кузьмина-Караваева Е. Ю. – 22.
 Кузьмин-Караваев К. К. – 383.
 Кузьминский К. К. – 389.
 Куинджи А. И. – 322.
 Куликова Е. Ю. – 5, 93, 187.
 Кулинич А. – 400.
 Кураева А. К. – 279.
 Курникова Е. Л. – 279.
 Курносенков К. М. – 334, 351, 352.
 Курт А. В. – 210, 278, 351.
 Кустодиев Б. М. – 247.
 Кутасова О. Д. – 407.
 Кутузов М. И. – 227, 285, 292, 298, 303, 307, 310.
 Кутузов П. И. – 255.
 Кюхельбекер В. К. – 88.
 Лавренев Б. А. (Сергеев) – 238, 289, 322, 405.
 Лавриков Ю. А. – 397, 398.
 Лавров А. В. – 86, 106, 285, 322–324, 384, 400.

- Лаврова Т. В. – 285, 322, 400.
 Лаврова Т. Е. – 388.
 Лайоло Д. – 356.
 Лакснесс Х. К. – 358.
 Ландман М. Х. – 404.
 Лансере Е. Е. – 404, 405.
 Ланской П. П. – 378.
 Лапенков В. – 390.
 Лapidус А. Я. – 294.
 Латманов М. В. – 288.
 Лауэнбург Б. В. – 252, 291.
 Лафорг Ж. – 404.
 Лебедев (нотариус) – 290.
 Лебедев В. В. – 217, 228, 229, 247,
 281, 286, 291.
 Лебедев И. К. – 29, 30.
 Лебедева М. Н. – 403.
 Лебедева С. Д. – 248.
 Лёвберг М. Е. – 404.
 Левенсон А. А. – 91.
 Левин Г. М. – 404.
 Левин Ю. Д. – 404.
 Левина Ю. И. – 404.
 Левинг Ю. – 211.
 Леви-Строс К. – 143.
 Левитан О. М. – 407.
 Левитин Е. С. – 404.
 Левшенков В. В. – 286, 324.
 Лейкинд О. Л. – 383.
 Лекманов О. А. – 353, 379.
 Ленин В. И. (Ульянов) – 267, 275, 276,
 322, 424, 437, 439, 448.
 Леонтьев К. Н. – 108.
 Леопарди Дж. – 361.
 Лепарский С. Р. – 208.
 Лермонтов М. Ю. – 108, 112, 117–119,
 121, 144, 188, 193, 195, 196, 201,
 202, 251, 326, 362, 423.
 Лесков Н. С. – 387, 398.
 Лесман М. С. – 101, 105, 292, 317.
 Либединская Л. Б. – 404.
 Лившиц Б. К. – 403.
 Лидарцева Н. Я. – 406.
 Ликомед, царь – 393.
 Ликург – 207, 208.
 Лилиева Л. А. – 404.
 Лиль-Адан Вилье, де – 21.
 Линдеберг М. А. – 443.
 Линецкая Э. Л. – 404.
 Липкин С. И. – 120, 199, 200, 327.
 Липскеров К. А. – 22.
 Лиснянская И. Л. – 61, 87, 93.
 Литвин Е. Ю. – 317.
 Лифшиц В. А. – 406.
 Лихачев Д. С. – 423.
 Ли-Хунчанг – 404.
 Лодий З. П. – 245, 404.
 Лозинская Т. Б. – 403.
 Лозинские – 50.
 Лозинский Г. Л. – 288.
 Лозинский М. Л. – 27, 181, 206, 288,
 366, 380.
 Ломакин Н. – 336–339.
 Ломакина А. И. – 329, 330, 336, 337,
 339, 351.
 Ломакины – 336, 337.
 Ломан А. П. – 437, 448, 449.
 Лопатин-Барт Б. Г. – 394.
 Лопатин Г. А. – 393, 394.
 Лопатина-Барт Е. Б. – 394.
 Лоретти Р. – 406.
 Лосиевский И. Я. – 210.
 Лосская В. К. – 352.
 Лотарев И. В. – 22, 377.
 Лоуренс Д. – 180, 181, 184, 185.
 Лохвицкая М. А. – 381, 382.
 Лоцилов И. Е. – 380.
 Луговской В. А. – 236, 341.
 Лукницкий П. Н. – 19, 89, 104, 107, 218–
 228, 282–286, 295, 305, 306, 313, 315–
 318, 320, 321, 323, 326, 371, 377, 380,
 398, 409, 420, 448, 449.
 Лунин Н. Н. – 446.
 Лурье А. Д. – 221.
 Лурье А. С. – 92, 220, 296, 325, 372, 435,
 440, 446.
 Лурье В. И. – 71, 94.
 Лутохин Д. А. – 40.
 Луценко А. М. – 401.
 Луци М. – 361.

- Лущик С. – 94.
 Львова Н. Г. – 38.
 Любегин А. – 354.
 Любимова А. В. – 262, 294.
 Любимова М. Ю. – 307, 317, 318.
 Людовик XIV де Бурбон – 145.
 Ляховицкий А. Б. – 404.
 Мазур Н. – 319.
 Майерс Д. – 120.
 Майков А. Н. – 385, 404.
 Маковский С. К. – 91, 374, 375, 443.
 Макогоненко Г. П. – 312, 354.
 Максимов Д. Е. – 277, 297.
 Макфадьен Д. – 294.
 Малахов С. А. – 406.
 Малиа М. – 407.
 Малковати Ф. – 407.
 Малышевы – 372.
 Малышкин А. Г. – 406.
 Мальмстад Дж. – 284, 285, 322, 400, 443.
 Мамай – 12.
 Мамардашвили М. К. – 186.
 Мандельштам Н. Я. – 112, 120, 257, 259, 263, 292, 294, 322, 329, 330, 332–335, 337, 342, 343, 351–353, 362, 363, 399, 420.
 Мандельштам О. Э. – 21, 22, 27, 71, 87, 95, 96, 102, 110–112, 118–120, 123, 126, 127, 135, 138, 190, 193, 194, 196, 204, 216, 222, 227, 234, 237, 251, 277, 280, 289, 311, 318, 322, 324, 353, 376, 379, 380, 390, 400, 434.
 Мандельштамы Н. Я. и О. Э. – 289, 409.
 Мандрыкина Л. А. – 279, 311.
 Мануйлов В. А. – 310, 311.
 Манухина-Шенгели Н. Л. – 209.
 Мар С. Г. – 404.
 Маргулис Е. Ш. – 101.
 Мариенгоф А. Б. – 448.
 Мария Павловна – 275, 296.
 Маркевич А. В. – 335, 352.
 Марков В. Ф. – 373, 407.
 Марков К. К. – 404.
 Маркс К. – 341, 342.
 Мартынов А. Е. – 248, 291.
 Мартынов Л. Н. – 390.
 Мартыянова С. А. – 121.
 Марц Л. – 180, 186.
 Маршак С. Я. – 52, 326, 368, 398.
 Маршалл Г. – 404.
 Матвеев А. Т. – 248.
 Матузавичюс Е. – 127.
 Махров К. В. – 383.
 Маяковский В. В. – 22, 127, 154, 161, 299, 346, 356, 392, 434, 435, 446.
 Мегаев Г. Г. – 405.
 Медведев А. А. – 5, 108, 120.
 Медведева-Самойлова Г. И. – 209, 210, 377.
 Мейерхольд В. Э. – 115, 144, 284, 326, 383, 402, 442.
 Мейер-Чистякова О. Э. – 326.
 Мейлах М. Б. – 185, 212, 349, 354.
 Мендес-Франс П. – 368.
 Менелас А. А. – 311.
 Мережковский Д. С. – 116, 117, 121.
 Мериме П. – 141, 148.
 Меркурьева В. А. – 23.
 Местергон Э. – 387.
 Метерлинк М. – 141.
 Метро А. – 405.
 Мец А. Г. – 353, 379.
 Миклашевский К. М. – 383, 403, 405.
 Микоян А. И. – 396–398.
 Мильман Р. М. – 285.
 Миндлин Э. Л. – 405.
 Минкина Р. М. – 423.
 Минц З. Г. – 381.
 Мирошниченко Н. М. – 30.
 Мирская Н. П. – 210.
 Митрофановы – 372.
 Митурич П. В. – 407.
 Михайлова Г. П. – 5, 178.
 Михайлова Ю. – 389.
 Михозлс С. М. – 334, 399.
 Мишкинис М. – 127.
 Мкртчян Л. – 445.
 Мнухин Л. – 296.

- Мовшенсон А. Г. – 279, 282, 326.
 Модильяни Амадео – 53, 92, 124, 357, 362, 370, 371, 387, 429, 442.
 Модзалевский Л. Б. – 212.
 Мок-Бикер Э. – 442.
 Молдавский Д. С. – 446.
 Молок Ю. А. – 321.
 Молчанов А. – 314.
 Мольер Ж.–Б. – 141, 326.
 Монигетти И. – 413.
 Моница В. А. – 87.
 Моравская М. Л. – 19, 22, 36, 403.
 Морев Г. А. – 283, 354.
 Морозов А. А. – 407.
 Морозова О. Г. – 404.
 Москович В. А. – 403.
 Моцарт В. – А. – 141–143, 369.
 Мочалова О. – 382.
 Мочульский К. В. – 70, 71, 94, 404.
 Муравьев В. С. – 130, 136, 138, 321, 395.
 Муратов П. П. – 120.
 Мурашов А. А. – 322.
 Мурун Б. Ю. – 405.
 Мурузи А. Д. – 405.
 Мусагов В. В. – 13, 15, 19, 153, 159, 163, 169, 170, 172, 176, 177, 207, 212.
 Мухановы – 413.
 Мюррей Н. – 448.
 Надсон С. Я. – 376, 377.
 Назиров Р. Г. – 200, 210.
 Найман А. Г. – 92, 121, 126, 181, 219, 282, 295, 361, 363, 367, 368, 380, 381, 403.
 Накамура Ё. – 325.
 Наливайко Е. – 209.
 Наполеон I Бонапарт – 252, 406.
 Наппельбаум М. С. – 119, 223, 401.
 Нарбут В. И. – 101, 407.
 Наринская Р. Л. – 407.
 Наровчатов С. С. – 396.
 Наруми К. – 325.
 Неведомский В. К. – 406.
 Невзорова Н. Н. – 307.
 Неволин Б. – 414, 419.
 Невская Е. Н. – 291.
 Невский Н. А. – 291.
 Недгар-Виленский Ю. М. – 404.
 Недоброво Л. А. – 383.
 Недоброво Н. В. – 12, 124, 251, 274, 295, 296, 431, 433, 444.
 Незвал В. – 407.
 Незнамова А. Ю. – 139, 151.
 Нейгауз Г. Г. – 405.
 Нейман С. К. – 404.
 Нейман Ю. М. – 405.
 Некрасов К. Ф. – 86.
 Некрасов Н. А. – 10, 111, 367.
 Неменова Герта – 232.
 Немзер А. С. – 201, 203, 208–212.
 Немирович-Данченко В. И. – 119.
 Нерадовский П. И. – 286.
 Нерваль Ж., де – 133, 404.
 Нерис Саломея – 122, 129, 405.
 Нерлер П. – 294, 342, 343, 351–353.
 Нива Ж. – 185.
 Никитин Н. Н. – 315, 316.
 Никитин Н. С. – 412, 413.
 Никитина Е. Ф. – 404.
 Никитина З. А. – 90, 406.
 Никифоров Н. А. – 422.
 Ник-Нилюнас А. (Чипкус А.) – 124–127, 130.
 Николаева Соня – 253.
 Николаевский Б. Н. – 88, 372.
 Николай I Павлович Романов, император – 311.
 Николай II Александрович Романов, император – 405, 435.
 Никольский Ю. А. – 94.
 Никулин Л. В. – 405.
 Никулин Ю. В. – 423.
 Нилин А. П. – 371.
 Нобори Сёму – 407.
 Нолле Н. А. – 405.
 Нольде (Нойде) Ю. Е. – 371, 372.
 Носик Б. М. – 289.
 Ноэлл Г. – 391.
 Оболенская А. М. (в замуж. Дубельт) – 392.

- Оболенская О. А. – 407.
 Овсянников Ю. М. – 279, 286, 324.
 Овчаренко О. Т. (Бондаренко) – 407.
 Огинская Л. Ю. – 405.
 Одесский М. П. – 87, 407.
 Одоевский В. Ф. – 146.
 Одоевцева И. – 405.
 Оклянский Ю. М. – 315, 316, 318.
 Оксман Ю. Г. – 376, 447.
 Окуджава Б. Ш. – 187.
 Олоферн – 407.
 Ольшанская Е. М. – 19, 199, 209, 210,
 212, 340, 352.
 Ольшевская-Ардова Н. А. – 263, 294,
 330, 343, 344, 353, 400.
 Орлицкий Ю. Б. – 406.
 Орлов В. Н. – 405.
 Осетров Е. И. – 200, 211.
 Осокина Е. – 287.
 Осповат А. – 211.
 Островская С. К. – 89, 294, 307,
 346–350, 353, 354.
 Остроумова-Лебедева А. П. – 282, 316.
 Остроухов И. С. – 392.
 Отеро Сильва М. – 407.
 Оттен Н. Д. – 404.
 Офросимов Ю. В. – 404.
 Оцуп Н. А. – 318, 375, 377.
 Павленко П. А. – 405.
 Павлова (Палей) М. Э. – 405.
 Павлова А. П. – 140.
 Павлова К. К. – 405.
 Павлова М. М. – 323.
 Павлович Н. А. – 327, 404.
 Павловский А. И. – 88, 285, 423, 438, 448.
 Пазолини П. П. – 357.
 Пакшина Н. П. – 278, 307, 389.
 Панова В. Ф. – 389.
 Парни Э. – 405.
 Парнис А. Е. – 138, 322.
 Парнок С. Я. – 22, 38, 87.
 Пархомовский М. – 281, 297.
 Пастернак Б. Л. – 23, 52, 88, 95, 106, 118,
 120, 126–128, 153, 154, 190, 202, 252,
 291, 308, 356, 386, 434.
 Пастернак Е. Б. – 331, 406.
 Пастернаки Е. Б. и Е. В. – 291, 351.
 Паткуль М. А. (урожд. Де Траверсе) –
 411.
 Паустовский К. Г. – 356, 398, 443.
 Пахарева Т. А. – 5, 9, 93, 178, 185, 186,
 196.
 Паша, тетя (домработница) – 305.
 Пеги Шарль – 21.
 Пережогина Е. А. – 292, 293, 352, 353.
 Пересветова Т. А. – 312.
 Персиц Т. М. – 403.
 Перфильев А. М. – 404.
 Перхин В. В. – 316.
 Перцов В. О. – 211.
 Перцов П. П. – 115, 121.
 Песоцкий Э. В. – 433, 445.
 Пестель П. И. – 207, 208, 212.
 Петрова Ася – 442.
 Петрова В. Ф. – 282, 319.
 Петрова Г. В. – 5, 6, 20, 384, 421.
 Петрова-Водкина Е. К. (в замуж.
 Дунаева) – 321.
 Петрова-Водкина М. Ф. – 320.
 Петров-Водкин К. С. – 217, 232, 247, 306,
 315, 316, 320, 321, 400.
 Петровская Н. И. – 71, 74, 94.
 Петровский Ф. А. – 309.
 Петровых М. С. – 200, 202, 367.
 Пешкова Е. П. – 334.
 Пильд Л. – 211.
 Пильняк Б. А. (Воган Б. А.) – 43, 87, 318.
 Пиотровский Б. Б. – 379.
 Пифиева Ю. Г. (урожд. Гаршина) – 292.
 Плантнер Ф. В. – 271, 295.
 Платонов А. П. – 95, 393.
 Плен Е. И. – 319.
 Плещеев А. Н. – 240.
 Плоткин Л. А. – 404.
 По, Эдгар – 131, 133, 138.
 Поберезкина П. Е. – 5, 86, 197, 210, 212.
 Поварцов С. Н. – 289.
 Поддубный И. М. – 394.
 Подкопаева Ю. Н. – 281.
 Пожеянн Г. М. – 386.

- Позднякова Т. С. – 86, 279, 284, 285, 288, 294, 307, 309, 314, 317, 321, 324, 351, 354, 389, 442, 446.
- Познер В. С. – 405.
- Полетаев Е. И. – 405.
- Поливанов К. М. – 105, 210, 278, 351.
- Поливанова А. А. – 406.
- Полина Сергеевна – 254.
- Полонская Е. Г. – 279.
- Полонский В. В. – 407.
- Полонский Я. П. – 385.
- Поляков В. С. – 383.
- Полянин Андрей – см. Парнок С. Я.
- Поморский А. – 86, 139, 151.
- Поплавский Б. Ю. – 376.
- Попов А. Г. – 235.
- Попов Г. Н. – 315, 316, 321, 405.
- Попов Игорь – 442.
- Попов Л. А. – 403.
- Попова – 230.
- Попова Н. И. – 279, 284, 285, 288, 292, 294, 309, 314, 317, 321, 324, 423.
- Порцеллис Я. – 267.
- Посвянский П. Б. – 404.
- Потемкин-Таврический Г. А. – 399.
- Прасолова С. В. – 307.
- Прахова Е. А. – 17.
- Прахова Э. Л. – 17.
- Праховы – 17.
- Пресс Т. Н. – 404.
- Приблудин И. – 448.
- Прилежаева-Барская Б. М. – 322.
- Прокофьев С. С. – 122, 370, 404.
- Пруст М. – 181, 182, 184, 186.
- Пугачева К. В. – 408.
- Пунин Н. Н. – 45, 47, 154, 217, 219–222, 225–228, 234, 251, 260, 263, 281, 283, 285, 286, 288, 291, 313–315, 317, 325, 351, 409, 433, 434, 438, 448.
- Пунина И. Н. – 288, 294, 295, 303, 309, 312, 314, 347, 349, 351, 359, 362, 363, 367, 434, 436.
- Пунины – 264, 268, 277, 296, 298, 309, 312, 313, 347, 434, 436, 437.
- Пуриц Е. Ф. – 336, 339, 352.
- Путинас Миколайтис – 127.
- Пушкин А. С. – 22, 54, 64, 65, 79, 88, 92, 95, 108, 112, 117–119, 135, 141, 144, 153–156, 158, 159, 171–173, 189, 190, 201, 205–209, 212, 232, 233, 251, 271, 273, 277, 281, 288, 291, 294, 298, 301–305, 308, 310, 318–320, 366, 370, 378, 387, 388, 391, 392, 401, 405, 415, 420, 423, 433, 439, 445, 448.
- Пушкина Н. А. – 392.
- Пушкина-Ланская Н. Н. – 378.
- Пяст В. А. (Пестовский) – 407.
- Пятин С. Г. – 405.
- Рабинович А. Я. – 404.
- Рабинович Е. И. (Раич) – 404.
- Рабле Ф. – 151.
- Равель М. – 223.
- Рагозина С. И. – 406.
- Радаускас Генрикас – 123–125.
- Радецкий П. С. – 325.
- Радзишевская М. В. – 351.
- Радимов П. А. – 407.
- Радищев А. Н. – 346, 349, 354.
- Радлов Н. Э. – 217, 286, 305, 315, 316, 318, 319, 325.
- Радлов С. Э. – 318.
- Радлов Э. Л. – 318.
- Радлова А. Д. – 44, 89, 222, 283.
- Радлова Э. Я. (урожд. Зандер) – 318.
- Радлова Н. К. – 316, 318, 319.
- Радловы Н. К. и Н. К. – 316, 318, 319.
- Раев Н. П. – 376.
- Раевская-Хьюз О. П. – 88, 372.
- Разумов А. Я. – 238, 242–244, 278, 280, 283, 287, 289, 290, 295.
- Райт Вильбур – 103, 105.
- Райт Орвил – 103.
- Райхцаум А. Л. – 279.
- Раковский Л. – 401.
- Раневская Ф. Г. (Фельдман) – 257, 345, 380, 422, 426, 427, 441.
- Раскин Берта – 310.
- Распопов Г. Д. – 422.
- Распутин Г. Е. – 115, 119, 121.
- Ратгауз Г. И. – 88, 406.

- Рафалович С. Л. – 22, 404.
 Рахел – см. Блувштейн Р.
 Рахманов Ю. В. – 407.
 Редько А. М. – 404.
 Резников Б. – 314.
 Рейн Е. Б. – 188, 368.
 Рембо А. – 133, 134, 205.
 Ремизов А. М. – 137, 138, 289, 405.
 Ренуар П. О. – 248.
 Репин Т. – 290.
 Рецепттер В. Э. – 137, 151.
 Ривин А. И. – 205.
 Рильке Р.-М. – 125.
 Рипеллино А. М. – 357.
 Риттенберг С. А. – 407.
 Риуф Мари-Мадлен – 420.
 Ричард II Бордосский – 88.
 Риччо К. – 357, 363.
 Рогов В. В. – 405.
 Рождественский В. А. – 226.
 Розанов В. В. – 5, 108–121, 404.
 Розанова В. В. (в замуж. Гордина) – 108, 119.
 Розанова Н. В. – см. Верещагина Н. В.
 Розанова Т. В. – 108, 110.
 Рокотов Ф. С. – 231, 248.
 Романова Н. М. – 438.
 Ромм Г. М. – 231.
 Ромм Д. М. – 231, 232, 243, 280.
 Ромм М. Д. – 214, 231, 243, 280, 290.
 Ронен О. – 184, 186, 380.
 Роскина Н. – 288, 291.
 Рубенс П. П. – 233, 404, 407.
 Рубинчик О. Е. – 5, 31, 89–92, 94, 196, 213, 279, 290, 292, 294, 298, 308, 321, 328, 350, 394, 401, 446.
 Рубинштейн И. Л. – 404.
 Рубинштейн Н. Г. – 117.
 Рубинштейн Р. А. – 367.
 Рудаков С. Б. – 379.
 Рудакова-Шушенская Л. – 423.
 Рудич В. И. – 36.
 Руманов А. В. – 405.
 Румянцев А. М. – 427, 441.
 Русакова А. А. – 286.
 Рыбаков И. И. – 213, 215–219, 231, 232, 234, 235, 238, 250, 252, 267, 278–283, 287, 289–292, 314, 319, 324, 325.
 Рыбаков Исаяя И. – 216, 287.
 Рыбакова Ж. Б. – 218, 221, 222, 231, 245, 267, 272, 273, 275, 276, 278–280, 286, 292, 295, 296, 307, 319, 324, 328, 347, 350.
 Рыбакова Л. Я. (в девич. Гальперн) – 214, 219, 220, 222–225, 229, 234, 245–247, 250, 251, 261, 263, 265–267, 291, 293, 295, 303, 305–307, 324.
 Рыбакова О. И. – 5, 213–216, 221, 223, 229, 231, 240, 242–244, 247, 255, 256, 260, 262, 266, 268, 270–279, 281, 282, 284, 286–298, 307, 309–312, 314, 315, 326–328, 347, 350, 401, 446.
 Рыбаковы – 5, 213, 218, 219, 222, 224–227, 229, 231–235, 244–246, 248, 251, 252, 256–263, 265, 268, 271, 274–276, 279, 281, 289, 291–295, 299, 303, 305, 307, 310, 312–316, 319, 321, 32, 326, 328, 333, 46, 350, 421, 422, 435, 439.
 Рывина Е. И. – 405.
 Рыков А. И. – 399.
 Рыков В. И. – 285, 286.
 Рыкова Н. В. (в замуж. Гуковская) – 285.
 Рыкова Н. Я. – 405.
 Рыковы – 285.
 Рыленков Н. И. – 210, 442.
 Саакянц К. – 445.
 Саба У. – 360.
 Саббатини М. – 5, 355.
 Савинков Б. В. – 20, 21, 23.
 Садецкий А. А. – 404.
 Сажин В. Н. – 282, 319, 324.
 Сазонов П. П. – 383.
 Салтыкова Т. С. – 245.
 Салтыков-Щедрин М. Е. – 302, 423.
 Самарин Р. М. – 405.

- Самойлов Д. С. – 5, 197–212, 376.
 Санников Г. А. – 400.
 Санников Д. Г. – 400.
 Сапаров М. А. – 404.
 Сапунов Н. Н. – 247.
 Сартр Ж.-П. – 405.
 Сарьян М. С. – 406.
 Сауленко Л. Л. – 210.
 Саутов И. П. – 423.
 Сафо – 381.
 Сахар – см. Лидарцева Н. Я.
 Саянов В. М. – 407.
 Свердлов Я. М. – 269.
 Сверчкова А. С. – 371.
 Светлов М. А. – 210.
 Светослав Всеволодович, князь – 11.
 Свешникова А. Н. – 281.
 Северюхин Д. Я. – 383.
 Сегал Д. М. – 380, 407.
 Сегал-Рудник Н. М. – 407.
 Седакова О. А. – 183, 186, 188.
 Седых А. – 381.
 Сезанн Поль – 219.
 Сеземан Д. В. – 200, 407.
 Селиверстов И. В. – 404, 406.
 Сельвинский И. Л. – 400.
 Семенов Г. В. – 311.
 Семенов, домовладелец – 412.
 Семпер И. – 442.
 Сергеев А. – 185.
 Сергеев Г. А. – 407.
 Сергеев М. А. – 315, 316.
 Сергеев, купец – 392, 409–411.
 Серебрякова З. Е. – 217, 228, 229, 247, 282, 286.
 Серов В. А. – 247.
 Сечкарев В. М. – 374–376.
 Сидоров М. В. – 392.
 Силади Ж. – 185.
 Сильвин М. А. – 267, 284, 294.
 Сильман Т. И. – 260.
 Симаков Г. – 210.
 Симонов К. М. – 356, 363.
 Синявский А. Д. (Абрам Терц) – 118.
 Скаков А. Ю. – 322.
 Скидальская Е. – 297.
 Скирмунт С. А. – 47.
 Скороденко В. А. – 394.
 Скраган Т. В. – 307, 310.
 Скукалек Р. – 404.
 Слетов П. В. – 405.
 Словеснов Н. А. – 405.
 Слонимская Ю. Л. – 383.
 Слонимский М. Л. – 87, 288, 407.
 Слуцкий Б. А. – 200, 356, 405.
 Смеляков Я. В. – 210, 386.
 Смирнов И. В. – 423.
 Смирнов И. П. – 19.
 Смирнов Л. Н. – 397.
 Смирнова Н. – 286, 291.
 Смирновы – 264, 312.
 Смолякова Г. Н. – 210.
 Снегов, генерал – 399.
 Соболев А. Л. – 107, 288, 289, 322, 381.
 Соколов М. К. – 119.
 Соколов-Микитов И. С. – 315.
 Сократ – 389.
 Солженицын А. И. – 357, 389.
 Соловьев В. С. – 22, 121, 451.
 Соловьев Г. П. – 412.
 Соловьев С. М. – 23, 377.
 Соловьев С. Ф. – 405.
 Соловьева В. М. – 411.
 Соловьева П. С. – 93.
 Сологуб Ф. К. – 22, 35, 42, 52, 102, 122, 226, 316, 323, 326, 400.
 Соломина М. Г. – 378.
 Соломон – 114, 195.
 Солсбери Г. – 406.
 Сомов К. А. – 131, 217, 218, 247, 281, 282.
 Сомова С. А. – 334, 351.
 Сорин С. А. – 405.
 Сотникова Вера (в за муж. Радаускене) – 123.
 Софинский В. Н. – 405.
 Софокл – 147, 148.
 Спасские – 316.
 Спасский С. Д. – 401.

- Спивак М. Л. – 407.
 Срезневская В. С. (урожден.
 Тюльпанова) – 204, 371, 375, 417,
 441.
 Срезневский И. И. – 30.
 Сруога Балис – 122, 123, 129.
 Сталин (Джугашвили) И. В. – 267, 283,
 287, 289, 324, 378, 379, 387, 433,
 436, 446, 448.
 Старокадомский К. Г. – 405.
 Старостин А. П. – 406.
 Стебелева А. В. – 210.
 Стеллецкая К. К. – 404.
 Степанов Е. Е. – 442.
 Степанов Н. Л. – 406.
 Степнов С. – 185, 186.
 Стогова И. Э. – 9, 15.
 Столярова Н. И. – 388.
 Стоюнина М. Н. – 119.
 Стравинский И. Ф. – 131, 132, 144, 223,
 370.
 Страда В. – 357.
 Страхов Н. Н. – 117.
 Стрельников Н. М. – 316, 372.
 Стриндберг А. Ю. – 134.
 Струве В. В. – 378.
 Струве Г. П. – 19, 124, 130, 282, 353, 374,
 383, 407.
 Струве Н. А. – 19, 186, 353.
 Стюарт Мария – 372.
 Суворова К. Н. – 106, 185, 209, 294, 308,
 352, 362, 402, 444.
 Судейкин С. Ю. – 91, 151, 247, 287, 290,
 405.
 Суламифь – 114.
 Суперфин Г. Г. – 97, 185, 366.
 Сурков А. А. – 209, 355–360, 362, 363,
 368, 397, 398.
 Суслов М. – 361.
 Сулова И. – 324.
 Сухомлинова А. П. – 338, 352.
 Сыркина Ф. Я. – 232, 282, 287, 326.
 Т. Ц. – см. Цемах Т. Д.
 Тальников Д. Л. – 403.
 Тамонцева Ю. В. – 294, 443.
 Танеева Т. И. – 319, 407.
 Танненберг Е. Д. – 108.
 Тарагута Е. – 392.
 Тарковский А. А. – 100, 199, 200, 210, 308,
 445.
 Тархова Н. С. – 379.
 Твардовская М. И. – 363.
 Твардовский А. Т. – 356–360, 363, 386, 397.
 Тейдер В. Ф. – 351.
 Темненко Г. М. – 178, 185, 320, 326.
 Тендряков В. Ф. – 387.
 Терехова Л. М. – 366, 392.
 Тертуллиан – 186.
 Тигранов Г. – 320.
 Тиме М. Г. – 422.
 Тиме-Качалова Е. И. – 404.
 Тименчик Р. Д. – 5, 8, 10, 18, 19, 34, 40,
 44, 86–89, 91, 92, 94, 96, 97, 100, 105,
 106, 107, 119, 129, 138, 139, 151, 185,
 186, 196, 202, 210–212, 278, 283, 288,
 296, 307, 316–319, 322–324, 326, 346,
 348, 350, 351, 353, 354, 363, 364, 366,
 368, 370, 372, 373, 381, 383, 390, 392,
 394, 402–404, 428, 431, 443, 444–446,
 448.
 Тимофеева Н. М. – 423.
 Тимофеевский А. П. – 54, 92, 404.
 Тиняков А. И. – 408.
 Тихонов А. Н. (Серебров) А. Н. – 345.
 Тихонов Н. С. – 187.
 Тищенко Б. И. – 407.
 Тобилевич В. П. – 254, 292.
 Тодес Е. А. – 379.
 Толстая Е. Д. – 44, 70, 86, 89, 90, 92, 94,
 315, 319, 324, 325, 380.
 Толстая С. А. (в замужестве Есенина) –
 89, 237, 289.
 Толстая Т. Н. – 44, 89, 91.
 Толстиков В. С. – 397.
 Толстой А. Н. – 39, 45, 48, 49, 88–91,
 190, 217, 305, 315, 316, 318–321, 323,
 334, 403.
 Толстой Д. А. – 83, 84, 86, 89, 95.

- Толстой И. Н. – 46, 86, 89, 91.
 Толстой Л. Н. 117, 118, 120, 121.
 Толстой Н. А. – 45, 83.
 Толстые А. Н. и Н. В. – 315, 316, 319, 325.
 Томашевская–Медведева И. Н. – 259, 265.
 Томашевская З. Б. – 293, 314, 315, 445.
 Томашевский Б. В. – 233, 401, 402, 433, 445.
 Томашевский Н. Б. – 402.
 Томек В. – 404.
 Топорнин А. Н. – 406.
 Топоров В. Н. – 151, 165, 172, 174, 185, 202, 211, 212.
 Траверсе А. И., де – 411, 420.
 Траверсе Жан-Франсуа, де – 411, 420.
 Траверсе М. К., де – 411.
 Трауман – 255.
 Тренева Н. – 388.
 Трещачко А. Н. – 207, 212.
 Трифонова Т. К. – 407.
 Троицкий Л. Д. – 405.
 Трубецкой А. В. – 378.
 Тулаускайте Гражина – 122, 129.
 Тулуз-Лотрек А. – 248.
 Тумаркин В. И. – 209–211.
 Тумповская М. М. – 22.
 Тур Н. И. – 404.
 Турганов Б. А. – 404.
 Тургенев И. С. – 120, 288, 322.
 Турчинский – 346.
 Тынянов Ю. Н. – 402.
 Тырса Н. А. – 124, 130, 404.
 Тышлер А. Г. – 232, 245, 247, 273, 287, 341, 346.
 Тэффи Н. А. – 115, 121, 344, 381.
 Тютчев Ф. И. – 38, 384, 385.
 Тюханова Л. А. – 407.
 Уайльд О. – 141, 143.
 Ульман М. – 387.
 Умников С. Д. – 6, 421–441, 447, 448.
 Унбегаун Б. – 407.
 Унгаретти Дж. – 355, 358.
 Урицкий М. С. – 107, 281, 393.
 Усач Л. – 400.
 Устинова В. А. – 413.
 Утгоф Г. – 212.
 Утесов Л. – 284.
 Фадеев А. А. – 102.
 Фарафонтъев Б. В. – 250, 291.
 Фарджен А. – 282.
 Федин К. А. – 87, 91, 229, 234, 271, 272, 286, 288, 305, 315, 316, 318, 320, 356, 358, 360, 400, 402.
 Федоров А. В. – 375.
 Федоров Федор – 411.
 Фелипе Л. – 405.
 Фергюсон Теппер, де – 319.
 Фет А. А. – 92, 94, 385.
 Фетисова Е. Э. – 206, 211, 212.
 Фигурнова О. С. – 351.
 Филатова О. Д. – 137, 139, 151, 294, 443.
 Филипп Ж. – 370.
 Филиппов Б. (Филистинский Б. А.) – 19, 124, 130, 353, 407.
 Филиппова М. (Машенька) – 50.
 Финкельштейн В. И. – 200.
 Фиш Г. С. – 405.
 Фишелев М. Д. – 293.
 Фишелева Л. М. – 278, 293.
 Фишелевы – 293.
 Флейшман Л. С. – 88, 119, 211, 284, 317, 318, 350, 372, 374, 407.
 Фокин М. М. – 144.
 Фомин П. Е. – 322.
 Фоогд-Стоянова Т. Ф. – 404.
 Фор П. – 406.
 Форд Д. – 405.
 Форест Петси, де – 283.
 Форш О. Д. (урожд. Комарова) – 91, 306, 315, 316, 318, 319, 321, 326, 327, 405.
 Фрезинский Б. Я. – 388.
 Фрейдин Ю. Л. – 351, 380.
 Фридлиндер Г. М. – 186.
 Фрост Р. – 389.
 Хавкина Ж. О. – 210, 278, 308, 352, 389, 445.
 Хазан В. И. – 29, 211, 374, 407.
 Хазин В. Я. – 342.

- Хазин Е. Я. – 342.
 Хай Логта – 312.
 Хамао А. – 325.
 Хан А. – 428.
 Харджиев Н. И. – 259, 265, 288, 293, 445.
 Харин И. Н. – 405.
 Хармс Д. И. (Ювачев) – 292.
 Хватов А. И. – 212.
 Хейт А. – 91, 196, 413.
 Хемингуэй Э. – 407.
 Хинкис В. – 186.
 Хлебников Велимир (Хлебников В. В.) – 356.
 Хлодовский Р. И. – 88.
 Хлопонина С. Я. – 254, 260, 292.
 Хмара-Барщевская Н. В. (Барщевская) – см. Анненская Н. В.
 Хмара-Барщевская О. П. – 375.
 Хмельницкая Т. Ю. – 349.
 Ходасевич В. М. – 319.
 Ходасевич В. Ф. – 21, 22, 27, 52, 71, 93, 383, 390.
 Холодковский Н. А. – 88, 141, 151.
 Хомяков А. С. – 32–34, 87.
 Хоружий С. С. – 186.
 Хренков Д. Т. – 288, 388, 389.
 Хрущев Н. С. – 358–362.
 Хургинас Алексис – 122, 129.
 Хьюз Р. – 88, 372.
 Царевич И. С. – 352.
 Цветаева А. И. – 391.
 Цветаева М. И. – 21, 22, 38, 43, 52, 61, 82, 87, 88, 95, 190, 204, 277, 296, 356, 382, 390, 391, 395, 434.
 Цветковская Е. К. – 395.
 Цейдлиц Й. Х. (Ян Таировский) – 193.
 Целков О. Н. – 405.
 Цемах Т. Д. – 94.
 Цетлин М. О. – 20–22, 23, 29, 30, 208, 212.
 Цетлина М. С. – 20, 22, 24, 26, 27.
 Цетлины – 20, 21, 23, 24.
 Цивьян Т. В. – 178, 185, 212, 404, 428.
 Цивьян Ю. – 211.
 Циммерманг М. М. – 220.
 Цирель-Спринцсон С. Д. – 405.
 Цюй Юань – 404.
 Цявловский М. А. – 212.
 Чабан А. – 444.
 Чагин П. И. – 90, 404.
 Чайковская О. Г. – 396, 397.
 Чайковский Н. В. – 40.
 Чайковский П. И. – 144, 268, 309.
 Чаплин Ч. – 406.
 Чапский Ю. – 190, 193, 194, 196, 332.
 Чацкина С. И. – 393.
 Чеботаревская А. Н. – 35, 87, 406.
 Чемберлен Р. – 290.
 Чен Дж. – 405.
 Червяков А. И. – 374.
 Чернов А. Ю. – 45, 52, 77, 78, 86, 89, 91, 93–95.
 Черный Саша (Гликберг А. М.) – 91.
 Черных В. А. – 30, 58, 88, 93, 106, 163, 165, 169, 172, 177, 209–211, 278, 279, 282, 284, 285, 291, 293–296, 308, 311, 313, 317, 350–354, 362, 363, 402, 441.
 Черняк Я. З. – 407.
 Чехов А. П. – 54, 56, 92, 356.
 Чехов М. П. – 320, 398–400.
 Чижевский Д. И. – 405.
 Чиннов И. В. – 373, 376.
 Чистяков П. П. – 326.
 Чудакова В. В. – 405.
 Чудакова М. О. – 406.
 Чудова Н. Г. – 351.
 Чудова-Дельсон Л. Г. – 351.
 Чудовской В. А. – 42.
 Чуковская Е. Ц. – 210, 278, 308, 318, 351, 389, 445.
 Чуковская Л. К. – 46, 89, 105, 106, 108–110, 119, 120, 126, 181, 185, 197–199, 207, 209–212, 252, 257, 278, 291, 292, 295, 296, 308, 309, 323, 334, 337–342, 345, 352, 353, 363, 371, 380, 389, 396–398, 417, 419, 420, 437, 446, 447.
 Чуковский Корней (Корнейчуков Н. В.) – 39, 41–43, 88, 218, 275, 282, 296,

- 308, 318, 319, 326, 338, 397, 398, 406.
 Чулков Г. И. – 403, 406.
 Чулкова Н. Г. – 46, 108.
 Чурилин Т. В. – 23.
 Шагал М. З. – 247, 290, 416.
 Шагинян М. С. – 22, 38, 108, 109, 119, 320, 407.
 Шадрин А. М. – 405.
 Шайтанов И. – 210.
 Шаляпин Ф. И. – 140, 399.
 Шамурин Е. И. – 405.
 Шанский Н. М. – 30.
 Шапир Н. Л. – 22.
 Шапиро Б. – 292.
 Шапорин Ю. А. – 315, 316, 324, 325.
 Шапорина Л. В. (урожд. Яковлева) – 50, 51, 86, 90, 91, 95, 263, 282, 286, 287, 294, 306, 319, 322–325.
 Шапорины – 306, 315, 324, 325.
 Шатерников Н. И. – 308.
 Шахнович Э. Г. – 385.
 Шварсалон В. К. – 406.
 Шварц Е. А. – 188.
 Шварц Е. Л. – 315, 316.
 Шведе-Радлова Н. К. (урожд. Плансон) – см. Радлова Н. К.
 Швецова Л. К. – 400.
 Шейн А. – 401.
 Шейн Р. Г. – 300, 308, 309.
 Шекспир У. – 88, 148, 151.
 Шелли Дж. – 404.
 Шенгели Г. А. – 87, 283, 403, 406.
 Шервинские – 234, 391.
 Шереметев Д. Н. – 161, 263, 285, 298, 313, 434, 438, 438, 448.
 Шерер Ф. К. – 133.
 Шилбайорис Р. – 125, 126.
 Шилейко А. В. – 286.
 Шилейко В. К. – 22, 217, 219, 220, 226, 227, 285, 433, 434, 445.
 Шилейко Т. И. – 285.
 Шилов К. В. – 321.
 Ширяевец А. В. (Абрамов) – 93.
 Шифрин Я. (Жак) – 281.
 Шишков В. Я. – 91, 226, 305, 315, 316, 319–321, 400–402.
 Шкапская М. М. – 20.
 Шкловский В. Б. – 379, 380, 407.
 Шлецер – 91.
 Шолохов М. А. – 356, 358.
 Шопен Ф. – 174, 175.
 Шостакович Д. Д. – 370.
 Шошин В. А. – 315, 405.
 Шретер М. В. – 36.
 Штаммлер Х. – 405.
 Штейгер А. С. – 376, 404.
 Штейн Н. В., фон – 374.
 Штейн С. В., фон – 16, 56, 92, 163.
 Штемпель Н. – 362.
 Штраус Р. – 141, 143.
 Шубин В. В. – 397, 398.
 Шульц С. С. – 319, 322.
 Шумаков Ю. Д. – 404.
 Шуман Р. – 144.
 Шумовский Т. А. – 446.
 Шумский В. С. – 38, 39, 87.
 Шуплецов Б. В. – 404.
 Шухаев В. И. – 281.
 Шухаева В. Ф. (урожд. Гвоздева) – 218, 281.
 Шухардина Е. И. – 414–419.
 Щеглов А. – 380.
 Щеглов Д. А. – 441.
 Щеглов Ю. К. – 195, 196.
 Щеголев П. Е. – 315, 316.
 Щеголева В. А. – 319, 325.
 Щеголева И. В. – 245, 246.
 Щеголевы П. Е. и В. А. – 316, 317.
 Щуко В. А. – 322.
 Эвин Э. Э. – 404.
 Эинауди (Дж.) – 362.
 Эйфель Ж. – 405.
 Эйхенбаум Б. М. – 196, 377, 401.
 Эккерман Иоганн Петр – 96, 313.
 Экстер А. А. – 17.
 Элиот Т. С. – 178–186.
 Элсворт Д. – 373.
 Элькан А. Л. – 281.
 Эльснер В. Ю. – 405.

- Энценсбергер Г. М. – 405.
 Эредиа Ж. – 405.
 Эренбург И. Г. – 20–22, 24, 29, 30, 91, 356, 388.
 Эрик Л. Н. – 405.
 Эрисман Ф. Ф. – 254, 292.
 Эсхил – 147.
 Эткинд Е. Г. – 89, 185, 323, 403, 404.
 Эфрон Г. С. – 339, 352.
 Эфрон С. – 441.
 Эфрос А. М. – 380, 407.
 Юдина М. В. – 265, 325, 407.
 Юлия (работница) – 90.
 Юлия Ивановна? – 83.
 Юнгер В. А. – 383, 405.
 Юнгер Е. В. – 406.
 Юпп М. (Таранов) – 390.
 Юркун Ю. И. – 222, 283, 405.
 Юткевич С. И. – 404, 405, 435, 446.
 Яварони Д. – 356.
 Ягода Г. Г. – 398, 399, 407.
 Якобсон А. А. – 92.
 Якобсон Е. И. – 404.
 Яков I Стюарт – 390.
 Якович Елена – 351.
 Яковлев Е. Я. – 416.
 Яковлева Е. П. – 282.
 Яковлева Т. А. – 405, 406.
 Якубович Д. П. – 405.
 Яремич С. П. – 247.
 Яролинский А. Ц. – 224.
 Ярмуш М. Ю. – 405.
 Яровая В. – см. Кудрявцева В. Н.
 Ярослав (Владимирович) Мудрый, князь – 9
 Ярославна Ефросинья, княжна – 10.
 Ясинский И. И. – 404.
 Яхонтов В. Н. – 404.
 Яшвили П. – 405.
 Яшен К. Н. – 405.
 Angioletti G. B. – см. Анджолетти Д. Б.
 Ballardini E. – 362.
 Vanevičius M. – Банявичюс М.
 Bethea D. – 407.
 Blekaitis J. – 130.
 Campagna A. – 362.
 Capri G. – 350.
 Churginas A. – см. Хургинас А.
 Coker East – см. Коукер И.
 Coleridge – 185.
 Colombo D. – 362.
 Cornwell E. F. – 185.
 Cornwell N. – 185.
 Crone A. – см. Кроун А.
 Daujotytė V. – см. Дауетите В..
 Eliot T. S. – см. Элиот Т. С.
 Favre Robert – 138.
 Fleishman L. – см. Флейшман Л. С.
 Garzonio Stefano – 350, 394, 406.
 Gaučys P. – см. Гаучис Павелас.
 Geda S. – 129.
 Goethe J. W. – см. Гете И. В.
 Grauslys A. – см. Грауслилс А.
 James H. – 186.
 Jehan Gerson – 138.
 Joyce J. – см. Джойс Д.
 Khazan V. – см. Хазан В.
 Kurasova A. – 186.
 Lawrence D. H. – см. Лоуренс Д.
 Martz L. L. – см. Марц Л.
 Masionienė B. – 130.
 Mockūnas L. – 130.
 Nyka-Niliūnas A. – см. Ник-Нилюнас А.
 Obuchova O. – 362.
 Polivanov K. – см. Поливанов К. М.
 Poljakov F. – 212, 373, 406.
 Proust M. – см. Пруст М.
 Radauskas H. – см. Радаускас Н.
 Riccio C. – см. Риччо К.
 Rosenfeld H. – 138.
 Serman I. – 212.
 Setchkarev V. – см. Сечкарев В.
 Šilbajoris R. – 131.
 Sruoga V. – см. Сруога В.
 Stevanovic B. – 390.
 Sulpasso B. – 350.
 Sumerkin A. – 390.
 Ungaretti G. – см. Унгаретти Д.

Venclova T. – см. Венцлова Т.

Viereck Peter – 150–152.

Vigorelli G. – см. Вигорелли Дж.

Vinitsky I. – 407.

Vroon R. – 443.

Wachtel M. – 407.

Wertsman V. – 390.

Woolf V. – 186.

Yeats R. – 186.

Научное издание

**Русские поэты XX века:
материалы и исследования**

**АННА АХМАТОВА
(1889–1966)**

В оформлении обложки использован силуэт А. А. Ахматовой
работы Е. Белухи

Научная редакция: Г. В. Петрова
Выпускающий редактор И. Григорович
Редактор С. Феоктистова
Корректоры: В. Евстигнеева
Е. Стручкова
Верстка и оригинал-макет Н. Седова
Обложка И. Плигин

Печатается по решению Ученого Совета ИРЛИ РАН
от 04.06.2021 (Протокол № 4)

Издательский центр «Азбуковник»
110019, Москва, Гоголевский бульвар, д. 8, стр. 2

Наши книги в интернете:
www.slovari.ru, www.esterum.com
8 (495) 691-26-17

Сдано в набор 18.11.21. Подписано в печать 07.12.21.
Формат 60×90/16
Печать офсетная. Усл. печ. л. 29,5. Тираж 800 экз.
Заказ № 2166

ISBN 978-5-91172-216-6

9 785 911 722 166